

РУССКАЯ ГРАММАТИКА В ДИАЛОГЕ НАУЧНЫХ ШКОЛ, НАПРАВЛЕНИЙ, МЕТОДОВ

Сборник научных статей

Владивосток
2022

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Дальневосточный федеральный университет
Восточный институт – Школа региональных и международных исследований

РУССКАЯ ГРАММАТИКА В ДИАЛОГЕ НАУЧНЫХ ШКОЛ, НАПРАВЛЕНИЙ, МЕТОДОВ

Сборник научных статей

Владивосток
**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДФУ**
2022

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2022
ISBN 978-5-7444-5403-6

УДК 811.161.1`36(06)
ББК 81.411.2-2я431

Ответственные редакторы:

Е. С. Шереметьева, доктор филологических наук;
Е. А. Стародумова, доктор филологических наук;
А. А. Анисова, кандидат филологических наук.

Рецензенты:

Л. И. Горбунова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета;
Е. Н. Виноградова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов : сборник научных статей / отв. ред.: Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова. – Владивосток : Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. – [414 с.]. – ISBN 978-5-7444-5403-6. – Дата публикации: 13.12.2022. – Текст. Изображение : электронные.

Тематика статей охватывает актуальные проблемы изучения и описания грамматики русского языка, а также вопросы его преподавания как иностранного. Грамматические явления рассмотрены в плане динамики их развития, в статьях нашли отражение активные процессы, протекающие в области словообразования, морфологии и синтаксиса в письменной и устной речи. В основу статей, вошедших в сборник, положены доклады, прочитанные на Международном научном симпозиуме «Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений и методов» (Владивосток, 10–14 октября 2022).

Сборник будет интересен всем филологам – лингвистам-исследователям, преподавателям русского языка, аспирантам, студентам.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:
Веб-браузер Internet Explorer версии 6.0 или выше,
Opera версии 7.0 или выше, Google Chrome версии 3.0 или выше.

Компьютер с доступом к сети Интернет.
Минимальные требования к конфигурации и операционной системе компьютера определяются требованиями перечисленных выше программных продуктов.

Размещено на сайте 13.12.2022 г.
Объем 5,30 Мб

Дальневосточный федеральный университет
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

E-mail: prudkoglyad.sa@dvfu.ru
Тел.: 8 (423) 226-54-43

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОПИСАТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	7
<i>Батулина А. В.</i> НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ УНИВЕРБОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА).....	7
<i>Вепрева И. Т.</i> «БРО, ЗАЦЕНИ: Я СЕГОДНЯ ТАЧКУ ПРИКУПИЛ»: О ПРОЯВЛЕНИИ АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЧЕРТ В СЕМАНТИКЕ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ.....	14
<i>Геккина Е. Н.</i> НЕОЛОГИЗМЫ КАК ИНДИКАТОРЫ ЭНЕРГИИ РУССКОГО СЛОВОПРОИЗВОДСТВА	20
<i>Дегальцева А. В.</i> ДЕАДВЕРБИАЛИЗАЦИЯ КАК НАРУШЕНИЕ НОРМЫ И ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПРИЁМ	27
<i>Исаченко О. М.</i> АНАЛИТИЗМ ИМЕННЫХ КОМПОЗИТОВ (НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНОСОЕДИНЕННЫХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ)	31
<i>Клименко Г. В.</i> УНИВЕРБАЦИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	39
<i>Кувшинская Ю. М.</i> ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИЧИНЫ И УСТУПКИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИИ ..	43
<i>Лазуткина Е. М.</i> МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА ПЕРИФЕРИИ ПОЛЯ АКТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ.....	50
<i>Матханова И. П.</i> РОД НОВЫХ НЕСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НАЗЫВАЮЩИХ ЛИЦ: ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ	56
<i>У Нань.</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФОРМ-ИДИОМ В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ.....	61
<i>Федорова Л. Л.</i> «ПРЕДВОЕННЫЙ» И «ПОСЛЕВОЕННЫЙ»: МЕЖДУ ДЕРИВАЦИЕЙ И СЛОВΟΣЛОЖЕНИЕМ.....	66
<i>Холод С. И.</i> ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ОРТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	71
<i>Чжао Цзэли.</i> МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО СПОНТАННОГО МОНОЛОГА-РАССКАЗА НА НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ РЕЧИ КИТАЙЦЕВ).....	76
<i>Шарандин А. Л.</i> КАТЕГОРИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СИСТЕМНОМ ОПИСАНИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	84
<i>Южакова Ю. А.</i> К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ И СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	91
ГРАММАТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА	97
<i>Баранова М. С.</i> РАССКАЗ Ю. П. КАЗАКОВА «ВО СНЕ ТЫ ГОРЬКО ПЛАКАЛ»: ИНТАКСИЧЕСКИЕ И НАРРАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	97
<i>Бертякова А. Н.</i> ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ ФОРМЫ	102
<i>Гаоягуль Кадыр.</i> ФУНКЦИЯ КОГЕЗИИ СОЮЗОВ В ТЕКУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И ИХ ПЕРЕВОД	107
<i>Жэнь Цзяньсинь, Золотарева Л. А.</i> ТЕКСТОВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОСХЕМЫ «НЕ + ИНФ. + ЖЕ» В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТАХ	111
<i>Завьялов В. Н.</i> ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА «ИТАК» В ПОВЕСТИ В. П. КАТАЕВА «РАСТРАТЧИКИ» И РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» (СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ЭПИЗОДОВ).....	115
<i>Иванова Н. А.</i> ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЗАМЕТОК ПО ГЕОЛОГИИ КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX ВВ.	122

<i>Кормазина О. П.</i> СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ ВОСПОМИНАНИЯ	126
<i>Патроева Н. В.</i> СВЯЗКА «СУТЬ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ XVIII СТОЛЕТИЯ.....	130
<i>Рябых Е. Б., Бабина Л. В.</i> ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В АСПЕКТЕ МОНО- И МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)	135
<i>Семёнова Н. В.</i> ТАКСИСНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РАЗНОВРЕМЕННОСТИ В КОНСТРУКЦИЯХ С ГЛАГОЛАМИ МОЛЧАНИЯ	142
<i>Сулейманова О. А., Водяницкая А. А.</i> АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКЦИЙ ТИПА «МНЕ ВАЖНО» В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	146
<i>Фадеева И. А.</i> ДЕЕПРИЧАСТНЫЙ ОБОРОТ КАК МАРКЕР ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ	151
<i>Фещенко Д. С.</i> СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОЗЕ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА	156
<i>Церюльник А. Ю.</i> ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОНЛАЙН-ИНТЕНСИВА	160
<i>Чжао Ситун.</i> ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МОДУСА ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАРИНЭ АБГАРЯН (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ «ЛЮДИ НАШЕГО ДВОРА»).....	167
<i>Щукина Д. А.</i> АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА: «СОБОР. РОМАН О ПЕТЕРБУРГСКОМ ЗОДЧЕМ» И. ИЗМАЙЛОВОЙ	173
ГРАММАТИКА СЛУЖЕБНОГО СЛОВА	178
<i>Богданова-Бегларян Н. В.</i> МЕТОДИКА ШКАЛИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПИСАНИЯ ГРАММАТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ	178
<i>Болдырев Н. Н., Толмачева И. Н.</i> ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В КОНТЕКСТЕ БЕСКОНФЛИКТНОГО ОБЩЕНИЯ.....	186
<i>Е. Г. Борисова.</i> СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА В ГРАММАТИКЕ СЛУШАЮЩЕГО	192
<i>Ван Жучжэнь.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ «Я БЫ СКАЗАЛ (-ЛА)» (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА НКРЯ).....	197
<i>Инькова О. Ю.</i> «РАЗВЕ»: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ.....	203
<i>Конюшкевич М. И.</i> СКРЕПЫ С БАЗОВЫМ КОМПОНЕНТОМ «МЕЖ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	210
<i>Кузнецова Н. В., Почтарёва О. В.</i> ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА «А ТАК»: ОПЫТ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ.....	217
<i>Манаенко Г. Н., Манаенко С. А.</i> ТИПОЛОГИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ НА ОСНОВЕ ДИСКУРСИВНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ.....	222
<i>Пилюгина Н. Ю.</i> ТЕКСТОВЫЕ СКРЕПЫ: ВОЗМОЖНЫ ЛИ ЧЕТКИЕ КРИТЕРИИ ДЛЯ ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СЛОВАРЕ?	225
<i>Стародумова Е. А.</i> НАРЕЧИЕ «ОДНОВРЕМЕННО»: ЗНАЧЕНИЕ И СФЕРА ДЕЙСТВИЯ	230
<i>Тюрин П. М.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОГО СОЧЕТАНИЯ «КРОМЕ ТОГО»	233
<i>Цесарская А. Е.</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧАСТИЦ В АВТОКОРРЕКЦИИ...	240
<i>Чжун Тинтин.</i> СОЧЕТАЕМОСТЬ МОДАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ «ВЕДЬ»: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	244
<i>Шутилов М. Ю.</i> ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОГА «ТИПА» (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ).....	249
ГРАММАТИКА ДЕТСКОЙ РЕЧИ.....	256
<i>Галкина Е. В., Краснощекова С.В.</i> ОСВОЕНИЕ РУССКИХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ДЕТЬМИ-ХЕРИТАЖНИКАМИ И ДЕТЬМИ-БИЛИНГВАМИ	256
<i>Краснощекова С. В.</i> МЕСТОИМЕНИЕ «САМ» И ВОЗВРАТНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ: НАСКОЛЬКО «ВОЗВРАТНЫМ» ЯВЛЯЕТСЯ «САМ»?.....	262

<i>Круглякова Т. А.</i> ОСВОЕНИЕ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНОГО РЕБЕНКА	271
<i>Петрова Т. И., Петрова В. И.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ И УНИВЕРСАЛЬНОМ В ГРАММАТИКЕ РАННЕГО ОНТОГЕНЕЗА.....	278
КОНТРАСТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ	284
<i>Ван Илин, Воейкова М.Д.</i> ОЦЕНОЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО СЛОВОМ «ХОРОШИЙ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА	284
<i>Заика Н. М.</i> ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРИЧИННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ	292
<i>Ни Цзюнься, Иосифова В. Е.</i> ИМПЕРАТИВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ...298	
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ СОВРЕМЕННЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	303
<i>Глазунова О. И.</i> СТРУКТУРА МЫСЛИ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ	303
<i>Загуменнов А. В.</i> ГРАММАТИКА «ПУСТОЗЕРСКИХ УЗНИКОВ» В СВЕТЕ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА	309
<i>Новожилов А. В.</i> О РАЗЛИЧИЯХ МЕЖДУ ГИПЕРБАТОМ И ИНВЕРСИЕЙ	312
<i>Токарев Г. В.</i> ВОПЛОЩЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИМИ ЯВЛЕНИЯМИ.....	320
<i>Шерстинова Т. Ю., Завьялова И. С.</i> ДИНАМИКА ДИСТРИБУЦИИ ЧАСТЕРЕЧНЫХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В РУССКОМ РАССКАЗЕ 1900-1930 ГГ.....	324
ГРАММАТИКА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	330
<i>Батраева О. М.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УСПЕШНОЕ ОБУЧЕНИЕ ГРАММАТИКЕ РКИ	330
<i>Белякова Е. А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ	335
<i>Березина Н. С.</i> МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ИГРЫ «100 К ОДНОМУ» ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОДУКТИВНЫХ НАВЫКОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ.....	337
<i>Богданова Л. И.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ГЛАГОЛЬНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ.....	343
<i>Власова Е. А., Бец Ю. В., Северина Е. М.</i> УСТНЫЙ УЧЕБНЫЙ КОРПУС РКИ: НОВЫЙ ИСТОЧНИК ДАННЫХ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	348
<i>Головатова К. В., Иванова В. В.</i> О ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ПОМОЩИ ПЕСЕННОГО МАТЕРИАЛА НА ЗАНЯТИЯХ РКИ	355
<i>Грудева Е. В., Штыкова Н. В.</i> ЧИТАЕМ ПО-РУССКИ: ПРИЁМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ (КУРСАНТОВ).....	359
<i>Дерябина С. А., Шапошникова А. П.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ О ПРИРОДЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	364
<i>Дубровская Е. М.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА РЕЧЕВОЙ МАСКИ В МЕССЕНДЖЕРАХ КАК СРЕДСТВО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ НА УРОКАХ РКИ.....	369
<i>Жукова Т. А.</i> ВВОДНО-МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	373
<i>Золотарева Л. А.</i> СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ СТУДЕНТАМ ИЗ СТРАН АТР	380

<i>Мареева Ю. А.</i> «ТРУДНОЕ СДЕЛАТЬ ПРИВЫЧНЫМ»: ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА ПО ГРАММАТИКЕ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РКИ	384
<i>Наумович Г.</i> ГРАММАТИКА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ.....	387
<i>Николенко Е. Ю.</i> ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СРЕДСТВАМ ВЫРАЖЕНИЯ ВИДОВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	392
<i>Решетникова В. В.</i> ТРУДНОСТИ В УСВОЕНИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ И КОНСТРУКЦИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ – ИНОСТРАНЦАМИ.....	398
<i>Саяма Г.</i> РАССМОТРЕНИЕ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ ПРИ ПРЕДПОЛОЖЕНИИ ЗНАЧЕНИЙ МОТИВИРОВАННЫХ СЛОВ.....	403
<i>Цзян Цюли</i> ПРИМЕНЕНИЕ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ	410

УДК 81.411.2

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ УНИВЕРБОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

А. В. Батулина

*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Россия*

Аннотация: В статье рассматриваются структурно-семантические особенности универбов, образованных при помощи нулевой суффиксации. Отмечается непоследовательность в разграничении универбации и суффиксации в русских грамматиках.

Ключевые слова: универбация, универб, нулевая суффиксация, аналит-прилагательные.

NEW TRENDS IN THE EDUCATION OF UNIVERSITY STUDENTS (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

A. V. Batulina

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russia*

Abstract. The article discusses the structural and semantic features of the unibs formed with the help of zero suffixation. Inconsistency in the differentiation of univocation and suffixation in Russian grammars is noted.

Keywords: universbation, universb, zero suffixation, analyte-adjectives.

Выход универбации за пределы жаргонной и разговорной речи относится к числу актуальных тенденций развития современного русского словообразования (Сенько 2007: 59; Ольховская 2016: 19). Традиционно универбацию относят к компрессивному словообразованию. В то же время экспансия универбов связывается с демократизацией языка: «называя пятиэтажный дом *пятиэтажкой* <...>, говорящий одновременно <...> создает более удобный и краткий способ выражения (компрессивное словообразование), присущий непринужденной разговорной речи (стилистическое словообразование)» (Земская 2014: 266–267).

Существует «широкое» и «узкое» понимание универбации. Под универбацией в «широком» смысле понимается любое преобразование однословной номинации в однословную: аббревиация, словосложение, сращение, субстантивация (В. В. Лопатин, Н. А. Янко-Триницкая). Приверженцы «узкого» подхода (Е. А. Земская, Л. И. Осипова, Д. В. Дозорова) определяют универбы как «суффиксальные существительные, образованные на базе словосочетаний ‘прилагательное + существительное’» (Земская 2014: 676). В современных исследованиях (Лопатин 1998: 577, Сенько 2007: 223–224, Косицына, Гвоздева 2018: 27) наряду с «классическими» суффиксальными производными типа *продленка, социалка*, отмечается наличие универбов с нулевыми суффиксами: *маргинальная личность – маргинал, протокольная служба – протокол*.

Следует отметить тенденцию к параллельному образованию от одной мотивирующей базы суффиксальных универбов и универбов без материально выраженного суффикса, конкурирующих друг с другом: *видеосообщения* → *видео* и *видеосообщения* → *видосы*. Причем производное с нулевым суффиксом может вытеснять суффиксальный аналог: *дистанционное обучение (работа)* → *дистанционка* → *дистант*.

В настоящей работе под универбацией понимается преобразование устойчивых словосочетаний, построенных по модели: «прилагательное + существительное» (*коммунальная квартира* → *коммуналка*) или «причастие + существительное» (*уцененный товар* → *уценка*) в существительное. В качестве отсылочной части производного слова при универбации выступает усеченная основа прилагательного, в качестве формирующей – носителя словообразовательного значения – материально выраженный или нулевой суффикс: *мульт-ик* ← *мультипликационный фильм*, *нал* ← *наличные денежные средства*. Представляется, что к сфере универбации целесообразно относить и образования на базе многокомпонентных моделей типа *бюджетная форма обучения* → *бюджет*, *убийство на бытовой почве* → *бытовуха*. Следует отметить, что обязательным условием появления универба является устойчивость и семантическая целостность мотивирующего словосочетания.

Объектом нашего внимания в настоящей работе стали структурно-семантические особенности универбов, образованных при помощи нулевых суффиксов. Материалом исследования послужил газетный подкорпус Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), контексты СМИ и интернет-коммуникации, записи устной речи.

Наличие производных существительных, мотивированных атрибутивно-субстантивными словосочетаниями, было отмечено еще В. В. Виноградовым: «развив большую продуктивность во второй половине XIX в., суффикс *-к(а)* образует от основ имен прилагательных слова, являющиеся лексическими эквивалентами словосочетания из прилагательного и из определяемого этим прилагательным существительного. Например: *открытка, вечерка* (вечерняя газета), <...> *агитка* (агитационное произведение) <...>» (Виноградов 1972: 117). В. В. Виноградов не выделяет эквивалентных словосочетанию суффиксальных существительных в словообразовательной системе твердого мужского склонения, поэтому среди иллюстративных примеров к одному и тому же типу словообразования оказываются и соотносимые со словосочетанием, например, *грузовик, заочник*, и собственно отсубстантивные образования, например, *взяточник, подосиновик* (Там же: 89). Восходящая к концепции В. В. Виноградова традиция ограничивать круг явлений, относящихся к универбации, суффиксальными существительными женского рода прослеживается и в академических грамматиках (Русская грамматика... 1952, Т. 1: 246–247, Грамматика... 1970, Т. 1: 146, Русская грамматика... 1980, Т. 1: 226). В «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. и в «Русской грамматике» 1980 г. указывается, что мотивированными словосочетанием, помимо суффиксальных существительных женского рода, могут быть существительные *pluralia tantum* типа *Курильские острова – Курилы, противошумные наушники – противошумы* (Грамматика... 1970, Т. 1: 146, Русская грамматика... 1980, Т. 1: 226). При этом в грамматиках 1952 г. и 1970 г. многие образованные на базе устойчивых словосочетаний существительные женского рода не включаются в группу субстантивов, мотивированных словосочетанием, и наряду с универбами мужского рода квалифицируются как суффиксальные производные от основ имен прилагательных. Тем не менее в скобках при таких существительных приводятся мотивирующие словосочетания либо прилагательные, например: *дюймовка* (дюймовая доска), *анисовка* (анисовый), *винтовка* (с винтовым стволом), *ветрянка* (ветряный), *овсянка* (овсяный) (Русская грамматика... 1952, Т. 1: 246–247), *(электро)динамический громкоговоритель – динамик, Каспийское море – Каспий, противогазовый – противогаз, ультрафиолетовые лучи – ультрафиолет* (Русская грамматика... 1980, Т. 1: 225). При этом в «Русской грамматике» 1980 г. отмечается: «многие образования этого типа – синонимы словосочетаний с мотивирующими прилагательными в качестве определяющего слова: *синхрон, термояд, ультрафиолет* (Там же). В грамматике 1970 г. подобные существительные также рассматриваются как «существительные, мотивированные прилагательными», однако сопровождаются толкованием: *хронический – хроник* (больной), *космический – космик* (спец., «специалист по космическим лучам»), *централ* (тюрьма), *демисезон* (пальто), *антисептик* (вещество) (Грамматика... 1970, Т. 1: 145).

Таким образом, в академических грамматиках сохраняется некоторая непоследовательность в разграничении суффиксации как способа образования слов от одной мотивирующей основы (Русская грамматика, Т. 1: 138) и универбации, характеризующейся наличием неоднословной мотивирующей базы.

Представляется, что в современном русском языке расширяется круг потенциальных производящих для универбов. Так, к универбации примыкают образования на базе аналитических прилагательных, например: *пилот-проект* → *пилот*, *видео-сообщение* → *видео*, *опен-эйр* → *опен*. Вопрос о правомерности выделения в особую часть речи аналитических прилагательных, как известно, остается дискуссионным. Мы разделяем точку зрения исследователей (Голанова 1998; Маринова 2010), которые вслед за М. В. Пановым признают существование «особого класса слов», отличительным признаком которого является «присущительность», «свободная сочетаемость», «семантическая стабильность», «нулевые морфологические показатели», т.е. неизменяемость (Панов 1971: 240–250). Ср.: «Аналитическим прилагательным считается неизменяемая языковая единица, обозначающая непроцессуальный признак и выполняющая в пост- или препозиции (при любом варианте написания, включая слитное) атрибутивную функцию по отношению к имени существительному (*картофель фри*, *куры гриль*, *онлайн аптека*, *кофе инстант*)» (Маринова 2010: 628).

Из описанных М. В. Пановым девятнадцати групп аналитов производящими для универбов являются четыре типа единиц: примыкающие к существительным в пост- или препозиции неизменяемые прилагательные, не имеющие омонимов среди существительных (*опен-эйр*, *арт-объект*); интернационализмы, напоминающие первый компонент сложных слов, соотносящиеся с существительными того же корня (*видеосообщение*, *вики-технологии*); интернационализмы, напоминающие препозитивную часть сложных слов, соотносящиеся с усеченной или корневой частью однокоренного существительного (*мастер-класс*, *эконом-класс*); единицы исконного и иноязычного происхождения, напоминающие первый компонент сложных слов, имеющие синонимы среди прилагательных (*пилот-проект*, *госэкзамены*).

Следует отметить, что, помимо выделенных М. В. Пановым разновидностей аналит-прилагательных, функцию неизменяемого определения в славянских языках может выполнять и аббревиатура: «подразделение ОВУ, прибыль UFO, VIP-карта» (Rangelova, Tichá 2013: 168). Неологические сокращения на базе подобных сочетаний в чешском языке, образованные при помощи формантов *-ko*, *-ka*, *-čko*, *-ík*, *-ák*, например *topka* (страница *TOP 09*) в цитируемой статье называются словообразовательным перефразированием – *slovotvorné zeslovnění*. В русском языке также наблюдается процесс образования существительных на базе сложных слов с первым компонентом – аббревиатурой: *ВИП-персона* – *ВИП*, или *вин*, *CD-диск* – *CD*, или *сидюк*. Представляется, что по своему словообразовательному статусу такие производные также сближаются с универбами.

Морфемно представленное в структуре универба несклоняемое прилагательное так же, как и мотивирующее изменяемое прилагательное при «классической» универбации, выполняет характеризующую и заместительную функцию. Последняя проявляется в способности однолексемного наименования становиться материальным выразителем отсутствующего в структуре производного слова субстантивного компонента (компонентов) словосочетания, например:

Одна из последних разработок – приложение, которое позволит художникам размещать свои арты на городских объектах в дополненной реальности (С. Щербакова. В мире искусственного интеллекта и приложений. Для изучения открываются новые виды кодинга // Новгородский университет. 31.05.2022).

В приведенном примере в структуре лексического значения универба *арт*, мотивированного сочетанием *арт-объект*, дифференциальная сема восходит к компоненту *арт*, имеющему значение: ‘художественный, относящийся к искусству’ (Информационно-поисковый ресурс...). Ядро значения производного образует мотивирующее *объект*: под *артами* понимаются некие произведения искусства, имеющие материальное воплощение. Происходящее в результате деривационных процессов образование новой лексической единицы сопровождается изменениями на грамматическом уровне: универб приобретает комплекс субстантивных грамматических признаков.

Как показал анализ контекстов НКРЯ, процесс узуализации универба проходит несколько стадий. На начальном этапе универб употребляется совместно со своим производящим – субстантив-

ным словосочетанием либо сопровождается метаязыковым комментарием к лексическому значению, например:

Интенсив. *Что это: вы изучаете то же самое, что и на обычных курсах. Только быстрее. Но и учиться придется напряженнее* (Ю. Смирнова. Учить языки летом в Москве – дешевле // Комсомольская правда, 2007.06).

О новизне используемой говорящим номинации может сигнализировать также метаоператор ‘так называемый’ – кавычки:

*Но обычно в довесок к экстернату действительно рекомендуют так называемый **интенсив*** (А. Рябцев, Е. Капустина. Как пойти в экстернат? // Комсомольская правда, 2005.04);

*В США, Европе и России рабочие «подарочные» принципы примерно одинаковы. Нельзя «**интим**»: белье, мыло, чулки, парфюм и т.д.* (М. Аникеева. Начальник – это ребенок: на Новый год оставишь без подарка – обидится // Комсомольская правда, 2003.12).

Материал газетно-журнальной речи свидетельствует о том, что появление универба не исключает возможности употребления породившей однословное название описательной номинации: *мастер* и *мастер-класс*, *опен* и *опен-эйр*, *интим* и *интим-услуги*, *интенсив* и *школа-интенсив*, *интенсив-курсы* и т.п. Одновременно могут использоваться и три эквивалентные в смысловом отношении номинации: *эконом-класс*, *класс «эконом»*, или *класс эконом*, *тариф экономического класса*; *пилот*, *пилот-проект*, *пилотный проект*, например:

*«После того как пройдет ‘**пилот**’ (пилотный проект – прим. «Лента.ру») по меховым изделиям, RFID-метки появятся и на других товарах. Прежде всего, будем предлагать маркировку школьной формы», – заявил Евтухов (Школьную форму в России подвергнут чипированию вслед за шубами // lenta.ru, 2016.05);*

***Пилотный проект** по запуску сети стандарта LTE-450 под брэндом Skylink охватит шесть субъектов федерации* (Б. Федоров. Первый советский сотовый оператор объявляет «охоту» на петербуржцев // РБК, 2016.06);

*Если цикл Юровского считать **пилот-проектом** будущего июньского фестиваля ГАСО, то он удался* (Просветительский цикл Владимира Юровского: Верим на слово // Ведомости, 2013.06).

С описанной ономаσιологической конкуренцией единиц разных грамматических классов связано наличие синкретичных единиц, не имеющих однозначного категориально-грамматического статуса – образований, «характеризующихся синтезом дифференциальных признаков взаимодействующих частей речи как в синхронном, так и в диахронном плане» (Бабайцева 1983: 37). Универбы способны функционировать не только как существительные, но и как неизменяемые прилагательные:

*И по цене такая усадьба вполне сопоставима с квартирой **класса эксклюзив*** (На континентах: Дом лучше из глины или фанеры? // Ведомости, 2005.11);

*Пассажирам на выбор предложат три класса обслуживания – «базовый», «**эконом**» и «**бизнес**»* (Между Петербургом Бологим запустят премиальную «Ласточку» // Парламентская газета, 2018.08).

Характеризуя семантику универбов, исследователи отмечают наличие производных с конкретным (*коммерческий магазин – комок*) и отвлеченным (*напряженное состояние – напряженка*) значением (Сенько 2007: 225), со значением ‘предметности’ (*легковой автомобиль – легковушка*), ‘отвлеченного явления’ (*аморальное поведение – аморалка*) и ‘лица’ (*частный предприниматель – частник*) (Дозорова 2015: 393–395). На наш взгляд, семантической особенностью универба является обязательное наличие признакового значения, восходящего к значению мотивирующего прилагательного. Косвенным подтверждением значимости признаковой семантики является распространенность в системе универбов антонимических отношений: *бюджет – внебюджет*, *грузовик – легковушка*, *очка – заочка*, *негатив – позитив*, *ликвид-неликвид*.

Тем не менее с точки зрения преобладания предметной / признаковой семантики рассматриваемые единицы неодинаковы. Преобладание предметной семантики обуславливает специализацию значения производного. Как следствие, универб совмещает в себе значение определенного объекта и

его характеристику, например: *экслюзив* ‘экслюзивная информация’ или ‘экслюзивная продукция’, *неадекват* ‘неадекватный человек’, *интенсив* ‘интенсивные курсы’:

По словам очевидца, один из пассажиров был явно нетрезв. Он пытался спровоцировать своего попутчика на драку. «Видно, что неадекват совсем не понимает, где находится <...>» (Драка на высоте 10 тысяч метров: пассажир снял на видео дебош в самолете // Vesti.ru, 2014.12);

*В мартовских выборах вместо Путина все-таки будет участвовать его преемник. Таким своим **экслюзивом** поделился писатель и политик Эдуард Лимонов (М. Зубов. Путина окружили преемники: два коммуниста и ни одного Зюганова // Московский комсомолец, 2017.10).*

Имеющие конкретное значение универбы могут сочетаться с количественными числительными: *Акция. Два дня – **два экслюзива*** (<https://aa-roleplay.ru/news/aksiya-dva-dnya-dva-ekslyuziva-a1565.html>), *Конвертация Данных: **два Интенсива** по 2100 р. + набор в новые группы* (<https://xn----1-bedvffifm4g.xn--p1ai/news/2016-11-11-data-conv-news/>).

В то же время универбы могут утрачивать однозначную референтную отнесенность, сближаясь по своей семантике с отвлеченными существительными. Так, в приводимых ниже контекстах *интим* – это ‘нечто интимное’, *неадекват* – ‘нечто неадекватное’:

*Весь фильм был снят за 21 день по хронологии событий, что позволило актерам прожить их вместе со своими персонажами от начала до конца. А законы «Догмы» усилили ощущение лиричности и **интима** (На экраны выходит первый французский фильм, получивший сертификат «Догмы» // lenta.ru, 2002.01);*

*Никакого **неадеквата** я не встретил – даже на дорогах, хотя мы регулярно собирали пробки (М. Соснина. «Медведи из любопытства вышли на дорогу посмотреть на нас» // lenta.ru, 2015.08).*

Способность эквивалентных словосочетанию производных выражать отвлеченное значение отмечена в «Русской грамматике» 1980 г.: «существительные муж. р. I скл., имеющие значение отвлеченного признака, характерны для разговорной и профессиональной речи: <...> *интимный* – *интим* (нов. разг.): *работники телевидения считают особенностью своего экрана интим*; также с собирательным значением ‘интимные вещи’, ‘интимная обстановка’» (Русская грамматика, Т. 1: 225).

Признаковая семантика свойственна и образуемым от некоторых универбов предложно-падежным формам, например в *неадекват*, на *позитиве*, обозначающих определенные психологические состояния:

*Врач ударил его, еще раз... Повторяю, пациент был **в неадекват**е (В. Рангулова. Бизнесмен, который убил бывшую жену за то, что не давала видеться с сыном, получил 9 лет тюрьмы // Комсомольская правда, 2013.06).*

Как можно заметить из приведенных контекстов, универбы могут развивать способность к полисемии (*экслюзив*, *неадекват*).

Универбы, восходящие к словосочетанию с полисемантическим прилагательным, могут наследовать не все значения производящего. Например, *бюджет* ‘бюджетная форма обучения’, *интенсив* ‘интенсивный курс обучения какому-либо предмету’, соотносятся с первичным значением соответствующих прилагательных: *бюджетный* – 1. к *Бюджет* ‘Совокупность доходов и расходов государства, организации и т.п. на определённый срок’ (БТС), *интенсивный* – 1. ‘Напряжённый, усиленный’ (БТС), *индив* ‘индивидуальные занятия с хореографом’ – с переносным значением: *индивидуальный* – 4. ‘Относящийся к каждому в отдельности; особенный для каждого лица, случая’.

В сфере универбации распространено и явление отраженной полисемии. Так, универбы *экслюзив*, *интим*, *неадекват* реализуют оба значения мотивирующего прилагательного. Например, обозначая медиатексты, кино- и театральные премьеры, технические новинки, *экслюзив* употребляется в значении ‘нечто единственное в своём роде; неповторимое’:

*А также читайте **экслюзив** «Ведомостей»: гендиректор «Национальной медиа группы» Ольга Паскина рассказала в интервью, как выживают медиахолдинги (Анонс «Ведомостей» на 19 апреля 2017 года // Ведомости, 2017.04).*

В общественно-политическом и экономическом дискурсе *экслюзив* восходит к значению 'принадлежащий только одному лицу, коллективу; исключительный':

До 1 апреля 2017 года у компании был экслюзив на покупку от 49 до 50% в НК «Новый поток», рассказывают два источника, близких к «Новому потоку» и одному из претендентов (А. Фадеева. Владелец Антипинского НПЗ выставил на продажу добычный бизнес // РБК, 2017.07).

Наличие идиоматического компонента в структуре словообразовательного значения рассматриваемой группы универбов, на наш взгляд, обусловлено несколькими факторами: редукцией плана выражения, проявляющейся в материальном отсутствии субстантивной производящей основы (основ) в производном слове, отсутствии у нулевого суффикса способности дифференцировать слова разных лексико-семантических групп, полисемией образований от словосочетаний с одинаковым атрибутивным, но различным субстантивным компонентом типа *неадекват* от 'неадекватный человек' и *неадекват* от 'неадекватное психологическое состояние'.

Как показал анализ контекстов, активно употребляющиеся в современном русском языке универбы способны расширять свое значение посредством ассоциативных сем. Например, обладающий высокой частотностью в медиатекстах универб *экслюзив* может обозначать не только отмечаемое словарями 'нечто единственное, неповторимое' (БТС), но и 'нечто качественное', 'нечто необычное, экзотическое':

Приличные «ракеты», как их называют профессионалы, стоят от 2,5 тысячи рублей, на их достоинства указывает надпись «титаниум» или «карбон» (углепластик), обозначающая материал, из которого сделан спортивный снаряд. <...> «Можно заказать экслюзив», – таинственно шепчет продавец, – всего за 15 тысяч» (Петров А. В белых тапках и белых носках // Труд-7, 2008.04);

Клиентов со странными требованиями немного, в профессиональных кругах их вспоминают годами. Но постепенно «экслюзив» перестает быть шокирующим, тиражируется и становится обыденным (На асфальте: Перелатать города // Ведомости, 2011.10).

Подводя итоги, отметим продуктивность словообразовательной модели универбации с нулевой суффиксацией как способа образования производного на базе устойчивой неоднословной номинации. В качестве производящей базы для универбов все чаще используются сочетания существительных с аналит-прилагательными, что объясняется, с одной стороны, ростом числа аналитов в современном русском языке, с другой – интернациональным характером большинства аналитических прилагательных. Многие появившиеся в последние десять – пятнадцать лет универбы не имеют однозначного категориально-грамматического статуса, в одних контекстах функционируя как неизменяемое прилагательное, в других – как изменяемое существительное. Характеризуя словообразовательное значение образованных при помощи универбации лексических единиц, можно выделить группы с преобладанием предметной и группы с преобладанием признаковой семантики. В то же время производным обеих групп свойственно признаковое значение, восходящее к значению мотивирующего прилагательного.

Литература

1. Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. 1983. № 5. С. 35–42.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 12.07.2022).
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1972. 614 с.
4. Голанова Е. И. О «мнимых» сложных словах (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке) // Лики языка: К 45-летию науч. деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 31–39.
5. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.

6. Дозорова Д. В. Словообразовательные модели универбатов в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 392–396.
7. Информационно-поисковый ресурс «Аффиксоиды. Словарь-справочник». Институт лингвистических исследований РАН. [Электронный ресурс.] URL: <https://affixoid.iling.spb.ru/node/180> (дата обращения: 13.07.2022).
8. Косицына Е. Ф., Гвоздева Е. В. К вопросу о месте универбов и способах их описания в Толково-словообразовательном словаре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 26–33.
9. Лопатин В. В. Универбация // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. С. 577.
10. Маринова Е. В. Вопрос об аналитических прилагательных в отечественной и зарубежной лингвистике // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 628–630.
11. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.07.2022).
12. Ольховская А. И. Активные процессы в современном русском языке. Лондон, 2016. 41 с.
13. Осипова Л. И. Новые слова в русском языке: суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -к-а. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-90-х гг. М.: Московский педагогический государственный университет, 2000. 230 с.
14. Панов М. В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 243–253.
15. Русская грамматика: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1952–1954. Т. 1.
16. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
17. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб.: Наука, 2007. 355 с.
18. Янко-Тринецкая Н. А. Процессы включения в лексику и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964. С. 18–36.
19. Rangelova A., Tichá Z. Funkční rozpětí neologických zkratk v češtině // Проблемы на неологията в славянските езици. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2013. С. 163–184.

**«БРО, ЗАЦЕНИ: Я СЕГОДНЯ ТАЧКУ ПРИКУПИЛ»:
О ПРОЯВЛЕНИИ АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЧЕРТ В СЕМАНТИКЕ
ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ**

И. Т. Вепрева

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается современное употребление префиксальных глаголов *заценить* и *прикупить*. Смысловая стертость чистовидового префикса в глаголе *оценить*, отсутствие префикса в глаголе совершенного вида *купить* являются причиной появления новых видовых пар: *ценить* – *заценить*, *купить* – *прикупить*.

Ключевые слова: агглютинативность, префиксальные глаголы, морфемная структура слова.

**«BRO, CHECK IT OUT: I BOUGHT A CAR TODAY»:
ON THE MANIFESTATION OF AGLUTINATIVE TRAITS
IN THE SEMANTICS OF PREFIXED VERBS
IN MODERN RUSSIAN SPEECH**

I. T. Vepreva

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article discusses the modern use of prefixal verbs to check out and buy. The semantic erasure of the pure-type prefix in the verb to evaluate, the absence of a prefix in the verb of the perfect form to buy are the reason for the appearance of new species pairs: to appreciate – to check out, to buy – to buy.

Key words: agglutinativity, prefixed verbs, morphemic structure of the word.

О наличии в современном словообразовании роста агглютинативных черт было отмечено еще в монографии «Русский язык и советское общество. Словообразование» (РЯСО 1968: 26). Цель данной статьи – обратиться к анализу любопытного факта проявления агглютинативности в современной словообразовательной системе – к наблюдениям за функционированием ряда префиксальных глаголов, формирующих видовые пары. Материалом для исследования послужили тексты СМИ, которые часто становятся экспериментальной площадкой, демонстрирующей возможности языковой системы и проявляющей креативный потенциал современной языковой личности, которая по-новому использует языковые средства. Достоверность полученных результатов обеспечивается корпусной выборкой материала, проводимой на основе базы данных Интегрум (Integrum.ru), объем источников которой составляет около 4 тысяч журнальных и газетных изданий.

Общим местом в лингвистике является положение о связи глагольных приставок и категории вида. В центре аспектуальной системы стоит понятие видовой оппозиции – пары глаголов несовершенного и совершенного вида с интуитивно ощущаемым тождеством лексической семантики. Основным способом изменения глагола несовершенного вида в совершенный является прибавление приставки к базовому глаголу. К «чистовидовым» приставкам чаще всего относят префиксы *с-* (*делать* – *сделать*), *по-* (*строить* – *построить*), *о-* (*ценить* – *оценить*) и др., имеющие результирующее значение, основное и близкое к грамматическому значению категории вида – признаку «предела действия» (Виноградов 1972: 394), значению «ограниченного пределом целостности действия» (Бондарко 2001: 130). Основные положения аспектологии носят дискуссионный характер, развернуто обсуждаются в научной литературе, см. об этом: (Соловьев, Бочкарев 2022), и на сегодняшний день вид характеризуется как непоследовательно-

коррелятивная категория, во многом зависимая от лексики. Для процесса перфективации с помощью приставок характерен максимально широкий, но не абсолютный охват глагольной лексики.

Современная речевая практика позволяет выявить целый ряд аспектуально-лексических инноваций, которые М. Я. Гловинская объясняет движением «к более регулярному видообразованию, а именно, созданию в конечном счете суффиксальной пары с помощью вторичной имперфективации» (Гловинская 2008: 197): глагол несовершенного вида – префиксальное образование совершенного вида – суффиксальное образование несовершенного вида. Автор иллюстрирует свое положение примерами возникающих видовых троек: *звонить* – *перезвонить* (вместо *позвонить*) – *перезванивать*; *ехать* – *отъехать* (вместо *уехать*) – *отъезжать*. Авторы, обращающие внимание на активное распространение вторичной имперфективации в современной русской речи (Меренкова 2004; Храковский 2005), пишут о том, что «вторичная (суффиксальная) имперфективация оценивается теперь ... как основной и перспективный способ видового формообразования» (Горбова 2014: 207); «видовые тройки представляют собой не периферийное, а в высшей степени регулярное явление, определяющее облик русской аспектуальной системы» (Зализняк, Микаэлян 2012: 58), поскольку «новая система с дополнительной первичной формой НЕСОВ более гибко обслуживает семантические нужды» (Гловинская 2008: 202).

Соглашаясь с мнением М. Я. Гловинской, что формирование новых приставочных глаголов совершенного вида, которые, внедряясь в существующую видовую пару, вытесняют старый приставочный глагол, регулируется известными механизмами аналогии, мы, в свою очередь, хотим назвать еще одну причину этого активного процесса. На наш взгляд, помимо действия аналогии и тенденции к регулярности видообразования, активизации отмеченного процесса способствует тенденция к агглютинативности, которая в семантике производного слова обнаруживается как семантическая расчлененность, когда «с каждой морфемой связывается определенная часть значения слова» (РЯиСО Словообразование... 1968: 10). Процесс взаимозамены наблюдается в группе тех префиксальных глаголов, значение которых современное языковое сознание воспринимает как идиоматичное, в подобных случаях не осознается членимость основы, т.е. отдельность составляющих ее морфем. Действительно, если значение приставки не выступает отчетливо, «членимость на морфемы ослабляется» (Земская 1973: 50). Структурно-смысловая стертость чистовидового префикса, способствующая «дефектности» морфемной структуры слова, является причиной возникающей потребности в обновлении, оживлении морфемной делимости за счет яркости префиксальной части производного глагола.

Когда морфемная структура префиксального слова становится невыразительной, происходит замена узуального глагола глаголом с ясной морфемной делимостью. Чистовидовой глагол заменяется обычно глаголом с четко выраженным словообразовательным значением приставки. Конечный результат этого процесса выходит в область лексики: возникает новое употребление префиксального глагола. Факт утраты приставки деривационного значения и начала движения глагола в сторону десемантизации приставки подтверждается заменой старого глагола совершенного вида новым глаголом с другой приставкой. Покажем динамику данного явления на примере видовой пары *ценить* – *заценить* (вместо *оценить*).

Глагол *заценить* не отмечен в толковых словарях современного русского языка. Он употребителен в молодежном жаргоне как синоним литературного *оценить*. *Заценить* – значит «оценить по достоинству, одобрить» (Никитина 2003: 231; Химик 2004: 229). Приставка *за-* в этом случае имеет значение «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом» (Русская грамматика Т. 1 1980: 361). Глагол *заценить* в силу стилистической принадлежности слова к нелитературной разновидности языка (по сравнению с глаголом *оценить*) выступает как единица с четкой структурно-смысловой морфемной структурой.

Конкуренция разноприставочных однокоренных синонимов, один из которых обладает выразительным морфемным составом, но при этом находится за чертой литературности, нередко завершается вхождением некодифицированной номинации в контекст книжной речи. Стилистическое освоение жаргонизма, имеющего в своем значении, по сравнению с аналогом *оценить*, семантический

компонент положительной эмоциональной оценки, проходит разными путями. Покажем пути вхождения единицы в книжно-письменный текст.

1. Глагол *заценить* обычно в форме 2 лица единственного числа повелительного наклонения включается в зону прямой жаргонизированной речи, часто сопровождается метаязыковыми комментариями, указывающими на социальную отмеченность говорящего:

– *Слышь, братиш, зацени, я себе новую мобилу отжал, – скажет при случае гопник своему другу* (Коммуна (Воронеж); 03.04.2009);

Как говорят брейкдансеры, зацени ситуацию! (Профиль; 11.04.2005);

Он говорит: «Я тут видос прикольный на телефон скачал, зацени?» (Искусство кино; 15.05.2016);

Здорово, челы! Как насчет того, чтобы заценить новое 75-минутное угаралово (Томская нефть, Стрежевой; 27.10.2001).

2. Глагол *заценить* заключается в оценочно-стилистические кавычки (Шварцкопф 1997), которые сразу могут выполнять несколько функций: оценивать употребляемое языковое средство, обозначать чуждость средства стилистическому контексту или лексикону пишущего. В силу включения иностилевого слова в литературный контекст кавычки выполняют при этом и функцию метаизвинения носителя нормативного литературного языка, испытывающего культурно-речевой дискомфорт. «Чаще всего это происходит, если слова из жаргона ...лишь недавно были вовлечены в общий обиход» (Розина 2005: 22):

И несколько причин (тех же самых), по которым юные читатели книгу могут совсем «не заценить» (Новый мир; 15.12.2016);

В будущем, когда историки «заценят» высшую математику, не будет множества учебников, где каждый историк на основании одних и тех же фактов будет излагать свою версию происходившего (Патриот; 11.06.2013);

Я сразу его «заценила» как режиссера (Трибуна; 17.06.2010).

В тексте, помимо кавычек, эксплицитно может употребляться метаоператор *как говорят*. Тем самым происходит «отсылка к факту его прецедентного использования. Говорящий в той или иной мере дистанцируется от цитируемого выражения («это не я так говорю, это другие так говорят»), однако не отвергает данную номинацию» (Зализняк 2007: 190):

И, как говорят, «зацените» всю степень самодурства брянских градоначальников (Брянская правда; 11.11.2016).

Метакавычки исчезают по мере вхождения глагола в литературный обиход. По данным Интегрума, за последние два года (01.09.2021 – 01.09. 2022 гг) зафиксировано 205 употреблений глагола *заценить* в журнальных и газетных изданиях. Закавычивание слова встречается в единичных случаях в контекстах с сугубо деловым содержанием, например:

Глава Российского Союза промышленников и предпринимателей (РСПП) – обозревателью Александру Гамову о том, как деловые круги «заценили» предложения президента, прозвучавшие на встрече в среду (Комсомольская правда; 12.03.2021).

4. Глагол *заценить* употребляется в жанре интервью в прямой речи интервьюируемого, носителя литературного языка, что свидетельствует о факте вхождения слова в устную форму литературного языка:

«На Олимпиаде в Риме к советским спортсменам иностранцы относились с уважением, – рассказывала Нина Аполлоновна. – Заценило нас и родное правительство. За первую олимпийскую медаль мне вручили значок заслуженного мастера спорта СССР и только» (Военно-промышленный курьер; 12.11.2018).

Интересен факт противопоставления в одном контексте литературного *оценить* и жаргонного *заценить*, употребленного для передачи прямой речи:

На саммите АСЕАН официальный представитель российского внешнеполитического ведомства Мария Захарова пустилась в пляс, исполнив в коротком платье и в модных туфлях на высочен-

ных каблучках «Калинку». Известная балерина Анастасия Волочкова **оценила** танец в исполнении мидовской примы: «Я даже **заценила** такие движения, как «верёвочка» и «ковырялочка» (Наша версия (Москва); 23.05.2016).

5. Помещенные в одном синтагматическом ряду глаголы **заценить** и **оценить** в условиях одного контекста позволяют сделать вывод, что у глагола **заценить** развивается значение, отличное от глагола **оценить**, – «посмотреть что-либо для дальнейшей оценки»:

*И еще деталь: те из наших, кто на «Калине» катался днем и в сумерках этого **заценить** в полной мере не могли в принципе, а вот я **оценил** на все сто: у фар очень большой радиус охвата на ближнем при аналогичном с прочими ВАЗами дальнем (Автопремьера (Набережные Челны); 13.07.2005);*

***Зацените** результаты голосования по резонансным законопроектам и **оцените** последовательность коммунистов (Астраханская правда; 17.06.2021);*

*«Вечорка» под девизом «Доверяй, но проверяй» отправилась прямо в Тарбагатайский район Бурятии, чтобы лично **заценить** и **оценить** конопляный урожай и работу Госнарконтроля (Вечорка (Чита); 14.09.2016);*

*Попробуйте **оценить** педагогическую тонкость или хотя бы **зацените**, если **оценить** не получается: в каждый батончик вкладывается листок со стихами (Калининградская правда; 20.10.2001).*

6. Последним этапом, которым завершается процесс вхождения жаргонной единицы в письменно-книжный вариант литературного языка является употребление глагола **заценить** в информационных газетных жанрах, в заголовках газетных статей, в рекламных текстах:

Газетный заголовок: **Заценить министра.**

Минэкономразвития посчитает эффективность высокопоставленных чиновников (РБК-daily 28.06.2012);

Газетный заголовок: **«Мечел» заценил «Якутуголь».**

Стальная группа «Мечел» нашла применение деньгам, которые выручила от продажи 17,1% обыкновенных акций Магнитки. Почти половину этих средств компания решила потратить на приобретение блокпакета акций «Якутугля» (Восточно-Сибирская правда; 03.02.2005);

*Первыми красоту **заценили** дизайнеры, хотя установка решёток диктуется элементарными соображениями безопасности (Точка Опоры; 15.04.2009);*

*28 августа 2019 года на встрече с президентом врио губернатора вдохновенно рассказывал о планах реновации исторического центра Курска для достойной встречи его тысячелетнего юбилея. Еще Старовойт сообщил, что: «... начинаем реализацию проекта по строительству музейного комплекса ... нашего знаменитого земляка». (Здесь уже речь зашла об идее увековечить память писателя-фронтовика Данила Гранина, родившегося в Рыльске). Владимир Владимирович **заценил**: «Хорошая идея» (VIP Курск; 15.10.2020);*

*Выставка продлится ещё две недели. **Заценить** можно по адресу: улица Байкальская, 23г. (Восточно-Сибирская правда; 19.05.2012);*

Реклама: «Пятёрочка». **Зацените** низкие цены на 1500 товаров (2022 г.).

Языковой материал даёт возможность выявить и появление формы несовершенного вида **заценивать**, завершающей традиционную видовую тройку:

*Писатели, если их **заценивать** по возрастающей, в такую линейку и выстраиваются, великий – гениальный – русский... (Новый Компаньон (Пермь); 27.05.2003);*

*И понимающие толк в русском хоккее болельщики с удовольствием **заценивали** филигранные продольные передачи своим партнерам опытного Р. Шамсутова, идеальную технику катания и обращения с мячом И. Максимова, запредельный КПД А. Тюкавина (Тихоокеанская звезда (Хабаровск); 15.03.2011);*

*Приверженцы паркура **заценивали** «13-й округ» – фильм с тематическими для них персонажами (Хулиган; 15.07.2005).*

Нерегулярность выражения видового значения глагольной приставкой проявляется, в частности, в наличии непроизводных глаголов совершенного вида, в морфемной структуре которых нет специальных формальных показателей (приставки или суффикса) для выражения значения совершенного вида. Яркий пример – глагол **купить**. Типичной ошибкой иностранца, начинающего говорить по-русски, является отнесение данной лексемы к глаголам несовершенного вида. Причина аномалии очевидна: в морфемной структуре слова нет маркера, указывающего на совершенный вид. Именно поэтому в речи говорящих, для которых русский язык не является родным, нередко можно услышать: *Ты уже покупила продукты?* Появление неправильной формы **покупить** объясняется действием аналогии. Действительно, одной из продуктивных приставок, с помощью которых образуются глаголы совершенного вида, является приставка *по-* (*завтракать – позавтракать, бежать – побегать* и т.п.).

Неожиданный результат проявления закона аналогии и тенденции к агглютинативности мы встречаем в речи носителей русского языка как родного: в качестве синонима к *купить* стал употребляться глагол **прикупить**, закрепившийся в языке в значении «купить дополнительно». Приставка *при-* в данном случае не является чистовидовой, так как она манифестирует словообразовательное значение «дополнительно совершить действие, названное мотивирующим глаголом; прибавить что-н. в дополнение к уже имеющемуся» (Грамматика 1980. Т. 1: 368). Например, *Бруса для строительства бани не хватило, пришлось прикупить*.

Анализ текстов СМИ дает возможность увидеть широкую употребительность глагола **прикупить** в новом для него видовом значении совершенного вида, синонимичного глаголу *купить*. Глагол **прикупить** утрачивает идею покупки с целью добавления некоторых дополнительных объектов:

Владельцами футбольных и прочих спортивных клубов в основном становятся люди, что называется, с деньгами – в частности, широко известно, что несколько российских бизнесменов прикупили команды чемпионатов Англии, Франции и других стран (Российская газета; 17.10.2019);

С учетом размера земельных владений пришлось обзаводиться своей техникой, потихоньку прикупили они трактор, косилку, картофелекопалку – поскольку Лисковы сажают целый гектар бульбы, приобретение совсем не лишнее (Сельская жизнь; 07.03.2019);

В те времена подходящие для земледелия земли выделяли только сельхозпроизводителям, а таким, как мы, для личного пользования, – неудобья. Мы долго обсуждали, как быть. Поначалу прикупили по десятку КамАЗов песка и плодородного грунта, чего лишь едва хватило присыпать скошенную осоку и камыш (Сельская жизнь; 27.11.2020);

А Россию молодые люди решили посетить уже в ходе поездки, прикупив билеты на пять матчей (За рулем; 16.06.2018).

Естественно также ожидать появление глагольной суффиксальной формы несовершенного вида **прикупать** в значении *покупать*:

«Молодежку» обычно прикупаю в «Титане», прочитываю все статьи (Молодежь Бурятии; 21.10.2020);

Горожане даже стали целенаправленно прикупать заброшенные соседние дачи, чтобы заниматься там огородничеством (Южный Урал (Оренбург); 01.06.2022).

В узусе возникают две синонимичные пары глаголов *купить – покупать* и *прикупить – прикупать*, которые на сегодняшний день пока не находятся в состоянии явной конкуренции, см., например, число употреблений видовых пар глаголов по данным Интегрума: за последние два года (2020–2022 гг) число вхождений глагола *купить* – 192086, *покупать* – 106626; *прикупить* – 2588, *прикупать* – 59. «Пока же можно только констатировать о возникновении новой лексемы, синонимичной уже существующей» (Гловинская 2008: 199).

Итак, в современной речевой практике мы сталкиваемся с новым явлением, когда вместо одного префиксального глагола с чистовидовой приставкой начинает употребляться другой префиксальный глагол с приставкой, имеющей ясную словообразовательную семантику, соотносимую с аффиксальной морфемой. Структурная расчлененность слова поддерживает расчлененность семантиче-

скую. Тенденция к агглютинативности проявляется в стремлении префиксальных глаголов с четкой морфемной членимостью, с сильными словообразовательными приставками заменять глаголы совершенного вида с приставками, слабыми для того, чтобы играть роль единственного оформителя видового значения глагола.

Литература

1. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 2-е изд. М.: УРСС Эдиториал, 2001. 208 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Гловинская М. Я. Часть II. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 187–267.
4. Горбова Е. В. Заметки о видообразовании русского глагола и словоизменительной vs. словоклассифицирующей трактовке вида // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10. № 3. С. 181–211.
5. Зализняк Анна А. Семантика кавычек // Труды Международного семинара Диалог'2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 188–193.
6. Зализняк А. А., Микаэлян И. Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 48–65.
7. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
8. Меренкова А. Г. Видовые тройки в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004. 22 с.
9. Никитина Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь. М.: Астрель, 2003. 910 с.
10. Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2005. 302 с.
11. Русская грамматика в 2-х т. Т. I. М.: Наука, 1980. 784 с.
12. РЯиСО – Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968. 300 с.
13. Соловьев В. Д., Бочкарев В. В. Дело об аспектуальных парах открывается вновь // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 67–98.
14. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.
15. Храковский В. С. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1 (9). С. 46–59.
16. Шварцкопф Б. С. «Я поставил кавычки, потому что...» // Облик слова. Сборник статей памяти Д. Н. Шмелева / РАН Ин-т рус. яз. М.: Русские словари, 1997. С. 374–381.

НЕОЛОГИЗМЫ КАК ИНДИКАТОРЫ ЭНЕРГИИ РУССКОГО СЛОВОПРОИЗВОДСТВА

Е. Н. Геккина

*Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия*

***Аннотация.** Корпус лексических инноваций современного русского языка рассматривается в аспекте экспликации основных неогенно значимых процессов словообразовательной деривации.*

***Ключевые слова:** неология, лексические инновации, словообразование, дериваты.*

NEOLOGISMS AS INDICATORS OF THE ENERGY OF RUSSIAN WORD PRODUCTION

E. N. Gekkina

*Institute for Linguistic Studies, RAS
Saint-Petersburg, Russia*

***Abstract.** The lexical innovations of the modern Russian language is considered in the aspect of explication of the neogenetic processes of word-formation derivation.*

***Key words:** neology, lexical innovations, word formation, derivatives.*

Словообразовательная деривация в современном русском языке предстает как динамичный процесс, в максимальной степени определяющий масштабы и интенсивность лексического обновления. При этом репрезентируется полный спектр имеющихся типов, способов и средств продуктивной системы, открытой для новых словообразовательных моделей и новых формантов и готовой реактивировать образцы и резервы пассивного фонда. В качестве мощной стимулирующей силы словообразовательного процесса служит способность производных слов выполнять не только номинативные, но и коммуникативные задачи говорящих, способность совмещать свои функциональные возможности.

Массив лексических инноваций, пополнивших словарный состав русского языка в первые два десятилетия XXI века, оказывается «живописным» полотном, в каком отражаются импульсы, движения и очертания, определяющие специфику энергетического потенциала процесса деривации. В частности, неолексемы дифференцированно демонстрируют, с одной стороны, наиболее действенные средства словообразования, а с другой – инвентарь менее востребованных, периферийных словостроительных материалов. Вместе с тем в совокупном собрании неологизмов находит проявление общее для них динамическое начало, своеобразная жизненная сила.

Для нашего исследования мы привлекли лексические данные из словарной базы Института лингвистических исследований РАН, аккумулирующей инновации, собранные путем обследования текстов из широкого круга источников: средств массовой информации, профессиональных и социальных медиа (по общим оценкам более 12 000 лексических единиц, отнесенных к указанному периоду). Из них свыше 5000 неологизмов, как узуальных, так и окказиональных (единичного употребления), извлечены из источников на протяжении 2020–2021 годов, в период эпидемии коронавирусной инфекции. Значительная часть лексических инноваций получила отражение в статьях и в списочных перечнях в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» (Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021). Именно этот корпус новообразований оценивается как эксплицирующий характерные особенности динамических процессов в сфере русского словообразования и, как следствие, преимущественно используется в дальнейшем обзоре.

Прежде всего необходимо отметить группы производных неолексем, выделенные по количественным показателям: 1) лексем, созданные на базе аффиксальных словообразовательных типов; 2) лексем, образованные на базе различных моделей сложения. Значительно ниже количественные показатели неологизмов, образованных путем сокращения, стяжения, конверсии, поэтому они остаются за рамками списка производных из двух условно основных групп.

В корпусе дериватов, созданных на базе **аффиксальных** словообразовательных типов, доминируют существительные, что соответствует отмечаемой исследователями словообразовательной тенденции: до 60 % неологизмов, образованных аффиксальными способами. Доля прилагательных по отношению ко всей группе измеряется показателем 30 %; к прилагательным примыкают образованные на их основе единичные наречия. Глагольные дериваты, количество которых неизменно растет, составляют около 8 % в корпусе аффиксальных производных.

Существительные принадлежат словообразовательным типам, выражающим предельно допустимый для них спектр значений. Наиболее многочисленна группа производных со значением лица, конкретизируемом на уровне лексической семантики, в частности в аспекте ситуации, обусловленной эпидемией (пандемией) и особым режимом профессионального и бытового взаимодействия людей (ср. дериваты, обозначающие инфицированных вирусом лиц: *ковидник*, *ковидница*, *коронавирусник*, *бескуарник*, *антиукольник*).

Содержательные модификации лексем обуславливают их полисемичность; ср. новообразование *коронавирусник* обозначает не только инфицированного коронавирусом человека – в качестве субъекта, характеризуемого через отнесенность к коронавирусу, может выступать лицо, пишущее тексты о коронавирусе (*автор-коронавирусник*), или страна, в которой есть инфицированные вирусом граждане (*страна-коронавирусник*); существительное *антикоронави́русник* используется в качестве номинации врача, занимающегося лечением инфицированных больных, а также лица, не признающего ни инфекционного заболевания, вызываемого коронавирусом, ни мер, направленных на противодействие распространению этого инфекционного заболевания.

Производные агентивы образуются при помощи стандартных суффиксальных морфем: *ковидец*, *паросмиец*, *ковидовец*, *ковидчик*. В роли прецедентных могут служить дериваты с характерными семантическими и/или функциональными отличиями, в результате возникают новообразования-бленды типа *ковидист* (сопоставляется с существительным *пофигист* и обозначает лицо, отрицающее наличие инфекции и пренебрегающее мерами профилактики заболевания, ср. также *коронапофигист*), *ковидаст* (ассоциируется с экспрессивными существительными типа *либераст*, *толераст*).

Производные существительные выступают в роли альтернативных названий инфекции и связанных с нею ситуаций; ср. *ковидоз*, *ковидина*, *ковидка*, *ковидла*, *ковидло*; усеченное наименование *корона* и его производное *коронич*. Новообразования обладают функционально-стилистическими отличиями, маркерами которых являются суффиксы, выражающие эмоционально-экспрессивную оценку: *ковидушка*, *ковидище*, *короновирушка*, *короночка*, *корончик*. Этот ряд дополняет звено негативно-оценочных производных с суффиксом **-ец**, созданных по образцу жаргонизмов (*пипец*, *капец*): *ковиде́ц*, *коронави́русэц*, *каранте́ц*.

Создание абстрактных имен существительных с суффиксами **-изм**, **-ость**, **-ств**, **-(из)аци(я)**, в том числе в соединении с префиксами, инициируется стремлением говорящих отразить мировоззренческие интерпретации нового этапа жизни социума: *ковидизм* (мифы «ковидизма», *ковидизм сродни дианетике*), *коронавирусизм* (такие фабрикации, как *допингизм с коронавирусом*). Существительные выражают семантику статусности (заболевания, степени его распространения), свойственности, процессуальности: *ковидность*, *нековидность* (*высокая ковидность*, *режим ковидности*, *тест на ковидность*); *коронавирусность* (*заподозрить кого-либо в коронавирусности*); *ковидство* (*в условиях пандемии и прочего ковидства*); *ковидизация* (*страны, лечебных учреждений*).

Предметные номинации создаются при помощи продуктивных суффиксальных и префиксальных моделей; ср. номинации медицинского учреждения или его подразделения, специализирующегося на лечении инфицированных больных: *ковидник*, *ковидарий*, *ковидарня*, *ковидальня*; **анти-**

коронавирусник в значении ‘текст-памятка, описывающий меры профилактики и правила поведения людей во время эпидемии’.

Префиксальные существительные, такие как *нековид*, *некоронавирус*, *псевдокоронавирус*, *псевдопандемия*, *экс-ковидник*, *безмасочность*, выступают в роли «диагностических» (ср.: *больные нековидом*, *некоронавирусом*) и/или оценочных (ср.: *суперковид*, *суперразносчик*, *мегалокдаун*) номинаций. Префиксальные производные могут обладать предельно широким значением или проявлять свойства полисеманта; ср., в частности, производные с префиксоидными формантами *антиковид* (номинация комплекса санитарных и антикризисных мер в условиях пандемии); *постковид* (номинация периода времени после пандемии или болезненного состояния человека, перенесшего инфекционное заболевание); *посткорона* (номинация периода времени после пандемии или изменившейся реальности).

В корпусе производных существительных заметное место занимают новообразования с аффиксоидными формантами (префиксоидами и суффиксоидами). При помощи суффиксоидов, в том числе редких, создаются наименования, репрезентирующие лица в самом разном качестве: *ковидолог*, *ковидолоб*, *ковидовер*, *ковидоносец*, *коронаносец* (*корононосец*).

Среди дериватов выделяются производные с частотными компонентами *-мания*, *-фобия*, *-френия*, апеллирующие к видам психологической и эмоциональной реакции людей на эпидемию и обусловленные эпидемией обстоятельства, события, процессы (*ковидомания*, *корономания*, *ковидофобия*, *коронафобия*, *ковидофрения*, *коронафрения*). Родственные аффиксоиды задействованы в создании номинаций, характеризующих лица на основе их отношения к названным реакциям и процессам (*ковидофоб*, *коронафоб*, *ковидофреник*, *коронафреник*).

Аффиксоидные производные создают отдельные ансамбли, в которых солируют те или иные морфемы. В качестве иллюстрации могут служить производные с компонентами *-бесие*, *-бес*: *ковидобесие*, *ковидобес*; *коронабесие*, *коронабес*; *вакцинобесие*, *вирусобесие*, *карантинбесие*, *маскобесие*, *куарбесие*, *салютбесие*, *жертвобесие*. Неолексемы обозначают ментальное, психоэмоциональное состояние и поведение людей, обусловленные их особым, пристрастным отношением к тому, что обозначено первой частью слова или каким-либо образом с обозначенным связано. Своеобразный «старт» для создания производных с названными компонентами был дан в 2005 году, когда номинация *победобесие* была использована православным священником Г. Митрофановым для выражения негативно-оценочного отношения к способам празднования 60-летия победы в Великой Отечественной войне. Неолексема впоследствии получила распространение и обрела свойства полисеманта. Источником многозначности слова *победобесие* служит разноаспектная интерпретация первой основы: как указания на День Победы, празднование которого приобрело у современников новые формы и способы, что вызвало и критическую реакцию в обществе; как обозначения понятия «победа» в его обобщенном или частном (например, спортивном) понимании. Неологизмы с формантом *-бесие* родственны слову-прототипу *мракобесие* и передают отрицательную оценку обозначаемого состояния, поведения и действий людей, в соответствии со значением мотивирующего греческого слова *μαρία* и французского *manie* – «безумие, страсть, влечение» (Дягилева 2021: 318–319).

Номинация большого количества новых реалий и понятий, оценочное обозначение новых ощущений и психоэмоциональных реакций, активное употребление новых слов в различных неузуализированных контекстах привели к появлению множества словообразовательных вариантов, синонимов, способствовали развитию полисемии, границы которой измеряются энантиосемичными значениями. Роль еще одной пружины активного словообразования сыграли соотношения и связи омонимичных единиц (ср. производные с усеченной основой *корона*). Такой процесс может быть назван номинативным сверхварьированием: «на синонимию и семантический параллелизм двух рядов ключевых слов, на незакрепленную системой диффузность их семантики, на незавершенность процесса адаптации целого ряда новых слов-основ наложилась традиционная системная потенциальность и вариативность словообразовательных средств и моделей, действующая инерционно по закону аналогии» (Приемышева 2021: 20).

Корпус вариантных наименований предоставляет возможность сопоставительных наблюдений за функционированием новых производных существительных и определением типовых для них контекстов. В частности, экспрессивно окрашенные существительные, выражающие субъективно-оценочные значения, характерны для так называемых вторичных текстов, дополнительных по отношению к текстам, содержащим новую информацию. Вторичную природу обнаруживают, в частности, публикации (репосты) и комментарии в социальных медиа, хотя при этом неонаминации могут быть мотивированы метаязыковой рефлексией, настроен на языковую игру, стремлением создать новые имена.

Регулярное появление прилагательных предопределяется возможностями отлаженной деривационной «техники» вкупе с суффиксальными средствами; семантическими и функциональными возможностями производных слов, включая тот потенциал, какой они наследуют у мотивирующих существительных и глаголов (*ковидный, коронавирусный, ковидовый, ковидский, ковидовский, коронавирусный, ковидистый, ковиднутый, куарный, куаровский, паросмический*). Новые прилагательные способны выражать прежде всего объемный комплекс «относительных» значений, если позволяет понятийный диапазон производящего имени. Об этом свидетельствуют открытые ряды сочетаний прилагательных с существительными (ср. *ковидный, коронавирусный* в сочетании с существительными *инфекция; пневмония, симптомы; больной, пациент; пандемия, эпидемия; вакцина, плазма, лекарства; обсервация, обсерватор, тест, тестирование; госпиталь, центр, стационар, корпус, больница, отделение, койка; выплаты, надбавка; эпоха, период, год, каникулы; кризис, безработица, эксперимент, локдаун*).

Активность производных прилагательных достигается и за счет применения префиксальных способов и средств деривации (*антиковидный, антимасочный, антикуарный, противокоронавирусный, псевдоквидный, нековидный, бесковидный, бескуарный, околоковидный* и др.). Префиксальные прилагательные расширяют смысловой контекст, привносят в признаковую семантику элементы универсальной категориальной параметризации. В частности, адъективы с префиксами *не-, псевдо-, бес-* выражают идею отсутствия, необнаружения (того, что обозначено основой или что метонимически соотносено с обозначенным); с префиксом *анти* – идею противостояния (тому, что обозначено мотивирующей основой или что метонимически соотносено с обозначенным); с префиксом *около* – идею связи, близости (к тому, что имеет отношение к обозначенному мотивирующей основой).

Префиксальные прилагательные демонстрируют семантическую гибкость, способность дрейфовать в пределах метонимических переносов, а также в направлении выражения качественных значений. Прилагательные с префиксами временного значения (*до-, пред-, после-, пост-*) употребляются в конструкциях с темпоративами (*эпоха, времена, пора, будущее*), определяя время по его позиции относительно времени пандемии и/или карантина – трудным времени испытаний, ограничений, потерь (*доквидный, послеквидный, постковидный; докоронавирусный, послекоронавирусный, посткоронавирусный, предпандемийный*). В сочетаниях с существительными, обозначающими понятия экономической и социальной сфер (*реальность, мир, темп, режим, кризис*), эти же прилагательные выражают темпоральный признак, детерминированный метонимическим сдвигом; при этом связь с «трудным временем» и противопоставление ему становится основанием для характеристики предшествующего или последующего периода.

Список прилагательных дополняют производные второй, третьей ступени; ср. дериваты *ковидноносный, корононосный, ковидарный, ковидозный*, многочисленные сложные прилагательные (см. ниже). Признаком деривационной активности служат и наречия, образуемые от прилагательных (*ковидно, по-ковидному, коронавирусно*).

Глагольные неoderиваты создаются с помощью стандартных формантов: суффиксальных (прежде всего *-и-*, также *-е-, -ова-, -ну-, -а-*), префиксальных (*до-, за-, пере-, под-, от-, вы-, с-, недо-*), в том числе в соединении с постфиксом *-ся* (*карантинить(ся), закарантиниться; дистантить(ся), позумиться, недоизолировать(ся); бустить(ся), бустнуть(ся), бустеризннуться, наружать, куарить(ся), куаркодить(ся), куаризировать, куарничать*). При этом возрастающее количество и слово-

образовательные характеристики позволяют рассматривать эту группу производных слов как яркое проявление живого, динамичного потенциала деривационной системы современного русского языка.

Основная дискурсивная среда глагольных неолексем – разговорная речь. Этим объясняется семантический «разброс» некоторых дериватов: они употребляются в различающихся, даже энантиосемичных значениях. В частности, глагол *ковидить* имеет значения ‘болеть ковидом’ (*зараженные «ковидят» дома*), ‘заражать ковидом’ (*других не ковидят*), ‘лечить инфицированных ковидом больных’ (*ковидят в хирургическом отделении*).

Вместе с тем следует отметить особенности генезиса глагольного деривата, образованного от названия инфекционного заболевания, что явно выделяет его при сравнении с традиционными номинациями физического недомогания человека *болеть, хворать, недомогать; заражать, инфицировать*. Но в современном русском языке стали появляться лексемы, восходящие к именам, прямо отнесенным к каким-либо заболеваниям. Начиная с 50-х годов XX века в разговорной речи употребляется глагол *грипповать*; в XXI веке получает распространение глагол *вирусовать*, в том числе в значении ‘болеть каким-л. вирусным заболеванием’, характеризующем состояние человека, животного, растения. Наметившийся ряд пополнили неолексемы *ковидить, ковидеть, коронавирусовать* и их префиксально-суффиксальные дериваты.

Образование глаголов составляет процесс, обусловленный потребностями говорящих номинировать прежде всего конкретные процессуальные и деятельностные признаки (ср. *шашлычить, перевакцинироваться, куарить*). Содействует такому словопроизводству смысловая продуктивность производящей основы и соединяемых с нею морфем, итоговая информативная насыщенность глагольного деривата и его форм (ср. возвратные глаголы типа *зумиться, разизолироваться, закуариться*, безличные глаголы типа *ковиднуло*).

Создание производных прилагательных и глаголов осуществляется не без влияния имеющихся словарных образцов и отдельных словообразовательных моделей, в чем обнаруживают себя и системные связи лексико-грамматических средств русского языка (ср. дериваты с суффиксами *-(e)нн-*, *-(ну)т-*, *-уц-*: *самоизолированный, зазумленный, окуаренный, вируснутый, ковиднутый, вакцинутый, бустернутый, ковидствующий*).

Интенсивное **безаффиксное** словообразование представлено одной из ведущих «производственных» линий в системе русской деривации. Об этом свидетельствуют тематическое разнообразие и высокие статистические показатели (почти две трети лексического материала, собранного в 2020-2021 годах) корпуса производных существительных и прилагательных, созданных на базе различных моделей сложения. Хотя функциональные характеристики сложных дериватов могут быть ограниченными и эксплицироваться единичными цитатами, способность таких слов выражать многокомпонентный, поддающийся компрессии смысловой комплекс, выполнять не только номинативные, но и коммуникативные задачи говорящих оказывается самодостаточным заряжающим и запускающим словообразовательный процесс фактором.

Для общей характеристики корпуса сложных производных существительных и прилагательных существенно то, что процесс создания сложных производных, несмотря на их семантическое разнообразие, остается в границах концептуального поля мотивирующих слов и, следовательно, системно организован, предопределен. Это означает, что дериваты поддаются семантической типологизации, опирающейся на связи с содержанием мотивирующих имен. В результате получают обоснование лексикографическая фиксация и анализ многочисленных сложных производных слов, не только узуально определившихся, но и окказиональных, поскольку таким образом проясняются направления и пути словообразовательного движения в целом.

Среди сложных производных большое количество существительных и прилагательных, образованных от ключевых основ исследуемого периода (*ковид-инфекция, ковид-пациент, ковид-госпиталь, карантинорежим, КВИ-тест, госпиталь-родер, антиковид-мероприятия, санитарно-карантинный, карантинизолированный, коронавирус-позитивный, зум-конференция, медиафейк,*

мультимедиа контент, ПЦР-диагностика, ПЦР-тест). Это делает возможным аспектный анализ ветвей и способов развертывания словообразовательных ансамблей производных слов.

В качестве типичной иллюстрации служит комплекс дериватов с компонентом *QR*, *кьюар* / *куар*. Актуализация темы введения QR-кодов как инструмента регулирования перемещений людей послужила внешним толчком для создания множества сложных дериватов с основой *QR*- (свыше 100 инноваций): *QR-закон*, *QR-жетон*, *QR-режим*, *QR-сертификат* *QR-контролер*. Наряду с неологизмами, в которых использован английский компонент *QR*-, появляются лексемы с транслитерированной частью, представленной в вариантах *куар*-, *кюар*-, *кьюар*-; ср. *куар-пропуск*, *куар-штрафник*, *кюар-дни*, *кьюар-коды*, *куар-кодовый*.

Соединяемые основы эксплицируют злободневную тематику повсеместного использования QR-кодов и связанных с этим официально введенных ограничений, интерпретацию говорящими той реакции, какую у них вызывают новые требования, изменившие привычные условия посещения общественных территорий (*QR-мания*, *QR-безумие*, *QR-истерика*, *куарбесие*), Производные слова воплощают метафорические и ассоциативные образы; ср. социально-идеологические и милитаристские акценты производных слов: *QR-террор*, *QR-апартеид*, *QR-деспотия*, *QR-диктатура*, *QR-рабство*, *QR-война*, *QR-блокада*, *QR-блокпост*, *QR-лагерь*. Словообразовательные дериваты, выразители метафорических значений, обрисовывают тематические тренды и высвечивают понятийно-ценностные установки; ср. военно-тематическую направленность производных: *коронабитва*, *корона-атака*, *ковид-враг*, *ковид-фронт*. В этом отношении сложные производные даже более «открыты» и в определенном смысле настойчивы, если их сравнивать с метафорическими словосочетаниями (*ковидный хвост*, *коронный номер*, *коронавирусный маскарад*, *цифровой концлагерь*).

Экспрессивно окрашенными лексическими единицами выражаются иронические оценки ситуаций; ср. неолексемы с трансформированной первой частью: *куракод*, *кукукод*, *кукарекукод*.

Востребованность и продуктивность словообразовательных дериватов объясняется, таким образом, их способностью выступать в качестве номинативно нагруженных единиц и выполнять функцию трансляторов образных и эмоционально-экспрессивных характеристик.

Структурное разнообразие сложных слов, пополнение корпуса дериватов лексемами, строевание которых обусловлено синтаксическими свойствами единиц (ср. *ковид-заболевший*, *коронаубивающий*, *вакциноверующий*; *ихтамнеты*, *яжемать*), и контаминированными производными (*ковидонавты*, *коронавты*; *ковикулы*, *занудаленка*, *чипурашка*, *вирусокосный*, *фикцинация*, *зумерничать*, *наружать*, *куар-чекист*) выступают яркими приметами активно и продуктивно функционирующей словообразовательной системы.

Сфера действия моделей сложного словообразования постоянно расширяется. Об этом свидетельствуют лексические единицы, рожденные в рамках языковой игры, в произведениях, предполагающих свободу словотворчества. Показательна группа дериватов, созданных во время обсуждения конституционных поправок и процедуры голосования за них в 2020 году; в роли неогенного фактора выступила номинация *обнуление*: наряду с многочисленными аффиксными производными, в публицистической и разговорной речи употреблялись контаминанты *обнулендум*, *обнулямс*, *обнуленинизм*, *обнулидер*, *обнулеон*, *обнулец* и др.

Продуктивность словообразовательной системы русского языка – фактор, определяющий высокий функциональный уровень заимствованных инноваций. Собственные количественные показатели иноязычных неолексем, входящих в русский язык, невысоки (ср. список пандемийного периода: *ковид*, *коронавирус*, *ковидиворс*, *ковидиот*, *корониал*, *коронапокалипсис*, *локдаун*, *зум*, *зубомбинг*, *думскроллинг*, *карантье*, *ваксер*, *антиваксер*, *вакс*), однако они компенсируются многочисленностью производных слов с иноязычными основами, составляющих цепочки разной протяженности, а в ряде случаев – словообразовательные гнезда и словообразовательные ансамбли, объединяющие цепочки и гнезда с общей корневой морфемой (*ковид*-, *коронавирус*-, *зум*-, *куар*-).

Появление у актуальных, востребованных иноязычных номинаций многочисленных дериватов, наряду с заимствованием производных слов, наблюдается регулярно и затрагивает речевые сфе-

ры разных профессиональных и социальных сообществ (ср. группы сложных производных от новых основ *нано-, III-, крипто-, бьюти-, веган-, гурме-, хайп-, абьюз-, тикток-, вайбер-* и др.). Это тигульные основы тематических групп и подгрупп, частотный композиционный элемент, но они могут оказаться на «рядовой» позиции одного из нескольких формантов, при помощи которых komponуется слово.

Подобное освоение заимствованных слов в русском языке приобретает черты «присвоения» – процесса, характерной особенностью которого является использование иноязычных формантов «по своему усмотрению», в качестве типового строительного материала и согласно с традициями и стандартами отечественного словопроизводства. Это не принятие «чужеродного» материала и «чужих» смыслов, это апроприация, опорные уровни которой имеют культурно и национально обусловленный характер (Радбиль, Рацибурская 2017]). Но русские способы языковой концептуализации мира воплощаются при помощи продуктивной словообразовательной техники – соединения, компоновки словостроительных «кирпичиков».

Под этим углом зрения можно рассматривать и факты использования отдельных иноязычных формантов, в частности *-инг, -гейт*. Хотя дериваты сохраняют свойства окказионализмов и, скорее, демонстрируют возможности экспериментального, ассоциативного словообразования, чем создания воспроизводимых единиц (ср. номинации *шубинг* по аналогии с *шопинг; бордюринг, асфальтинг* по аналогии с *тюнинг*; номинации типа *кашингейт, дзюбаагейт*, обозначающие скандалы с участием поименованных лиц – журналиста Олега Кашина и футболиста Артема Дзюбы), тем не менее они могут насчитывать сотни словоупотреблений и закреплять за моделями статус образца.

Итак, словообразованию, несомненно, принадлежит ведущая роль в развитии лексической системы современного русского языка. В этом динамичном процессе участвуют «представители» максимально разнообразного собрания деривационных средств, включая новые модели и форманты, а также актуализированные способы и морфемы из пассивного фонда. Богатейшие ресурсы русской словообразовательной системы в их двуедином воплощении – морфем и способов их компоновки – создают ту креативную, энергетически заряженную среду, которая сама представляется живым, импульсивным источником языкового движения и развития.

Литература

1. Дягилева И. Б. Исторические параллели: от холеры XIX века к коронабесию // Русский язык коронавирусной эпохи: Коллективная монография / Ин-т лингв. исслед. РАН; М. Н. Приемышева (отв. ред.). СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. С. 307–321.
2. Приемышева М. Н. Ковидный лексикон русского языка: тенденции динамики лексико-семантической системы в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Русский язык коронавирусной эпохи: Коллективная монография / Ин-т лингв. исслед. РАН; М. Н. Приемышева (отв. ред.). СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. С. 16–51.
3. Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
4. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая / Ред. коллегия Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая / СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/neology/coronavirus/dictionary.pdf?fbclid=IwAR0dooLbuKxyvX2e2KXI7Yeri4C7li9R3UxR1727VwTddxJucqaackR1g4g>

ДЕАДВЕРБИАЛИЗАЦИЯ КАК НАРУШЕНИЕ НОРМЫ И ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПРИЁМ

А. В. Дегальцева

*Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н. Г. Чернышевского
Саратов, Россия*

Аннотация. Деадвербиализация – окказиональное грамматическое явление, которому обычно подвергаются мотивированные наречия образа действия. Оно заключается в переосмыслении морфемного состава наречий и отождествлении их с именными словоформами и может являться как лингвокреативным приёмом, так и нарушением норм языка.

Ключевые слова: деадвербиализация, транспозиция, наречие, языковая игра, нарушение норм языка.

DEADVERBIALIZATION AS A VIOLATION OF THE NORM AND A LINGUOCREATIVE TECHNIQUE

A. V. Degaltseva

*Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
Saratov, Russia*

Abstract. Deadverbialization is an occasional grammatical phenomenon that usually occurs with derived adverbs of the manner. It consists in rethinking the word-formation structure of adverbs and identifying them with nominal word forms. It can be both a linguocreative technique and a violation of the norms of the language.

Keywords: deadverbialization, transposition, adverb, language game, violation of language norms.

В современной лингвистике наблюдается усиление интереса к изучению грамматических явлений в их взаимосвязи с семантикой и прагматикой. При этом в качестве объекта анализа всё чаще избираются части речи, которым на предыдущих этапах развития науки уделялось меньшее внимание. Одним из недостаточно изученных грамматических классов слов остаются наречия.

Наречие – относительно молодая часть речи, характеризующаяся разнообразием словообразовательной структуры, семантики и синтаксических функций. Она «занимает значительное место в словарном составе русского языка, его грамматическом и коммуникативном строе»; активно употребляясь во многих сферах коммуникации и включаясь «в обширный круг языковых связей» (Савёлова 2009: 5). Анализ семантики и функционирования наречий в языке XXI века показывает, что слова данной части речи регулярно вовлекаются в активные речевые и языковые процессы, одним из которых является деадвербиализация.

Деадвербиализация – окказиональное семантико-грамматическое явление, в которое оказываются вовлечены производные (мотивированные) наречия. Оно заключается в переосмыслении морфемного состава наречий, в трансформации их структуры и – нередко – семантики и отождествлении их с именными словоформами. В современной лингвистике данное явление рассматривается как одно из проявлений межчастеречной ретранспозиции (обратной морфолого-синтаксической транспозиции), наряду с десубстантивацией существительных адъективного склонения, деадъективацией отглагольных прилагательных с суффиксами *-ем/-им-* и др. (Петрова 2009).

Процесс деадвербиализации – не слишком широко распространённое и недостаточно хорошо изученное в русистике явление, вызывающее интерес у современных лингвистов (Калякина 2007;

Панков 2009; Петрова 2009 и др.). Под деадвербиализацией понимается «окказиональное образование существительных путём семантической переоценки морфемного материала наречий, когда деривационные морфемы (приставки и суффиксы) или их эквиваленты (в наречных выражениях) отождествляются говорящими с предлогами и флексиями» (Петрова 2009: 260): *Надо соединять их в почти при-тык* // (НКРЯ); *Будет больно по правде, не по чьей-то наслышке* (В. Мишле. Приземлиться пора).

По нашим наблюдениям, деадвербиализация характерна для «нестрогих» сфер коммуникации. Нами был проанализирован 81 случай обратной морфологической транспозиции наречий в современной художественной прозе, поэзии, разговорной речи и интернет-коммуникации. В зависимости от сферы, условий и цели общения, а также характера адресанта деадвербиализация может рассматриваться как следствие игры со словом или результат непреднамеренного нарушения языковых и речевых норм.

Возможность обратного перехода наречия в существительное базируется на семантической, структурной и функциональной близости имён и адвербиалов. Система грамматических классов слов в русском языке устроена так, что одни части речи способны функционально и семантически замещать другие. Так, роль обстоятельства могут играть как наречия, так и предложно-падежные формы имён. Чаще всего это именные синтаксемы, построенные по моделям *с + творительный падеж*, *(не) без + родительный падеж*, *до + родительный падеж*, *в + предложный падеж* и др. Из-за сложной устроенности грамматической системы русского языка даже среди лингвистов не существует единого мнения о границах наречий. С одной стороны, лексикографическая практика свидетельствует о расширительном понимании данной неизменяемой части речи. Например, в некоторых словарях в класс наречий включаются такие именные формы, как *бандеролью*, *баллотировкой*, *без интереса* (Ефремова 2000), *без ущерба*, *в молодости*; *в клетку*, *в полоску* (Рогожникова 2003) и под. С другой стороны, некоторые учёные понимают границы наречий слишком узко и «отказывают» существительным в способности к адвербиализации. Так, в диссертации М. И. Ивановой утверждается, что в состав наречий неоправданно включаются существительные с полной (*летом*, *зимой*) и дефективной парадигмой (*без просыпу*, *без удержу*, *на скаку* и др.) (Иванова 1991). С этим, на наш взгляд, трудно согласиться.

Если в лингвистике вопрос о границах наречий не решён окончательно, то, вполне очевидно, что у многих нефилологов нет чёткого представления о составе и сущностных характеристиках данной части речи. В сознании русских людей, не интересующихся родным языком, некоторые производные наречия, по-видимому, воспринимаются как именные словоформы. При этом префиксы наречий отождествляются носителями языка с предлогами, а суффиксы – с окончаниями. Способствует этому и относительно свободный в русском языке порядок слов: *Приклеила его в уже почти ровень к стенке* (блог: https://zen.yandex.ru/dream_faity_diy); *Соответственно машина в почти смятку* (форум: <http://ceedclub.ru/forums/>); *Просто было что два дня малыш капризничал и по очень долгу не могла успокоить его* (форум: <https://www.babyblog.ru/>); *В день операции являешься в клинику на полный тощак* (Живой Журнал: <https://blincom-de.livejournal.com/>); *Фраанцияяяя – лучшая! С самого перва за них болел и переживал* (ВКонтакте: <https://vk.com/wall-128033123>) и др.

По поводу распространённости этого явления в своём блоге шутливо рассуждает А. Авотин, писатель, художник, кандидат наук: «Частица «не» всегда писалась отдельно с глаголом, но слитно в наречии. А раз «не хватает», значит, и «не достает», значит, и «не хватка», и «не достаток», а заодно и «не досуг». Разделим тогда уж и другие наречия: не зависимо, на перекор, во преки <...>. Попробуем: «сказал на абсолютный перекор», «наелся до полного сыта, до неприличного отвала», «танцевал до неловкого упаду», «устал до самой смерти». Красота! <...> Врозь так врозь. Но тогда уж «в розь». Типа, в полную розь! Одни влево, другие вправо. Пардон, – одни в лево, другие в право. В явное лево и в крайнее право» (А. Авотин. Кое-что о себе. <http://alfavo.ru/by-author/koe-chto-o-sebe.html>).

Итак, в разговорной речи и спонтанном интернет-общении (в социальных сетях, мессенджерах, на форумах и под.) явление деадвербиализации можно квалифицировать как нарушение и рече-

вых, и грамматических норм. В живой неподготовленной коммуникации разрушение целостной структуры наречия и переосмысление её морфемного состава связано с минимизацией интеллектуальных усилий, отсутствием заботы о форме выражения мысли или просто недостаточно высоким уровнем коммуникативной компетентности адресанта. Явление такой структурно-грамматической трансформации адвербиального материала обусловлено стремлением говорящего или пишущего повысить экспрессивность своего высказывания и силу его воздействия на адресата. Именно поэтому в живом общении, характеризующемся речевой избыточностью и повышенной эмоциональностью, в структуру наречия обычно «вклиниваются» атрибуты, выражающие полноту проявления признака, в результате чего адвербиальная лексема становится субстантивным словосочетанием: *Очки отличные, качество прекрасное, сделано на добрую совесть* (форум: <https://alibase.ru/>); *Если скушать в полную сухомятку и впритык ко сну, то утром только «краше» стану* (ВКонтакте: <https://vk.com/topic-143335632>).

В художественной речи причины ретранспозиции наречия иные. В прозе и поэзии разрушение целостной структуры адвербиальной единицы и переосмысление её в качестве именной словоформы является лингвокреативным приёмом, элементом игры со словом. Оно подчинено авторской задаче: созданию нетривиального и максимально выразительного художественного образа: *Фразные разности, кратцы* (Э. Стефанович. Любя нескучные поездки); *Из своей* (название стихотворения Н. Ловягина); *Писал Прыжов одержимо, печатали Прыжова с удержом* (Ю. Давыдов. Соломенная сторожка); *«Как же мне скучно», – не прекращала говорить в сердцах Эллин Фол Риф Томин – юное прекрасное создание из высшего общества, – с усталью глядя в окно поезда <...>* (И. Бер. Лето испытаний); *<...> самодурство можно распушить в полную сласть <...>* (В. Володин. Поевсть врЕменных лет).

По данным диссертационного исследования Н. Е. Петровой (Петрова 2009), деадвербиализация может быть трёх типов, каждый из которых отражает разную степень глубины этого процесса. Деадвербиализации первого типа подвергаются префиксальные наречия. Она заключается в том, что целостная структура адвербиальной единицы разбивается путём включения в неё согласованных определений: *В субботу достойно себя вели на вечеринке до самого поздна* (форум: <http://www.eva.ru/static/forums/>); *<...> и отец хотел удивить широтой размаха азиатско-русской души и опоить всю эту маленькую европейскую республику своим чудным «напитком» до полного «сыта»* (Н. Шульгин. Путешествие в космос); *Он не принял рассуждения директора в полный серьёз – мало ли что ему придёт в голову?* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Наши наблюдения показывают, что в структуру наречия могут «вклиниваться» не только определения, но и обстоятельства, хотя и гораздо реже: *Возможно это связано с тем, что полоски я клеила по очень долгу в первое время* (форум: <https://www.woman.ru/beauty/plastic>); *И придвинуть в почти плотную (не считаю плитуса на столешнице) невозможно* (форум: <https://ideas.homechart.ru/posts/18432/>).

Проведённый нами анализ показывает, что в современной художественной и разговорной речи наиболее широко распространены случаи деадвербиализации первого типа. На них приходится 82% от всех зафиксированных нами случаев ретранспозиции наречий: *В быструю догонку к этому посту* (<https://www.kharkovforum.com/page=497>); *Но вступился зам комдива, на свои поруки взял: «Вроде как и справедливо, но наказывать нельзя!»* (И. Соколов. Письмо с фронта); *<...> мой лес давно сгорел до самого тла* (А. Северчук. Мы вечные дети холодного города) и др.

При деадвербиализации второго типа происходит изменение некогда застывшей, адвербиализованной, предложно-падежной формы и расширение её синтаксических позиций: *Встреча завершилась безголевой вничьёй* (комментарий на сайте: <https://www.readfootball.com/>); *Большая часть команды Angular Material находится ваймах у команды фреймворка* (форум: <https://coderoad.ru/41180498>); *Спала сплошным сном без просытов* (форум: <https://www.b17.ru/forum/>). В нашем материале на такой тип трансформации наречий приходится лишь 14%.

При деадвербиализации второго типа нередко наблюдается искажение морфемного состава наречия, а также преобразование наречия в отдельные окказиональные словоформы: *Ангел послушно кивает и улетает в свои яси* (В. Душаков. Светлые личности); *Кто бы взял её, «милую», в руки!? Да в за шею от нас бы прогнал...* (А. Гусев. Жду, когда кончится эта разлука); *Как хотелось, чтоб тоже*

с весной обновиться годам **в перебор** (В. Некрасов. Поседела земля...). Нарушение морфемной целостности наречия нередко способствует тому, что оно начинает восприниматься как существительное. На этом приёме основана языковая игра в современных художественных произведениях: *Распloh* (название рассказа И. Кузьяевой). *Но шлёпнулась **изусть** из уст, **изусть** упала, ну и пусть* (Ю. Тубольцев. Обнаглевшая изусть).

Для деадвербиализации третьего типа характерен такой процесс преобразования наречия в существительное, при котором не происходит разрушения морфемного состава адвербиальной единицы, нарушения её целостности. Показателями данного типа служат, во-первых, «управляемая субстантивная форма род. падежа с объектно-определяющим значением», во-вторых, «согласованное определение или придаточное определяющее, занимающее постпозицию по отношению к наречию» (Петрова 2009: 320). В проанализированном нами материале случаи деадвербиализации третьего типа составляют лишь 4% от всех случаев обратной транспозиции наречий: *Это тараканы с фонариком **впотьмах разума** ищут умную мысль* (форум: <https://qna.center/question/1898009>); *Ангел выполз из подземелья **наполовину. Верхнюю. Он был заросшим, серым и похмельным*** (П. Зернов. Мейерберг); *Так бы оно и шло, так бы оно и продолжалось, если бы однажды холодным осенним **вечером, которым сыпал первый снег за окном, мама не заглянула ко мне в комнату*** (Е. Гришковец. Театр отчаяния. Отчаянный театр).

Нельзя не согласиться с утверждением Н. Е. Петровой о том, что процессу деадвербиализации способствуют как экстралингвистические, так и собственно лингвистические причины. Если «экстралингвистическим фактором является потребность говорящего уточнить, конкретизировать признак, выражаемый наречием, или связать его с другими признаками, предметами, явлениями», то лингвистическим фактором выступает «ограниченная способность самого наречия выступать в роли «синтаксического хозяина», прежде всего, невозможность его сочетания с определением» (Петрова 2009: 33).

Как показывает анализ проанализированного нами материала, деадвербиализации чаще всего подвергаются наречия образа действия, поскольку это самое многочисленное подмножество адвербиальной лексики, отличающееся разнообразием семантики и синтаксической полифункциональностью: *Поэтому он сейчас разденется **до самого нага*** (Г. Щербакова. Дверь в чужую жизнь); *<...> увидел Валентина, стоявшего с табличкой «**ЧУБАРЕНКО**», и **в лёгкую развалку** с улыбкой направился к нему* (А. Чурбанов. Грешники); ***В самую правду** говорю* (В. Мишин. Зона 17, или ...) и др.

Реже в этот процесс вовлекаются темпоральные наречия: *Отсутствую. Бывает **по очень долгу*** (электронный дневник: <https://diary.ru/~Kasatin/>); *Как такое могло случиться с ним, **на самом кануне летних каникул*** (А. Фло. Дорога испытаний); ***С молоду, с самого молоду, сердце подставила боли*** (Е. Тодосиенко. Проклята); *<...> и этот последний финальчик **приберегается на самый последок**, потому что мама знает, что слово «стирать» у меня вызывает бешеную ярость* (Ю. Азаров. Печора) и под.

Итак, случаи структурно-грамматических преобразований наречий разнообразны. Чаще всего процесс деадвербиализации выражается в том, что целостная структура адвербиальной единицы разрушается из-за включения в неё согласованных определений. В результате этого наречие превращается в субстантивно-адвербиальное словосочетание. Этому процессу обычно подвергаются мотивированные наречия образа действия.

В поэзии и прозе деадвербиализация является лингвокреативным приёмом, связанным с созданием экспрессивно насыщенного художественного образа. В спонтанной живой речи носителей русского языка это явление, по-видимому, обусловлено недостаточно высоким уровнем языковой компетенции и стремлением к минимизации речевых и интеллектуальных усилий.

Деадвербиализации способствуют как экстралингвистические (потребность адресанта создать экспрессивно насыщенный образ), так и собственно лингвистические причины (отсутствие у наречия способности быть охарактеризованным с помощью согласованных определений или придаточных определяющих).

Литература

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2-х т. М.: Русский язык, 2000. Т. 1: А-О. 1210 с.
2. Иванова М. И. Семантико-деривационные классы наречия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1991. 14 с.
3. Калякина О. Н. Процесс адвербиализации в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.
4. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия: дис. ... докт. филол. наук. М., 2009. 844 с.
5. Петрова Н. Е. Грамматикализация внутренней формы слова как номинативный ресурс языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2009. 38 с.
6. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Ок. 1500 устойчивых сочетаний рус. яз. М.: Астрель; АСТ, 2003. 416 с.
7. Савёлова Л. А. Семантика и прагматика русского наречия: дис. ... докт. филол. наук. Северодвинск, 2009. 386 с.

УДК 80'808.1

АНАЛИТИЗМ ИМЕННЫХ КОМПОЗИТОВ (НА ПРИМЕРЕ СЛОЖНОСОЕДИНЕННЫХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ)

О. М. Исаченко

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

***Аннотация.** Статья посвящена анализу окказиональных единиц – именных словосложений, компоненты которых выражены существительными. Объединение элементов композитов описывается набором словообразовательных моделей, каждая из которых характеризуется фиксированным / свободным порядком компонентов, их семантикой и общим деривационным значением. Это значение включает адъективные смыслы, выраженные эксплицитно или имплицитно. Активное использование в художественной речи именных композитов свидетельствует о росте аналитизма в грамматической парадигме прилагательного.*

***Ключевые слова:** словосложение, композиты, словообразовательная модель, деривационное значение, аналитизм.*

ANALYTISM OF NAMED COMPOSITES (BY THE EXAMPLE OF COMPLEXLY CONNECTED OCCASIONALISMS)

O. M. Isachenko

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia*

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of occasional units – nominal word combinations, the components of which are expressed by nouns. The combination of composite elements is described by a set of word-building models, each of which is characterized by a fixed / free order of components, their semantics and a common derivational meaning. This meaning includes adjectival meanings expressed explicitly or im-*

plicity. The active use of nominal composites in artistic speech indicates the growth of analyticism in the grammatical paradigm of the adjective.

Key words: *composition, composites, word-formation model, derivational meaning, analyticism*

Одним из наблюдаемых изменений морфологического строя современного русского языка является усиление роли аналитических прилагательных в разных типах речи, наиболее заметных не только в официальном дискурсе, но и в художественном. Очевидно, эта особенность подтверждает фиксируемую многими лингвистами нарастающую тенденцию к аналитизму: «Было бы неверно ... отрицать развитие аналитизма в отдельных звеньях грамматического строя современного русского языка (Горбачевич 1990: 79). Яркой иллюстрацией грамматического аналитизма являются десятки составных слов, вошедших или входящих в последнее десятилетие в активный узус: **Вики-словарь**, **vip-персона**, **vip-парковка**, **мастер-класс**, **мидл-класс**, **сервис-центр**, **топ-спикер**, **топ-менеджер**, **фейс-контроль**, **шоп-тур**, **шорт-трек**, **шорт-лист**, **шоу-бизнес** (ср. *болван-шоу* (Г. Мирский, 2014)).

Составные слова активизируются целыми гнездами, вокруг заимствованных слов, выражающих признак (например, с адъективной частью **бизнес**: *бизнес-партнер*, *бизнес-проект*, *бизнес-план*, *бизнес-климат*, *бизнес-класс*; **интернет**: *интернет-провайдер*, *интернет-журналистика*, *интернет-цензура*, *интернет-провокация*, *интернет-язык*; **стоп**: *стоп-кадр*, *стоп-кран*, *стоп-лимит*, *стоп-лист*, *стоп-приказ*, *стоп-сигнал*, *стоп-слово*; **пиар**: *пиар-агент*, *пиар-компания*, *пиар-акция*, *пиар-менеджер*, *пиар-отдел* и др.).

В деривационном аспекте такие единицы представляют собой результат **словосложения**, или **композиции**, т. е. слова, образованные путём объединения в одном слове нескольких (двух и более) словарных единиц...» (Немченко 1984: 116). Отмечается особое положение составных сложных слов, которые называются «сложносоединенными словами» или «сближениями», типа *вагон-ресторан*, *избачитальня*, *диван-кровать* (Там же), в которых, судя по примерам, второй компонент обозначает функциональный признак предмета (*вагон* (какой?) – в котором работает *ресторан*; *изба* (какая?) – которая используется как *читальня* и т. п.). Необходимость подобной трансформации для объяснения значений таких сближений подтверждает синтаксический (в системе способов словообразования, предложенных В. В. Виноградовым, словосложение относится к морфолого-синтаксической разновидности деривации) характер словосложения на основе сближения – «композиции». В соответствии со словообразовательным способом дериваты можно лаконично называть «**композиитами**».

В плане выражения они представляют собой «сочетание двух (иногда трёх) фиксировано расположенных раздельнооформленных слов» (Кочеткова 2004: 23). В собранной нами картотеке встречаются отдельные примеры трехкомпонентных единиц (*улыбочки-фразочки-шуточки* (Д. Гуцко); *наша-горбач-златоглаз* (окунь), *балбес-капитан-предатель* (Ю. Коваль)), которыми при анализе допустимо пренебречь. Как показывает материал, порядок слов в составе композитов может быть жестким, вариативным.

«Аналитичность» словосложения, в отличие от сложения основ (с добавлением или сокращением фонем: *светлый* + *розовый* = *светло-розовый*, *пар* + *ход(и)ть* = *пароход*), состоит в механическом объединении двух самостоятельных слов в одно (ср.: *стол-книжка*, *сумка-холодильник*) при сохранении визуальной отдельности компонентов – благодаря дефисному написанию. Именно этот признак позволяет разграничивать словосложение и сращение (в терминологии В. В. Виноградова, «лексикализации словосочетания» или «лексико-синтаксического» способа, например, *заблагорассудится*), при котором прямая эквивалентность синтаксической единице – словосочетанию (*труднопроизносимый* = *трудно произносимый* // *произносимый трудно*) – очевидна, а отдельность компонентов – нет. Не случайно лингвисты подчеркивают «аналитическое свойство структуры» композитов, которые легко разложимы на компоненты (Павлов 1985: 36).

В. Н. Немченко называет следующие специфические особенности «сложносоставных слов» (типа *плац-палатка*, *ковер-самолет*, *вагон-ресторан*): 1) их компоненты имеют одинаковую частеречную принадлежность; 2) соединительные звуки отсутствуют; 3) чаще всего морфологически изменяют-

ся обе части, т. е. склоняются (*ковра-самолета, на ковре-самолете...*) (Немченко 1984: 134–135). Отметим, что последнее свойство не является универсальным, оно ограничено грамматической природой и функцией компонентов (например, в *кофе-времянка, горе-воин* первая часть не склоняется).

В рамках синтаксиса данные единицы получают иную интерпретацию: они традиционно рассматриваются как соединение существительного с приложением.

Приложением выражаются зависимые отношения между существительными (и / или субстантивом), которые обусловлены тем, что название предмета или явления может обозначать не только индивидуум или явление, но и присущие им свойства (совокупность свойств), а также родовые признаки этих предметов или явлений. Например, в сочетании *дерево-гигант* – родовое понятие *дерево* осложняется понятием о его признаке (*гигант*), которое и называется приложением. Синтаксическая зависимость одного слова от другого выражается в атрибуции: *дерево* (какое?) *гигантское* (Шахматов 2001: 279).

Для существенной части рассматриваемых нами именных композитов действительно характерны синтаксические отношения «определяемое слово – определение». Однако в некоторых случаях сходство композита с приложением с учетом его семантики условно. Например, в композите *ягодки-кровинки* формально определяемым является лексема *кровинки*, а зависимым – *ягодки*. Но семантически лексема *ягодки* не выражает свойства предмета. Этот компонент передает результат метафорического сравнения двух объектов. При трансформации композита в словосочетание оно принимает вид: *кровинки, похожие на ягоды*, т. е. такие же маленькие, красные, но не *ягодные кровинки ‘состоящие из ягод’.

Или, например, традиционно причисляемое к «приложениям» сочетание *шапка-невидимка* представляет собой небанальное соединение и поэтому из общей концепции выбивается. В отличие от *человек-невидимка* (= *невидимый человек*), шапка не головной убор, а волшебный предмет, который помогает человеку стать невидимым, и, пока ее не надевают на голову, она вполне «видимка». Следовательно, трансформация *шапка-невидимка* в *невидимая шапка* некорректна.

В рамках синтаксиса рассматриваются также сочетания существительных, выражающее одно сложное представление – типа *шутки-прибаутки*. При этом делается оговорка, что «подобные сочетания существительных стоят на границе между сложными словами и двумя существительными, связанными союзом либо союзной паузой» (Шахматов 2001: 457).

Даже с учетом выделенных разновидностей, невозможно применить «учение о приложении» ко всем единицам. Прежде всего потому, что морфологическая природа композитов не ограничена именами существительными (ср.: *жили-были, пошло-поехало, любо-дорого, жив-здоров, с бухты-барухты, сикось-накось, встречный-поперечный*). Следовательно, синтаксический подход искусственно сужает объем композитных единиц.

Дополнительным аргументом в пользу деривационного анализа композитов, их лексического, а не синтаксического статуса является их соответствие таким признакам слова, как: двусторонний характер, грамматическая оформленность, непроницаемость (примеры «проницаемости» исключительно редки: *глаза-стальные заклепки* (Б. Акунин. Черный город)), воспроизводимость (безусловно, в сочетании с «творимостью», актуальной для окказиональных единиц, которые имеют «репродуктивный характер»), референтная отнесенность (т. е. композит обозначает определённую реалию), номинативность, некоммуникативность.

В настоящее время, через 30-50 лет после публикации основополагающих, ставших лингвистической классикой работ по русскому словообразованию (В. В. Виноградова, В. Н. Немченко, В. М. Павлова, Е. А. Земской, И. С. Улуханова) прибывающая «фактура» композитов требует их фиксации, осмысления и систематизации по возможности в рамках традиционной парадигмы. Важность такой исследовательской процедуры отмечал И. С. Улуханов, придавая особое значение изучению окказионального материала – «выявлению всех словообразовательных возможностей русского языка, которые теоретически предсказуемы, но не реализованы в узуальной лексике, однако могут быть или уже реализованы окказионально...» (Улуханов 1996: 26).

Е. А. Земская в монографии «Словообразование как деятельность», анализируя данные словаря «Новое в русской лексике. Словарные материалы-81», отмечает активное образование сложных и составных слов, доля которых от общего количества неологизма составляет 8%, или 240 единиц (Земская 2009: 40–43). По нашим подсчетам, в словаре «Новое в русской лексике. Словарные материалы-94» составных слов примерно столько же – 248 (от 2775 единиц), но в процентном соотношении уже 9%. Как видим, абсолютные и относительные показатели постепенно растут, количество композитов увеличивается.

Составные слова Е. А. Земская делит на глаголы и существительные, представленные неличными и личными именами.

Среди неличных имен она дифференцирует: 1) терминологические (или тяготеющие к ним) наименования (*комбайн-измельчитель, театр-спутник; брюки-сигареты, джип-чероки*); 2) характеризующие наименования (*письмо-приказ, стихи-раздумья; выставка-проект, кухня-спальня*); 3) «не имеющие характера устойчивого наименования свободные сочетания», которые могут включать однокоренные, антонимичные или рифмованные слова (*споры-разговоры, удачи-неудачи, курочка-снегурочка; пробы-анализы, приз-сюрприз, тёрки-разборки*).

Имена лиц представлены меньшим количеством единиц, но семантически они более монолитны, так как преимущественно выражают социальные характеристики человека: его профессию, должность, национальность (*машинист-инструктор, эксперт-испытатель, писатель-народовед, одиночка-фанатик; проходчик-подрывник, полуиспанка-полурусская, референт-переводчик*).

В целом все неузусальные новообразования представлены двумя типами окказионализмов, образованных: с помощью обычных формантов (при нарушении законов их действия) или специфическим способом – междусловным наложением, контаминацией, слиянием, «словообразовательным кустом», «высвобождением аффиксов» и др. (Земская 2009: 186). Очевидно, композиты относятся к первому типу окказионализмов, так как представляют собой традиционные словосложения («сложносоединенные слова» или «сближения», в терминологии В. Н. Немченко).

Широким полем лингвистических экспериментов была и остается современная русская литература. По нашим наблюдениям, авторские композиты – яркая черта современной художественной прозы и поэзии: *И он еще узнает, как по-лесному застенчиво розовеют пальцы-земляничины на голубом кафеле московской ванной* (С. Шаргунов. Как меня зовут?); *И была у него мечта-задумка – сделать беседу с классиком Шелестовым...* (Д. Быков. Икс); *И это не была слюнявая любовь-умиление, когда хочется целовать следы ног Серафимы на каждой ступеньке черной лестницы* (А. Иванов. Общага-на-крови); *За его спиной – закутанная в платок по брови жена, в руках – по кульку-младенцу* (Г. Яхина. Зулеха открывает глаза); *...И тогда бы [если бы разговор был содержательным и примиряющим всех] этот длящийся уже не первый час разговор-ливень прекратился, и все бы ... разошлись, занялись делами; Летом, в жару, в этом дворе-коридоре держалась духота, хотелось скорее уйти в огород...; Ледяные шарики ... шишают с подсолнухов лепестки, дырявят перец, на кабачках оставляют вмятины-язвы, режут плети гороха.* (Р. Сенчин. Зона затопления); *Лет десять назад она [племянница] объявилась у нас в Москве – молодая, спелая, щечки-яблочки; ...с решетками-жабрами по бокам ... Сооружение это – дышало московского метро* (О. Зайончковский. Счастье возможно); *Однажды директор собрала старшеклассников на собрание-прессинг* (Сб. Школа жизни); *А он опять чуть не вякнул свое слово-выручалочку, свое «простите», которым прерывал все бабские вопросы* (Л. Петрушевская. Рассказы о любви); *Крупные рыбы ярких цветов величаво плавали... Рыбки помельче егозили возле крупных, словно водяные ангелы-шалуны* (А. Снегирев. Я намерен...); *В своих стихах он [Маяковский] был совершенно беспощадным вампиром-конформистом...* (В. Ерофеев. Мужчины: тираны и подкаблучники); *...с этой самой фамилией-поездом* (Д. Рубина. Двойная фамилия) и мн. др.

Максимальное количество композитов различной грамматической природы содержат тексты Ульи Новы – это ее фирменный стиль, узнаваемая манера письма. Это подтверждается количественными данными – процентной долей таких слов в повествовательной ткани произведений разных ав-

торов: А. А. Уткин, «Крепость сомнения» – 0,0007%; С. А. Шаргунов, «Как меня зовут?» – 0,0008%; Д. Л. Быков, «Икс» – 0,001%; Уляя Нова, «Инка» – 0,004%. Поэтому классификацию композитов мы проведем на материале ее романа «Инка» (2009 г.).

Картотека композитов получена методом сплошной выборки из текста романа, в ней 301 оригинальный композит, которые сохраняют эффект новизны и воспринимаются как окказионализмы. В картотеку не включались узуальные разговорные композиты (*судил-рядил, думает-гадает, подобру-поздорову, встречный-поперечный, жива-здоровя, тям-ляп, туда-сюда*), устойчивые названия (*шапка-ушанка, кают-компания*), «лексические редупликаты» (Крючкова 2004) (*далеко-далеко, едва-едва, мало-мальски, зелень-зеленью*) и т. п.

Окказиональные композиты в романе «Инка» имеют различную грамматическую природу: 87% (263 единицы) – это «сближения» существительных (*мошки-искры, пластина-солнце, пуговица-инвалид, цветок-лодка, шатер-киоск, ящерица-время*); 9% (28 единиц) – «сближения» глаголов (*летает-дирижирует, мелькало-мерцало, засалить-затереть, застеснялась-запричитала, толкали-пинали, живешь-самообнаружаешься*); 3% (10 единиц) – атрибутивные «сближения» (прилагательные: *глуповато-услужливый, подозрительно-оборонительный*, наречие: *обманчиво-спокойно*).

В рамках заявленной темы нас интересует только именной кластер композитов, которые на основе деривационной семантики (по словообразовательному значению) мы распределили по пяти моделям, руководствуясь принципом необходимой дифференциации языкового материала, интегрированного по общему признаку, но не гомогенного по составу (Кочеткова 2004: 23).

При записи модели для обозначения именного компонента используется символ N, нижними индексами обозначена общая семантика компонентов (объект – *o*, признак – *adj*, функция / функциональный признак – *f*, видовой признак – *part*). Кроме того, используются математические символы. Так, после знака « $\leftrightarrow$ » указано «интегральное» деривационное значение из «слагаемых»: нижний индекс маркирует основную семантику слова, а верхний – дополнительную. В Модели 5 используется математический символ суммы Σ . Знак « $\leftrightarrow$ » (взаимобратной зависимости) ставится в моделях, допускающих свободный порядок компонентов, возможность (невозможность) маркирована знаком «+» варьирования их места в композите.

Свободное варьирование места определения и определяемого слова в структуре композита подтверждается рядом аналогичных примеров: *Короткая стрижка в сочетании с тонкими модными очками наводили на словосочетание: плейбой-профессор. Или профессор-плейбой* (Е. Черникова. Золотая ослица) – определяемым здесь, независимо от места, является сущ. *профессор* (какой?); – *Шустров ... Да, гений. Каких бы мы с ним тут дел наворотили! Если б не баба-змея* (Б. Акунин. Весь мир театр); *Змея-баба. Кто бы подумал, а с виду тихая такая* (Г. Яхина. Зулехя открывает глаза) – в роли определяемого слова в обоих случаях является сущ. *баба*.

Представим выделенные модели.

Модель 1 $\{N_o \leftrightarrow N_{adj} = N_o^{adj}\}$ – объект, обладающий характерным, легко наблюдаемым отличительным признаком: *девушка-чужеземка, чужеземец-продавец, хозяин-грубиян, устрица-гигант, трудоголик-астроном, таракан-крепыш, одиночка-предприниматель, мальчишка-попрошайка, чудо-рыба, пират-коммерсант, любимица-дочка*. Для этих композитов доступна трансформация в атрибутивное словосочетание: *старик-отец – старый отец, парень-абориген = местный парень, крыса-толстушка = толстенькая крыса*.

Модель 2 $\{N_o \leftrightarrow (\text{как}) N_{adj} = N_o^{adj}\}$ – объект, обнаруживающий своими внешними или ассоциативными признаками сходство с чем-л.: *шакалиха-судьба, улыбка-мотылек, чешуйки-монетки, ресницы-бабочки, пуговица-жук, ветки-переулки, провод-змея, школьница-синица, губка-бутерброд, горошины-зрачки, сумочка-стручок, бабулька-мумия, ангар-улей (аэропорта), мошки-искры* [от пламени костра]. Покажем на примере, как выявляется признак сходства: в структуре композита *питомица-звезда* объектом качественной характеристики является *звезда*, а *питомица* выполняет роль атрибута. Знание общего контекста (у одного из персонажей, астронома, нет друзей, он «контактирует» только со звездами, считая их своими домашними питомцами) подсказывает интерпретацию: *звезда*

как ручной зверек, к которому относятся с любовью и заботой. Атрибутив *питомица* включает, помимо ассоциации, семантический признак эмоционального отношения субъекта к названному объекту – звезде.

Модель 3 $\{N_o + N_f = N_o^f\}$ – объект, обладающий функциональным свойством другого объекта: *ракушка-амулет, языки-сказители, тыква-сосуд, сердце-мишень, рука-анаконда, рука-нож, палец-дротик, взгляды-дротики, голос-шаман, топорик-томагавк, комнатка-крепость, подвал-гробница, щиты-серьги* (о рекламных щитах); [на асфальте] *множество ног оставляют царапины-письмена*.

Указанный в модели порядок компонентов может нарушаться, что в целом нетипично для данной схемы словосоединения. Например, в композите *дротики-вопросы* (*Потом Азалия прищурилась и, совершенно не заботясь об осторожности, безо всяких намеков и ухищрений забросала Инку острыми и прямыми дротиками-вопросами*) определяемое слово *вопросы* стоит после функционального компонента *дротики*: вопросы, которые можно бросать в собеседника, метать, как дротики.

Отметим, что порядок «композиции» важен для разграничения моделей. Так, композит *ракушка-дом* соответствует модели 3 (ракушка, которая служит кому-то домом: *Окраинные дома-временки, симулянты жилищ, известковые ракушки-дома, пристанища на одну жизнь-ночь для случайных, нечаянных людей...*), а *дом-ракушка* – модели 2 (дом, внешним видом напоминающий створчатую коробку, раковину).

Модель 4 $\{N_o \leftrightarrow N_{part} = N_o^{part}\}$ – объект как представитель класса в актуализированной разновидности (в терминологии Е. А. Земской эти дериваты соответствуют «характеризующим наименованиям»). Общее значение таких композитов можно сформулировать формулой: «объект типа чего». Например: *прическа-бобр, тапки-лодочки, сцена-временка, воздь-предводитель, помарка-ошибка, самка-ондатра, птица-мать, вопрос-жалоба, гримаска-улыбка, грызун-капибара, лодка-каноз, крестики-стежки* (здесь «опорным» компонентом является сущ. *стежки*, а *крестики* – вид вышивки пересекающимся стежками), *посланник-часки* (*Часкисами* в инкской империи называли гонцов, быстро доставляющих почту); *Племя бородастых, ворчливых мужчин дало начало обезьянам-крикунам* (ср.: *обезьяны-ревуны*). *Племя тихих, но стержовных бабенок постепенно превращается в птиц-громовников* (в ряде мифологических систем эти птицы или крылатые существа вызывают грозу и связаны с небесными божествами и Луной).

Модель 5 $\{N_{o1} + N_{o2} = N^{\Sigma}\}$ – генерализованная номинация для дискретной совокупности понятий, явлений, предметов или событий. Идея множественности выражена в этой модели грамматически: как правило, компоненты имеют форму множественного числа: *брелоки-безделушки, приметы-зарубки*. Композиты этой модели чаще всего можно объяснить через однословный синоним: *раздумья-мечты* (мысли), *орнаменты-закорючки* (узор), *гуляние-блуждание* [толп] (движения / перемещения).

Более корректно подобрать эквиваленты можно только с опорой на контекст, что согласуется с главным принципом изучения окказиональной лексики: «нельзя изучать новообразования в отрыве от текста произведения, так как окказионализмы актуализируются в тексте», только в нем окказионализмы «в полной мере обнаруживают свою специфическую природу – свой конструктивный характер» (Земская 2009: 163)). Контекст либо «подсказывает» значение (*Инка никак не могла понять, почему родители больше знают ее не хотят, почему уверены, что она – пятно на семье? Неужели амулеты, бусы из камешков и замшевые платья способны сбить с толку род-племя* (= семью), *Уаскаро отвечал на ее осторожные расспросы с усталым почтением, в его планы, видно, не входила подробная и откровенная экскурсия по своему прошлому-настоящему* (= по совет жизни / судьбе), либо «наводит» скрытые семы: *...ведь неприлично достать лупу и рассмотреть орнаменты-закорючки* (= мелкий / замысловатый узор) *на этом чуде костяного ремесла; Инка так слушалась указателя, что даже пересекла крупный газон, зеленеющий... редкими лютиками-цветиками...* (мелкими, невзрачными цветами); *Ее попытки стойко оставались безуспешными, никто, совпадающий с горсткой примет-зарубок* (= характерные признаки), *наскоро вытянутых из Азалии, не появлялся; Рывками-скачками* (= резкими, стремительными движениями) *Инка освобождалась из автобуса*. Как видим, контекстуально обусловленными являются атрибутивные семы: размер, плотность, объем, интенсивность.

Характерно, что в качестве элементов таких композитов используются антонимы – из «крайностей» рождается единство (*явки-исчезновения* = непостоянство, ср. *руки-ноги* = конечности), или

синонимы, которые на фоне семантического удвоения выражают интенсивность или множественность (*рывки-скачки, лютики-цветики*, ср. *друзья-приятели* = много знакомых).

По деривационному значению дифференцированы 5 моделей, вопреки предложенным двум, которые следуют из противопоставления лексической и синтаксической деривации: 1) «комплексное наименование предмета» (*хлеб-соль, купля-продажа*), в основе которого суммарная мотивировка «слагаемых» – сочетания слов сочинительного типа; 2) «признаковое наименование предмета» (*ракета-носитель, суп-пюре*), мотивированное синтагматическими отношениями между компонентами – на основе аппозитивного словосочетания (Кочеткова 2004: 23–25).

Все выделенные на окказиональном материале модели имеют прототипы в составе узуальных композитов:

(1) $\{N_o \leftrightarrow N_{adj} = N_o^{adj}\}$ – *мать-одиночка, пуля-дура, дорога-бетонка, летчик-ас, карась-идеалист, «Сорока-воровка»* (А. Герцен);

(2) $\{N_o \leftrightarrow (\text{как}) N_{adj} = N_o^{adj}\}$ – *рыба-меч, рыба-игла, брюки-дудочки, шапка-петушок*;

(3) $\{N_o + N_f = N_o^f\}$ – *вагон-ресторан, изба-читальня, ковёр-самолет, руки-крюки, палочка-выручалочка*;

(4) $\{N_o \leftrightarrow N_{part} = N_o^{part}\}$ – *царь-батюшка, часы-ходики, сахар-рафинад; мышь-полевка, заяц-русак, воин-освободитель, герой-любовник, воротничок-стойка, лом-гвоздодер, трактор-тягач*;

(5) $\{N_{o1} + N_{o2} = N^\Sigma\}$ – *пьянка-гулянка, руки-ноги, друзья-приятели, стыд-позор, «Печки-лавочки»* (В. Шукшин).

Кроме того, данные модели описывают образование сложных слов с эксплицитной или имплицитной атрибутивной семантикой. Выполним для каждой модели необходимые трансформации с тем, чтобы выявить сему ‘признак’.

(1) $\{N_o \leftrightarrow N_{adj} = N_o^{adj}\}$ – *ездочки-хамы* (= *наглые / хамоватые ездоки*), *дикарь-одиночка* (= *одинокий дикарь*), *девушка-чужеземка* (= **чужеземная ‘иностранная’ девушка*), *курьер-панк* (= *панкующий курьер*) – композиты этой модели, за редким исключением (например, *коришун-охотник* = *хищный коришун*), легче других поддаются трансформации в атрибутивные словосочетания.

(2) $\{N_o \leftrightarrow (\text{как}) N_{adj} = N_o^{adj}\}$ – *корабль-бумажник* (бумажник, похожий на корабль в пространстве сумки-океана), *бабульки-мумии* (бабульки, напоминающие своей малоподвижностью мумий: *...эле-эле шаркающих бабулек-мумий...*), *морщинки-лучики* (морщинки, отходящие от глаз, как солнечные лучи) – для вербализации атрибутивного значения можно использовать формулы: *напоминающий что, похожий на...*, или конструкцию с союзом-частицей *как* (*облако-корзина* = *облако по форме и виду, как корзина*, ср.: *Было одно смеющееся облако, было **облако-корзина** с дырками и фруктами*).

(3) $\{N_o + N_f = N_o^f\}$ – *ракушка-амулет* (ракушка, которая служит оберегом), *пальцы-годы* (пальцы, используемые для счёта прожитых лет: *Иногда мне кажется, что я родился и вырос здесь, насквозь пропитался сыростью и метелями. А так, уже сбился со счёта, – он стал загигать **пальцы-годы***), *ладошка-козырёк* (ладошка, закрывающая от солнца, как козырек) – для трансформации «функциональных» композитов по понятным причинам необходимы глагольные конструкции или причастия.

(4) $\{N_o \leftrightarrow N_{part} = N_o^{part}\}$ – в композитах этой модели второй элемент квалифицирует первый, называет его «профиль»: *сумка* (какая?) – *сумка-баул, сумка-бык, сумка-мешок, сумка-седло* (именно такую классификацию изобрела Инка: *Книга была редким гостем, а точнее сказать, никогда не заглядывала книга в Инкины **причудливые сумки**: в суму с вышивкой ручной работы листа марихуаны, в сумку с аппликацией в виде старенького медведя в лохматую сумку в виде быка, в **сумку-баул**, в пять рюкзаков, кожаных, замшевых и с орнаментами, в кожаную **сумку-седло**, и еще в целом стоге разнообразных насмешек над идеей сумки никогда, ни страницей книга не появлялась, – чтобы дифференцировать предметы одного класса*). Атрибутивное значение, имеющее статус уточнения, конкретизации (*какой именно?*) осознается носителями языка, но не всегда вербализуется с помощью трансформации: *шапка-треуголка* = *треугольная шапка, туфли-лодочки* = **лодочкообразные* (по форме) *туфли*.

(5) $\{N_{01} + N_{02} = N^{\Sigma}\}$ – атрибутивное значение этих композитов является, как мы показали выше, контекстуально обусловленным. Вне контекста их значения номинативны и могут передаваться словами с обобщающей семантикой (*пьянка-гулянка = праздник*).

Таким образом, композиты, соответствующие моделям 1 и 2 (типа *пуля-дура* и *рыба-меч*), могут рассматриваться как единицы с аналитическим прилагательным. В грамматическом плане второй элемент – это имя существительное, а с точки зрения лексической и синтаксической семантики – атрибутив, отвечающий на вопрос *какой?* или *какой именно?* Образование композитов – простой деривационный способ «упаковать» объект и признак в один вербальный знак, реализовать формальную и семантическую компрессию.

Часть таких знаков, попадая в поле масс-медиа и интернет-пространство, активно тиражируется и входит в узус (*мини-маркет, чек-лист, экспресс-опрос, лайт-лифтинг, интернет-магазин, веб-дизайн, картофель-фри, онлайн-трансляция, инфо-повод, лонг- / шорт-лист, мастер-класс, фиксин-райтер, кавер-версия, тик-ток-войска*). Другая часть сохраняет статус «привилегированной», свойственной художественному современному тексту или авторскому стилю. Исследователи всегда отмечали у таких единиц мощный экспрессивный «заряд» (например, А. И. Федоров писал: «большие образные возможности заложены в определениях, выраженных приложениями», они выражают совокупность качеств предмета (например, *утес-великан* (Лермонтов), в котором *великана* указывает не только на величину утеса, но и добавляет образное представление о великане человеке, поэтому «утес ассоциируется с чем-то мужественным и сильным») (Федоров 1969: 40)).

Синтаксическая лаконичность по принципу «два в одном» (не *брошка в виде пчелы, а брошка-пчела*; не *высотки, расположенные по соседству, а соседи-высотки*) и **семантическая** (в том числе экспрессивная и экспрессивно-стилистическая) емкость таких единиц обуславливают «разрастание» традиционного для русского словообразования способа «композиции» (*служить верой-правдой, худо-бедно, резать правду-матку, ёлки-палки, страсти-мордасти, любовь-морковь, мышка-норушка...*) и свидетельствует об усилении аналитизма в грамматическом строе русского языка, точнее, в сфере прилагательных, роль которых в составе композитов выполняют существительные.

Литература

1. Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике. М., 1975. 559 с.
2. Горбачевич К. С. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка) // Русистика. Берлин, 1990. № 2. С. 70–80.
3. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 2009. 224 с.
4. Кочеткова Т. И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке. Оренбург, 2005. 287 с.
5. Крючкова О. Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 63–85.
6. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984. 255 с.
7. Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л.: Наука, 1985. 299 с.
8. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 2001.
9. Федоров А. И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969.

УНИВЕРБАЦИЯ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г. В. Клименко

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия*

***Аннотация.** В статье делается попытка систематизировать явления компрессионного словообразования, уточнить понятия «универбация» и «универбат». Актуальность темы обусловлена массовым распространением данного явления в современном русском языке, необходимостью выделить и описать специфические языковые единицы, уточнить их словообразовательные, лексические, семантические характеристики.*

***Ключевые слова:** универбат, структура, семантика, функционирование.*

UNIVERBATION AS A SPECIFIC METHOD OF DERIVATION IN THE MODERN RUSSIAN

G. V. Klimenko

*Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia*

***Abstract.** The article attempts to systematize the phenomena of compression word formation, to clarify the concepts of "univerbation" and "univerbat". The relevance of the topic are due to the massive spread of this phenomenon in the modern Russian language and the need to identify and describe specific language units, clarify their word-formation, lexical, semantic characteristics. This study has both theoretical and practical significance.*

***Key words:** univerbat, structure, semantics, functioning*

Конец XX и начало XXI века отмечены огромными изменениями социального, экономического и политического характера как в России, так и в других странах. Данные процессы оказали бесспорное влияние на современный русский язык. Так, например, лингвисты отмечают возрастающую вариативность языковых знаков, что можно считать положительным явлением: расширяются возможности языка для удовлетворения конкретных номинативных и коммуникативных задач, обогащаются не только лексика, но и деривационная система, и стилистика.

В современной лингвистике нет единого мнения о том, что такое универбация. Так, например, в энциклопедии «Русский язык» сказано: «Универбация – компрессионное словообразование, образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично. Универбация – одна из основных функций словообразовательных средств языка. В отличие от собственно номинации, универбация используется не для обозначения словом нового понятия, а для однословного обозначения понятия, уже имеющего в языке устойчивое наименование, но составное, неоднословное» (Русский язык 1997: 577).

Универбация может рассматриваться как универсальный словообразовательный процесс, в этом случае всякое словопроизводство приравнивается к универбизации (Кубрякова 1986: 43). Несколько иная точка зрения отражена в работах Е. А. Земской. В монографии «Русская разговорная речь» универбация определяется как «способ словообразования на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, так что по форме производное соотносительно с одним словом, а по смыслу – с целым словосочетанием («сгущенное молоко – сгущенка», «грузовой автомобиль – грузовик»). Лексическое значение термина соответствует дефиниции: универбация образовано от лат. *unis*(*uni*) – один- первая составная часть сложных

слов, соответствующая по значению слову «один», соответствует русскому «едино», «одно...» + *verbum* – слово, т.е. однословное наименование» (Земская 1981: 82).

Универбацию также называют компрессионным словообразованием. Иногда при описании подобного явления употребляется термин «конденсат» и процессы, связанные с утратой сематической расчлененности, называются сематической конденсацией (Устименко 2007). Однако в «Русской грамматике» 1980 понятие универбации отсутствует, а те факты, которые можно отнести к универбатам, растворены в суффиксальном способе. Другими словами, это языковое явление не имеет легального статуса способа словообразования.

Нам показалось интересным и полезным исследовать участок деривационной системы русского языка, а именно, такой продуктивный способ, как универбация. Универбаты во множестве присутствуют в профессиональной, жаргонной и разговорной речи. Интересующие нас единицы до сих пор не были нигде комплексно описаны, несмотря на активность исследования разговорной речи. В своем исследовании мы опирались на точку зрения Е. А. Земской. Поставленная цель определила следующие задачи: 1) уточнить понятия «универбация» и «универбат»; 2) исследовать деривационную и семантическую структуру универбатов; 3) проанализировать универбаты с лексической стилистической точек зрения.

Материалом для статьи послужили лексемы, набранные из современных толковых и словообразовательных словарей, а также из газет «АиФ», «Российская газета», «Комсомольская правда», из Национального корпуса русского языка.

Новизна работы заключается в том, чтобы, используя собранный языковой материал, провести комплексный анализ универбатов, выявить их деривационную и семантическую структуру, а также особенности функционирования в речи. Под термином «универбат» понимается однословный эквивалент устойчивых словосочетаний, возникающий в результате процессов формальной и семантической компрессии.

В качестве основного метода исследования в работе использовался описательный лингвистический метод, в рамках которого применялись следующие приемы: классификация и систематизация собранного материала, словообразовательный анализ для установления структуры выделенных единиц, а также компонентный анализ.

1. Словообразовательная характеристика универбатов.

Рассмотрим подробнее, какие словообразовательные типы действуют в среде универбатов. Характеризуя деривационную структуру универбата, мы опираемся на понятие словообразовательного типа, данное в «Русской грамматике»: «Словообразовательный тип – это схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся: а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении (морфема или др. словообразовательные средства)» (Русская грамматика 1980, т. 1: 136).

В русском языке существует несколько словообразовательных типов, действующих при универбации:

а) наиболее продуктивен тип имен существительных с суффиксом -к(а), образованных на базе прилагательных: *аскорбиновая кислота – аскорбинка, фальшивый документ – фальшивка, аморальное поведение – аморалка, анонимное письмо – анонимка, наличные деньги – наличка*; б) достаточно продуктивны универбаты, создаваемые с помощью суффиксов -ик: *грузовая машина – грузовик, мобильный телефон – мобильник, внештатный сотрудник – внештатник*; в) продуктивны также типы с суффиксами -ак: *дело, зависшее в расследовании – висяк, неудобная ситуация – неудобняк, наивный человек – наивняк, бесполезное дело – бесполезняк; -ух(а): веселая жизнь – веселуха, бытовое преступление – бытовуха; -ушк(а): раскладная кровать – раскладушка, легковой автомобиль – легковушка*; г) отмечены слова, образованные бессуффиксным способом, с усечением производящих основ: *нелегал, неликвид, ультрафиолет, Шенген* и др.

Продemonстрируем наличие указанных дериватов рядом примеров из современной публицистики и художественной литературы: *Среди разных бумаг в папку была аккуратно подшита анонимка* [С. Горев. Мелекесское дело // Криминальный отдел, 2011]; *Утром в вестибюле редакции газеты был ранен в грудь фотограф-внештатник* [Шевцов. Париж // Известия.18.11.2013];

В одной из полевых партий погиб человек; то ли имела место бытовуха, то ли случилось что-то на производстве [Саврасов. Таежные были и небылицы (2003–2008)]; *Она открыла глаза, посмотрела бессмысленно и уронила голову на колени. Полная отключка, бесполезняк! – подумал Миша* [Житков. Кафедра (2001)].

Образование универбатов на базе прилагательного нередко сопровождается различными морфонологическими процессами. При образовании слов *анонимка* от *анонимное заявление*, *визитка* от *визитная карточка* происходит усечение суффикса -н- конца производящей основы. Усечение суффикса -ск- и добавление -к(а) наблюдается в таких словах, как *гражданка* от *гражданская жизнь*, *кремлевка* от *кремлевская диета*, *Рублевка* от *Рублевское шоссе*. Однако данный тип может быть образован и на базе словосочетания «причастие + существительное», например, *нержавеющая сталь – нержавейка*. Здесь наблюдается усечение причастного суффикса -ющ- в составе производного слова. В одной лексеме иногда наблюдается несколько морфонологических явлений. Так, при образовании универбатов *обязаловка*, *отрицаловка* происходит усечение суффикса -тельн- и вставка интерфикса -лов-: *обязательная работа – обязательловка*, *отрицательное отношение – отрицаловка*. В слове *зажигалка* (устройство для зажигания сигарет) усекается конец производящей основы (суффикс -тель-) и добавляется интерфикс -л-. Кроме универбатов на основе прилагательного и причастия, отмечены универбаты на базе существительных: *Библиотека им. Тургенева – Тургеневка*, *Библиотека им. В.И. Ленина – Ленинка*. По категориальной принадлежности выводимого слова все универбаты являются именами существительными. По семантической принадлежности слова могут быть выделены модели со значениями лица, предмета, признака, помещения и др.

2. С лексической точки зрения универбаты весьма специфичны. Все они являются синонимами по отношению к исходным словосочетаниям, но эти синонимы различаются не оттенками значений, а стилистической принадлежностью. Анализируя изменения в сфере употребления конкретных универбатов, можно видеть, что они напрямую связаны с увеличением просторечных единиц или бывших профессионализмов не только в устной, но и в письменной речи, например, в газетно-журнальной периодике. Укажем лишь некоторые примеры передвижения универбатов. Так, профессионализмы *щитовидка*, *ветрянки*, *зеленка* и просторечные *караулка*, *манка*, *гречка* в современных толковых словарях уже считаются разговорными. Ряд таких слов из военной сферы, как *гражданка*, *подсобка*, *самоволка*, имеющие помету «просторечное», на наш взгляд, уже перешли в разговорную речь. Об этом свидетельствует их массовое употребление в СМИ и в бытовой устной речи: *После такого происшествия на гражданке не оберешься проблем при трудоустройстве* [МК, окт. 2010]; *Около 5 ч. утра аварийная служба была поднята по тревоге : горела подсобка* [КП, янв., 2011].

Хотя Е. А. Земская, Т. А. Соколовская и другие учёные отмечают, что данный способ характерен в основном для русской разговорной речи, однако некоторые универбаты в настоящее время вошли в кодифицированный литературный язык (КЛЯ). Примером этого могут служить слова, сосуществующие со своими полными вариантами: *вишневка* – вишневая наливка или настойка; *кожанка* – кожаная куртка или короткое кожаное пальто; *невидимка* – невидимое существо; *открытка* – специальная почтовая карточка для открытого письма; *пятилетка* – период в 5 лет и пятилетний план развития народного хозяйства. Последняя из приведенных реалий на сегодняшний день является устаревшей. Наиболее широко распространенным из общелитературных универбатов является «открытка» – его связь со своим производным словосочетанием восстановлена благодаря переизданию старых открыток и конвертов, имеющих надписи «открытое письмо» и «закрытое письмо», относящихся к устаревшим наименованиям. Таким образом, универбат «открытка» следует считать «победителем», вытеснившим свой полный синонимичный вариант из общелитературной нормы в пассивный запас. Е. А. Земская в указанной монографии также относит универбат «открытка» к средствам КЛЯ.

Список общелитературных универбатов как сокращенных вариантов полных наименований может расширен такими словами, как *путевка*, *командировка*, которые в толковых словарях толкуются описательно, но имеют синонимичные полные варианты в сфере профессионального общения: *путевка* в значении «путевой лист» – сопроводительный документ у шофера, *командировка* – «командировочная поездка». Дополнением к списку общелитературных универбатов могут служить старые московские топонимы-названия улиц: Петровка – улица, на которой находился Петровский монастырь Св. Петра; Ордынка – Ордынская улица, по которой проходила дорога в орду; Солянка, на которой находились соляные склады; Сретенка, Полянка, Таганка, Неглинка – полные варианты которых принадлежат истории Московских улиц.

В сфере универбатов встречаются омонимы, например: *аварийка* – а) машина аварийной службы; б) аварийный свет, который включают или во время аварии на дороге, или в знак победы в автогонках (включенная аварийка – это знак победы в гонке); *вечёрка*: а) учебное заведение, которое осуществляет обучение по вечерам; без отрыва от работы; б) газета «Вечерняя Москва»; *зарядка* – зарядное устройство для электронной аппаратуры, например: *Проснулся я утром в хостеле, и первое, что бросилось мне в глаза, – одиноко торчащая зарядка ноутбука* [КП, 19.05.2014].

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Морфемная структура универбата обусловлена составом одного слова мотивирующего словосочетания (а именно прилагательного). Специфика универбатов в том, что в качестве форманта выступают определенные суффиксы, менее продуктивен бессуффиксный способ. Данные словообразовательные типы обладают большими деривационными возможностями, особенно продуктивны в разговорной речи и в профессиональных жаргонах.

При образовании универбатов наблюдаются морфонологические явления (усечение производящей основы, интерфиксация и др.)

2. Хотя формально для плана выражения используется прилагательное (причастие), базой семантики производной единицы является значение производящего существительного, а значение прилагательного дополняет и расширяет семантическую структуру. Иногда семантика универбатов может определяться только в контексте.

3. Слова, образованные с помощью универбации, могут вступать в парадигматические отношения, в частности, образовывать омонимы.

4. Универбаты, как правило, однозначны, полисемия встречается редко.

5. При параллельном функционировании словосочетания и универбата последний осознается как дублет, используемый чаще всего в разговорной речи и имеющий сниженную стилистическую окраску, которая может со временем исчезнуть.

Специфика универбатов и их массовое распространение в наши дни обусловили создание первого учебного толково-словообразовательного словаря, в котором собраны наиболее частотные универбаты и дается их комплексная характеристика: лексическая, словообразовательная, грамматическая, что может быть использовано в процессе обучения русского языка как иностранного и как неродного (Клименко, Маркова 2019).

Литература

1. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы словообразования. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 258 с.
2. Клименко Г. В., Маркова Е. М. Словарь универбатов современного русского языка. Учеб. изд. М.: Прометей, 2019. 108 с.
3. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 158 с.
4. Русская грамматика. М.: Наука, 1980, Т. 1. 564 с.
5. Русский язык. Энциклопедия. М.: Дрофа, 1997. 577 с.
6. Устименко И. А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании. Пособие к спецкурсу. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 132 с.

**ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИЧИНЫ И УСТУПКИ:
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИИ**

Ю. М. Кувшинская

*Национальный исследовательский университет
«Высшая Школа Экономики»
Москва, Россия*

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

***Аннотация.** Статья посвящена характерному для современной письменной речи явлению парцелляции, не сопровождающейся экспрессивностью. Рассматриваются типы и функции парцелляции в сложноподчиненных предложениях причины и уступки; обсуждается развитие в связи с этим дискурсивных функций у подчинительных союзов.*

***Ключевые слова:** парцелляция, союз, сложноподчиненное предложение, дискурсивные слова, русский язык*

**PARCELING IN THE COMPLEX SENTENCES WITH THE MEANING
OF CAUSE AND OF CONCESSION: THE TENDENCY
OF THE DEVELOPMENT AND THE FUNCTIONS**

Yu. M. Kuvshinskaya

*HSE University
Moscow, Russia*

***Abstract.** The article deals with the parceling the functions of which are not expressive. The article discusses typical contexts and functions of this type of the parceling in complex sentences with the conjunctions cause and concessive conjunction; the development of discursive functions of the conjunctions.*

***Key words:** Parceling, linking words, complex sentence, discourse word, Russian language.*

Парцелляция, т. е. синтаксический прием, при котором единая синтаксическая структура представлена несколькими коммуникативно самостоятельными единицами, рассматривается учеными прежде всего как явление экспрессивного синтаксиса, поскольку при отделении части исходного предложения создается новый речевой центр, часть исходного высказывания выделяется и актуализируется, за счет чего возникает экспрессивность (ЛЭС; Ванников 2009; Иванчикова 1968: 279; Сковородников 1980: 86; Пинегина 2005: 4; Каркошко 2011:3; Цумарев 2003: 7).

Однако выделение нового речевого центра может не сопровождаться экспрессией, а иметь функцию логического выделения (Цумарев 2003: 7) или функцию перераспределения информации (Сковородников 1980:90); грамматико-конструктивную функцию «разгрузки» длинного предложения (Там же; Иванчикова 1968: 278, 284).

Обращает на себя внимание то, что в современной речи, как в жанрах интернета, так и в газетной или научно-учебной, все чаще встречается парцелляция, не имеющая экспрессивной цели:

(1) *Как сообщили в городском Департаменте жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства, плату за отопление и горячее водоснабжение..., берут с москвичей равномерно в течение всего года по утвержденным и действующим в это время ставкам (согласно постановлению...). Хотя в некоторых российских регионах действует другая система оплаты. [Комсомольская правда, 2007.07.02].*

(2) Я должен сказать, что изначальные цифры не совсем верные (напомним, велась речь об амнистии 100 тысяч бизнесменов. – Ред.). **Потому что** в рамках гуманизации этого законодательства огромное количество бизнесменов были освобождены от уголовной ответственности либо мера наказания была им снижена [РИА Новости, 2006.10.03].

Распространение неэкспрессивной парцелляции, видимо, является результатом постепенной нейтрализации парцеллированных конструкций, как об этом писала (Иванчикова 1968: 297): «Признаком их [парцеллированных конструкций – Ю. К.] узаконения литературным языком служит уже частично наметившаяся их постепенная стилистическая нейтрализация и шаблонизация».

Эта работа посвящена парцелляции, не обусловленной экспрессией и пока еще мало описанной в литературе. Такая парцелляция нередко встречается в сложном предложении. Е. А. Иванчикова относила сложное предложение к конструкциям, «парцелляция которых структурно облегчена», поскольку парцеллят относительно грамматически независим от базовой структуры (Иванчикова 1968: 286, 288). Степень экспрессивности при парцелляции сложного предложения невысока (или даже отсутствует), поскольку, как убедительно показывает автор, «степень грамматической облегченности построений с парцелляцией обратно пропорциональна степени их экспрессивного и информативного воздействия» (Иванчикова 1968: 287), т.е. чем менее обязательны связи между частями, тем слабее будет эффект нарушения связи и менее вероятна экспрессивность при отделении парцеллята.

Мы рассмотрим парцелляцию в сложноподчиненных предложениях (СПП) с придаточными причины, вводимыми союзом *потому что*, и придаточными уступки с союзом *хотя*. Эти типы придаточных, как и другие, выражающие отношения обусловленности, по наблюдениям исследователей, парцеллируются особенно часто (Горбунов 2016: 28, Иванчикова 1968: 288; Пинегина 2005: 18), что закономерно, поскольку они выступают в качестве сентенциальных сирконстантов (Тестелец 2001: 166, 257), не являются семантически обязательными и отделяются достаточно легко. При этом их отделение не дает столь яркого экспрессивного эффекта, как отделение семантически обязательных компонентов.

В задачи работы входит выяснение функции парцелляции, не связанной с экспрессивными целями, в предложениях причины и уступки, осмысление языковых тенденций, стоящих за распространением неэкспрессивной парцелляции.

Материал работы собран в значительной степени вручную. Использовались тексты интернет-СМИ (преимущественно жанры колонки, статьи) и блоги – 22 примера (12 с союзом *потому что*, 10 – с *хотя*); данные Газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка за 2000 – 2021 гг.: 156 примеров (47 с *потому что* и 109 с *хотя*). Всего 178 примеров (59 с *потому что*, 119 с *хотя*).

Помимо этого, для сравнения мы использовали данные Корпуса русских учебных текстов (КРУТ), которые показывают, что в письменной речи студентов НИУ «Высшая школа экономики» в научно-учебных жанрах парцелляция придаточных причины и уступки, зачастую без функции экспрессии, достаточно частое, даже обычное явление, в том числе и в выпускных квалификационных работах студентов, уже овладевших профессиональной письменной речью. В нашей подборке оказался 42 контекста с союзом «потому что» и 12 контекстов с союзом «хотя», всего 54 примера.

Помимо примеров, КРУТ дает возможность своего рода эксперимента с целью выяснения восприятия парцелляции молодыми носителями языка. Дело в том, что неэкспрессивная парцелляция в академическом тексте рассматривается в КРУТ как ошибка и отмечается специальным символом (parc), экспрессивная парцелляция рассматривается как стилистический прием. Разметка ошибок в КРУТ осуществляется студентами-стажерами 2–4 курса бакалавриата 1–2 курса магистратуры направления «Фундаментальная и компьютерная лингвистика»; трудные случаи обсуждаются с преподавателями на специальных семинарах. Первоначальную разметку каждого стажера затем проверяет более опытный стажер, таким образом, каждый текст просматривает как минимум 2 человека.

Примечательно, что среди используемых в статье 94,4 % примеров парцелляции придаточных причины и уступки не были отмечены как отклонение от нормы ни одним разметчиком и не были вынесены на обсуждение на семинарах! Разметчики отметили тегом всего 2 случая парцелляции с

союзом *хотя* и 1 случай – с *потому что*. Это значит, что разметчики не воспринимали парцелляцию сложноподчиненных предложений с *потому что* и *хотя* в неэкспрессивных контекстах как отклонение от нормы, очевидно, считая такие конструкции вполне стандартными.

Экспрессивность и парцелляция

Задача разделения экспрессивных и неэкспрессивных контекстов достаточно сложна. Экспрессивность как «средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» (Гридин 1990), тесно связана с эмоциональностью и с некоторыми видами оценки (об этом см. (Гридин 1990; Лукьянова 1976), в то же время не всегда интонационная и логическая выделенность компонента высказывания сопровождается экспрессивностью. Строго говоря, исчерпывающих объективных критериев для определения степени экспрессивности не существует (см., в частности, (Лайонз 2007: 80)). Степень экспрессивности обычно определяется интуитивно, а также исходя из наличия в контексте эмоциональных и оценочных средств, в том числе эмоциональной и оценочной лексики, интенсификаторов разного типа, тропов и фигур речи, графических признаков эмоционального контекста.

При характеристике экспрессивности высказывания мы будем исходить из наличия/отсутствия в нем прежде всего признаков эмоциональности, а также из цели использования парцелляции в конкретном контексте, из коммуникативной стратегии автора текста.

Необходимо учесть, что даже в экспрессивном контексте парцелляция не всегда применяется ради экспрессии. Так, в примере (3) контекст, предшествующий парцелляту, достаточно экспрессивен, о чем свидетельствуют оценочные слова (подчеркнуты), дискурсивные слова (*тут же, короче, как всегда*); имитация «англоязычной» речи оппонентов, парцелляция в предшествующем контексте.

(3) Кто-то из записных политологов объявлял «Фронт» реально не существующим, *хотя тут же противоречил сам себе, обещая чистки в партии. Короче, как всегда в случае с шагами Путина никто не угадал. И до сих пор продолжают гадать «Ху из?»*. **Хотя** эффективность этой идеи заключается именно в простоте и недвусмысленности желания политического лидера опереться на максимально широкий слой сограждан [Известия, 2013.05.06]

Функция парцелляции последнего предложения состоит в том, чтобы отделить вывод автора и противопоставить его всему фрагменту, описывающему подходы его оппонентов, а не только предшествующему предложению (см. далее). Некоторое субъективное отношение выражается здесь за счет не столько парцелляции, сколько уступительного союза с его семантикой противопоставления действительности и естественного, но нереализованного хода вещей (см. о *хотя* 1 по (Апресян 2015: 232)).

Ср.: при замене союза утрачивается модальная семантика упущенной возможности, но сохраняется противопоставление:

(3а) *Короче, как всегда в случае с шагами Путина никто не угадал. И до сих пор продолжают гадать «Ху из?»*. **Однако** эффективность этой идеи заключается именно...

Если же восстановить сложное предложение, присоединив парцеллят к предшествующему предложению, то позиция автора оказывается противопоставлена не всем подходам оппонентов, описанным во фрагменте, а продолжению догадок; семантика же уступительности сохраняется:

(3б) *Короче, как всегда в случае с шагами Путина никто не угадал. И до сих пор продолжают гадать «Ху из?»*, **хотя** эффективность этой идеи заключается именно в простоте и недвусмысленности...

Дело в том, что в этом примере парцеллят относится ко всему фрагменту, а не к одному (в том числе не только к предшествующему) предложению.

Таким образом, парцелляция в (3) позволяет выделить авторскую точку зрения и противопоставить ее всему предшествующему фрагменту, а также акцентировать семантику союза. Последнее (актуализация семантики союза) в принципе свойственно парцелляции и, на наш взгляд, может рассматриваться здесь как элемент некоторой экспрессии, но основная цель парцелляции состоит здесь не в экспрессии, а в логической организации фрагмента.

Функции и типы парцелляции придаточных причины и уступки в современных публичных письменных текстах

В наших материалах предложения, имевшие форму придаточных причины и уступки, употреблялись самостоятельно в следующих случаях:

1. Базовая часть представляет собой ответ на заданный или предполагаемый вопрос, в том числе возражение, или полемическое или иное выделенное в контексте утверждение, а парцеллят содержит объяснение (потому что) или вводит оговорку (хотя). В этих случаях нередко базовая часть становится темой абзаца, а парцеллят – поддерживающим предложением (6) (Van Dijk, T. A. 1982). Эта функция очень характерна для парцеллированных конструкций с *потому что*, но встречается и с *хотя*:

(5) *Чему нас учит доктор Шелтон? По его мнению, белковые продукты (мясо, рыба, яйца, молоко, сыр, бобы, орехи...) не сочетаются с углеводными (хлебом, крупами, картофелем, пирожными, бананами, сухофруктами, сахаром...). Потому что для их переваривания организм выделяет разные соки: для белков – кислоту, а для углеводов – щелочь, которые, смешиваясь, нейтрализуют друг друга.*

(6) *Один из главных недостатков планшета отсутствие GPS и 3G. Хотя 3G модем при желании можно подключить через USB Host.*

Если преобразовать парцеллированную конструкцию в (5) или (6) в сложноподчиненное предложение, то обстоятельство придаточное будет вводить ограничение для утверждения, выраженного главным предложением. В (5) придаточное становится ремой 1 (по О.А. Крыловой (1992: 124-127)), тем самым утверждение главного предложения о не сочетании белковых и углеводных продуктов тематизируется, теряет актуальность, полемическую остроту, в (6) утверждение о главном недостатке планшета теряет законченность и категоричность за счет оговорки.

2. Парцеллят относится сразу к целому контексту, т.е. одновременно к нескольким предложениям или клаузам в составе сложного предложения. Подобные случаи указаны в (Пинегина 2005: 18). Парцеллят здесь может служить выводом или выражать тему абзаца (Van Dijk, T. A. 1982). Эта функция редко встречается у *потому что*, но очень характерна для *хотя* (см. пример (3)).

3. Дистантная парцелляция (ср.: (Пинегина 2005: 17): после базовой части следуют предложения, уточняющие, поясняющие, иллюстрирующие мысль, и лишь за тем парцеллят. Такие примеры бывают близки к предыдущему типу контекстов:

(7) *Очевидно и то, что искусственный общественный резонанс от совершения преступления до оглашения приговора сделал российские власти главными заложниками ситуации. Мягкий, к примеру, условный приговор позволил бы оппонентам Кремля обвинить его в трусости и подчеркнуть собственную значимость (Кто здесь власть? мы здесь власть!). Хотя, если разобраться предметно российские власти в конфликте вокруг Pussy Riot вообще не участвовали [Комсомольская правда, 2012.08.18].*

4. Если базовая часть в контексте опущена. Это характерно для текстов, в которых воспроизводится разговорная речь:

(8) *Действовали более сконцентрированно и агрессивно, чем обычно. А вот в вечерней встрече против латышей расслабились – и едва не поплавились (Барсук и Колодинский обыграли Самойловса и Плавинса на тай-брейке. – Прим. ред.). Хотя мы с этой парой встречались уже раз пять – и никогда не уступали [Советский спорт, 2008.07].*

(Опущена информация, приведенная в примечании редакции, с которой соотносится придаточное уступки.)

В предложениях с *потому что* в письменной публичной речи такие случаи встречаются реже. Они характерны для устной разговорной речи и для студенческих текстов, авторы которых, очевидно, руководствуются при письме стратегиями устной речи.

(9) *Так же проблема заключается в том, что люди по-разному воспринимают и материализуют информацию. Потому что когда человек решает задачи и знает формулы про физическое тело, то он может и не понять, что данный закон можно применить к летящей пуле или камню (КРУТ).*

(Опущено высказывание о необходимости дополнять теорию практическими примерами, которое должно находиться перед парцеллятом).

5. Если логическая связь частей не идеально продумана: нет уступительных или причинно-следственных отношений или они по смыслу устанавливаются с другой частью, а не с той, к которой отнесены. Этот тип близок к предыдущему. Базовая часть скорее предполагается, чем реализуется:

(10) *В эти выходные тысячи москвичей рванули от жары на городские пляжи* (см. «КП» от 21 мая с. г.). *Хотя* плещутся они здесь пока на свой страх и риск [Комсомольская правда, 2007.05.23].

Пример производит впечатление экспрессивного за счет лексических средств и инверсии главных членов в парцелляте, однако функция парцелляции здесь представляется иной. Прежде всего, здесь нельзя без трансформации соединить кажущиеся базовую часть и парцеллят в одно сложно-подчиненное предложение. Очевидно, между этими частями есть отношения противопоставления, но нет отношений уступки: Ср.: (10а) *В эти выходные тысячи москвичей рванули от жары на городские пляжи... Однако* плещутся они здесь пока на свой страх и риск.

Однако употребление союза *хотя*, и парцелляция в (10) неслучайны. Семантика *хотя*¹ (Апресян 2015: 232), предполагающая нарушение естественного хода вещей, в данном случае соотносится с импликацией предшествующего предложения: [*москвичи начали купаться*]. Союз *хотя* дает автору возможность имплицитно выразить упрек и предупреждение (поддерживаемое дискурсивным словом *пока*), которые должны быть адресованы, очевидно, и властям, и неразумным горожанам. Функция союза может быть названа экспрессивной. Парцелляция, с одной стороны усиливая семантику союза за счет выделения, с другой стороны, дает возможность сгладить логическое несоответствие и разделить, ситуацию и комментарий к ней. Таким образом, центральная ее функция представляется композиционной: переход от изложения фактов к их комментарию (о композиционных функциях парцелляции (Сковородников 1980: 90–91, Цумарев 2003: 24); о маркерах поворота темы (Van Dijk, T. A. 1982)).

6. Если базовая часть и парцеллят относятся одно – к словам автора, другое – к прямой речи. Этот прием характерен для газетной речи (ср. (Цумарев 2003: 17–18)). В примере (11) это способ подачи слов героя публикации позволяет сохранить имитацию живой речи и кратко изложить содержание речи.

(11) *Эксперт в области крепкого алкоголя Эркин Тузмухамедов считает, что дистрибьюторы Label 5 смогут побороться с лидерами рынка виски в России Diageo и Baccardi только в случае радикального снижения розничных цен (средняя цена за бутылку 0,7 л в Москве сегодня порядка 1 тыс. руб.). «Хотя бороться с лидерами, продающими в России Bells и William Lowsons дешевле, чем в Шотландии, будет сложно», – добавляет г-н Тузмухамедов* (НКРЯ).

В нашей выборке встречаются и другие случаи употребления придаточного предложения с союзом «потому что» или «хотя» как самостоятельного высказывания:

А) Вопросо-ответные структуры в диалоге или рассуждении. Это либо неполные разговорные конструкции (вопрос со словом «почему?», ответ начинается с «Потому что...»), либо один из видов риторического вопроса, на который сразу дается ответ, начинающийся с *потому что*. Такие контексты не относятся к собственно парцеллированным конструкциям, но, очевидно, они влияют за закрепление в речи парцеллятов, начинающихся с *потому что*.

Б) Рубрицированные списки, состоящие из однородных парцеллированных придаточных (Харитоновна 2014).

Такие контексты, особенно (А), как кажется, тоже способствуют легализации самостоятельного употребления придаточных в речи.

Кроме того, можно заметить, что во многих примерах парцелляция поддерживается пунктуацией: базовая конструкция содержит восклицательное или вопросительное предложение (примеры (3), (7)).

Парцелляция как тенденция в сложноподчиненном предложении

Как нетрудно заметить, в рассмотренных контекстах парцелляция имеет разнообразные композиционные, или дискурсивные функции.

Кроме того, парцелляция, выделяя часть предложения, актуализирует и семантику вершины придаточного – союза. Союзы, вводящие парцеллят, могут приобретать дополнительные коннотации. Так, в примерах (3) и (11) союз *хотя*, как мы видели, помимо противопоставления и указания на неестественный ход мысли оппонентов, выражает еще и связанный с семантикой упущенной возможности упрек оппонентам.

Аналогично союз *потому что* при парцелляции, помимо указания на причинно-следственную связь, может выражать некоторое противопоставление (см. (5)).

Суммируя изменения в функциях подчинительных союзов при неэкспрессивной парцелляции, мы можем сказать, что они:

– могут соединять целые фрагменты текста, как дискурсивные слова (Дискурсивные слова русского языка 1998: 8) или, с точки зрения синтаксиса текста, текстовые скрепы (Прияткина 2007: 321–327).

– важно, что они вообще преимущественно служат выражению связи между единицами иного типа, чем предложения (между фрагментами текста, имплицатурой или опущенной частью и следующим предложением).

– некоторые из них («хотя») могут выражать дополнительные субъективные, т.е. ведут себя как и дискурсивные слова, которые «выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом и проч.» (Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: 7).

Наблюдения, свидетельствующие о том, что при парцелляции подчинительные союзы развивают свойства дискурсивных слов или текстовых скреп, согласуются с выводом А. Ф. Прияткиной, считавшей, что отделение точкой придаточных с союзом *хотя* от главного предложения может давать текст, а не парцелляцию как таковую, поскольку этот союз, как и некоторые другие, близок к частице (очевидно, выражает модальные значения) (Прияткина 2007: 325). Наши данные подтверждают, что такие текстовые функции развиты в большей степени у *хотя*, чем у *потому что*.

Еще одним подтверждением развития у подчинительных союзов дискурсивных функций и неэкспрессивных композиционных функций у парцелляции служит наличие в языке возможности выразить в тех же контекстах отношения обусловленности с помощью другого синтаксического оформления. Во всех рассмотренных в работе контекстах содержание можно было бы передать, избегая парцелляции: с помощью нескольких самостоятельных предложений, соединенных составными союзами и другими связывающими конструкциями (скрепами, в терминологии новосибирской и дальневосточной научных школ): *дело в том, что, причина этого в том, что* и др.; *но ведь, при том что, в то же время* и др. Так, в (5) вместо *потому что* можно использовать *дело в том, что*, а в (6) вместо *хотя* – *в то же время*.

Почему же авторы текстов использовали парцелляцию СПП и подчинительные союзы? Нам представляется, что есть несколько причин:

- ориентация на разговорную речь с ее сегментированностью (Лаптева 2003, Кибрик 2008).
- стремление к речевой экономии (Стрельцов 1974).
- в ряде примеров ((3), (6), (7), (11) и др.) стремление к имплицитному выражению субъективных, модальных значений.

Таким образом, есть все основания полагать, что распространение неэкспрессивной парцелляции и одновременное развитие дискурсивных (текстовых) функций у союзов – это определенная языковая тенденция, которая в разной степени проявляется у разных союзов, однако в целом характерна для современной речи.

Этот вывод поддерживается фактом развития дискурсивных функций у пояснительного союза *то есть*, который в современной русской речи активно употребляется в абсолютном начале синтак-

сически независимого предложения. Как показывают наши наблюдения, развитие и закрепление в письменной речи конструкций, начинающихся с *То есть* (изначально тоже парцеллятов), происходило в связи с появлением в письменных текстах диалогов (в художественной литературе XIX и XX вв), изображением на письме живой разговорной речи с ее неполными конструкциям, и диалогизацией письменной речи в текстах-рассуждениях (Кувшинская, Аксенова 2021). Статистика употреблений предложений, начинающихся с *То есть*, в современной русской письменной речи, позволяет считать эти конструкции стандартными, самостоятельными предложениями.

Похожие процессы можно увидеть и в парцелляции предложений с *потому что* и *хотя*: употребление вопросо-ответных структур со словами *почему* и *потому что*, в т.ч. в диалогах; обилие разговорных контекстов, в целом влияние разговорной речи на письменную, особенно в жанрах колонки, блогах способствует активному использованию парцеллированных конструкций с *потому что*, *хотя* и другими подчинительными союзами. Со временем отделение придаточного предложения от базового в меньшей степени воспринимается носителем языка как нестандартное и может использоваться для нейтрального деления контекста на коммуникативно значимые части (ср. (Иванчикова 1968: 297)).

В современной письменной речи парцелляция СПП с *потому что*, *хотя* и другими подчинительными союзами пока не столь частотна, как самостоятельное употребление пояснительных предложений с *то есть*; приходится говорить скорее о тенденции. Однако есть немалая вероятность будущего закрепления подобных конструкций в языке и расширения функций подчинительных союзов.

Литература

1. Апресян В. Ю. Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке М.: ЯСК, 2015. 285 с.
2. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 205 с.
3. Гридин В. Н. Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энци., 1990. С. 591.
4. Горбунова О. Н. Парцеллированные конструкции в пермских печатных СМИ: сопоставительный аспект. Выпускная квалификационная работа. Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Пермь, 2016.
5. Ванников Ю. В. Парцелляция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энци., 1990. С. 369.
6. Ванников Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. Изд. 2-е. М.: URSS, 2009. 294 с.
7. Иванчикова Е. А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. С. 277–301.
8. Каркошко О. П. Парцелляция: структура, семантика, функция: на материале русского и немецкого языков: автореф. дис. ... кандидата филологических наук. Майкоп, 2011. 25 с.
9. Кибрик А. А. Есть ли предложение в устной речи // Фонетика и нефонетика / Ред. колл.: А. В. Архипов, Л. В. Захаров, А. А. Кибрик и др. М.: ЯСК, 2008. С. 104–115.
10. Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1992. 171 с.
11. КРУТ – Корпус русских учебных текстов. [Электронный ресурс.] URL: http://web-corpora.net/learner_corpus
12. Кувшинская Ю. М. Аксенова А. А. Современные тенденции в употреблении коннектора *то есть* // Русская грамматика: Система – Узус – Языковое варьирование. Потсдам: Peter Lang Verlag, 2022. (В печати.)
13. Лайонз Джон. Лингвистическая семантика. Введение. М.: ЯСК, 2003. 397 с.

14. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2003. 396 с.
  15. Лукьянова Н. А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования / Отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск: НГУ, 1976. Вып. V. С. 3–21.
  16. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс.] URL: <https://ruscorpora.ru/>
  17. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания // Под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 446 с.
  18. Пинегина Я. Н. Парцеллированные конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиатекстах: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005. 151 с.
  19. Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007.
  20. Сковородников А. П. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. М: Наш язык, 1980. Вып. 5. С. 86–91.
  21. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 255 с.
  22. Стрельцов В. Н. Парцелляция в структуре сложноподчиненного предложения в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1974. 24 с.
  23. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 796 с.
  24. Харитоновна Е. В. Парцелляция как особенность синтаксиса современной публицистики // Известия ВГПУ. № 2 (87). 2014. С. 91–94.
  25. Цумарев А. Э. Парцелляция в современной газетной речи: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2003. 25 с.
  26. Van Dijk T. A. Episodes as units of discourse analysis // Tannen D. Analysing discourse: Text and Talk. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 1982.
- УДК 81.367

МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА ПЕРИФЕРИИ ПОЛЯ АКТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Е. М. Лазуткина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Россия

***Аннотация.** Статья представляет собой семантический анализ моделей предложений на периферии поля активных конструкций в русле функциональной лингвистики. Показываются действие механизмов лингвистической прагматики. Выявляются возможности грамматической системы при построении активных конструкций.*

***Ключевые слова:** функциональный синтаксис, активные конструкции, лингвистическая прагматика, фразеологизация.*

MODELS OF SENTENCES ON THE PERIPHERY OF THE FIELD OF ACTIVE CONSTRUCTIONS

E. M. Lazutkina

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Abstract. *The article is a semantic analysis of sentence models on the periphery of the field of active constructions in the aspect of functional linguistics. The author shows the mechanisms of linguistic pragmatics. The possibilities of the grammatical system in the construction of active constructions are revealed.*

Keywords: *functional syntax, active constructions, linguistic pragmatics, phraseologization.*

«Коммуникативная функция языка
обуславливает целесообразность его моделей»

В. Н. Ярцева, 1969 г.

I. Теоретические основы исследования. Активная конструкция – способ семантико-синтаксической организации предложения, при котором обозначаются действие субъекта, его свойства, качества, состояния, отношения как носителя предикативного признака. Семантическое пространство активных конструкций неоднородно: закономерности строения моделей предложений обусловлены особенностями представления говорящими реальных процессов. Критерием разграничения активных и пассивных конструкций является тип семантико-синтаксических отношений между предикативно сопряженными словоформами, а не морфологическая форма предиката.

Грамматикализованной формой выражения активности принято считать предложение тематического строения с препозицией субъекта, имеющего значения лица, и с предикатом, обозначающим преднамеренное действие; например: *Мама закрыла окно иторой.*

Формальные признаки перехода активной конструкции в пассивную на примере простейшей деривации – с глаголом в страдательном залоге и косвенным дополнением со значением семантического субъекта – описаны еще М. В. Ломоносовым в «Российской грамматике» (Ломоносов 2011: 447–448). А. В. Бондарко считает, что «все те конструкции, которые не являются пассивными, следует рассматривать как активные» (Бондарко 2017: 277), и предлагает считать их «системой, включающей определенный комплекс микрополей» (Там же: 272). Многие синтаксические образцы получают у специалистов неодинаковое толкование.

Основой исследования синтаксической семантики активных конструкций являются положения современной функциональной лингвистики: «принимается постулат о том, что языковая форма всегда, в конечном итоге, мотивируется смыслом». Основные принципы работы: «вместо задачи описания языка задача построения объяснительной науки о языке, вместо процедур открытия речевых регулярностей моделирование деятельности носителя языка» (Алпатов 2018: 148–150). Данный подход продолжает традиции отечественной лингвистики, для которой грамматические структуры – это «способ видения» коллективного субъекта, результат его мыслительной деятельности. Исторически сложившиеся модели предложений передают информацию непреднамеренно, их следует рассматривать как интерпретативные структуры, как феномен сигнификации, как приемы оперирования знаниями в речи.

Идея Ф. И. Булаева о мыслительной способности языка последовательно развивалась в отечественном языкознании. Ср.: «Язык мыслит своими формами, флексиями, словоизменениями и пр. (К. С. Аксаков); «Явления языка по известной стороне сами принадлежат явлениям мысли» (Ф. Ф. Фортунатов); «Язык – третье знание» (И. А. Бодуэн де Куртенэ). См. также выражение А. А. Потемни: «мысль, идущая по колее родного языка». Вполне оправданно лингвисты говорят о творческой потенции языка, о том, что «язык не воспроизводит, не копирует, не “озвучивает”, не “оплотняет” мысль, а **вырабатывает** ее и вводит в сознание человека» (Кручинина 2015: 4).

Таким образом, исследование синтаксиса сложилось как исследование когнитивное. Ср.: «когнитивно-ориентированная лингвистика продолжает традиции функциональной и, шире, семантически ориентированной лингвистической теории. Ее эмпирический метод – последовательно следовать за всеми нюансами языковой формы и искать их конечное объяснение <...> в устройстве когнитивной структуры» (Кибрик 2008: 75).

Цель нашей работы – показать действие системных прагматических механизмов и возможности грамматической системы при построении активных конструкций.

Предметом нашего анализа являются модели глагольных предложений, которые показывают ассиметричные отношения «значение – форма – функция» элементов своей семантической структуры.

При закреплении модели предложения в системе учитывается узуальный, стилистически нейтральный порядок слов. Выбор *темы* как наиболее важного компонента высказывания рассматривается и как оценка говорящими свойств субъекта как носителя предикативного признака. Мы считаем, что в языке работает оператор *сила субъекта*, который действует в границах поля активных конструкций. Качеству субъекта обычно соответствует семантика «классификационного» (преддицирующего) члена предложения

По теории речевой деятельности, оценочная палитра присутствует уже в замысле говорящего, является облигаторным строевым компонентом каждого высказывания и находит свое воплощение в интонационном рисунке высказывания, в его линейном устройстве, в выборе системных маркеров модальности. Таким образом, стилистический модус речи обуславливает становление предложения как коммуникативного стереотипа. Ср.: «Высказывание без оценки не построить. Каждое высказывание есть прежде всего оценивающая ориентация»; «оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» (Бахтин 1996: 303–323).

Инструментом семантического анализа является понятие *синтаксическая позиция формы слова*, которое ввел в теорию синтаксиса Т. П. Ломтев. Это понятие раскрывает значимость формы слова (ее «реляционные свойства») в модели предложения: «В понятии позиции грамматической формы выражается характер ее зависимости от других форм внутри простого предложения, в нем подчеркивается свойство, связанное с тем, членом какого отношения является данная грамматическая форма» (Ломтев 1960: 22). Синтаксическую позицию следует назвать главной единицей смысловой организации предложения, поскольку она имеет отвлеченные семантические характеристики, делает очевидным сходство содержательных признаков слов (словоформ), имеющих не только разные лексические значения, но и входящих в разные семантические классы, но которым предопределена системой языка одна и та же функция.

II. Уменьшение силы субъекта в дериватах активной конструкции.

1. Ослабление в модели предложении значения активности в результате изменения семантики преддицируемого и преддицирующего компонента.

Значение предложения зависит от свойств такой семантической категории, как субъект: его активности / неактивности, способности / неспособности к преднамеренному действию, потенциозность / непотенциозность к произвольному действию. Представляют важность такие свойства предиката, как акциональность / неакциональность, а также произвольность / непроизвольность действия, направленность / ненаправленность действия на изменение состояния объекта, стихийность, внезапность, независимость от воли субъекта. Возможна Большая или меньшая степень акциональности глагола.

1) Понижение силы субъекта связано с редукцией семы преднамеренности действия. Эта сема связана с актуализацией в глаголе действия категории оптативности, которая, в свою очередь, тесно связана с лексико-грамматической категорией вида: для обозначения нежелательного действия употребляется глагол совершенного вида; например: *Объясни, почему не сел в кресло? – спросил Пилат. – Я грязный, я его запачкаю, – сказал Левий, глядя в землю* (М. А. Булгаков); *Ребёнок облился кефиром.*

2) Об ослаблении силы субъекта свидетельствует появление в субъектной позиции предложения-деривата отвлеченного существительного с пропозициональным значением; например: *Ветер закрывал солнце облаками* (ср. исходную конструкцию: *Мама закрыла окно шторой*). В глаголе, соответственно, редукция семы преднамеренности действия.

Ю. С. Степанов считает эту модель исторически вторичной: «Высказывания с семантической структурой *Нечто неодушевленное действует активно* являются метафорически производными» (Степанов 1981: 323).

Как дериваты могут рассматриваться и предложения со значением “непроизвольное изменение состояния субъекта”, в которых субъектная позиция занята неодушевлённым существительным с предметным значением, а позицию предиката занимает глагол, обозначающий неконтролируемый процесс; например: *Ранка быстро заживает; Машина ржавеет; Свечи оплывали; Пруд зарос ряской.*

3) Появление в позиции субъекта существительного предметной семантики при предикате, выраженном глаголом активного действия, свидетельствует о суженной функциональной перспективе предложения. Внимание говорящего направлено на средство осуществления действия; например: *Экскаватор углубляет пруд; Скатерть покрывает стол.*

4) К активным относятся конструкции с предикатами характеризующего типа, выраженными глаголами-стативами в причастной форме, которая не имеет семы акциональности, подверглась адъективации; например: *Как он, она была одета / Всегда по моде и к лицу* (А. С. Пушкин); *Дверь закрыта.*

5) На границе с пассивными конструкциями находятся безличные предложения с объектной словоформой в субъектной позиции, в которых описывается актуальное к моменту речи состояние субъекта; например: *Дорогу заснежило; Губы обметало; Квартиру заливает.*

2. Ослабление значения активной конструкции в предложениях с глаголами-рефлексивами.

Предложения с постфиксальными глаголами представляют собой отдельный разряд, поскольку, по замечанию Ф. Ф. Фортунатова, существует возможность появления у глаголов вместе с возвратным страдательного значения (Фортунатов 1899: 36). Эти предложения часто получают различную трактовку.

Рассмотрим семантические характеристики глаголов-предикатов с редуцированным значением действия.

1) Активными конструкциями следует считать предложения с непереходными глаголами несовершенного вида, имеющими модальный компонент “способность неодушевленного субъекта к действию, названному глагольной основой”; например, *Стена пачкается, мажется, марается; Бумага маслится; Ткань не мнется.*

2) Понижается сила субъекта в предложениях с глаголами несовершенного вида, обозначающими свойство предмета, которое может проявляться в большей или в меньшей степени, и поэтому употребляющимися с оценочным определением; например: *Крем легко мазался и, как показалось Маргарите, тут же испарялся* (М. А. Булгаков); *Обувь хорошо носится.*

В некоторых работах подобные примеры квалифицируются как пассивные конструкции (ТФГ 1991: 167–168; ТФГ 1992: 174).

3) Активными следует считать квазипассивные конструкции с глаголом прошедшего времени совершенного вида, имеющие значение результата действия, названного глагольной основой; например: *Пакет разорвался; Девушка подстриглась.*

4) В класс активных конструкций входят предложения с предметным существительным в позиции субъекта; например: *Дверь в общежитие закрывается в 23 часа; Детали красятся суриком; Чашки моются отдельно.*

Мнение говорящих подчеркивают глаголы с модальностью долженствования: они указывают на обязательность осуществления действия по отношению к предмету. Предикаты близки глаголам характеризующе-качественного значения, которые «называют действие как способность подвергаться какому-либо воздействию» (Авилова 1980: 618), но не тождественны им.

5) Значение “непроизвольное изменение состояния субъекта” присуще активным конструкциям, в которых субъектная позиция занята как одушевлённым, так и неодушевлённым существительным, а позицию предиката занимает глагол, не имеющий семы преднамеренности действия, обозна-

чающий неконтролируемый процесс; например: *Лошадь обволакивалась паром; Лица людей затмились бессмысленностью* (А. Платонов); *Он [Васильев] часами лежал в мастерской на старом с привычным скрипом пружин диване, читал «Дневники» Толстого последних лет жизни, напивался весь исповедальной болью великого человека* (Ю. Бондарев).

Каузатор события назван в периферийной синтаксической позиции отвлеченным именем существительным в творит. пад. Эти существительные демонстрируют разные смысловые оттенки: встречаются словоформы с более орудийным значением и с менее орудийным, с более каузирующим значением и с менее каузирующим. Как правило, у имен со значением эмоциональных, психических, физических состояний наблюдается сосредоточение агентивных сем, развивается более сильное каузирующее значение; например: *Вся жизнь моя озарилась любовью, именно вся, до самых мелочей, словно темная, заброшенная комната, в которую внесли свечку* (И. Тургенев).

б) Безличные предложения с рефлексивами типа *Мне не спится; Мне не читается* мы считаем активными конструкциями, поскольку нет основания считать субъект состояния *Мне* предметом воздействия. Противоположное мнение у А. В. Бондарко: «Залоговая характеристика подобных конструкций не может быть установлена» (Бондарко 2017: 281).

Ш. Деривационные преобразования в структуре предикатного ядра, приводящие к увеличению силы субъекта в активной конструкции.

1. Конструкции с семантикой формальной активности субъекта.

В XXI веке в синтаксической системе закрепились новая активная конструкция – модель двусоставного предложения, организованная рефлексивом совершенного или несовершенного вида, с семантикой схемы “изменение состояния субъекта, являющегося объектом действия”; например: *Команда в этом сезоне не отобралась на соревнования.*

Родина подобных предложений – разговорная речь. Образование модели с семантикой формальной активности субъекта обнаруживает коммуникативные предпочтения носителей языка, свидетельствует о том, что говорящие трактуют происходящее событие как изменение положения дел, состояния конкретного человека (или группы лиц). В подобных высказываниях актуализируется категория определенности, говорящие делают имя человека темой высказывания, подлежащим, игнорируя существование реальных производителей действия.

Грамматическая система позволяет оформить предикат как глагол действительного залога с постфиксом *-ся*. При этом лексическое значение мотивирующего глагола диссонирует со значением рефлексива: оно указывает на то, что подлежащее является объектом действия

а) Собственно возвратные конструкции – предложения с событийными глаголами совершенного и несовершенного вида, в которых обозначается изменение состояния определенного лица. В глаголе отсутствует сема преднамеренности действия и актуализируется значение оптативности; ср.: *Я сдаю зачет и **допускаю** к экзаменам; Этот студент всегда **допускается** к экзаменам* (разг.); *Если Клинтон **избирается**, у нас будут одни планы, а если Клинтон **не избирается**, у нас будет другая стратегия* (ТВ).

Отсутствие в глаголе семы оптативности приближает предложение к разряду страдательных конструкций; ср.: *Она [оперная дива] тогда была на гребне своей славы, но она не знала, что скоро она оттуда **уберется*** (ТВ).

б) К разряду рефлексивно-посессивных конструкций можно отнести следующие высказывания: *Группа **обсудится** в следующем месяце* (“обсудят работу этой группы”); *Аспирант **утвердился** в январе* (“тему диссертации аспиранта утвердили в январе”).

в) В общевозвратных конструкциях сила субъекта увеличивается, хотя в предикате отсутствует сема преднамеренности действия. Ср.: *Ты мне сегодня больше не звони: я сейчас **прокапаю** и пойду на процедуры; Я **капаю** утром* (разг.); *Я в тот год быстро **прослушался** и уехал на гастроли* (ТВ).

Эти предложения отличаются от активных конструкций с сильным субъектом, в которых глагол имеет сему преднамеренности действия и может быть назван реальный производитель или место действия. Ср.: *Отец **стрижется** у Сергея; Анна **красится** в салоне на соседней улице; Он **одевается** в Москве.*

2. Повышение статуса объекта воздействия до статуса субъекта состояния при фразеологизации предикатного ядра.

В русском языке при обозначении воздействия на человека чувств, эмоций, ощущений, состояний и мыслей используется модель предложения “непроизвольное изменение состояния субъекта (человека) под воздействием внешних сил”; например: *Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки* (М. А. Булгаков). Эта модель является дериватом предложения с семантикой “локально направленное действие движущейся субстанции, имеющее своим следствием полноту охвата объекта”; например: *Вода заливает луга*.

В позиции субъекта объект действия (имя лица), который в данном случае в меньшей степени обозначает объект воздействия, но в большей степени обозначает субъект состояния (Шведова 2005: 265–267). Обратный порядок слов является стилистически нейтральным, свойственным данной модели, и наоборот, прямой порядок слов считается стилистически маркированным; например: *Мысли его [Черткова] вдруг омрачились; досада и равнодушная пустота обняли его в ту же минуту* (Н. В. Гоголь).

В роли предиката выступает «смысловое целое» – сказуемое *охватил* и подлежащее *страх*. Данная композиционная семантика предложения объясняется процессом *фразеологизации*. Мы понимаем фразеологизацию как прагматический механизм языка, элемент категории выделения, т. е. психолингвистический феномен (Лазуткина 2021: 67). При фразеологизации формируется смысловое единство, которое выполняет определенную функцию в линейной организации высказывания; см.: «В речевой деятельности выступает как особая семантическая категория сложное фразеологическое целое» (Виноградов 1977: 121). Фразеологизация считается универсальным свойством языка (Телия 1981: 3).

Синтаксическое поведение имен со значением мысли, чувства, эмоции, ощущения показывает, что в языковом сознании носителей русского языка они существуют как стихийная сила, оказывающая сильное воздействие на человека. Они подводятся под мыслительную категорию, базовый концепт «субстанция, способная к самостоятельному перемещению». *Концепт* мы понимаем как квант коллективного языкового сознания, операционный элемент в когнитивно-коммуникативных процессах, часто не осознаваемый носителями языка; например: *В основе значения собирательных существительных лежит концепт «множество»*. См. определение Н. Н. Болдырева: «Концепт является результатом и теоретического, и обыденного сознания, фрагментом любого познавательного опыта и поэтому может включать любые, и существенные и несущественные, характеристики объекта» (Болдырев 2018: 170).

В роли сказуемого выступают глаголы синтагматического класса «локально направленное действие, имеющее своим следствием полноту охвата»; например: *охватывать, обнимать, пронизывать, пронимать, схватывать*. Ср.: *Когда выходишь из ярко освещенного холла наружу, тебя охватывает ощущение полного одиночества с глазу на глаз с зимой, морем и ночью* (К. Паустовский); *Однажды, вернувшись с тяги, Я лег подремать на диван. Разносчик болотной влаги, Меня прознобил туман* (С. Есенин); *От радости ходить по земле охватывает его душу ветерок счастья* (Ю. Бондарев).

Вывод. Синтаксическая система русского языка имеет большой арсенал способов формирования композиционной семантики активных конструкций. Бинарная категория *субъект / объект* показывает палитру значений субъектности-объектности, выявляя признаки диффузной категории *субъект-объект*. В языке работает оператор *сила субъекта*, который определяет границы функционально-семантического поля «активная конструкция».

Литература

1. Авилова Н. С. Категория залога и разряды переходных и непереходных глаголов // Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 613–618.
2. Алпатов В. М. Структурализм и современная лингвистика // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 5. С. 146–150.

3. Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940-х – начала 60-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 303–323.
4. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. Дом ЯСК, 2018.
5. Бондарко А. В. Залог и залоговость // Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. Изд. Дом ЯСК, 2017. С. 264–284.
6. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В. В. Избранные работы. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 118–139.
7. Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. М.: 2008. № 4. С. 51–77.
8. Кручинина И. Н. Формирование научного представления о грамматической форме слова // Русский язык в национальной школе. 2015. № 2. С. 3–16.
9. Лазуткина Е. М. Процессы фразеологизации в синтагматике на разных уровнях языковой системы русского языка // Проблемы общей и востоковедной лингвистики. Сочетаемость языковых единиц и языковые модели. Памяти З. М. Шаляпиной (1946–2020) / Отв. ред. А. И. Коган. Институт востоковедения РАН, М.: ИВ РАН, 2021. С. 66–75.
10. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 7. М.-СПб.: Наука, 2011. С. 305–461.
11. Ломтев Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. М.: 1960. № 4. С. 15–28.
12. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1981.
13. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанные значения слов в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.
14. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. 369 с.
15. Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. 303 с.
16. Фортунатов Ф. Ф. О залогах русского глагола // Известия отделения русского языка и словесности АН. Т. IV. 1899. С. 1153–1158.
17. Шведова Н. Ю. Объектная форма в субъектной позиции // Шведова Н. Ю. Русский язык. Избранные работы. М.: ЯСК, 2005. С. 264–270.

УДК 81'366.52

РОД НОВЫХ НЕСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НАЗЫВАЮЩИХ ЛИЦ: ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ

И. П. Матханова

Новосибирский государственный педагогический университет

Новосибирск, Россия

***Аннотация.** Устанавливаются закономерности в родовой характеристике неизменяемых слов, называющих лиц по социально-профессиональному положению и свойствам (бэбиситтер, бариста, мачо), с учетом их референциальной характеристики, социокультурных и других факторов.*

***Ключевые слова:** род несклоняемых существительных, общая и конкретная референция, заимствования*

THE MAIN TRENDS IN DETERMINING THE GENERIC AFFILIATION OF NEW NON-DECLINABLE NOUNS NAMING PERSONS

I. P. Matkhanova

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. Regularities are established in the generic characteristics of non – declinable nouns that name persons by socio-professional status and properties (baby sitter, barista, macho), taking into account their referential characteristics, socio-cultural and other factors

Keywords: gender of non-declinable nouns, general and specific citation, borrowings

В современном языке постоянно увеличивается круг неизменяемых заимствований, называющих лиц. Перед специалистами и носителями языка возникает проблема определения рода этих слов, которая поднимается в ряде работ (Атанасова 2013, Савчук 2011, Маринова 2019 и др.) и по-разному решается в лексикографических источниках (Крысин 1998, 2020; Складарская 2006; Шагалова 2010, НСЗ 2014 и др.).

В настоящей работе анализируются высказывания с новыми несклоняемыми существительными, называющими лиц по профессии и социальному статусу типа *бариста, бэбиситтер, папарацци, хостес(с)*, некоторые оценочные (*вамп, секси, мачо, рэмбо, жигало*) и др.

Определение рода у одних слов неустойчиво, одни могут квалифицироваться как двуродовые существительные, другие могут относиться либо только к мужскому, либо только к женскому роду. Распределение по роду у недавно заимствованных слов только устанавливается, поэтому возможны разные варианты, что отражается в словарях.

При определении рода новых несклоняемых существительных, называющих лиц (ННСЛ), действует сразу несколько факторов: отсутствие морфологических ограничений на отнесенность к мужскому или женскому роду, неспособность большинства из них образовывать дериваты-феминитивы, развитие у многих несклоняемых субстантивов дополнительных значений, активное влияние социокультурных факторов, родовых характеристик языка-донора и языка-реципиента и др.

При анализе этих существительных исследователя подстерегают следующие проблемы.

1. Существует небольшое количество контекстов в Национальном корпусе русского языка, необходимо обращаться к другим источникам, в том числе свободному или целевому поиску в интернете.

2. Многие слова не отражаются в словарях, указываются не все значения многозначных слов, не фиксируются значения, активно развивающиеся в современных текстах (*барби* в значении 'о красивой девушке, женщине стандартной наружности, напоминающей такую куклу'; *гуру* 'наставник, учитель, специалист в какой-либо области' и др.).

3. Грамматические пометы даны непоследовательно, варьируются в разных словарях. Одно и то же слово может быть представлено как склоняемое, а в другом – как несклоняемое, одно и то же слово может быть отнесено либо только к *муж. роду*, либо к *жен. роду*, либо к *муж. или жен. роду* (двуродовые), либо дана помета *род не уст* (Шагалова 2010).

Наиболее показательны в этом смысле представления слов *герлскаут, герлфренд*, которые в большинстве словарей относятся к несклоняемым существительным жен. рода, но в словарях Л. П. Крысина даны парадоксальные пометы, резко контрастирующие с лексическим значением слова.

ГЁРЛСКАУТ, м., одуш. [англ. girl-scout <girl девочка + scout разведчик]. **Девочка или девушка** – член скаутской организации. (Крысин 1998, 2020).

ГЁРЛФРЕНД, м., одуш. [англ. girlfriend < girl девушка + friend друг]. **Подруга, возлюбленная**, с которой молодой человек, мужчина находится в постоянных отношениях, не вступая с нею в брак. *Эта девушка – мой гёрлфренд* (Крысин 1998, 2020) (здесь и далее выделено нами. – И. М.).

Значительная родовая вариативность наблюдается в словах *бемиситтер, наци, папарацци, секьюрити, сомелье, шоколатье* и др., напр.: **НАЦИ**, *нескл., м., одуш.* То же, что *нацист* (Крысин 1998); **НАЦИ**, *нескл., мн. (ед. м. и ж.)* Члены националистических группировок, организации (Шагалова 2010). Аналогичны грамматические пометы у слова *папарацци*.

4. Для несклоняемых существительных, называющих лиц, особенно существенна возможность смешения рода и пола. В этом плане возникает сомнение в таких синтаксических показателях рода, как формы прошедшего времени глагола и личные местоимения. Они определяются в этом случае не родом ИС, а коррелируют с полом референта, что может актуализироваться автором высказывания. Ср. формулировку Русской грамматики (Русская грамматика 1980: 468), в которой указывается на зависимость их синтаксической сочетаемости от *пола* называемого лица (а не рода ИС). Кроме того, представляется, что добавление к несклоняемому существительному приложения *женщина, девушка* и, напротив, *мужчина*, указывает на то, что говорящий относит их, соответственно, к м.р. или ж.р.: *Скоро выяснилось, что эта самая Нина – настоящая вамп ...* (Н. Климонтович. Далее – везде); *Дон Жуан – мужчина-вамп. Дон Жуан – разрушитель чужих жизней* (Кто этот господин?). При переходе слова в группу двуродовых, такое приложение перестают употреблять.

5. Неустойчивость грамматических характеристик несклоняемых существительных, называющих лиц, отсутствие грамматически закрепленных правил ведет к необходимости большего внимания к их лексическому значению, выявлению типовых контекстов, в которых они функционируют. Важным параметром является отнесенность к определенной тематической группе, лексического значения слова, сохраняющего или не сохраняющего в своем значении сему пола, имеющегося у него не только в языке-доноре, но и в языке-реципиенте.

Были выявлены следующие группы относительно недавно заимствованных неизменяемых слов (или приобретающих новые значения):

1) называющие лиц по профессии: *бемиситтер, бариста, кутюрье, папарацци, секьюрити, сомелье, хостес(с), шоколатье* и др.;

2) называющие людей по принадлежности к социально-культурной группе и нек. др. характеристикам: *мафиози, якудза, ниндзя; осси / веси, наци, комми; яппи* и др.

3) номинации спортсменов: *грегари, гуфи, кэдди, либеро, растафари, укэ.*

4) номинации женщин по свойствам и отношениям (в том числе в переносном значении), имеющим в языке-доноре сему / морфему женскости: *бизнесвумен, бизнеследи, герлфренд, барби*; а также те, которые закреплены за преимущественно женской характеристикой *секси, вамп*; номинации мужчин: *мачо, рэмбо, жигало.*

В последней группе родовая характеристика предопределяется лексическим значением слова.

У остальных групп под влиянием социокультурных факторов слова могут быть квалифицированы как двуродовые (Панова 2010).

В отличие от склоняемых двуродовых существительных, у несклоняемых невелика группа оценочных слов, преобладают названия лиц как представителей определенной социо-профессиональной группы.

Наибольшие сдвиги фиксируются в родовой характеристике номинаций лиц по профессиональной принадлежности.

Известно, что абсолютное большинство *склоняемых* существительных, называющих лиц по профессии, относятся к мужскому роду, с акцентом на семе деятеля (по В. В. Виноградову). Эти слова в большинстве случаев называют лиц либо муж., либо жен. пола. Принадлежность к муж. роду закреплена за ними традиционно и поддерживается типом склонения.

У *несклоняемых* существительных морфологических ограничений на проявление родовой характеристики нет, поэтому принадлежность к тому или иному роду определяется с учетом нескольких параметров: традиционного – муж. рода (по аналогии со склоняемыми), лексико-грамматического, (опирающегося на пол называемого лица) – мужского или женского, а также в зависимости от социокультурных факторов могут быть двуродовыми.

На первый взгляд, поскольку формальных запретов нет, то практически все нескл. сущ., называющие лиц по профессии, можно считать двуродовыми, вместе с тем можно наблюдать некоторые закономерности в их употреблении.

Анализ языкового материала показал, что родовая характеристика анализируемых слов во многом зависит от референциальной характеристики называемых лиц. Выделим следующие типовые контексты.

1. Контексты с нереферентным, общереферентным или неопределенно-референтным употреблением:

Егор Зеленый: «Если носки будут сделаны по заказу России в Китае, как все сейчас делается, или каким-нибудь кутюрье, то они на хрен не нужны (коллективный. Носи носки // «Огонек», 2013); Лет с шестнадцати ей шила портниха из маминого театра, мастерству которой мог позавидовать любой кутюрье (Анна Берсенева. Возраст третьей любви).

В подобных контекстах можно говорить о «родовой нейтральности»: отсутствует развернутая характеристика индивидуальности человека, в высказываниях либо отсутствует синтаксический показатель рода, либо присутствуют показатели муж. рода (*любой, какой-нибудь*), не содержащие признаки пола, и в этом случае нужно признать действие русской грамматической системы, в которой номинации профессий относятся преимущественно к мужскому роду независимо от пола человека. Такие употребления характерны для слов в позиции предиката или приложения, реже – субъекта или объекта. О том, что в контекстах с нереферентным или обобщенно-референтным употреблением анализируемых существительных действуют общие для системы законы, свидетельствует поведение слов, которые пришли в русский язык как относящиеся к женскому роду – *бегиситтер* (по аналогии со словом *няня*, с опорой на которое давалось *толкование*) и существительное *хостес(с)*, которое в языке-доноре имеет суффикс, называющий лиц женского пола и вначале определялось как отнесенное к ж. р., а сейчас с изменением значения их относят либо к двуродовым, либо даже к муж. роду:

ХОСТЕС, м. Роль красивых, привлекательных, ухоженных молодых женщин (которые обычно считают себя моделями) в сопровождении обеспеченных клиентов [клиент II 1.] (Ефремова 2000).

Ср. также такие высказывания: *Хостес – это человек, который встречает вас при входе в ресторане (на выставку, конференцию, презентацию, отель, клуб), помогает вам на мероприятии, куда вы пришли. Он или она должны иметь привлекательную внешность, быть коммуникабельными, уметь грамотно общаться с гостями, знать несколько иностранных языков и уметь отвечать на все возникающие вопросы* (https://yandex.ru/znatoki/question/work/kto_takoi_khostes_v_restorane).

2. Вторая группа контекстов содержит указания на конкретно-референтное употребление несклоняемых слов. Они называют конкретное лицо мужского или женского пола (в высказывании содержатся те или иные индивидуальные характеристики человека: имена собственные, местоимения, согласовательные категории).

Андрей Андреевич весело рассказывал и о том, как обзавелся тремя смокингами от Кардена: всякий раз, когда возникала потребность, смокинга под рукой не оказывалось – и кутюрье дарил по эту один, второй, третий (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский); Только несколько отрывков из дневника. ... Живу в доме у известнейшей кутюрье... Передо мной раскрыт гардероб очаровательной хозяйки дома... (Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда); Сконфуженный секьюрити вернулся меж тем к мрачному администратору (С. Данилюк. Рублевая зона). И так бывало. Он идет ... в ночной клуб, а вместе с ним хрупкая и опасная секьюрити (Чем женщины-телохранители лучше мужчин <https://vitkvv2017.livejournal.com/830907.html>).

Можно предположить, что у этих слов значение включает 'ключевую сему' (в данном случае профессию лица), по М. А. Кронгаузу, а семы мужского или женского пола могут проявляться факкультативно (быть наведенными).

Давно заимствованные слова типа *крулье, сомелье* обычно используются либо в нереферентном употреблении, либо в конкретно-референтном, называющим лицо мужского пола. Если нужно подчеркнуть женский пол лица, то часто используют приложение *женщина, девушка* и под. наряду с

синтаксическими показателями женского рода: *Антон потихоньку указал на красивую девушку-крупье, – она играет против меня* (В. Панюшкин. Одна тридцать шестая); *До разговора с женщиной-сомелье... Ольгой Невструевой я считал эту профессию неженской...* (opuswine.ru/devushka-somel-epititsa-redkaya/).

У некоторых существительных сема женского пола присутствует уже в значении слова, например *бизнесвумен / бизнеследи*. Они чаще характеризуют качества характера и внешний вид, а не только профессиональную принадлежность, хотя могут использоваться и в общереферентном употреблении, сохраняя отнесенность к жен. роду: – *Ты должна была одеться как бизнесвумен. Вот так, – он указывает на стройную японку в деловом костюме, отбивающую каблукками-шпильками дробь* (А. Старобинец. Мечтают ли андроиды о летнем отпуске); *В прошлом остались щечки-яблочки; теперь это была решительная, напомаженная стопроцентная бизнесвумен, женщина, которая не упадет ни с каких каблуков* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени).

Как двуродовые способны выступать номинации различных социальных групп и их представителей: это названия политических, политико-географических, преступных групп и субкультур. Большинство этих слов употребляются либо во мн. ч., либо как неререферентные / общереферентные, тяготея к мужскому роду и проявляя агендерность. Довольно редко они употребляются по отношению к конкретному лицу, как правило, к мужчине. Ср.: *На ней был черный спортивный костюм, делавший ее похожей на ниндзя – или на заключенную из продвинутой и стильной тюрьмы где-нибудь в Скандинавии* (В. Пелевин. Бэтман Аполло); *Сообщают ему в ответ, что сами иностранцы одинаково сильно ненавидят как осси, так и весси, я посчитал излишним* (М. Гиголашвили. Красный озноб Тингитаны: Записки о Марокко); *Рядом с нами сидел хонеккорообразный осси и рассматривал висящий над стойкой бара большой флаг Марокко* (М. Гиголашвили. Красный озноб Тингитаны: Записки о Марокко); *Но вот что бросается в глаза: кем бы ни был очередной гость из числа местных жителей – умирающим от голода оборванцем или относительно благополучным местным яппи, – с его лица не сходит искривленная улыбка* (Д. Виноградов. Врачи прилетели).

В большинстве случаев подобные слова употребляются во мн. ч. или в м. р., не встретилось ни одного употребления в ж. р.

Таким образом, сложность квалификации рода у заимствованных несклоняемых существительных, обусловленная отсутствием морфологической определенности, требует учета нескольких параметров и в первую очередь их отнесенности к той или иной тематической группе. Для разных групп можно выделить определенные тенденции в родовой квалификации.

Для новых несклоняемых субстантивов с оценочной семантикой характерна закрепленность либо за женским, либо за мужским родом.

Слова, номинирующих принадлежность лица к преступной группировке, политическому течению, субкультуре, тяготеют к мужскому роду.

Набольшая динамика наблюдается в родовой характеристике существительных, называющих людей по профессии и роду деятельности: у них проявляется наибольшее влияние социокультурных изменений в мире. Можно говорить о возможности выделения двух значений, одно из которых называет профессию человека, употребляется в неререферентных, общереферентных высказываниях и под влиянием русской грамматической системы относится к мужскому роду, а второе обозначает конкретного индивида и характеризуется двуродовостью.

Тем не менее можно констатировать большое разнообразие родовых характеристик несклоняемых существительных, называющих лиц, в которых часто закрепляются нормы и предпочтения того периода, в который данное слово вошло в язык.

Литература

1. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 116 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. 1084 с.

3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998. 847 с.
4. Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 410 с.
5. Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: Проблемы освоения и функционирования. М.: ЛЕНАНД, 2019. 536 с.
6. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX в.: В 3 тт. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. (НСЗ)
7. Панова Г. И. Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник. М.: URSS, 2010. 444 с.
8. Русская грамматика: В 2-х т. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
9. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиковой. М.: ЭКСМО, 2006. 1136 с.
10. Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.). М.: АСТ: Астрель, 2010. 943 с.
11. Атанасова И. Несклоняемые имена существительные в русском языке. Велико Търново: Фабер, 2013. 430 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://literature-edu.ru/literatura/1722/index.html> (дата обращения: 26.08.2021).
12. Савчук С. О. Корпусное исследование вариантов родовой принадлежности имен существительных в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» Бекасово, 25–29 мая 2011 г., 10 (17). М.: Изд-во РГГУ. 2011. С. 562–579. [Электронный ресурс]. URL: <http://www/dialog21.ru/digests/dialog2011/materials/en/pdf/56.pdf> (дата обращения: 26.08.2021).

УДК 81-25

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФОРМ-ИДИОМ В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

У Нань

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

***Аннотация.** В статье описываются синтаксические функции форм-идиом устной речи, которые, подчиняясь общим законам языка, в повседневном общении часто оказываются грамматически полифункциональны. Выявление их синтаксических функций в устном дискурсе важно для создания грамматики речи и в других аспектах.*

***Ключевые слова:** повседневная речь, форма-идиома, синтаксическая функция, полифункциональность, корпусный подход.*

SYNTAX FUNCTIONS OF IDIOM-FORMS IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH

Wu Nan

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia*

***Abstract.** The article describes the syntactic functions of idiom-forms in Russian colloquial speech, which, obeying the general laws of the language, often turn out to be grammatically polyfunctional in every-*

day communication. The identification of their syntactic functions in colloquial speech is important for the creation of a grammar of speech, which is important both in theoretical and applied aspects.

Keywords: colloquial speech, idiom-form, syntactic function, polyfunctionality, corpus approach.

Введение

Разговорная речь, как разновидность устной речи, обслуживает «повседневное обиходно-бытовое общение и выполняет функции общения и воздействия» (Лаптева 1990: 407). Говорящий, находясь в условиях непринужденной, неподготовленной и неофициальной коммуникации, «стремится упростить и облегчить свое “речевое поведение”, поэтому он легко и часто прибегает к *готовым языковым формулам* (здесь и далее в цитате курсив мой. – Н. У.), в том числе всякого рода *клише, шаблонам, стереотипам*» (Земская и др. 1981: 6). Одной из разновидностей таких единиц являются неоднословные, чаще предложно-падежные, словоформы, выступающие в речи как устойчивые единицы, определяемые П. А. Лекантом (Лекант 1965: 41–43) как *формы-идиомы* (ФИД): *без разницы, по барабану, не горит* и под. С точки зрения П. А. Леканта, в процессе становления и формирования таких устойчивых сочетаний большое значение имеет закрепление их в определенной синтаксической функции, например, сказуемого или обстоятельства (Лекант 2002: 263). Именно в связи с этим цель настоящей работы заключается в выявлении синтаксических функций ФИД в устной повседневной (в том числе разговорной) речи.

Анализ материала и его результаты

Анализ производился на материале целенаправленной выборки из корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) (<https://ord.spbu.ru/>; см. о нем подробнее: Звуковой корпус... 2013; Русский язык... 2016; Богданова-Бегларян и др. 2019). Для конкретного описания были выбраны единицы, извлеченные из корпуса ОРД в ходе фразеологического анализа (Лю Даян 2019), базовым материалом стали 30 форм-идиом в 310 контекстах.

Анализ материала позволил установить, что рассматриваемые ФИД в устном дискурсе выполняют различные синтаксические функции: сказуемое, обстоятельство разного типа, самостоятельное нечленимое предложение, вводное слово и определение. Рассмотрим все эти функции подробнее, с примерами и количественными данными (в рамках пользовательского подкорпуса материала)

1. Сказуемое (39,6 % от общего объема пользовательского подкорпуса).

Большая часть всех форм-идиом в материале исследования выступает в роли *сказуемого*, ср. (все примеры в статье атрибутированы с указанием номера информанта (И1, И2...) и его коммуникантов: мужчин (М1, М2...) или женщин (Ж1, Ж2...); знак # в расшифровках ОРД означает меню говорящих, знак @ – наложение их речи, *П – физическая пауза хезитации, *Н – неразборчивый фрагмент, *В – шумный вдох; () – запинка говорящего; о других особенностях орфографического представления материалов ОРД (конвенциях дискурсивной транскрипции) см.: Русский язык... 2016: 242-243):

1) ну может быть // # ну это наверно () после вот этого // # давайте резекцию сначала сделаем / посмотрим всё @ то есть пока да / значит пока это **не горит** (М1 # И1);

2) мне совершенно () **по фиг** # мне совершенно тоже *Н # я могу материться не материться / мне совершенно **без разницы** (И4 # Ж1);

3) однако / *П *В *П **не в кайф** это мне по понятиям // *В водочки б ещё выпил (И39).

Как видно по примерам, сказуемое, выраженное ФИД, может быть главным членом как личного (*это не горит/не в кайф*), так и безличного (*мне по фиг/без разницы*) предложения. Отметим еще, что при всей затруднительности членения устного спонтанного текста на единицы, соответствующие традиционному предложению (см. об этом: Богданова, Бродт 2004; Звуковой корпус... 2013; Bogdanova-Beglarian 2017), поиск сказуемого, как правило, никаких затруднений не представляет. На этом основании в одной из работ, выполненных на материале корпуса русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ), предложено при описании синтаксической структуры спонтанного текста оперировать термином не предложения, а *структурно-синтаксического единства* (ССЕ), представляющего собой предикат с зависящими от него словами

(Филиппова 2010; Звуковой корпус... 2013). На материале диалогической речи, которая и составляет по преимуществу материал корпуса ОРД, поиск сказуемого вызывает еще меньше трудностей, поэтому сохраняем при описании этот термин. По примерам (1)-(3) видно также, что и группа сказуемого в спонтанном тексте тоже выделяется довольно легко: *пока это не горит, мне совершенно по фиг/без разницы, не в кайф это мне.*

2. Обстоятельство (22,9 %).

Выступая в речи в функции обстоятельства, формы-идиомы могут быть отнесены к различным семантическим разрядам.

➤ Обстоятельство образа действия (62,5 % от общего количества ФИД-обстоятельств)

Такие ФИД поясняют слова (прежде всего глаголы) со значением действия или состояния, обозначают способ совершения этого действия, ср.:

4) *Янковский\$ с Купченко\$ сыграли (...) вот / (...) бл*дь / (...) в десятку в общем ! очень хорошо! (ИЗ6);*

5) *вообще / завтра с девчон... / ну / пацаны собираются с девчонками / пойти в музей / так что можете за компанию тоже сходить (И15);*

6) *не / ну возможность-то найдём // просто(:) (э) я хочу найти возможность / пойти туда(:) () ну как бы на халяву // *П по контрамаркам (ИЗ6).*

Видно, что данные ФИД легко заменяются единицей-идентификатором, синонимичной данной форме и порой присутствующей в этом же контексте: *сыграли в десятку* = *очень хорошо*, 'точно' (4), *сходить за компанию* = 'вместе с кем-либо' (5), *пойти на халяву* = 'бесплатно', в данном случае *по контрамаркам* (6). Детальный анализ контекстов позволяет заключить, что говорящий осознает некоторую нетривиальность избираемой единицы и невольно реагирует на это: либо тут же добавляет и нефразеологизированный синоним: *очень хорошо* (4) и *по контрамаркам* (6), – либо использует маркеры пояснения (*в общем*) (4) или неуверенности (*ну как бы*) (6). Идиомы разного типа действительно относятся к нетривиальным единицам устного дискурса, наряду с пословицами, поговорками, прецедентными текстами, эвфемизмами, стилистически сниженными единицами и проч. (см. об этом подробнее: Богданова-Бегларян 2017а), и говорящий нередко осознает это, либо вводя такие единицы особым образом, либо реагируя на них уже после употребления (см. подробнее: Богданова-Бегларян 2017б). В целом обстоятельства любого типа, как распространители предиката, содействуют описанию и пониманию ФИД в устном дискурсе, а также общему синтаксическому анализу предложения.

➤ Обстоятельство времени (12,5 %)

7) *такой идёт им(?) посыл сексуальности ! вообще ни от одной женщины вообще / я вот по жизни не испытывал ! она ох*енно играла ! (ИЗ6);*

8) *так-то я фотографом по жизни всю жизнь (ИЗ9).*

ФИД *по жизни*, как обстоятельство времени, обозначает временные границы и отвечает на вопросы: *как давно? как долго?* Нужно отметить, что в приведенных контекстах единица *по жизни* имеет разные значения: 'никогда в жизни' в примере (7) и 'всегда, всю жизнь' в примере (8).

➤ Обстоятельство меры и степени (25,0 %)

9) *так / *П надо что-нибудь наверно / *П пожевать взять / да ? # может / *Н // # хотя бы на *Н // # без фанатизма наверно ? # здесь не не не / так // я тоже не это самое (ИЗ6 # М2);*

10) *ну типа блин / ушли их фамильные драгоценности блин / с нуля ! вообще какой-то левой / какой-то блин с... (...) торговке из (...) овощного магазина (ИЗ6).*

Для ФИД в контекстах (9)-(10) также можно подобрать слова-идентификаторы, помогающие понять их семантику: *без фанатизма* = 'в меру, умеренно' (взять продукты для еды – вероятно, в дороге); *с нуля* = 'совсем' (пропали, потому что проданы), хотя в последнем случае решение о значении ФИД вряд ли может быть однозначным. Академические словари приводят выражение *начинать с нуля* в значении 'приступать к какому-л. делу без предварительной подготовки' (МАС 1982: 597), что плохо соотносится с данным контекстом (10). По-видимому, решение в таких случаях следует при-

нимать, что называется, коллегиально: с помощью лингвистического опроса с участием носителей русского языка. Это можно отнести к перспективам настоящего исследования.

3. Определение (4,2 %)

Незначительную долю материала составляют ФИД в функции определения, хотя в данном случае возможна и иная интерпретация этого употребления – как вводного слова (см. об этом ниже, п. 5), ср.:

11) *не /хычей всех хычей всё / на х*й @ на / и ры-ры-ры-рынок разнести в щепки @ реально // за чинару # да / в натуре / рынок ?* (МЗ @ И15).

Форма *в натуре* в примере (11) может быть понята и интерпретирована и как определение ('настоящий' рынок), и как вводное слово ('действительно' рынок). Это решение тоже можно проверить в ходе лингвистического опроса носителей языка, хотя возможность неоднозначной трактовки того или иного фрагмента звуковой цепи в принципе характерна для устной речи, что можно просто принять как данность.

4. Нечленное предложение (18,8 %).

Такие формы-идиомы в устном дискурсе могут выражать эмоции и реакции говорящего на реплику собеседника, обычно формируя при этом речевой акт (РА) согласия, что прагматически эквивалентно единицам типа *да, ладно, хорошо*, также выражающим согласие, ср.:

12) *но у нас там около девяти человек / *К девять человек наших @ ну(:) много / да / давай человек шесть // @ да без проблем # человек шесть* (И15 @ М1);

13) *ну не вопрос! если(:) / таких наберётся много(:) / будем / закупать специально для них / спортивную обувь // не вопрос* (И19).

В таком значении рассматриваемые ФИД можно квалифицировать как *дискурсивные формулы* (ДФ), под которыми в лингвистике как раз и понимают «законченные реплики», «в своем функционировании <...> непосредственно связанные с типом предшествующего речевого акта», что выдвигает на первый план их прагматическое значение (Жукова 2021: 16-17). «В качестве дополнительного для рассматриваемых ДФ можно выделить значение 'нет никаких препятствий, чтобы выполнить просьбу или принять предложение', что делает универсальным для них эквивалент *пожалуйста*» (Богданова-Бегларян 2022).

5. Вводное слово (14,6 %).

Данные ФИД, как и прочие вводные слова, не имеют синтаксических связей с другими членами предложения и функционируют в разных значениях. Например, ФИД *в принципе* и *по идее* в примерах (14)-(15) объединяются общим значением 'на самом деле, вообще-то', с помощью которых говорящий подчеркивает свое отношение к сказанному. Близко к этому значению и употребление ФИД *по понятиям* в контексте (16), хотя тут есть, может быть, и другие варианты интерпретации.

14) *нам спешно или мы подождём ? # в принципе не спешно* (И4 # Ж1);

15) *в одной из новостей по идее (э-э) будет содержаться табличка / в которой будет указано ваше будущее общежитие* (И72).

16) *однако / *П *В *П не в кайф это мне по понятиям // *В водочки б ещё выпил* (И39).

Заключение

Таким образом, настоящее исследование показало, что формы-идиомы в повседневном дискурсе присутствуют в достаточно большом количестве, образуя при этом вполне самостоятельный класс функциональных единиц. ФИД хорошо поддаются систематизации на разных уровнях, в том числе на грамматическом. В целом они подчиняются общим законам языка, но сохраняют при этом свое своеобразие. В русской речи ФИД грамматически полифункциональны, и их грамматика, как и семантика, зависит от контекста. Диффузность устного дискурса часто порождает неоднозначность интерпретаций, что свойственно большинству функциональных единиц устной речи.

Выявление синтаксических функций ФИД в устном дискурсе может внести вклад в создание грамматики речи, что важно и в теоретическом, и в прикладных аспектах.

Литература

1. Богданова Н. В., Бродт И. С. Членимость на предложения устных монологов разного типа // Вопросы русского языкознания. Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи. Сб. научн. ст. к юбилею Елены Андреевны Брызгуновой / Отв. ред. М. Л. Ремнева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 95–97.
2. Богданова-Бегларян Н. В. «Нетривиальное» в повседневной устной коммуникации: опыт систематизации // Коммуникативные исследования. № 4 (14), 2017а. С. 9–30.
3. Богданова-Бегларян Н. В. «Нетривиальное» в нашей речи: взгляд с позиции говорящего (раздумья над корпусным материалом) // Социо- и психолингвистические исследования. Вып. 5, 2017б. С. 32–38.
4. Богданова-Бегларян Н. В. Дискурсивная формула *не вопрос*: взгляд с позиций традиционного синтаксиса и теории речевых актов // Наука СПбГУ. 2021. Сб. матер. Всерос. конф. по естественным и гуманитарным наукам с международным участием, 28 декабря 2021 года, Санкт-Петербург. (В печати.)
5. Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. М., 2019. С. 101–110.
6. Жукова С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка в диахроническом аспекте (на материале XVIII–XXI веков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 285 с. (машинопись).
7. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
8. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
9. Лаптева О. А. Разговорная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 407–408.
10. Лекант П. А. К вопросу о формах-идиомах в русском языке // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. С. 41–43.
11. Лекант П. А. К вопросу о минимальной единице фразеологии // П. А. Лекант. Очерки по грамматике русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2002. С. 258–264.
12. Лю Даян. Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019. 201 с. (Машинопись.)
13. *МАС 1982* – Словарь русского языка: В 4-х т. Том 2. *К – О* / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. 736 с.
14. ОРД – Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день». [Электронный ресурс]. – URL: // <https://ord.spbu.ru/>
15. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
16. Филиппова Н. С. Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 220 с. (Машинопись.)
17. Bogdanova-Beglarian N. V. In Search of Phrase Boundaries in Spontaneous Speech // SPECOM 2017. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017. P. 456–463.

«ПРЕДВОЕННЫЙ» И «ПОСЛЕВОЕННЫЙ»: МЕЖДУ ДЕРИВАЦИЕЙ И СЛОВОСЛОЖЕНИЕМ

Л. Л. Федорова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия*

***Аннотация.** В работе исследуются логические основания для разграничения русских сложных и производных слов, образованных на базе слов с двойственной грамматической характеристикой: как наречий или предлогов. Показана неоднозначность решений в разных подходах.*

***Ключевые слова:** деривация, словосложение, русские наречные предлоги.*

PREDVOYENNYJ AND POSLEVOYENNYJ: BETWEEN THE DERIVATION AND COMPOUNDING

L. L. Fedorova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia*

***Abstract.** The paper explores the logical grounds for distinguishing Russian compounds and derived words formed on the basis of words with dual grammatical characteristics: as adverbs or prepositions. The ambiguity of solutions in different approaches is shown.*

***Key words:** derivation, compounding, Russian adverbial prepositions.*

Постановка проблемы

Темой данного исследования является грамматическая трактовка некоторых словообразовательных моделей, имеющих неоднозначную трактовку в современной русистике. Речь идет о примерах, которые в разных словарях и грамматиках описываются как относящиеся либо к словосложению, либо к деривации. В заголовке даны вроде бы очевидные примеры деривации – прилагательные *предвоенный* и *послевоенный*, которые имеют обычно однозначную трактовку: они образованы префиксально-суффиксальным способом на базе предложных сочетаний *перед войной*, *после войны*, при этом предлог *перед* переходит в приставку *пред-* и добавляется суффикс относительного прилагательного *-н-*, вызывающий морфонологические чередования в корне.

Впрочем, наряду с этой традиционной трактовкой существует и другая, представляющая образование прилагательного как последовательность бинарных операций: 1) образование квазиосновы (*перед + война*), (*после + война*), 2) суффиксация, т.е.: *предвоенный* <*(*перед + война*) + *н-ый*, *послевоенный* < (*после + война*) + *н-ый*. Подобная трактовка удобна для формального автоматического анализа и восходит к аналогичным приемам у А. А. Зализняка (см. Гращенков 2016а, 2016б).

Статус первого компонента прилагательного в отечественной лингвистике сомнений не вызывает, это приставка. Между тем при типологическом подходе, развиваемом в работах итальянских лингвистов (Benigin, Masini 2009; Scalise, Bisetto 2009), а также в формальном подходе Гращенкова подобные образования трактуются как сложные слова с первой частью – предлогом. Аналогичным образом рассматриваются и примеры прилагательных и существительных с приставками *без-*, *за-*, *при-* и проч. (*настенный*, *безрукий*, *заречье*, *Поволжье*, *приусадебный* и под.) и суффиксами (подробнее: Федорова 2021). Модель (Pprep+N)N встречается в типологических описаниях разных языков (Scalise, Bisetto 2009).

Что касается прилагательного *послевоенный*, этот случай несколько сложнее. Первая часть – приставка *после*, однако в отличие от предыдущего случая слово *после* имеет неоднозначную интерпретацию: это может быть наречие (*Скажу после*) или предлог (*Скажу после вас*). В разделе «Пред-

лог» АГ-80 *после* характеризуется как наречный предлог, т.е. относящийся к непервообразным, производным от наречия, простой (т.е. не составной, ср. *вблизи от*). Таким образом, для него, как и для ряда других представителей этого класса, предполагается две отдельные лексемы, имеющих общее лексическое значение, но разный грамматический статус: наречие и предлог.

Слова этого класса обсуждались в ряде работ (Урысон 2014, 2017; Лягушкина 2000).

В работах Е. В. Урысон предлагается иная грамматическая интерпретация частеречной принадлежности. Исходя из общности лексического значения, она предлагает относить слова этого класса (а также и составные, типа *вблизи от*) к одной лексеме и считать их предложными наречиями, а не наречными предлогами. Аргументы, помимо общности лексического значения, заключаются в следующем. В принятых грамматических описаниях считается, что для предлога не характерна способность управлять другим предлогом (*рядом с домом*), нормально предлог управляет существительным. Кроме того, слова обсуждаемого типа могут иметь зависимые уточняющие наречия меры или степени: *совсем, немного, чуть* и под. (*Он совсем рядом. Скажу немного после*), что невозможно для предлогов. Отсюда следует, что логичнее характеризовать их обобщенно как наречия (предложные), а не предлоги (наречные).

Если принять такую точку зрения, тогда встает вопрос о том, как же характеризовать включающие их слова: как простые с приставками или как сложные; естественнее наречие как знаменательное слово считать компонентом сложного слова, а не префиксом в составе простого.

Анализ материала

Для того чтобы разобраться в природе и структуре этого переходного класса слов, мы выбрали для исследования 10 слов, способных присоединяться к корням и основам: *вдоль, внутри, вне, между/меж, мимо, около, после, против, сверх, среди*. Для них были выявлены грамматические (по АГ-80) и словарные описания (по словарям ТСРЯ под ред Шведовой 2007, БТС под ред. Кузнецова, версия 2014 онлайн). Оказалось, что их характеристики часто различаются и в АГ-80, и в обоих словарях. Эти характеристики приводятся в Таблице 1.

Таблица 1

Грамматические характеристики 10 слов

	АГ-80	ТСРЯ – Шведова 2007	БТС – Кузнецов 2014
1. ВДОЛЬ	Непервообразный простой наречный предлог	1) наречие 2) предлог 3) приставка, образующая прил. <i>вдольрядовый</i>	1) наречие 2) в значении предлога
2. ВНЕ	Непервообразный простой наречный предлог	1) предлог 2) приставка, образ. прил. <i>внеземной</i>	1) предлог 2) первая часть сложных слов: <i>внебюджетный</i>
3. ВНУТРИ	Непервообразный простой наречный предлог	1) наречие 2) предлог 3) приставка, образ. прил. <i>внутривенный</i>	1) наречие 2) предлог 3) первая часть сложных слов: <i>внутриатомный</i>
4. МЕЖДУ / МЕЖ	Первообразный предлог	1) предлог 2) приставка, образ. сущ. и прил. <i>междуречье</i> ; <i>межгорье</i> *сложения: <i>междометие, междуособицы</i>	1) предлог 2) первая часть сложных слов: <i>междугорье, междугородный, межгорье, межвоенный</i>

5. МИМО	Непервообразный простой наречный предлог	1) наречие 2) предлог, отдельно <i>мимоездом, мимолетный, мимоходом</i>	1)наречие 2)предлог, отдельно <i>мимоездом, мимолетом, мимолетный. мимоходом</i>
6. ОКОЛО	Непервообразный простой наречный предлог	1) наречие 2) предлог 3) приставка, образ. сущ. и прил. <i>околоплодые, околоземный</i>	1) наречие 2) предлог 3) первая часть сложных слов: <i>окололунный</i>
7. ПОСЛЕ	Непервообразный простой наречный предлог	1)наречие 2)предлог 3)приставка, образ. сущ., прил., наречия: <i>послевкусие, послепослезавтра</i>	1) наречие 2) предлог 3)приставка, образ. прил.: <i>послеобеденный</i>
8. ПРОТИВ	Непервообразный простой наречный предлог	1) наречие 2) предлог ПРОТИВО- первая часть СС: <i>противоядие, противостоять</i>	1)предлог 2)наречие 3)в функц. сказуемого 4)неизменяемое. ПРОТИВО- первая часть СС: <i>противоминный, противодействие</i>
9. СВЕРХ	Непервообразный простой наречный предлог	1) предлог 2) приставка, образ. сущ. и прил. <i>сверхзадача, сверхпрочный</i>	первая часть сложных слов: <i>сверхгорячий, сверхдержавя,</i>
10. СРЕДИ	Непервообразный простой наречный предлог	1) предлог 2) приставка, образ. прил. <i>средиземный</i>	Предлог

Как видно из таблицы 1, трактовка АГ-80 относит 9 слов к производным наречным предлогам и лишь одно (в двух вариантах: *между/меж*) – к первообразным. Характеристика *между/меж* совпадает и в словарях, признающих его предлогом, но не наречием. Тогда естественно считать образования с ним приставочными. Однако в БТС он считается первой частью сложных слов: *междугорье, междугородный, межгорье, межвоенный* и под. Аналогичная непоследовательность наблюдается для *вне*, которое характеризуется только как предлог в БТС, однако выступает первой частью сложных слов (напр. *внебюджетный*). Тем самым вовсе не признается способность *вне* к самостоятельному употреблению в качестве наречия. В ТСРЯ *вне* имеет двойственную характеристику: предлог и наречие. Стоит заметить, что в НКРЯ имеется 465 примеров употребления *вне* перед знаком препинания, и можно полагать, что значительная часть – в функции наречия.

– *А то, что нельзя, будучи внутри, быть вне* [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)].

Только не Таня... Она была вне... справа или слева [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].

И далее трактовки ТСРЯ и БТС в основном не совпадают. Для ТСРЯ 9 из 10 слов могут иметь значения приставки, и только одно *против* в форме *противо-* отмечено как часть сложных слов. БТС совпадает в ТСРЯ в трех случаях: в трактовке *против(о-)*, в определении *после* как приставки на основе предлога (*послеобеденный*) и в отсутствии трактовки компонента *мимо*. В остальных случаях

либо образования на базе предлогов характеризуются в БТС как сложные слова, либо возможности таких образований не отмечено вовсе (*вдоль, среди*); для *сверх* дается единственная трактовка – в качестве компонента сложного слова.

Интерпретация ТСРЯ в целом представляется более последовательной: если для слова отмечена функция предлога, то и в качестве первого компонента естественно считать его приставкой. Однако этому правилу не соответствует *против*, так как компоненты с его участием расцениваются как сложные слова. Очевидно, как сложные слова оцениваются и примеры с *мимо*: *мимоездом, мимолетный, мимоходом*; эти примеры строятся на базе сочетаний глагола и наречия: *ехать мимо, лететь мимо* – для предложной трактовки нет оснований. Что касается слов с *против*, возможно здесь усмотреть структуру с соединительной гласной *-о-*, типичную для модели сложных слов, хотя вовсе не всегда базовое словосочетание включает именно наречие, т.е. в образовании участвует предложная конструкция (ср. *против пожара > противопожарный, против яда > противоядие, но стоять против > противостоять*).

Получается, что предложная природа компонента не всегда определяет его переход в приставку.

Отдельный вопрос вызывает трактовка *сверх* и *среди* в АГ-80 и в ТСРЯ: в грамматике они признаны наречными предлогами, в словаре – не имеют функции наречия. Тогда получается, что статус наречных они получили только по соответствию с наречиями *сверху* и *посреди*, а не по собственной функции? (В НКРЯ отмечено всего 2 примера на употребление *сверх* перед знаком препинания, т.е. тяготеющего к наречному, что не показательно: *не будет ли сверх?*; *носчику мисок – тоже порция сверх*; можно считать эти примеры окказиональными).

Если же трактовать рассматриваемые примеры в соответствии с концепцией Е. В. Урысон, то большинство из них, способные выступать как самостоятельные полнозначные слова (т.е. кроме *сверх* и *среди*), должны образовывать именно сложные слова, а не приставочные структуры.

Такая грамматическая интерпретация кажется наиболее последовательной.

Проблема определения границ сложного слова на этом материале представляется заслуживающей дальнейшего изучения.

Для того чтобы оценить, насколько неоднозначно понимаются образования на основе производных (непервообразных) предлогов, мы провели небольшой опрос среди 20 студентов 2 курса отделения фундаментальной и прикладной лингвистики (т.е. недавно прослушавших курс морфологии). Им был предложен список из 20 слов, среди которых был один пример с очевидной приставкой (*предвоенный*) и один очевидный пример сложного слова (*переднеязычный*), с просьбой отметить в списке сложные слова.

Результаты опроса представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты опроса

Примеры	Отметили как СС	Примеры	Отметили как СС
внутригородской	6	послевоенный	3
междугородный	8	предвоенный	0
Междуречье	10	мимолетный	5
внутривенный	4	противостоящий	9
околоземный	5	Средиземный	8
противоядие	15	межреберный	2
противодействие	15	межконтинентальный	1
внештатный	0	сверхплановый	3
внешкольный	0	вдольпозвоночный	7
послеобеденный	4	переднеязычный	11

Как видно из таблицы, результаты говорят о значительных колебаниях при выборе категории. Действительно, безусловно приставочное слово (*предвоенный*) было опознано как таковое всеми, однако очевидно сложное (*переднеязычный*) признали как таковым чуть больше половины, что может говорить и о недостаточной внимательности или лингвистической компетенции. Как отмечали некоторые студенты, они опирались в основном на «лингвистическое чутье». Одна студентка заметила, что кроме *переднеязычный* ничего не готова признать сложным словом, другие были менее категоричны.

В соответствии с трактовками словарей наиболее высокие показатели у студентов получили слова с компонентом *противо-*, однако не все: *противостоящий* опознали как сложное слово чуть меньше половины. Как очевидно приставочные все отметили слова с *вне-*, вопреки БТС. Слова с *между-* около половины признали сложными, в то время как с *меж-* в основном приставочными. *Средиземный* оказался в значительной мере неоднозначным, с перевесом в сторону приставочного образования.

Как можно трактовать полученные результаты?

По-видимому, в определении статуса слова играет роль и слоговой состав первого компонента. При сравнении форм с односложными компонентами *меж-*, *вне-*, *сверх-*, с одной стороны, и дву- и трехсложными, с другой, видно, что односложные более тяготеют к приставкам, в то время как остальные могут принимать на себя дополнительное ударение, что характерно для сложных слов (ср. также оценки *предвоенный* и *послевоенный*). Вообще односложные слова ощущаются чаще как простые предлоги, а дву- и трехсложные слова представляются более сопоставимыми с корневыми (ср. *междуречье* и *междоусобица*, *междометие*). Некоторое исключение составляет компонент *вдоль*: он довольно редко встречается в составе слов, но и его все же чаще трактовали как приставку.

Некоторые заключительные соображения

Итак, мы попытались проследить логические основания для различения сложных слов и приставочных образований на основе производных предлогов.

В типологических и формальных исследованиях сложными признаются не только слова на основе производных предлогов, но и на основе первообразных. Эта позиция логически не представляется достаточно убедительной, хотя она и может быть применима для формальных целей, особенно с трактовкой бинарных процедур словообразования на базе квазисоснов.

В современной русистике также отмечается несколько подходов, отраженных в АГ-80 и в БТС, однако они не лишены противоречий. Наиболее убедительной кажется позиция Урысон, в соответствии с которой статус непроизводных предлогов рассмотренного класса более органично считать наречным, а не предложным. И тогда оправданным будет считать образования с ними сложными словами. В целом, данный вопрос требует более глубоко изучения на других группах производных предлогов.

Литература

1. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1 М.: Наука, 1980. (АГ-80)
2. Гращенков П. В. Сложные прилагательные, бинарное ветвление и выбор синтаксического формализма // Рема. 2016а. № 3. С. 75–96.
3. Гращенков П. В. Автоматический анализ русских сложных слов // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2016б. № 6. С. 119–132.
4. Лягушкина Н. В. Семантика пространственных предлогов позади и сзади // Исследования по семантике предлогов. Сб. ст.. М.: Русские словари, 2000. С. 297–312.
5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruscorpora.ru>, дата обращения: 01.06.2022.
6. Столярова В. В. Пространственные предлоги и наречия в русском языке: семантические различия // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 1. С. 208–218.
7. Урысон Е. В. О производных предлогах: наречные предлоги // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 13 (20). М., 2014.

8. Урысон Е. В. Предлог или наречие? Частеречный статус наречных предлогов // Вопросы языкознания. 2017. № 5, С. 36–55.
9. Федорова Л. Л. Спорные моменты русского словосложения: типологический и традиционный подходы // Le Lingve slave: Sviluppi teotici i prospettive applicative/ Atti dell' VIII Incontro di Linguistica Slava (Udine 10-12.09.2020). Aracne. Roma. 2021. P. 239–256.
10. Benigni V., Masini F. Compounds in Russian, in *Lingue e linguaggio VIII*. (2009). С. 171–193.
11. Scalise S., Bisetto A. The classification of compounds, in *The Oxford Handbook of Compounding* / P. Steckauer, R. Lieber (eds). Oxford University Press, 2009.

Словари

1. БТС – Большой толковый словарь современного русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2014 (авторская ред.). URL: Gramota.ru.
2. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 2007.

УДК 811.161.1

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧАСТИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ОРТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

С. И. Холод

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова
Тюмень, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности образования и употребления действительных причастий будущего времени. Делается вывод о востребованности данных форм в современном русском языке и их стремлении к нормализации и закреплению в системе глагольного формообразования.

Ключевые слова: язык Рунета, интернет-лингвистика, русская грамматика, глагольное формообразование, действительные причастия будущего времени.

ACTIVE PARTICIPLES OF THE FUTURE TENSE IN THE ORTHOLOGICAL ASPECT

S. I. Kholod

*Tyumen Higher Military Engineering Command School,
named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov
Tyumen, Russia*

Abstract. The article deals with the features of the formation and use of the active participles of the future tense. The conclusion about the demand for these forms in the modern Russian language and their desire for normalization and consolidation in the system of verbal formation is made.

Key words: Runet language, Internet linguistics, Russian grammar, verbal formation, active participles of the future tense.

Язык как живая система постоянно развивается, в нём происходят лексические и грамматические изменения, появляются новые тенденции и факты. В области глагольного формообразования одним из активных участков в последние десятилетия стали действительные причастия будущего времени типа *напишущий, прочитающий, делающий, связующий, интересующийся, закроющийся, придуший, достигнувший, позволяющий, уничтожающий* и другие.

На протяжении нескольких столетий подобные словоформы изредка встречались в письменных текстах разных стилей, например:

1) у Н. Гоголя в «Мёртвых душах» читаем: «... и что буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не предъявляющий никаких свидетельств и пашпортов, то задержать его немедленно».

2) «Истоки» Н. Рериха содержат такое предложение: «Но ведь во многих местах фольклор уже не сохраняется; разве где он попал в недвижимые отделы музейные и лишь случайно на него наткнётся музыкант или писатель, пожелающий оживить эти пергаменты и свитки».

3) А. Писемский в «Тысяче душ» также использовал причастие будущего времени: «При этих словах Калиновичу невольно вспомнилась Настенька, обречённая жить в глуши и во всю жизнь, может быть, не увидящая ни балов, ни театров».

4) К. Паустовский об А. Грине писал: «Я мог бы привести здесь сотни отрывков из книг Грина, взволнующих каждого, не потерявшего способности волноваться перед зрелищем прекрасного, но читатель найдёт их сам».

5) В «Московской книге» Ю. Нагибина можно увидеть: «И не скажешь, что это – пространственные или душевные дали, самая главная любовь или истина, сделающая тебя наконец-то равным себе».

6) У Ф. Кривина в «Романтике моря» находим такую фразу: «А Цирротаума, никогда не видавший света и никогда его не увидящий, светится, светится...».

Однако поскольку были зафиксированы лишь единичные образования, во всех изданных в XX веке академических грамматиках (Грамматика-60: 506, Грамматика-70: 419, Грамматика-80, т. 1: 667) подобные формы считаются нерегулярными и потому ненормативными. В «Русской грамматике», в частности, отмечается: «Встречающиеся изредка в употреблении причастия, образованные от глаголов сов. вида, являются отступлением от литературной нормы; например: человек, не предъявляющий никаких свидетельств и пашпортов (Гоголь); сотни отрывков из книг Грина, взволнующих каждого (Пауст.); самая главная любовь или истина, сделающая тебя наконец-то равным себе (Нагиб.); образцы заголовков, смогущих привлечь внимание (газ.)» (Русская грамматика 1980, 1: 667).

Тем не менее опубликованные результаты лингвистических исследований (Эпштейн 2007: 260), (Гловинская 2008: 211), (Кириянов, Шагал 2011: 94) и наши наблюдения за последние 14 лет (Холод 2008: 330; Холод 2015: 279) дают право утверждать, что количество примеров образования и употребления причастий будущего времени в конце XX – начале XXI века значительно увеличилось. М. Я. Гловинская писала об этом: «На рубеже XX и XXI веков примеры действительных причастий СОВ БУД перестают носить спорадический характер, они часто встречаются в языке mass-media и в огромном количестве присутствуют в Интернете, где редакционный контроль отсутствует» (Гловинская 2008: 211). Именно отсутствие жёсткой цензуры и качественной корректуры в Рунете привело к появлению множества новых языковых явлений, в том числе и анализируемых форм. В последние два десятилетия существенно ускоряется процесс образования и употребления причастий будущего времени, и в него вовлекается всё большее количество глагольных лексем разных тематических групп.

Действительные причастия будущего времени образуются с помощью стандартных суффиксов -ущ- (-ющ-), -ащ- (-ящ-) от основы настоящего / будущего времени глаголов совершенного вида: *пожелать* → *пожелающий*, *переделать* → *переделающий*, *увидеть* → *увидящий* и т. д. Выдвинутая нами гипотеза о взаимосвязи возможности образования причастия будущего

времени и принадлежности исходного глагола к определённым словоизменительным классам, не подтвердилась: анализируемые формы с одинаковой вероятностью образуются от глаголов как четырёх продуктивных (по классификации В. В. Виноградова (Виноградов 1972: 352–354)), так и непродуктивных классов, например: переделывающий ← переделать, напечатывающий ← напечатать, повливающий ← повлиять (1-й продуктивный класс), успевающий ← успеть, сумевающий ← суметь, преодолевающий ← преодолеть (2-й продуктивный класс), проголосующий ← проголосовать, рисующий ← нарисовать, почувствующий ← почувствовать (3-й продуктивный класс), любящий ← полюбить, навредящий ← навредить, покупающий ← купить (4-й продуктивный класс); связующий ← связать, увидящий ← увидеть, прибегающий ← прибежать, переходящий ← перейти, попадающий ← попасть, закрывающийся ← закрыться, поднимающийся ← подняться, собирающий ← собрать, покрывающий ← покрыть, слышащий ← услышать, увезущий ← увезти, поймущий ← понять и др. (непродуктивные классы). Из вышесказанного можно сделать вывод, что возможность и частотность образования причастий будущего времени не зависят напрямую от формальных признаков производящих основ глаголов.

Появление и распространение причастий будущего времени связано, безусловно, с действием закона грамматической аналогии: на основе имеющейся в языке корреляции *делать* → *делающий* возникает новая корреляция *сделать* → *сделающий*. Но если первая пара считается в традиционной грамматике нормальным явлением, то вторая рассматривается большинством лингвистов как противоестественный факт, как языковая аномалия. При этом многие носители языка (чаще всего это представители молодого поколения) не осознают «неправильность» форм типа *узнающий*, *повезущий*, *исполняющий* и употребляют их в речи как обычные слова, то есть не воспринимают их как окказиональные образования или как отклонение от нормы. В большинстве случаев, по нашим наблюдениям, авторы стремятся таким образом актуализировать план будущего: 1) *Ворошиловский мост, уже сегодня в полтора раза перегруженный, явно не потянет возрастушую нагрузку ...* (www.temernik.ru). 2) *Решить проблему перевозки рабочих поможет новый, пятый мост, связующий самые южные кварталы с левым берегом* (www.polit.magnitogorsk.ru). Есть и те, кто специально использует новые формы в качестве средства языковой игры. В качестве примера можно привести стихотворение Александра Левина «Памятник» (<http://www.levin.rinet.ru/MORE/Pamyatnik.html>):

ПАМЯТНИК

Вот я – пойдущий и найдущий.
Вот я – дорогу перейдущий.
Не то в грядущее бредущий,
не то в бредущее грядущий.

Вот я – мудрёных улыбнувший
и удручённых рассмеявший,
одних язвительно споткнувший,
других наивно обаявший.

Вот я – упавший, но встающий,
не выносимый, но вносимый,
и звуки чудны раздающий
из тьмы и тьмы неугасимой,

такой непьющийся поющий,
такой трудящийся беспечный,
я – постоянный и уйдущий,
я – остающийся навечно.

Вот я – пропевшийся, охрипший.
Вот я – заговоривший снова.
Такой вот памятник воздвигший...
Такой, блин, памятник херовый!

В анализируемых предложениях причастия будущего времени, как правило, обозначают потенциальные признаки, которые могут возникнуть после момента речи у субъектов или объектов действий: 1) *Может, найдутся умельцы, переделывающие (= которые переделают) этот патч для БФ2?* (edf.ru/forum). 2) *Инструмент для сбора вот-вот упадающих (= которые упадут) яблок...* (www.prokoni.ru/forum). 3) *Человек, купающий такой CD, скорее всего отграбит его и сожмёт ещё раз в МПЗ* (www.penta-club.ru/forum/index).

Нами зафиксированы случаи использования причастия *пожелающий* с глаголами *найдётся, появится* в конструкциях, выражающих ирреальную модальность, например: 1) *Если появится инвестор, пожелавший построить каток, я его поддержу* (haifa.israelinfo.ru/persons). 2) *Вряд ли найдётся человек, пожелавший заплатить за это деньги* (www.rap.ru/forum/showpost). 3) *Может быть, найдётся какой-нибудь «новый русский», пожелающий заняться этим?!* (archive.travel.ru/Mauritania).

Необходимо отметить также способность причастий будущего времени выражать, помимо потенциального процессуального признака, модальное значение возможности, что вполне согласуется с традицией употребления подобных форм в классических языках: 1) *Бронезащита какая бы ни была, всегда найдётся снаряд, преодолющий (= который сможет преодолеть) ее* (forum.na-svyazi.ru/index). 2) *А ведь есть люди, поймущие (= которые смогут понять) этот бред...* (otchaika.livejournal.com). 3) *Если найдётся добрый человек, вроде Саши Левина, соберущий (= который сможет собрать) их в одном месте, ему все должны будут сказать спасибо* (www.photoscape.ru/index).

Выражая как абсолютное, так и относительное время, причастия будущего времени употребляются в простых и сложных предложениях с глаголом-сказуемым совершенного вида будущего времени. Причастные обороты в данных конструкциях можно легко заменить придаточными определительными предложениями со словом *который*, так как по контексту понятно, что оба действия осуществляются в будущем, например: 1) *В районе Москва-Сити построят три моста, связывающих (= которые свяжут) бизнес-центр с Филевским районом, который находится на другом берегу реки* (www.carpark.ru/ru/auto_news/printable.php). 2) *Важный матч, повлияющий (= который повлияет) на распределение мест в верхней части турнирной таблицы состоится сегодня в рамках российского футбольного чемпионата* (www.echo.msk.ru/news). 3) *Доктор подберет для Вас метод, позволяющий (= который позволит) решить Вашу проблему* (www.dr-lopatin.ru).

Тексты, в которых используются причастия будущего времени, могут быть различной тематики, стилевой и жанровой принадлежности, например: 1) *Редакторская статья номера затрагивает вопрос, наверняка заинтересующий отечественного анестезиолога: адьюванты при проведении каудальной анестезии у детей* (www.rusanesth.com). 2) *Два мужика с зажатыми в кулаках деньгами с разных сторон бегут к вот-вот закрывающемуся винному магазину* (www.fishing.ru/Forum/020/2002/08/07172530). 3) *Этому предшествует очень ответственный подготовительный этап, существенно повлияющий на сроки сдачи объекта в целом* (www.alternativa.org.ru).

Постоянно возрастающее количество примеров употребления действительных причастий будущего времени свидетельствует о востребованности данных форм. Вероятно, это может быть связано с действующим законом экономии языковых средств, так как для развёрнутой характеристики предмета обычно используются либо причастные обороты, либо придаточные определительные предложения; и если не употреблять формы причастий будущего времени, то заменить их можно будет только придаточными определительными предложениями, которые увеличат объём высказывания и придадут речи громоздкость (*увеличающими объём высказывания и придающими речи громоздкость). Ср.: *Мы со всех ног помчались в вот-вот закрывающийся магазин игрушек* (www.diary.ru) – *Мы со всех ног помчались в магазин игрушек, который вот-вот закрывается.*

Таким образом, в настоящее время в Рунете легко образуются и широко употребляются причастия будущего времени, несмотря на то что этот процесс искусственно сдерживается действующими в литературном языке правилами, тем не менее возможности грамматической системы языка не препятствуют образованию данных форм.

Несмотря на запреты академических грамматик, причастия будущего времени вряд ли можно считать аномальным, антисистемным явлением, скорее

они представляют собой пример заполнения в речи «вакантных» клеток – «лакун» в парадигме и являются недостающим необходимым звеном в цепи русского глагольного формообразования.

Увеличивающееся количество примеров образования и употребления причастий будущего времени в текстах различных жанров и стилей свидетельствует о востребованности в речи данных форм и о их высоком потенциале адаптации в грамматической системе русского языка с перспективой признания их литературной нормой.

Считавшиеся долгое время потенциальными, формы действительных причастий будущего времени под влиянием закона грамматической аналогии и закона экономии языковых средств постепенно становятся реальными.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособ. для вузов. 3-е изд., испр. М., 1986. 640 с.
2. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 187–270.
3. Грамматика-60: Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 720 с.
4. Грамматика-70: Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 767 с.
5. Грамматика-80: Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.
6. Кирьянов Д. П., Шагал К. А. Действительное причастие будущего времени совершенного вида в русском языке // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII. Ч. 3. СПб., 2011. С. 93–97.
7. Радбиль Т. Б. Грамматические инновации в современной русской речи как «точки роста новых явлений» // Активные процессы в современной грамматике: Матер. междунар. конф. 19–20 июня 2008 г. / Под ред. С. В. Иванова, О. В. Фокиной. М.: Ремдер; Ярославль, 2008. С. 222–226.
8. Холод С. И. К вопросу образования действительных причастий будущего времени // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. Матер. I Конгресса РОПРЯЛ. В 2 ч. Т. 1. СПб., 2008. С. 329–332.
9. Холод С. И. Действительные причастия будущего времени как грамматическая инновация // XLIV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г.: Тезисы докладов. СПб., 2015. С. 279.
10. Эпштейн М. Есть ли будущее у причастий будущего времени? // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: матер. Междунар. науч. конф., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Москва, 24–28 мая 2007 г. / отв. ред. Н. А. Фатеева. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2007. С. 259–266.

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
УСТНОГО СПОНТАННОГО МОНОЛОГА-РАССКАЗА
НА НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ РЕЧИ КИТАЙЦЕВ)**

Чжао Цзэли

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию морфологических особенностей устных спонтанных монологов-рассказов китайцев на неродном для них русском языке. Кроме обычных ошибок, рассматриваются общие морфологические особенности монологов, а также выявляются некоторые предпочтения в употреблении грамматических форм.

Ключевые слова: морфологические особенности, монолог, русская спонтанная речь, речевой корпус, ошибка.

**MORPHOLOGICAL PECULIARITIES
OF ORAL SPONTANEOUS MONOLOGUE-STORY
IN A NON-NATIVE LANGUAGE (BASED ON THE RUSSIAN SPEECH
OF THE CHINESE)**

Zhao Zeli

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the description of the morphological features of oral spontaneous monologues-stories of the Chinese in their non-native Russian language. In addition to the usual mistakes, general morphological features of monologues are considered, and some preferences in the use of grammatical forms are also revealed.

Key words: morphological features, monologue, Russian spontaneous speech, speech corpus, error.

Введение

В современной лингвистике в последние годы неизменно сохраняется и даже усиливается интерес к устной, в том числе неподготовленной, спонтанной форме речи. Возникло и активно развивается специальное направление лингвистики – *коллоквиалистика*, изучающая специфику разговорной речи (РР) как сферы коммуникации и особой разновидности языка (см. о ней подробнее: Девкин 1979; Скребнев 1985).

Морфология относится к числу более устойчивых подсистем русского языка, чем, например, лексика и синтаксис. Ее средства обычно используются во всех стилях, жанрах и формах речи, а своего рода функционально-стилистическая специфика отражается и в грамматике.

Отличительной особенностью *разговорной речи* является тот факт, что «разговорное общение возможно только в диалоге, при неофициальных отношениях между говорящими» (Петров 2017: 40). Важнейшими стилеобразующими признаками РР считаются ее «непринужденность, неподготовленность, экспрессивность, эмоциональность, конкретность и оценочность» (Там же). На *морфологическом уровне* для РР характерны грамматические формы с разговорной и просторечной окраской, преобладание глагола над существительным, пассивность причастий, деепричастий и кратких прилагательных, частотность личных местоимений, частиц, междометий, и форм Им. п., даже там, где в письменной речи он невозможен, употребление усеченных форм и др. (см. об этом подробнее: Сиротина 1983; Филиппова 2009; Земская 2016).

Монолог VS диалог

Однако необходимо помнить, что избирательность языковых средств в некоторых степени зависит и от выбора формы речи: диалогической или монологической. В отличие от диалога, основанного на обмене репликами, *монолог* – это «форма речи, образуемая в результате активной речевой деятельности, не рассчитанная на активную же, сиюминутную, словесную реакцию» (Винокур 1990: 310), монолог представляет собой «организованную систему облеченных в словесную форму мыслей. Всякий монолог есть литературное произведение в зачатке» (Щерба 1957: 115). То есть устный спонтанный монолог – особый жанр: он может обладать характеристиками разговорной речи и в то же время быть близким к письменной речи, он характеризуется организованностью и целостностью. Кроме того спонтанный монолог, как отмечает Е. В. Ерофеева, весьма репрезентативен для изучения, с одной стороны, спонтанности речи, с другой – характеристик (социальных, психологических, индивидуальных) говорящего (Ерофеева 2005: 116). Особый интерес представляют в этом отношении морфологические особенности устного спонтанного монолога на неродном для говорящего языке.

Китайский язык VS русский язык

Китайский язык, как известно, существенно и во многих отношениях отличается от русского. *Русский язык*, во-первых, является синтетическим: его грамматические значения обычно передаются с помощью аффиксов, флексий, ударений, интонации, служебных слов и порядка слов в предложении. *А китайский язык* – преимущественно аналитический, передающий грамматические отношения с помощью синтаксических средств, т. е. через отдельные служебные слова, через фиксированный порядок слов, контекст и/или интонационные вариации. Во-вторых, по грамматической классификации, русский язык – флективный и «напоминает по своему строению “конструктор”, в котором меньшей значимой частью являются разнообразные форманты (морфемы), выражающие семантическое и/или грамматическое значение и обеспечивающие свободный порядок слов в предложении» (Злобина, Сорокина 2018: 132). Китайский является изолирующим языком, для которого характерны отсутствие словоизменения и грамматическая значимость порядка слов, а также слабое противопоставление знаменательных и служебных слов. Совершенно разные языковые системы создают значительные трудности для китайцев при изучении русского языка, но они же придают русской речи китайцев некоторые уникальные особенности. Однако современные исследования русской речи китайцев в основном сосредоточены на отклонениях от норм, в том числе с точки зрения грамматики, и всестороннего анализа русской монологической речи китайцев пока не проводилось.

Анализ материала и его результаты

Материалом для настоящего исследования послужили 20 монологов-рассказов китайцев на тему «Как Вы проводите время на каникулах?» из корпуса русской монологической речи, созданного в СПбГУ и известного как «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) (см. о нем подробнее: Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян и др. 2017, 2019). Свободный рассказ на заданную тему является спонтанным монологом с наименьшей степенью *лингвистической мотивированности* и наибольшей степенью *спонтанности* (Звуковой корпус... 2013: 87). Использование такого материала позволяет не только получить достоверные языковые данные, но и раскрыть наиболее полно уровень владения говорящего иностранным языком и речевые умения иностранцев. Это именно то, что важно для данной работы.

Объем исследованного материала составил 2595 слов. В данной работе *слово*, в соответствии с лингвистической традицией, понимается как лексико-грамматическая единица (см.: Виноградов 1947; Милославский 1981; Краткая русская грамматика 2002). При подсчете объема исследованного материала в качестве самостоятельных единиц не учитывались обрывы слов.

Все 20 информантов на момент записи были студентами или аспирантами Санкт-Петербургских вузов и имели минимальный второй уровень ТРКИ, согласно Российской государственной системе тестирования иностранных граждан (<http://www.russia.edu.ru/rus/levels/>). ТРКИ-II – это постпороговый уровень владения иностранным (русским) языком, сдача экзамена на этом уровне означает, что кандидат уже может решать задачи социально-делового и межличностного взаимодей-

ствия, свободно понимать информацию из СМИ, пользоваться различными стилями языка. Поэтому можно полагать, что все информанты, участвовавшие в записи, овладели всеми известными в русском языке частями речи. Интересно, однако, что анализ показал предпочтение в устном монологе одних частей речи и малочастотное использование других.

Рассмотрим подробнее результаты анализа монологов китайцев на морфологическом уровне.

➤ **Имя существительное** (19,2 % от общего количества слов в монологах)

При анализе *существительных*, используемых информантами в устных монологах, особое внимание обращает на себя *категория падежа*, которая является одной из основных в системе грамматических категорий существительного в русском языке. В литературе отмечалось (см. работы О. Б. Сиротининой, Е. А. Земской, О. А. Лаптевой), что устная речь характеризуется специфической дистрибуцией падежных форм. Наши наблюдения показывают предпочтение употребления имен существительных в устных монологах китайцев в формах Вин. п. (38,4 % от общего количества падежных форм существительных), Им. п. (21,5 %), и Род. п. (15,1 %), ср. примеры из корпусного материала (все примеры в статье атрибутированы с указанием номера информанта (И1, И2...; знак [в расшифровках САТ означает физическую паузу хезитации, *сл* – шумное втягивание воздуха (хлюпанье), *мп* – причмокивание, *ы-н*, *эм*, *н-н* и под. – звуковое заполнение пауз хезитации (вокализации); о других особенностях орфографического представления материалов САТ см.: Чэн Чэнь 2021: 156-157):

1) *сл э-н мп когда [я-я в-э детстве / н-н иногда [люди [задАли мне тОкий вопрос (И11);*

2) *да я ленивый человек / просто [оставил дома (И17);*

3) *я обычно дома / и-и [мп лажу [у кровати / смотреть [сл новость [ы-н сериал [ы-н [и фильмы / и слушать музыку / и читать книги и так далее (И17);*

4) *и-и [н [может быть / мы бу... будем ехать в Москву / или за границей чтобы [э отдохнуть (И9);*

5) *я-я ы-н сейчас я аспирант первого курса (И15);*

6) *на каникулах / эм [я обычно-о [встречу с друзьями / которых [э-э [уже давно не видела / мы будем [найти [несколько [ресторанов (И1).*

Подавляющее большинство случаев употребления форм Им. п. укладывается в ту систему значений, которая предложена «Русской грамматикой» (Русская грамматика 1980) и характеризуется не специфическими функциями падежа, а преобладанием субъективного значения и менее определенного значения (1)-(2). Для форм Вин. п. характерны объектное и обстоятельственное значения (3)-(4). Род. п. чаще выступает как определительный, иногда имеет значение необходимого информативного восполнения. (5)-(6).

Наши наблюдения согласуются с выводом О.Б. Сиротининой о преобладании в разговорной речи Им. и Вин. пп. (Сиротинина 1983: 39), но отметим при этом, что, по нашим данным, Вин. п. употребляется значительно чаще, чем Им. п. Это может быть связано с тем, что формы Вин. п. используются не только при переходных глаголах (*смотреть фильмы, слушать музыку, читать книги*), но и при непереходных глаголах с предлогами (*ехать в Москву*). Кроме того, одной из особенностей разговорных текстов является наличие предложений с однородными членами (2), что также способствует увеличению количества форм Вин. п. Употребление Им. п. относительно простое по сравнению с Вин. п., а содержание текста ориентируется на описание информантом своего поведения во время каникул, поэтому неизбежно появляется большое количество личных местоимений, которые занимают место подлежащего, значительно уменьшая возможность появления форм Им. п. имени существительного.

➤ **Местоимение** (16 %)

Местоимения в материале исследования оказались довольно частотными, особенно личные (63,1 %) и указательные (17,3 %). Это также согласуется с описанными морфологическими особенностями разговорной речи, ср.:

7) *я люблю / гулять обычно я гуляю с подругом [с подругой / на море / а-а Петербург это-о / это город / в которо... в которм / м-м [есть река и-и вода / и-и [поэтому / особенно я люблю / а-а Петербург (И3);*

8) в конце концов **мы** а поехали в Нижний Новгород / ы там **мы** встретились с русской девушкой **её** зовут Маша / н он а она н-н [она н-н [ы-н в качестве проводника / и-и показала **нам** / ы-н э... примечательность (И6);

9) в свободное время / я [н-н а а я люблю н-н с друзьями [н-н в-в-встречаться / и-и люблю [я люблю гулять в цен... в торговом центре “Галерея” / сл ы-н [или мп иногда я [ы-н люблю спать (И18).

Вообще говоря, использование местоимений в РР связано с «минимумом заботы о форме выражения» (Сиротинина 1993: 137). Местоимения способствуют экономичному выражению мысли и позволяют избежать повторений существительного (*встретились с русской девушкой её зовут Маша / н он а она н-н [она <...> показала <...> примечательность*). Однако в материале исследования можно видеть и избыточность личных местоимений, что объясняется спонтанностью, неподготовленностью таких монологов. В условиях дефицита времени, говорящий подсознательно использует наиболее знакомый ему способ организации речи, а для иностранцев это в значительной степени зависит от их родного языка. Выше уже упоминалось, что склонение как морфологическая категория отсутствует в системе китайского языка, поэтому подлежащее в структуре предложения нельзя опускать, иначе это вызовет путаницу. В таких случаях говорящий привносит в русскую речь навыки своего родного языка, что и приводит к избыточности личных местоимений. Возможно, это справедливо и для спонтанных монологов китайцев других жанров (пересказов или описаний), но это надо еще проверять на материале того же корпуса САТ.

➤ **Глагол** (16,5 %)

Глагол в русском языке, в сравнении с другими частями речи, обладает наиболее развитой системой грамматических категорий и форм. Видимо, этот факт стал одной из причин высокой употребительности глаголов в речи информантов. В большинстве случаев глаголы употребляются в формах настоящего и прошедшего времени, а также в инфинитиве (соответственно 42,0, 17,0 и 33,3 % от общего числа глагольных форм в монологах). Это согласуется с количественными данными, представленными в работе (Чжао Цзэли 2022): 70 % всех исследуемых монологов китайцев построены как рассказы о настоящем. Глаголы несовершенного вида (НСВ) встречаются в этих текстах намного чаще, чем глаголы совершенного вида (СВ) (83,4 vs 16,6 %), что также явно связано с категорией времени: глагол-сказуемое, как правило, имеет форму настоящего времени, свойственную только глаголам НСВ, ср.:

10) в воскресенье / н-н [я часто **делаю** домашнее задание и-и немножко / ы-н [и и немножко / н **стираю** одежду / и-и [ы-н **мою** бельё (И15);

11) это когда **хочу-у гулять** [с друзьями / и **слушать** музыку / и **смотреть смотреть** фильмы / самое главное // **отдыхать** дом / и **смотреть** [телевидение (И11).

Прошедшее время используется в речевой ситуации «воспоминания», что тоже является типичным для жанра монолога-рассказа, ср.:

12) как я провожу-у [раньше **играл** [в баскетбол / к сожалению **повредил** коленку потом [щас не могу / поэтому [н-н сейчас [вот свободное время провожу-у [таки-им образом (И13);

13) в-э-н [как я [**проводил** [ле... летние каникулы / во время летних каникула / сначала ко мне **приездили** моё [э-ы [в Россию мои-и [родители и мы вместе **путешествовал** по России / в Петербурге и в Москве / а потом / а-а [мы вместе **вернулись** в Китай / в Китае я сначала я **пытался-я** [учить / как водить машину / ну-у [не-е **успел** [ну не **успел** / потому что времени не хватит (И2);

14) ы-н [ву-у [в июне / в конце июня мы **закончили** [а семестр / ы и [ы после экзамена я сразу же **проехала** в Китай (И6).

В функционировании отдельных значений глаголов НСВ и СВ в прошедшем времени обнаружили некоторые особенности. Подавляющее большинство форм НСВ (65,7 % от общего числа глаголов НСВ) имеет значение конкретного действия: *играл, проводил, путешествовал, пытался* (12)-(13). Активно в рамках НСВ используется аорист (34,2 %), который несет информативную нагрузку (13). Из форм СВ функционируют два значения – перфектное (*повредил* – пример 12) и

аорист (*закончили, проехала* – пример 14) – в соотношении 31,2 и 68,7%. По мнению барнаульских исследователей, «стереотипы выбора той или иной грамматической формы “работают” на этапе порождения речи, создания высказывания» (Лингвоперсонология... 2006: 221).

Важной морфологической особенностью устной русской речи китайцев является практически полное отсутствие в ней причастий и деепричастий. В материале исследования встретились всего две формы деепричастий, но только в составе вводных оборотов: *конкретно говоря* и *честно говоря*. Этот факт можно объяснить тем, что данные глагольные формы относят к сугубо книжным, не свойственным устной разговорной речи. Кроме того, это может быть связано и с тем, что такие глагольные формы отсутствуют в китайском языке, что вызывает трудности для китайских студентов в их освоении и делает их использование не характерным для китайцев.

➤ **Наречие** (11 %)

Можно заметить, что появление глагольных форм настоящего времени НСВ часто сопровождается *наречиями*, относящимися к временному плану, такими как *обычно, часто* и т.д. Интересно, что *принцип экономии*, свойственный РР, проявляется не только в использовании местоимений, но и в наречиях. В материале дважды зафиксирована редуцированная форма наречия *сейчас – щас*, которая является сугубо разговорной.

➤ **Имя прилагательное** (4,3 %)

Частота употребления *имен прилагательных* в разговорной речи существенно ниже, чем в письменной, и составляет в непринужденной речи, по данным Е.А. Столяровой, 3,9 % (Столярова 1972), что близко к нашим данным. Ср. также результаты анализа материала корпуса русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) (<https://ord.spbu.ru/>): 3,5 % прилагательных vs 8,6 % (почти в два раза больше) в письменной речи в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) (<https://ruscorpora.ru/>) (Звуковой корпус... 2014: 299).

При этом 69,4 % прилагательных в монологах китайцев оказались качественными, а 30,6 % – относительными. Этот «разрыв» может быть связан с возможностью употребления в позиции атрибута и предиката: по мнению М.В. Сандаковой, качественные прилагательные гораздо свободнее используются в позиции предиката, чем относительные (Сандакова 2007: 99), и имеют, таким образом, больше возможностей для употребления, ср.:

13) *по своему желанию / читать любимую книгу / не только [для диссертации (И11);*

14) *мо... мои каникулы / были прекрасными (И7).*

➤ **Частицы** (3,2 %)

Частицы считаются одним из самых сложных и интересных разрядов слов (Николаева 1985). Е.А. Земская утверждает, что широкое использование частиц является типической чертой русской РР (Земская 2016: 90). По корпусным данным, в устной речи (ОРД) частиц в три раза больше, чем в письменной (НКРЯ): 15,7 vs 4,6 % (Звуковой корпус... 2014: 299). Ср.: «Уже зная в общих чертах, что он хочет сказать, горящий запаздывает с вербализацией своей мысли, трудится “на глазах собеседника” над ее оформлением, заполняя при этом неизбежно возникающие паузы разного рода спонтанными элементами – частицами, модальными словами и т. д.» (Сиротинина 2003: 35). Однако в нашем материале частота частиц невелика, всего 3,2 %, и используются только *ну, вот, именно, так, просто, не*. Это может быть связано с тем, что китайские студенты при изучении русского языка больше занимаются письменной речью, чем устной разговорной. Языковые нормы, которые они изучают, – это правила письменной речи, и можно сказать, что китайские студенты мало знакомы со специфическим использованием частиц и поэтому, естественно, меньше используют их в своей русской речи. Кроме того, сами русские частицы слишком разнообразны по семантике и прагматике, что затрудняет иностранным студентам освоение их использования. Поэтому союзы и неречевые звуки являются наиболее простыми в употреблении для китайских студентов, чем частицы, ср.:

15) *я люблю / гулять / н-н [а-а] на море / н-н [и-и] кроме того (ИЗ).*

➤ **Дистрибуция частей речи и падежных форм**

Соотношение используемых частей речи в русских монологах китайцев вполне сопоставимо с данными, полученными другими исследователями – см. таблицу.

Таблица

Дистрибуция частей речи в устном дискурсе (по разным данным) (в %)

Часть речи	Данные Э. А. Ключковой	Корпус ОРД	Монологи китайцев
Существительное	13,5	15,8	19,2
Глагол		17,2	16,5
Местоимение	17,5		16,0
Прилагательное	3,7	3,5	4,3
Частица	12,5	15,7	3,2
Наречие		7,6	11,0

Незначительное количество частиц в русской речи китайцев уже обсуждалось выше. Данные по местоимениям в ОРД в таблице отсутствуют, так как в корпусе они описаны дифференцированно: местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные и местоимения-наречия (Звуковой корпус... 2014: 299). В перспективе и на материале русских монологов китайцев стоит, видимо, сделать так же.

Высокая частота употребления существительных в нашем материале (выше, чем по данным Э. А. Ключковой (цит. по: Сиротинина 1983: 39) и ОРД) во многом является результатом самокоррекции говорящих, возникающей как из-за общей спонтанности речи, так и по причине низкого уровня владения информантами русским языком. Кроме того, порой, в условиях неподготовленного говорения, информанты стараются что-то добавить к уже сказанному, что-то уточнить. Так или иначе, но в результате количество существительных в их монологах возрастает, ср.:

16) *ву-у [в июне / в конце июня мы закончили [а семестр / ы и (И6);*

17) *и каждый [человек / ы-н [каждый неделя надо [по очереди / ы-н [чистить [общее место (И4);*

18) *я люблю / гулять обычно я гуляю с подругом [с подругой / на море (И3);*

19) *то то что / как я провожу своё [свобо... [на время во время каникулы (И8);*

20) *ы потому что-о каждый день я могу с родителей гулять в парке или по городе / после их работа [ы после их работы (И10).*

Помимо дистрибуции используемых китайцами частей речи анализ материала позволил получить также распределение всех падежных форм в монологах-рассказах. Около половины составляют формы Им. п. (43,5 %), далее следуют Вин. п. (23,7 %) и Род. п. (12,6 %). Преобладание Им. п. обусловлено большим количеством личных местоимений в этой форме, о чем уже говорилось выше. В целом и эти данные соответствуют особенностям распределения падежных форм в разговорной речи.

➤ **Морфологические ошибки в русской речи китайцев**

Родной язык информантов влияет не только на общее предпочтение ими той или иной грамматической формы, но и приводит к появлению ошибок, в том числе морфологических, которые сводятся в основном к неправильному образованию формы, ср.:

1) *как я [проводил [ле... летние каникулы / во время летних каникула (И2);*

2) *обычно я гуляю с подругом [с подругой (И3);*

3) *в Китае я сначала я пытался-я [учить / как водить машину (И2);*

4) *и кроме этих я-я почти каждый день встал рано / и-и [н-н пое... аха... пи... по... походи-ли... на-а фисклуб (?) (И2);*

- 5) *мы будем [найти] несколько [ресторанов (И1);*
- 6) *а каникулы это [а-а совсем свободное времени (И3);*
- 7) *я так люблю путешествовать во время каникулы (И8);*
- 8) *и кроме этих я-я почти каждый день встал (И2).*

Ошибки китайцев в монологах на неродном русском языке, как показывает анализ материала, многочисленны и разнообразны, они требуют, несомненно, отдельного и детального описания, что может составить одну из перспектив настоящего исследования.

Заключение

В целом морфологические особенности русских устных монологов на неродном языке довольно специфичны: с одной стороны, они соответствуют особенностям русской разговорной речи, с другой, на построение такого монолога влияют и родной язык информанта, и уровень владения русским языком, и особенности жанра – монолога-рассказа на заданную тему. В случае с китайскими студентами характер их родного языка и особенность их начального образования делают владение определенными частями речи и их формами в русской речи явно недостаточным, что не только приводит к большому количеству ошибок, но и делает эмоциональную окраску их текстов слабее, чем у носителей языка.

Результаты проведенного исследования могут быть полезны и в чисто теоретическом отношении (анализ спонтанной монологической речи на неродном языке – в рамках коллоквиалистики, и для практики преподавания русского языка как иностранного, в первую очередь в китайской аудитории).

Литература

1. Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д. Корпус «Сбалансированная Аннотированная Текстотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): тр. Седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скредин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.
2. Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Тр. Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. М., 2019. С. 111–126.
3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.
4. Винокур Т. Г. Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. эн., 1990. С. 310.
5. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 256 с.
6. Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов. Пермь: Перм. ун-т, 2005. 320 с.
7. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
8. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. 396 с.
9. Земская Е. А. Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учеб. пособ. 5-е изд. стереотип. М.: Флинта, 2016. 240 с.

10. Злобина Ю. И., Сорокина М. О. Некоторые типичные ошибки в письменных работах китайских студентов: классификация и анализ // Мир науки, культуры и образования. 2018. № 4 (71). С. 130–133.
11. Корпус русской повседневной речи «Один речевой день». [Электронный ресурс.] URL: // <https://ord.spbu.ru/>
12. Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 2002. 726 с.
13. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Монография / Под ред. Н. Д. Голева, Н. Б. Лебедевой, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. 435 с.
14. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с.
15. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс.] URL: // <https://ruscorpora.ru/>
16. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М.: Наука, 1985. 170 с.
17. Петров И. Г. Русский язык и культура речи: Учеб. пособ. Екатеринбург: УГЛТУ, 2017. 89 с.
18. Российская государственная система тестирования иностранных граждан. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.russia.edu.ru/rus/levels/>
19. Русская грамматика. Т. II / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 714 с.
20. Сандакова М. В. Прилагательное в позиции атрибута и предиката // Вестник Вятского гос. ун-та, 2007. № 1. С. 94–100.
21. Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь. Пособ. для учителя. М.: Просвещение, 1983. 80 с.
22. Сиротинина О. Б. Разговорная речь // Функциональные стили и формы речи / Под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. С. 137–148.
23. Сиротинина О. Б. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / Под ред. О. Б. Сиротининой. М.: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 240 с.
24. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 210 с.
25. Столярова Э. А. Распределение и функционирование грамматических классов слов в русской разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1972. 276 с. (Машинопись.)
26. Филиппова Л. С. Русский язык и культура речи. Учеб. пособ. М.: Флинта: Наука, 2009. 272 с.
27. Чжао Цзэли. Особенности построения монолога-рассказа на неродном языке (на материале русской речи китайцев) // Тезисы 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. 15–23 марта 2022 г., Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 452–453.
28. Чэн Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка. СПб.: Нестор-История, 2021. 230 с.
29. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 115–129.

КАТЕГОРИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СИСТЕМНОМ ОПИСАНИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. Л. Шарандин

*Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
Тамбов, Россия*

***Аннотация.** Представлен нетрадиционный взгляд на категорию репрезентации, которая присуща не только глаголу (традиционно), но и другим частям речи русского языка. Осмысливается категориальная природа и языковой статус членов категории репрезентации в составе глагола, качественного предикатива и числительного.*

***Ключевые слова:** категория репрезентации, когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы, глагол, качественный предикатив, числительное.*

CATEGORY OF REPRESENTATION IN THE SYSTEM DESCRIPTION OF PARTS OF SPEECH OF THE RUSSIAN LANGUAGE

A. L. Sharandin

*Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia*

***Abstract.** An unconventional view of the category of representation, which is inherent not only in the verb (traditionally), but also in other parts of the speech of the Russian language, is presented. The categorical nature and linguistic status of the members of the category of representation in the verb, qualitative predicative and numeral are comprehended.*

***Keywords:** category of representation, cognitive communicative-discursive forms, verb, qualitative predicative, numeral.*

Рассмотрение категории репрезентации в качестве значимой характеристики части речи для ее системного описания было представлено в лингвистических работах сравнительно недавно. По мнению С. А. Кузнецова, первым, кто обосновал категорию репрезентации (на материале английского языка), был *А. И. Смирницкий*. Согласно А. И. Смирницкому, категория репрезентации «есть категория, которая представляет процесс в различных вариациях – как чистый процесс или же как процесс, осложненный другими (предметными или «признаковыми») моментами» (Смирницкий 1959: 246–247). В результате эти «вариации» оказываются представленными в разных формах, которые отразили и тем самым репрезентировали «степень полноты» и «яркости» процесса как глагольного признака. Однако эта идея, без терминологического использования слова *репрезентация*, была представлена и ранее. Так, в частности, о различном представлении процесса в различных глагольных образованиях писал еще А. А. Шахматов: «Часть речи, называемая глаголом, включает в себя не только названия активного признака простые, но также обособленные теми или иными сопутствующими представлениями» (Шахматов 1941: 460).

Концептуально и наиболее полно в отношении русского глагола категория репрезентации была рассмотрена в работе Л. Л. Буланина «Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории» (1983). Следуя за своими предшественниками, он трактует категорию репрезентации как *иерархически организованную систему*, структура которой определяется яркостью выражения частеречной семантики в *регулярном категориальном противопоставлении* личных и неличных форм, имеющих *синтаксическое обоснование*.

На наш взгляд, выделение категории репрезентации, которая характеризует глагол в целом, заслуживает внимания и *концептуально перспективно*. Она позволяет выявить содержательную (когнитивно-дискурсивную) сущность репрезентантов и увидеть их назначение в коммуникативном процессе. Объединение в одну парадигму в этом случае дает возможность, наряду с парадигмами грамматических категорий, использовать категорию репрезентации в качестве *характеризующего признака (категории-параметра) части речи* и не противопоставлять жестко морфологию и синтаксис, а учитывать их единство в плане грамматической характеристики части речи.

Именно в смысле характеризующего частеречного признака представлено осмысление категории репрезентации в работе С. А. Кузнецова «О категории репрезентации русского глагола» (Кузнецов 2001: 19). Однако если в целом оценивать широту включения категории репрезентации в системное описание частей речи, то в русском языке ее концептуальное и практическое использование ограничилось по существу только глаголом, тогда как в отношении других частей речи этого не наблюдается. Насколько это правомерно?

Прежде всего, отметим, что в лингвистических работах слово *репрезентация* представлено в сочетании со словом *категория*, образовавшими составной термин «категория репрезентации». Его понятийное содержание свидетельствует о *статусной значимости* данной категории, ибо в этом случае понятие репрезентации включается в систему категориального описания, в частности, глагола в качестве *особой грамматической категории* со всеми присущими ей признаками.

Если соотнести данные признаки с характеристиками категории репрезентации глагола, то они оказываются *конгруэнтными*. *Во-первых*, присутствует противопоставленность рядов предикативных (личных) и непредикативных (неличных) глагольных образований с однородным содержанием. *Во-вторых*, в качестве инвариантного (общего) значения категории репрезентации глагола выступает отношение к полноте и яркости проявления процессуального признака. *В-третьих*, варианты значения конкретизируют данное отношение и отражают ту или иную степень проявления глагольного признака. *В-четвертых*, все противопоставляемые ряды глагольных образований имеют морфологическую (морфемную) и синтаксическую выраженность. *В-пятых*, категориальный признак характеризуется обязательностью и регулярностью: нет глагольного образования вне той или иной репрезентации.

Таким образом, можно дать следующее **определение категории репрезентации глагола** с позиций ее категориального структурирования. **Категория репрезентации** – это система противопоставленных друг другу рядов глагольных образований, объединенных инвариантным (общим) значением отношения к степени проявления процессуального признака и различающихся между собой конкретным содержанием его проявления, которое имеет морфологическую и синтаксическую выраженность, а также характеризуется признаком обязательности и регулярности.

Следующий концептуальный вопрос связан с определением **характера категории репрезентации**: является ли она *словоизменяющей* (формообразовательной) или *классифицирующей* (несловоизменяющей)? На наш взгляд, такие традиционно выделяемые глагольные репрезентанты, как причастия, деепричастия, являющиеся особыми (гибридными) формами глагола, не определяют изменения глагола. Он *имеет* данные формы, что позволяет охарактеризовать категорию репрезентации глагола как *несловоизменяющую или классифицирующую категорию*.

Какова *концептуальная природа* таких *глагольных репрезентантов*, как причастие и деепричастие? На наш взгляд, **парадигма категория репрезентации** представляет собой *систему когнитивных коммуникативно-дискурсивных форм лексемы*. Это структуры словесного типа, которые объединены общностью лексического значения в различных синтаксических позициях в составе высказывания и предстают в них в той или иной морфологической форме. Различия между ними определяются когнитивными и коммуникативными целями говорящего, вследствие чего лексема реализует *разные* в плане *концептуальной структуры* образования, но имеющие и репрезентирующие *одно и то же концептуальное (лексическое) содержание*. В результате может быть выявлена *шкала (парадигма) репрезентации*, демонстрирующая степень полноты и яркости глагольного признака ПРОЦЕСС.

В наших работах состав глагольных репрезентантов, имеющих когнитивную коммуникативно-дискурсивную природу, несколько расширен за счет включения в их состав таких образований, как статив, девербатив, статус которых часто не определяется как глагольный. Однако этот вопрос *спорный*, решение которого не влияет на статусное определение категории репрезентации в целом. С учетом определения категории репрезентации как особой грамматической категории, характеризующей глагол в целом, можно дать ему следующее определение. **Глагол** – это класс номинативных слов, обозначающих процессуальный признак (в широком смысле), который реализуется в тех или иных формах грамматических категорий наклонения, времени, вида, залога, лица (рода) и числа. Он репрезентирован в предикативных (личные, безличные, императивные, стативные) и непредикативных (причастие, деепричастие, девербатив) формах. Они отражают разную степень полноты и яркости процессуального признака – от прототипического его представления в предикативных личных формах до представления его как предмета мысли, до «выродившегося» процессуального признака в девербативе (типа *чтение*). Более подробно см.: (Шарандин 2009).

Таким образом, принимая общий подход исследователей к выделению категории репрезентации в качестве характеризующей категории-признака (категории-параметра), мы считаем, что ее рассмотрение в этом качестве присуще не только глаголу, но и другим частям речи. В частности, категория репрезентации характеризует *качественный предикатив*, который выделяется нами в качестве самостоятельной части речи, и *числительное* (количественный атрибутив).

По мнению М. В. Панова, качественные и относительные прилагательные – «это два разных прилагательных мира» (Панов 1999: 132). Не вдаваясь в детальный анализ выделения и осмысления категориального статуса качественного предикатива и относительного атрибутива в системе частей речи русского языка (Шарандин 2021), дадим им определение в качестве самостоятельных частей речи.

Качественный предикатив – это класс номинативных слов, которые обозначают актуализированный качественный признак (*качественное состояние*). С точки зрения морфологии, оформляющей данную лексическую семантику, мы имеем набор следующих грамматических категорий: степени сравнения, род, число, время, наклонение, лицо. Первые три категории в большей степени связаны с выражением понятия «качество», а следующие три категории – с понятием «состояние». Это не случайно, поскольку для качественного предикатива *основной синтаксической функцией* является функция *предиката*. Она обуславливает функционирование категорий времени, наклонения, лица и характеризуется отсутствием падежной изменяемости (по существу, мы имеем лишь два конкурирующих между собой варианта в составе предиката; ср.: *он был сегодня веселый; он был сегодня веселым*; обе эти формы могут быть заменены краткой формой – *он был сегодня весел / был веселым / был веселый*).

Относительный атрибутив с точки зрения лексической семантики обозначает непроцессуальный признак («отношение»), который оформлен в русском языке согласовательными грамматическими категориями рода, числа и падежа. Их согласовательный характер также обусловлен *основной синтаксической функцией* – функцией *определения* по отношению к определяемому слову, представленному существительным. Важной грамматической особенностью относительного атрибутива является отсутствие категории степеней сравнения, что связано с его частеречной семантикой: отношение не подлечит градуированию, не может характеризоваться на шкале «больше – меньше».

На наш взгляд, в противопоставлении полных и кратких образований целесообразно видеть **формы репрезентации лексической семантики качества в разных синтаксических позициях**.

Предикативные формы подразделяются на *личные формы* и *безличные формы*. Они концептуализируют качество, прежде всего, в модально-временном и субъектном аспекте. **Личные предикативные формы** типа *быть добрым* являются *прототипическими* в системе качественного предикатива и позволяют описать концептуальное пространство, представленное актуализированным признаком, который может быть охарактеризован как временное (*мой отец болен*) или постоянное качественное состояние (*мой отец больной*), присущее субъекту. **Безличные предикативные формы** позволяют описать актуализированное качественное состояние безотносительно к субъекту (*На улице было тихо*) или качественное состояние, косвенно присущее его носителю, поскольку он выражен косвенной формой существительного или местоимения (*Детям было весело – Им было весело*).

Среди **непредикативных форм**, отражающих различную степень проявления качественного признака, выделяются, прежде всего, **полные качественные прилагательные** (или **качественный атрибутив**), употребленные в позиции определения. Традиционно именно они рассматриваются в качестве основного частеречного представителя прилагательного и **представляют его в словаре**.

В связи с рассмотрением полных форм качественного предикатива как особых когнитивных коммуникативно-дискурсивных форм возникает закономерный вопрос о том, каково их функциональное назначение с точки зрения концептуализации? Они, на наш взгляд, отражают принципиально иную плоскость концептуализации действительности по сравнению с предикативными формами. В отличие от них, приписывающих субъекту (объекту) качественный признак, который обеспечивает *однофокусность* восприятия атрибутивного объекта (фигуры), в полных формах качественного предикатива представлена *двухфокусность* восприятия качественного признака, обусловленная взаимодействующими частеречными концептами. Ср.: *Красивый человек не только тот, который красив внешне, но и тот, кто красив душой*. Признак *красивый* теряет его восприятие как статального признака, т.е. обозначающего состояние, но сохраняет *качество*, которое *преломляется через отношение*. Это и позволяет воспринимать качественный признак как не актуализированный, как бы слитый в единстве с лицом (предметом), что присуще относительным прилагательным (относительному атрибутиву).

Среди непредикативных форм ярким оказывается противопоставление, с одной стороны, наречных форм (**качественного адverbатива**), а с другой – субстантивных форм (**качественного деадъектива**). В первых лексическая тождественность с качественным предикативом поддерживается грамматическим значением категории степеней сравнения (например: *он говорил быстро – она говорила быстрее*). Как и в случае с качественным атрибутивом, мы имеем также *двухфокусность* восприятия качественного признака, но только в качестве второго фокуса восприятия выступает не атрибутивность по отношению к предмету, а атрибутивность по отношению к другому признаку – глагольному, что создает *эффект двойной признаковости («признак признака»)*. Объяснение этому мы находим в синтаксическом функционировании качественного предикатива в позиции обстоятельства, которая, как известно, является первичной для наречия. В результате **наречная форма качества теряет флективную изменимость**. В отличие от деепричастия, выполняющего в высказывании также обстоятельственную функцию и тем самым являющегося наречной формой глагола, качественный адverbатив не связан с относительным временем. Мы не имеем дополнительной предикации, а имеем **качественную характеристику действия**, выраженного предикатом. Наличие наречной формы в этом случае обеспечивает в концептуальном плане **особый фокус восприятия** качественных отношений, *детализируя способ или обстоятельства проявления глагольного признака безотносительно к выявлению временных (соотносительных) отношений*.

В состав неличных форм качественного предикатива мы включаем **качественный деадъектив** (субстантивную форму) (более подробно см.: Шарандин 2019). Его образование обусловлено синтаксической деривацией, а интерпретационный характер деадъективной формы обеспечивает принципиально иную «фокусировку» качественного состояния. Мы имеем его восприятие в тексте безотносительно к модально-временным характеристикам, но при этом *качественность сохраняется*. Это позволяет интерпретировать и воспринимать данный качественный признак как некую самостоятельную сущность, видеть нерелевантность его проявления в связи с носителем признака, ибо сам признак становится предметом мысли и оказывается носителем предиктируемых признаков. Ср.: *Черты ее лица были красивы и правильны* (И. Тургенев. Рудин) и *(Санина) особенно поразила изящная красота ее рук* (И. Тургенев. Вешние воды). Используемая в этом случае форма существительного в наибольшей степени приспособлена для отражения качественного признака (качественного состояния) без модально-временных характеристик. В результате и создается концептуальный эффект в его восприятии как будто в отрыве от носителя, как некоего носителя признака в отвлеченном виде.

Таким образом, **шкала (парадигма) качества**, отражающая ту или иную степень полноты и яркости его проявления, имеет следующий вид: **краткие формы** типа *быть тихим (озеро тихо)* –

безличные формы типа *тихо* (*на озере тихо*) – *полные качественно-атрибутивные формы* типа *тихий* (*тихий ребенок*) – *адвербиальные формы* типа *тихо* (*говорить тихо*) – *субстантивные формы* (деадъективы) типа *тишина* (*Тишина озера нас поразила*).

В связи с обоснованием категории репрезентации у качественного предикатива, возникает возможность уточнить определение этой части речи, приведенное выше. **Качественный предикатив** – это класс номинативных слов, которые обозначают актуализированный качественный признак (качественное состояние). Он реализуется в коммуникативном акте (тексте) в тех или иных формах грамматических категорий наклонения, времени, степени сравнения, лица, рода и числа, а также репрезентирован в предикативных личных и безличных формах и в непредикативных адъективных, адвербиальных и субстантивных формах.

Категория репрезентации, на наш взгляд, присуща и **числительному** как части речи. Не вдаваясь в детальный анализ состава числительного как части речи (см.: Шарандин 2021), обратим внимание на связь семантики числительного не только с понятием количества, но и числа. Числовое значение определяется счетной системой, в основе которой ряд натуральных чисел, обозначающих математическое понятие. Поэтому *числовые значения отражают специфику математического мышления*, в котором числа не отягощены связью с предметами. В математических формулах они оказываются *самостоятельными и полноценными членами* для понимания и восприятия содержания этих формул, представленных в языке в виде высказываний. Например, *К двум прибавить пять будет семь. Два умножить на пять будет десять*.

Однако если числовое значение оказывается связанным с предметом, то числительное уже имеет не значение числа как математического понятия, а *количественное значение*, которое выступает как *признак* предмета (*пять книг, два стола*). В результате происходит утрата числительным самостоятельности в составе высказывания, и оно предстает в виде некоторого количественного (счетного) оборота или нумеративного словосочетания, выступающего в качестве единого и целостного члена предложения. В этом случае мы имеем другой вид отношений – между количественным признаком и предметом. Отношения между ними определяются как *отношения необходимого информативного восполнения*. Именно отражение этих отношений в обыденном сознании носителей языка становится основным и системным. Поэтому, на наш взгляд, *состав числительного как части речи русского языка включает в себя слова с количественным значением*, которое является признаком и обусловлено связью с предметами при их счете.

Как и в случае с качественным предикативом, числительное имеет основную синтаксическую позицию, которая, скорее всего, присуща не столько числительному в составе словосочетания, сколько *нумеративному обороту в целом*. Это связано с тем, что в синтаксическом плане количественные числительные *несамостоятельны*, поскольку их лексическая семантика – обозначение количества – требует информативного восполнения в составе нумеративного оборота, выполняющего *функцию одного члена предложения (подлежащего, дополнения)*. Следовательно, синтаксическая позиция числительного вне этого оборота может рассматриваться в качестве вторичной, неосновной позиции. И в этом плане особый интерес вызывают, прежде всего, образования типа *второй, пятый*, т.е. порядковые образования, которые обозначают *отношение к порядку* предметов при счете (*второй тайм, пятый номер*). Их статус в системе частей речи представлен неоднозначно, но чаще всего они определяются как **порядковые числительные**.

Что происходит с числительным, когда оно попадает в позицию определения, присущую относительному прилагательному? *Во-первых*, несамостоятельный количественный признак получает *статус самостоятельного члена* предложения. *Во-вторых*, количественный признак претерпевает *концептуальные изменения*: он уже связан не с количеством предметов при счете, а с порядком предметов при счете, т.е. на первый план выступает *семантика отношения*, которая присуща относительному атрибутиву. Ср.: *Отец купил ребенку пять книг о войне. Четыре книги ребенок прочитал за время каникул, но пятая книга так и осталась неп прочитанной*. Данные изменения нашли отражение в морфологических характеристиках порядкового числительного. Оно изменяется по падежам, родам и числам.

Таким образом, порядковые числительные, будучи образованными от количественных числительных, демонстрируют концептуальные признаки отношения к счету предметов, которое позволяет определить порядковое место предмета. Данная концептуализация обусловлена взаимодействием количественного числительного и относительного атрибутива, когда количественное числительное из своей основной синтаксической позиции – несамостоятельного количественного признака предмета – попадает в основную позицию относительного прилагательного и предстает в ней как самостоятельный количественный признак, выражающий отношение. Это сопровождается морфологическими изменениями в характеристике количественного числительного, но при этом не происходит разрыва с лексическим значением количественного числительного. Такого рода грамматические изменения в целом позволяют рассматривать *порядковые числительные как когнитивные коммуникативно-дискурсивные формы количественного числительного*. В концептуальном плане восприятие количества в порядковых числительных *осложнено отношением к порядку предметов при счете*. В результате значение количества оказывается несколько затухающим, менее ярким по сравнению с количественным восприятием, выраженным числительными. Поэтому на шкале признака КОЛИЧЕСТВО порядковые числительные в качестве его репрезентантов не являются прототипическими.

Иерархические отношения в системе частей речи позволяют увидеть и *взаимодействие числительного с наречием*. В этом случае мы имеем восприятие количественного признака по отношению к глагольному признаку. Например, в высказывании *Он уже трижды говорил об этом* образование *трижды* имеет количественное значение (*три раза*). Как и в случае с порядковыми числительными, слово *трижды* выполняет самостоятельную синтаксическую функцию – обстоятельствоопределяющую (*говорил сколько раз?*). С точки зрения денотативного значения *три* и *трижды* тождественны, а различия связаны с употреблением в разных синтаксических позициях. *Три*, употребляясь в нумеративном обороте, выполняет определяющую функцию по отношению к предмету, с которым числительное сочетается (*Я мог три раза прочитать стих и запомнить его – Мне достаточно было трех прочтений стиха, чтобы запомнить его*). В случае со словом *трижды* реализуется обстоятельственная функция (*Мне достаточно было прочитать трижды стих, чтобы запомнить его*). При этом синтаксическая позиция обстоятельства, которая является основной для наречий, обусловила *неизменяемость* наречных форм числительного: утрачивается системная категория падежа, которая была присуща количественному числительному.

Иерархические отношения в системе частей речи позволяют выделить и *субстантивные формы количественного числительного* в качестве его репрезентантов. Речь идет о таких образованиях, как *тройка*. Традиционно они рассматриваются как существительные с количественной семантикой. Этот статус основывается на грамматических признаках: они имеют родовую характеристику (*славная тройка лошадей*), изменяются по числам и падежам (*тройка – тройки, тройке, о тройке лошадей*).

С *концептуальной точки зрения* субстантивная форма числительного фокусирует в коммуникации определенный ракурс восприятия, когда количественная субстантивность формы в отношении связанного с ней предметного существительного обуславливает в какой-то степени менее жесткий характер их сочетаемости, большую степень их расчлененности. Субстантивная форма *тройка* как бы концентрирует на себе внимание в качестве предмета мысли в высказывании. Например: *Тройка лошадей поразила внимание присутствующих своей слаженностью в движении. Особенно это было заметно в тройке на поворотах*. Поэтому в концептуальном плане наличие субстантивных форм числительного позволяет в большей степени «дефокусировать», «сместить» фокус восприятия количества из позиции, требующей информативного восполнения (*карета, запряженная тремя лошадьми, была подана к подъезду дворца*) в позицию восприятия как самостоятельного предмета мысли (*тройка лошадей была подана к подъезду дворца*). Объединяет образования типа *тройка* с числительным лексическая тождественность, а различия обусловлены синтаксическими позициями.

Таким образом, у числительного можно выявить *шкалу частеречного признака КОЛИЧЕСТВО*, которая имеет следующий вид (в порядке убывания полноты и яркости количественного при-

знака): *количественное числительное – порядковое числительное – адвербиальное числительное – субстантивное числительное*. В своей совокупности данные образования образуют категорию репрезентации числительного.

Характеризуя числительное как часть речи с учетом категории репрезентации, можно дать следующее его определение. **Числительное** – это часть речи, которая обозначает различные виды количества предметов при счете (определенное, неопределенное, дробное), оформленные падежными формами в составе нумеративного оборота (комплетивного словосочетания) в качестве компонента, который находится в отношениях информативного восполнения с определяемым предметом и выступает вместе с ним в роли единого члена предложения (подлежащего или дополнения). Кроме того, количественная семантика числительного в неосновных синтаксических позициях получает *репрезентацию* в когнитивных коммуникативно-дискурсивных формах – адъективных (порядковые числительные), адвербиальных (наречные числительные) и субстантивных.

В целом же, подводя итоги рассмотрения категории репрезентации как категориального явления, присущего частям речи, мы считаем, что данная категория имеет основания быть включенной в системное описание не только глагола, но и других частей речи. Синтаксический характер категории репрезентации позволяет в этом случае представить в более объемном виде и разнообразии морфолого-синтаксические образования частей речи по сравнению с тем, когда мы определяем синтаксический аспект в характеристике части речи только указанием на основные позиции.

Литература

1. Буланин Л. Л. Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. Л.: ЛГУ, 1983. С. 94–115.
2. Кузнецов С. А. О категории репрезентации русского глагола. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.wikidocs.ru/preiew/73207> (дата обращения 5.01.2022).
3. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. 275 с.
4. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. 442 с.
5. Шарандин А. Л. Русский глагол: комплексное описание. Тамбов: Изд-во Першина, 2009. 586 с.
6. Шарандин А. Л. Концептуальная структура и категориальный статус деадъектива в контексте теории интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 503–509.
7. Шарандин А. Л. Морфология современного русского языка. М.: Флинта, 2021. 360 с.
8. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 624 с.

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ И СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. А. Южакова

*Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
Рязань, Россия*

Аннотация. В русском языке активно употребляются конструкции типа: *Человек да и только; Стол и тот был прикручен к полу; не получившие до сих пор однозначного толкования в лингвистической литературе. Трактовка понятий «синтаксические аналитические конструкции» и «синтаксические фразеологизмы» даёт основания для возможного сближения и, как результат, смешения понятий.*

Ключевые слова: синтаксис, аналитизм, синтаксические аналитические конструкции, синтаксические фразеологизмы.

ON THE QUESTION OF SYNTACTIC ANALYTICAL CONSTRUCTIONS AND SYNTACTIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Yu. A. Yuzhakova

*Ryazan State University named after S. A. Yesenin,
Ryazan, Russia*

Abstract. in the Russian language, constructions of the type are actively used: *A person and only; A table and that was bolted to the floor; which have not yet received an unambiguous interpretation in the linguistic literature. The interpretation of the concepts of "syntactic analytical constructions" and "syntactic phraseological units" gives grounds for possible convergence and, as a result, confusion of concepts.*

Key words: syntax, analyticism, syntactic analytical constructions, syntactic phraseological units.

Русский язык, не склонный к аналитизму, тем не менее, имеет традиции аналитизма, проявляющиеся в образовании форм степеней сравнения прилагательного, наречия и др., будущего времени, сослагательного и повелительного наклонений глагола. Принимая понимание аналитизма как взаимодействия в предложении (в «живом» синтаксическом употреблении) знаменательных и служебных слов при выражении грамматического значения, можно говорить об актуальной тенденции, стимулируемой, с одной стороны, влиянием языков аналитического типа (английским и др.), с другой стороны, имеющей генетическую предрасположенность в самом русском языке. Исследованию фактов аналитизма в грамматической системе русского языка посвятили свои работы ведущие филологи: В. В. Виноградов, Ю. Л. Воротников, А. Н. Гвоздев, Н. А. Еськова, С. Г. Ильенко, А. А. Камынина, И. А. Карабань, С. О. Карцевский, Ю. П. Князев, П. А. Лекант, С. М. Колесникова, Л. В. Попова, И. Г. Родионова, М. Ф. Лукин, А. П. Сазонов, М. И. Черемисина и др.

Активное использование неизменяемых форм, усиление роли служебных слов привело к развитию «синтаксического аналитизма, проявляющегося в ослаблении эксплицитно выраженных связей, в усилении роли контекста, акцентных выделений, активности описательных оборотов, развитии предложений с некоординируемыми главными членами» (Попова 2011: 46). Так, помимо традиционно выделенных и принятых большинством грамматистов аналитических форм, следует говорить об аналитических образованиях. П. А. Лекант называет их аналитическими конструкциями и рассматривает в аспекте усиления аналитических тенденций в грамматическом строе современного русского языка. «Аналитические конструкции характеризуются функциональным единством (синтаксической неделимостью) и семантической раздельностью; реализуются в структуре предложения; представля-

ют категории членов предложения. В современном русском языке аналитическую структуру имеют предикативные, а также полупредикативные компоненты предложения», – отмечает П. А. Лекант (Лекант 2015: 6).

К аналитическим синтаксическим конструкциям возможно отнести следующие:

1) **Аналитические предикативные формы**, грамматическое значение которых выражается при помощи **связки** (предикативные формы существительных, прилагательных, числительных, местоимений, наречий, причастий, предикативные фразеологизмы). В первую очередь, следует говорить о формах предикатива, включающих слова категории состояния и краткие прилагательные. По мнению П. А. Леканта, вместо термина «краткое прилагательное» или «краткая форма прилагательного» целесообразно использовать «полузабытый и редко употребляемый термин *предикатив* <...>. В нём удачно сочетается указание на функцию и на семантику» (Лекант 2011(а): 5). Задача выражения морфологических категорий возлагается на связку, использование незнаменательной связки соответствует главному критерию синтаксического аналитизма: разделение грамматического и вещественного значения при сохранении единства номинации. Нельзя не вспомнить образное определение предикативной функции краткого прилагательного, данное А. М. Пешковским: «Прилагательное предикативно здесь не только потому, что стоит при связке и соответствует вещественной части того глагольного сказуемого, которое могло бы быть при данном подлежащем, а предикативно **само по себе**, по самой **форме** своей. И ни порядок слов, ни ритм, ни интонация, ни какие-либо другие вспомогательные признаки не играют здесь уже ровно никакой роли» (Пешковский 2001: 220); «Вследствие своего обязательного соседства со связкой, т. е. сказуемостью, и полного разрыва со всеми другими членами предложения, оно само [краткое прилагательное] <...> **осказуемилось**. А то, что оно при этом ни на йоту не **оглаголилось**, делает его ещё интереснее. В нём мы имеем совершенно **новый** тип сказуемости, совершенно **новый** способ **выражать человеческую мысль**. Здесь язык начинает выходить за пределы глагольности и начинает выражать в своей мысли отношение **сосуществования**, обычно открываемое только надъязыковым мышлением» (Там же: 221). Попытка считать аналитическими формы составного именного сказуемого со знаменательными и полузнаменательными связками (типа: *казался весел; вышло нарядно; пришлось туго*) представляется неоднозначной, следует учитывать степень грамматизации связки. М. В. Дегтярёва относит такие конструкции к построениям переходного типа (Дегтярёва 2011: 27).

Усиление аналитических тенденций в грамматическом строе современного русского языка проявляется и в образовании и функционировании **аналитических связок** и **аналитических форм вспомогательного глагола**, с помощью которых более точно по сравнению с синтетическими передаётся модальная оценка: *производить впечатление знатока, был рад увидеть, нужно будет встретиться*. Не все вспомогательные глаголы имеют склонность к грамматизации, А. А. Потемня отмечал «совершенно вещественное значение» модальных глаголов *хочу, начну* и подобных им (Потемня 1958: 359), что противоречит идее аналитизма. Таким образом, значение предикатной модальности, выраженное аналитической формой, в сочетании, например, с аналитической формой степени сравнения в предикативной функции порождает как бы двойной, а иногда и тройной аналитизм: *Мог бы быть наиболее полезен; Будут белее снега...*

2) **Аналитические конструкции, выражающие модальные оттенки и значения предложения** (как *прыгнет, возьми и убеги* и др.).

Для выражения модально-временных оттенков используются глаголы с частицами *бывало, было, чуть не, того (и) гляди, как, возьми и, вот-вот, чуть, нет-нет, давай, нет чтобы* и др. Ведущая роль при образовании аналитических конструкций данного типа принадлежит частицам: «Предикативные средства предложения при активном участии частиц расширяют и дифференцируют модальные оттенки и значения» (Лекант 2011(а): 24). Таким образом, аналитическим способом создаются модальные формы, выражающие значения неоднократно повторявшегося или обычного действия в прошлом, а также нереализованного или реализованного кратковременного действия в прошлом (*бывало*); близкого к совершению, но нереализованного действия (*чуть не*); внезапного наступления интенсивного действия в прошлом (*как*); неожиданного, немотивированного или нежелательного действия в прошлом (*возьми, да и*); нежелательного действия, реализация которого возможна в ближай-

шем будущем (*того (и) гляди*); потенциального действия в ближайшем будущем (*вот-вот*); разного временного плана в системе изъявительного наклонения (*нет-нет да и*); усиленного желания в системе сослагательного наклонения (*так бы и*); неожиданного приступа к длительному действию в прошлом (*и давай*); нереализованного целесообразного, по мнению говорящего, действия (*нет что-бы*) (Родионова 2018: 158-196).

Она устремилась было к Литвинову, но тут же остановилась... (И. С. Тургенев); *Как выскочу, как выпрыгну...*; *Возьми да и скажи не к месту...*

Вопрос о частеречном статусе данных служебных слов до сих пор остаётся открытым. Сочетания знаменательных слов и подобных частиц неоднократно рассматривались в отечественной лингвистике: построения с различными частицами: глагольными (*знай (знай себе), дай, давай, смотри(те), того (и) гляди* и др.), наречными (*как, куда, чуть было (не)* и др.), местоименными (*что, что же, что это* и др.), а также с частицами, не соотносительными с другими классами слов (*ведь, вроде, даже* и др.) описаны Н. Ю. Шведовой в «Очерках по синтаксису разговорной речи» (2003); частица *как* в сочетании с глаголами совершенного вида будущего времени (оборот типа «*как прыгнет!*») исследована А. В. Бондарко (1969); употребление частиц *куда, куда как, куда уж* со сравнительной степенью описано Ю. Л. Воротниковым (1998); частицы *было* изучена Ю. П. Князевым (2001); аналитические конструкции с частицами *дай(те), давай(те)* в императивных предложениях рассмотрены В. Е. Иосифовой (2008); место частиц *взять, взял, возьмёт, возьми + и* в предикативной структуре предложения изучает М. С. Искренкова (2009); конструкции с частицей *смотри* со значением сообщения о предстоящем нежелательном событии анализирует Н. Р. Добрушина (2006, 2008). Подобные исследования продолжаются.

3) **Описательные глагольно-именные обороты.** Это, по определению П. А. Леканта, семантически неделимая синтаксическая конструкция с несвободным «глаголом-призраком» в функции простого глагольного сказуемого (Синтаксис русского языка... 2020: 7), например, *делать ошибки, совершить глупость, произвести впечатление и пр.*

Следует отметить как признаки аналитизма, на который указывал П. А. Лекант, в данных конструкциях (грамматизация, служебный характер глагола, разделение грамматического и вещественного значения внутри оборота), так и признаки фразеологизации (семантическая неделимость), отмеченные В. В. Виноградовым, назвавшим данные обороты «описательными фразеологическими» (Виноградов 1982: 449). На наш взгляд, структуре и семантике данных оборотов соответствует термин Л. В. Поповой «Грамматическая идиоматичность конструкции» (Попова 2011: 58). Если считать главным критерием грамматизации связки устранение семы действия, этого не происходит в описательном глагольно-именном обороте.

Усиление аналитизма происходит при образовании на базе описательного глагольно-именного оборота связки составного именного сказуемого: *испытывать чувство...*

4) **Аналитические конструкции со значением интенсивности.** Аналитические интензивы представлены сочетанием знаменательных и служебных слов. П. А. Лекант отмечал: «К сфере аналитизма можно отнести употребление интенсификаторов» (Лекант 2011(б): 131). Их корпус, по мнению учёного, трудно очертить. П. А. Лекант включил в число служебных средств категории интензива наречия степени (*довольно, очень, необычайно* и др.), отдельные прилагательные (*полный, сплошной, целый*), усилительные частицы, местоимённые слова (*весь, всё, как, так, какой, такой*). Таким образом, интенсификация предполагает акцентирование, усиление, градацию, оценку и ряд других операций, имеющих целью констатацию интенсивности признака (*куда интереснее, гораздо приятнее* и др.), действия (*всё не прекращался* и др.), а также крайний предел, высшую меру при названиях места, времени (*до самого вечера, на самом краю* и др.).

С целью выражения полноты признака или состояния, а также для придания высказыванию субъективно-оценочной тональности используются аналитические синтаксические конструкции, включающие имя существительное, формы прилагательного, предикативы, наречия с усилительными частицами *самый, сам, куда (куда как), гораздо, до чего, что ни (на) есть* (частица активно используется с именами прилагательными в аналитической форме превосходной степени со словом *самый*), *как – так, какой – такой, всё, давай, так и* и др. (Родионова 2018: 84–152).

И ты, Анна Савишина, полагаешь, что у тебя был сам Дубровский, – спросил Кирила Петрович (А. Пушкин); Мне грустно на тебя смотреть, Какая боль, какая жалость! (С. Есенин); Будь ты хоть сам Левитан...

В. Н. Завьялов указывает на участие в организации пояснительных отношений формы *будь* в квазиимперативном употреблении, отмечая, что пояснение оформляется лексемой *будь* совместно с личными и указательными местоименными лексемами (*он, она, оно, они, то, тот, это*), среди которых основной является «словоформа *то*, создающая совместно с *будь* наиболее обобщенное и абстрагированное пояснительное значение в конструкции» (Завьялов, Ма Чжао 2019: 318). В то же время в «Словаре служебных слов русского языка» сочетание *будь то* представлено как самостоятельный союз, специфика которого заключается в том, что он «акцентирует момент равноценности частных случаев, причем не только по отношению к «общему», которое и предполагает полный охват частных случаев, а и по отношению к тому, что утверждается» (Словарь служебных слов... 2001: 162).

Таким образом, в современном русском языке есть категории слов, аналитический характер которых проявляется только в структуре предложения при выполнении ими предикативной функции. Усилению аналитических тенденций способствует «подвижность» категорий в системе частей речи, на которую указывал П. А. Лекант (Лекант 2011(б): 130). Грамматизация самостоятельных частей речи переводит их в разряд служебных, утрата самостоятельного лексического значения расширяет категорию частиц: «к частицам могут быть отнесены даже изменяемые слова (некоторые прилагательные, в том числе местоименные, – «настоящий», «какой», «какой-то», «эдакий» и другие и отдельные глаголы – «смотри», «называется», и некоторые другие)» (Словарь служебных слов ... 2001: 7).

Служебное слово в синтаксической аналитической конструкции является носителем грамматического признака, не изменяет вещественное значение самостоятельного слова, вносит лишь оттенки значения. Всё аналитическое образование характеризуется структурно-семантической устойчивостью, единством грамматического значения и синтаксической функции. И. Г. Родионова считает, что синтаксическая аналитическая конструкция не входит в морфологическую парадигму слова (Родионова 2018: 84), в отличие от морфологической аналитической формы. Такая трактовка понятия даёт основания для возможного сближения и, как результат, смешения синтаксических аналитических конструкций и синтаксических фразеологизмов. Конструкции типа: *Человек да и только; Стол и тот был прикручен к полу* не находят однозначного толкования в лингвистической литературе и рассматриваются и как синтаксические аналитизмы, и как синтаксические фразеологизмы. А. П. Ушакова, описывая синтаксические фразеологизмы с постоянным компонентом – словом служебной части речи, даёт им такое определение: «Синтаксические фразеологизмы строятся по закреплённым в языке фразеосхемам, имеют строгий порядок следования постоянного и переменного компонентов, набор отличительных признаков, а также обладают устойчивой семантикой, не зависящей от лексического наполнения переменного компонента» (Синтаксис русского языка... 2020: 87–88). Автор рассматривает конструкции типа: *Тожe мне N (Тожe мне помощник!); Чтo за N (Чтo за глупости!); Нет чтобы V (Нет чтобы сразу уйти!); Хоть V (Хоть убей...); Не до N (Не до шуток); Ох уж этот N (Ох уж эти дети!).*

Исходя из данного определения, можно говорить об общих признаках синтаксических аналитических конструкций и синтаксических фразеологизмов: наличие служебного неполнозначного слова; свободная позиция самостоятельного слова; функционирование в роли единого члена предложения; общее лексическое значение всей конструкции.

Отметим важные, на наш взгляд, различия:

1) служебный компонент синтаксического фразеологизма подвергается десемантизации, при этом не происходит его грамматизация, как в синтаксических аналитических конструкциях;

2) синтаксические фразеологизмы окрашены эмоционально-экспрессивно, передача модальных оттенков значения у них вторична. Синтаксические аналитические конструкции, напротив, создаются для акцентирования модально-временного плана, интенсивности признака или состояния, выражения предикативности именных частей речи, субъективный план для них вторичен.

Список синтаксических фразеологизмов русского языка открыт, как, впрочем, и список аналитических образований. Описание синтаксических фразеологизмов представляет сложность не

только потому, что закреплена в языке только модель, имеющая обобщённое значение и постоянные служебные компоненты, но и потому, что это специфические синтаксические построения, в которых «связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми». Служебные и местоименные слова, частицы и междометия в таких построениях функционируют не по действующим синтаксическим правилам (Русская грамматика 1980). По-разному учёные воспринимают критерии, которым должны соответствовать синтаксические фразеологизмы и, следовательно, очерчивают круг языковых фактов, составляющих данное явление. В. Ю. Меликян называет нечленимые предложения синтаксическими фразеологизмами. М. В. Дегтярёва использует термин «грамматические идиоматизмы» для описания конструкций типа *жаден до денег, готов на ...* (Дегтярёва 2011: 32–33).

Позволим себе предложить пополнить список синтаксических фразеологизмов за счет описанных нами устойчивых моделей псевдосложных предложений, осложнённых союзными оборотами (Южакова 2014, 2015).

Только и... (составное именное сказуемое), что NI.

Во всем ее лице только и было хорошего, что глаза (И. С. Тургенев); *У такого человека на уме только $\langle \rangle$ что сестра на лошадь верхом и бояться, как бы она его не лягнула, не куснула, не сбросила* (А. И. Куприн).

Предложения, построенные по данной модели, имеют строго фиксированный порядок следования частей. Расположение подлежащего после сказуемого играет выделительную роль. Позиция субъекта в основной части предложения остается свободной и не замещается относительным местоимением. Конструкции с союзным сочетанием *только и... что* являются устойчивыми. Послесюзная часть по своему лексическому наполнению относительно свободна. В качестве связки чаще употребляются *быть, оставаться*. Семантика данных конструкций – указание на то, что нет такого явления или предмета, кроме названного в актуализированном компоненте, к которому бы относился признак, названный в основной части предложения. Семантику единственности усиливают частицы *только, и*. Они находятся перед сказуемым, но относятся к актуализированному подлежащему.

Вариантом данной модели является конструкция с полнозначным глаголом в роли простого глагольного сказуемого **Только и есть, что NI**: *Как за папеньку-то я шла, у него только и было, что Головлево, сто одна душа* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *Потом она прибавила, что у ней только и осталось, что вот эта дочка да вот этот сын* (И. С. Тургенев).

Форма настоящего времени глагола *есть* может сохранять бытийное значение: существует, имеется в наличии: *Только одно и есть для меня утешение, что это (выписывать переводные романы)* (А. Н. Островский); *А земли самая малость, только и есть, что господский лес* (И. С. Тургенев).

Отождествление не равных в плане содержания понятий осуществляется по фразеологизированной модели: **Не то чтобы Adj, но (а)...:**

Но тут, в этой насыщенной «игрушечным делом» атмосфере, меня вдруг охватило какое-то щемящее чувства, не то чтобы грусть, а как бы оторопь (М. Е. Салтыков-Щедрин); *И не то чтобы очень из себя видные, нет – не панские кони, но уж мне-то от разу видно, что они за два* (И. С. Тургенев); *Не то чтобы услужлив, а именно заботлив от расположения к Лосеву. Хотя и к другим тоже* (Д. Гранин).

По данной модели создаются конструкции, свободные по лексическому наполнению, но имеющие устойчивое сочетание *не то чтобы* в основной части и общее значение отождествления ожидаемого, но нежелательного признака и реально проявляющегося. Для смягчения впечатления происходит замещение понятия, создается иллюзия невысокой степени проявления признака, однако нежелательный или невозможный признаки и реальный в действительности суть одно и то же: *Вид у него был не то чтоб наглый, а устремительный* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *И хоботок этот не то чтобы к жизни прицеплялся, а как-то так всасывал в себя всё живое* (А. Ремизов). Названный после сочетания *не то чтобы* признак может быть тождествен другому признаку (*наглый = устремительный*), как во втором примере, или действию, которое данный предмет совершает или может совершить (*прицеплялся = всасывал всё живое*). Значение резкого противопоставления усиливается употреблением модальных слов: **Не то чтобы он горячо любил своего папеньку, напротив – он в**

течение сорока лет о нём не справлялся (М. Зощенко). По наполнению служебными компонентами конструкция похожа на модель *нет чтобы V*, но отличается по семантике и функции.

Существуют и другие устойчивые, фразеологизированные модели, задача которых – выделить субъект как наиболее отвечающий или, напротив, в наименьшей степени отвечающий заданной характеристике, например: *уж кто-кто, а N...*; *не кто-нибудь, а N...*; *уж на что N, а ...* За исключением последнего случая все они включают в свой состав вопросительно-относительные местоимения *кто*, *что* или неопределенное *кто-нибудь*. В последнем случае неопределенному местоимению всегда предшествует отрицание: *Две недели назад колебания Эржики решились: не кто-нибудь из девочек, а именно она, зачерпывая утром воду из ведра, вытащила в кружке утонувшего крысёнка* (А. Солженицын). Основной предикат допускает при себе отрицательную частицу. Конструкция, в которой сочетание *не кто-нибудь* само является сказуемым, не относится к рассматриваемым выделительным, ср. пример: *Да, бишь, насчёт материалов: ты, Марей, утречком завтра приходи – бери ещё. Мне не жалко, мы – не кто-нибудь* (Е. И. Замятин).

Таким образом, дальнейшее изучение аналитических синтаксических конструкций и синтаксических фразеологизмов необходимо, с одной стороны, для более чёткого понимания сути разных явлений, очень близких по репертуару языковых средств, с другой стороны, для расширения списка синтаксических аналитизмов и фразеологизмов в русском языке.

Литература

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
2. Дегтярёва М. В. Аналитические формы русского предикатива // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. Монография / Под ред. П. А. Леканта. М.: МГОУ, 2011. С. 14–44.
3. Завьялов В. Н., Ма Чжао. Разноаспектная характеристика полифункциональной лексики «будь» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота, 2019. № 6. С. 316–322.
4. Лекант П. А. Аналитическая часть речи *предикатив* в современном русском языке // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. Монография / Под ред. П. А. Леканта. М.: МГОУ, 2011(а). С. 4–14.
5. Лекант П. А. Субъективная аналитическая категория *интенсива* в русском языке // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. Монография / Под ред. П. А. Леканта. М.: МГОУ, 2011(б). С. 130–137.
6. Лекант П. А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке: Монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 86 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001. 432 с.
8. Попова Л. В. Связка в аспекте тенденции к аналитизму в грамматическом строе русского языка // Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка. Монография / Под ред. П. А. Леканта. М.: МГОУ, 2011. С. 44–61.
9. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
10. Родионова И. Г. Аналитические образования в грамматическом строе современного русского языка: Монография. Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. 224 с.
11. Синтаксис русского языка: Традиционное и новое: монография / М. Н. Кулаковский, Е. Н. Лагузова, М. А. Смирнова, А. П. Ушакова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. 159 с.
12. Словарь служебных слов русского языка / Отв. ред. Е. А. Стародумова. Владивосток, 2001. 363 с.
13. Южакова Ю. А. Псевдосложное предложение в современном русском языке // Монография. Saarbrücken, Deutschland, 2014. 172 с.
14. Южакова Ю. А. Явление тождества в русском языке: семантические варианты и способы реализации. Монография. Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. Рязань, 2015. 228 с.

УДК 811.161.1

РАССКАЗ Ю. П. КАЗАКОВА «ВО СНЕ ТЫ ГОРЬКО ПЛАКАЛ»: ИНТАКСИЧЕСКИЕ И НАРРАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

М. С. Баранова

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности нарратива и синтаксиса в рассказе Ю. П. Казакова «Во сне ты горько плакал». Анализ текста показал, что произведение строится как устное обращение нарратора к своему сыну. Повествователь выступает как диегетический, а синтаксис рассказа характеризуется разговорностью.

Ключевые слова: нарратив, повествователь, синтаксис, нарративная структура, повествование.

THE STORY OF YU.P. KAZAKOV "IN A DREAM YOU CRIED BITTERLY": SYNTACTIC AND NARRATIVE FEATURES

M. S. Baranova

*Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia*

Abstract. The article deals with the peculiarities of narrative and syntax in Yu. P. Kazakov "In a dream you cried bitterly". Analysis of the text showed that the work is built as an oral appeal of the narrator to his son. The narrator acts as a diegetic, and the syntax of the story is characterized by colloquialism.

Keywords: narrative, narrator, syntax, narrative structure, narration.

Рассказ «Во сне ты горько плакал» относится к позднему периоду творчества Ю. П. Казакова и, по типологии Н. Е. Егниновой, представляет собой рассказ-«переживание» (Егнинова 2006: 78). «Во сне ты горько плакал» отличается сложной структурой, как синтаксической, так и нарративной.

Обратимся к повествовательной структуре рассказа. Ее во многом предопределяет наличие, помимо рассказчика, двух других важных образов: сына Алеши и товарища Мити. Рассказчик в устной форме из неопределенного настоящего обращается к своему сыну, вспоминая моменты из прошлого. Также он пытается воссоздать в памяти образ своего друга, чтобы понять, что толкнуло того на самоубийство. По характеру обращения к сыну и постоянному исследованию рассказчиком своих воспоминаний данный рассказ сближается с другим рассказом Казакова – «Свечечкой», который был проанализирован нами ранее (Баранова 2021). Однако, как отмечал исследователь творчества Казакова Игорь Кузьмичев, в «Во сне ты горько плакал» «метания, обозначившиеся в «Свечечке», варьируются и усложняются» (Кузьмичев 2012: 226).

Композиция рассказа представлена несколькими частями, которые отделены друг от друга, что создает ощущение некоторой разорванности общей структуры. Между фрагментами текста проходит не логическая, а ассоциативная связь, поэтому выделение сюжета рассказа представляет проблему. Это характерно для орнаментальной или лирической прозы, к которой относят творчество Казакова.

Повествование в рассказе ведется от 1-го лица, т.е. оно перволично. Нарратор в данном тексте по традиционной типологии является диегетическим: он персонафицирован и присутствует в плане повествуемой истории, рассказывая о самом себе и взаимодействуя с другими героями. Он обладает

тоталитарным статусом: ему, за редким исключением, о котором подробнее будет сказано ниже, принадлежат все эгоцентрические элементы текста.

Данному повествованию также присущи некоторые автобиографические черты: так, упомянутый в рассказе топос – дачный поселок Абрамцево – был для Казакова важным местом и в его реальной жизни. А остальные герои рассказа, Алеша и товарищ рассказчика Митя, имели прототипов. В первом случае, прототипом стал сын Казакова – Алеша. Во втором – совершивший самоубийство Дмитрий Голубков, «абрамцевский знакомец» Казакова (Там же).

Е. В. Падучева отмечала, что в лирической форме повествования обязательно должен присутствовать адресат: внешний и внутренний (Падучева 1996: 209). Если внешний адресат предполагает читателя, то внутренним адресатом в данном рассказе Казакова оказывается ребенок, сын рассказчика Алеша. Этот адресат выступает в рассказе как персонаж 2-го лица. Этот же герой является адресатом в рассказе «Свечечка». Что касается третьего образа, друга рассказчика, то он представлен как персонаж 3-го лица.

Хотя повествование главным образом ведется в форме 1-го лица единственного числа, в рассказе также существует несколько случаев употребления личных местоимений 1-го лица множественного числа. Под «мы» и другими падежными формами этого местоимения-существительного понимается иногда то рассказчик и его друг Митя («**Мы с товарищем** стояли и разговаривали возле нашего дома» (Казаков 2014: 285), то рассказчик и Алеша («Сначала **мы** пошли в противоположную сторону...») (Там же: 291), то рассказчик и его жена («Дома **мы** сразу же распеленали тебя») (Там же: 296), то рассказчик и неопределенное количество людей («Или все-таки не все забывается и иногда приходит **к нам** <...>?» (Там же: 303), «Или **у нас** уже в младенчестве скорбит душа, страшась предстоящих страданий?» (Там же: 304).

Название рассказа «Во сне ты горько плакал» тесно связано с образом Алеши. В финале произведения мальчик плачет во сне и обеспокоенный рассказчик пытается найти причину слез ребенка. Говорящий задает риторические вопросы: «Что же тебе снилось? Или у нас уже в младенчестве скорбит душа, страшась предстоящих страданий?» (Там же: 304). После того, как Алеша проснулся, становится заметна перемена, произошедшая с ним: ребенок повзрослел, начал отдаляться от своего родителя. Это причиняет боль его отцу: «Я тянулся за тобою, спешил <...>, я видел, что я отстаю, что моя жизнь несет меня в прежнюю сторону, тогда как ты отныне пошел своей дорогой» (Там же: 306). Название рассказа подчеркивает особенную важность финала для понимания авторского замысла.

Остановимся на образе Алеши и его роли в повествовании. Образ ребенка связан с мотивами нежности и чистоты: «Глядя сверху на мелькающие твои ножки, на нежную шейку с серебристой кисточкой, на пушистый хохолок на макушке <...>» (Там же: 292), «<...> по дрогнувшим твоим прозрачным ушкам <...>» [Там же]. Алеша предстает в воспоминаниях рассказчика в разные периоды жизни: так, отец видит его то совсем младенцем, только что принесенным из роддома, то полуторагодовалым, то пятилетним. Кроме того, очевидно, что существует образ Алеши в настоящем времени: это тот Алеша, к которому обращается рассказчик, – непосредственный адресат истории. Однако об Алеше-адресате читателю ничего, кроме того, что ранние детские годы он не помнит, неизвестно. В целях придания образу ребенка реалистичности Казаков моделирует речь мальчика, пытается передать ее звучащую сторону, искажая нормативную фонетическую модель: «по до'ожке», «п'авают 'ыбки», «майки» вместо «мальки» и т.д. (Там же: 299). Внутренний мир сына представляет для рассказчика тайну: он силится понять, о чем думает и что чувствует ребенок, и не может («Что значила твоя улыбка?» (Там же: 296), «Ах, как хотел я стать на минутку тобою, чтобы узнать твои мысли!» (Там же: 301)). Эта тайна сопряжена с тайной жизни: рассказчика волнует то, что происходит в душах детей во время их раннего детства. Он чувствует, что в этом есть что-то очень важное, однако получить ответы он не может, так же, как не может получить ответы от своего друга.

Образ товарища рассказчика – Мити – противопоставлен образу Алеши. Если образ первого связан с мотивом смерти, символизирует собой окончание земного пути, то образ второго, наоборот, олицетворяет собой начало жизни. Рассказчик связывает эти образы в пространстве произведения.

Одновременно являясь и героем повествования, он предстает как наблюдатель, т.е. гомодиегетический нарратор. Это обуславливает использование Казаковым режима внутренней фокализации (Женнет 1998: 392).

При использовании в тексте фиксированной внутренней фокализации читатель видит только то, что описывает герой-повествователь. Информация подается через субъективное сознание рассказчика, часто она может быть искаженной или неполной (Там же: 391). В «Во сне ты горько плакал» нарратор пытается найти ответы на свои вопросы относительно причин самоубийства Мити, но ему это не удается: «Но почему, почему? – ищу и не нахожу ответа» (Казаков 2014: 290). Со слов рассказчика становится известно, что жизнь Дмитрия была «бодрой», «деятельной» (Там же: 286), а сам он был хорошим работником. Нарратор сравнивает друга с «молодой лошастью» (Там же). Эта характеристика создает внешний образ героя, однако внутренний остается загадкой. Но некоторые причины, толкнувшие Митю на самоубийство, раскрываются в его монологе, который воспроизводит в своем нарративе рассказчик: «Когда я был такой, как твой Алеша, <...> мне небо казалось таким высоким, таким синим! Потом оно для меня поблекло...» (Там же: 287). В этом фрагменте текста гомодиегетический повествователь уступает другому герою право на высказывание. Хотя, по мнению Шмида, «во всех словесных проявлениях персонажей» нарратор не перестает демонстрировать и себя, т.к. именно он осуществляет подбор слов героев (Шмид 2003: 76). Речь Мити реализуется через свободный косвенный дискурс (СКД). На это указывают эгоцентрические элементы, которые в данном фрагменте принадлежат не рассказчику, а его другу: «А я ведь **своих** сначала носил, а **потом мы все** на велосипедах уезжали **куда-нибудь** в лес <...>», «<...> мне **так** хотелось, чтобы они полюбили ее») (Казаков 2014: 287). Речь Мити эмоционально выразительна, в ней присутствует множество риторических вопросов и восклицаний. Мысли героя скачут, сбиваются, выдают его внутреннее смятение, о чем также свидетельствует использование Казаковым многоточия и лексических повторов: «Знаешь, я боюсь Абрамцева! Боюсь, боюсь...» (Там же). В приведенных предложениях используются предикаты в формах настоящего времени. Они обозначают время, которое в СКД может пониматься, как отмечала Падучева, в значении близком к речевому (Падучева 1996: 401). При таком варианте «в настоящем времени персонаж в СКД виден читателю непосредственно» (Там же: 404).

Как писал Ж. Женнет, историю можно рассказать без уточнения места или без обозначения степени удаленности его от места, где она рассказывается (Женнет 1998: 404). Однако не представляется возможным рассказать историю без привязки ее к какому-нибудь времени относительно нарративного акта, поскольку говорящий вынужден вести повествование либо в настоящем, либо в прошедшем, либо в будущем времени (Там же). Это дает основание думать, что нарративное место менее значимо, чем время. Поэтому для анализа нарративной структуры данного рассказа необходимо очертить хронологические рамки повествования.

В начале нарратива рассказчик вспоминает тот «летний день», когда они втроем (он, Митя и Алеша) гуляли в Абрамцево возле их с Алешей дома (Казаков 2014: 284). Следующий временной отрезок текста связан с воспоминаниями рассказчика об их с Митей последней встрече в середине октября (Там же: 286). Дальше повествование переносит читателя вперед, в то время, когда Алеше уже исполнилось пять лет. Притом, что после самоубийства Мити прошло немало времени, рассказчик постоянно обращается в своих мыслях к тому, что совершил его товарищ (Там же: 290). Созерцание сына наталкивает повествователя на мысли о собственном детстве: он вспоминает, как прощался со своим отцом, когда тот уходил на фронт (Там же: 293). После этого нарратор размышляет о том дне, когда он приехал за сыном в родильный дом (Там же: 296). Это воспоминание приводит его к размышлениям об их с сыном первой совместной зиме «в Абрамцево» (Там же: 297). Заканчивается повествование описанием того дня, когда Алеша в полуторогодовалом возрасте плакал во сне (Там же: 306). Как мы видим, событийный ряд в рассказе не очень разветвлен, повествование развивается движением мысли нарратора. Похожая особенность характерна и для других рассказов-«переживаний» Казакова: «Двое в декабре» и «Свечечка». Модусный же план рассказа достаточно разнообразен: в тексте присутствует множество слов, выполняющих модальную функцию: «**Странно,**

но ты в это лето не любил играть обыкновенными игрушками <...>» (Там же: 298), «**Неужели, неужели** не вспомнишь ты себя и меня и солнце <...>» (Там же: 302).

Несмотря на то, что повествователь в рассказе активно перемещается во времени, по типологии Женнета, который выделял четыре типа наррации (последующую, предшествующую, одновременную и включенную), нарратив рассказа «Во сне ты горько плакал» в целом представляет собой первый тип. При использовании такого типа наррации повествование ведется о событиях прошлого, это «классическая позиция», «наиболее частая» (Женнет 1998: 405). Как отмечала Падучева, для традиционного нарратива базовым временем является прошедшее нарративное (Падучева 1996: 362). Казаков использует предикаты совершенного вида (СВ) и несовершенного вида (НСВ) в формах прошедшего времени. По правилу, описанному Е. Падучевой в главе «Время в тексте», соположенные или сочиненные формы СВ выражают в тексте последовательные события: «Так **прошло** более часу, и солнце заметно **передвинулось**, тени **удлинились**, когда ты **заплакал**» (Казаков 2014: 304). Что касается соположенных или сочиненных форм НСВ, то они выражают в тексте какие-либо одновременные процессы, состояния: «Но ты **спал**, подобрал коленки. Слезы твои **текли** так обильно <...> Ты **всхлипывал** горько» (Там же).

Однако в рассказе, хотя и реже, также присутствуют формы настоящего и будущего времени. Так, использование форм настоящего времени связано с монологом Мити, о котором было сказано выше. Кроме этого фрагмента формы настоящего и будущего времени встречается в диалогах рассказчика с сыном, т.к. они синхронны моменту описываемых событий: «<...> А когда мы **уйдем**, он **высунет** носик и **побежит** по своим делам» (Там же: 295). В финале рассказа присутствует фрагмент, в котором рассказчик из прошлого размышляет о том, что будет происходить с его сыном дальше: «<...> душа твоя, слитая до сих пор с моей, <...> с каждым годом **будет** все отдаляться, отдаляться, <...> ты **уйдешь** навсегда» (Там же: 306).

Помимо различных форм предикатов, время в тексте рассказа выражают темпоральные локализаторы. Однако данные локализаторы по своей семантике часто лишены конкретности, представляют собой эгоцентрические элементы, связанные с рассказчиком: «Он застрелился **поздней осенью** <...>» (Там же: 285), «Ну а **тогда** мы все были живы <...>» (Там же: 290), «А было тебе **в то лето** полтора года <...>» (Там же: 306), «<...> **тогда как** ты **отныне** пошел своей дорогой» (Там же). Похожее пренебрежение точными датами наблюдалось и в других, проанализированных нами рассказах Казакова: «Тэдди» (Баранова 2022), «Двое в декабре» (Баранова 2021). Это позволяет предположить, что данная черта представляет собой особенность индивидуального стиля автора. Хотя время как абстракция и занимает внимание героя рассказа «Во сне ты горько плакал»: он чувствует течение жизни и ее изменение, пытается осмыслить свой детский опыт и через его призму посмотреть на опыт своего сына, это не привязано к тому точному земному времени. Например, детство нарратора для него самого отдалено «тьмой времен» (Казаков 2014: 292). Для героя Казакова время представляет собой прежде всего яркую последовательность событий, а не даты на календаре. Так, в момент того, когда рассказчик узнает новость о самоубийстве друга, он запоминает, как «било в берег и изрыгало глубинный свой запах море в темноте», как «далеко направо, изогнутым луком огибая бухту, светилась жемчужная цепочка фонарей <...>» (Там же: 287). От этого хронос рассказа расширяется и у читателя, как у обязательного адресата, возникает ощущение вневременности происходящего.

Теперь обратимся к синтаксису рассказа «Во сне ты горько плакал». Для анализа рассказа с этой точки зрения мы воспользуемся подходом Е. А. Иванчиковой, предложившей в работе «Синтаксис художественной прозы Достоевского» новый опыт по типологии композиционно-синтаксических форм в произведениях писателя (Иванчикова 1979: 110). В основе этого подхода лежит принцип деления текста на композиционные типы речи. В данном рассказе нами были выделены следующие типы: 1) повествование рассказчика о событиях прошлого с элементами рассуждения; 2) описания окружающего пространства; 3) диалоги рассказчика с сыном и Митей.

Рассказ «Во сне ты горько плакал» обладает особенностями разговорности, т.к. весь текст строится как устный рассказ отца, обращенный к сыну. В данном рассказе присутствуют следующие

приметы разговорного стиля: это употребление дискурсивных слов, в основном частиц («и вот», «уж», «вон», «ах» и др.); лексические повторы: «<...> лезет кто-то в дом, дышит холодом, замораживает. А это ведь смерть лезла!» (Казаков 2014: 287). Также в рассказе часто используются риторические вопросы и восклицания: «Такое отчаяние охватило меня, такое горе!» (Там же: 306), «Куда же это все канет, по какому странному закону отсечется <...>?» (Там же: 302). В фрагментах с рассуждениями рассказчика можно увидеть графическое обозначение пауз: «А ты, конечно же, не вспомнишь его, как не вспомнишь и многого другого <...>» (Там же: 285). Для выражения экспрессии Казаков использует и интонационное расчленение фразы: «Но и то сказать – у кого из нас в минуты тоски не вырываются подобные фразы?» (Там же), «Но почему, почему? – ищу и не нахожу ответа» (Там же: 290).

Повествование рассказчика тесно связано с его рассуждениями. В этом типе речи наряду со сложносочиненными предложениями присутствуют сложноподчиненные предложения с придаточными присловного типа (изъяснительными), а также детерминантного типа (с отношениями цели, причины, следствия, уступки). Примеры: «Я не знаю, о чем думал ты, потому что ты молчал <...>» (Там же: 287), «Чтобы тебе не исколоться об елки и побыстрее дойти, я взял тебя на руки» (Там же: 295), «Уж не знаешь ли ты нечто такое, что гораздо важнее всех моих знаний и всего моего опыта?» (Там же). В этом выделенном нами типе наблюдается много риторических вопросов. Е. Ш. Галимова отмечала достаточно большое количество вопросительных предложений в рассказе и писала, что они «отражают стремление автора понять тайну человеческой природы, загадку жизни и загадку смерти» (Галимова 1992: 128).

Тип «описание» характеризуется тем, что структура его предложений может быть выражена следующими формулами: «где находилось что и какое», или «что было какое», «как было что». Пример: «В доме было тихо» (Казаков 2014: 303), «Слева от нас катила по камешкам свои струи крошечная речка Яснушка» (Там же: 294). Помимо описаний природы и окружающего пространства, в рассказе много описаний внешнего вида сына нарратора: «А на тебе в тот день были коричневые сандалии, желтые носки, красные штанишки и лимонная майка» (Там же: 291), «Но не только улыбка – лицо твое приобрело выражение возвышенного, вещего знания, какие-то облачка пробежали по нему, каждое мгновение становилось иным, но общая гармония его не угасала, не изменялась» (Там же: 296). Кроме того, в тексте представлены описания Мити: «Пришел он ко мне в чудесный солнечный день, как всегда прекрасно одетый, в пушистой кепке. Лицо у него было печально... <...>» (Там же: 286). Большинство описаний героев в этом рассказе психологично, они проникнуты субъективным восприятием нарратора. В этом типе речи присутствует изобразительно-выразительные средства: эпитеты, олицетворения, сравнения («медово горели потеки смолы» (Там же: 294), «вспыхивала там и сям земляника» (Там же), «лопотали осины» (Там же: 291), «ослепительное время начала жизни» (Там же: 302), «Или все-таки не все забывается и иногда приходит к нам, как мгновенная вспышка <...>?» (Там же: 303).

Третий тип – диалоги рассказчика с сыном и Митей – выполняют информативную функцию, а также погружают читателя в пространство произведения. Речь Алеши в этих диалогах, как уже было отмечено выше, представлена как речь ребенка, в ней есть фонетические искажения. Что касается речи взрослых (рассказчика и Мити), то она экспрессивна. В этом типе речи много восклицательных и неполных предложений: «Митя!», «Я сейчас!» (Там же: 286), Представлены также и междометия: «Ау!» (Там же), «А-а» (Там же: 289). Этот тип речи лишен изобразительности, в отличие от первых двух.

Таким образом, проведенный анализ рассказа «Во сне ты горько плакал» показал, что произведение строится как устное обращение нарратора к своему сыну Алеше. Повествователь в данном тексте выступает как диегетический, он обладает всеми эгоцентрическими элементами, кроме тех, которые появляются в монологе Мити: в этом фрагменте нарратор частично уступает герою право на высказывание. В рассказе событийный, диктумный план не очень разветвлен, тогда как модусный разнообразен: эмоции и чувства нарратора, которые сопровождают его воспоминания, выступают главным движением повествования. Время в рассказе играет важную роль: рассказчик воспроизводит разные периоды своего прошлого, путешествуя по своим воспоминаниям, – это объясняет отрывочную структуру рассказа. Также особую роль для понимания авторского замысла в «Во сне ты горько

плакал» выполняют два противопоставленных друг другу образа: Алеши и Мити. Образ первого связан с началом жизни, второго – с ее окончанием. Оба героя представляют, как и таинства жизни, для повествователя загадку, он силится понять их мысли и чувства: об этом свидетельствует обилие риторических вопросов. Отсутствие конкретных темпоральных локализаторов расширяет границы повествования: время для нарратора представлено его личными ассоциациями, а не точными датами. Эту черту мы отмечали при анализе других рассказов Казакова: «Свечечка» и «Двое в декабре».

Литература

1. Баранова М. С. Взаимосвязь нарратива и синтаксиса с авторской идеей в рассказе Юрия Казакова «Тэдди» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. № 2. [Электронный ресурс.] URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/21FLSK222.pdf> (дата обращения 01.08.2022)
2. Баранова М. С. Особенности нарратива и синтаксиса в рассказе Ю. П. Казакова «Свечечка» // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 С. 524–527.
3. Баранова М. С. Особенности нарративной структуры новеллы Ю. П. Казакова «Двое в декабре» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 14. № 5. 2021. С. 1333–1338.
4. Галимова Е. Ш. Художественный мир Юрия Казакова. Архангельск: Помор. гос. пед. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1992. 172 с.
5. Егнинова Н. Е. Рассказы Ю. П. Казакова в контексте традиций русской орнаментальной прозы: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Улан-Удэ, 2006. 174 с.
6. Женнет Жерар. Фигуры. В 2 т. Т. 1–2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
7. Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 286 с.
8. Казаков Ю. П. Тихое утро: Рассказы. СПб.: Лениздат, 2014. 320 с.
9. Кузьмичев И. Жизнь Юрия Казакова. Документальное повествование. Воронеж: ИП Князев, 2012. 343 с.
10. Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
11. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

УДК 81'367.7

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ ФОРМЫ

А. Н. Бертякова

*Российский государственный геологоразведочный
университет им. Серго Орджоникидзе
Москва, Россия*

Аннотация. В статье выдвигается гипотеза о способности предложно-падежной формы отражать в своей семантике структурообразующие элементы русской культуры, а потому и служить сигналом активизации у реципиента восприятия соответствующего культурного фона, определяющего понимание ситуации, и вызывать определенные действия в этой ситуации. Прагматический потенциал предложно-падежной формы иллюстрируется на примере предложно-падежных форм за с винительным и творительным падежами как грамматических единиц, способных маркировать такие общепризнанные ключевые идеи русского дискурсивного пространства, как чувство соборности и патриархальности.

Ключевые слова: предложно-падежная форма, прагматический потенциал, структурообразующие элементы национальной культуры, фразеологизация.

PRAGMATIC POTENTIAL OF THE PREPOSITIONAL CASE FORM

A. N. Bertyakova

*Sergo Ordzhonikidze Russian State University
for Geological Prospecting
Moscow, Russia*

Abstract. The article puts forward an assumption about the ability of the prepositional case form to reflect in its semantics the structural-forming elements of Russian culture, because it serves as a signal for the recipient to activate the discovery of the proper cultural background, revealing an understanding of the situation, and requires the manifestation of action in this situation. The pragmatic potential of the prepositional-case form is illustrated by the example of the prepositional-case forms for with the accusative and instrumental cases as grammatical units that can mark such universally recognized key ideas of the Russian discursive space as a sense of catholicity and patriarchy.

Key words: prepositional case form, pragmatic potential, structure-forming elements of national culture, phraseologization.

Антропологическая парадигма современной лингвистики открывает культурологическую функцию грамматического явления. Становится важным «каким образом данный грамматический материал выражает то или иное содержание, отражающее культуру изучаемого языка, а также культурно-специфические значения грамматических явлений: союзов, предлогов, структур предложений и т.д., которые в этом случае являются грамматическими индикаторами (коннекторами) культурно-специфических особенностей изучаемого языка. Эти коннекторы представляют собой фактор контекстуализации, согласно которому определенные коммуникативные сигналы, независимо от языка этих сигналов, активизируют у слушателя соответствующий им культурный фон, определяющий понимание ситуации, и вызывают определенные действия в этой ситуации» (Бердичевский 2016: 59).

«Предлоги, союзы, частицы и связки, – утверждает Ю. Г. Скиба, – это не просто «лексемы-пустышки», слова и словечки с «выветрившимися» и «потускневшими» вещественными значениями, это части речи, составляющие структуру языка, его внутреннюю и внешнюю национальную специфику» (Скиба 1980: 14).

В основе изучения грамматического явления становится его прагматический потенциал, поиск ответа о способности воздействия на ментальную и эмоциональную сферу сознания человека именно этого грамматического явления, а не другого в конкретной ситуации общения.

Примером такого грамматического явления в русском языке может служить предложно-падежная форма, маркирующая структурообразующие элементы национальной культуры.

Аргументация гипотезы о способности предложно-падежной формы быть маркером структурообразующих элементов основывается на представлении о прототипичности ее пространственной падежной семантики. Первоначальная идея падежей – идея обозначения объектов как локусов, так или иначе соотносящихся с движущейся субстанцией – носителем предикативного признака. Маркером падежной семантики в виде отдельного сегмента мысли становится предлог.

Благодаря заложенной в предложно-падежной форме флективным строем русского языка способности к фразеологизации ее пространственное значение становится семантической базой осмысления непространственных ситуаций, что, в свою очередь, прогнозирует способность предложно-падежной формы служить маркером структурообразующих элементов национальной культуры.

Декодирование семантики этой языковой единицы представляется целесообразным осуществлять с учетом логических (универсальных) и семантических (национальных, зависящих от строя конкретного языка) форм мышления. «Те и другие, – пишет П.В. Чесноков, – локализируются в единой сфере человеческого мышления, будучи неразрывно связанными друг другом, при этом се-

мантические формы как частные наслаиваются на логические формы, обладающие характером всеобщности» (Чесноков 2007: 117).

А. А. Потебня, опираясь на анализ конкретных языковых фактов, относящихся к различным языкам, заявляет, что языки различны между собой не одной языковой формой, но всем строем мысли, выразившимся в них. Так, различие национальных форм мышления он видит в слитном осознании лексических и грамматических значений в языках флективно-синтетического строя и их раздельном осмыслении в языках аналитического строя (Потебня 1958: 69).

Анна Вежбицкая пишет так: «The Slavophiles not only described the differences between Russia and Western Europe (as they saw them), they also evaluated them. But whether or not one agrees with their evaluation, one must admit, I think, that the linguistic evidence tends to support their perception of the differences in question» (Wierzbicka 1992: 62–63).

Примером предложно-падежных форм, ярко иллюстрирующих такие общепризнанные ключевые идеи русского дискурсивного пространства, как чувство соборности и патриархальности, могут быть предложно-падежные формы *за* с винительным и творительным падежами.

Маркером идеи соборности как черты русского менталитета, прямо или косвенно оказывающей влияние на коммуникативное поведение русского народа, представляется предложно-падежная форма *за* + *винит. п.* «Русские люди легко могут сделать что-либо «за компанию», в состоянии общего азарта, включая преступление», – отмечают Ю. Е. Прохоров и И. А. Стернин в книге «Русские: коммуникативное поведение» (Прохоров, Стернин 2006: 102).

Ср. например:

(1) *Вообще-то он не пил и не любил спиртного, разве что за компанию с весёлыми ребятами...* (Василий Аксенов);

(2) *Родом он из села Ковырино, что под Вологдой, рос и шаромыжничал вместе с пригородной шпаной; бывал бит и сам кого-то за компанию бивал, хотя по натуре совсем не драчлив...* (Виктор Астафьев);

(3) *Гостя несколько позادержали, благодарили за компанию, и он благодарил* (Солженицын).

В примерах (1) и (2) семантическая идея предлога мыслится несегментировано относительно имени, прогнозируя фразеологичность семантики всей предложно-падежной формы, маркирующей неязыковую информацию приоритетности позиции субъекта быть как все. В (3) предлог *за* в отдельном сегменте мысли актуализирует проецируемую уже ближайшим контекстом (глаголом благодарить и падежной формой существительного компания) идею положительной оценки причастности субъекта к коллективу.

Ср. также примеры из Национального корпуса русского языка (параллельный корпус), в которых в английском варианте текста семантическая идея ‘быть как все’, маркируемая в русском варианте лексикализованной предложно-падежной формой, передается свободным сочетанием слов. В то время как «... наличие некоторого слова (в нашем случае лексикализованное сочетание (пояснение автора – А.Б.)) безусловно указывает на наличие соответствующего концепта и, более того, на его значимость для данной культуры» (Wierzbicka 1992: 21, 123). Ср. примеры:

1. *Еще стаканчик, и я с вами за компанию* (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита) и

1.1. *One more little glass, I'll keep you company...* (Mikhail Bulgakov. Master and Margarita);

2. *Девушка курила ее от случая к случаю, скорее за компанию с друзьями* (Сергей Лукьяненко. Дневной дозор (1999) и

2. 2. *The girl had only smoked it occasionally, mostly to keep her friends company* (Sergei Lukyanenko. Day Watch (1999)

Определяемая ближайшим контекстом семантическая идея предложно-падежной формы *за* + *винит.* может быть поверхностной информацией, прогнозирующей, при дополнительных синтаксических условиях, внеязыковую идею соборности, проявляющуюся, например, в особой значимости оценки действия субъекта обществом. См. примеры:

1. Почётный знак Российской Федерации «За успехи в труде» хранится в футляре из ценных пород дерева с прозрачной верхней крышкой (Парламентская газета, 2021.09);

2. Также глава государства поблагодарил российских пограничников за добросовестную службу, за верность долгу и присяге, и выразил уверенность в том, что они продолжают с честью служить стране (Vesti.ru, 2020.05);

3. Всего медалью «За отвагу» было награждено более 4,5 миллионов военнослужащих, а «За боевые заслуги» – свыше 5 миллионов (Парламентская газета, 2021.10) и др.

В параллельном корпусе русского языка из приведенных выше предложно-падежных форм представлена в переводе свободным сочетанием слов только предложно-падежная форма *за успехи*. См. пример:

So he set out to create an environment in which people felt they could express themselves honestly and be recognized and celebrated for their progress (Simon Sinek. *Leaders Eat Last: Why Some Teams Pull Together and Others Don't* (2014) и

Поэтому он принял решение создать атмосферу, в которой люди могли бы вести себя честно, где бы их ценили и хвалили за успехи (Simon Sinek. *Leaders Eat Last: Why Some Teams Pull Together and Others Don't* (2014).

Ярким маркером идеи соборности предложно-падежная форма является и в жанре тоста: *за здоровье, за вас, за нас*. Ср. языковую форму передачи этой идеи в параллельных русских и английских текстах:

1. *They would be toasting Miranda Priestly in Los Angeles, Honolulu, New Orleans, Charleston, Houston, Bridgehampton, and Nantucket* (Lauren Weisberger. *The Devil Wears Prada* (2003) и

1. *За здоровье Миранды Пристли поднимут бокалы в Лос-Анджелесе, Гонолулу, Новом Орлеане, Чарлстоне, Хьюстоне, Бриджхэмптоне и Натакете* (Лорен Вайсбергер. *Дьявол носит Прада*);

2. *But with you, it was worth waiting. Here's to us, then. He lifted his glass* (Ray Bradbury. *The Martian Chronicles* (2014) и

2. *С вами ожидание было не таким тяжким. Выпьем же за нас.*

– *Он поднял бокал* (Рэй Брэдбери. *Марсианские хроники* (2014);

3. *Well then, Brasti said, lifting an imagin ary glass in the air, good on you, Lord Tremondi* (Sebastian de Castell. *Traitor's Blade* (2014) и

3.3. – *Что ж. – Брасти поднял воображаемый бокал. – За вас, лорд Тремонди!* (Себастьян де Кастелл, *Клинок предателя* (2014) и др.

Предложно-падежная форма *за* + винит. проявляет способность маркировать внеязыковую информацию об альтруизме русского человека, его готовности безвозмездной помощи в синтаксической конструкции при указании лица, вместо или взамен которого кто-л. действует или от имени которого совершается действие. См. примеры:

1. *Поэтому приходилось воевать – и за себя и за брата* (Василь Быков. *Короткая песня* (2002);

2. *Мог постоять за себя и за друзей* (Л. А. Данилкин. *Юрий Гагарин* (2011) и др.

Ср. фрагмент из произведения Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» и его перевод на русский язык, в котором устойчивое выражение *за себя и за брата* приобретает коннотацию легкой иронии.

...and so he thanks them out of his heart and out of his brother's heart, because out of their mouths they can't... (Mark Twain. *The Adventures of Huckleberry Finn* (1884) и

... и потому он благодарит их от всей души, от всего сердца и за себя и за брата, потому что словами этого нельзя выразить... (Марк Твен. *Приключения Гекльберри Финна*)

Эти же семантические условия оказываются благоприятными и при актуализации неязыковой информации о патриархальном укладе русской семьи, об онтологически вторичном женском начале в христианской культуре России, его подчиненности мужскому началу. Ср. например:

(1) *Едва закончив третий класс, она вынуждена была стать за главу семейства: отца и старшего брата взяла война, на руках у Паши оказались больная мать и младший братишка* (В. Тельгугов);

(2) *А пока он в доме за хозяина* (Правда апр.).

Явно проективно употребление *за* плюс творительный в контекстах

(1) *Сестра моя замужем за профессором химии* (М. Горький);

(2) *Приехала из города старшая сестра к меньшей в деревню. Старшая за купцом была в городе, а меньшая за мужиком в деревне* (Л. Толстой);

(3) *«Что, Катька, спрашиваю: сладко за мужиком жить?»* (М. Е. Салтыков-Щедрин);

(4) *– Тебе, как ты за мною ходила, то как ты ни виновата, что всего этого не чувствовала, но тебе за мужиком не быть* (Н. С. Лесков);

(5) *И вот у меня есть сестра, которая тоже за купцом выдана, он бакалейным товаром торгует...* (М. Е. Салтыков-Щедрин).

И если в (1) предложно-падежная форма *за профессором* – вторичный маркер идеи патриархального уклада русской семьи (первичным маркером является лексема *замужем* с яркой внутренней формой быть ‘за мужем’, то в инверсионных высказываниях с неявной эллиптичностью (2), (3), (4), (5), замещая синтаксическую позицию полнозначного слова *замужем*, предложно-падежная форма маркирует ее самостоятельно.

См. примеры из Национального корпуса русского языка, в которых при переводе русского текста на английский язык происходит нейтрализация семантической идеи, маркируемой предложно-падежной формой в русском дискурсивном пространстве:

Она была родом из Киева, замужем за французом, жила много лет во Франции, овдовела (Людмила Улицкая. Зеленый шатер. 2011)

She had been born in Kiev, had married a Frenchman, lived many years in France, and was then widowed (Liudmila Ulitskaia. The Big Green Tent. 2011)

Оля к тому времени прочно была замужем за Ильей, обе же школьные подруги увядали в одиночестве... (Liudmila Ulitskaia. The Big Green Tent. 2011)

Olga had by this time tied the knot with Ilya. Both her girlfriends were lonely and alone (Liudmila Ulitskaia. The Big Green Tent. 2011) и др.

Таким образом, задавая семантическую интерпретацию контекста, предложно-падежная форма, благодаря заложенной в ней флективным строем языка способности к фразеологизации, проявляет способность отражать в своей семантике структурообразующие элементы русской культуры, а потому и служить сигналом активизации у реципиента восприятия соответствующего культурного фона, определяющего понимание ситуации, и вызывать определенные действия в этой ситуации.

Литература

1. Скиба Ю. Г. Русские предлоги, союзы, частицы. Опыт системно-исторического исследования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Черновцы, 1980. 45 с.

2. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958. 534 с.

3. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. Изд. 2-е, испр. и доп., М.: Флинта: Наука, 2006, 328 с.

4. Чесноков П. В. Семантические формы мышления и их параметры // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 1–2. 2007. С. 117–123.

5. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. P. 62–63.

6. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y., Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. P. 21, 123.

ФУНКЦИЯ КОГЕЗИИ СОЮЗОВ В ТЕКУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И ИХ ПЕРЕВОД

Гаоягуль Кадыр
Синьцзянский университет
Урумчи, Китай

***Аннотация.** В процессе перевода политических текстов необходимо не только правильно передать содержание оригинала, но и уделять особое внимание эффективному преобразованию структуры оригинала. Строение и реконструкция текста политического стиля часто передается с помощью различных языковых способов для когезии единиц текста, в том числе союзов. В данной статье анализируется использование союзов, изучается стратегия перевода союзов с китайского языка на русский.*

***Ключевые слова:** текст политического стиля, союзы, когезия текста, перевод с китайского языка на русский*

THE COHESIVE FUNCTION OF CONNECTORS IN POLITICAL DISCOURSE AND THEIR TRANSLATION

Goyaguli Kadeer
Xinjiang University
Urumqi, China

***Absrtact.** In the process of translating political texts, we should not only accurately convey the original content, but also grasp the effective transformation of the original language structure mechanism. In the process of translation reconstruction of political texts, different textual cohesive devices are often used, among which connectives are one of the main cohesive devices for semantic expression and semantic coherence between units within the text. This paper analyzes the usage of conjunctions in political discourse, and explores the strategies and methods of Russian translation of conjunctions.*

***Keywords:** political discourse, connectives, textual cohesion, Chinese Russian translation*

Текущие политические тексты включают речи, выступления, инструкции, беседы, поздравительные письма и т.д., но все они принадлежат одному и тому же стилю текущих политических текстов.

Современные китайские политические тексты обладают уникальной текстовой системой и языковым стилем и имеют свои особенности с точки зрения идеологической коннотации, логической структуры и способа выражения. Они отличаются чёткими темами, строгой логикой, яркими языковыми выражениями и разнообразными моделями предложений.

Как известно, выбор стратегий перевода и цель перевода часто зависят от стиля речи. Перевод текущих политических текстов должен быть направлен на осуществление основных коммуникативных функций оригинального текста и на точную передачу содержания оригинального текста, но самое главное, на точность выражения главных политических курсов и теоретических идей той или иной страны или организации.

Процесс перевода текста – это процесс познания исходного языка и реконструкции текста в переведённом языке. Познание текста исходного языка включает анализ текста и понимание его смысла; реконструкция текста в переведённом языке включает трансляцию языка исходного текста и воспроизведение его содержания. В процессе перевода текста когезия и когерентность являются двумя основными факторами. Они являются не только когнитивными точками для понимания текста исходного языка, но и основной составной частью в переводе.

Семантическая согласованность в контексте часто устанавливается посредством механизма когезии. Когезия – это не формальное понятие, а семантическое, которое относится к различным смысловым отношениям, существующим внутри текста, и может сделать текст полным (Halliday 1976: 4). Существуют различные принципы классификации когезии в тексте. Halliday и Hasan классифицировали средства когезии на две категории: грамматическую когезию и лексическую когезию (Halliday & Hasan 1976). Грамматическая когезия включает в себя соответствие, опущение, замену и связь, а лексическая когезия включает в себя повторение, синонимы, гипонимы и словосочетания и т.д. Это два типа когезии являются относительно очевидными, выраженными различными средствами на поверхностном уровне текста.

Употребление и частота употребления типов когезии при построении текстов различных стилей неодинаковы. По сравнению с другими стилями текст политического стиля требует точного и чёткого семантического выражения. Поэтому в строении текста такого стиля чаще всего выбирают явные средства когезии, особенно часто употребляются соединительные союзы для отражения логики в тексте.

Союзы, как средство явной когезии, имеют очевидные признаки и играют чёткую семантическую роль, создавая последовательность изложения. Они являются основными способами формирования сложных предложений и выражают связь между более крупными текстовыми единицами в русском и китайском языках. Однако из-за разных категорий языка и разных особенностей в построении текста на русском и китайском языках существуют различия и сходства в выборе и использовании союзов, поэтому в процессе перевода необходимо применять различные методы для перевода союзов. В данной статье анализируется перевод и трансформация значений союзов в политических текстах. Все примеры взяты из книги Си Цзиньпин «О государственном управлении».

1. Определение союзов

Ещё в 1928 году Л. В. Щерба упомянул, что союзы могут играть определенную роль в соединительных контекстах: «Они могут объединять несколько слов или словосочетаний в единое целое или целое синтаксиса высокого уровня» (Щерба 1928).

Известный китайский лингвист Ван Ли определил концепцию союзов в «Современной китайской грамматике»: «Слово и слово могут быть связаны, а предложения и предложения также могут быть связаны; некоторые служебные слова находятся в середине слов и слов или между предложениями, действуя как соединения. Эти служебные слова мы называем союзами» (Ван Ли 1985: 181). Эта концепция не только подтверждает функцию связи слов в предложении, но и раскрывает функцию когезии союзов в тексте.

Союзы могут соединять компоненты сложных предложений и даже могут выходить за рамки предложения, чтобы создавать когезию между более крупными речевыми единицами. Иначе говоря, с помощью союзов когезия проявляется в различных составляющих единицах текста, познание и понимание союзов играют важную роль в анализе и понимании смысла текста.

2. Когезия, выраженная союзами

Союзы не только имеют своё грамматическое значение в тексте, но также играют роль когезии в тексте, чтобы сделать смысл текста когерентным.

В китайском языке существует множество союзов, которые могут выражать сочинение, следование, противопоставление, причинность, предположение, сравнение, уступку, градацию, условие, цель и т.д. Частота использования союзов в политическом тексте относительно высока, и поэтому способы выражения когезии очень разнообразны.

3. Перевод союзов

В текстах китайского и русского языка существует большое количество союзов, которые играют роль в соединении единиц текста. В процессе перевода в соответствии с конкретным контекстом и требованиями контекста для разных союзов применяются различные методы перевода, чтобы перевод был последовательным и полным и в то же время соответствовал выражению содержания в переводимом языке.

3.1. Сохранение союзов

Метод сохранения перевода, то есть перевод союзов на союзы. В русском и китайском языках существует множество союзов, которые точно соответствуют друг другу, лексически эквивалентны,

одинаково выражают когезию между единицами текста. Это буквальный перевод, который является самым основным методом перевода.

(1) “一国两制”构想提出的目的，一方面是以和平的方式对香港恢复行使主权，另一方面就是为了香港发展，保持香港国际金融、航运、贸易中心地位

Перевод: Цели, которые задумывались при разработке идеи «Одна страна две системы», – это, **с одной стороны**, восстановление суверенитетных прав мирным путём, а **с другой стороны**, содействие развитию Сянгану, сохранение его положения как центра международных финансов, судоходства и торговли.

В этом примере сложный союз “一方面……另一方面……” не только проявляет значение в этом сложносочинённом предложении, но и в то же время устанавливает параллельную связь между двумя придаточными предложениями. В русском языке есть соответствующие вводные сочетания союзного типа «с одной стороны..., с другой стороны...», и здесь применяется метод буквального перевода при сохранении одновременно лексического значения и роли когезии этого набора союзов.

(2) 一个高水平、强有力的中俄关系，**不仅**符合中俄双方利益，**也**是维护国际战略平衡和世界和平稳定的重要保障。

Перевод: Прочные китайско – российские связи **не только** отвечают интересам Китая и России, **но и** служат надёжной гарантией обеспечения международного стратегического баланса, а также мира и стабильности на всей планете.

Союзы “不仅……也……” в исходном предложении семантически выражают прогрессивную связь и структурно связывают два отдельных предложения в сложное предложение с прогрессивным значением. В переводе использован составной союз «не только..., но и...», который как с точки зрения когезии связывает части предложения, так и обеспечивает лексическую эквивалентность.

3.2. Замена союзов

Замена союзов означает, что союзы заменяются на другие части речи, но функция когезии в тексте сохраняется. Стоит отметить, что иногда замена союзов может изменить тип отношений в сложном предложении, но смысл предложения не изменится.

(3) 只有每个人都为美好梦想而奋斗，才能汇聚起实现中国梦的磅礴力量。

Перевод: **Если** каждый встанет на борьбу за осуществление этой прекрасной мечты, **то** непременно сформируется мощная сила для её реализации.

Союз “只有……才……” связывает два отдельных предложения, образуя сложное предложение с условными отношениями. При переводе возникает значение предположительности «если... то» (如果...那么...) . но значение предложения не изменяется.

3.3. Опущение союзов

(4) 一个国家的发展道路合不合适，只有这个国家的人民才最有发言权。

Перевод: Никто, кроме народа самой страны, не имеет права голоса по вопросу о том, подходит ли стране выбранный ею путь развития.

При переводе этого предложения союз “只有”, выражающий условную связь в исходном предложении, был опущен, и в переводе предложения «никто, кроме кого-чего, не имеет права...» применялся метод обратного написания и такое выражение достигает более сильного эффекта. Хотя типы предложений различны, но взаимосвязь между предложениями ясна, значение предложения соответствует исходному предложению.

(5) 只要是中国人，就应该自觉培育和践行社会主义核心价值观。

Перевод: Любой китаец должен сознательно изучать и воспитывать в себе и реализовать концепцию основных ценностей социализма.

В переводе союз исходного предложения “只要……就……” был опущен, и сложное предложение с условным отношением было преобразовано в простое предложение, и в переводе вид пред-

ложения «Любой китаец должен...» (每个中国人都应该.....) семантически выражает утвердительное значение исходного предложения.

3.4. Добавление союзов

В китайском языке часто в тексте между предложениями нет союзов, а используется только последовательность слов. Однако в русском языке отношения и связи в предложении обычно формально выражаются. Если в русском предложении нет союзов, часто невозможно точно понять структуру и значение предложений. Поэтому при переводе на основе точного понимания логической взаимосвязи исходного текста необходимо добавлять союзы, чтобы сделать грамматическую взаимосвязь перевода ясной и в то же время соблюдались привычные способы выражения в ПЯ.

(6) 做好新形势下统战工作，必须正确处理一致性和多样性关系。

Перевод: **Чтобы** надлежащим образом вести работу в области единого фронта в условиях новой обстановки, **необходимо** правильно урегулировать отношения между единством и разнообразием.

Этот пример представляет собой сложное предложение, выражающее значение цели. Союз “为了.....” в китайском языке был опущен, но смысл был ясен. При переводе на русский язык добавляется союз «чтобы» для оформления структуры предложения «чтобы..., необходимо...», чтобы прояснить взаимосвязь между предложениями и логику предложения, и предложения достигли полноты грамматической структуры и согласованности по смыслу.

Кроме того, в китайском языке часто встречаются сложносочинённые предложения без каких-либо союзных средств, и в таких случаях трудно понять связь внутри предложения не носителям китайского языка. Поэтому при переводе необходимо понять взаимосвязь между предложениями, изучить её значение и для точности перевода использовать союзные средства. Например:

(7) 人民有信仰，民族有希望，国家有力量。

Перевод: **Когда** у народа есть вера, **тогда** у нации есть будущее, а у государства есть силы.

Этот пример представляет собой сложное предложение, которое содержит значение предположения, поэтому в переводе был добавлен союз «когда..., тогда...», чтобы показать логическую связь условного типа («если..., то...») между первым предложением и следующими двумя предложениями в оригинальном тексте. Союз «а» был добавлен между вторым предложением и третьим предложением, чтобы оформить сочинительную связь между двумя предложениями. Взаимосвязь между предложениями полная и ясная и в то же время соответствует нормам русского языка.

4. Заключение

Союзы широко используются при когезии текстовых единиц в текущих политических текстах китайского и русского языка. В переводе политического текста с китайского языка на русский был принят метод буквального перевода для сохранения грамматического значения союзов и их соединительной роли в тексте, чтобы максимально сохранить характеристики текстовой структуры исходного текста. Однако иногда для того, чтобы сохранить лексическое значение в полной мере, необходимо использовать другие методы перевода, такие как замена, опущение, добавление и т.д. Но независимо от того, какой метод перевода будет принят, он должен основываться на полном сохранении лексического значения оригинального текста, при этом перевод должен соответствовать нормам грамматического выражения и нормам вербального выражения переводимого языка, чтобы обеспечить эффективную коммуникативную функцию перевода.

Литература

1. Ван ли. Китайская современная грамматика. М., Пекин: Коммерческое изд-во, 1985. С. 181.
2. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Русская речь. Л.: Академия, 1928, С. 5–27.
3. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении I [М]. Пекин., Изд-во литературы на иностранных языках, 2014.

4. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении II [М]. Пекин., Изд-во литературы на иностранных языках, 2018.
5. Halliday M.A.K. & R. Hasan. Cohesion in English [M]. London., Longman, 1976. С. 4–7.

УДК 811.161.1

ТЕКСТОВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОСХЕМЫ «НЕ + ИНФ. + ЖЕ» В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТАХ

Жэнь Цзяньсинь, Л. А. Золотарева
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются структура и семантика фразеосхемы «не + инф + же». Конструкция формируется постоянными и факультативными компонентами. В контексте возможны фразеологизированные цепочки или синонимические ряды. Общее значение фразеосхемы (невозможность и нецелесообразность) в контексте часто осложняется дополнительным смыслом.

Ключевые слова: фразеосхема, структурные свойства, семантика, прагматические особенности.

TEXTUAL IMPLEMENTATION OF THE PHRASEOSCHEM «НЕ + ИНФ. + ЖЕ» IN PUBLICISTIC AND ARTISTIC TEXTS

Ren Jianxin, Zolotareva L. A.
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

Abstract: The article discusses the structure and semantics of the phraseoscheme «не + инф. + же». The construct is formed by permanent and optional components. Phraseologized chains or synonymous series are possible in the context. In the context the general meaning of the phraseoscheme (impossibility and inexpediency) is often complicated by additional meanings.

Key words: phraseoscheme, structural properties, semantic, pragmatic features.

1. История изучения фразеосхемы «не + инф. + же» в русистике.

Фразеосхемы являются ядром синтаксической фразеологии. Изучением фразеосхем как особых синтаксических фразеологических единиц (СФЕ) занимались многие русские учёные, начиная с 1960-х годов прошлого века (Д. Н. Шмелёв, Н. Ю. Шведова, В. Ю. Меликян, И. Н. Кайгородова и др.). В их трудах фразеологизированные построения рассматриваются в разных аспектах, однако до сих пор работ, посвященных фразеосхеме «не + инф. + же», очень мало. По мнению А. В. Величко, фразеосхема «не + инф. + же» относится к невопросительным инфинитивным предложениям и выражает модальные значения ненужности, нежелательности, нецелесообразности или сомнения в необходимости действия. Инфинитив употребляется в форме несовершенного вида (Величко 2018: 73–75).

В статье А. Ф. Калинина «Русские фразеологизированные предложения типа не спорить же! (основные аспекты)» данная фразеосхема рассматривается в двух основных аспектах: структурно-грамматическом и логико-семантическом. В структурно-грамматическом аспекте – это глагольные односоставные инфинитивные предложения; в логико-семантическом аспекте – значением данной

структуры являются субъективно отрицаемая возможность, утверждение полной невозможности или нецелесообразности (Калинин 2016: 96).

Кроме того, с точки зрения функционально-грамматического подхода, Е. С. Штернина рассматривает фразеосхему «не + инф. + же» как периферийную конструкцию сектора ненужности в микрополе «Отрицание модальных отношений» (Штернина 2016: 416–427).

В нашем исследовании описываются структурные свойства конструкции и рассматриваются её семантические и прагматические особенности в публицистическом и художественном текстах, работа выполнена на материале текстов из Национального корпуса русского языка.

2. Структурные свойства фразеосхемы «не + инф. + же».

1) Постоянные компоненты.

В данной фразеосхеме постоянные компоненты – инфинитив с отрицанием и частица *же*. Наш корпус примеров показывает, что инфинитив может употребляться как в форме несовершенного вида, так и совершенного вида. Он называет действие, которое, по мнению говорящего, является ненужным или нецелесообразным (Величко 2016: 253–254). Наш материал подтверждает, что в данной конструкции инфинитив в форме несовершенного вида используется чаще, около 91%:

– *Почему ты спрашиваешь?* – *Надо же о чем-то говорить,* – *ответил Трегубов.* – ***Не спрашивать же*** тебя, как здоровье жены... – *Мог бы рассказать, как дошел до жизни такой,* – *предложил Гуров.* – *Любопытно, как становятся мерзавцами* (А. Макеев, Н. Леонов. Ментовская крыша. 2004).

*Даже цветочки есть – ноготки, астры, желтыеши, настурции – для радости, для украшения посажены, может, и для похорон, чтоб не было лишних хлопот родственникам, чтоб зря капиталы не тратили. И неуклюже, тям-ляп – **не отставать же** от моды! махонькая теплица сооружена, крытая мутными ключьями полиэтилена* (Виктор Астафьев. Последний поклон. 1968–1991).

Инфинитив в форме совершенного вида используется не так часто, как форма несовершенного, около 7%:

*Если мы столько лет, в худших обстоятельствах, позволяли себе половину национального дохода вбухивать в армию и вооружения, то почему бы не продолжать теперь... Создав такой военный аппарат с десятками маршалов, с десятками тысяч генералов и сотнями тысяч полковников, с инфраструктурой военной промышленности, в которой заняты миллионы людей, – **не запустить же** все это на Луну* (А. С. Черняев. Дневник. 1975).

*И они должны сегодня пальто прислать. **Не поспеть же** мне завтра по магазинам болтаться, когда я утром на вокзал еду. Это надо понимать. Это каждый дурак поймёт* (Н. А. Тэффи. Семейный аккорд. 1910).

Данная конструкция выражает значение нецелесообразности и невозможности. Анализ показывает, что в исследуемой фразеосхеме инфинитив в форме несовершенного вида чаще употребляется для выражения значения нецелесообразности или ненужности, а инфинитив в форме совершенного вида выражает чаще невозможность, значение нецелесообразности редко встречается.

Вместо инфинитива в данной фразеосхеме может употребляться именной предикат (2%), выраженный **быть** + N5 / Adj5: *Так и пошли, на косых, **не быть же редкими дураками*** (А. И. Солженицын. На изломах. 1996); *Да **не всем же умным быть**, надо кому-нибудь и глупым* (Н. А. Тэффи. Покаянное. 1910).

В структуру может быть введен субъектный детерминант, который представлен в форме дательного падежа: ***не пить же сестрам*** *гнилую воду, ты понимаешь* (Майя Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние. 2004); ***Не торговаться же мне с Лосевым?!*** (Александр Терехов. Бабаев. 2003).

2) Факультативные компоненты.

В конструкцию «не + инф. + же» могут входить факультативные компоненты, например, частицы *ну*, *ведь*, союз *но* и вводное сочетание *в самом деле*. Иногда они употребляются совместно друг с другом.

Частицы *ведь*, *ну*, и союз *но* занимают начальное место в предложении, употребляются для усиления утверждения.

– Почему пятьсот? – Мама стояла в халатике и с полотенцем на плече. – Разве не пополам? – **Ну не встречаться же** мне из-за этого специально с Жорой! – отец смотрел чуть виновато. – Хорошо, – сказала мама. Она собиралась идти в ванную (Дмитрий Каралис. Катер. 2002–2003).

Где взять пальто? **Ведь не строить же** заново! «Мы тебе в порту купим мантель с подкладкой», – утешал Карповиус (Василий Аксенов. Негатив положительного героя. 1996).

А вдруг красавица посмеется и отошьет?! Девушки тоже мечтают встретить свою вторую половинку. **Но ведь не давать же** телефон первому встречному! (Светлана Данилова, Фото Леонида Валеева. Тусовка у Анфисы: Где найти своего принца // Комсомольская правда, 2007.03.28).

Вводное сочетание в самом деле употребляется как усилительная частица при подтверждении.

Ну не работать же в самом деле в этой стране с позорной и непутовой историей каким-нибудь токарем, фрезеровщиком, шофером, учителем или врачом! За полтора десятка лет либеральное телевидение взрастило культ сверхбогатого человек... (Д. Н. Каралис. Дневник. 2009).

В художественных текстах фразеосхема «не + инф. + же» может употребляться с другими фразеосхемами, как в предтексте, так и после фразеоконструкции: «И Любка вся кипит, аж веснушки побелели, и этой **не в радость**». **Но не драться же** с ним! **Гена есть Гена**, он со всеми такой... (Анна Берсенева. Возраст третьей любви. 2005); **Ори не ори**, мой друг, **а будешь есть**, что дам. **Не побираться же мне из-за тебя идти** (Татьяна Моспан. Подиум. 2000).

Отметим ещё одну важную синтаксическую особенность рассматриваемой фразеосхемы – способность образовывать синонимический ряд: **Не тянуть же** жребий и **не устраивать же** тайное голосование (Лев Дворецкий. Шакалы. 2000); **Да ведь не кричать же! Не барабанить же** в чужие двери! **Ну вот, ну вот, скоро уже кофейня...** (Василий Аксенов. Любовь к электричеству. 1969).

3. Семантические и прагматические особенности фразеосхемы.

А. В. Величко описывает значение данной конструкции как ненужность, нежелательность, нецелесообразность или сомнение в необходимости действия (Величко 2018: 75). А. Ф. Калинин считает, что конструкция выражает утверждение полной невозможности или нецелесообразности (Калинин 2016: 91–98).

Собранный нами материал подтверждает наличие общего значения фразеосхемы – нецелесообразность / невозможность, однако значение нецелесообразности встречается чаще (80%). Вместе с тем, в контексте фразеосхема «не + инф + же» часто осложняется дополнительными смыслами.

1) Отрицание.

Через пять месяцев все стало ясно. И поздно было виниться, и **не делать же** было аборт. **Настя почти перестала выходить на улицу, сказываясь больной** (Майя Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние. 2004). В контексте общее значение невозможности. Время (пять месяцев) прошло и обстоятельство было невозможно изменить. Она не могла делать аборт. В то же время выражается дополнительное отрицание потенциального действия.

2) Сожаление.

Время шло, Горелов продолжал числиться конюхом, но ухаживать за конями приходилось больше Аграфене. – Пойдем, Нюша, накормим лошадей, – обычно просила она дочь. – **Не околевать же** им из-за нашего бедолаги... – Домашний срам прикрываешь, – выходила из себя Нюшка. – Да я бы на твоём месте... – Что делать, дочка? (А. И. Мусатов. Земля молодая. 1960). Здесь действие, обозначающееся в конструкции, является нецелесообразным. Лошади не должны околевать из-за бедолаги мужа. Говорящий чувствует жалость к лошадям и мужу.

3) Оправдание.

Кстати, виски – это все он, его пагубное влияние. Приготовилась ждать. Я для себя решила, что если он будет один, то я присоединюсь. А если их будет двое, то я доем, допью, быть может, даже напьюсь и... **ну не лететь же** мне, в самом деле, **как соглядатаю** (Кира Сурикова. Несладкий кофе. 2003). В данном примере выражается самооправдание, говорящий не хочет пить алкоголь один, но может присоединиться к другим.

4) Убеждение.

– Какой вы привередливый! Я дала человеку возможность высказаться... Его право – как мотивировать свой поступок! **Не редактировать же** его, в самом деле! – Но тут ничего по сути...

Одна философия. – У каждого преступника, совершающего преступления по психологическим мотивам, всегда есть своя философия (Вадим Громов. Компромат для олигарха. 2000). Говорящий пытается убедить собеседника в правильности своих действий, предложение фразеологизированной структуры употребляется в составе аргументации.

5) Совет.

*Как удобно тренироваться в смирении: куда ни приди, тебя встречает только хамство – вот и тренируйся. Смотрит на тебя какая-то дама в магазине и в тебе даже человека не видит, у нее только задача, чтобы над тобой поиздеваться. Ну а твоя какая задача? **Не вцепиться же ей в волосы**, хотя и хочется, а потерпеть. И мы от этого очень много приобретем. Это промыслом Божиим так устроено, чтобы нас через это горнило провести, проковать нашу душу. Господь нам помогает, хочет нас спасти* (Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди. 1984–1989). В данном примере совет, наставление сопровождается примером того, как нужно вести себя, и заканчивается аргументацией.

4. Заключение

В ходе анализа фразеосхемы «не + инф + же» мы пришли к следующим выводам. В данной структуре постоянные компоненты – инфинитив с отрицанием и частица *же*. В конструкцию может быть введен субъектный детерминант. Инфинитив чаще используется в форме несовершенного вида со значением нецелесообразности, инфинитив совершенного вида не так часто встречается и выражает невозможность, иногда нецелесообразность. Предикат также может быть представлен глаголом-связкой с существительным или прилагательным в творительном падеже. Особенность функционирования фразеосхемы проявляется в способности образования фразеологизированных цепочек и в построении сочинительного ряда. Общее значение фразеосхемы – невозможность и нецелесообразность. Контекстное употребление исследуемой фразеосхемы довольно разнообразно, она может использоваться для выражения отрицания, сожаления, оправдания, убеждения и совета.

Литература

1. Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: дис. ... доктора филол. наук. М., 2016.
2. Величко А. В., Красильникова Л. В., Кузьмина Е. А. Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного / Под ред. А. В. Величко. СПб.: Златоуст, 2018.
3. Калинин А. Ф. Русские фразеологизированные предложения типа *Не спорить же!* (основные аспекты) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 91–98.
4. Штернина Е. С. Методика обучения грамматическому аспекту русской речи иностранных студентов (на примере отрицательных конструкций) // Научный диалог. 2016. №2 (50). С. 416–427.

**ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА «ИТАК» В ПОВЕСТИ В. П. КАТАЕВА
«РАСТРАТЧИКИ» И РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»
(СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ЭПИЗОДОВ)**

В. Н. Завьялов

*Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия*

***Аннотация.** В статье рассматривается скрепа «итак» как грамматический, прагматический и дискурсивный центр эпизодов из повести В. П. Катаева «Растратчики» и романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». С учетом суммы как лингвистических, так и экстралингвистических факторов употребление скрепы «итак» в обоих эпизодах сигнализирует о наличии между ними определенной прототипической связи, восходящей к творческой мастерской М. Булгакова.*

***Ключевые слова:** служебные слова, скрепа, грамматика, прагматика, дискурс.*

**A TEXT STAPLE “ИТАК” (“SO”) IN V.P. KATAEV’S STORY “RASTRATCHIKI”
 (“EMBEZZLERS”) AND BULGAKOV’S NOVEL “MASTER I MARGARITA”
(THE MASTER AND MARGARITA)
(COMPARATIVE ANALYSIS OF TWO EPISODES)**

V. N. Zavyalov

*Pacific National University
Khabarovsk, Russia*

***Abstract.** The article considers the staple "so" as a grammatical, pragmatic and discursive center of episodes from V. P. Kataev's story "Embezzlers" and M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". The use of the "so" in both episodes signals the presence of a certain prototypical connection between them, dating back to the creative workshop of M. Bulgakov.*

***Key words:** Functional words, staple, grammar, pragmatics, discourse.*

1. Скрепа «итак» в настоящей работе не является объектом описания в прямом смысле этого слова. Обращение к ней является прежде всего поводом для того, чтобы несколько по-иному взглянуть на некоторые вещи, связанные с литературным процессом середины 1920-х гг., а конкретно в части взаимовлияния и пересечения творческих мастерских В. П. Катаева и М. А. Булгакова. Что касается самой скрепы, то отметим, что она является особым служебным словом, которое не совпадает ни с модальными, ни дискурсивными словами и выражает «отношения между высказываниями внутри абзаца, между частями текста, оформленными в виде абзаца, или соотносят между собой сколько угодно крупные части текста» (Прияткина 2002: 91). Основными функциональными значениями «итак» являются *резюмирующее, присоединительное и сигнальное* (Тюрин 2016: 77–120). В первом случае правый контекст «в содержательном плане представляющий собой информационный повтор, который выделяет, акцентирует внимание на определенной части левого контекста» (Там же: 87). Во втором – «информация из левого контекста скрепы не повторяется в её правом контексте, а логически вытекает из нее» (Там же: 98). В третьем – «правый контекст скрепы повторов или логических выводов из того, о чем говорилось в левом контексте, не содержит. Это полностью новая в содержательном плане информация, которая раньше в тексте не появлялась, и скрепа «итак» здесь играет роль маркера, знаменующего конец одного смыслового фрагмента и начало другого» (Там же: 103–104).

2. Валентина Катаева и Михаила Булгакова связывает время совместной деятельности в газете «Гудок» в начале творческого пути обоих. В. Катаев появился там в 1923 г. В свою очередь,

М. Булгаков начал сотрудничать с газетой с 1922 г., т.е. годом ранее, и проработал в ее структуре течение пяти лет (Сатахин 2015: 354–373).

Обоих писателей связывали отношения не только собственно «производственные», но и творческие (обменивались мнениями о своих произведениях, собирались совместно издавать журнал «Ревизор», редактором которого планировался М. Булгаков), а также дружеские (ходили друг к другу в гости, вместе посещали казино) и личного характера (В. Катаев сватался к сестре М. Булгакова, но получил отказ не в последнюю очередь из-за несогласия с этим ее брата, т.е. самого М. Булгакова). Коллегами М. Булгакова по «Гудку» были также Юрий Олеша, Илья Ильф, Евгений Петров и ряд других известных писателей и литераторов так называемой южной литературной школы. И даже несмотря на уход по ряду причин из «Гудка» в конце 1926 г., М. Булгаков сохранил с некоторыми бывшими коллегами (в том числе и с В. Катаевым) если не дружеские, то определенные деловые отношения.

В газете «Гудок» была особая творческая атмосфера, проецирующаяся на жанровую специфику, языковой материал и поэтику создаваемых там произведений как газетного, так и художественного плана. Это нашло свое отражение в определенном творческом взаимовлиянии их авторов друг на друга (см. (Маркина 2012; Сатахин 2015; Одесский, Фельдман 2017; Шаргунов 2018; Катаев 2022) и др.)

Как известно, В. Катаев был инициатором создания дилогии «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». В исследовании М. Одесского и Д. Фельдмана, посвященном написанию романа «Двенадцать стульев», отмечается, что в него вошли «многие остроты Катаева, его бонмо», в силу чего «автор легко угадывался московскими литераторами» (Одесский, Фельдман 2017: 555). И неслучайно этот роман был посвящен И. Ильфом и Е. Петровым именно ему.

Вместе с тем в дилогии в той или иной мере, но присутствует связь с творческой манерой М. Булгакова.

Майя Каганская, например, обращает внимание на сходство в ряде эпизодов синтаксиса «Двенадцати стульев» и романа «Мастер и Маргарита», объяснив это (вслед за К. Тарановским) «ритмическим гулом эпохи» (Каганская 2011: 11). Система образов пьесы М. Булгакова «Зойкина квартира» также перекликается с «Двенадцатью стульями» (Левин 2003).

В дилогии имеют место и прямые параллели с личностью М. Булгакова.

Так, М. Булгаков был профессиональным врачом, и в обеих частях дилогии как в повествовательной ткани (1), так и в речи Остапа Бендера (2) присутствует на удивление глубокая медицинская составляющая:

1) *От резкого торможения хрустнули поездные суставы. Все завизжало, и Инполиту Матвеевичу показалось, что он попал в царство зубной боли; «Наши стулья, наши, наши, наши!» Об этом кричал весь его организм. «Наши!» – кричала печень. «Наши!» – подтверждала слепая кишка; Светляки догоняли отца Федора, кружились вокруг головы, обливая лицо его зеленоватым, медицинским светом* (см. (Ильф и Петров 2017а));

2) *«Ну, бортмеханик, покажите мне больного»; «Не ешьте на ночь сырых помидоров, – советовал Остап, – чтоб не причинить вреда желудку»; – Нету, нету, – продолжал великий комбинатор, – и никогда не было. Это медицинский факт; «Сургучный цвет перешел в какие-то scarlatinные пятна»; «С деревьев сыпались и шлепались оземь полновесные аптекарские Капли»; «Я тут был лет пять тому назад, читал лекции о борьбе с абортами»* (см. (Ильф и Петров 2017б)). И т.д.

В «Золотом теленке» имеется и развернутое описание операционной комнаты:

Великий комбинатор чувствовал себя в положении хирурга, которому предстоит произвести весьма серьезную операцию. Все готово. В электрических кастрюльках парятся салфеточки и бинты, сестра милосердия в белой тоге неслышно передвигается по кафельному полу, блестят медицинский фаянс и никель, больной лежит на стеклянном столе, томно закатив глаза к потолку, в специально нагретом воздухе носится запах немецкой жевательной резинки. Хирург с растопырен-

ными руками подходит к операционному столу, принимает от ассистента стерилизованный финский нож и сухо говорит больному: «Ну-с, снимайте бурнус» (Ильф и Петров 2017б: 36).

Кроме того, М. Булгаков в юности серьезно увлекался оперным пением, и даже брал частные уроки вокала, да и вообще был завзятым поклонником музыкального искусства в целом, что в конце концов привело его на работу в Большой Театр в качестве литературного консультанта и либреттиста. «Двенадцать стульев» просто-таки насыщены прямыми музыкальными цитированиями или аллюзиями. Например, в сцене первого появления Остапа Бендера в романе:

В город молодой человек вошел в зеленом, узком в талию, костюме. Его могучая шея была несколько раз обернута старым шерстяным шарфом, ноги были в лаковых штиблетах с замшевым верхом апельсинного цвета. Носков под штиблетами не было. В руке молодой человек держал астроябию. «О, Баядерка, ти-ри-рим, ти-ри-ра!» – запел он, подходя к привозному рынку (Ильф и Петров 2017а: 60).

Или при описании состояния Ипполита Матвеевича:

«В голове Ипполита Матвеевича творилось черт знает что. Звучали цыганские хоры. Грудастые дамские оркестры непрерывно исполняли “танго-амапа”» (Там же: 24).

С. П. Вавилов отмечает, что «музыкальная мозаика, развернутая в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», может служить прекрасным пособием для изучения массовой музыкальной культуры России первой половины XX в.» (Вавилов 2018: 36).

Ни за И. Ильфом, ни за Е. Петровым такие личностные особенности, связанные с профессиональными медицинскими познаниями и продвинутыми музыкальными вкусами, не зафиксированы.

Отсутствие развернутого и глубокого литературоведческого анализа причин подобных особенностей диалогии, словно бы аффелирующих к М. Булгакову, отчасти и создает почву для радикального решения проблемы, в силу чего авторство «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца», приписывается чуть ли не самому М. Булгакову (Амлински 2013).

3. Аналогичная ситуация и с повестью В. Катаева «Растратчики», опубликованной в конце 1926 г. в журнале «Красная новь». Эта повесть сегодня менее известна широкому кругу читателей, чем другие произведения В. Катаева, хотя в свое время вызвала к себе очень большой интерес. Так, М. Горький в письме из Сорренто спрашивал одного из своих корреспондентов: «Вы не обратили внимания на повесть Валентина Катаева «Растратчики», помещенную в 10–12-й книгах Кр. Нови? Очень талантливая вещь», а в письме Ромену Роллану говорил о «гоголевском духе произведения» (см. (Шаргунов 2018)).

В центре сюжета повести главный бухгалтер Филипп Степанович Прохоров и кассир Ванечка Клюквин, которые, присвоив себе деньги, предназначенные для зарплаты сотрудникам учреждения, в котором они работали, пустились в бега по стране, бездумно тратя налево и направо имеющуюся у них немалую сумму на пьянки и различные кутежи.

В «Растратчиках» также обнаруживаются явные «следы» присутствия М. Булгакова (как входящие, так и исходящие, т.е. проявляющиеся в сопоставлении с другими произведениями писателя). Однако это обстоятельство до сих пор не отмечено исследователями в должной мере, в то время как другие «гудковцы» (как и в случае с диалогией «Двенадцать стульев» и «Золотой тельце») прямо указываются даже в качестве прототипов героев повести, как, например, Ю. Олеша, представленный в ней в образе Ванечки Клюквина (Маркина 2012).

Рассмотрим это на примере структуры и системы образов одного из эпизодов повести «Растратчики» в сопоставлении со схожим фрагментом из романа «Мастер и Маргарита».

3.1 Филипп Степанович просыпается после очередного кутежа и мучительно пытается вспомнить то, что с ним было накануне, а также осознать, где он находится. В «Мастере и Маргарите» этому соответствует сцена пробуждения директора варьете Степы Лиходеева после таких же бурных предшествующих событий (Цитируется по (Катаев 2004: 35–46) и (Булгаков 2019: 831–840).)

1. Нелегкое пробуждение героев

«Растратчики»

На другой день Филипп Степанович проснулся в надлежащем часу утра... У каждого человека своя манера просыпаться утром после пьянства. Один просыпается так, другой этак, а третий и вовсе предпочитает не просыпаться и лежит, оборотившись к стенке и зажмурившись, до тех пор, пока друзья не догадаются принести ему половинку очищенной и огурец.

«Мастер и Маргарита»

Если бы в следующее утро Степе Лиходееву сказали бы так: «Степа! Тебя расстреляют, если ты сию минуту не встанешь!» – Степа ответил бы томным, чуть слышным голосом: «Расстреливайте, делайте со мною, что хотите, но я не встану».

2. Внутреннее состояние героев

«Растратчики»

Мучительней же всех переживают процесс пробуждения после безобразной ночи пожилых лет бухгалтера, обремененные семейством и имеющие склонность к почечным заболеваниям.

Подобного сорта гражданин обыкновенно, проснувшись, долго лежит на спине с закрытыми глазами, в тревоге <...>. При этом колени у него крупно и неприятно дрожат, пятки неестественно чешутся, на глазу прыгает живчик, а в самой середине организма, не то в животе, не то под ложечкой, образуется жжение, сосание и дикая пустота.

<...> Какое гнусное пробуждение: справа – печень, слева – сердце, впереди мрак. Ужасно, ужасно!..

«Мастер и Маргарита»

Не то что встать, – ему казалось, что он не может открыть глаз, потому что, если он только это сделает, сверкнет молния и голову его тут же разнесет на куски. В этой голове гудел тяжелый колокол, между глазными яблоками и закрытыми веками проплывали коричневые пятна с огненно-зеленым ободком, и в довершение всего тошило, причем казалось, что тошнота эта связана со звуками какого-то назойливого патефона.

3. Мучительные попытки вспомнить, происходившее накануне

«Растратчики»

Он припомнил бумажные цветы на столиках в «Шато де Флер», стены, расписанные густыми кавказскими видами, звуки струнного оркестра, селедку с гарниром, вдребезги пьяного Ванечку и двух девиц, которые требовали портвейн и курили папиросы... Одна из них была в каракулевом манто – Изабелла, другая – Ванечкина, худая... Да что же было потом? <...> Что было потом и как он добрался домой, Филипп Степанович решительно не помнил, кроме того, что, кажется, его доставил на квартиру и уложил в постель какой-то не то кондуктор, не то армянин с усами, но это уже было совершенной дичью.

«Мастер и Маргарита»

Степа старался что-то припомнить, но припоминалось только одно – что, кажется, вчера и неизвестно где он стоял с салфеткой в руке и пытался поцеловать какую-то даму, причем обещал ей, что на другой день, и ровно в полдень, придет к ней в гости. Дама от этого отказывалась, говоря: «Нет, нет, меня не будет дома!» – а Степа упорно настаивал на своем: «А я вот возьму да и приду!». Ни какая это была дама, ни который сейчас час, ни какое число и какого месяца – Степа решительно не знал...

4. Осознание места своего нахождения

«Растратчики»

Он (Филипп Степанович) тоскливо замычал, потянулся, открыл глаза и увидел, что лежит на нижнем диване в купе мягкого железнодорожного вагона. Было уже вполне светло. По белому прямоугольнику стрекочущего стекла, исцарапанного стеклянным пунктиром дождя, мелькали серые тени.

«Мастер и Маргарита»

...Степа <...>, что хуже всего, не мог понять, где он находится. Он постарался выяснить хотя бы последнее и для этого разлепил слипшиеся веки левого глаза. В полутьме что-то тускло от-

свечивало. Степа наконец узнал трюмо и понял, что он лежит навзничь у себя на кровати, то есть на бывшей ювелиршиной кровати, в спальне. Тут ему так ударило в голову, что он закрыл глаз и застонал.

5. Герои находятся не в одиночестве

«Растратчики»

На противоположном диване сидела Изабелла в белой шляпке, несколько съехавшей набок, и, разложив на коленях непомерной величины лаковую сумку, похожую на некое выпотрошенное панцирное животное, быстро пудрила лиловый картошкообразный нос. Ее большие дряблые щеки в такт вагонному ходу тряслись, как у мопса. В толстых ушах качались грушевидные фальшивые жемчуга.

«Мастер и Маргарита»

Степа разлепил склеенные веки и увидел, что отражается в трюмо в виде человека с торчащими в разные стороны волосами, с опухшей, покрытой черной щетиной физиономией, с заплаканными глазами, в грязной сорочке с воротником и галстуком, в кальсонах и в носках.

Таким он увидел себя в трюмо, а рядом с зеркалом увидел неизвестного человека, одетого в черное и в черном берете.

6. Что происходит?

«Растратчики»

– Что это происходит? – хрипло воскликнул Филипп Степанович и быстро сел. – Куда мы едем?

– Здравствуйте, – ответила Изабелла, – с Новым годом! К Ленинграду подъезжаем.

В глазах у бухгалтера потемнело.

«Мастер и Маргарита»

– Что вам угодно? – и сам поразился, не узнав своего голоса. Слово «что» он произнес дискантом, «вам» – басом, а «угодно» у него совсем не вышло.

Незнакомец дружелюбно усмехнулся, вынул большие золотые часы с алмазным треугольником на крышке, прозвонил одиннадцать раз и сказал:

– Одиннадцать! И ровно час, как я дожидаясь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять. Вот и я!

Степа пощупал на стуле рядом с кроватью брюки, шепнул:

– Извините... – надел их и хрипло спросил: – Скажите, пожалуйста, вашу фамилию?

Сходство, архитектоники, стилистики и образной системы, включая музыкальную и медицинскую составляющую, в рассмотренных эпизодах несомненно. Более того, Степан Лиходеев в итоге тоже оказался перемещенным в другое место – как известно, в Ялту.

Однако ключевым моментом является употребление в структуре данных эпизодов скрепы «итак», своей семантикой переключающей героев из мира мучительного внутреннего состояния, граничащего с прострацией, в не менее странную и неожиданную реальность.

«Растратчики»: **Итак**, Филипп Степанович проснулся и, проснувшись, испытал все то, что ему надлежало испытать после давешнего легкомысленного поведения. В ушах стоял шум курьерского поезда. Пятки чесались. В глазу прыгал живчик. Ужасно хотелось пить. Стараясь не открывать глаз, он стал припоминать все постыдные подробности вчерашнего вечера;

«Мастер и Маргарита»: **Итак**, Степа застонал. Он хотел позвать домработницу Груню и потребовать у нее пирамидону, но все-таки сумел сообразить, что это глупости... что никакого пирамидону у Груни, конечно, нету. Пытался позвать на помощь Берлиоза, дважды простонал: «Миша... Миша...», но, как сами понимаете, ответа не получил. В квартире стояла полнейшая тишина.

И хотя в «Растратчиках» имеет место резюмирующая функция скрепы «итак», ибо информация, содержащаяся в левом контексте, повторяется в обобщенном виде в правом, а в «Мастере и Маргарите» – сигнальная, так как в правом контексте нет непосредственной связи с предтекстом, в целом

в обоих случаях мы имеем дело с одной и той же когнитивной ситуацией, в которой «итак» является своего рода границей между тем, что было ранее и имеет место сейчас, что, в свою очередь, создает устойчивое впечатление наличия между рассматриваемыми эпизодами определенной прототипической корреляции.

3.2 Для уточнения выявленного положения дел проанализируем особенности употребления скрепы «итак» В. Катаевым и М. Булгаковым.

По данным «Национального корпуса русского языка», в произведениях В. Катаева среди 65 документов, включающих в себя 593 314 слов, в 12 зафиксирован 31 пример употребления скрепы «итак», что округленно соответствует 0,005%. В свою очередь, в произведениях М. Булгакова выявлены следующие показатели: 61 документ, 442 701 слово, где в 21 документе зафиксировано 115 примеров со скрепой «итак», что соответствует 0,025% (НКРЯ).

Как мы видим, частотность скрепы «итак» у М. Булгакова значительно выше (примерно в 5 раз), чем у В. Катаева, хотя в целом особых индивидуальных отличий в их употреблении у писателей не обнаруживается. Тем не менее М. Булгаков, на наш взгляд, несколько чаще использует «итак» в развернутых повествовательных контекстах (1), тогда как В. Катаев больше тяготеет к малообъемным (2). Ср.:

1) *Пардон! Что письмо мое, дорогие товарищи редактора, не носит столичного характера, а узкоместный. Однако если бы не существовал на свете «Гудок», знаменитый обличитель всех, то моя статья-заметка погибла бы в пучине неизвестности благодаря существованию нашей стенной газеты, в редакционную коллегию какой входит как раз ниже описанная мною личность – номер первый. А не дурак же он! Чтобы сам про себя помещал обличающую корреспонденцию во весь рост! Нет, далеко не дурак, и в частности в смысле самогона.*

Итак, в нашем богоспасаемом Льгове II я проходил в компании комсомольцев и беспартийных, и разговаривали мы о поднятии производительности в республике, как слух наш был поражен звуками трубного оркестра, урезавшего марш «На сопках Маньчжурии», на весь Льгов II (М. Булгаков. Свадьба с секретарями (1925));

2) *Все же он счел необходимым сухо и бесстрастно пожать плечами. – Итак, вы хотите видеть окрестности? Прекрасно. (В. Катаев. Время, вперед! (1931–1932)) (НКРЯ).*

В эпизодах же из повести «Растратчики» и романа «Мастер и Маргарита» имеют место именно повествовательные контексты, и мы принимаем это как данность, ориентирующую нас скорее на творческую мастерскую М. Булгакова, чем на чью-либо другую. Говоря иначе, памятуя коллегиальных и дружеских взаимоотношениях М. Булгакова с В. Катаевым в период создания тем повести «Растратчики» (1925–1926 гг.), мы не исключаем того, что М. Булгаков может иметь к ней определенное отношение в качестве или своего рода скрытого художественного редактора, или даже соавтора ряда эпизодов. В пользу этого говорит и то, что булгаковская эксцентрика с ее едким и гротескным юмором, музыкой и медициной, еще не один раз проявится в повести, как, например, в сцене гнева Изабеллы, когда она узнает, что ее мужчины-компаньоны уехали от нее в какой-то другой ресторан:

Не говоря ни слова, Изабелла сорвалась с места и бросилась вон из «Бара». В дверях ее пытался облапить дюжий шведский шкипер в фуражке с золотым дубовым шитьем. Но Изабелла обеими руками уперлась ему в грудь и с таким остервенением толкнула, что удивленный моряк долго бежал задом, приседая и балансируя, пока наконец грузно не уселся на чьи-то совершенно посторонние колени. Тут в его выпученных глазах медленно опрокинулась вся внутренность «Бара» – дубовые стены, цветы, плакаты, кружки, шляпки, раки... Даже раздирающий грохот шумового оркестра и тот, казалось, покачнулся и опрокинулся, высыпавшись на голову всем своим трескучим винегретом – пиццельками, трещотками и тарелками (Катаев 2004: 63).

Подобная манера письма не встречалась ранее и не встретилась впоследствии ни в одном из произведений В. Катаева. Вместе с тем сдержанный, несколько публицистический тон повествования, характерный именно для него, также имеет немалое место в «Растратчиках». Например:

Поезд медленно тащился от станции к станции. Так же медленно тащилась и ночь навстречу поезду, насквозь проходя дребезжащие вагоны шагами хлопающих дверей, головастыми тенями,

взволнованным пламенем свечей, оплывающих в стрекочущих фонарях. Ванечка стоял в тамбуре жесткого вагона и, напирая ладонью на низкую ручку двери, во все глаза смотрел в облитое дождем стекло. От долгого стояния на одном месте колени у него болели, ныла спина, сосал голод, но главное – невозможно было заснуть: в вагоне шла шумная карточная игра (Там же: 86).

В пользу нашего предположения говорит и утверждение Ю. Олеша, будто бы по просьбе В. Катаева он «дописал последние три страницы этой повести – “у меня метафора сильнее”...» (Маркина 2012: 94). Это признание удивительно тем, что в рассмотренных фрагментах из «Растратчиков» с метафорами и другими изобразительно-выразительными средствами не просто порядок, а, не боясь высокопарных фраз, изысканнейшее великолепие. При этом и для Ю. Олеша подобная стилистика в целом также нехарактерна. В этом плане напрашивается сопоставление стиля повести со стилем дилогии И. Ильфа и Е. Петрова, на который она, несомненно, оказала большое влияние (Волович 2022: 76–78), но на момент написания «Растратчиков» они не только еще не сотрудничали, но и, если верить им самим, едва были знакомы (см. (Одесский, Фельдман 2017)).

5. В настоящей статье мы продемонстрировали, что проблемы исследования творческих лабораторий, в которых создавались те или иные значимые художественные произведения советской литературы, в том числе и произведения «гудковцев», по-прежнему актуальны и предполагают дальнейшую работу с целью создания более точной и непротиворечивой картины литературного процесса той поры. И в качестве декодера свою лепту в этот процесс могут внести даже такие уникальные языковые единицы, как скрепа «итак». Если же говорить в целом, то в 1926 г. главному редактору журнала «Огонек» М. Кольцову пришла в голову мысль опубликовать коллективный роман, в написании которого приняли бы лучшие писатели того времени, которая материализовалась в 1927 г. в виде романа-буримы «Большие пожары» с участием двадцати пяти широко известных на тот период авторов (Большие пожары 2009). Таким образом, идея коллективного литературного творчества в то время прямо-таки витала в писательской среде. И повесть «Растратчики» вполне может являть собой подобный образец произведения, где В. Катаев был главным, т.е. официальным исполнителем, и которому каждый на своих определенных основаниях, если так можно выразиться, ассистировали М. Булгаков с Ю. Олешей. Все это, возможно, было обусловлено корпоративными интересами редакционного коллектива газеты «Гудок», собравшего все свои лучшие силы и в таком ключе отреагировавшего на социально-политические запросы того времени и на решения состоявшегося в конце 1925 г. XIV съезда ВКП(б), где вовсю обличался нэп, а заодно с ним и растратчики как чуть ли не пособники классовых врагов. Но такой взгляд на данное произведение, как мы полагаем, еще больше поднимает его художественную и литературно-историческую ценность.

Литература

1. Амлински И. 12 стульев от Михаила Булгакова. Берлин: Kirschner, 2013. 328 с.
2. Большие пожары: роман 25 писателей: орфография и пунктуация сохранены / А. Аросев (и др.). М.: Кн. клуб 36.6, сор. 2009. 318 с.
3. Булгаков М. А. Князь тьмы. Полная история «Мастера и Маргариты». СПб: Азбука–Аттикус, 2019. 1120 с.
4. Вавилов С. П Музыкальный мир Остапа Бендера (эссе для невнимательного читателя, но для внимательного музыканта) // Музыкальный альманах Томского государственного университета. 2018. № 5. С. 25–36.
5. Волович И. Г. Жанровые формы сатиры в прозе В. П. Катаева 1920-х годов // Турбулентность и высшее образование: Вызовы, решения, преодоление кризиса. М.: МЭИ, 2022. С. 70–79.
6. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: АСТ, 2017а. 720 с.
7. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М.: АСТ, 2017б. 740 с.
8. Каганская М. Л, Бар-Селла З. Мастер Гамбс и Маргарита // Каганская М. Собрание сочинений. Т. 2. Salamandra P V.V., 2011. 135 с.
9. Катаев В. П. Растратчики: Повесть; Время, вперед!: Роман-хроника. М.: Текст: 2004. 427 с.

10. Катаев В. П. Алмазный мой венец. М.: Азбука, 2022. 320 с.
11. Маркина П. В. «Растратчики» В. П. Катаева в контексте творческого диалога с Ю. К. Олешей // Филология и человек. 2012. № 2. С. 85–94.
12. Одесский М. П., Фельдман Д. М. История легенды: Роман «Двенадцать стульев» в литературно-политическом контексте эпохи // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: АСТ, 2017. С. 413–618.
13. Прияткина А. Ф. Текстовые «СКРЕПЫ» и «СКРЕПЫ-ФРАЗЫ» (О расширении категории служебных единиц русского языка) // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Елец: ЕГУ, 2002. С. 90–100.
14. Сатахин С. С. О романе Михаила Булгакова с «Гудком» // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 354–373.
15. Тюрин П. М. Текстовые скрепы «ТАКИМ ОБРАЗОМ» и «ИТАК» в современном русском языке: особенности функционирования и семантики: монография. Владивосток: ДВФУ, 2016. 202 с.
16. Шаргунов С. А. Катаев. Погоня за вечной весной. М.: Молодая гвардия, 2018. 704 с.

Электронные ресурсы

1. Левин А. Б. «Двенадцать стульев» из «Зойкиной квартиры» // «Сетевая словесность», 2003. – (Электронный ресурс.) URL: https://www.netslova.ru/ab_levin/12s.html (Дата обращения 25.09.22).
2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. (Электронный ресурс.) URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 27.09.22).

УДК 81.42

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЗАМЕТОК ПО ГЕОЛОГИИ КОНЦА XIX–НАЧАЛА XX ВВ.

Н. А. Иванова

*Санкт-Петербургский горный университет
Санкт-Петербург, Россия*

***Аннотация.** В статье приводится краткий обзор процесса развития научного стиля текста и предлагается подробнее остановиться на периоде активного формирования письменной речи учёных в России периода конца XIX – начала XX вв. Основным жанром научного изложения указанного периода была «научная заметка», примеры которых будут рассмотрены в области геологии.*

***Ключевые слова:** научная заметка, геология, научный стиль, анализ текста.*

LEXICO-GRAMMATICAL SPECIFICITY OF GEOLOGY NOTES AT THE END OF THE 19TH AND THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

N. A. Ivanova

*Saint Petersburg Mining University
Saint Petersburg, Russia*

***Abstract.** The article gives an overview of academic voice development in Russia for the period of the late 19th century – early 20th century. A note was the most popular genre in science at that time/ The examples of geology notes will be given in this paper.*

***Keywords:** note, geology, academic voice, text analysis.*

В период расцвета научной мысли в России, начиная с середины XVIII века формируется научный стиль в русском языке. Именно в это время в России начинают появляться научные издания на русском языке и выстраиваться стилистическая система. Выдающийся русский учёный того времени М. В. Ломоносов классифицировал стили русского языка согласно теории о «трёх штилях», научный стиль (описание «благородных учений» и «достопамятных дел»), согласно его типологии, относился к «среднему штилю».

Исследователи русского литературного языка выделяют два эволюционных периода научного стиля.

До середины XIX века научный текст представлял собой «беллетризованное повествование на естественные темы» (Степанов 1966: 83). Большую часть научных изданий данного периода составляют переводные труды, вследствие чего перед переводчиками стояла задача сформировать научную терминологию в русском языке. Основным жанром научного изложения уверенно можно назвать описание.

Начиная с 60-е гг. XIX в. стилистика научных работ постепенно меняется под влиянием экстралингвистических факторов: бурного развития наук и повышенного интереса общества к научным изобретениям (Сорокин 1972: 186). Данные факторы привели к тому, что основным жанром научного изложения становится научная заметка.

В данной статье будут рассмотрены заметки по геологии, опубликованные во второй половине XIX века и их особенности. В указанный период в России было обнаружено большое количество месторождений различных горных пород, что потребовало описания полученных материалов, научного анализа и осмысления. Если проследить частотность употребления заметок в научных текстах (см. таблицу 1), то можно заметить, что данный жанр был распространённым явлением в науке.

Таблица 1

Частотность употребления заметок в естественных науках

Геология	96
Химия	321
Физика	106
Природа	1212

Происходит активное формирование такой науки как геология и в 1773 г. основывается первое в России высшее техническое учреждение – Горное училище. Заметки учёных, работавших в стенах данного учебного заведения, способствовали развитию и становлению научного стиля в России.

Попробуем выделить основные характерные особенности научных заметок конца XIX–начала XX вв. Для выбранной цели были отобраны следующие заметки: «Заметка о Кунгурских пещерах» Е. С. Фёдорова (1883), «Заметка о нахождении меловых и валунных отложений в приуральской части Северной Сибири» Е. С. Фёдорова (1887), «Заметка о девонских отложениях оз. Колтубана в Южном Урале» П. С. Назарова (1886), «Заметка о нижнесилурийских отложениях Царства Польского» А. П. Карпинского (1886), «Заметка о нефрите и жадеите с Восточного Памира» И. В. Мушкетова (1889) и «Заметки сибирского геолога» В. А. Обручева, изданные в 1953 году, однако описывающие экспедиции, проходившие в 1880–1890-х гг.

В Словаре русского языка XVIII века жанр «заметка» определяется как «краткая запись, сообщение о чём-либо» (Бархударов 1995: 22) и предполагает небольшой объём. Действительно, каждая из рассмотренных заметок насчитывала не более 25 страниц, при этом в них выдерживается чёткая структура изложения материалов исследования:

- описание опыта прошлых работ автора:

«Несколько лет тому назад мною были описаны образцы нефрита из долины Яркенда...» (Мушкетов 1889: 1); *«В мае 1888 г. я закончил начатое в 1886 г. геологическое исследование*

Закаспийской области и вернулся в Петербург для составления полного отчета о работах, которые вел под руководством профессора Горного института И. В. Мушкетова» (Обручев 1953: 5);

• краткий обзор проделанной работы других исследователей по выбранной теме исследования:

«К одним из наиболее замечательных результатов исследований А. О. Михальского в ЮЗ части Царства Польского относится открытие в Сандомирском или Келецком кряже нижнесилурийских осадков, <...>» (Карпинский 1886: 1); *«Как известно, последняя пещера привлекала много наблюдателей, оставивших её описания, начиная с середины прошлого столетия до настоящего времени. Первым посетившим и описавшим пещеру считается Strahlenberg»* (Фёдоров 1883: 1);

- описание изучаемых природных объектов;
- выводы;
- аннотация на французском языке;
- иллюстративный материал, при наличии.

Можно заметить явно выраженный описательный характер научного текста, что вполне закономерно, ввиду необходимости накопления новых научных фактов. Однако, языковые средства выражения научной мысли, по мнению исследователей русского литературного языка, имеют размытые границы «между беллетристическим и научным произведением» (Лаптева 1968: 133).

Известный лингвист Г. В. Степанов справедливо отметил, что «словарь языка свидетельствует, о чём думают люди, а грамматика – как они думают». Мышление и речь как две взаимосвязанные категории свидетельствуют об уровне образованности и культуры человека. С одной стороны, наличие структуры, связанности и однородности содержания текста становится возможным благодаря семантике, объединяющей компоненты текста. Между тем, реализация семантических связей элементов текста происходит за счёт правильного использования синтаксических средств. Другими словами, изменения грамматических моделей текста приводит к изменению смысловых и стилистических связей. Вслед за основателем системно-функциональной лингвистики М. А. К. Халлидеем, мы считаем, что для связанности текста важна и форма, и значение, а также способы выражения.

Данное переплетение и взаимоусиление лексики и грамматики можно проследить на примерах отобранных заметок конца XIX – начала XX вв. В результате лингвостилистического анализа текстов можно сделать некоторые обобщения, выделив ряд характерных особенностей. Приведём лишь некоторые примеры:

1. Повествование от первого лица, в то время как в современном научном стиле преобладает безличность выражения:

«Как я сказал выше, пещера встречает путешественника во льде и снеге, <...>» (Фёдоров 1883: 8); *«В виду интереса, представляемого известняками оз. Колтубана, я воспользовался представившимся мне прошлым летом случаем посетить Колтубан, имея целью выяснить горизонты названных известняков и собрать возможно полную коллекцию ископаемых из различных отделов этих отложений»* (Назаров 1886: 2); *«Мне приходилось искать себе службу на каком-либо руднике или прииске, подобно 36 товарищам по выпуску 1886 г., избравшим своей специальностью не геологию, а горное дело»* (Обручев 1953: 6);

2. Речевая избыточность, использование полносоставных усложнённых синтаксических конструкций:

«Я, конечно, постарался воспользоваться ими, чтобы познакомиться поближе со свойствами пещерной почвы; впрочем, уже из изложенного выше ясно, что нельзя было ожидать в этой почве ничего иного кроме продуктов разрушения потолка и стен, и что глубина этого слоя должна быть велика, хотя-бы уже потому, что простыя неровности этого слоя на поверхности, достигают нескольких сажень по вертикальному направлению» (Фёдоров 1883: 12);

3. Использование терминологии, цитат, имён авторов на иностранном языке без перевода на русский язык. Данный факт свидетельствует о высоком культурном уровне и эрудиции тандема «автор-читатель».

4. Отступления автора от научного изложения, включение в текст описания быта и жизни исследователя:

«Мой почтенный дедушка, Андрей Григорьевич Пиликин, отличающийся редкой наблюдательностью» (Там же: 5); *«Считаю долгом выразить в конце своего маленького труда искреннюю благодарность И. В. Мушкетову, с величайшей готовностью дававшему мне литературные указания и взявшему на себя труд просмотра изложенного в рукописи»* (Там же: 25);

5. Вовлечение адресата в процесс исследования:

«Проползили несколько шагов в постепенно расширяющейся щели, мы вступаем в обледенелый грот, из которого, снова проползили по тесным и низким коридорам, мы проходим через ряд других гротов, зал или камер, промерзших и покрытых густым слоем снега и льда» (Там же: 7).

Динамику изложению придают глаголы перемещения в пространстве (вступаем, проходим), с которыми употребляется форма 1-го лица множественного числа. Использование формы местоимения «мы» подразумевает ментальную деятельность: рассмотрим, проанализируем.

6. Афористичность

В заметке И. В. Мушкетова «О нефрите и жадеите с Восточного Памира»: *мы умирали от жажды, двигаясь черепашиным шагом, самые варварские понуждения, громадные глыбы нефрита, «нефрит оказался настолько твёрдым, что я не мог отбить от него ни кусочка», «геологический молоток крошился как стекло».*

По выявленным лексико-грамматическим и стиливым особенностям научных заметок конца XIX – начала XX вв. можно выявить элементы сближения структуры заметок со структурой художественного текста.

Литература

1. Лаптева О. А. Внутрителивая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
2. Мушкетов И. В. Заметка о нефрите и жадеите с Восточного Памира. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1889.
3. Назаров П. С. Заметка о девонских отложениях оз. Колтубана в Южном Урале. СПб.: тип. А. Якобсона, 1886.
4. Обручев В. А. Заметки сибирского геолога // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 2. М., 1953.
5. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1995. Вып. 8.
6. Сорокин Ю. С. Язык науки и литературный язык // Художественное и научное творчество. Л., 1972. С. 178-193.
7. Степанов А.В. Проблемы стиля научно-популярной литературы // Вопросы стилистики. М., 1966. С. 83–87.
8. Фёдоров Е. С. Заметка о Кунгурских пещерах. СПб.: тип. им. Акад. Наук, 1883.
9. Halliday M. A. K. On Grammar. Volume 1 in the Collected Works of M.A.K. Halliday / Edited by Jonathan J. Webster. London; N.-Y.: Continuum, 2005. P. 442.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ ВОСПОМИНАНИЯ

О. П. Кормазина

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена выявлению особенностей репрезентации оценочной модальности как инвариантного признака речевого жанра воспоминания. Анализируется специфика выражения трёх основных компонентов оценочной модальности: субъекта, объекта оценки и оценочного отношения.*

***Ключевые слова:** речевой жанр, воспоминание, оценочная модальность, инвариант.*

FEATURES OF THE EVALUATIVE MODALITY IMPLEMENTATION IN THE SPEECH GENRE “RECOLLECTION”

O. P. Kormazina

Far East Federal University
Vladivostok, Russia

***Abstract.** The article deals with the specificity of the evaluative modality implementation as the invariant feature of the speech genre “Recollection”. The specific characteristics of the three main evaluative modality components are analyzed: the subject, the object of evaluation and the evaluation relation.*

***Key words:** speech genre, recollection, evaluative modality, invariant.*

Во всём многообразии жанров разговорной речи воспоминание занимает одно из центральных мест в силу несомненной значимости образов и событий прошлого для русской языковой картины мира. Этим объясняется заметный интерес лингвистов к разноаспектным исследованиям данного речевого жанра. Давнюю традицию имеет изучение жанра воспоминания на материале диалектной речи (Демешкина 2000; Гынгазова 2001; Волошина 2008; Лагута 2005; Мызникова 2014). В рамках коллоквиалистики обращает на себя внимание подход, предполагающий рассмотрение жанра воспоминания с позиции его принадлежности к определённому коммуникативному событию, например праздничному застолью (Бородина 2015), частной непринуждённой беседе и т.д. В качестве особого коммуникативного события в данном случае можно выделить разговор с исследователем (часто – лингвистом), собирающим в ходе непосредственного общения с информантом необходимый ему материал (Кормазина 2016б). Соответственно, отнесённость жанра воспоминания как к сфере актуальной, так и непринуждённой коммуникации позволяет говорить о его очевидной вариативности и, как следствие, требует выделения основных инвариантных признаков, характеризующих данный жанр во всех формах его реализации. В числе таких признаков, определяющих инвариант жанра воспоминания, мы в первую очередь выделяем нарративность, полипропозитивность, особую «текстовую эгоцентричность» (Кормазина 2016а). Кроме того, поскольку сама природа разговорной речи обуславливает её особую эмоциональность и экспрессивность, к данному перечню относится и специфика репрезентации в текстах воспоминаний оценочной модальности. На основании этого мы ставим целью рассмотреть основные формы и средства реализации оценки в речевом жанре воспоминания, используя в качестве материала записи речи жителей Приморского края, сделанные в период с 2012 по 2022 гг., в различных ситуациях неофициального общения.

Оценочность традиционно рассматривается исследователями в качестве особой модальной категории. Так, по определению Е. М. Вольф, оценка представляет собой «один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» (Вольф 2002: 11).

Н. Д. Арутюнова выделяет эмотивный план модуса (модус эмоционального состояния и отношения), выражающий оценку содержания высказывания с позиции говорящего (Арутюнова 1988). Оценочность в качестве квалификативной модусной категории, семантика которой «сводится к выражению авторского позитивного или негативного отношения к диктумному содержанию в целом или к какому-то из его элементов», определяет и Т. В. Шмелёва (Шмелёва 1994: 34).

Как отмечает Е. М. Вольф, «в основе оценочной модальности лежит формула ArB , где A представляет собой субъект оценки, B – её объект, а r – оценочное отношение, которое имеет значение “хорошо/плохо”» (Вольф 2002: 12). Все три названных компонента представляются нам значимыми для выявления особенностей репрезентации оценочной модальности в жанре воспоминания.

Первый компонент – **субъект оценки** – приводит нас к вопросу о специфике проявления в текстах воспоминаний модусной категории авторизации, предполагающей различие в излагаемой информации своего и чужого. В этом контексте для исследуемого жанра принципиальной оказывается дифференциация таких понятий, как «автор» и «говорящий». В соответствии с этим в воспоминании следует разграничивать две нарративные линии: говорящего, являющегося рассказчиком, непосредственно участвующим в коммуникативном событии, и автора – того, чьи воспоминания являются диктумной основой повествования. Названные линии могут совпадать, если автором воспоминания является сам говорящий, но могут и дифференцироваться, если говорящий не является автором воспоминания, а лишь пересказывает чьё-то повествование. Сказанное позволяет выделить два основных модусных варианта исследуемого жанра: 1) собственные воспоминания и 2) чужие воспоминания. Основываясь на данном противопоставлении, мы можем увидеть, что в роли субъекта оценки в собственных воспоминаниях обычно выступает сам говорящий (***Я помню она приезжала/ маленькая была// Такая была шумная девочка//; Учителей всех хорошо помню// Ксения Петровна.../ Моя любимая учительница//***), тогда как в чужих воспоминаниях эта роль отводится их непосредственному автору (***Мама говорила шо он был очень красивый мужчина//; По словам отца Иннокентия/ говорит была очень красивая/ красавица была//***).

Если в качестве субъекта оценки в исследуемом жанре обычно выступает автор воспоминания, то **объект оценки** оказывается представлен гораздо большим количеством разновидностей. Особое место среди них занимает оценка воспоминания в целом, например: (*о собаке*) ***Это самое светлое воспоминание/ Малыш//; Вообще на самом деле со временем всё плохое обычно забывается/ почему в данной истории всё плохое запомнилось/ это интересно//***. Кроме того, объектом оценки в жанре воспоминания может являться определённое событие из прошлого (*На «Сильных людях»/ у нас/ мы ходили в поход на Пидан// Это было ужасно//*), ситуация, возникшая в процессе данного события (*У меня в отряде в основном шли девочки/ было смешно когда мы открыли сумки а у нас только косметички/ никакого снаряжения//*), а также какой-либо предмет или место (*Все прям хвалили/ такой у тебя красивый нетбук//; Бабушка лепила вареники/ вареники с творогом/ толстючие прям такие/ вку-у-усные!; Там дальше за сопками.../ красовалась красивая скала/ мы туда и детьми бежали/ бежали туда/ гулять/ высоченная скала под небеса//*). Одним из ключевых объектов оценки в воспоминаниях являются люди – как отдельные личности, вызывающие у рассказчика симпатию или антипатию (*Но командир оказался/ настолько умница там.../ Саша/ хороший мужик//; Он такой же был доставучий//*), так и «группы лиц» – целые семьи или некоторые их члены, односельчане, друзья, коллеги и т.п. (*Ну вот эти Ли-Су-Лины были с нами/ очень хорошие//; Такие люди были дружные/ хорошие были люди//; Мужчины/ это Боря и Петя/ все прекрасны мужья были//*).

Типичным для оценочных высказываний в жанре воспоминания является совмещение субъекта и объекта оценки, то есть проявление самооценки. Лингвисты, рассматривающие жанровую специфику воспоминаний на материале речи диалектоносителей, отмечают, что характер высказываний эксплицитной самооценки в таком случае определяется внутренними установками автора: не быть нескромным, не хвастаться, не выставлять себя в слишком выгодном свете, не преувеличивать, стремиться к объективности, не нарушать принятых норм поведения (Гынгазова 1998: 44). По этой причине для исследуемого нами жанра в большей степени характерна негативная самооценка с оттенком

самоиронии: *В каждую дырку я была затычка// Очень любопытная была//; Я хулиганкой была в детстве/ я пацанкой была// Была оторва ещё та//*. При этом отдельно можно отметить случаи, когда воспоминания становятся основой для выражения самооценки их автора в настоящем: *Она [бабушка] всегда.../ угощала/ кормила.../ Вот это наверно у нас от неё перешло/ **мы все тоже гостеприимные/ и мама и я//***.

Наконец, репрезентация **оценочного отношения** осуществляется за счёт комплекса языковых средств, формирующих оценочную модальность высказываний в текстах воспоминаний. Основным средством выражения оценки является лексика, характеризующаяся различной частеречной принадлежностью; в первую очередь, это прилагательные и слова категории состояния. Важно отметить, что в исследуемом жанре обнаруживаются как общеоценочные, так и частнооценочные высказывания. Первые реализуются посредством прилагательных, и предикативных наречий *хороший/плохой, хорошо/плохо*, а также их синонимов различных стилистических и экспрессивных оттенков, например: *Хозяйство наше развивалось/ было очень **хорошим//**; **Хороший** папа был//; [В молодости] было конечно **хорошо//**; Я когда уехала/ ой/ мне так было **плохо//**; Я вот помню тем летом.../ **мы классно** на море съездили//*. В свою очередь, частнооценочные высказывания содержат единицы, имеющие в своём значении коннотативные оценочные семы, например: *Ой я помню как мы ездили на Штыковские пруды и ваш папа рассказывал в машине **интересные** истории тоже//; **Некрасивая** тётка Катя была/ ой **некрасивая//**; Мама была **очень чистоплотная//**; Она сильно была **трусливая//***.

Кроме прилагательных и предикативных наречий, функцию средств выражения оценки в жанре воспоминания выполняют глаголы оценочного отношения *любить, нравиться, ненавидеть* и др. (*Он мне сразу **не понравился//**; И вот мы ходили с ней в Русский музей/ ну **очень понравилось//**; Ох мы **любили** эту игру//; (про своё поведение в детстве) Папа **ненавидел** это//*), а также существительные, обозначающие сам объект оценки (*Все уговорили шо Демьян/ Золотко фамилия/ **пройдоха//**; Я была **оторва ещё та//**; Бабушка **красавица** была//*). Субъективность говорящего по отношению к содержанию высказывания в исследуемом жанре часто передаётся и за счёт использования различных образных средств, среди которых наиболее употребительными являются метафоры (*И нас послали к такой **курице//**; По крайней мере [в местах] где я была/ мне вообще кажется/ такой **колхоз//***) и сравнения, в том числе устойчивые (*Я была **здоровая/ извините/ как бык//**; Дед Василь взял/ **толстющую-претолстющую как от та печка/ лениву/ баба Марья//**; Она [учительница] была **как та Баба Яга//***).

Лексические средства выражения оценочной модальности нередко дополняются и акцентируются с помощью средств фонетических, в частности особой интонационной оформленности высказывания. Например:

*(из воспоминания об односельчанине, которого подозревали в службе у немцев в годы войны) А потом приехал Фёдор Тимофееч/ тоже с плена/ м-м-м/ (говорит медленно, делая акцент на каждом слове) **белый/ раскормленный/ раскáханный/ ага/ красивый/ причёска.../ Это/ это вообще//** (делает паузу) **Расхо-о-оленный/ такой//***

Описывая «благополучный» внешний вид героя воспоминания, рассказчица выражает своё негативное отношение к нему именно посредством особой интонации, растягивая и выделяя голосом каждое из данных ею определений.

На текстовом уровне можно проследить ещё одну значимую особенность репрезентации оценочной модальности в жанре воспоминания – совмещение и противопоставление двух временных планов: прошлого и настоящего, «раньше» и «теперь». Такое противопоставление, по нашим наблюдениям, в целом характерно для представителей старшего поколения: временной план «раньше» при этом имеет положительную оценку, «теперь» – отрицательную. В качестве объекта оценки в данном случае могут выступать различные бытовые предметы, явления окружающей природы, уклад жизни и т.п., например:

*А чай/ такой **ароматный был/ ёлки зелёные/ вот то как чай заварят/ ёлки зелёные/ заходи/ в любую хату/ как будто хороших духов или оди.../ одеколona какого/ запах/ а щас это чё/ вот/ заварка/ а никакого запаха// Абсолютно//***

Выкошено было всё/ вот как ты сейчас идёшь/ кружком трава кружком заросли/ а тогда всё было кружком чистота/ порядок/ красиво/ вот/ не было вот этих разных/ вот/ мусоров/ разных пластмассовых бутылок мы их в глаза не видели/ не было вот этих/ эти вот мешочки целлофановы/ ничё/ кружком была чистота//

Для воспоминаний пожилых людей характерной оказывается также возможность совмещения отрицательной оценки содержания высказывания и общего положительного вывода:

Помню одевались/ пацаны все в ба́тьковых старых телогрейках/ драных/ но всё равно мы были счастливые советские дети//

Вот такое было наше детство/ ободранное/ но мы действительно были счастливы/ были счастливые//

Очень тяжёлое время было/ очень/ шас вот подумаешь/ как тяжело жили/ боже мой/ но не считали что это тяжело// Никто не обижался/ никто не жаловался/ считали что это в порядке вещей/ то война/ то после войны не лучше было/ чем в войну// <...> Самые лучшие времена были/ была юность/ была молодость//

Отрицательная оценка, которая в данных примерах даётся определённым фактам из прошлого, сохранившимся в памяти (*в старых телогрейках/ драных*), или жизни в целом (*ободранное детство; тяжело жили*), оказывается гораздо менее значимой, чем личное восприятие собственного счастья (*но всё равно мы были счастливые советские дети; но мы действительно были счастливы; самые лучшие времена были/ была юность/ была молодость*).

Таким образом, подводя итог сказанному, можно заключить, что специфика оценочной модальности в жанре воспоминания прослеживается в репрезентации каждого из трёх её ключевых компонентов – субъекта и объекта оценки, а также оценочного отношения. Это подтверждает необходимость отнесения особой оценочной модальности к числу инвариантных признаков исследуемого жанра, поскольку именно она демонстрирует важнейшую особенность воспоминания – вовлечённость в сферу личных эмоциональных переживаний, без которой реализация этого жанра не представляется возможной.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Бородина И. В. Реализация речевого жанра воспоминания во время юбилеев работников образования // Педагогическое образование в России. 2015. № 1. С. 155–158.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
4. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 190 с.
5. Волошина С. В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.
6. Гынгазова Л. Г. Жанр оценки в языке личности // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 40–48.
7. Гынгазова Л. Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики: материалы Всероссийской научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века», Кемерово, 1–3 декабря 1997 г. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 167–174.
8. Кормазина О. П. Воспоминание как жанр разговорной речи (на материале речи дальневосточников): дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2016а. 249 с.
9. Кормазина О. П. Коммуникативное событие «разговор с собирателем»: к вопросу о методах полевых исследований // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР: материалы международного форума, Владивосток, 12–17 октября 2015 г. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016б. С. 62–65.

10. Лагута Н. В. О речевом жанре воспоминания (на материале русских говоров Приамурья) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: АмГУ, 2005. Вып. 3. С. 86–101.
11. Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 66–72.
12. Шмелёва Т. В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1994. 47 с.

УДК 811.161.1

СВЯЗКА «СУТЬ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ XVIII СТОЛЕТИЯ

Н. В. Патроева

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>

Аннотация. *Статья посвящена функционированию связки **суть** в поэтических текстах XVIII века. Приводятся статистические данные, основанные на материалах «Национального корпуса языка», связанные с функционированием формы **суть**. Отмечается малая употребительность данной связки в указанном периоде, выявляется ее использование в качестве ритмо-метрического средства. Подтверждены выводы, связанные с существенным сокращением архаичных форм.*

Ключевые слова: *связка, поэтическая речь, поэтический синтаксис.*

LINK-VERB «СУТЬ» IN POETIC SPEECH OF THE 18TH CENTURY

N. V. Patroeva

Petrozavodsk State University

Petrozavodsk, Russia

Abstract. *The article is devoted to the functioning of the link-verb «суть» in the poetic texts of the 18th century. Statistical data based on the materials of the "National Corpus of Language" related to the functioning of the link-verb «суть» are given. The low usage of this link-verb in the specified period is noted, its use as a rhythmic and metric means is revealed. Confirmed the conclusions associated with a significant reduction in archaic forms.*

Key words: *link-verb, poetic speech, poetic syntax.*

Историки русского синтаксиса уже многое сделали для выяснения не только тенденций, связанных с постепенным снижением активности употребления глагола *быть* в формах презенса (вспомним труды Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, В. И. Борковского, Я. А. Спринчака, П. С. Кузнецова, Т. П. Ломтева и др.), но и особенности грамматического и стилистического использования парадигмы настоящего времени бытийного глагола и омонимичной ему отвлеченной связки. Так, Л. А. Булаховский характеризует использование *есть* и *суть* как «синтаксическую особенность, типичную для XVIII века и вошедшую в литературный язык под влиянием образцов старославянских» (Булаховский 1954: 297). По наблюдениям Л. А. Булаховского, «форма 3-го л. мн. ч. *суть* может

считаться живою только в древнейших памятниках русского языка», более поздние примеры использования сугубо книжной формы *суть* часто оказываются грамматически неправильными, с постановкой при субъекте в форме ед. ч. (Булаховский 1958: 216).

Д. В. Руднев, посвятивший целый ряд своих исследований анализу становления полузнаменательных связей в русском языке XVI–XVII веков, констатирует, что «отсутствие работ, в которых описывались связи в отдельные периоды русского языка, не позволяет проследить становление связочных глаголов как системы» (Руднев 2012: 300). Одним из редких исключений являются работы Г. Н. Акимовой (Акимова 2012: 27–44), изучавшей значения и синтагматику связочных средств в ломоносовском наследии и констатировавшей на основе своих наблюдений активное использование связки *есть* в научной прозе XVIII в. под влиянием не только латинского, но и церковнославянского языка: по образцам книжных памятников прошлого совершалось формирование «метафизического» слога. Блестящие примеры прояснения судьбы связки *быть* на материале поэтической речи XX века находим также в работах Л. В. Зубовой (Зубова 1989: 205–240; Зубова 1996: 109–117; Зубова 2015: 5–20).

Представляется интересным также сравнить рекомендации, даваемые в грамматических трактатах XVIII – начала XIX в. относительно употребления форм настоящего времени бытийного глагола и омонимичной ему отвлеченной связки, с реальной речевой практикой того же времени. Поскольку основными жанрами художественной словесности в тот период были стихотворные, то задачей данной статьи является анализ функционирования формы *суть* в русской поэтической речи на материале источников XVIII столетия – периода формирования новых общелитературных норм.

На неупотребительность форм настоящего времени глагола *быть* в живой русской речи указывали авторы грамматик XVIII начала XIX в. Так, В. Е. Адо(а)дуров в своих написанных по-немецки правилах русской грамматики издания 1731 г. («Anfangs-Gründe der Russischen Sprache») по поводу использования форм глагола *быть* замечает: «... далее приведены две парадигмы, первая *бытийного глагола (Verbo Substantiuo) я есмь (ich bin)*, а вторая глагола *я имею (ich habe)*. Их еще называют *вспомогательными глаголами (Verba Auxiliaria)*: несмотря на то что говорить о них применительно к спряжениям в русском языке не нужно, поскольку, как уже было сказано, они используются при образовании будущего времени, то их следует иметь в виду» (Адодуров 2014: 165), – не уточняя далее, зачем «следует» читателю грамматики русского языка «иметь в виду» эти формы. Далее приводится сама парадигма: *я есмь, ты еси, он есть, мы есмы, вы есте, они суть* и пр. Вероятно, Василий Адодуров здесь намекает на архаический характер данных форм: не случайно в разделе «О синтаксисе» хотя и говорится о глаголе *есмы*, но приводятся формы прошедшего и будущего времени: «Глагол **Есмь (ich bin)** и его *производные (Derivata)* требуют постоянного использования перед ними *именительного надежа*, а после себя либо *именительного*, либо *творительного надежа: онъ будетъ Архїереемъ (er wird ein Bischof werden), Ево отецъ былъ человекъ учоной (sein Vater war ein gelehrter Mann)*» (Адодуров 2014: 183).

М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» 1755 г. уже прямо и уверенно заявляет, что формы *есмы, еси, есмы, есте* «неупотребительны» (Ломоносов 1952: 500), «глаголь *есть* свойственно в российском языке разумеется и редко явственно изображается, особливо в обыкновенном штиле и в разговорах...» (Там же: 564), а *суть* не в живой речи, а «в письме только употребляется» (Там же: 500).

Горячий сторонник и талантливый продолжатель ломоносовских идей А. А. Барсов, которого своим наставником в грамматике считал, например, Н. М. Карамзин, дает уже гораздо более пространственный комментарий, касающийся употребления форм глагола *быть* в современной грамматисту речи: «... изъ всѣхъ лицъ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія глагола существительнаго *Есмь*, въ российскомъ языкѣ употребительно только третіе Единственное *есть*, и нѣсколько еще множественное *суть*; и то развѣ въ ученомъ содержаніи, или въ высокомъ слогаѣ... Въ обыкновенныхъ же разговорахъ, письмахъ и сочиненіяхъ, по наибольшей части ихъ пропускають... *Еси* же, *есмы есте*, принадлежать единственно къ славенскому языку, а въ российскомъ совѣмъ не употребительны...» (Российская грамматика 1981: 154, 551).

А. Х. Востоков в «Русской грамматике» рассуждает в духе ломоносовских и барсовских рекомендаций: «3. Когда же сказуемое есть *глаголь составной*, тогда связью служить вспомогательный глаголь *есть, суть, былъ, будетъ*, и пр., напр. Праздность *есть* порокъ. Ученикъ *былъ* прилѣженъ. Учитель *будетъ* доволенъ. 4. Глаголь вспомогательный настоящего времени *есть, суть*, при именахъ прилагательныхъ и причастияхъ, а иногда и при существительныхъ въ сказуемомъ опускается...» (Русская грамматика 1831: 223). Таким образом, А. Х. Востоков отмечает, что связка в форме настоящего времени, как правило, элиминируется даже и в третьем лице, особенно часто при прилагательных и причастиях в составе предиката, однако в своих стихотворных опытах прибегает к использованию подобных форм с целью не только версификационной, но и стилистической (приведем только два примера из стихотворных опытов А. Х. Востокова – здесь и далее стихотворные иллюстрации приводятся по материалам поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ): <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>): *Вы гои есте, Кто баяну Певисладу друг!* (НКРЯ «Певислад и Зора», 1802 г.); *Как мир физический живет движеньем, Моральный мир живет к добру влеченьем, И в боге обою соединены суть* (НКРЯ «Бог в нравственном мире» 1807 г.) – всего в 58 произведениях Востокова, вошедших в поэтический подкорпус НКРЯ, зафиксировано 15 репрезентаций связки *быть* в формах *есте, есть, суть*).

Форма *суть* по результатам поиска в поэтическом подкорпусе «Национального корпуса русского языка» обнаружена в 123 стихотворных произведениях, созданных в 1715-1805 годах и вошедших в НКРЯ (всего 201 вхождение, проверенное на предмет снятия омонимии с существительным *суть*, первое использование которого в поэзии зафиксировано в макаронической поэме И. Мятлева 1840 г.), – см. *Рис. 1*, или в среднем 0,066 репрезентаций на 1 документ из 3018 входящих в НКРЯ стихотворных произведений данного периода.

Рис. 1 Частотность формы *суть* в русской поэзии XVIII в.

Из 201 репрезентации формы *суть* десятая часть приходится на полнозначный экзистенциальный глагол, например: *...для вас суть храм священныя дубравы...* (НКРЯ, Н. М. Карамзин. «Гимн», 1789); *Премудрости Твоей суть бездны, Полна земля Твоих чудес!* (НКРЯ, Г. Р. Державин. Величество Божие», 1789).

При отвлеченной связке 3 л. мн. ч. именная часть выражена:

– именительным падежом существительного (более 60 репрезентаций): *Для возлюбивших правду глаз Лишь добродетели прекрасны, Оне суть смертных похвала* (НКРЯ, Г.Р. Державин. «Вельможа», 1794);

– формой творительного падежа существительного (7 примеров): *Затем-то видим мы, что мелочи умов, Каков Гораций был, суть прелестью веков...* (НКРЯ, М. Н. Муравьев. «Послание о легком стихотворении», 1783); *Останься ты в полях, в местах спокойных тех, Что суть жилищами*

блаженных смертных всех Дней чистых, сколь душа твоя, ничто не тмит (НКРЯ, И. И. Хемницер. «Письмо Барнвелля к Труману из темницы. Героида», 1774);

– иными косвенно-падежными формами существительного (6 употреблений): *Премногие клянут любви ее отказы, И инным суть ее в мучение заразы* (НКРЯ, Ф.Я. Козельский. «Размышление IV. О зависти», 1778); *Пещеры темны все, и все суть разных мер* (НКРЯ, Ф. И. Дмитриев-Мамонов. «Песнь VII»: «Ад – темные места, жилище сил подземных...», 1771);

– краткой формой имени прилагательного или причастия (наиболее распространенный способ выражения присвязочной части – 70 репрезентаций): *Велики суть дела Петровы...* (НКРЯ, М. В. Ломоносов. «Ода на рождение его императорского высочества государя великого князя Павла Петровича сентября 20 1754 года», 1754); *Все государи, всегда которы преспеючи были, Суть невесьма за тем своего блаженства достойны...* (НКРЯ, В. К. Третьяковский. «Все государи, всегда которы преспеючи были...» [Из «Тилемахиды»], 1766); *...коль чудны И благи суть твои пути!* (НКРЯ, Г. Р. Державин. «Провидение», 1794); полная форма имени прилагательного или причастия в Им. п. представлена только одним контекстом из А. Кантемира: *В слезах горьких томися – времена суть злая* (НКРЯ, А. Д. Кантемир. «Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, императора всероссийского», 1730);

– усеченной формой прилагательного или причастия (6 примеров): *Величия царей суть оными затменны...* (НКРЯ, А. И. Бухарский. «Подражание овидиевой элегии противу завистников и на продолжительную славу стихотворцев», 1792); *И помните, что всех глаза суть устремленны На ваши перемены* (НКРЯ, М. Н. Муравьев. «Пес»: «Был Пес...», 1773);

– формой компаратива или суперлатива (6 примеров): *Громчай суть нынешни победы...* (НКРЯ, Г. Р. Державин. «На взятие Измаила», 1790–1791); *Вещала им: Никто не буди впредь пчела, Когда не лучше суть других ее дела* (НКРЯ, М. Н. Муравьев. «Раздор в улье», 1775);

– местоимением в начальной форме (6 репрезентаций): *Токмо чрез-добрых одних, он коим вверится прямо, Может познать, чего собою не познавает, Суть каковы в себе другие оны особы* (НКРЯ, В. К. Третьяковский. «Должно людей примечать прилежно, да оных познаешь...» [Из «Тилемахиды»], 1766); *Мира Содетель, Святость и прочность Царства суть чьи!* (НКРЯ, Г. Р. Державин. «На кончину великой княжны Ольги Павловны», 1795–1795); *Предмет его суть мы, не я* (НКРЯ, А. Н. Радищев. «Вольность», 1781–1783); в том числе в составе лексикализованного сочетания: *Четыре времена, в временах ежегодных, Ничто иное суть, как в разных видах бог* (НКРЯ, Н. М. Карамзин. «Гимн», 1789).

В «Феоптии» В. К. Третьяковского присутствует сопряжение двух форм – ед. и мн. ч., так что одна из связей при этом (*суть*) функционально сближается с частицей *это* или *вот*, хотя далее следует контекст с повтором *суть* при Тв. п. имени: *Действом ныне вещи суть есть и пребывают, Но что действием суть теперь, то предполагают Нечто бывшие прежде от превечности всея...* (НКРЯ, В. К. Третьяковский. «Феоптия», 1750–1754).

Не зафиксировано употребление связки *суть* в составе сложного прошедшего времени.

Презенс от *быть* используется поэтами грамматически правильно и сопровождает в качестве связки или полнозначного экзистенциального глагола подлежащие-субъекты, выраженные местоимениями и существительными в формах множественного числа.

Суть не участвует, за исключением стихов из «Вешнего тепла» (*Ручьи на пажитях растущих Ничем не обузданы суть...*) и «Феоптии» (*Мощь, премудрость, милость вышнему препоной суть...*) В. Третьяковского, из басни «Соловей и Жаворонок» М. Н. Муравьева (*Певцы!.. Немного вам годов благоприятны суть*), перевода Горациевой сатиры И. Барковым (*...в лево тот, сей в право идет в путь, Но оба таковым разсудком слабы суть...*) и в «Горелках» Державина (*На поприще сей жизни склизком Все люди бегатели суть...*) в рифмообразовании, занимая позиции середины стиха и – очень редко – начальной стопы (в основном такие примеры отмечены в силлабических произведениях Кантемира, Третьяковского), однако оказывается полезным помощником поэту в процессе верси-

фикации, часто способствуя созданию безударного слога после икта в структуре хорей, ямба, дактиля в силлабо-тонической схеме либо занимая сильную ударную позицию, то же – в силлабике

Связка суть часто оказывается удобным ритмо-метрическим средством, связывающим субъект характеристики-подлежащее с метафорой, прозопеей или эпитетом в позиции предиката, «готовящим» читателя к появлению яркого тропа (и к концу столетия репертуар присоединяемых вспомогательным глаголом тропов становится все более разнообразным): *Случайны вкусы все **суть ломки** И не дойдут они в потомки* (НКРЯ, В. И. Майков. «Ода о вкусе Александру Петровичу Сумарокову», 1776); *...здесьних стран плоды **суть сладки**...* (НКРЯ, В. П. Петров. «На сочинение нового уложения», 1767–1782); *Друзья Герои человеков, **Суть соль земли, во мраке звезды**...* (НКРЯ, Г. Р. Державин. «Памятник герою», 1791); *Талант, достоинства, заслуги **Любимцы суть его и други**...* (НКРЯ, И. И. Дмитриев. «Стихи его императорскому величеству Павлу Первому при восшествии на всероссийский престол», 1796); *Слова его **суть правды стрелы, А щит – отечества пределы, Убежище его – весь свет**...* (НКРЯ, Н. А. Львов. «Державину», 1790–1795).

Связки в формах настоящего времени используются поэтами по преимуществу в «высоких» жанрах оды, героической поэмы, героиды (примеры использования *суть* и в эпистоле, сатире, басне редки), что подчеркивает, с одной стороны, стремление сохранить преемственность традиций церковной литературы и светской словесности, с другой – релевантные для классицистической поэзии процессы стилистической дифференциации различных жанров:

Выявленная в процессе исследования «грамматики поэзии» XVIII столетия частотность использования формы глагола *суть* подтверждает отмеченную уже историками русского синтаксиса для литературной речи тенденцию к совершавшемуся на протяжении Нового времени сокращению использования формы *суть*, практически утраченной еще в старорусский период в живом устном употреблении. Пушкинская эпоха демонстрирует значительное сокращение архаичных связочных форм в связи с усилившимся процессом демократизации русской литературной речи.

Литература

1. Адодуров Е. В. «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» или «Первые основания русского языка». СПб.: Наука; Нестор-История 2014. 256 с.
2. Акимова Г. Н. Очерки по синтаксису языка М. В. Ломоносова // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: очерки / Отв. ред. С. В. Вяткина, Д. В. Руднев. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 27–44. ВСЕГО: С. 13–290.
3. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Радянська школа, 1958. 488 с.
4. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. Москва: Учпедгиз, 1954. 468 с.
5. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 264 с.
6. Зубова Л. В. Форма *суть* в поэзии Иосифа Бродского // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1996. Bd. 37. S. 109–117.
7. Зубова Л. В. Форма *суть* в поэтическом языке Иосифа Бродского // Зубова Л. Поэтический язык Иосифа Бродского: Статьи. СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2015. С. 5–20.
8. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т 7. Труды по филологии. 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–583.
9. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html>
10. «Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 776 с.

11. Руднев Д. В. Система связочных глаголов в русском языке XVIII века // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: очерки / Отв. ред. С. В. Вяткина, Д. В. Руднев. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 300–313.

12. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб.: В Типографии И. Глазунова, 1831. 408 с.

УДК 81.36, 81.42

**ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В АСПЕКТЕ МОНО-
И МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)**

Е. Б. Рябых, Л. В. Бабина

*Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
Тамбов, Россия*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина
(проект № 20-18-00372)*

***Аннотация.** В статье рассматривается интерпретирующий потенциал грамматической метафоры в аспекте моно- и мультимодальности на примере поэтического дискурса. Устанавливается, что грамматическая метафора возникает как результат сознательного поиска оптимального решения на основе знания грамматики в процессе метафорической интерпретации мира и чаще непосредственно соотносится с лексически поддерживаемым образом. Возможности грамматической метафоры ограничены в связи с тем, что модели варьирования в данном случае не многочисленны. Считаем, что возможно говорить о наличии индивидуально-авторской специфики в выборе способов подобного рода метафоризации.*

***Ключевые слова:** интерпретирующий потенциал, грамматическая метафора, моно- и мультимодальность, поэтический дискурс*

**THE INTERPRETIVE POTENTIAL OF GRAMMATICAL METAPHOR
IN THE ASPECT OF MONO- AND MULTIMODALITY
(ON THE EXAMPLE OF POETIC DISCOURSE)**

E. B. Riabykh, L. V. Babina

*Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia*

***Abstract.** The article examines the interpretive potential of grammatical metaphor in the aspect of mono- and multimodality on the example of poetic discourse. It is established that a grammatical metaphor arises as a result of a conscious search for an optimal solution based on knowledge of grammar in the process of metaphorical interpretation of the world and is more often directly correlated with a lexically supported image. The possibilities of grammatical metaphor are limited due to the fact that the variation models*

in this case are not numerous. We believe that it is possible to talk about the presence of individual author's specifics in the choice of methods of this kind of metaphorization.

Key words: *interpretive potential, grammatical metaphor, mono- and multimodality, poetic discourse.*

Метафора в когнитивной лингвистике понимается как отображение между двумя концептуальными областями, где свойства из одной области (источника) переносятся в другую область (мишень), при этом основная нагрузка метафорического моделирования целевой области ложится на исходную область, что чаще основано на общности эмпирического опыта, разделяемого большей частью людей. Эмпирический опыт напрямую связан с мотивацией и теорией воплощённого познания, предполагающей, что когнитивные процессы необходимо рассматривать в их непосредственной взаимосвязи с физическим телом, взаимодействующим с окружающей средой (см., например, Johnson 1997). Основываясь на данной теории, можно утверждать, что между чувственно-моторным опытом, поведенческими и эмоциональными реакциями, сознательным / бессознательным процессом принятия решений наличествует сложная взаимосвязь. Основные положения теории базируются на укорененности познания, происходящего под воздействием внешних раздражителей и внутренней мотивации, а также в условиях дефицита времени, в среде. Таким образом, познание необходимо рассматривать с учетом его обусловленности ситуативным контекстом, телесными механизмами функционирования, законами физического мира и взаимодействия с социокультурным, религиозным, историческим, политическим и рядом других контекстов. Выдвигается предположение, что познание при возможной оторванности от окружающей среды (например, при работе воображения), тем не менее также основано на идентичных механизмах переработки информации. Взаимосвязь между перечисленными выше контекстами и метафорой в последнее время привлекает больше внимания со стороны ряда ученых в области когнитивной лингвистики (см., например, Kövecses 2018, Riabukh 2020 и др.).

Одной из основополагающих причин обращения к понятию дискурса в процессе рассмотрения поэтических текстов является попытка их изучения как некоторой мотивированной структуры, реализующейся как результат социокультурных, религиозных, исторических, политических и прочих процессов, а также накопленных знаний, пропущенных сквозь призму внутреннего состояния и индивидуально-авторского замысла и оформленных в художественно законченное целое. Именно такой поэтический текст, или поэтический дискурс, порождение (и, соответственно, восприятие) которого происходит с участием различных контекстных факторов, служит источником образного «напряжения», в силовом поле которого осуществляется процесс метафорической интерпретации мира.

При обращении к поэтическому дискурсу рядом исследователей рассматривается соотношение структурно-концептуальной и образной метафоры, которая включает в себя не отображение концептуальных областей, а скорее отображение ментальных образов (Lakoff 1987; Lakoff and Turner 1989; Lakoff 1993; Gibbs and Bogdonovich 1999; Deignan 2007; Coëgnarts and Kravanja 2012 и др.). Образная метафора отличается от структурно-концептуальной, во-первых, поскольку область-мишень и область-источник относятся к конкретным объектам, непосредственно доступным органам чувств в противовес структурно-концептуальным метафорам. Во-вторых, образные метафоры более специфичны, поскольку они богаты образными деталями и в большей мере основаны на интуитивных решениях, чем на знании и связи с логикой, а также часто рассматриваются как основанные на единственном сходстве между областью-источником и областью-мишенью. Тем не менее, образные метафоры, вне всяких сомнений, являются концептуальными, хотя термин 'концептуальный' чаще приравнивается только к структурным метафорам типа *жизнь – путешествие*, которые, как считается, структурируют наше мышление, а, возможно, и задают вектор процессу познания и интерпретации, представляющей собой, как отмечает Н. Н. Болдырев процесс и непосредственно результаты понимания и объяснения человеком окружающего мира, а также себя в этом мире (Болдырев 2014). Процесс интерпретации базируется на избирательности при формировании и переработке знаний, что обуславливает творчество в языке (Бабина 2017).

Кроме того, необходимо учитывать, что метафорическая интерпретация мира скорее относительна, так как непосредственно связана с индивидуально-авторским фактором и субъектным принципом в процессе мировосприятия. И, в первую очередь, особенности метафорической интерпретации мира необходимо рассматривать с точки зрения социокультурного контекста из ряда перечисленных, принимая во внимание культуры, которые используют метафору, а также более широкие контексты этих культур. Только ознакомившись с общими интересами, целями и потребностями культуры, можно досконально понять используемые метафоры и особенности процесса метафорической интерпретации мира. Считаем релевантной идею культурного сита как некоего посреднического механизма для лучшего понимания процесса метафорической интерпретации мира, который помогает физические, сенсомоторные, универсальные аспекты жизнедеятельности просеивать сквозь сложные социокультурные и исторически приобретенные убеждения, мировоззрения и знания, присущие одной или нескольким культурам.

В российской лингвистике преимущественно рассматриваются моно-, а не мультимодальные метафоры, область-цель и область-источник которых представлены в различных модусах (модальностях), то есть в более чем одной системе знаков. Теорию мультимодальной метафоры выдвигает Ч. Форсвилл (Forceville 1996, 2008, 2009 a,b, 2016, 2017), однако сам термин «мультимодальный» остается до сих пор одним из вызывающих затруднения в процессе трактовки. В целом, мультимодальность определяют как способ оперирования, то есть восприятия, обработки и интерпретации информации, поступающей по различным каналам. А. А. Кибрик отмечает, что рассматриваемый нами термин основывается на понимании модальности как некоего типа внешнего стимула, воспринимаемого одним из органов чувств человека, в первую очередь зрением и слухом, в связи с чем выделяют следующие аспекты мультимодальности: вокальная (слуховая) и кинетическая (зрительная) (Кибрик 2010; Кибрик 2018; Федорова, Кибрик, 2018). В целом, суммируя различные точки зрения, считаем, что мультимодальным является текст, восприятие которого невозможно без различных каналов модальности, в частности зрительной и аудиальной, что также считаем релевантным и при определении мультимодальной метафоры.

На наш взгляд, одним из основополагающих вопросов, которые необходимо раскрыть в рамках изучения мультимодального подхода, заключается в том, как информация, получаемая человеком из разных источников, по различным каналам, интегрируется между собой. Даже если идентификация области-источника и области-цели может быть осуществлена с учетом мономодальности, то полное понимание значения метафоры зачастую зависит от сопоставления соответствующих признаков от источника к цели, которые могут презентироваться в различных системах знаков. Даже если идентификация источника и цели остается основополагающим критерием для проведения различия между мономодальными и мультимодальными метафорами, определение маркеров пересечения между областью-источником и областью-целью может зависеть от подвергаемой интерпретации информации, подаваемой более чем в одном режиме, в более чем одной системе знаков, что подчеркивает общее различие между мономодальной и мультимодальной метафорой (а, возможно, мономодальным и мультимодальным дискурсом, к последнему из которых можно отнести поэтический).

Рассматривая метафору в рамках поэтического дискурса, правомерно говорить также о фонетической / звуковой, грамматической, графической / визуальной метафорах. Подобных примеров существует достаточно много, однако, следует заметить, что их восприятие зависит от эмоциональной подготовленности, накопленных контекстных знаний, в частности, общекультурного и лингвистического плана. К примеру, при оценке звуковой стороны возникают ассоциации, типичные для человека с учетом его принадлежности к определенной языковой общности и социокультурным традициями, как это следует из отрывка поэтического текста Ю. Мамочевой «Пустошь долгая моя поросла цветами» *баю-бай, оживай из пролежней, душа-невольница*, где повторяющийся звуковой ряд *ай... ай* наталкивает на мысль об ассоциативном сходстве с междометием *ай* по звучанию, которое в соответствии с трактовкой в словарях может выражать испуг, боль, что согласуется с метафорой *душа-невольница*, которая должна ожить и излечиться (вылечить пролежни). Таким образом, звуковой ряд

поддерживает созданный за счет лексических средств языка яркий метафорический образ, где переплетается и сочувствие переживаемой боли, и звуки из-за болевых ощущений.

В стихотворениях «Юрию Визбору» В. Гафта и «Есенинщина шьется мне» П. Великжанина звук /р/ ассоциируется со звуками, производимыми оружием, а также интенсивностью и силой ударов, которые им наносятся: шрапнелью (*Попса дробит шрапнелью наши души*) и рапирой/лезвием ножа (*Стихи не фехтованье – поножовщина, / Удары в сердце лезвиями строк*). С опорой на приведенные примеры мы также можем говорить о фонетической метафоре, которая возникает в случае, когда звуковая организация текста начинает выполнять доминирующую роль в создании образа, либо создает дополнительный ряд образов, сочетающихся с образами, созданными чисто лексическими средствами (см.: Тростников 2000, Рябых 2006, 2012). Следовательно, в данном случае полное восприятие заложенного автором в процессе метафорической интерпретации мира смысла возможно только с учетом получаемой по слуховым каналам информации за счет проговаривания вслух или про себя, так как поэзия предполагает данный канал восприятия информации как один из основных. Мы можем закрыть глаза и на слух прорисовывать в своем воображении описываемое, где дополнительным штрихом будет фонетическая метафора.

Гром (Г. Р. Державин. «Гром») в результате метафорической интерпретации осмысливается не только с помощью лексических средств. В приведенном ниже примере картина грозы, неравномерность раскатов грома во времени, предполагаемый шум колес воображаемой небесной колесницы сопровождается разбросом звуков /р/ и /т/, что дает нам возможность составить дополнительное впечатление о силе и мощи данного природного явления за счет звукового восприятия, так как звук /р/ включает в спектр потенциальных ассоциативных линий нечто таящее угрозу, опасность. Кроме того, неравномерность раскатов грома во времени подчеркивается и рисунком грамматической конструкции, где подлежащее отделено от сказуемого группой второстепенных членов предложения, что свидетельствует о наличии в данном примере грамматической метафоры. Следовательно привлеченная информации о природном явлении в процессе метафорического моделирования подается более чем в одном режиме, в более чем в одной системе знаков, с привлечением фонетической и грамматической метафор, где каждая из актуализованных метафор «прорисовывает» картину природного явления добавлением ряда штрихов, в результате чего можно говорить о мультимодальности.

*В тяжелой колеснице грома
Гроза, на тьме воздушных крыл,
Как страшная гора несомая,
Жмет воздух под собой, – и пыль...*

В следующем примере «Рождение стиха» П. Великжанина наблюдается ряд примеров метафорической интерпретации мира: *строка – вагон, стих – гремящий грузовой состав, стих – рождающийся (младенец?)* и др., где создаваемый образ дополняется и поддерживается не только фонетической, но и графической метафорами. Интересным является повтор *ул* в конце слов *гул* и *смахнул*, который в татарском языке является самостоятельным словом со значением *сын* или *ребёнок*, *прямой потомок мужского рода*, а *стих*, который рождается, в русском языке – существительное мужского рода. Кроме того, повышенная концентрация звука /р/ передает звук интенсивного движения гремящего грузового состава по рельсам. Структура начала стихотворения графически неоднородна. Предложение выстроено как бы ступенчато, что тоже может свидетельствовать о сложном процессе рождения и развития ребёнка, тем самым соотносясь с названием стихотворения, которое уже само по себе метафорично. Соотношение дееспричастия совершенного и несовершенного вида как бы транслирует переход из точки а в точку б, перенося нас из прошлого в настоящее, тем самым вырисовывая динамику происходящего процесса.

**Гул
смахнул
грозовой
нудный дождь грязевой.**

**Ток пустив по сидячим местам,
Стих, рождаясь, гремел, как состав грузовой**

По ажурным нервюрам моста.
И вагон за вагоном летела строка
По созвучиям рельсовых пар,
Словно в каждом ударе небесных стрекал
Перегретый пульсировал пар.

Термин «грамматическая метафора» также, как и основы практической разработки данного типа метафоры, заложены Е. И. Шендельс, которая подчеркивала её несравненно более ограниченные возможности а) за счет малой степени подвижности и сочетаемости словоформ; б) за счет менее яркой и индивидуальной грамматической образности, в отличие от образности слов, в той связи, что грамматические значения отличаются более обобщенным и абстрактным характером (Шендельс 1972: 50). М. В. Тростников отмечает, что основой грамматической метафоры служит оригинальный морфологический и / или синтаксический строй стихотворения, образующий в поэтическом тексте особую образную структуру, параллельную семантической и/или независимо от нее, при этом наибольшей частотностью обладает синтаксическая метафора (Тростников 2000: 26).

Н. Ф. Крюкова отмечает ряд способов создания грамматической метафоры, среди которых умолчание как логическая и структурная незавершенность предложения, рассчитанная на риторический эффект (предупреждение, угроза). Информативная насыщенность текста достигается кроме всего прочего также за счет его уплотненности, проявлявшейся в повышенной предикативности. Бессюжные конструкции используются, в частности, для передачи более ускоренного темпа, энергичного характера происходящих явлений или событий в процессе метафорической интерпретации и моделирования мира. В качестве примера грамматической метафоры следует также упомянуть избыточное употребление компонентов речи как различных видов повтора: 1) плеоназм, то есть повторение сходных слов и оборотов, нагнетание которых создает тот или иной эффект; 2) обрамление или повтор, при котором элемент, стоящий в начале речевого отрезка, повторяется в конце его, занимая, таким образом, психологически наиболее отчетливо выделенные синтаксические позиции; 3) многосоюзие, передающее целеустремленность и единство перечисляемого (при этом, в отличие от простого перечисления, выделяется каждый компонент). Следует также упомянуть инверсию как необычное размещение компонентов речи, что наблюдалось в примерах, приведенных выше (Крюкова 2000).

Как одно из возможных средств метафорической интерпретации мира следует выделить обращение, в особенности обращение не к лицам, с целью наделить их качествами и типичными деятельными возможностями, присущими в первую очередь человеку или иному живому существу, где можно отграничить несколько тематических групп: 1) обращение к эмоциональному состоянию человека; 2) обращение к жизни; 3) обращение к родине; 4) обращения к неживой природе; 5) обращение к растениям; 6) обращение к птицам и животным; 7) обращение к водным потокам; 8) обращение к времени суток; 9) обращение к предметам; 10) обращение к странам и городам и ряд других.

Облака, белогривые лошадки
Облака, что вы мчитесь без оглядки
Не смотрите вы пожалуйста свысока
А по небу прокатите нас облака

(С. Козлов. Облака – белокрылые лошадки).

Следует обратить также внимание на повелительное наклонение как побуждение к действию преимущественно неодушевленного предмета, наиболее важных аспектов жизнедеятельности человека (жизнь, любовь и пр.) и эмоциональных состояний, приводящее к олицетворению, что отражено в следующем примере:

Уходите, мысли, во-свояси.
Обнимись,
души и моря глубь.

(В. Маяковский. Домой).

Деепричастия также имеют богатейший потенциал передачи динамики происходящего, эмоциональных переживаний героя, как представлено в следующих примерах:

Под проливным безжалостным дождём

Душа стояла, кутаясь в лохмотья.

Изменою разорванная в клочья,

Но с памятью о самом дорогом.

(И. Стефашина. Душа стояла, кутаясь в лохмотья).

И слегла душа, кутаясь в бушлат...

(Е. Григорьев. Притяжение души).

Тенденцией современного поэтического дискурса является попытка визуализации того, что изложено в вербальной форме. В стихотворении И. Расшиваловой «Не ворошите в памяти былое» память метафорически осмысливается как некое вместилище, содержимое которого не стоит трогать. Кроме того, это может быть и какое-то замкнутое пространство, куда можно войти и заблудиться. Грамматическая метафора поддерживает этот образ за счет перечисления того, что там, в этом вместилище/замкнутом пространстве, наличествует, либо отсутствует. Замкнутый характер этого пространства подчеркивается символической рамкой (повторением одной и той же фразы *Не ворошите в памяти былое* в начале и в конце).

Не ворошите в памяти былое (Ирина Расшивалова) / Стихи.ру (stihi.ru)

Не ворошите в памяти былое...

Там нет того, что хочется сейчас,

Там всё для нас уже пережитое,

И всё знакомо в прожитом для нас.

Там нет ответов на твои вопросы,

Там нет решений нынешних проблем,

Там тоже всё и сложно, и непросто,

Туда ***войдёшь, заблудишься*** совсем.

Не ворошите в памяти былое...

Таким образом, грамматическая метафора обладает определенным интерпретирующим потенциалом. В отличие от метафоры, выраженной лексическими средствами, под которой в особенности в рамках поэтического дискурса понимается реализованная в языке ассоциация, полученная чаще всего интуитивно и/или осознанно как результат когниции путем торможения привычных связей и актуализации вторично значимых и случайных связей путем передвижения фокуса внимания и нахождения оптимального решения за счет привлечения лингвокогнитивного феномена «салиентности» (Рябых, Шишикина 2021), грамматическая метафора возникает, по нашему мнению, в результате сознательного поиска оптимального решения на основе знания грамматики в процессе попытки метафорической интерпретации мира и чаще непосредственно соотносится с лексически поддерживаемым образом. Следует отметить, что возможности грамматической метафоры ограничены в связи с

регламентированностью грамматического строя языка, и модели варьирования в данном случае не представляются многочисленными. Однако, считаем, что возможно говорить о наличии индивидуально-авторской специфики в выборе способов подобного рода метафоризации. Если фонетическая метафора расширяет наше представление об области-цели за счет восприятия по слуховому каналу, то грамматическая метафора зачастую может выполнять не только функцию олицетворения за счет использования обращения, но и создавать объемный пространственный образ, указывать на степень интенсивности того или иного явления или происходящего события. Лексическая, грамматическая, фонетическая метафоры находятся в тесной взаимосвязи в рамках поэтического дискурса и контекстуально зависимы, однако они приносят свои штрихи в общую картину метафорической интерпретации мира и роли человека в нем и могут рассматриваться в совокупности как мультимодальная метафора за счет различия режимов их обработки, но при этом обеспечивают единое представление и интерпретацию окружающего мира и места человека в нем и/или расширяют наше представление об этом.

Литература

1. Бабина Л. В. Интерпретирующий потенциал производных слов // Интерпретация мира в языке: колл. монография / науч. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Издат. Дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 287–310.
2. Болдырев Н. Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 20–28.
3. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сб. науч. тр. Вып. 4 / отв. ред. Ю.И. Александров, В. Д. Соловьев. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. С. 134–152.
4. Кибрик А. А. Русский мультимодальный дискурс. Ч. I. Постановка проблемы. Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 70–80.
5. Кибрик А. А., Федорова О. В. К вопросу о структуре мультимодального дискурса // Институт языкознания РАН, 2018.
6. Крюкова Н. Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста: дисс. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19. Тверь: Тверской гос. ун-т., 2000.
7. Монгилева Н. В. Семантическое пространство поэтического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19. Челябинск, 2004.
8. Рябых Е. Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2006.
9. Рябых Е. Б. Фонетическая, грамматическая, графическая метафоры как вспомогательные способы репрезентации знаний о концептах // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 5 (109). С. 74–79.
10. Рябых Е. Б., Шишкина В. В. Проблемы автоматического поиска и распознавания индивидуально-авторской метафоры в рамках художественного, публицистического и научного дискурса // Казанская наука. 2021. № 9. С. 98–103.
11. Тростников М. В. Метафора // Несытые слова: Сб. памяти М. В. Тростникова / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2000. С. 7–46.
12. Шендельс Е. И. Грамматическая метафора // Филол. науки. 1972. № 3. С. 48–57.
13. Forceville C. Metaphor in pictures and multimodal representations // Raymond W. Gibbs Jr. (ed.), *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge UP, 2008. P. 462–482.
14. Forceville C. Mixing in pictorial and multimodal metaphors? // Raymond W. Gibbs-Jr. (ed.). *Mixing Metaphors*. Amsterdam: John Benjamins, 2016. P. 223–239.
15. Forceville C. *Multimodal Metaphor* / Ed. By Ch. Forceville, Ed. Urios-Aparisi Mouton de Gruyter, Berlin New York, 2009b. P. 19–40.

16. Forceville C. Non-verbal and multimodal metaphor in a cognitivist framework: agendas for research // C. Forceville & E. Urios-Aparisi (eds.). *Multimodal Metaphor*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009a. P. 19–42.
17. Forceville C. *Pictorial Metaphor in Advertising*. London and New York: Routledge, 1996.
18. Forceville C. Visual and multimodal metaphor in advertising: cultural perspectives // *Styles of communication*. 2017. № 9 (2). P. 26–41.
19. Kövecses Z. *Metaphor Universals in Literature* // *Literary Universals Project*, 04.02.2018. URL: <https://literary-universals.uconn.edu/2018/02/04/me-taphor-universals-in-literature/>
20. Riabikh E. B. Dominante Kontexte der metaphorischen interpretation der Welt // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. № 4. P. 43–52.

УДК 81'367.7

ТАКСИСНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РАЗНОВРЕМЕННОСТИ В КОНСТРУКЦИЯХ С ГЛАГОЛАМИ МОЛЧАНИЯ

Н. В. Семёнова

*Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. *Статья посвящена анализу семантических и коммуникативных эффектов, возникающих при актуализации таксисных значений разновременности в русских предложениях с однородными сказуемыми-глаголами молчания и речи. Основным объектом исследования является аспектуально-таксисная ситуация «цепь целостных фактов».*

Ключевые слова: *таксис, разновременность, глаголы молчания.*

TAXIS RELATIONS OF DIFFERERECE TIMES IN CONSTRUCTIONS WITH VERBS OF SILENCE

N. V. Semenova

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg, Russia*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of semantic and communicative effects that arise when updating taxis meanings of time difference relations in Russian sentences with homogeneous verb predicates-verbs of silence and speech. The main object of the study is the aspect and taxis situation “chain of facts”.*

Key words: *taxis, time difference relations, verbs of silence.*

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать те семантические и коммуникативные эффекты, которые являются обязательными «спутниками» таксисных отношений разновременности, актуализируемых в простых предложениях с однородными сказуемыми. Сразу оговоримся: в круг рассматриваемых синтаксических единиц мы включаем и осложненные предложения, то есть такие, в которых может выявляться вторичная предикация, например, деепричастный оборот. В качестве объекта исследования в работе рассматривается аспектуально-таксисная ситуация «цепь

целостных фактов», а предметом – полипредикативные полипропозитивные конструкции с глаголами молчания. Иллюстративный фактический материал взят из «Национального корпуса русского языка» и открытых ресурсов Интернет.

«Целостный факт» в работе рассматривается как аспектуальная модель действия, которая как правило, но не обязательно, обозначается в русском языке глаголом СВ. Порядок следования таких предикатов обычно изоморфен порядку следования описываемых действий. В этом проявляется основной механизм иконичности, являющейся важнейшим «компонентом» повествования, для которого необходимо «поступательное разворачивание действия, продвижения его вперед в направлении, соответствующем объективной последовательности событий» (Маслов 1984: 26). На синтаксическом уровне иконичность поддерживается равноправным положением однородных сказуемых к подлежащему и ко всей структуре предложения в целом (Бондарко 1971: 181). Имеются в виду случаи типа *Таня встала, умылась, застелила постель* [Сергей Довлатов. Заповедник. 1983].

Указывая на явную предрасположенность целостных фактов к выражению перфективными формами, заметим, однако, что они свободно могут передаваться в русском языке и глаголом НСВ, но только в общефактическом частно-видовом значении, ср: *Боже, Яшка опять вчера звонил, звал гулять* [Д. М. Шварц. Дневник. 1939]. Однако такие примеры не так частотны, как контексты с глаголами СВ.

«Цепь целостных фактов» может быть незавершенной: она будет представлена в любом простом предложении при бессоюзном соединении однородных сказуемых, как, например, в этом таком примере, как *Потом в комнату оттащит, рубаху чистую подденет, причешет, побреет, чаю принесет* [Валерия Иванова. Лыдинки // «Сибирские огни», 2012]. Завершенной «цепь целостных фактов» становится в случае союзного присоединения последнего члена цепи, когда синтаксическая конструкция приобретает не только структурную, но и семантическую завершенность. Союз в этих условиях часто подчеркивает разные отношения обусловленности и нередко выступает маркером синтаксической импликации. Ср.: *Вот покатаются, поговорят, посмеются – и подружатся. А как же ещё становятся друзьями?* [Л. Г. Матвеева. Пролётка. 1987].

Рассматриваемые аспектуально-таксисные ситуации могут быть как поли-, так и моносубъектными. Здесь мы остановимся только на *моносубъектных* синтаксических конструкциях, причем только с такими соотносимыми предикатами, которые представлены глаголами речи и молчания. Иначе говоря, мы сосредоточим фокус исследовательского внимания только на тех полипредикативных и полипропозитивных «цепочках», которые указывают на последовательность действий говорения и не-говорения одного субъекта, неважно, множественного или единичного.

И первое, что требуется отметить, это то, что глагол молчания в описываемых условиях может стоять в пре- или постпозиции по отношению к соотносимому предикату-глаголу речи. И эта позиция глагола оказывается релевантной для понимания многих грамматических процессов, провоцирующих особые семантические и коммуникативные эффекты.

В препозиции глагол молчания указывает на наступление ситуации, составляющей фон и условие восприятия дальнейшего речевого действия субъекта, причем такая последовательность может быть специально подчеркнута соответствующими лексическими средствами: – *Он замолчал, выслушал вопрос, потом ответил: – А, ерунда, шушера, ничего они не знают* [Петр Галицкий. Опасная коллекция. 2000]. Но очень часто основная функция глагола молчания в этой ситуации – обозначение небольшого сбоя в естественном течении событий, который становится неожиданностью часто не только для слушающего, но и для самого говорящего. Лексически это подчеркивается наречием *вдруг* и подобными: *Семен Аркадьевич вдруг замолчал, спросил строго, со значением:* [Николай Дежнев. Принцип неопределенности. 2009].

Такое молчание, как правило, имеет свою причину или мотив, которые могут иногда быть специально указаны. Когда это происходит, микро- или макроконтэкст демонстрирует нам точку зрения наблюдателя-слушателя, который способен давать субъективную оценку. Эта оценка часто «вклинивается» в событийный ряд как особое указание в микроконтексте на психическое или эмоци-

ональное состояние говорящего, которое, хотя, конечно, и второстепенно, но почему-то становится важным на данном этапе повествования. Грамматическим механизмом этой подчеркнута важной «второстепенности» становится понижение в синтаксическом ранге дополнительной предикации: обычно это сравнительный оборот с характеризующим деепричастием. Например: *Колдун вдруг замолчал, словно пытаясь что-то вспомнить, потом продолжил*: – Возьми это яблоко и дротик [Валерий Сейранян. Тайна гномов. 11.10.2007. НГ]. И в данном случае мы должны говорить об осложнении таксисных отношений одновременности семантикой характеристики, которая если и «не выводит» таксис из собственного категориального круга, то, по крайней мере, существенно приближает к сфере эвиденциальности.

На уровне макроконтекста оценка говорящего проявляется в разрыве цепочки «молчание + говорение», что синтаксически подчеркивается имитацией парцелляции. А это означает, что глагол молчания, выполняющий функцию создания явно незапланированной паузы, сигнализирует действительно о *возникновении новой ситуации*. И именно эта ситуация провоцирует сильнейший эффект неожиданности от осуществления последующего речевого действия, ср.: – *А что касается товарища Булгакова... – Сталин вдруг замолчал, словно раздумывая, говорить или не говорить. Потом вдруг поменял тему*: – *Вон у товарища Кагановича проворовался главный инженер Метро-строя!* [Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье. 2016 // «Ковчег», 2015]. Таксисная ситуация «разновременность целостных фактов» трансформируется здесь в ситуацию функционально-семантической категории временного порядка, конкретно – в ситуацию «данное – возникновение новой ситуации (ВНС)».

В постпозиции по отношению к глаголам речи рассматриваемые нами глаголы молчания ведут себя несколько иначе. В сущности, если обратиться к анализу денотативной ситуации, то окажется, что глагол молчания указывает на отсутствие какого-либо действия вообще. В денотативном смысле такие высказывания имеют только одно «полноценное» действие, то есть действие в прямом смысле слова, в сигнификативном – несколько, так как молчание не есть пустота и полное отсутствие чего-либо. «Молчание – это знак стоящего за ним содержания. Содержание слито с молчанием как означаемое с нулевым означающим ... Человек наделен неким естеством, которое проявляется через различные симптомы. Молчание – один из симптомов психических состояний» (Арутюнова 2000: 433). Мотив молчания находится в прошлом, именно он обозначен глаголом речи, а глагол молчания в данном случае выполняет своеобразную рамочную функцию, он как бы подчеркивает завершение речевого акта. Особенно ярко это демонстрируют примеры «завершенной цепи», то есть случаи союзного присоединения глагола молчания, ср.: *Трактористки поздоровались и замолчали* [Евгений Гуцин. Бабые поле. 1983]. Информативную значимость, а с точки зрения грамматики – ненулевую пропозиитивность, ситуации последующего молчания раскрывает в подобных примерах последующий контекст, ср.: – *Вот, – непонятно сказал сын и замолчал. Жиличка загасила сигарету* [Лея Любомирская. Квартирная хозяйка // «Дальний Восток», 2019]; – *Я знаю, – сказал я и замолчал. Машка сидела молча, я тоже молчал* [Андрей Клепаков. Опекун // «Волга», 2016]. При этом мотивы и причины «замолкания» могут находиться как в прошлом, так и в будущем.

Мотив и/или причина в прошлом. Часто причиной внезапного прерыва речи говорящего становятся исключительно физиологические причины, которые трудно контролировать. Они и обозначаются неконтролируемыми глаголами, ср.: *Гости поперхнулись и замолчали, (и вдруг все заметили – на Нюшке серое шерстяное платье)* [Михаил Анчаров. Этот синий апрель. 1967]. Нарушение хода событий здесь совершенно объяснимо. Но иногда эти причины могут быть проявлением, особых «негативных эмоций, а также аффективных состояний, психологически и физиологически парализующих речь» (Копылова 2016: 81; см. также Бабаян 1998). Например: – *Да ведь... – И вдруг загнулся и замолчал* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение. 1964]. Причем подобная ситуация релевантна и в случае неикоической передачи развития событий, ср.: (*– Не только, – перебила Сона), и он замолчал, загнулся на полуслове* [Анна Берсенева. Возраст третьей любви. 2005].

Экспрессивная, по определению С. В. Крестинского, функция глаголов молчания способна проявляться и тогда, когда требуется выразить самые разные психологические состояния коммуниканта, такие, как смущение, удивление, волнение, обиду, страх, недоумение, потрясение, ужас, гнев, ненависть и др. (Крестинский 2011: 35). При этом «незапланированное» замолкание говорящего может заполнять паузу хезитации, и само молчание в этом случае «отражает мыслительные процессы коммуниканта, но с имплицатурой сомнения, колебания, нерешительности» (Там же: 36). Ср.: *Я совсем запутался и замолчал* [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! 1957]; – *Последнее время, ты не могла не заметить, я совсем перестал... к вам», – теперь он сбился и замолчал* [Елена Чижова. Лавра // «Звезда», 2002].

Все подобные конструкции так или иначе свидетельствуют о нарушении естественного хода событий, но особенно отчетливо, причем с явно выраженным эффектом прерывания, почти аннулирования, речевого действия, это выражается в контекстах с т.н. «нулевыми» предикатами со значением речи» (Гаспаров 1978: 87). Обычно такие «нулевые» предикаты идут в связке с фазисными (начинательными). Например, в таком случае, как – *Во-первых, у тебя рука. И хоть она в гипсе, но лучше не рисковать, а во-вторых... – начал я и замолчал* [Андрей Клепаков. Опекун // «Волга», 2016]. Все подобные примеры сближаются по формальным показателям с конструкциями с частицей *было*, которые, по мнению Н. Д. Арутюновой относятся к средствам выражения «неуправляемых» (или не полностью управляемых) действий (Арутюнова 1996: 82).

Возвращаясь к теме указания **мотивов и/или причин** молчания, отметим, что они могут обнаруживаться не только в прошлом, но и в будущем. И именно в этом случае причина часто становится одновременно и целью.

В перспективном плане, плане будущего, мотив или причина даются как бы от лица говорящего, по крайней мере, они проявляют его намерение, замысел или стремление, как, например, в таких примерах, как *Мне заказал материал «Холоп», – прямо заявил я и замолчал, предоставляя ей возможность перевернуть новость* [Сергей Дигол. В лучшем смысле // «Волга», 2011]; – *Понятно! – протянул Фома и замолчал, обдумывая услышанное и свое отношение к нему* [Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой. 1998].

Но часто мотив или причина передаются с точки зрения стороннего наблюдателя, который дает уже *свою* оценку, ср.: *Тот же уселся и замолчал, о чем-то задумавшись* [М. А. Богатов. [Ко]миссия. [staats]роман. 2001 // «Волга», 2008]; *Он сбился и замолчал, ожидая ответа* [Семен Данилюк. Рублевая зона. 2004]; – *Не перебивай, – сказал он строго и замолчал, откровенно собираясь с мыслями* [Сергей Ястребов. Лунная соната. 2007]. Экспликация фигуры Наблюдателя в подобных случаях имеет одно важное следствие: актуализируемые таксисные отношения здесь могут либо осложняться семантикой характеристики, либо трансформироваться в эвиденциальные. «Переквалификация» таксиса в эвиденциальность происходит в том случае, если в пропозицию в совершенно недвусмысленной форме включается оценочный модус, обнаруживающий авторский взгляд «на вещи». Формальным его воплощением становятся междометия, метатекстовые слова и т.д., ср.: – *Луна, – ответил первый и замолчал, думая, видимо, о чем-то своем* [Владимир Березин. Свидетель // «Знамя», 1998]; – *Ночью? – Не знаю уж, когда! ... – откровенно грубо отрезал Анзор и замолчал, считая, очевидно, разговор оконченным* [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо. 2007].

Итак, семантические и коммуникативные эффекты, которые обнаруживаются при ближайшем рассмотрении разновременности, выявляемой в предложениях с однородными сказуемыми между обозначаемым речевым действием и его антиподом – молчанием, очень часто приводят к перекатегоризации. Иначе говоря, прослеживается четкая тенденция к осложнению таксисных значений семантикой эвиденциальности и – при особых коммуникативных установках – к трансформации собственно таксиса в категориальную область временного порядка. Происходит это, на наш взгляд, ввиду особой семантической функции рассмотренных конструкций – сигнализации о нарушении хода событий, которые составляют естественное течение повествования. Конечно, затронутая проблема требует более пристального изучения и учета дополнительных факторов, таких, как прагматические, не-

вербальные, в целом неязыковых условий и пр., но в любом случае грамматический анализ отдельных лексических групп глаголов в таксисной перспективе представляется чрезвычайно актуальным.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Феномен молчания // Язык о языке / Под общим руководством и редакцией Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–436.
2. Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 61–90.
3. Бабаян В. Н. Особенности диалога при молчащем наблюдателе: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 1998. 195 с.
4. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
5. Гаспаров Б. М. Аспектуальные значения неопределенно-предисцируемых предложений в русском языке // Вопросы русской аспектологии. Вып. 3. (Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 439). Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1978. С. 64–88.
6. Копылова Т. Р. Виды молчания: подходы к классификации // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2016. Т. 26. Вып. 3. С. 80–85.
7. Крестинский С. В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. 2011. № 1. С. 34–37.
8. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.

Электронные источники примеров

1. Сейранян В. Тайна гномов (11.10.2007). НГ. [Электронный ресурс.] URL: https://nvo.ng.ru/kids/2007-10-11/12_gnumy.html (дата обращения 24.09.2022).
2. Гуцин Е. Бабье поле // Гуцин Е. Повести. Рассказы. М.: Современник, 1983. [Электронный ресурс.] URL: <https://coollib.net/b/545787/read> (дата обращения 24.09.2022).
3. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс.] URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 24.09.2022).

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКЦИЙ ТИПА «МНЕ ВАЖНО» В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О. А. Сулейманова, А. А. Водяницкая

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается аксиологический потенциал одной из распространенных в академическом дискурсе синтаксических структур типа «мне важно +инфинитив / что Р» на материале письменно зафиксированных текстов коммуникативного взаимодействия представителей академической среды в различных форматах: защиты курсовой, дипломной, магистерской работы, диссертации, комментариев научного руководителя к научной работе студента, аспиранта и др. Эмпирический материал составил корпус текстов (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622091). Выполнен дискурсивный анализ выбранных показателей аксиологии, в основе которого лежит семантическое описание синтаксической модели, в ходе которого представлены аргументы в пользу предложенной интерпретации ее семантики; и далее предлагается анализ ее реализации в выбранном виде дискурса.

Ключевые слова: аксиология, академический дискурс, диалог, слова категории состояния.

AXIOLOGICAL POTENTIAL OF SYNTACTIC CONSTRUCTIONS OF THE TYPE *MNE VAZHNO* IN ACADEMIC DISCOURSE

O. A. Suleimanova, A. A. Vodyanitskaya
Moscow City University,
Moscow, Russia

Abstract. *The paper focuses on the axiological potential of the syntactic construction of the type Mne Vazhno in the academic discourse. Empirical database is represented by the texts taken from the corpus featuring scripts of academic communication and comments of the colleagues and professors upon the research papers. The texts are studied according to discourse analysis which is based on the semantic analysis to be followed by describing functioning the constructions in the academic discourse/*

Key words: *academic discourse, axiology, dialogue, words of the category of state.*

Введение

Академический дискурс отличен от прочих видов дискурса – художественного, медийного и прочих разновидностей – в силу ряда имманентных свойств, составляющих его специфику (Хутыз 2016). Среди таких свойств можно выделить, во-первых, его принципиальную диалогичность и особую включенность в академическое дискурсивное пространство, что отличает его от, например, дискурса художественной литературы и даже медийного дискурса (Сулейманова 2017). Как отмечается в работах М. М. Бахтина (ср. тж. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия 2018), в художественном дискурсе безусловно имеет место полифония и диалогичность, репрезентируемая как взаимодействие героев друг с другом, а также диалог автора с читателем. При этом диалог с читателем безусловно отсрочен во времени и автор необязательно предполагает непосредственный реальный отклик читателя, и собственно диалог может завершиться на этом этапе. В отличие от художественного в академическом дискурсе принципиально диалогичен, он строится на ожидании отклика от коллег относительно выдвигаемых авторами научных положений и полученных исследовательских результатов. Развитие научных идей происходит только на фоне развиваемых теорий и во взаимодействии с научным сообществом, что определяет особую диалогичность данного вида дискурса (Сулейманова 2016; Чекмаева 2022).

Во-вторых, такое постоянное взаимодействие и определение места и роли значимости выдвигаемых положений в общей траектории развития науки заставляет исследователей с необходимостью формировать и выражать свое отношение к существующему положению дел и давать ему оценку. Иными словами, академический дискурс по определению аксиологичен (Водяницкая 2020). Оценка играет особую роль, поскольку научные идеи развиваются сопоставлении и противопоставлении с существующими теориями, которые и получают либо эксплицитную оценку, либо имплицитную таковую, через использование разнообразных языковых средств. К таким средствам исследователи обычно относят оценочные прилагательные и глаголы и ряд прочих лексических средств, а также отмечают использование ряда стратегий, содержание которых составляет оценка (Водяницкая 2018).

Исследователи называют оценку одним из сложных языковых феноменов в силу ее антропоцентрического характера (Арутюнова 1988; Миронова 1998; Писанова 1997); коммуникативно-прагматической направленности (Цымбал 2015; Трепак 2016).

Она может быть выражены лексически (с помощью прилагательных, существительных, глаголов, наречий и т.д.), синтаксически, интонационно, или просодически (Трепак 2016) – ср. прилагательное: *это интересная работа*, в том числе через использование формообразующих суффиксов – *ейш / -айш*, приставок. (Отметим вместе с тем, что для академического дискурса характерна более нейтральная экспликация оценки.) *Студент решил важнейшие исследовательские задачи / Работа получилась – конфеточка / Великолепнейший материал!*

Таким образом, оценка представлена в языке целым спектром различных языковых средств – на морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях, на уровне сверхфразового единства. Наряду с этим в академическом дискурсе в разряд оценочных попадают высказывания, не содержащие оценочных слов, но передающих информацию о ценностях для членов академического социума: *дискурс студента сформирован, представлена актуальность работы.*

Вместе с тем, дискурсивное аксиологическое содержание синтаксических моделей не служило предметом специального исследования, что определяет необходимость сопряжения семантического описания синтаксических моделей с анализом их функционирования в академическом дискурсе и составляет **актуальность** предпринятого исследования.

Методика исследования предполагает использование метода включенного наблюдения и дискурсивный анализ в том его варианте, который представлен во французской школе дискурсивного анализа (Квадратура смысла 1998) и предполагает обязательный семантический анализ языковой единицы и последующее включение ее в широкий прагматический контекст, связанный как с социальными факторами, так и с личной сферой говорящего.

В качестве **эмпирической базы** исследования послужили материалы, представленные в корпусе текстов (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622091), где собраны как устные комментарии (в виде скриптов), так и письменная правка различных видов научных работ: курсовых, ВКР, магистерских, диссертаций, рецензий коллег.

Результаты

Семантика выбранных моделей.

В рассматриваемых синтаксических структурах представлен субъект именем (существительным или местоимением) в форме дательного падежа, дательным субъекта. Конструкции с дательным субъекта, во-первых, принципиально антропоцентричны, в отличие, например, от коррелирующих с ними и в ряде случаев замещающих дативные, генитивных, не-антропоцентричных, пространственных, ср. *У меня тяжело на душе* и *Мне тяжело на душе*. Однако за взаимозаменяемостью скрываются значимые для говорящего семантические различия, что ярко проявляется в сопоставлении генитивных и дативных пар. Так, можно сказать об игрушке *У мишки оторвали лапу* и *Мишке оторвали лапу*. В известном детском стихотворении А.Барто используется именно дативная модель, которая отражает «одушевление» игрушки. Ср. другие детские стихи, где авторы интуитивно выбирают именно дативную модель, что хорошо согласуется с восприятием ребенка и, по-видимому, объясняет любовь детей к таким стихам – ср. К. Чуковский: *Мой зайчик, мой мальчик попал под трамвай! Он бежал по дорожке, и ему перерезало ножки*. Ребенок скорее скажет, что *кукле испачкали платье*, тогда как взрослый «отстраненно» фиксирует событие в пространстве у куклы.

В области оценочной дативной модели, широко используемой в академическом дискурсе, можно выделить структуры, передающие эмоциональное состояние субъекта оценки *Мне грустно, что Р / инфинитив*, которые «вносят информацию об оценке X-ом своего эмоционального состояния в связи с Р, причем X не прикладывает усилий к формированию оценки и не контролирует процесс ее формирования» (Сулейманова 1999: 308). В академическом пространстве подобные модели используются преимущественно участниками устного академического дискурса:

Мне грустно, что наши усилия не увенчались успехом.

Мне жаль, что студенты не сдали сессию.

Мне радостно, что NN учел все замечания, высказанные во время консультаций.

В данных конструкциях предикативная составляющая представлена т.н. словами категории состояния. Впервые выделенные в работах Л. В. Щербы слова категории состояния составляют основу моделей типа *Мне приятно / жаль вас*, вносящих информацию (Сулейманова 1999: 136) о том, что носитель предикативного признака испытывает состояние, вызванное некими силами, присутствующими в нем самом, но независимо от него; причем это состояние не наблюдаемо со стороны. Так, о независимости состояния от волеизъявления его носителя свидетельствует невозможность использования в таких моделях обстоятельств типа *специально, сознательно* – ср. неправильные высказывания.

*Мне было / стало сознательно специально приятно. При этом состояние не только не зависит от волеизъявления субъекта, оно вызвано силой, которая хотя существует в нем, но не создается им, что запрещает, например, использование императива – **Не будь приятно.* О том, что сила все же принадлежит носителю предикативного признака, свидетельствует ее неспособность использоваться для описания воздействия на него внешних сил: так, нельзя сказать **мне было ранено.* О ненаблюдаемости события свидетельствует неспособность заполнения модели предикатами, относящимися не ко внутреннему миру субъекта: нельзя сказать, например, **Мне было задумчиво,* где характеризуется визуально наблюдаемая поведенческая реакция.

Анализ эмпирического материала показал, что в рамках событий «Защита выпускной квалификационной работы», «Защита проекта», например, субъекты оценки часто применяют оценки, выстраивающиеся по модели *(мне) жаль / радостно / приятно + инфинитив / что Р.*

Данная модель используется

- рецензентами:

Мне жаль, что студент не вполне системно проанализировал материал.

- научными руководителями:

Мне приятно / было приятно работать с NN.

- ведущим заседание:

Приятно, что студент испытывает глубокую благодарность своему научному руководителю; Радостно, что научный руководитель доволен работой студента.

- членами комиссии:

Радостно, что NN так тщательно анализирует материал.

- студентами:

Мне было очень приятно и радостно писать работу под руководством VV.

(Мне) больно / грустно / смешно / горько / радостно / любо / (не) приятно / тяжело / совестно / стыдно / жаль / жалко / лень и многими другими» [Сулейманова 1999: 136].

Отметим, что субъектноориентированные оценки редко встречаются в описании события «Отзыв студента о работе с научным руководителем», однако именно данная оценка со стороны руководителя вызвала у студента ответную вербальную реакцию благодарности в виде субъектноориентированной оценки:

Спасибо большое, LL, за Вашу позитивную оценку нашего исследования. Мне тоже было очень интересно, комфортно с Вами работать. Спасибо.

Таким образом, субъектноориентированные оценки со стороны научного руководителя могут вызывать субъектноориентированные оценки со стороны студента. Студент конкретизирует положительные аспекты работы с помощью предиката *комфортно* (утилитарная оценка). Статус предиката *интересно* и прилагательного *интересный* до конца не определен. Некоторые ученые относят интерес к интеллектуальной сфере, другие – к эмоциональной. Как представляется, интерес к осуществлению научной деятельности предполагает и интеллектуальные аспекты, соответственно, связан с когнитивно-методологическими ценностями, и эмоциональные. Так, в некоторых отзывах студентов о проведении исследования звучат слова о том, что *Мне было настолько интересно исследовать метонимию, что я не могла остановиться.*

В следующем примере также наблюдается своеобразный обмен субъектноориентированными оценками между членом комиссии и представляющим свою работу студентом:

Спасибо, большие, уважаемая LL, за ценные замечания, я все записала, и мне очень приятно, что Вы даете такую оценку нашей работе в ответ на субъектноориентированную оценку.

Выводы

Аксиологический потенциал оценки в случае использования данной модели реализуется через описание говорящим своего состояния, «спровоцированного» некоторым сторонним событием, как бы независимо от него самого, событие заставляет включиться некоторые «дремлющие» в субъекте

силы и направить их на оценку состояния, помимо волеизъявления субъекта оценки, причем состояние ненаблюдаемо со стороны. Такое положение дел как бы придает высокую объективность оценке, и ее дискурсивная интерпретация позволяет выявить высокий аксиологический потенциал выбранной дативной модели.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 355 с.
2. Водяницкая А. А. Когнитивные основания оценки в академическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. Тамбов. 2018. № 33. С. 181–186.
3. Водяницкая А. А. Функционирование оценочных значений в авторской благодарности как жанре академического дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2020. № 5. С. 58–73.
4. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. М.: ЛЕНАНД, 2018. 318 с.
5. Квадратура смысла: Фр. шк. анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Сост. П. Серию; Предисл. Ю. С. Степанова; Общ. ред., вступ. ст. и коммент. П. Серию. М.: Прогресс, 1999. 413 с.
6. Миронова Н. Н. Оценка как прагматический компонент высказывания // Вестник МГЛУ. Вып. 420. Грамматика и речевая деятельность. М., 1994. С. 74–80.
7. Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссер. ... доктора филол. наук. М., 1997. 393 с.
8. Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса: семантика безличных предложений. Москва: Диалог МГУ, 1999. 222 с.
9. Сулейманова О. А. К вопросу о нормативности письменного академического дискурса // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2 (26). С. 52–62.
10. Сулейманова О. А. Диалог с *Другим* в академическом дискурсе // Диалог культур. Культура диалога; в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы Первой международной конференции / Под общ. ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. Языки народов мира, 2016. С. 539–547.
11. Трепак Я. В. Лингвостилистические и когнитивно-прагматические характеристики дискурса академической блогосферы: специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2016. 226 с.
12. Хурыз И. П. Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: особенности конструирования // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 3 (23). С. 86–93.
13. Цымбал А. Ю. Интонационно-стилистические и коммуникативно-прагматические характеристики устных презентаций: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дис. .... канд. филол. наук. Ярославль, 2015. 220 с.
14. Чекмаева Н. А. Динамика диалогического пространства говорящего в академическом дискурсе // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 1 (45). С. 150–155.

ДЕЕПРИЧАСТНЫЙ ОБОРОТ КАК МАРКЕР ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ

И. А. Фадеева

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

***Аннотация.** В статье предлагается рассмотреть специфику текстового функционирования деепричастий и деепричастных оборотов. Высказано мнение, что случаи использования деепричастий в позиции второстепенного сказуемого предопределены субъективными факторами существования говорящего в ситуации говорения. Основной массив употреблений приходится на текстовые функции, которые выведены нами с опорой на тексты А. С. Пушкина. На основании текстового функционирования делаются выводы о том, что как единица грамматики деепричастный оборот может быть устойчивым маркером текстообразующих категорий, противопоставленных собственно текстовым категориям, определяемым с позиций прагматики.*

***Ключевые слова:** Филологический анализ текста, текстовые категории, структура текста, деепричастный оборот.*

ADVERBIAL TURNOVER AS A MARKER OF TEXT CATEGORIES

I. A. Fadeeva

*Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia*

***Abstract:** The article proposes to consider the specifics of the textual functioning of gerunds and participles. It is suggested that the cases of using gerunds in the position of a secondary predicate are predetermined by the subjective factors of the speaker's existence in a speaking situation. The main array of usages falls on text functions, which we derived based on the texts of A.S. Pushkin. On the basis of textual functioning, conclusions are drawn that, as a unit of grammar, adverbial phrase can be a stable marker of text-forming categories, opposed to proper textual categories, determined from the standpoint of pragmatics.*

***Key words:** Philological text analysis, text categories, text structure, adverbial phrase.*

Предлагаемая к обсуждению проблема лежит в плоскости описания текста как синтаксического конструкта, где единицы уровня предложения прирастают комбинаторными свойствами, обусловленными взаимным положением и свойствами текста как единицы, маркированной «категорией образа автора» (Тураева 1986).

Рассматривая особенности функционирования деепричастий и деепричастных оборотов в тексте, мы обратили внимание на то, что их использование не ограничивается ролью только второстепенного сказуемого, что было определено А. Ф. Прияткиной: «Деепричастие – одиночное или, чаще, с распространителями, составляющее оборот, выступает в предложении как дополнительная характеристика субъекта, указывающая на процессуальный признак. Она предполагает другой предикативный признак того же субъекта, который является основным» (Прияткина 1990: 25)

Опираясь на теоретическое описание В. В. Бабайцевой: «Специфика деепричастных оборотов заключается в синтезе свойств главного члена – сказуемого и второстепенного члена – обстоятельства. Синкретизм в языковой семантике деепричастных оборотов обуславливает их речевую емкость и выразительность, предельную насыщенность действием предложений с деепричастиями и деепричастными оборотами» (Бабайцева, 1987: 157), – мы проследили функционирование деепричастных

оборотов в функции обстоятельства в тексте «Повестей Белкина» А. С. Пушкина. Приведем примеры в соответствии с перечнем, предложенным в учебнике «Современный русский язык» (Бабайцева, Максимов 1987: 156):

Как? Он остановился и стал набивать выгоревшую свою трубку; я молчал, **потупя** глаза.

Когда? Пришед в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами.

Почему? *Офицер, думая, что он ошибся, пустился в объяснения.*

С каким следствием? Другая печаль ее посетила: Гаврила Гаврилович скончался, **оставя ее наследницей всего имения.**

При каком условии? Восторг их был истинно упоителен, когда, **встречая победителей,** кричали они: ура!

Несмотря на что? Не стану описывать ни русского кафтана Адриана Прохорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи, **отступая в сем случае от обычая,** принятого нынешними романистами.

Следует отметить, что основной массив употреблений приходится на три первых случая, и этому находится абсолютно логичное объяснение – частотность мыслительных операций, структурирующих мир с точки зрения временной отнесенности и причинно-следственных отношений, а также его атрибутирующих. При этом у конструкций с семантикой образа действия совершенно иное основание – добавочное действие является показателем одновременности сенсорных процессов, отсюда второстепенное сказуемое – градационная оценка значимости ситуативных составляющих. Наглядно это проявлено, например, в тексте А.С. Пушкина, где мы видим описание мира в совокупности зрительного и слухового восприятия: «Найдете там его, где илстый ручей / Проходит медленно среди нагих полей; / Где сосен вековых таинственные сени, / **Шумя,** на влажный мох склонили вечны тени <...>». Думается, что подобные конструкции – единственно внетекстовое функционирование деепричастия, хотя лингвистическим параметром их выделения в самостоятельную группу является теория оценки Н. Д. Арутюновой (Арутюнова 1988), прямо связанной с субъективной модальностью текста (модальность – одна из категорий текста, выделенных И. Р. Гальпериным (Гальперин 2006) – наблюдатель выстраивает событийный ряд по степени важности, оформляя деепричастной формой менее значимый в событийном ряду, с его точки зрения, признак.

Доказательством логичности наших выводов служит, например, следующий текст стихотворения А. С. Пушкина: «(1) Дробясь о мрачные скалы, * (Как? Почему?) / Шумят и пенятся валы, / И надо мной кричат орлы, / И ропщет бор, / И блещут средь волнистой мглы / Вершины гор. <...> Вдруг, (2) истощась и присмирив, * (Почему?) / О Терек, ты прервал свой рев; / Но задних волн упорный гнев / Прошиб снега... / Ты затопил, (3) освирипев, *(Почему?) / Свои брега». Если попытаться оценить деепричастные конструкции на основе теории их обстоятельственного значения, мы увидим, что предложенные формальные показатели в виде вопросов лишены логики в случаях 2 и 3, поскольку наблюдатель дает не сенсорную характеристику событийному ряду, а использует прием олицетворения для введения своих мыслей относительно наблюдаемой ситуации. Иными словами, если сопоставить деепричастную конструкцию из первого стихотворения, первый случай употребления из данного текста (но уже с некоторой натяжкой, о чем свидетельствуют два возможных вопроса) с конструкциями (2) и (3), можем наблюдать, как в тексте описания появляется элемент рассуждения, осмысление наблюдаемой картины, ее прямая оценка. В какой терминологии описать это явление, пока говорить сложно, но, возможно, следует приложить сюда идею рематической доминанты Г. А. Золотовой (Золотова 1998).

Из сказанного вытекает закономерный вывод, что, выходя за рамки структуры предложения, конструкция с деепричастием становится маркером категорий текста, абсолютно последовательно разделяя их на текстообразующие (персональность, темпоральность, локальность, связность, модальность и др.) и нетекстообразующие (вежливость, количественность-качественность, причинно-следственность и др.) – список Е. Ю. Стратийчук (Стратийчук, 2006). Безусловно, приведенный перечень, пересекаясь с традиционными текстовыми категориями И. Р. Гальперина (информативность,

членимость, континуум, когезия, проспекция, ретроспекция, автосемантия, модальность, интеграция, завершенность) или, например, З. Я. Тураевой (категории образа автора, художественного времени, сцепления, информативности, интеграции, прогрессии и подтекста), значительно расширен за счет прагматических факторов, но мы остановились на нем, поскольку вывод Е. Ю. Стратийчук касается идеи места автора в структуре текста. Наиболее существенной, согласно Е. Ю. Стратийчук, оказывается категория персональности, которая является ведущей текстообразующей категорией, и это обусловлено тем, что автор текста организует повествование на основе своей точки зрения, текстовая категория персональности формирует текст. Собственно, эта мысль абсолютно сопряжена с идеей В. В. Виноградова, высказанной им в статье «Стиль «Пиковой дамы»: «Символы, характеры и стили литературы осложняются и преобразуются формами воспроизводимой действительности. В сферу этой изображаемой действительности вмещается и сам субъект повествования – «образ автора». Он является формой сложных и противоречивых соотношений между авторской интенцией, между фантазируемой личностью писателя и ликами персонажей. В понимании всех оттенков этой многозначной и многоликой структуры образа автора – ключ к композиции целого, к единству художественно-повествовательной системы Пушкина» (Виноградов 1980).

Продолжая разговор о том, как функционирует деепричастие или деепричастный оборот в тексте, приведем перечень, полученный нами на основе анализа «Повестей Белкина» А. С. Пушкина, выбор которых предопределен характеристикой пушкинского идиостиля Г. Я. Солгинском: «Не случайно также роль повествователя, рассказчика в прозе Пушкина. Лаконичная фраза Пушкина как бы специально приспособлена для рассказа, позволяет выразить и динамику событий, и спокойное их течение, и напряженность, тревожность обстановки. И все это в форме синтаксически простой, предельно экономной и спокойной, нередко даже контрастирующей с изображаемым» (Солганик 1973:110). Возможности привести полную выборку в рамках данной статьи нет, отметим, что весь текст пронизан конструкциями с деепричастными оборотами, хотя по повестям они представлены не совсем однородно количественно, равно как и с точки зрения выполняемой в тексте функции.

Как уже говорилось выше, функция **второстепенного сказуемого** вычленяется нами как **внетекстовая**: *мы отстали один за другим и разбрелись по квартирам, толкуя о скорой вакансии; Он, играя тут же, в рассеянности загнул лишний угол; пробегая письмо, глаза его сверкали* («Выстрел»).

Переходным явлением от собственно добавочного действия являются случаи **структурирования таксиса**: *Для сего, приехав однажды к нему, потребовал я хозяйственные книги, призвал плута старосту, и в присутствии Ивана Петровича занялся рассмотрением оных* («От издателя»); *переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения...* («Метель»); *заперев лавку, прибил он к воротам объявление о том, что дом продается* («Гробовщик»). Выстраивание текстового времени предопределяет структурные взаимоотношения на близких отрезках текста, можно говорить, что это текстообразующая категория – когезия – структурирование сложного синтаксического целого. Вопрос о том, является ли речь персонажа единицей сложного синтаксического целого или это единица вертикального развертывания текста, для нас пока открыт, но деепричастие используется для **косвенного введения речи персонажа**: *Иван Петрович подскакал к нему, осведомляясь, не ушибся ли он; лежал он, проклиная свою куцую кобылу* («Барышня-крестьянка»); *я обратился к секундантам, объявив, что нынче стрелять не намерен* («Выстрел»); *он поехал около роуци, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу* («Метель»).

Текстовой функцией маркирования хронотопа: *подъезжая к лесу, увидел он соседа своего; лошадь, доскакав до оврага, прежде его не замеченного, вдруг кинулась в сторону; соседи, завтракая, разговорились* («Барышня-крестьянка») – обладают деепричастия с обстоятельственной семантикой места/времени. Эта идея сопряжена с теми мыслями, которые высказывает Т. Е. Шаповалова в работе «Синтаксическая категория времени в русском языке» (Шаповалова 2000), где постулируется идея, например, маркирования времени пройденным расстоянием. Из первичных наблюдений – использование формы деепричастия, образованного от глаголов лексико-семантической группы движения.

Наиболее важным выводом, который вытекает из анализа художественного текста является тот, что посредством деепричастного оборота происходит смена позиции автора-нарратора на позицию автора-комментатора – включение в текст размышлений, наблюдений, оценок, прямо определяющих отношение «условного автора» к событиям, ситуациям, персонажам, им создаваемым. К более простым случаям следует отнести те, где достаточно легко прослеживаются попытки автора-комментатора объяснить происходящие события, появляется элемент функционального типа текста рассуждения. Такой случай функционирования деепричастного оборота мы назвали **интерпретирующей функцией**: *которая, как будто опомнясь, тотчас остановилась* («Барышня-крестьянка»); *но и тут крестьяне, пользуясь его слабостию, на первый год выпросили себе нарочитую льготу* («От издателя»); *отвыкнув от роскоши в бедном углу моем и уже давно не выдав чуждого богатства, я оробел и ждал графа с каким-то трепетом* («Выстрел»). Еще одна функция, в которой функционирует деепричастный оборот и которая также может считаться текстовой – **оценочная**, встречающаяся достаточно редко у А.С. Пушкина, но все же настолько специфичная, что на нее нельзя было не обратить внимания: *офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами* («Метель»). Как мы видим, здесь деепричастный оборот сближается по своим свойствам с адъективной функцией причастия, встроенный с ним в определительный ряд, скорее всего, именно эта позиция и предопределяет оценочную семантику.

Особняком стоят следующие случаи: *Берестов выехал прогуляться верхом, на всякой случай взяв с собою пары три борзых, стремянного и несколько дворовых мальчишек с трещотками; Берестов возвратился домой со славою, затравив зайца и ведя своего противника раненым и почти военнопленным; Муromский уехал не прежде, как взяв с него честное слово на другой же день (и с Алексеем Ивановичем) приехать отобедать по-приятельски в Прилучино; Григорий Иванович, не дав ей опомниться, объявил* («Барышня-крестьянка»). Их невозможно описать только с опорой на обстоятельственную или адъективную семантику, к ним невозможно приложить понятие рассуждения, не являются они и добавочным сказуемым в его чистом виде. Их особая роль в тексте, предопределенная их ироничной оценочностью, обусловлена собственно структурой самой повести «Барышня-крестьянка», где рассказчик – условно Белкин – постоянно присутствует в кадре, позволяя себе многочисленные оценочные реплики, «живя в тексте» наряду с персонажами. Собственно, такой способ построения текста отмечается еще в «Метели», и если учесть способ речеведения и последовательность создания повестей, согласно датировке автора, мы получим ряд очень интересных выводов, о чем мы говорили на одной из конференций.

Обращая внимание на способ речеведения – от первого или третьего лица ведется повествование, мы хотим подчеркнуть, что семантика деепричастного оборота предопределяется формой нарратива. При этом наши наблюдения позволяют оценивать «Повести Белкина» как некий лингвистический эксперимент, где А. С. Пушкин искал способ сделать идеальной «презренную» прозу. И здесь нельзя не вспомнить, что литературоведы склоняются к единому мнению, что «Выстрел» – наиболее совершенная из всех повестей. И скорее всего, дальнейший анализ деепричастий должен быть соположен со структурным анализом текстов «Повестей Белкина», тогда мы получим достаточно полную картину функции деепричастия в маркировании текстовых категорий.

Возвращаясь же к примерам, определенных нами как **речь автора-комментатора**, отметим, что это случай абсолютного текстового функционирования деепричастного оборота, этаким текст в тексте, что является одним из композиционных приемов с точки зрения литературоведческого анализа. Понимание этих случаев, их интерпретирование невозможно без учета других текстовых моментов, поскольку только анализ целостного текста позволяет оценить иронию говорящего, проследить текстовые фрагменты, где он появляется, определить предмет его иронических замечаний.

Наши наблюдения позволили сделать вывод о том, что деепричастный оборот маркирует такие текстовые категории, как целостность (речь автора-комментатора), когезия (структурирование таксиса, введение речи персонажа), художественное время/пространство (маркирование хронотопа), модальность (интерпретационная (рассуждение) и оценочная функции). Быть может, дальнейший

анализ позволит нам говорить, что именно эти категории являются собственно текстообразующими, создают грамматическую решетку текста. Поскольку помимо категории связности остальные определяют «образ автора», «персональность», имеет смысл рассматривать их на уровне когерентности, полагая, что именно они создают вертикальную структуру текста. Здесь уместно привести мысль М. Я. Дымарского о том, что «если лингвистика текста стремится к построению действительно лингвистической теории текста, то ей надлежит опираться прежде всего на изучение собственно языковой устроенности – то есть «грамматики» – текста, а не заниматься применением обобщений семиотики, теории литературы, культурологии, психологии и пр. к «общей лингвистической теории текста» (Дымарский 1999: 6). Собственно, это рассуждение и подтолкнуло нас к идее, что грамматические конструкции, обретающие на уровне структуры текста дополнительные функции, могут стать тем критерием, который позволит аргументированно определить текстообразующие категории и уже на основе наблюдения за их взаимодействием пытаться описать текстовую структуру.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. О языке художественной прозы: Избр. тр. М.: Наука, 1980. 360 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М: КомКнига, 2006. 144 с.
4. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: (На материале рус. прозы XIX–XX вв.). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 281 с.
5. Золотова Г. А, Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 524 с.
6. Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения: Учеб. пособ. для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
7. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1987. 256 с.
8. Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика: Сложное синтаксическое целое. М.: Высшая школа, 1973. 214 с.
9. Стратийчук Е. Ю. Персональность как текстообразующая категория художественного текста (на материале русского и английского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. Ростовн/Д., 2006.
10. Тураева З. Я. Лингвистика текста (Текст: Структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.
11. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке. М.: Моск. пед. ун-т, 2000. 151 с.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОЗЕ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

Д. С. Фещенко

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются синтаксические особенности контекстов речи персонажей. Устанавливается зависимость их синтаксической организации от физиологического, психологического, морального состояния говорящего. Выделяются некоторые синтаксические приметы индивидуального стиля В. Шаламова.

Ключевые слова: В. Т. Шаламов, «Колымские рассказы», новая проза, синтаксис Шаламова.

FEATURES OF SYNTACTIC ORGANIZATION OF CHARACTERS' SPEECH IN VARLAM SHALAMOV'S PROSE

D. S. Feshchenko

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

Abstract. The article discusses syntactic features of characters' speech in Shalamov's stories. An interesting connection between a character's state of mind and syntax came to light during the analysis. Additionally, some syntactic features were proved to be a distinguishing characteristic of Shalamov's unique style of prose.

Key words: Varlam Shalamov, 'Stories from Kolyma', new prose, Shalamov's syntax.

Проза Варлама Тихоновича Шаламова, отличающаяся самобытным содержанием и художественным своеобразием, вызывает закономерный исследовательский интерес на протяжении нескольких последних десятилетий. Поэтике писателя посвящено множество статей, написаны диссертации, изданы монографии (особое место среди которых, на наш взгляд, занимает такая глубокая и яркая работа, как «Незаконная комета» Елены Михайлик (Михайлик 2018)). Сфера исследовательской проблематики включает в себя вопросы повествования, мифопоэтики, художественного мира, композиции. Работы посвящаются отдельным шаламовским сюжетам, мотивам, жанровой природе «Колымских рассказов». Имея в виду многочисленные ценные открытия в аспекте литературоведения, вместе с тем, представляется интересным и плодотворным обратить внимание на собственно языковые механизмы воплощения авторского замысла, а именно на синтаксическую организацию текстов Шаламова. В данной работе мы обратились к синтаксису речевых контекстов, который мы рассматриваем, опираясь на лингвистическую традицию, разработанную в трудах В. В. Виноградова (Виноградов 1980) и Е. А. Иванчиковой (Иванчикова 1979).

Синтаксическая организация речи персонажей обнаруживает взаимосвязь с принципами «новой прозы», изложенными Шаламовым в ряде своих литературоведческих работ (Шаламов 2016). Среди них: отказ от классического развития сюжета и разработки характера персонажа, минимум описательных подробностей, серьёзность в выборе темы, о которой «должно быть рассказано ровно, без декламаций» (Там же: 99). Одно из ключевых составляющих авторской интенции Шаламова – «передача определённого психического состояния» (Там же: 92), – а также специфика материала (в большинстве «Колымских рассказов» повествуется о событиях лагерной жизни) обуславливает особенности организации речевых фрагментов, соотносимых с субъектной сферой персонажа или принадлежащих диегетическому повествователю, в зависимости от их положения на шкале колымского времени. Здесь будет иметь значение, повествуется ли о событиях следствия, когда человек ещё

не подвергся воздействию лагерной среды, о времени пребывания в лагере или после освобождения. Строение речи персонажа также определяется его текущим лагерным статусом – в зависимости от того, предстаёт ли герой заключённым-доходягой, студентом фельдшерских курсов или уже отступившим на несколько шагов от колымского ада – освобождённым от общих работ фельдшером.

В нескольких рассказах речь персонажа – точнее, «воскрешение» речи, языка как неотъемлемой части человеческого облика – становится объектом внимания и самого автора.

Разве из человеческих трагедий выход только религиозный? – Фразы ворочались в мозгу, причиняя боль клеткам мозга. Я думал, что я давно забыл такие слова. И вот вновь явились слова – и главное, повинуюсь моей собственной воле. Это было похоже на чудо (Шаламов 2022: 232); Язык мой, присковый грубый язык, был беден, как бедны были чувства, живущие около костей <...> думая десятками слов обходился я не первый год. Половина из этих слов была ругательствами <...> Но я не искал других слов. Я был счастлив, что не должен искать какие-то другие слова. Существуют ли эти другие слова, я не знал. Не умел ответить на этот вопрос (Там же: 337).

В полном соответствии с окружающим контекстом, фрагменты речи в рассказах, действие которых происходит в лагере в стандартных речевых ситуациях (работа фельдшера, общение с лагерным начальством и т.п.), в большинстве своём устроены просто – они представляют собой короткие, отрывистые фразы, шаблонные, стандартные речевые формулы тюремного канцелярита. Частотны императивные конструкции, номинативные предложения.

– Этап с Золотистого! – Чей прииск? – Сучий. – Вызывай бойцов на обыск. Не справишься ведь сам <...> Начнём? – Подождём, пока придут бойцы для обыска. – Новый порядок? <...> – Пройди на середину – вот ты, с костылями. Документы! (Там же: 192); Снимайте все повязки. – А гипс? – Ломайте весь гипс. Наложат завтра новый (Там же: 193); Слушай, Крист, – сказал начальник, – к тебе привезут гостей. <...> Вымоешь их. Дезинфекция и прочее. – Слушаюсь. – Ни один человек знать об этих людях не должен. Никакого общения (Там же: 195); – Тебя ищет нарядчик, – подбежал кто-то, и Голубев увидел нарядчика. – Собирайся! <...> – Сейчас, сказал Голубев. – На вахту придёшь (Там же: 278); – Подожди, ты ещё подзайдёшь, подзасекнёшься, – по-блатному грозил мне начальник больницы, доктор Доктор <...> – Встань, как полагается (Там же: 312).

В следующем отрывке из рассказа «Прокуратор Иудей» в тексте соседствуют два речевых отрезка, отнесенные к одному персонажу – доктору Браудэ. Первый отражает ситуацию общения в официальной обстановке: *Алексей Алексеевич, <...> Разрешите мне командовать. Я всё это знаю. Я здесь десять лет (Там же: 187);* второй – небольшой монолог, обращённый к самому себе: *Ампутации, только ампутации <...> Сейчас скучать не придётся <...> А Кубанцев хоть и парень неплохой, а растерялся. Фронтальной хирург! У них там всё инструкции, схемы, приказы, а вот вам живая жизнь, Колыма! (Там же: 187).* Заметна выразительность интонационного рисунка и усложнённая ритмическая организация второго фрагмента.

Контрастом к стандартным лагерным речевым сценариям выступают диалоги персонажей, находящихся вне Колымы – в следственной тюрьме, на Вишере тридцать первого года, в городской обстановке 50-х годов (рассказы «Ожерелье...», «Академик», «Алмазная карта», «Лучшая похвала», «Букинист»). Такие диалоги насыщены более глубоким содержанием: персонажи делятся друг с другом опытом, историями из жизни, обсуждают российское общественное движение, затрагивают философские и социальные проблемы (взаимоотношение разума и чувства, зыбкость культурного слоя в цивилизации и человеке, особенности национального характера и т.д.). Соответственно, такие фрагменты отличаются усложнённой стилистико-синтаксической организацией.

Так, в рассказе «Ожерелье княгини Гагариной» диалог является двигателем сюжета. Строение диалога символически представляет действительность: в следственной камере заключённые имеют ещё человеческий облик, они пока не сломлены, не раздавлены Колымой – и это отражено в языке, в тюремных играх, темах бесед. В речах персонажей прослеживаются индивидуальные черты. Речевая манера Миролюбова эмоциональна, местами патетична, наполнена экспрессивными, сравнительными

конструкциями. Возникает контраст с образами Криста и Андреева, спокойная, рассудочная, местами – ироничная речь которых «выдаёт» в них опытных арестантов.

Крист свистнул. Смерть придвинулась слишком близко к Миролюбову.

– *Что делать? Что делать? Как говорить? Почерк Путны не подделан. Я знаю его почерк слишком хорошо. И руки не дрожали, как у царевича Алексея после кнута – помните эти исторические сыскные дела, этот протокол допроса петровского времени.*

– *Искренне завидую вам, – сказал Крист, – что любовь к литературе всё преодолевает. Впрочем, это любовь к истории. Но если уж хватает душевных сил на аналогии, на сравнения, хватит и для того, чтобы разумно разобраться в вашем деле. Ясно одно: Путна арестован (Там же: 205).*

Изобразительный синтаксис речи персонажей создаётся разнообразными экспрессивными синтаксическими конструкциями. Среди них часто встречается **усечение** (апозиепезис). Данный тип конструкций придаёт напряжённый характер диалогам, создаёт конфликтность, мотивирует переход от одного композиционного звена к другому, имитирует ситуативность, неподготовленность, эмоциональность речи.

– *А почему её в самом деле не кладут? У ней с туберкулёзом неблагополучно.*

– *Да ведь это кобёл, – грубо вмешивается нарядчик. – О ней постановление было. Запрещено принимать. Да ведь спала же без меня. Или без мужа...*

– *Врут они все, кричит Валя Громова бесстыдно. – Видите, какие у меня пальцы. **Какие пяти...***

Фельдшер плюёт на пол и уходит в другую комнату. У Клавдии Ивановны истерический приступ (Там же: 195).

Письмо Варнаховского Рыдасова получила прямо из почтового ящика своей магаданской квартиры.

Это не понравилось ей и очень не понравилось Ивану Фёдоровичу.

– *Обнаглели до крайности. Любой террорист... (Там же: 216).*

Ср. похожий эпизод в рассказе «Аневризма аорты»: – *Я к вам, гражданин начальник, по важному делу. Отправляют Гловацкую. У ней аневризма аорты, тяжёлая. Любое движение...*

– *Вон отсюда! – заорал начальник. – До чего дошли, подлецы! В кабинет являются... (Там же: 276).*

Начальник угольной разведки, принимавший этап, полистал “дело” Скоросеева.

– *Гражданин начальник, я ещё могу...*

– *Сторожем поставлю... (Там же: 295).*

Они вышли на трассу, на шоссе Пугачёв поднял руку и остановил грузовик.

– *Вылезай! – он открыл дверцу кабины грузовика.*

– *Да я...*

– *Вылезай, тебе говорят.*

Шофёр вылез. За руль сел лейтенант танковых войск Георгадзе <...>

Как будто здесь поворот.

Машина завернула на один из...

– *Бензин весь!..*

Пугачёв выругался (Там же: 305).

В последнем примере мы наблюдаем интересное явление: фрагмент диалога, помимо усечённых конструкций, отнесённых к речи персонажа и передающих динамику сменяемых друг друга действий, содержит также усечение фрагмента авторской речи, выполняющее ту же функцию.

Вообще, случаи взаимодействия фрагментов, относимых к различным типам речи – проникновение речи персонажей внутрь повествовательных фрагментов, возникновение диалогических, акциональных связей между повествовательными и речевыми блоками – довольно распространённое явление в текстах Шаламова.

Тёмные глаза сестры-хозяйки улыбались мне, но большие улыбались самой себе, внутрь себя самой.

– **Почему это, Ольга Томасовна?**

– А-а, вы заметили. Я всегда думаю о другом. О прошлом. О вчерашнем. Стараюсь не видеть сегодняшнего (Там же: 230).

– Вот, почитайте, что нынче дежурный врач отхватил. Вот рапорт Зайцева.

Парторг отошёл к окну и, отогнув занавеску, поймал свет, рассеянный толстым законным льдом, на бумагу рапорта. Ну?

– Это, кажется, очень опасно...

Начальник захохотал (Там же: 275) – короткая вопросительная реплика начальника больницы («Ну?») помещена внутри повествовательного отрезка (повествовательной ремарки), рисующего действия его собеседника.

Закрывая лицо надушенным платком, следователь Фёдоров изволил беседовать со мной:

– Не хотите ли газетку – вот видите, Коминтерн распущен. Вам это будет интересно.

Нет, мне не было это интересно. Вот закурить бы.

– Уж извините. Я некурящий. Вот видите – вас обвиняют в восхвалении гитлеровского оружия... (Там же: 289).

Уоллесу всё было интересно. Как здесь растут капуста, картошка? Как её сажают? Рассадой? Как капуста? Удивительно. Какой урожай с гектара? (Там же: 208) – проникновение отдельных реплик диалога внутрь повествовательного блока – вопросительные реплики и реплика, выражающая нейтрально-вежливую реакцию на ответ.

Я был поражён знаниями рыжего курсанта. Хирург разглядывал торжествующего “Флеминга”. Кто же ты, ночной санитар? Кто?

– Кем же ты был на воле?

– Я капитан. Капитан инженерных войск... (Там же: 318). Авторское повествование переходит в диалог. Заметно структурное и интонационное сходство двух фрагментов.

Встречается сцепление речевых фрагментов и повествовательных фрагментов, выражающих следствие из сказанного ранее, действенную реакцию на предыдущую фразу:

– Не люблю кошек. Вот это – дело другое. – Филатов притянул к себе серого густошерстного щенка и потрепал его по шее (Там же: 199).

Повар открыл дверь и крикнул: – Медведи! – Все опрометью бросились к двери (Там же: 199).

Своеобразный художественный эффект – недосказанности, нарушенного ожидания – создаётся взаимодействием между повествовательным и речевым блоками в рассказе «Начальник больницы».

Вечером третьего дня навестил меня начальник лагеря. За всю свою лагерную практику на Колыме ему ещё не приходилось встречать такой меры наказания за проступок, которую требовал доктор Доктор, и начальник лагеря пытался что-то понять.

Он остановился у трапа.

– Здравствуйте, гражданин начальник.

– Сегодня твоя каторга кончается, можешь больше в изолятор не ходить.

– Спасибо, гражданин начальник.

– Но сегодня доработай до конца.

– Слушаюсь, гражданин начальник (Там же: 315).

Повествовательный блок эксплицитно вводит в текст дополнительную субъектную сферу (начальник лагеря) – через конструкцию с глаголом мышления. Однако дальнейшего развития эта субъектная сфера не демонстрирует – последующий речевой фрагмент представляет собой нейтральный диалог, наполненный фразами тюремного канцелярита. На возникающем контрасте ярче вырисовывается образ начальника лагеря, его «задумчивый вид», и усиливается внимание к тому, что в сцене не досказано, не выражено вербально, но является важным содержательным элементом данного рассказа. Сцена рисует отголоски той страшной силы, что уничтожила тысячи людей в лагерях. Эта сила действует через таких персонажей, как доктор Доктор, – но в этом рассказе она оказывается несостоятельной; полномочий начальника больницы хватает только на то, чтобы добиться наказания в виде трёх дней каторжных работ.

Та же мысль выделяется переходом на настоящее время в одном из следующих повествовательных фрагментов:

Свидетелей, что ли, привёл доктор Доктор, чтобы спровоцировать что-либо, хоть маленькое нарушение. Изменилось время, изменилось. Это понимает и доктор Доктор, понимаю это и я. Начальник и фельдшер – это не то, что начальник и простой работяга. Далеко не то (Там же: 316).

В завершение обзора синтаксических особенностей организации речи персонажей ещё раз подчеркнём их связь с жанровой спецификой прозы Варлама Шаламова, которая проявляется в строении речевых фрагментов и их обусловленности ситуативным контекстом. Наблюдается тесная корреляция между синтаксической организацией речи персонажей и их физиологическим, психологическим, моральным состоянием. В качестве одной из наиболее распространённых в рассказах Шаламова экспрессивных конструкций, рисующих речь, выделяется усечение. Своеобразие художественной манеры писателя находит выражение также в интенсивном взаимопроникновении повествовательных и речевых фрагментов. Выделенные, «сплавленные» таким образом фрагменты текста сближают субъектные планы персонажей, актуализируют связи между отдельными компонентами образа автора, усиливают смысловые акценты.

Литература

1. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
2. Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 286 с.
3. Михайлик Е. Ю. Незаконная комета. Варлам Шаламов: опыт медленного чтения. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 376 с.
4. Шаламов В. Т. Всё или ничего: Эссе о поэзии и прозе. СПб.: Лимбус Пресс, 2016. 522 с.
5. Шаламов В. Т. «Колымские рассказы» в одном томе. М.: Изд-во «Э», 2018. 928 с.

УДК 81'42

ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОНЛАЙН-ИНТЕНСИВА

А. Ю. Церюльник

Тихоокеанский государственный университет

Хабаровск, Россия

Аннотация. На примере образовательной платформы Skillbox показывается проявление интердискурсивности в гипержанре онлайн-интенсива, черты которого соотносятся с интернет-дискурсом, образовательным дискурсом и маркетинговым дискурсом. Рассматриваются следующие дискурсивные характеристики: коммуникативная цель, участники дискурса, жанровое воплощение, коммуникативные стратегии и языковые средства их реализации.

Ключевые слова: интенсив, онлайн-интенсив, дискурс, вебинар, интернет-дискурс, образовательный дискурс, маркетинговый дискурс, интердискурсивность.

В настоящее время глубокое проникновение интернет-технологий в разные сферы нашей жизни является неоспоримым фактом. Сфера образования не является исключением. Дистанционное обучение, проходящее в интернет-среде, становится обычным явлением современного человека, позволяющее, с одной стороны, получать образовательные услуги независимо от местонахождения обучающегося, экономить время на дорогу до учебного заведения, иметь оперативный доступ к огромному количеству источников информации, а с другой стороны, получать возможность максимально

задействовать современные информационные и телекоммуникационные технологии, уменьшить расходы на организацию обучения, увеличить количество обучающихся.

Следует отметить, что одной из ключевых концепций современного образования является концепция *lifelong learning* – стремление к непрерывному обучению в течение всей жизни, получению новых знаний, умений и навыков, которые могут позволить человеку развиваться лично и профессионально, а также не потерять свою востребованность на рынке. Именно эта концепция обуславливает появление большого количества образовательных платформ, которые предоставляют онлайн-курсы в формате видеозаписи, позволяющие совмещать учёбу с работой, заниматься по удобному графику и при этом овладевать управленческими навыками, иностранными языками, профессиями, связанными с IT-сферой и др. Подобную возможность дают, например, онлайн-университет Skillbox, университет интернет-профессий «Нетология», школа английского языка Skyeng, университет для разработчиков Geekbrains и др. Статистика показывает высокую востребованность этих курсов: курсы первых трех компаний суммарно окончили около 100 тыс. студентов, а количество пользователей, зарегистрированных на портале Geekbrains, превышает 4 млн. (Латыпова).

Таким образом, частичный переход образовательной сферы в интернет-среду показывает проявление интердискурсивности, при которой образовательный дискурс находится в тесной связи с интернет-дискурсом, образуя единое коммуникативное пространство со свойственными ему характеристиками – виртуальный образовательный дискурс.

Уточним ключевые понятия, которые используются в нашем исследовании. Рассматривая дискурс, мы следуем его хрестоматийному определению, данному в работе Т. А. ван Дейка, который считает дискурс сложным коммуникативным явлением, включающим, кроме текста, ещё экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста (Дейк 1989: 8). Дискурс, по мнению исследователя, также являет собой связь как письменных сообщений, так и устных, которые выражаются в специфичной коммуникативной ситуации (Deik 2003: 101). Кроме этого, мы берём во внимание позицию Н. Д. Арутюновой, отмечающей, что дискурс можно понимать как «речь, погружённую в жизнь», т.е. то, что мы говорим, возможно понимать как событие коммуникации, в совокупности с жестами, мимикой, ритмом речи, эмоциональной оценкой, опытом и мировоззрением коммуникантов (Арутюнова 1998: 137).

Активное развитие интернет-среды обуславливает формирование интернет-дискурса, который может осмысливаться как «текст в условиях общения в виртуальной реальности» (Танчук 2021: 29), как «своеобразное ядро, объединяющее вокруг себя различные типы дискурса» (Ахренова 2018: 83), что позволяет объединять разнообразные жанры общения в интернете, так как здесь «имеет место языковое отражение когнитивного процесса восприятия определённой концептосферы, т.е. концептосферы интернета, а также эмоциональное отношение к описываемому концепту, оценка данного явления, формирование определённого мнения об описываемом событии или явлении, побуждение пользователя к определённым действиям» (Ахренова 2018: 83).

В рамках нашего исследования представляется важным уточнить наше понимание дискурса образовательной деятельности. Так, существуют разные подходы в интерпретации этой области дискурса. Мы согласны с В. В. Яковлевой, что образовательный дискурс «охватывает более широкую сферу реализации – в отличие от педагогического дискурса, концептосферу образовательного дискурса составляет образование как система. Выходя за рамки учебных аудиторий, образовательный дискурс охватывает деятельность, непосредственно связанную с образовательным процессом в целом» (Яковлева 2021: 198–199). В связи с этим в рамках нашей работы более подходит понятие образовательного дискурса.

Для нас представляет особый интерес мнение Н. Н. Карпицкого о том, что константная (подлинная) реальность порождает виртуальную. (Карпицкий 2003: 133). Это позволяет говорить о том, что дискурс, который находится в действительной реальности, обладает способностью переходить в виртуальное пространство, перенося в интернет-среду свои отличительные характеристики. Именно эта идея во многом объясняет тот факт, что современный образовательный дискурс включает всё

большее количество интернет-жанров, которые позволяют передавать информацию с учётом потребностей современного человека, ключевыми из которых являются мобильность и доступность. Среди подобных жанров можно назвать блоги, форумы преподавателей, групповые чаты, обучающие вебинары и др.

Одним из результатов взаимодействия образовательного дискурса и интернет-дискурса можно назвать появление онлайн-интенсивов.

Понятие *интенсив* происходит от прилагательного *интенсивный*, т.е. «дающий высокую производительность» (Ожегов 2006). Запрос «запись на интенсив» в поисковой системе Google среди множества результатов вывел на сайты со следующими сообщениями:

*С 27 по 29 июня в Москве пройдет образовательный **интенсив** для молодых кинематографистов, подающих свои дебютные проекты на конкурс Министерства культуры.*

*Справедливости ради, далеко не каждый может позволить себе целый месяц провести в гончарной школе, и мы это понимаем. Поэтому решили запустить **интенсив**. Три дня, вы и глина, 4 изделия и куча эмоций.*

Из этих сообщений можно сделать вывод, что под интенсивом понимается небольшой по продолжительности образовательный курс, который позволит клиентам в очном формате в сжатые сроки максимально погрузиться в интересующую их тему.

Следует сказать, что интенсивы в интернет-среде в настоящее время стали весьма популярны. Запрос в Google «онлайн-интенсив» предлагает 1 620 000 результатов (на 15.09.2022 г.). Данный факт демонстрирует переход явления из подлинной в виртуальную реальность и обуславливает необходимость изучения взаимодействия разных дискурсов: образовательного дискурса и интернет-дискурса.

Материалом данного исследования послужили 20 онлайн-интенсивов, в общей сложности представляющих собой 60 русскоязычных вебинаров, проводимых на образовательной платформе Skillbox (один из лидеров российского рынка онлайн-обучения) и посвященных разным IT-профессиям. Были рассмотрены направления, связанные с программированием (базы данных, искусственный интеллект, тестирование), разработкой дизайна сайтов (веб-дизайн), маркетингом в сфере информационных технологий (SEO, SMM). Как правило, онлайн-интенсив на Skillbox представляет собой серию из трёх вебинаров. Организаторы так описывают порядок проведения онлайн-интенсива в своей почтовой рассылке: «Каждый интенсив длится 3 дня. За это время вы изучите теорию, узнаете секретные лайфхаки экспертов и выполните практическое задание, чтобы закрепить навыки. В последний день спикер разберёт ваши проекты и вручит подарки». Из данного сообщения можно понять, что трехчастный онлайн-интенсив состоит из введения в профессию, включающего теоретический блок; применения теоретической информации на практике; а также разбора домашнего задания и подведения итогов.

Таким образом, онлайн-интенсив представляет собой специальный онлайн-курс, предусматривающий более интенсивные занятия по сравнению с обычным базовым курсом обучения. Стандартные онлайн-курсы Skillbox длятся обычно от 2 до 24 месяцев. Онлайн-интенсивы Skillbox помогают за короткий срок погрузиться в интересующую профессию (например, тестировщик программного обеспечения) и понять, насколько информация, содержащаяся в данном курсе интересна, сложна для понимания, а также определить возможные перспективы в случае успешного овладения данной профессией.

Первичное знакомство пользователя с онлайн-интенсивами начинается с прочтения заголовков вебинаров, поэтому представляется целесообразным рассмотреть особенности заголовков вебинаров, входящих в онлайн-интенсивы, и определить их своеобразие. Анализ данных заголовков показал, что активно используются глаголы первого лица, множественного числа на всех трёх этапах онлайн-интенсива:

***Знакомимся** с Python и архитектурой умного чат-бота*

***Учим** бота на Python понимать текст*

*Искусственный интеллект на Python: **подводим** итоги*

В примере приводятся три темы вебинаров из одного онлайн-интенсива, посвященного профессии программиста, работающего с языком Python. Данная форма глагола указывает на совместные действия и позволяет создать атмосферу поддержки со стороны организаторов онлайн-интенсива, а также показать, что слушатели смогут принять участие в заявленных действиях.

Также среди особенностей можно выделить использование вопросительных предложений в заголовках вебинаров онлайн-интенсивов, позволяющих придать темам проблемный характер и этим в большей степени заинтересовать потенциальных участников.

Кто такой тестировщик и чем он занимается?

Что такое API и зачем этот инструмент нужен тестировщику?

Рассмотрим структурно-композиционные особенности ОИ Skillbox.

Структурно-композиционные компоненты ОИ

Первый день:

1) Введение

- статичная и динамичная заставка ОИ,
- установление связи с участниками ОИ,
- представление ведущего,
- краткая информация об образовательной платформе Skillbox от ведущего,
- информация о специальном предложении и подарке для участников,
- представление спикера (лектора),
- приветствие спикера,

2) Основная часть

• теоретическая информация в рамках обозначенной темы ОИ,

• рекламный информационный блок с подробной информацией о полном онлайн-курсе профессии, которой посвящен ОИ,

- продолжение теоретической части,

3) Заключение

- Q&A session (вопросы и ответы),
- этикетные формулы благодарности спикеру, прощание.

Второй день:

1) Введение

- статичная и динамичная заставка ОИ,
- установление связи с участниками ОИ,
- повторное представление ведущего,
- информация о специальном предложении и подарке для участников,
- повторное представление спикера (лектора),
- приветствие спикера,

2) Основная часть

• новая теоретическая информация в рамках обозначенной темы, ОИ,

• рекламный информационный блок с подробной информацией о полном онлайн-курсе профессии, которой посвящен ОИ,

- практическая часть,

3) Заключение

- Q&A session (вопросы и ответы),
- этикетные формулы благодарности спикеру, прощание.

Третий день:

1) Введение

- статичная и динамичная заставка ОИ,
- установление связи с участниками ОИ,

- повторное представление ведущего,
- информация о специальном предложении и подарке для участников,
- повторное представление спикера,
- приветствие спикера,

2) Основная часть

- разбор домашнего задания, которое было дано ранее, объяснение способов его выполнения,

3) Заключение

- Q&A session (вопросы и ответы),
- этикетные формулы благодарности спикеру, прощание.

Таким образом, структура ОИ показывает наличие стандартной вступительной и заключительной части для всех трех дней ОИ, а также определенное наполнение основной части, соответствующее принципу активного погружения в интересующую профессию, перехода от теории к практике. Также мы можем отметить в ОИ платформы Skillbox присутствие не только непосредственно образовательного, но и рекламного аспекта, направленного на продвижение образовательных услуг. В связи с этим представляется целесообразным установление отличительных особенностей образовательного и маркетингового дискурсов, характеризующих гипержанр онлайн-интенсива с учётом его функционирования в интернет-среде. Среди данных особенностей мы рассмотрим коммуникативную цель, участников дискурса, жанровое воплощение, коммуникативные стратегии и языковые средства их реализации.

В первую очередь охарактеризуем онлайн-интенсив с позиции **виртуального образовательного дискурса**.

Участники дискурса

Являясь институциональным дискурсом, образовательный дискурс задает устоявшиеся и регламентированные условия общения: в рамках дискурса представлена нормативная модель типичной статусно-ролевой коммуникации, где у каждого из участников есть своя роль. Основными участниками образовательного дискурса являются учитель и ученик. В рамках ОИ Skillbox функцию учителя выполняет спикер (лектор). Как правило, это не профессиональный преподаватель, а представитель рассматриваемой профессии, т.е. практик (инженер, программист, редактор, в том числе представители руководящего звена). Функцию ученика выполняют участники ОИ – люди разного возраста, представители разных профессий, желающие освоить новую для них высокооплачиваемую профессию или повысить квалификацию. Также ещё одним участником ОИ является ведущий (модератор), который выполняет своеобразную функцию ретранслятора между спикером и участниками ОИ.

Коммуникативная цель

Одной из ключевых целей ОИ является установка контакта между лектором и слушателями, вовлечение аудитории в образовательный процесс, передача новых знаний слушателям ОИ.

Жанровое воплощение

ОИ во многом соотносится с лекцией в традиционном понимании (заявление темы, обозначение этапов выступления, непосредственно текст доклада лектора, который разделен на поэтапное развертывание заявленной в названии темы и заключение). При этом с учетом специфики функционирования в интернет-среде ключевой формой реализации ОИ Skillbox является вебинар. Также для каждого ОИ создается чат в телеграм-канале. Здесь участники могут общаться между собой по теме ОИ, задавать вопросы ведущему и лектору, получать домашнее задание.

Коммуникативные стратегии и языковые средства их реализации

В соответствии со структурой ОИ можно выделить ряд коммуникативных стратегий и языковых средств их реализации.

1) Стратегия установления виртуальной связи:

- приветствие аудитории с использованием дискурсивных формул приветствия (*добрый вечер, дорогие друзья*). Отметим, что использование подобного обращения «дорогие друзья» способствует сокращению дистанции между ведущим и участниками онлайн-интенсива и задаёт определенный неформальный тон для коммуникации;

- проверка работы технического оснащения – запрос о качестве связи, подтверждение качества связи (*Давайте настроимся. Все ли слышно? Все ли видно? Если все хорошо, ставим плюсики в комментариях – я сразу же их увижу, сразу же пойму. Вот вы пишете «нет, даже после обновления урока играет музыка». Сейчас все появится. Надеюсь, уже видно, надеюсь, уже все слышно, если возникают какие-то проблемы, пишите*). Также на этом этапе обозначается площадка для обратной связи с ведущим и лектором (*Основная трансляция у нас идет на страничке live.skillbox.ru. Именно здесь читаем ваши комментарии именно здесь отвечаем на Ваши вопросы и задаем свои вопросы*);

- жалобы на качество связи (*нам пишут, что звук лагает*);
- извинение за технические неполадки (*Просим прощения. Мы постараемся что-то исправить, что-то сделать чтобы все было хорошо*).

2) Стратегия самопрезентации:

- представление ведущего и спикера (*«Меня зовут Дмитрий Леценко. Я буду вашим ведущим на протяжении всего этого вебинара, всего завтрашнего и послезавтрашнего вебинаров». «Представлю нашего спикера. Дмитрий Якин – инженер по тестированию в Яндексе. Занимается разработкой ПО последние 7 лет. Организует тест-сессии, мастер-классы по тестированию. Выступал с докладами на конференциях SQA-days, TechTrain и CodeFest»*).

- представление участников ОИ, которые в ответ на просьбу ведущего познакомиться пишут в комментариях свою профессию, город, информацию о том, смотрели ли раньше вебинары Skillbox, каковы причины, по которым они решили пройти данный ОИ).

3) Стратегия информирования:

- передача теоретической информации;
- приведение аналогий (примеров, связанных с другой областью знаний);
- анализ домашнего задания.

Рассмотрим ОИ с позиции **виртуального маркетингового дискурса**. Маркетинговый дискурс – речевое взаимодействие людей в условиях рыночных отношений, которое отличается стремлением к сотрудничеству, осознанному целеполаганию на конкурентной основе, к выбору оптимальных средств для достижения взаимопонимания и необходимой для профессионального общения глубины взаимодействия (Гусейнова 2010).

Участники дискурса

Маркетинговый дискурс является разновидностью институционального дискурса с определенной моделью статусно-ролевой коммуникации, где основными участниками являются продавец и потенциальный покупатель. Функцию продавца в ОИ выполняет ведущий (модератор) ОИ. Потенциальными покупателями являются участники ОИ.

Коммуникативная цель

Коммуникативная цель маркетингового дискурса состоит в выстраивании партнерских отношений между коммуникантами в условиях рынка для поддержки динамических процессов в обществе потребления (Гусейнова 2010). Данная цель соотносится с задачей в целом представителей Skillbox и в частности ведущего ОИ убедить аудиторию купить полный онлайн-курс образовательной платформы по рассматриваемой на ОИ профессии.

Жанровое воплощение

Ключевым жанром ОИ в рамках маркетингового дискурса является презентация образовательной платформы. Этому соответствует динамичная видеозаставка в начале ОИ, которая кратко, но ёмко с использованием выразительной анимации и музыкального сопровождения показывает достижения компании Skillbox (различные премии и статусы); ключевые преимущества (реальные задачи и кейсы, помощь в трудоустройстве); названия направлений, по которым происходит обучение на платформе (программирование, маркетинг, управление, мультимедиа); некоторые цифры, которые создают особое впечатление (более 600 образовательных программ, а также кураторов и спикеров); сотрудничество с ведущими университетами. Функция этой композиционной части заключается в демонстрировании авторитетности образовательной платформы.

Также в жанре презентации предлагается рекламный блок, разрывающий выступление лектора на две части. Приводится сообщение с подробной информацией об онлайн-курсе, которому посвящен ОИ (например, профессия инженера по тестированию). Здесь ведущий рассказывает о содержании курса, о возможности трудоустройства, формате оплаты, специальном предложении и подарке для слушателей.

Коммуникативные стратегии и языковые средства их реализации

Для маркетингового дискурса ядерными являются информационная и манипулятивная коммуникативные стратегии. Это обусловлено, с одной стороны, стремлением продавца решить собственные задачи (сбыт товара, позитивное позиционирование товаров и услуг и т.д.), а с другой – стремлением коммуникантов к выстраиванию диалога и созданию атмосферы открытости, что является основанием для развития взаимовыгодных экономических интересов (Акентьева 2021: 17). Стратегия информирования выражается в сообщении о платформе Skillbox, а также о структуре полного онлайн-курса по профессии, которой посвящен ОИ, и преимуществах обучения на *Skillbox*.

Манипулятивная стратегия, в свою очередь, реализуется за счет «искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» (Копнина 2007: 25). Описываемые ОИ отличаются персуазивным характером. В их задачи входит внедрение определенных идей в сознание аудитории, среди которых создание атмосферы доступности знаний, представленных в полных онлайн-курсах, легкости их усвоения, а также возможности получения высокого материального дохода на рынке труда.

Манипулятивной стратегии соответствует информация о специальном предложении и подарке для участников ОИ. Слова и словосочетания «специальное предложение», «закрытая распродажа», «подарок», «скидка» являются триггерами, т.е. мотивирующими факторами для записи участников ОИ на полный платный онлайн-курс образовательной платформы: «У нас есть подарок для всех участников ОИ. На этот курс или другой курс на Skillbox вы можете потратить свою скидку в десять тысяч рублей». Использование ведущим императива, а также интерактивных элементов интернет-среды усиливает эффект воздействия на сознание аудитории: «Нажмите на кнопку, ждем ваших заявок, под видео есть специальная кнопка. Если смотрите на Youtube, то под видео есть ссылочка. Нажмите на неё, заполните специальную анкету, нажмите кнопку «Получить», мы вам перезвоним и на все вопросы ответим».

В целом нужно сказать, что подобная манипулятивная стратегия находит свое отражение уже заголовках ИО. Так, например, заголовок ОИ «Легкий старт в профессию тестировщика» подчеркивает, что независимо от имеющихся первоначальных знаний по интересующей профессии будущему участнику онлайн-курсов Skillbox будет несложно освоить новую профессию, что должно благоприятно повлиять на решение оплатить онлайн-курс.

Таким образом, проведенное исследование показывает в ОИ конвергенцию дискурсивных характеристик интернет-дискурса, а также образовательного и маркетингового дискурсов, что создаёт особое коммуникативное пространство, соответствующее современным реалиям жизни.

Литература

1. Акентьева К. А. Российский маркетинговый дискурс: к модели описания // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: сб. ст. по матер. II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С. Г. Стерлигова. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 16–19.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137.
3. Ахренова Н. А. Доминанты современной интернет-лингвистики: дисс. ... докт. филол. наук. Мытищи, 2018. 383 с.

4. Гусейнова И. А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2010. 44 с.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
6. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2000. С. 25–33.
7. Карпицкий Н. Н. Виртуальность и темпоральность // Известия ТПУ. 2003. Т. 306. № 4. С. 132–136.
8. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Наука: Флинта, 2007. 176 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
10. Танчук А. С. Дискурсивные характеристики англоязычных вебинаров по обучению английскому языку: дисс. ... канд. филол. наук. Самара. 2021. 205 с.
11. Щипицина Л. Ю. Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 215–226.
12. Щипицина Л. Ю. Устные интернет-жанры в современной коммуникации: медиалингвистический анализ // От социокультурных практик к дискурсивным. Архангельск: САФУ, 2020. С. 86–118.
13. Яковлева В. В. Дискурс в образовательной деятельности (терминологический аспект) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 11 (853). С. 191–203.
14. Van Dijk T. A. The discourse-knowledge interface // Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 85–109.

Электронные ресурсы

1. Латыпова Е. Непрерывное обучение как главный тренд образования будущего. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5eb9cc339a79471380ca55f9> (дата обращения 14.09.2022)
2. Образовательная платформа Skillbox. URL: <https://skillbox.ru/> (дата обращения 14.09.2022)

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МОДУСА ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАРИНЭ АБГАРЯН (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ «ЛЮДИ НАШЕГО ДВОРА»)

Чжао Ситун

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия; Шэньян, КНР*

***Аннотация.** В статье рассматриваются языковые средства репрезентации модуса времени в текстах рассказов Н. Абгарян «Люди нашего двора». Выделены лексические и грамматические средства, отражающие специфику авторского восприятия времени. Сделан вывод о ключевом значении модуса прошлого для автобиографической прозы Н. Абгарян.*

***Ключевые слова:** время, модус времени, художественный текст, Наринэ Абгарян.*

**FEATURES OF THE LANGUAGE REPRESENTATION
OF THE MODE OF TIME IN THE WORKS OF NARINE ABGARYAN
(ON THE EXAMPLE OF THE STORIES “PEOPLE OF OUR YARD”)**

Zhao Xitong

*Far East Federal University
Vladivostok, Russia; Shenyang, China*

***Abstract:** The article deals with the linguistic means of representing the mode of time in the texts of N. Abgaryan's stories “People of our yard”. Lexical and grammatical means reflecting the specifics of the author's perception of time are highlighted. The conclusion is made about the key importance of the mode of the past for N. Abgaryan's autobiographical prose.*

***Key words:** time, mode of time, literary text, Narine Abgaryan.*

В настоящее время в контексте антропоцентрической лингвистики значительное внимание исследователей уделяется проблеме репрезентации модусных смыслов в различных дискурсивных сферах. Само понятие «модус» было предложено Ш. Балли, по определению которого это «одна часть эксплицитного предложения, выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом. Модальный глагол и модальный субъект вместе образуют модус, дополняющий диктум. Модус содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложения. Модус входит в сферу языка и является его неотъемлемой частью, не может существовать отдельно» (Балли 1955: 44). Как отмечает О. А. Кобрин, модус – это «очень многогранное явление полифункционального характера, а также и полиаспектная сущность, обладающая многими важными характеристиками категориального уровня» (Кобрин 2011: 73).

В центре нашего исследования – сравнительно малоизученное в лингвистике понятие «модус времени». Традиционно оно рассматривается как понятие философии: так именуются прошедшее, настоящее и будущее время. Сам термин «модус» в философии обозначает свойство предмета, присущее ему лишь в некоторых состояниях, в отличие от атрибута – неотъемлемого свойства предмета. Таким образом, в самой квалификации прошедшего, настоящего и будущего как модусов времени отражено своеобразие их бытия (Модусы времени). В числе лингвистических исследований, прежде всего, следует отметить работу Г. В. Калиткиной, посвящённую специфике репрезентации модуса времени в диалектном дискурсе (Калиткина 2014). Автор рассматривает модус времени как своеобразную «языковую картину мира», предполагающую грамматическую трихотомию «прошлое – настоящее – будущее». Эта картина мира формируется совокупностью концептов, относящихся к единому макроконцепту «Время». Применительно к диалектному дискурсу Г. В. Калиткина определяет данный концепт как дискурсообразующий. Исходя из представленного в её статье анализа, мы можем сделать вывод, что модусы времени репрезентируются в единстве лексических и грамматических языковых средств. В числе первых автор рассматривает лексические единицы, которые можно отнести к общей тематической группе «Время», в числе вторых – временные формы глаголов, синтаксические конструкции с временной семантикой, а также значением сравнения.

В своём исследовании Г. В. Калиткина также отмечает, что ряд антропологов не исключают «крена» культур в сторону одного из модусов времени. Речь ведётся о том, что некоторые национальные культуры ориентированы на ретроспекцию, другие сосредоточены на будущем, а третьи фокусируют своё внимание на области «сегодня» (сходный смысл стоит за терминами пассеизм, презентизм и футуризм мышления) (Калиткина 2014: 67).

В нашей работе мы обращаемся к особенностям репрезентации модуса времени в художественном тексте. Мы ставим целью определить, каким образом в нём может найти отражение специфика национальной языковой картины мира автора. Для этого в качестве материала исследования мы рассматриваем произведения Наринэ Абгарян – армянской русскоговорящей писательницы, предста-

вительницы «новой женской прозы». Её работы в значительной степени автобиографичны. В числе её известных работ можно отметить такие произведения, как «Манюня» (2010), «Люди, которые всегда со мной» (2014), «С неба упали три яблока» (2015), «Люди нашего двора» (2016), «Симон» (2020). Произведения Н. Абгарян – это своеобразные реквиемы по ушедшим поколениям близких и родных, их подвигам, силе характера, умению жертвовать и любить. Один из основных лейтмотивов в текстах Наринэ Абгарян – это обращение к счастливому, беззаботному детству в горах (Ретивкина 2018: 295). Писательнице свойственен самобытный стиль, лирическая тональность повествования, то трогательная и ироничная, то трагичная и щемлящая. Склонность автора к импрессионистическому методу в изображении тонких душевных движений, создающих атмосферу исключительной гармонии родственных отношений, – основа психологизма её прозы (Павлова 2017: 114).

Наш материал – это рассказы из сборника «Люди нашего двора» (Абгарян 2021), это истории о родных, друзьях, соседях, о горьком и смешном мире людей, которые живут, не замечая времени. Людей, которые умеют найти забавное даже в трагичном. Мир стариков и детей, взрослых и тех, кто утратил веру, но не отчаялся. Мир людей, навсегда застрявших в том измерении, где когда-нибудь обязательно исполняются мечты.

Как было отмечено выше, в лингвистике понятие «модус времени» ещё недостаточно изучено, вследствие чего сложно определить чёткий алгоритм его описания. Опираясь на работу Г. В. Калиткиной, считаем необходимым выделить лексические единицы, относящиеся к тематической группе «Время», проанализировать специфику их употребления, а также рассмотреть особенности использования грамматических форм времени. По нашему мнению, в своей совокупности данные языковые средства позволят определить особенности авторского восприятия времени, его концептуализации, т.е. выявить особенности репрезентации модуса времени.

В рассказах «Люди нашего двора» Наринэ Абгарян значительное место отводит размышлениям о времени. Автор использует глаголы «тянется» и «дремлет», чтобы ярко выразить течение и неподвижность времени: *На макушке Хали-кара время тянется не так, как в долине* («На макушке Хали-кара»). *Там, откуда ты родом, небо ниже гор, а в тени домов дремлет время* («О любви»).

Время текуче, но определение времени у всех разное. Для автора ощущение времени неразрывно связано с определённым местом – её родиной: *Там, откуда ты родом, время всё ещё определяют по старинке* («О любви»). Именно здесь оно неспешно, здесь его «определяют по старинке».

Время как стрела, у времени ход только вперёд. Но автор пытается преодолеть необратимость времени, развернуть его стрелу вспять: *У времени ход только вперёд, но в самом деле это не так, ход у времени всегда к началу начал, туда, где, оуклившись, бытие обращается в небытие, как в той странной игре, где детвора, разбившись на два лагеря, вызывает кого-то, кто должен разбить круг* («Осень»). «Начало начал» для Н. Абгарян – это как раз прошлое, светлые воспоминания о детстве. Время, по мнению писательницы, всегда возвращает нас к нашим истокам.

Модус времени в анализируемых текстах репрезентируется и за счёт лексических единиц, обозначающих отрезки времени – времена года и время суток.

Через описание быта жителей родных для Н. Абгарян мест показано, как они проводят четыре времени года и их отношение к четырём временам года. В рассказе описания осени и зимы больше, чем весны и лета.

Осень в рассказах Н. Абгарян осмысливается философски. Именно осень ассоциируется с «возвращением к истокам», к памяти о прошлом. Так, рассказ «Осень» начинается и завершается одним и тем же предложением: *Осень похожа на уже прочитанную, но успевающую позабыться книгу – каждая страница о том, что знаешь и о чем смутно помнишь, каждая страница – возвращение туда, где уже побывал* («Осень»). Это также подтверждает «закольцованность» времени, его стремление к «движению к началу начал», о котором уже говорилось выше.

Упоминания весны единичны, она ассоциируется с состоянием душевного подъёма: *У Епиме на душе весна, хочется поклонения и сантиментов. У пастуха прострел и давление, какие тут могут быть сантименты?!* («Неисполнимое»).

Зима и лето в проанализированных рассказах связаны с бытом, хозяйством: летние заготовки открываются зимой, наступает «праздник лета посреди зимы». Это снова указывает на связь времени в сознании автора с теми местами, откуда она родом: *В декабре разморозить, залить баклажаны помидорами, нарезать туда репчатого лука и свежей зелени – и праздновать лето посреди зимы* («Если бы»).

Жизнь протекает во времени, время нередко отождествляется с жизнью (человека, поколения или цивилизации), и оно конечно. До начала времён и после их завершения главенствует вечность. Такой взгляд часто передаётся через насыщенность контекста временными лексемами в их сопоставлении и противопоставлении (Бурдина 2011: 302). Н. Абгарян использует названия времени суток: «утро», «полдень», «вечер» и «ночь», чтобы выразить, как в её сознании это время связывается с представлением о её родных местах, ярко изображая, как жизнь привязана ко времени:

Утра мои будут начинаться с крика петухов, *полдни* сочтятся сквозь пальцы медовым зноём, *вечера* будут прохладны от тумана, неизменно спускающегося с макушки Хали-кара. *Ночи* мои будут осенены пением сверчков – ру-ри-рури-рури («Рури»).

Днём с лысой макушки Хали-кара обязательно спустился бы туман, загребая мир в ватные свои объятия («Если бы»).

Ночи отныне наполнены шумом дождя, *утра* пахнут обессилившей, но ещё не остывшей землёй, солнце, растерявши всю свою чинную неспешность, суетливо скользит по краю неба, не поднимаясь выше холмов – время солнца ушло, настали чужие времена («Осень»).

Здесь каждый день похож на другой, каждая ночь – повторение предыдущей («На макушке Хали-кара»).

В приведённых примерах можно увидеть, как любое время суток – утро, день, полдень, вечер, ночь – неразрывно связаны с образами природы, с образами родных для автора мест, любовью к которым наполнены рассказы Н. Абгарян: утро – крик петухов, запах «ещё не остывшей земли», полдень – «медовый зной», день и вечер – туман, спускающийся с макушки Хали-кара, ночь – шум дождя. Само это место – «макушка Хали-кара» – для автора преимущественно ассоциируется с неспешностью времени («полдни будут сочтятся сквозь пальцы», «чинная неспешность»), а также неизменностью, постоянством событий и состояний («туман, неизменно спускающийся с макушки», «обязательно спустился бы», «каждая ночь – повторение предыдущей»).

Помимо обозначения времени в целом и его отрезков, модус времени в текстах проанализированных рассказов репрезентируется за счёт лексемы «прошлое». Прошлое в рассказе обретает главенствующую роль над всем происходящим, для автора прошлое является основой для настоящего и будущего, подчёркивается ностальгия автора по прошлому: *У всех есть неисполнимые мечты. Моя о том, чтобы вернуться в прошлое. И прожить один свой взрослый день там, где все живы, все рядом* («Неисполнимое»). *Прошлое* ведь не только живым нужно, говорит нани. *Прошлое* – путь к своей душе («О любви»). Данная позиция автора подчёркивает значимость прошлого, в котором автор видит значение, прошлое важно всем – и живым, и мёртвым, так как это «путь к душе». Путь к прошлому – это наши личные воспоминания: *В сказках, что рассказывает нани, чудеса вершат пахари, а тысячекрылая птица раз в сто лет отворяет врата мира мёртвых, чтобы они могли вспомнить своё прошлое. Моё прошлое – мои воспоминания. Его прошлое – его воспоминания* («В горах»).

При этом, как показали наши наблюдения, в текстах проанализированных рассказов не употребляются слова «настоящее» и «будущее». По нашему мнению, это отражает центральную идею рассказов – возвращение в прошлое, драгоценность воспоминаний, своих корней, обычаев и традиций, связи с родиной.

Также обращает на себя внимание, что помимо обращения к прошлому, в проанализированных рассказах прослеживается значение вневременности, вечности. Оно реализуется за счёт наречий с временной семантикой «всегда», «навсегда»:

Когда-нибудь я вернусь сюда навсегда («Рури»).

Не отъять, не отдать. Все твои – в тебе, все твои – навсегда с тобой («На макушке Хали-кара»).

*Сказать каждому важные слова. О том, что любишь и будешь любить **всегда** («Неисполнимое»).*

*У времени ход только вперёд, но в самом деле это не так, ход у времени **всегда** к началу начал («Осень»).*

В этих примерах также указывается на цикличность времени («вернусь навсегда», «у времени ход всегда к началу начал»), отмечается, что любовь к своим корням неизменна и вечна («все твои – навсегда с тобой», «будешь любить всегда»).

Таким образом, специфика употребления лексем «время», «прошлое», лексических единиц, обозначающих времена года и время суток, а также наречий с временной семантикой позволяет говорить о том, что в рассказах Н. Абгарян ключевой особенностью репрезентации модуса времени является своеобразное единство времени и места: прошлое, воспоминания оказываются неразрывно связаны в сознании автора с её родными местами, живущими там людьми, их судьбами и бытом. Ещё одна особенность модуса времени – указание на его цикличность, неспешность и неизменность, вечность и вневременность.

Далее рассмотрим особенности репрезентации модуса времени непосредственно на грамматическом уровне, в частности, проанализируем, как реализуются в текстах рассказов «Люди нашего двора» временные формы глаголов.

По нашим наблюдениям, преобладающими являются **формы прошедшего времени**. Как правило, данные формы используются в прямом значении. При этом для форм прошедшего времени глаголов совершенного вида в большей степени характерно аористическое употребление – обозначение прошедшего факта без указания на наличный результат прошедшего действия, обычно при повествовании о сменяющихся друг друга фактах (Русская грамматика 1980: 631): *Корова горько замычала – повинилась. Утром дала молока, неожиданно много, почти целое ведро. Нани Магтахинэ налила немного в ковшик, **пришла** к Рипсиме, **плеснула** молоком на порог её дома («В горах»).* Частотными для анализируемых текстов являются формы прошедшего времени несовершенного вида, указывающие на прошедшее действие в его неограниченной повторяемости: *Осенью она **варила** кчахаш. **Замачивала** на ночь кукурузу, фасоль, полбу. Утром **сливала** воду, **заливала** свежую. **Затапливала** жестяную печку, **давала** ей сначала разогреться, потом немного подостыть. **Подбрасывала** дрова умеючи, чтобы огонь не горячился, но и не тлел. **Ставила** кастрюлю на печь («В горах»).* Так, в приведённом отрывке посредством форм прошедшего времени несовершенного вида бытовая деятельность представляется как типичная, постоянная: «варила кчахаш», «замачивала кукурузу», «сливала воду, заливала свежую» и т.д. Использование этих форм также позволяет подчеркнуть, что в тех местах, о которых пишет автор, время неизменно, в течении жизни их обитателей ничего не меняется. И эти образы о повседневной жизни навсегда сохраняются в памяти писательницы.

Вторыми по частотности в текстах рассказов «Люди нашего двора» являются **формы настоящего времени**.

По нашим наблюдениям, преобладают случаи использования форм настоящего неактуального времени: настоящее время постоянного действия (настоящее постоянное) и настоящее абстрактное. Настоящее время постоянного действия (настоящее постоянное) констатирует наличие того или иного отношения, не связанного с временными ограничениями (Русская грамматика 1980: 628): *...Ход у времени всегда к началу начал, туда, где, окуклившись, бытие **обращается** в небытие, как в той странной игре, где детвора, разбившись на два лагеря, **вызывает** кого-то, кто должен разбить круг («Осень»).*

Настоящее абстрактное выражает повторяющееся, обычное, типичное действие, представленное в широком плане настоящего времени, не связанного с моментом речи. Несовершенный вид при этом выступает в неограниченнократном типе употребления (Русская грамматика 1980: 629): *Или о странной болезни Немецанц Арусак – как **приедет** в гости свекровь, она **лежит** – мается мигренью, а как **уедет** – обратно здорова («Если бы»).*

Используется также настоящее историческое время как живой и непосредственный приём актуализации прошедших событий (когда действия изображаются так, как будто они протекают перед

глазами говорящего) (Русская грамматика 1980: 630): *Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь-девять... С силой толкнув калитку, он кричит: татии-ии, тати-ии, подожди меня!* («На макушке Хали-кара»). В этом предложении настоящее время используется в рассказе о прошлом, этот приём автор использует для того, чтобы прошлые действия и слова выглядели так, как если бы они происходили сейчас, чтобы образно передать сюжет и «оживить» воспоминания.

Формы будущего времени являются наименее употребительными. Использование форм будущего простого времени, обозначающих повторяющееся обычное действие, мы отметили в армянских преданиях и поверьях, которые неоднократно приводятся в текстах рассказов «Люди нашего двора»: *Проснётся Бог с утра, откупорит один кувшин, положит его на бок и уйдёт по своим делам. А вечером, вернувшись, загонит ветер обратно в кувшин* («О любви»).

В свою очередь, употребление форм будущего сложного времени также позволяет передать те события, которые, как мечтает автор, станут для неё типичными, обыденными в будущем (как когда-то были в прошлом): *У меня будет свой каменный дом, деревянная веранда, увитая виноградной лозой. Калитка будет запирается на простую щеколду – со временем она заржавеет, но исправно будет впускать во двор всякого, кто, перегнувшись через низкий край частокола, подденет её за крюк* («Рури»). Здесь говорится об уверенности автора в том, что определённые события произойдут, определённые факты будут иметь место. Здесь автор говорит о своих мечтах – иметь свой двор, и желаниях – всякий может входить в двор, она надеется, что её семья, соседи и друзья смогут вернуться в этот двор, чтобы жить вместе и вновь обрести красоту прошлого.

Можно заключить, что указанные грамматические формы времени подтверждают и дополняют те особенности репрезентации модуса времени в рассказах Н. Абгарян, о которых говорилось выше: это значение повторяемости, неизменности и вневременности, стремление автора сохранить свои драгоценные воспоминания или даже вернуть прошлое. Очевидно, что ключевым для автобиографических произведений Наринэ Абгарян оказывается именно модус прошлого, который и позволяет ей на страницах своих произведений отдавать дань уважения родным местам, истории этих мест и судьбам их жителей.

Литература

1. Абгарян Н. Люди нашего двора // Люди нашего двора. М.: АСТ, 2021. С. 265–285.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М: Иностранная литература, 1955. 412 с.
3. Бурдина Е. А. Образ времени сквозь призму языка «женской прозы» // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 297–306.
4. Калиткина Г. В. Модусы времени в текстах диалектного дискурса // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 3 (7). С. 65–76.
5. Кобрина О. А. Специфика коммуникативной категории модуса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 70–74.
6. Павлова Н. И. Память, род, семья как базовые концепты современной прозы (На примере творчества Наринэ Абгарян) // Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 113–120.
7. Ретивкина О. М. Ретро как один из способов организации межкультурной коммуникации в творчестве Н. Абгарян // Гуманитарные науки. 2018. № 14 (809). С. 293–302.
8. Русская грамматика. В 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980. Т. 1. 792 с.
9. Штырлина Е. Г. Прошлое, настоящее, будущее в поэтическом мире И. Бродского // Учёные записки казанского университета. 2010. № 6. С. 252–257.
10. Модусы времени // Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://terme.ru/termin/modusy-vremeni.html> (дата обращения: 11.09.2022).

**АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА:
«СОБОР. РОМАН О ПЕТЕРБУРГСКОМ ЗОДЧЕМ» И. ИЗМАЙЛОВОЙ**

Д. А. Щукина

*Санкт-Петербургский горный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье анализируется произведение современного писателя И. Измайловой «Собор. Роман о петербургском зодчем». Жанровая специфика романа, композиция, особенности организации хронотопа и художественные средства выразительности позволяют рассматривать его как часть петербургского текста.

Ключевые слова: петербургский текст, архитектура, роман И. Измайловой «Собор», хронотоп.

**ARCHITECTURE OF THE ST. PETERSBURG TEXT: "CATHEDRAL. A NOVEL
ABOUT THE ST. PETERSBURG ARCHITECT" BY I. IZMAILOVA**

D. A. Shchukina

*Saint Petersburg Mining University
Saint Petersburg, Russia*

Abstract: The article analyzes the work of the modern writer I. Izmailova "Cathedral. A novel about a St. Petersburg architect". The genre specifics of the novel, the composition, the peculiarities of the chronotope organization and the artistic means of expression allow us to consider it as part of the St. Petersburg text.

Keywords: St. Petersburg text, architecture, I Izmailova's novel "Cathedral", chronotope.

Исследование художественного текста в современной филологической науке развивается по различным направлениям, среди них наиболее продуктивными представляются лингвистика текста и грамматика художественного текста (Сидорова 2000, 2018). В основу последнего положена теория коммуникативных регистров Г. А. Золотовой, изложенная в «Коммуникативной грамматике русского языка» (Золотова, Онипенко, Сидорова 2004). М. Ю. Сидорова предложила дополнить разграничение регистров, сформулированное на противопоставлении повествования и описания с учетом временной характеристики событий, изучением субъектной отнесенности высказывания. Раскрывая общие принципы грамматической организации литературного произведения, ученый определяет специфику прозаического художественного текста на базе регистрового описания следующим образом: «Именно репродуктивный регистр, моделирующий сенсорно познаваемые события в конкретном хронопоте, – основа создания фикционального мира, его пространственно-временных координат, его «человеческого измерения» (Сидорова 2000: 48).

Учитывая данный подход к анализу литературного текста как целостного художественного произведения, обратимся к роману И. Измайловой «Собор. Роман о петербургском зодчем» (Измайлова 2021), который посвящен строительству Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге и его главному создателю, архитектору Огюсту Монферрану.

Предлагаем рассматривать роман в нескольких аспектах. Во-первых, в контексте тематически и сюжетно близких произведений мировой литературы у романа есть тексты-предшественники, тексты-современники и тексты, написанные позднее. Во-вторых, попытаемся определить жанровую специфику рассматриваемого романа. В-третьих, учитывая авторитетное мнение М. М. Бахтина о том, что «жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом» (Бахтин 1975: 234), выявим особенности организации хронотопа в данном тексте. В современной лингвистической теории и практике хронотоп приобретает широкое распространение и может привлекаться при изучении не

только художественного, но и учебного текста, например, в жанре лекции (Згурская, Таланина, Глушкова 2021). Мы понимаем хронотоп, с одной стороны, как способ представления операциональной информации, как схему, при наложении которой на текст выявляются его пространственно-временные компоненты, обусловленные жанром. С другой стороны, хронотоп является тем пространственно-временным фоном, на котором разворачивается сюжет и происходит процесс порождения смыслов. Таким образом хронотоп реализует обусловленное спецификой авторской интенции взаимодействие пространства в художественном тексте и пространства художественного текста (см. подробнее: Щукина 2003). И наконец, в-четвертых, определим какие языковые выразительные средства использует автор и каким образом роман включается в «резонантное пространство» (термин В. Н. Топорова) Петербургского текста русской литературы.

В Петербургском тексте для нас принципиально важны выделенные В. Н. Топоровым природная (данная в двух измерениях: климатически-метеорологическом и ландшафтном) и материально-культурная сферы. «Природа тяготеет к горизонтальной плоскости, к разным видам аморфности, кривизны, косвенности, связи с низом (земля и вода); культура – к вертикали, к четкой оформленности, прямизне, устремленности вверх (к небу, к солнцу)» (Топоров 1995: 289). Взаимодействие природы и культуры в Петербургском тексте осуществляется с учетом заданной литературной традиции и определяется авторским замыслом художественного произведения. В анализируемом романе собор выполняет ряд дополняющих друг друга функций: это многоплановый семиотически насыщенный образ, как культовое сооружение – символ связи неба и земли, архитектурный и пространственный центр города, прославляющий государство, а также архитектурный объект, строительство которого становится сюжетным и композиционным стержнем художественного текста.

Известные слова Н. В. Гоголя, написанные в период, когда шло строительство Исаакиевского собора: «Архитектура – тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания...», определяют значение данного вида искусства для общества в целом и человека (Гоголь 1953: 57). Особую роль архитектура играет в создании и оформлении пространства города. Архитектурные сооружения структурируют городское пространство. Исаакиевский собор, реализуя градообразующую функцию, формирует архитектурный ансамбль площадей Санкт-Петербурга.

Фиксация/изображение строительства собора, описание его архитектурного облика, украшения фасадов и интерьеров в мировой литературе имеет достаточно продолжительную традицию. Назовем некоторые романы, в которых номинация архитектурного объекта *собор* используется в названии и/или сооружение собора становится сюжетообразующим началом; отметим, что в жанровом отношении тексты определяются как исторические романы. Так, действие популярного в Европе и России романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1931) происходит в самом соборе и рядом с ним, в главе 1 книги 3 автор дает описание готической средневековой архитектуры. В конце XIX в. французский писатель Жорис-Карл Гюисманс в романе «Собор» (1898) подробно и детально в мистическом ключе описывает Шартрский собор. Строительство башни над собором в Солсбери становится сюжетным стержнем романа нобелевского лауреата У. Голдинга «Шпиль» (1964). В романе Кена Фоллета «Столпы Земли» (1989), который упоминается в аннотации к интересующему нас художественному тексту И. Измайловой, возможно, и в связи с тем, что произведения создавались в одно время, сюжет развивается вокруг строительства кафедрального собора в вымышленном городе средневековой Англии; в архитектурном плане в тексте получил отражение переход от романского стиля к готике. Уже в XXI веке Ильдефонсо Фальконес де Сьерра дебютирует с историческим романом о средневековой Барселоне «Собор Святой Марии» (2006), временные рамки романа ограничены временем строительства собора.

Строительство Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, которое продолжалось 40 лет (1818–1858), составляет сюжетно-фабульную основу романа И. Измайловой «Собор» (1991) и структурирует художественное единство литературного произведения.

Жанровая принадлежность текста определяется на пересечении разновидностей романа: исторического, авантюрного и любовного. Авторский вымысел органично переплетается с историческими событиями, которые потрясают Российскую империю и ее столицу Санкт-Петербург: бунты (восстание Декабристов: часть 3, глава 14, при этом топоним художественного текста взаимодействует с собы-

тийным хронотопом), стихийные бедствия (наводнение 1824 г.: часть 2, глава 17, участником трагических для города событий становится главный герой), эпидемии (холера зимой 1830 г.: часть 3, глава 3, болезнь уносит жизнь маленького сына Монферрана; чума, которую чудесным образом побеждает главный герой), войны (Крымская война: часть 4, глава 11). В художественном тексте воссоздана целая галерея исторических лиц: российские императоры (Александр I, Николай I, Александр II); государственные деятели (особое место в творческой судьбе Монферрана занимает А.А. Бетанкур; показаны сложные отношения Монферрана с художником, историком и археологом А.Н. Олениным); архитекторы (создатель парадных архитектурных ансамблей Санкт-Петербурга К. И. Росси, основоположник русского ампира В. П. Стасов, ученик Монферрана, архитектор периода эклектики, строитель великокняжеских дворцов А. И. Штакеншнейдер и другие), художники, литераторы. Среди исторических лиц есть те, которым отведены целые страницы и главы романа, и те, кто появляется в одном эпизоде. К таковым можно отнести описанную автором встречу Монферрана под триумфальной аркой с баснописцем И. А. Крыловым или краткий разговор с А. С. Пушкиным.

Авантюрная линия, связанная с главным героем, начинается буквально с первых страниц романа. Своим чудесным спасением на поле боя под Неаполем израненный сержант наполеоновской армии обязан юной девушке Элизе, которая позже в Санкт-Петербурге становится его официальной женой. Таким образом любовная линия оказывается тесно переплетенной с авантюрной. Жизнь Монферрана наполнена разнообразными романтическими событиями, которые можно назвать приключениями: неожиданное освобождение из парижской тюрьмы, бегство из Парижа, стремительное продвижение по службе, аварии и несчастные случаи на строительстве собора, стойкость главного героя к заразным заболеваниям (холера, чума).

Личность петербургского зодчего охарактеризована достаточно полно: перед читателем цельная и волевая натура, талантливый архитектор, гениальный человек, подчинивший свою жизнь главной цели – строительству собора. Уже в самом начале романа, на поле боя, на грани жизни и смерти, будущему архитектору является видение, определившее его дальнейшую судьбу. Он видел широкую, сильную, холодную реку «цвета ртути», всадника в лавровом венке, а за его спиной храм, «светлый мрамор и красные гранитные колонны». В видении узнается Санкт-Петербург, Нева, памятник Петру I, еще не получивший наименование «Медный всадник», и Исаакиевский собор, который еще не построен. В столице Российской империи Монферрану удалось воплотить это видение. Последние строки дневника главного героя: «1.06.1858. Вчера мой собор был освящен... Но когда ударили и запели его колокола, когда пламя факелов рванулось из рук ангелов, а из-за туч вдруг вырвалось солнце, и сияние охватило летящий к небу купол, толпа на площади окаменела, а у меня в сердце прозвучала музыка победы, и я понял, что закончил» (Измайлова 2021: 688). Итак, собор выступает в качестве сюжетобразующего центра романа. Заголовок текста «Собор» и его подзаголовок «Роман о петербургском зодчем» объединяются, организуя своеобразный симбиоз архитектурного объекта и его создателя, обеспечивая целостность художественного произведения.

В филологии архитектоника художественного текста понимается как его деление на части и установление взаимосвязи между ними. В нашем случае сам термин «архитектоника» корреспондирует с термином «архитектура». Возможно, именно поэтому композиция романа строго выверена и выстроена: четыре части соответствуют четырем периодам жизни Монферрана и четырем этапам строительства Исаакиевского собора: «Прелюдия», «Состязание», «Главный архитектор», «Каменный гимн».

Первая часть выводит повествование за пределы петербургского хронотопа. Это своего рода предыстория, действие начинается с описания военных событий, участником которых является главный герой. Далее следуют его приключения в Париже, потом Монферран попадает в Россию, в Санкт-Петербург.

Для художественного постижения Петербурга, как считал В. Н. Топоров, особенно важно описание первой встречи с ним. Прочитав текст, фиксирующий первое восприятие города героем: «В первые дни Петербург показался ему слишком безукоризненным, правильным, слишком распланированным, словно человек, в поведении которого все заранее обусловлено и продумано. В геометрической стройности улиц Огюсту померещилась холодность, а высокое бледное небо, часто навиги-

сающее сизыми тучами, темная вода каналов и рек, скудость зелени и обилие гранита делали лицо города суровым и даже, как вначале подумал молодой архитектор, жестким» (Там же: 174).

На интертекстуальном уровне в лексике и отборе автором выразительных средств описания первого впечатления героя явно просматриваются основные черты города, характерные для Петербургского текста русской литературы. В первую очередь это цитаты и аллюзии на поэтические тексты А. С. Пушкина. У пушкинского Петербурга «строгий стройный вид», «свод небес зелено-бледный», «холод», «гранит». В восприятии Монферрана город «слишком безукоризненный, правильный, слишком распланированный» (отметим используемый дважды интенсификатор «слишком», усиливающий правильность, заданность планировки города), архитектор увидел «бледное небо», «обилие гранита», а «в геометрической стройности улиц» почувствовал «холодность». Далее происходит движение от сенсорного восприятия окружающего мира (визуальное через геометрию объектов и цвет, тактильное через ощущение температуры и осязание поверхности предметов) к постижению столицы-дворца, столицы-крепости: «И он смотрел и смотрел, читал и читал книгу – летопись Петербурга на таком знакомом ему языке архитектуры и начинал понимать суть его правильности» (Там же: 175). В результате происходит освоение и присвоение города: Петербург захватывает Монферрана.

Самое поэтическое изображение Петербурга в романе связано с описанием Летнего сада, любимого места прогулок Монферрана и его жены. «Весенняя ажурная легкость его аллей, тихий шорох песка на дорожках, миниатюрная изысканность оград и павильонов, теплая белизна каррарского мрамора, наивно-простые лица героев и богинь – во всем этом была какая-то сказочная путаница совершенства и незаконченности, а в чем эта незаконченность, невозможно было уловить. Но сердце билось все сильнее, когда одна за другой разворачивались перед идущими прямые аллеи: аллеи, как руки, плавно вытягивались навстречу прохладному сиянию Невы, и вот дыхание замирало в горле от странного удивления и восторга: сквозь оживленную первую зеленью гравюру ветвей проступала садовая решетка» (Там же: 179–180). Общий эмоциональный настрой, ключевые образы (решетка сада, статуи, аллеи), эпитеты, создающие целостный лирический образ сада, само движение по аллеям созвучны «единственному саду» и «лучшей в мире из оград» из знаменитого стихотворения А. Ахматовой.

Таким образом, первая часть романа выступает развернутой экспозицией дальнейшего повествования. Петербург становится не только основным местом действия, но и одним из главных героев романа. Во второй части «Состязание» описаны интриги бывшего друга Модюи, ставшего врагом, непонимание и противодействие чиновников различного ранга, сложные взаимоотношения героя с другими архитекторами, борьба Монферрана за проект Исаакиевского собора, который был грандиозным и новаторским. Напряжение в этой части поддерживается диалогами, которые ведут разные персонажи. В частности подробно изображена защита Монферраном проекта, его обоснование фундамента тяжелого собора и планировки купола. Монферран назначается главным архитектором, ему поручено строительство собора.

В третью часть «Главный архитектор» автор включает дневниковые записи главного героя, которые будут встречаться и далее до конца романа. Репродуктивно-повествовательный регистр дополняется субъективными оценками и мнениями. В структуру художественного произведения вводится дневник литературного героя, формируется своего рода «текст в тексте». Дневник как особый тип наррации не только фиксирует текущие события, задавая координаты хронотопа «здесь и сейчас», но и передает внутреннее состояние личности, ведущей записи. Сам характер записей частный, в план целеполагания перемещается автокоммуникация, текст при этом отличается искренностью и содержит различные оценки (Петербург – каменное чудо, Исаакиевский собор – грандиозный храм и др.).

Строительство собора сопряжено с большими трудностями. Параллельно с описанием строительства вводятся яркие и выпуклые образы тех каменщиков, каменотесов, простых рабочих людей, строителей, которые участвуют в возведении собора. Когда основное строительство было завершено, главный архитектор принимается за оформление грандиозного храма, на которое уходит еще столько же времени. Исаакиевский собор представляет собой синтез разных искусств: архитектуры, скульптуры, живописи, мозаики и витражного искусства, поэтому к его оформлению привлекаются скульпторы, художники, мастера мозаики, витражного дела, литейщики. В разговоре с А. Н. Лениным Монферран формулирует свою концепцию собора: «Он должен стать сокровищницей образов и, если

вам угодно, памятником человеческому умению и неповторимому труду человеческих рук. Я хочу, чтобы каждый завиток мрамора, каждый иконный лик напоминал входящему в храм, что в нем живет искусство, труд, познание трех поколений народа» (Там же: 501).

В четвертой части романа петербургский хронотоп вновь модифицируется, включая в свою орбиту Европу. Монферран отправляется в путешествие, информативно-описательный регистр дневника фиксирует лучшие европейские купольные соборы: мозаики соборов Равенны, величие римского Сан-Пьетро, прихотливую гармонию интерьеров Святого Павла, его соразмерность Лондону. Формируется особое пространство европейской архитектуры, на фоне которой ярче и рельефнее выступает Исаакиевский собор. Именно поэтому в уста Элизы в финале романа вложены слова, оценивающие деятельность Монферрана и обращенные к нему: «Ты нашел главное в этом городе – его суть! Ты останешься в нем навеки, Анри, как самые величайшие его строители! Ты создал гимн из камня в его честь!» (Там же: 701). Восклицательные интонации, оценочная лексика («величайший строитель», «гимн из камня»), синтаксическое оформление предложений, усиленное анафорой «ты», соответствуют торжественной эпидейктической речи, адресованной конкретному человеку, главному создателю Исаакиевского собора, а также читателю. Подобно заголовку романа, его финал вновь соединяет творца и творение, петербургского зодчего и собор.

Таким образом, целостность художественного произведения реализуется на всех уровнях текста. Жанровая полифония романа И. Измайловой «Собор. Роман о петербургском зодчем» (исторический, авантюрный, любовный), обусловленная трансформацией романного хронотопа (его расширение и сужение с выделением в качестве центрального места, центра Санкт-Петербурга, и времени, сорок лет строительства), введение в нарративное повествование дневника, выбор языковых средств выразительности (характерные для описания Петербурга образы) позволяет включить анализируемое произведение в Петербургский текст русской литературы. В завершении оговорим принадлежность текста массовой литературе, что во многом определило его специфику.

Литература

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975.
2. Гоголь Н. В. Об архитектуре нынешнего времени // Собр. соч. в 6 т. Т. 6. Избранные статьи и письма. М.: Худ. лит., 1953. С. 39–59.
3. Згурская О. Г., Таланина А. А., Глушкова М. С. Возможности использования понятия «хронотоп» для описания жанра лекции // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. № 2. Т. 20. 2021. С. 144–156.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. д.ф.н. Г. А. Золотовой. М.: Наука, 2004. 544 с.
5. Измайлова И. Собор. Роман о петербургском зодчем. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 704 с.
6. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста: между уникальными «экземплярами» и научными обобщениями // Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология, 2018. № 4. С. 35–55.
7. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М., 2000. 416 с.
8. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367.
9. Щукина Д. А. Пространство в художественном тексте и пространство художественного текста. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 218 с.

УДК 81-25

МЕТОДИКА ШКАЛИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПИСАНИЯ ГРАММАТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Н. В. Богданова-Бегларян

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются единицы, ставшие рефлексом процессов грамматикализации, идиоматизации и/или прагматикализации, коммуникативное поведение которых в современном дискурсе удобно описывать на корпусном материале, с применением методики шкалирования: *по идее, в смысле, чисто, история* и под.

Ключевые слова: методика шкалирования, эволюционная динамическая цепочка, грамматикализация, идиоматизация, прагматикализация.

SCALING TECHNIQUE AS A TOOL FOR DESCRIBING THE GRAMMAR OF MODERN RUSSIAN SPEECH

N. V. Bogdanova-Beglarian

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with units that have become reflections of the processes of grammaticalization, idiomatization and/or pragmaticization, whose communicative behavior in modern discourse is conveniently described on the basis of corpus material, using the scaling technique: *po idee, v smysle, chisto, istoria, etc.*

Key words: scaling technique, evolutionary dynamic chain, grammaticalization, idiomatization, pragmaticalization.

Введение

Корпусный подход к анализу устной речи открывает перед исследователями многие ранее закрытые двери, позволяет увидеть то, что в «докорпусную» эпоху просто не попадало в поле зрения лингвистов, «в свете корпусной идеологии совершенно по-новому предстают приоритеты лингвистической теории» (Кибрик, Подлеская 2009: 27). Действительно, такой подход «позволяет поставить задачу пересмотра на речевом материале практически *всех* (курсив авторов. – Н. Б.-Б.) накопленных к настоящему моменту лингвистических сведений: на лексическом уровне – новые словари; на морфологическом уровне – новая грамматика; на фонетическом уровне – иной, чем в кодифицированном языке, звуковой облик значимых единиц; на словообразовательном уровне – иные модели образования значимых единиц; и пр.» (Богданова-Бегларян и др. 2015: 369–370). Новый материал требует и новой терминологии – «принципиально другой “дефинициологии”, чем та, которая досталась нам от аристотелевой и математической логики» (Кибрик А. Е. 1996: 232), – и новой методологии для его описания. Одной из таких методик, весьма эффективной при описании новой грамматики – *грамматики речи*, или *грамматики употреблений* (Tomassello 2003), – и посвящена настоящая статья.

Речь идет о *методике шкалирования*, называть которую *новой* все же не совсем правильно. Еще в 60-ые годы прошлого века лингвисты писали о ней, как об активизировавшейся старой и давно

известной, ср.: «В последнее время *вновь становится популярной* (здесь и далее в цитате курсив мой. – Н. Б.-Б.) мысль о том, что целесообразно отказаться от “прокрустова ложа” четкой и бескомпромиссной схемы и предпочесть *метод количественной оценки*, согласно которому каждое языковое явление должно описываться по месту, занимаемому им на *шкале постепенных переходов*» (Арутюнова 1965: 89). Таким «прокрустовым ложем» оказываются порой «типичные синтаксические модели и лексико-грамматические классы слов» для «значительного количества языковых фактов» (Бабайцева 1967: 7).

Эффективнее всего работает эта методика при описании разного рода *переходных явлений*, которые возникают, как правило, под действием активных процессов устной речи: это могут быть новые грамматические единицы, прежде всего служебные или вводные (результат процесса *грамматикализации*), устойчивые выражения (идиомы, фраземы, дискурсивные формулы и под.) (результат *идиоматизации*) или чисто прагматические единицы, лишенные после всех преобразований своего лексического, а порой и грамматического значения – *прагматические маркеры* (результат *прагматикализации*). Описывать все эти новые единицы достаточно трудно в силу как раз не устоявшихся еще новых для них признаков, в силу того, что процессы, которые привели к их возникновению, по-прежнему активны и действуют «здесь и сейчас» – в результате многие такие единицы находятся не в конце пути перехода (еще не лексикализованы), а в его середине, на разных этапах того или иного процесса, на разном расстоянии от исходной формы. Именно для таких ситуаций и удобен метод шкалирования. Рассмотрим его применение для описания ряда единиц русской речи. Все предлагаемые в статье исследования проведены совместно с моими учениками на объемном корпусном материале – прежде всего устного (УП) или близкого к нему по языку газетного (ГП) подкорпусов Национального корпуса русского языка, а также корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) (см. о нем подробнее: Русский язык... 2016).

О промежуточных словах и шкалах переходности

По мнению В. В. Бабайцевой, каждую часть речи можно представить в виде круга, у которого есть *ядро* (слова, типичные для данной части речи, в которых ярко выражены ее дифференциальные признаки) и *периферия* (слова, в которых отсутствуют или слабо выражены эти дифференциальные признаки, а порой присутствуют признаки другой части речи). В зоне наложения двух воображаемых кругов оказываются так называемые *промежуточные слова*, для которых характерно равновесие сочетающихся дифференциальных признаков (Бабайцева 2000: 90). Примерами таких промежуточных слов могут быть субстантивированные прилагательные, адъективированные причастия, союзы-частицы, а также причастия и деепричастия (Там же 1971). Переходность, таким образом, представляется как некий процесс «переливания» одного звена в другое, перехода «одного грамматического в другое грамматическое» (Норпер, Traugott 2003: 18), что и можно отразить на *шкале переходности*.

По идее

Лексикализованная предложно-падежная словоформа (ЛППС) *по идее* сохраняет в своем значении компоненты семантики исходного существительного (своеобразную «память о своих корнях»). В большей или меньшей степени такая зависимость проявляется во всех ее употреблениях, но на корпусном материале (в основном ГП НКРЯ) явно прослеживается «отделение» данной ЛППС от производящего слова, в некоторых случаях представлена размытая семантика, вплоть до развития модально-оценочного значения. Первым полюсом (крайней левой точкой) на такой шкале переходности является, таким образом, предложно-падежное сочетание со значением ‘основной принцип устройства чего-л., замысел, лежащий в основе чего-л.’ (БАС 2007: 45-46), ср.:

• *Более конструктивным было бы дополнить уже существующий «Закон о государственном языке Российской Федерации», который, безусловно, хорош по идее, но имеет и ряд недостатков – в частности, там не прописано ведомство, которое следит за его исполнением, – полагает собеседник издания (ГП).*

Второй полюс (крайняя правая точка шкалы) – проявление «чистой» модальности, выступление формы *по идее* в качестве модально-оценочного компонента высказывания:

• Почему те или иные законодатели действуют не в интересах российских СМИ, которые они **по идее** должны поддерживать? – удивляется он (ГП).

При этом бóльшая часть контекстов пользовательского подкорпуса попадает в середину шкалы переходности (см. рис. 1), что обусловлено промежуточным характером данной единицы, ее несомненной полифункциональностью.

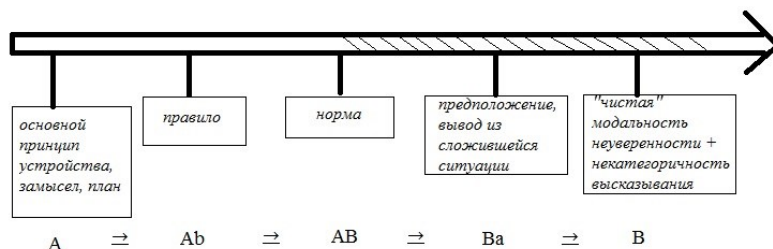

Рис. 1. Значения лексикализованной предложно-падежной словоформы **по идее** на шкале переходности

Зоной штриховки на рис. 1 отмечено появление у ЛППС *по идее* модальности неуверенности. Подробнее о промежуточных зонах предложенной шкалы см.: Капустина 2019. Отметим только еще одну особенность употреблений данной формы: уже за пределами шкалы, отражающей процесс грамматикализации данной единицы, она попадает под действие еще двух процессов: новой *грамматикализации* и *прагматикализации*.

В результате нового витка *грамматикализации* на базе ЛППС рождается «функциональный аналог двухместного союза» (Сергеева 2001: 288) – противительная конструкция типа <По идее X, sed Y>, где X (исходя из особенностей семантики формы *по идее*) представляет указание либо на норму/правило, либо на логичное следствие, вывод из сложившейся ситуации. То есть X может принимать любое значение из представленных на рис. 1 «переходных» этапов. Y в этой модели противопоставляется X-у в плоскости «идеальное – реальное», «теоретическое – практическое», «замысел – реализация», «правило/норма – реальность», ср.:

• **По идее** в демократических странах должно учитываться мнение большинства. **Однако** на деле мы видим, как активное меньшинство активно лоббирует свои интересы (ГП).

В результате процесса *прагматикализации* форма *по идее*, стоящая в постпозиции к какому-то утверждению, выступает в роли прагматического маркера (ПМ) из класса *рефлексивов*, которые выражают реакцию говорящего на собственное речевое поведение, в данном случае – на произнесенное высказывание (подробнее о типологии ПМ русской повседневной речи см.: Прагматические маркеры... 2021: 28-33), ср.:

- [Саша, муж, 24] Там дом надо вообще сносить / **по идее** (УП);
- [Татьяна, жен, 18] А еще / в понедельник курсовую сдаем / **по идее** (УП).

Видно, что грамматикализованные употребления ЛППС *по идее* встречаются преимущественно в письменной газетной речи, в то время как прагматикализованные – исключительно в устной.

Пересечение в одной единице результата процессов грамматикализации и прагматикализации, к чему порой добавляется еще и *идиоматизация*, позволяет говорить о *веерной шкале переходности*, или цепочке веерных преобразований, что можно видеть, например, на употреблениях слова *самый*.

Самый

На *веерной шкале переходности*, построенной для слова *самый* (см. рис. 2), можно видеть «все действующие одновременно и тесно связанные между собой активные процессы русской речи, а также специфику функционирования исследуемой единицы на каждом векторе предложенной шкалы» (см. подробнее: Сунь Сяоли 2021).

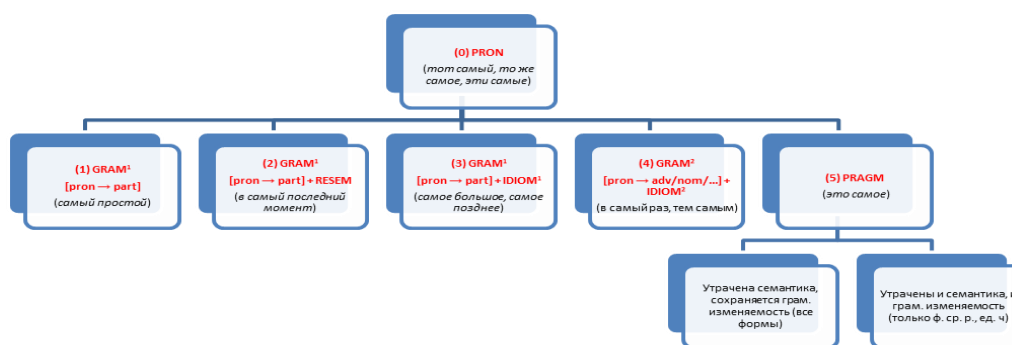

Рис. 2. Веерная шкала переходности для слова *самый*

Употребления *самый* в качестве «чистого» местоимения, чаще при указательных местоимениях *тот* и *этот*, размещаются в исходной точке шкалы (PRON) (об особенностях орфографического представления материала ОРД см.: Русский язык... 2016: 242-243):

- *там всё то же самое / понимаешь ? только всё сложнее* (ОРД).

На 1-м векторе шкалы находится рефлекс процесса *грамматикализации* (GRAM¹): местоимение *самый* выступает как формообразующая частица, компонент аналитической формы суперлатива качественного прилагательного:

- *ну просто здесь / случай / скажем так не самый простой* (ОРД).

На 2-м векторе шкалы к грамматикализации добавляется *ресемантизация* (GRAM¹ + RESEM), в результате чего слово *самый*, в сочетании уже с относительными прилагательными, указывает на крайний предел признака:

- *там / там / там / самый женский и есть / *П прекрасный* (ОРД).

На 3-м векторе вся форма суперлатива – уже в результате процесса *идиоматизации* – становится компонентом фразеологизма (GRAM¹ + IDIOM¹):

- *эта встреча закончится где-то без четверти восемь / но ... *П самое позднее в восемь* (ОРД).

На 4-м векторе веерной шкалы можно видеть новый виток *грамматикализации* и новую *идиоматизацию* (GRAM² + IDIOM²):

- *он не очень приторный / мне нравится что он не очень приторный / не очень жирный самое то // @ *Н // а нежный мягкий* (ОРД).

На 5-м векторе слово *самый* попадает под действие *прагматикализации*, на этой стадии (PRAGM) «рождается» ПМ *это самое*, функционирующий в русской устной речи в различных грамматических формах, ср.:

- *да / действительно / займись своими (...) этими самыми // *П а у тебя экзамен / да ? а когда ?* (ОРД).

На рис. 2 видно, что ПМ *это самое* может быть более или менее прагматикализованным: в первом случае исходное местоимение теряет полностью и семантику, и грамматическую изменяемость и функционирует только в форме ср. р. ед. ч. (*это самое*), во втором утрачивается только семантика. По данным ОРД, прагматикализованные употребления слова *самый*, не зафиксированные ни в одном словаре (кроме словаря ПМ – Прагматические маркеры... 2021), распространены в нашей речи как раз более всего: 43,6 % употреблений в корпусном материале (Сунь Сяоли 2021).

В смысле

Еще одной формой «с памятью о своих корнях» (ср.: «Былая семантика сохраняется в виде некоторого шлейфа, “скрытой памяти”» (Николаева 2008: 116–117) является ЛППС *в смысле*, для которой тоже можно построить веерную шкалу переходности (см. рис. 3) (Сулимова 2020).

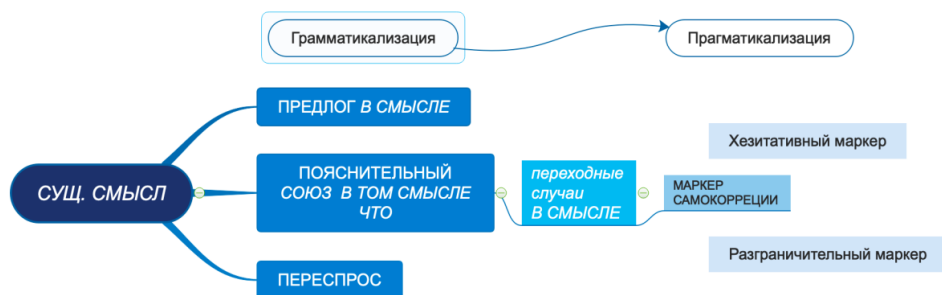

Рис. 3. Шкала переходности для единицы в смысле

В примерах ниже представлены разные стадии перехода слова *смысл* в другие единицы – также через процессы *грамматикализации* и *прагматикализации*:

- *я постараюсь / значит вот / (э-э) со звуком ... *В (э-э) как мне представляется (э-э) рассказать / как он устроен // (э-э) в смысле оцифровки // *В (э-э) в смысле (э) использования (ОРД) (предлог в смысле);*

- *а вот здесь нужно понимать что спортивная не в смысле что она ходит в трениках и кедах ... да / что () почему-то сразу возникает в голове у большинства людей ... нет спортивная это значит очень подвижная (ОРД) («свернутая» форма пояснительного союза в том смысле что);*

- *а когда будете смотреть *В (э) интерьер детской ? *П @ в смысле мебель ? *П @ ну да (ОРД) (форма-переспрос, запрашивающая пояснение; разновидность пояснительного союза; наиболее употребительная функция формы в смысле в корпусе ОРД: 45,2 %);*

- *видите / эта прозрачная штука она тут сетка // в смысле каркас такая (ОРД) (сочетание функций пояснительного союза и ПМ самокоррекции);*

- *только (э-э) (...) (н-н) нам надо сюда товару завезти / и(:) (...) а так тут () сто лет эта / ну / в смысле / аптека / поэтому люди уже знают эту аптеку (ОРД) (ПМ-хезитатив в составе хезитационной цепочки);*

- *ого если ... ну в смысле если я приглашаю я плачу за ... за него / если он приглашает он за меня / ну или наполоам платим (ОРД) (разграничительный ПМ-навигатор).*

В последних двух примерах, «в качестве хезитативного и разграничительного маркеров, форма *в смысле* окончательно утрачивает свою память, остается только функция, наступает финальная стадия прагматикализации единицы» (Сулимова 2020: 62).

Представляешь

Своеобразную шкалу вводимости, также отражающую действие процесса *грамматикализации* (и отчасти *идиоматизации*), можно построить и для глагольной формы *представляешь* (Росип 2022) (см. рис. 4).

Рис. 4. Шкала грамматикализации глагольной формы *представляешь*

Шкала построена на материале УП НКРЯ и отражает «превращение» обычной глагольной формы, способной присоединять существительное в Асс (1) (*Представляешь м-моё состояние?* 9 % материала пользовательского подкорпуса), во вводное слово/словосочетание (5) (*Представляешь/*

сама себя приняла в пионеры; 64 %). На промежуточных стадиях шкалы можно видеть такие структуры, как (2) <представляешь + (как...) + придаточное предложение> (**Представляешь/ как на него повлияла моя детская просьба "купи мне пианино"**; 21 %); (3) <представляешь + (как...) + предикатив> (*Очень здорово/ даже не представляешь как весело*; 1 %); (4) вопросительно-риторическая конструкция <представляешь + (как...)> (*Ну представляешь/ как?* 5 %). Уже по приведенным цифрам видно, что глагольная форма *представляешь* в устной речи чаще употребляется в не зафиксированной словарями функции вводного слова/предложения, а не в словарных значениях. Веерным ответвлением этой шкалы могут быть также употребления формы *представляешь* в роли ПМ-метакоммуникатива, как результат процесса прагматикализации (*А/ представляешь/ короче/ вчера прихожу домой...*). Видно также, что прагматика контактного глагола, наиболее явно представленная именно в метакоммуникативе, ощущается и во всех других употреблениях этой формы. Применение методики шкалирования помогает визуализировать эту ее особенность.

Чисто

Через процессы *грамматикализации* и *прагматикализации* проходит в русской речи и единица *чисто* (см. подробнее: Сулимова 2019). Соответствующая шкала (см. рис. 5), построенная на материале корпуса ОРД, демонстрирует переход от наречия (*чисто убрано*) и предикатива (*в комнате чисто*) (в обоих случаях полнозначные единицы, с грамматическим и лексическим значением; 13 % употреблений), через этап *дискурсивного маркера* (в традиционной терминологии – *частицы*; утрачиваются семантика и синтаксический статус, но сохраняется возможность сочетания с другими компонентами; 81 %) (*чисто риторический вопрос; ну / знаешь / так / там / чисто перекусили*), до вербального поискового *хезитатива* (обрывается связь с другими компонентами предложения, единица остается в рамках хезитационной цепочки; 6 %) (*они как-то вот чисто / как / вот про Масленицу*).

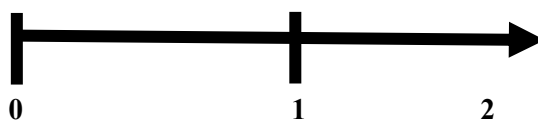

Рис. 5. Шкала прагматикализации единицы *чисто* в современной русской речи

Цифры показывают, что для слова *чисто* в нашей устной речи наиболее характерен грамматикализованный вариант частицы/дискурсивного маркера, а вовсе не словарные значения наречия или предикатива.

История

Еще одно корпусное исследование (Базаржапова 2021) позволило систематизировать представления о новейших «несловарных» употреблениях слова *история* и показало, что в современной повседневной речи оно претерпевает ряд семантических изменений, рефлексy которых находятся за рамками существующей лексикографической фиксации. Главное такое изменение – это утрата данным словом в определенных контекстах лексического значения: грамматическая модификация, близкая к переходу в класс местоимений – *прономинализации*, ср.:

- *Покрашенный в чёрный / алюминий ты / во-первых / никогда не сделаешь / и алюминий вряд ли / алюминий очень дорогая история* (ОРД);
- *Овощи – это такая история, которую можно подать в любом виде* (ОРД).

Слово *история* в подобных реализациях сближается со словами *дело*, *вещь*, *штука*, которые легко могли бы использоваться на его месте в указанных контекстах. Десемантизация приводит к тому, что подобные лексемы «становятся своего рода “пустыми словами”, которые говорящий может использовать в речи в некоторых функциях, не типичных для обычных существительных» (Соколова 2007: 78).

Часто такие десемантизированные употребления выступают в составе различных фразеологических выражений и идиом (*тут такое дело; вся штука в том, что*) – так же ведет себя и слово *история*, становясь уже рефлексом процесса *идиоматизации*:

• Тут можно <...> говорить/ мы должны быть все нравственные и жить без денег/ но/ к сожалению/ эта пока **история не про нас** абсолютно (УП).

Выстраивается, соответственно, еще одна динамическая цепочка (шкала переходности), включающая рефлекс процессы *грамматикализации* и *идиоматизации*. Подобные периферийные употребления лексических единиц играют большую роль в повседневном дискурсе и вскрывают общие когнитивные процессы, протекающие в сознании носителей языка.

Еще некоторые наблюдения и выводы

На различных шкалах переходности можно расположить и многие другие единицы, в том числе давно описанные в русской грамматике, ср., например, эволюционные динамические цепочки *смотреть – (не) смотря – несмотря на – несмотря на то что; взирать – (не) взирая – невзирая на – невзирая на то что; говорить – (не) говоря – не говоря о – не говоря о том что/чтобы/кто, какой...;* и многие подобные. Если первые две из приведенных цепочек уже завершились «рождением» подчинительного союза (получивший лексикографическую фиксацию результат процесса *конъюнкционализации* как варианта *грамматикализации*), то последняя, как можно предположить, еще не дошла до стадии формирования определенного речевого коннектора, о чем свидетельствует разнообразие представления последнего компонента конструкции (см. выше). Эта шкала переходности еще «живая», незавершенная.

К рассмотренной в настоящей статье цепочке из той же серии – *смысл – в смысле – в том смысле что* – можно добавить еще одну динамическую цепочку: *план – в плане – в этом плане – в том плане что* (Баженова 2022), которая тоже демонстрирует появление в нашей речи ряда новых служебных единиц – речевых коннекторов разного типа (результат процессов *препозиционализации* и *конъюнкционализации*). Отметим попутно, что часто такие производные составные предлоги/союзы/коннекторы, гармонично звучащие в публичной или научной речи, появляются и в повседневной бытовой речи носителей языка – уже, скорее, как результат *гиперкоррекции*, когда человек, не имея соответствующих навыков (достаточного уровня речевой компетенции), все же пытается, даже в обычной речи, говорить красиво, используя *престижные*, на его взгляд, грамматические обороты, что часто приводит к обратному эффекту – к так называемым «ошибкам от усердия», в данном случае – грамматико-стилистическим, ср.:

• *Мне трудно представить это ээ/ потому что/ ну в плане того/ что вот/ как бы/ нет такой причины/ нет оправдания* (ОРД).

Такие гиперкорректные союзные образования могут служить в результате «диагностирующим признаком в отношении характеристики либо говорящего (его возраста, профессии, уровня образования или речевой компетенции), либо коммуникативной ситуации (неподготовленная речь на видимый диктофон, в полуофициальной обстановке)» (Богданова-Бегларян 2022: 25).

Таким образом, можно заключить, что многие грамматические формы в русском языке характеризуются «отсутствием статусной константности» (Сулимова 2020: 57), в случае с такими единицами невозможно «закрепить» за ними тот или иной окончательный грамматический статус и необходимо иметь в виду наличие *переходности*, когда «нельзя квалифицировать по принципу “или-или”, а надо отмечать “как то, так и другое”» (Бабайцева 1983: 37). Именно такую возможность для исследователя обеспечивает методика шкалирования, полезная, как представляется, не только при составлении словарных статей и детального *лексикографического портретирования* единиц активного русского лексикона (Апресян 1995), но и для осознания непрерывности и постепенности языковой эволюции.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 92563238 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта») (все разделы), а также гранта РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи») (разделы *Самый, Представляешь, История, Еще некоторые наблюдения и выводы*).

Литература

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Арутюнова Н. Д. О критерии выделения аналитических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов / Под ред. В. М. Жирмунского, О. П. Суника. М.-Л.: Наука, 1965. С. 121–128.
3. Бабайцева В. В. Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1967. 392 с.
4. Бабайцева В. В. Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка // Русский язык в школе. 1971. № 3. С. 81–84.
5. Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. 1983. № 5. С. 35–42.
6. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
7. Баженова А. Г. Специфика изучения речевых коннекторов в курсе русского языка как иностранного (на примере анализа единиц в плане / в этом плане / в том плане что в русском повседневном дискурсе) // Социально-педагогические инновации в образовании: сб. статей междунар. научно-практ. конф. в Иджеване, Армения, 15–16 марта 2022. Иджеван: Ереванский гос. ун-т, Иджеванский филиал, 2022. С. 59–64.
8. Базаржапова А. Д. «История с историей»: особенности коммуникативного поведения слова в современном повседневном дискурсе // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2021 / Отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 5–13.
9. БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 30 т. Т. 7 / Ред. К. С. Горбачевич. М., СПб.: Наука, 2007. 728 с.
10. Богданова-Бегларян Н. В. Конъюнкционализация как активный процесс русской устной речи // Russian Grammar: System – Language Usage – Language Variation / Русская грамматика: Система – узус – языковое варьирование / V. Warditz (ed.). Berlin: Peter Lang Verlag, 2022. S. 19–32.
11. Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
12. Капустина Т. Д. К вопросу о конъюнкционализации в современном русском языке (на примере словоформы по идее) // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. научных трудов Международного научного симпозиума / Науч. ред. В. Н. Степанов; отв. ред. Л. В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 138–147.
13. Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.) Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
14. Кибрик А. Е. О «невыполненных обещаниях» лингвистики 50–60-х годов // Московский лингвистический альманах. Спорное в лингвистике. Вып. 1. Семантика. Лексикография. Референциальный анализ. Метаязык лингвистики / Сост. и отв. ред. выпуска Н. В. Перцов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 230–233.
15. Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика: История «блуждающих частиц». М.: Языки славянских культур, 2008. 376 с.
16. Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Н. В. Богданова-Бегларян (ред.). СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
17. Росип М. Контактный глагол ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ на шкале грамматикализации // Studia Slavica XX. Таллин: Таллинский ун-т, 2022. (В печати.)

18. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Под ред. Н. В. Богдановой-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
19. Сергеева Г. Н. Слова-гибриды. Вступительная статья // Словарь служебных слов русского языка / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, Г. Н. Сергеева и др. Владивосток: ДВГУ, 2001. 363 с.
20. Соколова С. В. Грамматикализация в системе местоименных слов современного русского языка как отражение общих когнитивных процессов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2. С. 74-80.
21. Сулимова Т. С. От наречия – к прагматическому маркеру: этапы прагматикализации единицы чисто в русской устной речи (корпусное исследование) // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. научных трудов Международного научного симпозиума / Науч. ред. В. Н. Степанов; отв. ред. Л. В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 448–455.
22. Сулимова Т. С. Определить нельзя помиловать! – Функционирование единицы в смысле в русской устной речи (в зеркале теории переходности) // Русская речь. № 5. 2020. С. 55–69.
23. Сунь Сяоли. Слово САМЫЙ на веерной шкале переходности (по данным речевого корпуса) // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты. Сб. статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С. Г. Стерлигова. Н. Новгород: Нижегородский ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 241–246.
24. Hopper, P.J., Traugott, E.C. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 276 p.
25. Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Harvard: Harvard University Press, 2003. 388 p.

УДК 81-119

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ В КОНТЕКСТЕ БЕСКОНФЛИКТНОГО ОБЩЕНИЯ

Н. Н. Болдырев, И. Н. Толмачева
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина,
Тамбов, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 22-18-00067).

Аннотация. В статье рассматривается интерпретирующая специфика служебных слов в целом, а также специфика знаменательных слов, приобретающих служебный статус на функциональном уровне и обеспечивающих бесконфликтное общение за счет формирования модальных значений, которые снижают категоричность высказывания. Развивается идея об особом типе знаний, репрезентируемом такими единицами, в частности, функционально-связочными глаголами, в силу их лексико-грамматического статуса и функциональной грамматикализации.

Ключевые слова: служебное слово, концептуализация, репрезентация, связочный глагол, интерпретация, функциональная грамматикализация

THE INTERPRETING FUNCTION OF STRUCTURAL WORDS IN THE CONTEXT OF CONFLICT-FREE COMMUNICATION

N. N. Boldyrev, I. N. Tolmacheva
Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia

Abstract: *The article discusses the interpretive specificity of structural non-meaningful words in general, as well as the specificity of meaningful units that acquire structural status at the functional level and ensure conflict-free communication by creating modal meanings that reduce the categorical nature of the statement. The authors argue that these units, namely functional-copulative verbs, represent a special type of knowledge due to their lexico-grammatical nature and functional grammaticalization.*

Key words: *structural word, conceptualization, representation, copulative verb, interpretation, functional grammaticalization.*

Языковая категория служебных слов вызывает неослабевающий интерес у исследователей-лингвистов, поскольку служебные слова, будучи представленными в большинстве естественных языков, до сих пор не получили четкого определения, в том числе с точки зрения процессов грамматикализации. Данная категория характеризуется сложной, многоплановой структурой и может объединять разноуровневые языковые единицы по принципу схожести выполняемой ими функции. Такой функцией в широком смысле признается грамматическое соединение (связь) знаменательных слов или частей предложений, либо выражение отношения говорящего к высказыванию (модальность). Именно многоплановость и структурная разнородность этой грамматической функции, отражающей необычайно широкий спектр связей и отношений между полнозначными словами в предложении, и обуславливает широкое разнообразие языковых единиц, относимых к данной категории – предлоги, союзы, частицы, вспомогательные и связочные глаголы, междометия, артикли, иногда местоимения и числительные. Соответственно границы категории служебных слов, а также ее структура и конкретный состав входящих в нее единиц отличаются неопределенностью и вызывают дискуссии, так же как остается дискуссионным и сам грамматический статус единиц, ее образующих, т.е. процессы и степень их грамматикализации, см. также (Майсак 2005; Heine et al 1991; Hopper, Traugott 2003; Lehmann 1982) и др.

Неопределенность и сложность языкового статуса элементов данной категории проявляется в большом разнообразии определений служебных слов, которые в русской лингвистической традиции называются, в зависимости от ракурса рассмотрения их функции и содержания, «грамматическими словами, грамматически частичными словами, зависимыми словами, незнаменательными частями речи, неполнозначными словами, несамостоятельными словами, пустыми словами, синкатегорематическими словами, синсемантическими словами, соединительными словами, формальными словами, частичными словами, частицами предложения, частицами речи» (Ахманова 1966: 422). Такое многообразие определений требует более глубокого осмысления сложности семантического содержания служебных единиц за счет анализа передаваемого ими концептуального содержания как основы формирования соответствующей категории, которое позволяет объединять разноплановые языковые единицы в общее категориальное пространство служебности.

Проблема дополнительно усложняется процессами полной или частичной грамматикализации знаменательных слов на функциональном уровне, связанной с реализацией полнозначным словом одновременно номинативной и служебной функций, которые терминологически можно обозначить как **процессы функциональной грамматикализации**. В частности, особый интерес представляют собой полнозначные глаголы, которые способны одновременно выполнять функцию служебных, связочных, глаголов, сохраняя в той или иной степени исходное лексическое значение (функционально-связочные глаголы типа *выглядеть, звучать, считать*), и передавать на основе этого дополнитель-

ные модальные смыслы с той или иной степенью регулярности (см. ниже примеры реализации данными глаголами различных модальных значений, в том числе категории эвиденциальности). Их изучение приобретает особую актуальность на современном этапе развития общества с позиций обеспечения бесконфликтного общения за счет нейтрализации потенциально конфликтных смыслов, возможных в результате их неправильной интерпретации, основанной на привлечении инферентного (выводного) и имплицативного (подразумеваемого) типов знания. Анализ процессов функциональной грамматикализации глаголов названного типа с использованием теоретических установок и методологических принципов когнитивного подхода и постановка проблемы изучения их роли, а также роли других языковых единиц и механизмов в обеспечении бесконфликтной коммуникации как дальнейшей перспективы исследования является **целью** предлагаемой статьи.

В отличие от существующих исследований, фокусирующихся на изучении состоявшегося конфликта и связанной с ним коммуникации, см.: (Белоус 2008; Муравьева 2002; Declercq, Federici 2019; Grimshaw 1990; Ray 1998) и др., проблема бесконфликтного общения предполагает смещение акцента на изучение разных типов коммуникации в норме с учетом эффективного концептуального взаимодействия ее участников. Последнее подразумевает определенную «настройку» их концептуальных систем относительно друг друга, в том числе учет уровня знаний, систем ценностей, мнений, оценок, стереотипов, профессионального и социального статусов, прогнозирование потенциальных интерпретаций, используемых когнитивных и языковых механизмов формирования смыслов, см. подробнее: (Болдырев 2017). Другими словами, понятие конфликта и бесконфликтности в данном случае приобретает концептуальное и собственно лингвистическое осмысление, учитывающее не только конфликт взглядов, мнений и оценок, но и конфликт знаний (в плане их конфигурации, объема и содержания) и возможных разных языковых интерпретаций этих знаний участниками коммуникации.

Возвращаясь к вопросу служебного статуса отдельных языковых единиц, необходимо еще раз сделать специальный акцент на том, что в своих исследованиях языковой служебности мы развиваем идею функциональной грамматикализации, которая предполагает взаимодействие в семантике слова грамматического и лексического значений на функциональном уровне, что позволяет говорить об особом типе репрезентируемого знания и той или иной степени грамматикализации, см. (Болдырев, Толмачева 2014; Болдырев 2018; Толмачева 2017; Толмачева 2020). С одной стороны, служебные слова как единицы языка выстраивают грамматические связи между его элементами в момент формирования смысла и построения высказывания, концептуализируя таким образом связи элементов внутри языковой системы. Одновременно они также служат средством концептуализации экстралингвистической действительности с точки зрения ее постоянной и динамической структуры, выражая посредством определенной языковой схемы те многообразные связи и отношения, которые устанавливаются либо имеются в реальности между объектами, их свойствами и пр., см. подробнее (Толмачева 2017). При этом служебность как грамматический концепт представляет собой особую когнитивную схему языковой интерпретации неязыкового знания, которая проявляется в использовании с этой целью разных типов синтаксических конструкций и типов синтаксической связи (подробнее о грамматических схемах вторичной интерпретации мира см. (Болдырев 2021)).

Так, например, установлено, что полнозначные глаголы, функционально использующиеся в роли связочных в синтаксической конструкции именного типа, способны интегрировать языковые (грамматические) и неязыковые (экстралингвистические) знания. Стремясь описать то или иное событие, говорящий выстраивает его концептуальную модель, структура и содержание которой обусловлены рядом когнитивных факторов, например, способом и условиями его перцептивного восприятия, предшествующим опытом, знаниями о типичном событии подобного рода, учетом своего коммуникативного намерения и т.п. Одновременно говорящий конструирует языковую модель, или схему, опираясь на свои знания грамматических законов языка – языковые знания. Выбор глагола для реализации грамматической функции связки в конструкции именного типа в этот момент определяется «не столько его грамматическим значением, сколько индивидуальным выбором способа концеп-

туализации события» (Толмачева 2017: 270), а также выражением отношения к нему. Подобным образом характеризуется, например, использование полных глаголов в функции связки в русском языке: *выглядеть, считаться, значиться, числиться, казаться, представляться, выходить, оказываться, доводиться* и других, что дает основание отнести их к категории функционально-связочных глаголов, см.: (Меркулова 2004).

Часто в предложениях с глаголами *числиться, значиться, считаться* общий смысл высказывания приобретает оттенок несоответствия реальному положению дел выраженному грамматически тождеству, то есть связочный глагол изменяет концептуальное содержание высказывания, добавляя отношение говорящего к сказанному, например:

*В штатном расписании компании она **значилась** главным менеджером по кадрам, но все знали, что Анвельт без ее одобрения не принимает ни одного важного решения* (НКРЯ).

*Хотя я **числилась** соавтором проекта, но по сути была автором* (НКРЯ).

*Когда открывал счёт, банк **считался** надёжным, а потом раз – и всё* (НКРЯ).

Значение несоответствия приписываемого признака часто подкрепляется противопоставлением в дальнейшей части предложения, выраженным противительными союзами: *но, однако, а*. Соответственно использование названных глаголов обуславливает интерпретацию ситуации, выраженной предикативной конструкцией именного типа, как несоответствующей реальному положению дел, и как следствие, формирует у слушающего модус недоверия к репрезентированному отношению между объектом и приписываемой ему характеристикой.

Значение ‘согласно официальной записи, документу’, как правило, подкрепляется лексикой, например, *в договоре, в штатном расписании, формально и т.п.*

*Формально автором сценария **считался** я, но по-настоящему авторами мы, конечно, были вдвоем с Пургалиным* (НКРЯ).

*В «Договоре» мой друг **значился** «исполнителем», а улыбчивый диссертант – «заказчиком»* (НКРЯ).

*По должности старший политрук Степанов **числился** литературным секретарем, а на деле ходил в помощниках редактора* (НКРЯ).

Интересно отметить, что, напротив, будучи лексически не подкреплена, модальность сомнения при использовании глаголов *числиться, значиться, считаться* в функции связочных снижается, приближаясь к «чистой», грамматической связке *быть*, что свидетельствует об их более высокой степени грамматикализации. При этом оттенок значения ‘согласно официальной записи, документу’ выходит на первый план:

*В XVII – XVIII веках Гороховец **значился** крупным торговым центром* (НКРЯ).

*Его гимназия **числилась** образцовой среди почти двухсот гимназий России* (НКРЯ).

*В 1910 году полная потеря суверенитета была закреплена документально, и до 1945 года Корея официально **считалась** японской колонией* (НКРЯ).

Определенный модальный оттенок добавляет к общему смыслу высказывания функционирующий в роли связочного глагол *считаться*. Употребленный вместо глагола *быть* он, в силу деривационных связей с исходной формой *считать* и ее вторичным значением, с одной стороны, снижает категоричность высказывания (*считаться* не равно *быть*), и репрезентирует не факт, а мнение, например:

*Аргумент серьёзный, но до сих пор **считался** малоубедительным* (НКРЯ).

*Фаворитом **считалась** команда «Легенда», но спорт есть спорт* (НКРЯ).

*Когда-то белизна кожи **считалась** первым признаком аристократизма* (НКРЯ).

*Она **считалась** в семье самой красивой, удачливой, работала в хорошем месте: модельером на фабрике игрушек* (НКРЯ).

С другой стороны, употребление глагола *считаться* для грамматического выражения концептуальной связи между объектом и его признаком свидетельствует о реализации им дополнительного значения эвиденциальности. Благодаря своей обобщенно-личной семантике данный глагол как бы

снимает ответственность с говорящего за высказанное утверждение, соотнося его с неким общепринятым мнением, т.е. мнением неопределенного количества людей, как правило, авторитетных в соответствующей области, например:

*Их дуэт **считался** лучшим во всём мире* (НКРЯ).

*Словарь Даля всегда **считался** признаком того, что его обладатель – приличный человек* (НКРЯ).

*А одной из самых востребованных специальностей **значилась** медицинская сестра* (НКРЯ).

Одновременное использование в одном предложении в качестве противопоставления глаголов *считаться* и *быть*, *считаться* и *оказаться* изменяет модус оценочной интерпретации смысла высказывания на противоположный:

*Он не **считался**, а **был** отличным преподавателем* (НКРЯ).

*Как сообщает Би-би-си, Леннон, который всегда **считался** выходцем из пролетарской среды, **оказался** вовсе не парнем с рабочей окраины* (НКРЯ).

Глагол *считаться* в функции связочного может также использоваться в целях успешной коммуникации как преподнесение не личного, а общественного (и тем самым более авторитетного) мнения. Сравним:

*Вы **являетесь** лучшим врачом в городе* (мое мнение). – *Вы **считаетесь** лучшим врачом в городе* (мнение многих людей).

Интересный случай репрезентации устойчивого концептуального содержания представляет употребление в функции связочного глагола *числиться* со словосочетанием *пропавший без вести* (*без вести пропавший*), как правило, согласно официальным документам или утверждениям:

*О Вадиме вестей с фронта не было – он **числился** без вести пропавшим* (НКРЯ).

*17-летняя жительница белорусского города Бобруйска Надежда П. **числилась** без вести пропавшей с 15 марта 2002 года* (НКРЯ).

За счет высокой частотности употребления в одном и том же когнитивном и языковом контексте полнозначный глагол *числиться* подвергается высокой степени функциональной грамматикализации, что в семантическом плане приближает его к грамматической связке *быть*, однако актуализируется значение предположительности, неопределенности, возможной недостоверности, что несомненно снижает общую резкость и безапелляционность высказанного смысла, оставляет надежду на иной исход событий, что иногда и подтверждается:

*– подумал Галактион Дмитриевич, присматриваясь к солдату, и вдруг узнал в нем Никиту Похлебкина, который **числился** пропавшим без вести...* (НКРЯ).

*Он **числился** пропавшим без вести. И только двадцать с лишним лет спустя деревенские пионеры разыскали могилу, опросили местных жителей, списались с родными Зуева* (НКРЯ).

Полнозначный глагол *представляться* также часто используется в функции связочного для выражения связи между объектом и его характеристикой, и в дополнение к грамматическому значению связочности концептуализирует восприятие признака как произведенное впечатление, субъективное мнение или ощущение говорящего, например:

*Умный **представлялся** человеком сомнительным и от него всегда следовало ждать подвоха* (НКРЯ).

*Более загадочным **представлялся** второй вопрос* (НКРЯ).

*Стоило прищурить глаза – и предметы исчезали, а вся долина **представлялась** огромной мозаикой или панно из разноцветных камешков* (НКРЯ).

Концептуализация признака как определенной характеристики субъекта данным глаголом чаще всего обусловлена не непосредственно зрительным восприятием, а скорее является результатом мыслительного анализа, размышления, сопоставления с чем-то типичным, основанным на предшествующем познавательном опыте:

*Он **представлялся** сильным, уверенным вожаком, ярко выраженным авторитарным лидером и не терпел никакого инакомыслия* (НКРЯ).

Такой способ распространения текстов представлялся и закономерным, и разумным (НКРЯ).

Эпоха картезианского субъективизма – это эпоха барокко, а эпоха барокко – это эпоха, когда весь мир представлялся театром, а люди – актерами, играющими в театре (НКРЯ).

Следует также обратить внимание на то, что при употреблении глагола *представляться* в функции связочного, по сравнению со связочным глаголом *быть*, приводит к снижению категоричности высказывания, привнося модус субъективности, индивидуальности суждения, в том числе за счет отсутствия указания на конкретное лицо.

Таким образом, рассмотренные примеры показывают, что используемые в них полнозначные глаголы могут подвергаться функциональной грамматикализации, т.е. при сохранении исходной лексической семантики выполнять одновременно грамматическую функцию связки, что дает основание отнести их к категории функционально-связочных глаголов. Используемые в роли связочных для выражения грамматической связи между именем предмета и именем признака, данные глаголы способствуют также реализации интерпретационных смыслов, обусловленных не только передачей языкового знания, но когнитивного опыта говорящего. Употребление функционально-связочного глагола вместо глагола *быть* может содействовать снижению категоричности высказывания за счет передачи дополнительных модальных и эвиденциальных смыслов, акцентирующих субъективность суждения и необязательность его соответствия реальному положению дел, и тем самым обеспечивать бесконфликтность языковой коммуникации в целом.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966.
2. Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. ... дисс. д-ра филол. наук. Краснодар, 2008.
3. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2018.
4. Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14.
5. Болдырев Н. Н. Грамматические схемы вторичной интерпретации мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 22–34.
6. Болдырев Н. Н., Толмачева И. Н. Категории знаменательности и служебности в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVII. С. 369–375.
7. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2005.
8. Меркулова И. Н. Категория функционально-связочных глаголов в современном английском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
9. Муравьева Н. В. Язык конфликта. М.: Изд-во МЭИ, 2002.
10. Толмачева И. Н. Антропоцентрическая природа категории служебных слов // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXVII. С. 263–277.
11. Толмачева И. Н. Когнитивные доминанты реализации служебных смыслов // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 2 (41). С. 333–336.
12. Declercq Ch., Federici F.M. (Eds). Intercultural Crisis Communication. Translation, Interpreting and Languages in Local Crises. L.: Bloomsbury Publishing, 2019.
13. Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. Grammaticalization: a conceptual framework. Chi.: University of Chicago Press, 1991.
14. Hopper P. J., Traugott E. C. Grammaticalization. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

15. Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalization: a programmatic sketch. Cologne: Universität zu Köln, 1982.
16. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс.] URL: ruscorpora.ru (дата обращения 10.05.2022).

УДК 81

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА В ГРАММАТИКЕ СЛУШАЮЩЕГО

Е. Г. Борисова

Государственный академический университет
гуманитарных наук
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия

***Аннотация.** Данная работа находится в ряду исследований грамматики слушающего: такого описания языковой организации, при котором группировка и интерпретация языковых единиц привязывается к рецептивной речевой деятельности. В статье рассматривается класс единиц, который играет немалую роль в различных системах грамматики слушающего и во многом благодаря ей получает дополнительные характеристики. Это союзы, частицы и дискурсивные слова (вводные слова и словосочетания типа «собственно», «честно говоря» и т.п.). Показывается, как эти единицы, которые уже давно фигурируют в функциональном описании языков (т.е. ориентированного на активную речевую деятельность) выполняют важные функции при описании таких связанных с деятельностью адресата категорий, как смысловоявление (определение фрагментов смысла), ориентация (привязка к речевой ситуации и отражаемой реальности), экспликация (выявление содержания импликатур), эмоциональная расшифровка и ряд других.*

***Ключевые слова:** адресат, сочинительные союзы, усилительные частицы, импликатуры, референция.*

FUNCTIONAL WORDS IN THE GRAMMAR OF THE HEARER

E. G. Borisova

State Academic University for Humanities,
Moscow City University
Moscow, Russia

***Abstract.** The article is focused on the 'Grammar of the Hearer': the description of the grammar intended to reflect the specifics of language that is important for the Hearer's activity. The grammar of the Hearer is a variant of functional description of the language but aimed to deliver all necessary information not for the Speaker but for the Recipient. So this grammar unites grammatic and lexical means of fulfilling the operations that form the activity of the Hearer/ We dare to propose the following categories: the revealing of the sense transmitted by the words and grammemes, orientation (referring of the utterance to the objects and conditions in the representation of reality) explication of the implicate information, forming the sense of the whole texts, emotions et. The language units acquire some characteristics that had been hardly noticed in other approaches. The special attention is paid to functional words: particles, conjunctions, modal words as they are used to govern the understanding of the Hearer.*

***Key words:** addressee conjunctions, particles, implication, reference.*

Введение

Грамматическая организация в разных языках допускает различные виды описания. Помимо структурно-системного описания, основанного на реально сформированного в языке и оформленного языковыми единицами, возможны и другие способы описания структуры, которые позволяют более точно отражать особенности функционирования языковых структур. Потребность такого описания для отражения активной речевой деятельности была принята почти век назад и привела к развитию функционального направления в грамматике (Martinet 1962; Бондарко 1999).

Необходимость подобного подхода была подсказана невозможностью описания активной речевой деятельности в прикладных направлениях: компьютерной лингвистике, педагогической лингвистике и некоторых других. Для другой стороны речи – рецепции – было принято решение, что можно использовать структурное описание. До некоторой степени это верно: при понимании действия адресата за счет выводов может скорректировать отсутствие подробной информации о том, как следует понимать то или иное сообщение. Однако при более подробном описании, например, для целей оценки речевого воздействия, для оценки сложностей понимания и для некоторых других задач необходимо описывать языковые структуры, которые используются адресатами, а также учитываются говорящим (Милославский 2019: 32).

Описание, ориентированное на отражение восприятия текста, которое мы называем грамматикой слушающего, выстраивается, в основном, в соответствии с отдельными речевыми операциями адресата. Операции и объединенные ею средства мы называем категориями грамматики слушающего. В статье будут учитываться категория **смысловыявления** («дешифровки» знака, определения того содержания, которое он вносит в данное сообщение), **экспликации** (выявления импликатур и связанные с этим действия) (Борисова 2019: 47), **ориентации** (референции, привязки к предшествующему тексту, см. (Борисова 2015), **смыслопостроения** (операции, необходимые для определения смысла всего сообщения или его части эмоциональной окраски сообщения. Возможно, список не является исчерпывающим.

Каждая из категорий включает набор единиц и правила, по которым они действуют при понимании речи. Сюда входят полнозначные и служебные лексемы, грамматические категории, в первую очередь, способные выражать номинативное (лексическое) значение, интонационные и другие фонетические средства, служебные слова.

В данной статье мы предполагаем сконцентрировать внимание на месте служебных слов нескольких типов в категориях грамматики слушающего.

1. Служебные слова и их описание

В ходе изучения различных служебных единиц. Предпринимавшимися на протяжении многих лет, нами были отобраны единицы, влияющие на понимание сообщения (Борисова 2018). В наше нынешнее исследование вошли усилительные частицы (-ТО, -И, А, ЖЕ, ВЕДЬ, ДА, УЖ, НУ, ТУТ, ТАМ, ВОТ, ВОН), близкие к ним по функциям дискурсивные слова (местоимения САМ, СЕБЕ), сочинительные союзы (И, А, НО, ДА), а также слова и словосочетания, которые принято относить к классу «вводные слова» (Кобозева и др. 2009): СОБСТВЕННО, ФАКТИЧЕСКИ, ЧЕСТНО ГОВОРЯ и др. Отдельно отметим междометия, отражающие – и модулирующие – эмоциональное состояние участников общения. Конечно, в управлении поведением адресата участвуют и многие другие единицы. Однако именно эти служебные слова имеют эту функцию как классообразующую. И поэтому именно их надо рассмотреть в первую очередь.

Поскольку эти единицы в той или иной степени уже описаны в разных работах, в том числе и в словарях (Прияткина и др. 2001), у нас есть возможность соотнести их значения и функции с теми операциями, которые выполняет слушающий, а следовательно, с теми категориями грамматики слушающего, которые нами выявляются.

Что касается описания значения этих слов, следует принять во внимание, что помимо значений, аналогичных лексическим, следует учитывать и функции: усиления, привлечения внимания, настоятельности и т.п., которые объединяют несколько не вполне синонимичных единиц, ср. Закрой

же дверь и Да закрой дверь! В описании каждой частицы, междометия и союза следует включать общее значение, с которым связаны частные. Так для частицы ЖЕ общее значение слушающему известно содержание сообщения. Из этого общего значения выводятся все частные, например, если просьба предполагается уже известной (но все еще не выполненной), она становится более настоятельной.

2. Грамматика слушающего. Категории и место служебных слов.

2.1. Для грамматики слушающего предполагается принимать во внимание следующие операции адресата и связанные с ними категории. В первую очередь, предполагается распознавание языковых единиц в результате сопоставления с образцами единиц (фонем, морфем, слов), хранящимися в памяти. Эта процедура предусмотрена во всех основных моделях речевосприятия, например, в Модели «Смысл – Текст» (Мельчук 1974). На современном уровне описания этого процесса участие служебных слов можно связать с коррекцией интерпретации звукового и морфемного состава:

(1) *Как-как ты сказал? Код? – Да нет, таки кот.*

2.2. Следующим можно считать этап интерпретации единиц: выбор нужного лексического и грамматического значения в ходе восстановления синтаксических и семантических связей при обработке содержания предложения. На этом этапе определяется, какие значения многозначных слов и морфем актуальны именно для данного сообщения (имеет смысл здесь включать рекурсивную модель, но для нашего изложения это не важно). В этом случае языковые единицы образуют категорию распознавания значения (смысловыявление), общий состав которой нами окончательно еще не определен. Однако можно отметить единицы, которые маркируют соотнесение значений слов с отражаемой картинной. В частности, в этой роли выступают частицы *именно*:

(2) *Мы поняли, что это именно буря, а не просто непогода,*

просто и прямо, -таки:

(3) *Это просто безобразия.*

(4) *Ты прямо богатырь.*

(5) *Это-таки эпидемия.*

Аналогичную роль, хотя и в несколько ином аспекте играют вводные (дискурсивные Fraser 1990) слова СОБСТВЕННО, ФАКТИЧЕСКИ, ОТКРОВЕННО ГОВОРЯ (Кобозева, Щедрина 2008) и целый ряд других. Мы можем связать это явление с хеджингом, (Schroeder, Zimmer 1997) т.е. отграничение передаваемого смысла от возможных значений лексемы и импликатур из него. Поскольку это явление изучено слабо, пока трудно определить, какие еще языковые явления должны попасть в эту же категорию. Видимо, сюда следует отнести и функционирование многозначных грамматических категорий, например, частновидовых значений русского глагола. Поскольку частное значение (лексико-семантический вариант слова) проявляется в сочетании, видимо, к этой же категории относятся и вопросы сочетаемости: их механизмы и нарушения (несвободная сочетаемость ср. *обращать внимание 1* и *уделять внимание 2*).

2.3. Определение актуальных значений отдельных слов позволяет перейти к формированию смысла связного текста (смыслопостроение). Важной частью распознавания содержания сообщения является выявление связности сообщения. Помимо установления самого факта связности, чему есть немало внешних признаков, сюда же следует включить и определение целей фрагментов текста и отношений между фрагментами, а именно, причинно-следственные, пояснительные, уточнительные отношения. К этой категории, помимо маркеров придаточных предложения, в частности, подчинительных союзов, и дискурсивных маркеров (Fraser 1990) порядка изложения (*начнем, кстати, в итоге* и т.п.) можно отнести и сочинительные союзы И, А, НО, ДА, а также некоторые частицы. В частности, союз И, как отмечается в грамматиках и словарях, может иметь значение следствия и в этом случае оказывается близок к частице И:

(6) *Меня позвали – я и пошел.*

Союзы А и НО, а в некоторых значениях ДА присоединяют информацию, которая не ожидается слушателем и соответствует отношениям уступки.:

(7) *И рад бы в рай, да грехи не пускают.*

2.4. Категория ориентации соответствует действиям слушающего по соотношению сказанного с отражаемой реальностью и предшествующим текстом. Сюда входит референция местоимений, имен существительных, а также описываемых действий или событий, осуществляемых как при помощи глагольных форм (для русского это процессное значение несовершенного вида и ряд других видовых значений), а также частиц. Так, частица ВОТ позволяет соотнести содержание сообщения с известными слушателям событиями:

(8) *В последнее время часто вспоминаются летние приключения: поездки, походы. Зимой вспомнить особенно приятно. И во время вот летнего турпохода сало понятно, что наши городские школьники не умеют даже костер развести.*

К средствам обозначения ориентации, в том числе и временной, относятся также способы обозначения моментов времени видами глаголов или временами (таксис), а также референция, осуществляемая местоимениями, частицей-местоимением САМ и т.д. (Борисова 2015).

2.5. Существенной частью процесса понимания является восстановление имплицитного смысла, передаваемого практически во всех сообщениях. Можно отнести этап экспликации к следующему за смыслопостроением в связном тексте. Однако в реальности, видимо, эти действия осуществляются неоднократно на разных этапах, используя данные, получаемые в ходе разных операций.

Ключевой можно считать операцию восстановления импликатур в ситуации установления связи между высказываниями. В числе средств, обеспечивающих (или хотя бы облегчающих) восстановление имплицитно переданного смысла, можно назвать словарь сценариев (фреймов) ситуаций. И в этом случае тоже могут быть задействованы частицы. В отличие от подчинительных союзов, которые обозначают смысловые отношения явно (хотя и не всегда достаточно полно), частицы только маркируют возможность определенных семантических связей, полное содержание которых выявляется в результате экспликации семантики отношений:

(9) *Ты напрасно, я просто пошутил.*

Т.е. слушающий понимает, что говорящий так объясняет ему причину своего недовольства реакцией собеседника. Более подробно, видимо, то же можно выразить при помощи причинных союзов:

(9') *Тебе не стоило так реагировать, потому что это была шутка.*

Частицы, приобретая оттенки имплицитных значений, указывают на наличие связей, на необходимость экспликации и на то, какого рода должна быть экспликация.

Отметим, что имеется определенная узуализация синтаксических отношений для некоторых частиц, так причинное значение отмечают у ЖЕ, -ТО, ПРОСТО (Стародумова 1997), а для частицы ВЕДЬ иногда даже постулируют как отдельное лексическое значение (и объявляют ее союзом). Однако отличия от эксплицитного выражения связей союзами несомненны. Частицы могут передавать оттенок причинности в тех случаях, когда главное предложение не является утвердительным или не имеет предиката, формирующего главное предложение:

(10) *Уфф, я просто устал.*

Т.е. и построение предложений допускает только бессоюзную связь.

2.5 Эмотивные аспекты сообщения

Достаточно важной – хотя и находящейся на лингвистической периферии – частью деятельности адресата является его реакция на средства модуляции эмоционального состояния собеседника. Имеющиеся разработки показывают, что язык богат средствами, так или иначе отражающими эмоциональное состояние говорящего и влияющими на эмоциональное состояние адресата. Однако в отличие от других типов информации, передаваемой в сообщении, которые связаны с когнитивным состоянием собеседников, эмотивная информация задействует (исключительно или чаще всего одновременно с когнитивной) и аффективную сферу психики.

Тут следует уточнить, какое может быть воздействие такой информации на эмоциональное состояние собеседника. Во-первых, видимо, практически всегда можно говорить, что эмоционально

окрашенные средства в речи говорящего влияют на состояние адресата: до какой-то степени выводят его из эмоционального равновесия. Впрочем, степень этого может быть незначительна. Изменение состояния может заключаться в том, что адресат «заражается» переживаниями говорящего. Например, реакцией на фразу:

(11) *Мы не простим негодьям,*

выражающее возмущение и, возможно, негодование, будет скорее всего тоже возмущение.

А при выражении презрения ответной реакцией будет тоже презрение.

(12) *И с такими...чудаками нам предлагают договариваться!*

Однако если адресат не согласен с оценкой говорящего, его эмоциональной реакцией будет не повторение эмоций по отношению к объекту, а иные чувства: негодование может быть направлено на говорящего. А презрение скорей всего тоже вызовет возмущение говорящим:

(13) *Да кто вы такие, чтобы так оскорблять!*

Поскольку эмоциональная реакция отмечается и для этих случаев, хотя и не та же, что у говорящего, можно говорить, что провоцируемая реакция, связанная с различиями в оценках, является отражением эмоций, но не заражения ими адресата. Так если негодьями названы люди, которые адресатом оцениваются положительно, его эмоциональным отражением будет возмущение говорящим (в редких случаях презрение и т.п.). Однако эмоциональность реакции адресата все равно имеет место.

Выражение эмоций осуществляется разными путями, но несомненно, что служебным словам здесь принадлежит заметное место. В первую очередь, речь идет, конечно, о междометиях. Однако определенную модуляцию эмоционального состояния адресата осуществляют и частицы. Так частица *ДА* нередко выражает нетерпение и может вызывать отражающую эмоциональную реакцию недовольства говорящим, а иногда стыда:

(14) *Да выключи ты наконец эту дребедень – А ты чего раскомандовался?*

(вариант *Все-все, уже выключаю*),.

Эмоциональная окраска характерна для частиц *ЖЕ*, *УЖ*, *-ТО* и других, причем и выражаемые эмоции, и эмоциональная реакция на них может быть очень разнообразна.

В целом в категорию эмоциональной модуляции входит большое число средств, в той или иной степени уже выявленных в исследованиях по эмотивным характеристикам.

Выводы

Обращение к описанию свойств грамматических и лексических средств языка с точки зрения действий слушающего позволяет – как и в функциональной грамматике, ориентированной на говорящего – выявить определенные характеристики грамматических единиц, которые ранее находились в тени исследований. Здесь можно отметить описание видовых форм глагола наряду с усилительными частицами в одном ряду со средствами референции: с позиций слушающего во всех этих случаях речь идет о связи сообщения с реальностью (точнее, ее представлением). Оказалось, что известным способам соотнесения с реальностью и ее представлениям, имеющимся для объектов, обозначаемым именами и местоимениями, есть аналоги, касающимися событий и их временных характеристик.

Определенные «открытия» обнаруживаются и в операциях восстановления имплицатур (связь с фреймовыми структурами), а также в процедуре определения смысла, передаваемого значением слова (хеджинг) и в ряде других случаев.

Средства выражения категорий грамматики слушающего, как и для грамматики говорящего, часто выходят за пределы собственно грамматической системы: для одной категории привлекаются и собственно грамматические средства, и лексические, и семантико-синтаксические. В этом смысле показательно, что значительное место в грамматике слушающего – более значительное, чем в системной грамматике – занимают служебные слова и в первую очередь, усилительные частицы, которые для системной грамматики оказываются периферийным элементом. Это связано с той ролью, которую усилительные частицы, наряду с модальными (вводными словами) и некоторыми другими служебными единицами, играют в речевом взаимодействии. В частности, эти единицы во многих

функциях можно интерпретировать как средства, которые использует говорящий, для управления слушающим с целью облегчения понимания сообщения.

Литература

1. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999. 256 с.
2. Борисова Е. Г. Речевая ориентация как категория рецептивной лингвистики // «Социальные и гуманитарные знания» 2015. № 2. С. 147–151.
3. Борисова Е. Г. Управление пониманием. Языковые единицы, регулирующие понимание сообщения // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2018. № 6. С. 34–50.
4. Борисова Е. Г. Экспликация (выявление импликатур) в грамматике слушающего // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума / Науч. ред. В. Н. Степанов, отв. ред. Л. В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 46–53.
5. Кобозева И. М., Щедрина Н. С. Дискурсивные единицы «Собственно» и «Фактически» как средство манипуляции представлениями адресата // Эффективность коммуникации: сборник статей по итогам междисциплинарной конференции, 22–23.04.2008, Кафедра массовой коммуникации исторического факультета МГПУ / сост. Е. Г. Борисова. М.: МГПУ, 2008. С. 95–100.
6. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М.: Наука, 1974. 314 с.
7. Милославский И. Г. «РГ 4.0»: усовершенствованная классификация языковых проявлений или удовлетворение потребностей пользователя? // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сборник научных трудов Международного научного симпозиума / Науч. ред. В. Н. Степанов, отв. ред. Л. В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 27–37.
8. Прияткина А. Ф. Стародумова Е. А., Сергеева Г. Н. Словарь служебных слов русского языка. Владивосток, 2001. 363 с.
9. Стародумова Е. А. Русские частицы. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997. 68 с.
10. Fraser B. An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics 14. 1990. P. 383–395.
11. Martinet A. A Functional View on Language, Oxford University of Oxford. 1962. 163 p.
12. Schroeder H. and Zimmer D. Hedging Research in Pragmatics: A Bibliographic Research Guide to Hedging. R. Markkanen & H. Schroeder (Eds.), Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. Berlin/ New York: de Gruyter. 1997. P. 249–271.

УДК 811.161.1

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ «Я БЫ СКАЗАЛ (-ЛА)» (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА НКРЯ)

Ван Жучжэнь

Лоянский политехнический институт

Лоян, КНР

Аннотация: Изучены функциональные возможности выражения «я бы сказал(-ла)» в грамматическом, семантическом, синтаксическом, коммуникативном и прагматическом аспектах. Установлен статус исследуемого выражения как формы сослагательного наклонения, вводного предложения, метакорректора и рефлекса поиска.

Ключевые слова: выражение «я бы сказал(-ла)», формы сослагательного наклонения, вводное предложение, метакорректор, рефлекс поиска.

THE FUNCTIONAL POSSIBILITIES OF THE EXPRESSION "I WOULD SAY" (ON THE MATERIAL OF THE CORPUS SPOKEN IN THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS)

Wang Ruzhen

Luoyang Institute of Science and Technology

Luoyang, China

Abstract. The article studied the functional possibilities of the expression "I would say" in the grammatical, semantic, syntactic, communicative and pragmatic aspects. The article establishes the status of the expression under study as a form of the subjunctive mood, introductory sentence, meta-corrector and search reflex.

Key words: expression "i would say", subjunctive mood, introductory sentence, meta-corrector, search reflex.

В последние годы устная речь исследуется во многих направлениях и на разных уровнях. В лингвистическом аспекте исследователи установили разные типизированные конструкции. В частности, Н. И. Ильминская (Ильминская 2003) исследовала конструкции с именительным падежом, Е. А. Земская (Земская 2006) изучила конструкции добавления, когда говорящий добавляет к уже высказанному незапланированный сегмент. А. Е. Цесарская (Цесарская 2020: 101) подробно описала корректировочные конструкции. На лексикографическом уровне Н. А. Осьмак исследовала лексические единицы повседневной разговорной речи (Осьмак 2014). В коммуникативном аспекте А. Д. Шмелёв (Шмелёв 2005) и Н. В. Богданова-Бегларян (Богданова-Бегларян 2015) рассмотрели феномен вербальных хезитативов русской устной речи. В прагматическом направлении Ю. В. Дараган обратила внимание на феномен «коммуникативных сбоев» и исследовала вербальные средства преодоления коммуникативных сбоев (Дараган 2003). Всё это свидетельствует об **актуальности** темы устной речи, которая является открытой и неисчерпаемой.

Объектом нашего исследования является типичное, часто употребляемое выражение «я бы сказал(-ла)» в устной речи. **Материал** исследования – факты с употреблением конструкции «я бы сказал», собранные из Устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Придерживаясь подхода Дальневосточной синтаксической школы, который предполагает «всестороннее изучение семантики и функциональных возможностей» каждой конкретной служебной единицы (см. Прияткина 2007: 142), мы исследовали функциональные возможности выражения «я бы сказал» в грамматическом, семантическом, синтаксическом, коммуникативном и прагматическом аспектах.

1. Выражение «я бы сказал» в грамматическом и семантическом аспектах

В грамматическом (морфологическом) аспекте выражение «я бы сказал(-ла)» содержит форму сослагательного наклонения. Показатель такой морфологической формы: сочетание частицы «бы» с глагольной формой на -л «сказал(-ла)». При этом наблюдается ваккернагелевский статус частицы «бы»: она является фразовой энклитикой, «не имея собственного ударения и ритмически примыкая к предшествующему слову» (Добрушина 2016: 22). В нашем исследовании внимание в основном обращается на факты, где частица «бы» находится после личного местоимения «я», чётко указывается и подчёркивается, что речь идёт о личном мнении говорящего.

В форме сослагательного наклонения выражение «я бы сказал(-ла)» передаёт разные модальные значения, такие, как смягчённость, желание и предположительность. По семантическим характеристикам выделяются два типичных предложения.

1) Сложноподчинённые предложения с союзом «что». В таких предложениях «я бы сказал(-ла)» употребляется для смягчённого выражения своего мнения говорящего, это выражение обозначает «я считаю», «я думаю». Например: «[№ 0] Так что же изменилось в мире/ как конкретно изменился

мир/ какие перемены в нем произошли? [№ 6, жен, 57, 1946, пенсионер] **Я бы сказала/** что стал более агрессивен» (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Москва, 2003) [НКРЯ].

В разговорной речи союз «что» может быть опущен. Например: «[№ 0] **Какие чувства у вас вызвали бы первые чувства/ которые?** [№ 2, жен, 58, 1945, пенсионер] **Я бы сказала/** крыша поехала у этого человека» (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Москва, 2003) [НКРЯ].

В разговорной речи это выражение может находиться и в постпозиции в предложении. Например: «[№ 8, жен, 56, 1947, пенсионер] **Мне кажется/ я бы тоже за Явлинского голосовала. Пусть попробует он что-то сделать конкретное. И все/ в основном/ живут не богато/ я бы сказала/**» (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Самара, 2003) [НКРЯ].

2) Предложения с союзом «если». В таком случае «я бы сказал(-ла)» употребляется для выражения значения предположительности. Например: «[№ 10, муж] **Это скучная статистика/ которая и к коррупции имеет отношение. Я бы вот что сказал/ если будет продолжаться эта работа**» (Дискуссия об органах местного самоуправления, 2001-2004) [НКРЯ].

2. Выражение «я бы сказал» в синтаксическом аспекте

В синтаксическом аспекте выражение «я бы сказал(-ла)» может функционировать как вводное предложение. В этом случае исследуемое выражение выделяется интонационно и передаёт значение «мне кажется». При этом позиция этого вводного предложения не зафиксирована, оно может находиться:

1) перед подчёркиваемыми компонентами. Например: «[№ 1, муж, 33, 1970, мастер] **Правительство это не просто какая-то группа людей. Это /я бы сказал/ механизм. Механизм/ который производит законы**» (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Санкт-Петербург, 2003 // Фонд «Общественное мнение») [НКРЯ]; «[**Виктор Ефимович Ардов, муж, 74, 1900, писатель**] **А надо сказать/ что Зоценко отличался/ я бы сказал/ гоголевским комплексом** (В. Е. Ардов. Беседа В. Д. Дувакина с В. Е. Ардовым (1974) // «Собрание фоновых документов имени В. Д. Дувакина» Отдела устной истории Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999) [НКРЯ].

2) после подчёркиваемых компонентов. Например: «[**Журналист4, муж, журналист**] **Сейчас очень остроумно/ я бы сказал/ Александров оставил шайбу/ уведя за собой защитника/ Альметову**» (Николай Озеров, Ян Спарре. Спортивный репортаж: хоккей. СССР – Канада (товарищеская встреча) 27.11.1960, 1960 // интернет) [НКРЯ].

3. Выражение «я бы сказал» в коммуникативном аспекте

В коммуникативном аспекте выражение «я бы сказал(-ла)» может функционировать как метакорректор в корректировочных конструкциях.

Метакорректор – это «особый конституирующий элемент», который связывает два обязательных компонента в корректировочных конструкциях: «корректируемый (левый) и корректирующий (правый)» (Цесарская 2020: 102), обеспечивая целостность конструкции при реализации автокоррекции (там же: 101). В соответствии с выполняемыми функциями выделяются семантические метакорректоры, создающие «экспликацию типа отношений между компонентами конструкции» (Там же: 110) и коммуникативные метакорректоры.

Исследуемое нами выражение «я бы сказал» обосновывается как коммуникативный метакорректор, выражающий метаязыковые комментарии (Ван Жучжэнь 2021: 44–52). С помощью этого метакорректора говорящий комментирует собственное речевое поведение: «я хотел бы так сказать / охарактеризовать что», «я считаю». При этом данный метакорректор выполняет разные функции. С одной стороны, он служит «маркером авторизации речи», указывая и подчёркивая, что речь идёт о смягчённом, вежливом выражении личного мнения говорящего. С другой стороны, он служит «маркером апелляции к слушающему», – используется для привлечения адресата к процессу «поиска адекватного, более точного словесного выражения» (Цесарская 2020: 138).

Проанализировав собранный материал из НКРЯ, мы обобщили типичные случаи употребления метакорректора «я бы сказал» при разных типах автокоррекции и их модификациях.

1) Метакорректор «я бы сказал» употребляется при выражении автокоррекции-уточнения. Такое употребление зафиксировано и в Толковом словаре Дмитриева, где написано, что «Выражение *я бы сказал* вводит уточняющий оборот в предложение» (Толковый словарь Дмитриева).

Автокоррекция-уточнение связана с «интенцией говорящего более точно представить в речи описываемый объект действительности» (Цесарская 2020: 86). В логико-семантическом аспекте первая и вторая вербализация «находятся в отношениях дополнительности» (Там же). Автокоррекция-уточнение имеет две модификации: собственно уточнение и детализация.

При собственно уточнении отношения дополнительности установлены на основе включения: предмет названия второй вербализации при этом входит в состав предмета названия первой, реже – наоборот (Там же). Например: «*[Шустер, муж, журналист] Вот они/ истинные показатели экономического развития / я бы сказал/ экономической развитости*» (Беседа на телевидении С. Шустера и С. Борисова, НТВ, «Герой дня» (2002) // Интернет) [НКРЯ]. В этом примере первая и вторая вербализация находятся в отношении собственно уточнения: «экономическая развитость» является конкретным результатом «экономического развития».

При детализации отношения дополнительности установлены на основе смежности: первая и вторая вербализации детализации называют разные составляющие одной референтной ситуации» (Цесарская 2020: 87–88). Например: «*[Телеведущий (Александр Ширвиндт), муж, 51, 1934] Ну/ телезрители... моего/ так скать/ старшего поколения/ конечно/ помнят этого легендарного артиста/ я бы сказал/ кумира пятидесятих... годов*» (Александр Бородинский, Карен Шахназаров. Зимний вечер в Гаграх, к/ф, 1985) [НКРЯ]. В этом примере «я бы сказал» употребляется при выражении детализации: введена дополнительная оценочная информация «кумира пятидесятих» относительно первого оценочного выражения «легендарного артиста». Это проявление модификации детализации.

2) Метакорректор «я бы сказал» употребляется при выражении автокоррекции-пояснения.

Логическая основа пояснения – «полное совпадение денотативного содержания поясняемого и пояснения: первая и вторая вербализации находятся в отношениях тождества». При этом такое полное совпадение оказывается условным, поскольку «повторная номинация, представляя собой альтернативный способ именования уже названного объекта действительности, может актуализировать нерелевантные для первой функциональные, оценочные признаки предмета, лица, явления» (Цесарская 2020: 90).

Автокоррекция-пояснение имеет две модификации: собственно пояснение и толкование. Собственно пояснение представляет собой «пояснение говорящим номинативной единицы, характеризующейся контекстуально или ситуативно обусловленным употреблением» (Там же: 91). В логико-семантическом аспекте «обе вербализации находятся в отношениях контекстуального тождества». Например: «*[Евгений Головкин, муж, 57, 1954, лингвист] Абсолютно не так/ их очень много/ их/ я бы сказал / сотни*» (Евгений Головкин. Как рождаются языки. Лекции Полит.ру, 2011) [НКРЯ]. В этом примере «сотни» в контексте тождественны «много», они находятся в отношении собственно пояснения.

Толкование представляет собой «семантизацию значения номинативной единицы». В логико-семантическом аспекте «вербализации толкования находятся в отношениях языкового тождества» (Цесарская 2020: 91). Например: «*[Павловский, муж, политик] Эти нации собираются вокруг своих конституционных институтов/ вокруг философии своего суверенитета/ это касается и России/ и Украины/ и Казахстана/ я бы сказал/ большой тройки лидеров Евровостока/ ...*» (Пресс-конференция Г. Павловского и А. Кокошина (2004) // Из коллекции НКРЯ) [НКРЯ]. В этом примере «и России/ и Украины/ и Казахстана» и «большая тройка» являются языковым тождеством, они находятся в отношениях толкования.

3) Метакорректор «я бы сказал» употребляется при выражении автокоррекции-исправления.

Автокоррекция-исправление предполагает «полный отказ говорящего от произнесённого речевого фрагмента, квалифицируемого им как неправильный, с последующей заменой его на правильный». С точки зрения логической соотнесённости компоненты такой автокоррекции «находятся в отношениях взаимоисключения» (Цесарская 2020: 177). Например: «*[Максим Сулачев, муж, научный*

сотрудник] Ну заметим/ что у кита хрусталик/ как показывают исследования/ мутнеет не по биологическим причинам — это чистая физика. [Профессор Владимир Скулачев, муж, профессор] Это чистая физика... химия/ я бы сказал» (Владимир Скулачев. Homo Sapiens Liberatus: человек, освобожденный от тирании генома. Проект Academia (ГТРК Культура), 2010) [НКРЯ]. В этом примере метакорректор «я бы сказал» употребляется при выражении автокоррекции-исправления: говорящий сначала соглашается, что «это чистая физика», но потом осознаёт, что это неправильно, и исправляет «физика» на «химия».

4. Выражение «я бы сказал» в прагматическом аспекте

В прагматическом аспекте выражение «я бы сказал(-ла)» может функционировать как рефлекс поиска при вербальном хезитативе, реализуя поисковую функцию в процессе речевой деятельности.

Явление вербального хезитатива (Богданова-Бегларян 2015) привлекало внимание многих исследователей и получило разные названия: «речевые колебания» (Николаева 1970), «кодовые переключения» (Винокур 2007). Такое явление связано с особенностью устной, разговорной речи – неподготовленностью, спонтанностью. В прагматическом аспекте вербальные хезитативы выполняют разные функции, служа «маркерами поиска», «дейктическими или дискурсивными маркерами», «маркерами метакоммуникации» или «маркерами ритмообразующими» (Богданова-Бегларян 2014: 7–20).

Среди вербальных хезитативов, которые выполняют поисковую функцию, Богданова-Бегларян отметила выражение «скажем...» (Богданова-Бегларян 2013: 126). Выражение «я бы сказал(-ла)» выполняет подобную функцию, тоже служит вербальным хезитативом, при этом подчёркивается смягчённое выражение мнения говорящего.

Встречаются факты со словом «такой», которое показывает процесс поиска подходящих оценочных выражений. Например: «[Сергей Капица, муж, 84, 1928, профессор] Последние мировые войны/ по существу/ были именно последними в каком-то смысле/ что вот новое оружие/ которое было рождено развитием науки/ оно привело к такой... я бы сказал/ бессилию силы» (Сергей Капица. Россия и мир в демографическом зеркале. Проект Academia (ГТРК Культура), 2012) [НКРЯ].

Процесс поиска адекватного слова отражается и в незаконченном слове. Например: «[Кагарлицкий Борис, муж, 55, 1958, политолог, публицист] А это всё даже не в советской идеологии/ это я бы сказал в ми... в мифологии советских интеллигентов придумано» (Борис Кагарлицкий, Сергей Гуриев, Сергей Медведев. Гибель капитализма: Дискуссия в программе «Власть факта», 2013) [НКРЯ].

Поиск может быть неудачным, тогда в контексте знак многоточия. Например: «[Эммануил Гедеонович (Сергей Чоншвили), муж, 43, 1965] Простите/ Миша/ я закончу. То/ что сейчас звучит в эфире... мне это очень... я бы даже сказал/ чрезвычайно...» (Дмитрий Дьяченко, Леонид Барац, Ростислав Хаит, Сергей Петрейков. День радио, к/ф, 2008) [НКРЯ].

Во многих случаях в речи встречаются звуки типа «э-э-э...» или в тексте имеется многоточие. Это показывает, что человек ищет, подбирает нужное или подходящее слово или фразу. Например: «[2, муж, режиссер] Я знал огромное количество людей/ как это у нас говорят/ в рабочем классе/ изумительных/ интеллигентнейших людей/ которые настолько были с чувством собственного достоинства/ в отличие от очень многих интеллигентов... эээ... очень таких/ я бы сказал/ виртуозных...» (Беседа о фильме Глеба Панфилова «В круге первом» на радиостанции «Маяк» (2006) // Из материалов Ульяновского университета) [НКРЯ].

Выводы

Проанализировав собранный из НКРЯ материал, мы выявили широкие функциональные возможности исследуемого выражения «я бы сказал(-ла)». Описаны функция и значения этого выражения как формы сослагательного наклонения в грамматическом и семантическом аспектах. Рассмотрены употребления исследуемого выражения как вводного предложения в синтаксическом аспекте. Обобщены типичные случаи употребления выражения «я бы сказал» как метакорректора в корректировочных конструкциях в рамках коммуникативного аспекта. Исследована поисковая функция выражения «я бы сказал» как «рефлекс поиска» при вербальном хезитативе в прагматическом аспекте.

Литература

1. Богданова-Бегларян Н. В. Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов в русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». Вып. 12 (19). В 2 т. Т. 1: основная программа конференции. М.: РГГУ, 2013. С. 125–136.
2. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3(27). С. 7–20.
3. Богданова-Бегларян Н. В. Вербальные хезитативы русской устной речи: реализация поисковой функции и «рефлекс поиска» // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Jagiellonian University Press. 2015. Вып. 2. С. 345–354.
4. Ван Жучжэнь. Функциональная характеристика метакорректора «Я БЫ СКАЗАЛ» в корректировочных конструкциях (на материале устного корпуса НКРЯ) // От синтаксиса слова к синтаксису текста: сб. ст. к 80-летию Елены Алексеевны Стародумовой. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. С. 44–52.
5. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Вступ. ст. Л. П. Крысина. Изд. 3-е. М.: ЛКИ, 2007. 176 с.
6. Дараган Ю. В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Труды Междунар. семинара «Диалог 2003 по компьютерной лингвистике и ее приложениям». Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино: РГГУ, 2003. С. 166–178.
7. Добрушина Н. Р. Семантика косвенного склонения: корпусное исследование грамматической полисемии: дисс. ... д-ра филол. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: 2016. 425 с.
8. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учеб. пособ. Изд. 4-е, испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 240 с.
9. Ильминская Н. И. Осложнение формальной структуры высказываний // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 199–231.
10. Николаева Т. М. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях) // Вопросы языкознания. 1970. № 3. С. 117–123.
11. Осьмак Н. А. Лексические единицы повседневной разговорной речи: пути лексикографического описания их функционирования: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2014. 235 с.
12. Прияткина А. Ф. Об изучении синтаксических свойств служебных слов // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): избр. тр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 133–151.
13. Толковый словарь Дмитриева [Электронный ресурс.] URL: <https://gufo.me> (дата обращения 20.07.2022).
14. Цесарская А. Е. Явление автокоррекции в русской разговорной речи: разноаспектное описание: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2020. 216 с.
15. Шмелёв А. Д. «Показатели хезитации» в русской устной речи // Язык. Личность. Текст: сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 518–529.

«РАЗВЕ»: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ**О. Ю. Инькова**

Женевский университет

Женева, Швейцария

ИПИ ФИЦ ИУ РАН

Москва, Россия

Аннотация. В статье описывается семантическая эволюция слова *разве*. В литературе была описана семантическая эволюция *разве* от предлога, функция, которую это слово утратило в современном русском языке, к частице, настоящее исследование описывает возникновение у *разве* функции коннектора-показателя трех логико-семантических отношений: исключения, исключения из рассмотрения и оговорки. Автор показывает, что набор семантических свойств остается у *разве* практически одинаковым во всех его употреблениях, а та или иная интерпретация высказывания зависит от контекста. При этом не всегда можно четко разграничить употребление *разве* в функции частицы и в функции коннектора. Вопрос о последовательности или параллелизме этапов семантической эволюции (предлог → частица → коннектор?) должен найти ответ в диахронических исследованиях.

Ключевые слова: семантика, коннектор, логико-семантические отношения, «разве».

RAZVE: A QUESTION OF SEMANTIC EVOLUTION**O. Yu. Inkova**

University of Geneva

Geneva, Switzerland

Institute of Informatics Problems, FRC CSC RAS

Moscow, Russia

Abstract. The article describes the semantic evolution of the word *razve*. Semantic evolution of the word *razve* from preposition (a function this word has lost in the modern Russian language) to particle is already described in the existing studies. This article shows how *razve* acquires a function of a connective capable of establishing three logical-semantic relations: exception, exclusion from consideration and reservation. The author shows that the set of semantic properties remains practically the same in all the uses of *razve*, while the interpretation of the utterance depends on the context. However, to clearly distinguish between the particle and the conjunctive function is not always possible. The question whether the stages of semantic evolution (preposition → particle → connector?) are simultaneous or consequential, should be answered in diachronic studies.

Key words: semantics, connective, logical-semantic relations, *razve*.

Введение

Слово *разве* не раз привлекало внимание лингвистов как в своем самостоятельном употреблении, так и в сочетании с другими языковыми единицами; ср. *разве только*, *разве что* и др. (см. источники в разделе «Литература»). В исследованиях, грамматиках и словарях признается многозначность и полифункциональность этого слова (предлог, частица, коннектор), причем некоторые из своих употреблений *разве* утратило в современном русском языке (употребление в качестве предлога). Исследователи не описывают, однако, все этапы семантической эволюции *разве*, позволившие ему развить эту многозначность и полифункциональность. Недавнее исследование А. А. Зализняк (2020) останавливается на этапе возникновения у *разве*-предлога функции вопросительной частицы. В

настоящем исследовании мы проследим, как *разве* развивает свою связующую функцию и показателем каких логико-семантических отношений является.

1. *Разве-предлог*

По крайней мере до середины XIX века *разве* в формах исконнорусск. *розвъ* или ст.-сл. *развъ* употреблялось в функции предлога, управляющего родительным падежом и имеющего значение 'за исключением' (Фасмер 1971: III, 433; Даль 1956: IV, 20):

(1) Святославъ же Ростиславичъ тако глаголаше Новгородцемъ: «нѣсть вамъ инаго князя *развъ* мене, князя Святослава Ростиславичя» [Никоновская летопись (859–1176 гг.) (1526–1530)]¹.

(2) ты еси бѣ нашъ. *развъ* тебе ино(г) бѣ не знаемъ [Новгородская 1-я летопись. Синодальный список (вторая половина XI в. – 1352)].

(3) аще которыи хр(с)тъянинъ поститса въ соуботоу *развъ* великыя суботы да боуде(г) проклатъ [Стязание с латиною псевдо-Георгия (XIV в. – первая четверть XV в.)].

В (1)–(3) мы видим семантическую структуру, типичную для отношения исключения. В главной части указывается множество, а *разве* вводит элемент, который исключается из этого множества: для (1)–(2) «иные князья», «иные боги» – «я», «ты», для (3) «субботы» – «великая суббота». В современном русском языке это употребление утрачено, что отражается в словарях, фиксирующих у *разве* только функцию частицы и союза. *Разве* заменил предлог *кроме*, также управляющий родительным падежом. Однако функцию показателя отношения исключения *разве* не утратило; ср. (4) и (14) ниже.

(4) – Дедушка, – говорю я, чтобы не молчать, – а он нас не тронет? – Нет, – отвечает дедушка и ломает ветки черники, – он сам не трогает, *разве* с испугу [Фазиль Искандер. Дедушка (1966)].

В отличие от предлога *кроме*, здесь невозможного, *разве* вводит исключенный элемент, описывающий ситуацию. В (4) из множества ситуаций, заданного с главной части «Он (пес) вообще не трогает», исключается ситуация «Он трогает с испугу». К этому вопросу мы вернемся в разделе 3.

2. *Разве-частица*

О русской частице *разве*, прежде всего, вопросительной писали уже не раз, особенно в сопоставлении с частицей *неужели* (см. Апресян Ю. 1980: 51-52; Баранов 1986; Булыгина, Шмелев 1997: 270сл.; Баранов, Пайар 1998: 293-300; Зализняк 2020 и др.). В работе (Зализняк 2020: 7) значение вопросительной частицы у *разве* считается «единственно актуальным».

В литературе выделяется два способа функционирования *разве*: как частицы в составе вопросительного предложения (*Разве P?*) и как самостоятельной ответной реплики (*Разве?*); ср. (5) и (6):

(5) – И что ты предлагаешь? – спросил я. – Надо как-нибудь заявить о себе. *Разве* тебе этого не хочется? – Хочется, – признался я [Запись LiveJournal (2004)].

(6) – Вы все время чем-то отягощены... – сказал он. – *Разве?* – Я вас другим не видел [Сергей Шикера. Выбор природы // «Волга», 2014].

Различается и семантика *разве* в этих двух употреблениях. В первом случае предложение с *разве* не совпадает с пропозициональным содержанием предложения, реакцией на которое оно является, а соответствует имплицитной информации (пресуппозиции, условия успешности, имплицатуры связанные с постулатами общения, и др.), передаваемой им: в (5) если говорящий призывает о себе заявить, значит это – желаемое действие, и *разве* ставит под вопрос именно его желательность. В (6) *разве*, напротив, подвергает сомнению саму истинность утверждаемого говорящим. Подробнее см. (Булыгина, Шмелев 1997; Баранов 1986).

Семантическое развитие *разве* от предлога к частицы прошло, согласно (Зализняк 2020) три этапа:

- сдвиг от предметного объекта к пропозитивному; см. (4);
- появление фигуры говорящего, проявляющееся в вопросах с инфинитивом:

¹ Источником примеров служит Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

² Это обозначение условно в том смысле, что *разве* может занимать и конечную позицию: – Это ножик, – ответил он, слегка недоумевая, – обыкновенный садовый ножик, что, не видели такого *разве?* [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943–1958)].

(7) – Воды у вас можно попросить? – Можно, – ответила она, но не двинулась. «Ах ты стерва! – опять подумал Нейман. – Вот стакан с водкой стоит, выпить *разве?*» [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)].

Говорящий является одновременно субъектом действия, описанного инфинитивом, и субъектом мнения о об этом действии как возможном решении существующей проблемы: в (7) «выпить стакан водки» является одним из возможных способов утоления жажды. Говорящий адресует вопрос самому себе.

Сделаю лишь несколько уточнений к анализу, предложенному в работе (Зализняк 2020). Прежде всего, ситуация, которую надо разрешить, не обязательно является «негативной», как полагает А. А. Зализняк (2020: 7–8); ср. следующий пример, где Маруся хотела подарить Долматову галстук, который он все равно бы не носил:

(8) – Но мне так хотелось вам галстук... – Пустяки, Маруся, я бы всё равно не носил. *Разве* продать? [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)].

Ситуация «у говорящего есть галстук» вряд ли в строгом смысле может считаться негативной. Просто она потребует, с точки говорящего, некоторого решения. С другой стороны, вряд ли можно сказать, что вводимая *разве* ситуация является «позитивной альтернативой к только что обрисованному негативному положению вещей» (Зализняк 2020: 8):.

(9) Ох! не знаю, право, чем бы ему помочь... бузины *разве* с шалфеем сварить... пусть напьётся горяченького, оно смягчит, а потом велю Палашке натереть ему грудь оподельдоком... как вы думаете? [Д. В. Григорович. Бобыль (1847)].

В (9) ситуация, требующая решения, – «надо чем-то помочь больному старику». Предлагаемые варианты помощи можно считать альтернативными друг другу, но не альтернативами самой ситуации.

Наконец, *разве* в форме *разве что* может реализовывать это значение не только в вопросе, но и в сочетании с глаголом *оставаться* в безличной форме:

(10) Но чем может помочь компас, если неизвестно, где ты очутился после суматошной ночи? *Остаётся разве что* завернуть в ближайшую деревню и спрашивать у какой-нибудь тётки, где находится партизанская база? [Василь Быков. Болото (2001)].

В (10) хорошо видно, что решения требует ситуация «неизвестно, где ты очутился после суматошной ночи», а альтернативы – использовать компас или обратиться к деревенской тетке. При этом «говорящий склоняется к тому, чтобы совершить действие, обозначенное инфинитивом» (Булыгина, Шмелев 1997: 279), но пребывает в некоторой нерешительности, колебании. Об этом свидетельствует, например, «Ох! не знаю, право, чем бы ему помочь» в (9), предваряющее возможные решения.

Как бы там ни было, возможное, предполагаемое является неотъемлемым компонентом семантики *разве*.

– **появление фигуры слушающего**, а вместе с ней и «**когнитивного диссонанса**», связанного с тем, что говорящий считает, что существует ситуация не-Р, при которой осуществление ситуации Q, о которой говорит собеседник, невозможно (Зализняк 2020: 8; ср. также Булыгина, Шмелев 1997: 271). Так, в (11) осуществление ситуации Q «Ротатор дал статью о партийности в искусстве» возможно лишь в том случае, если Ротатор пишет про это (Р), а говорящий думает, что это не так (не-Р).

(11) – А ты посмотри, какую Ротатор дал прекрасную статью о партийности в искусстве, – сказал он. – Как, – спросил я, – *разве* он теперь и об этом пишет? [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)]

Снятие «когнитивного диссонанса» возможно только при изменении мнения говорящего с не-Р на Р.

Такая смена полярности была заложена еще в семантике *разве*-предлога. Механизм исключения предполагает, что элементы множества обладают некоторым признаком, а исключаемые из него

элементы – нет. Иными словами, знак главной предикации меняется в части, вводимой показателем исключения, на противоположный; см. (4) выше.

Тот факт, что вопросительная частица *разве* всегда используется «в предложениях, представляющих собой реакцию на некоторое событие (чаще всего – на предыдущее высказывание собеседника» (Булыгина, Шмелев 1997: 281), открывает путь к ее использованию в функции коннектора, а описанные компоненты ее семантики определяют особенности ее функционирования.

3. *Разве-коннектор*

Связующая функция у *разве* и его производных (в первую очередь *разве что* и *разве только*) признается не всеми. Они не упоминаются, например, в списке союзов «Предметного указателя» РГ-80 (II: 682–684) и в наиболее известных грамматиках и учебных пособиях по синтаксису; ср. среди прочих (Гвоздев 2009), (Скобликова 2006), (Галкина-Федорук и др. 2009), (Формановская 2007), (Диброва 2011). В тех работах, где связующая функция *разве* признается, его семантика описывается очень по-разному. В некоторых исследованиях (Лавров 1941: 111; Булаховский 1947: 38) союзы с элементом *разве* рассматриваются среди условных. В БАС, МАС и (Бурцева 2010) *разве* считается условно-противительным, а сложный союз *разве только* в МАС также и уступительно-ограничительным. В качестве примера в БАС приводится (12), где *разве* сочетается с *только* и *что*.

(12) Не всякий и сумеет войти в избу к Онисиму; *разве только что* посетитель уприсит ее стать к лесу задом, а к нему передом [Иван Гончаров. Обломов (1849–1858)].

Уступительно-ограничительным считаются *разве только* и *разве что* и в (Апресян В. 2015: 203). В (Морковкин 1997) и (Ефремова 2004) *разве* в интересующем нас употреблении считается показателем отношения противопоставления, а его производные квалифицированы как условно-противительные. В (Баранов, Пайар 1998: 293–300) *разве* в связующей функции рассматривается как показатель исключения.

Е. А. Стародумова (2002: 222–225) относит *разве*, *разве только*, *разве что* к ограничительным частицам, толкуя их значение как ограничение предикативного признака и включая в их семантику сему «неохотного допущения» и сему единственности. На этой семантической основе, по мнению исследователя, у *разве* и включающих его сочетаний *разве только* и *разве что* в связующей функции, реализуются два значения: исключения, проиллюстрированного (13)–(14), и условия, для которого приводятся примеры (15)–(16).

(13) Вот он шествует вдалеке от тротуара, тем же коротким шагом оскорбленного и сдерживающего себя человека, каким он покинул кабинет. *Разве только* прибавилось в осанке надменности [Федин. Необыкновенное лето; пример из (Стародумова 2002)]

(14) Ничего мне не надо. *Разве* немного ласки, как наркоза [Каверин. Перед зеркалом; пример из (Стародумова 2002)]

(15) Ветер дует в основном на северо-восток. Не очень-то похоже, чтобы нам удалось подойти близко к полюсу. *Разве что* ветер вдруг усилится и сместится к югу [Вокруг света. 1976. № 11; пример из (Стародумова 2002)]

(16) Всех их держит Днепр в темном лоне своем. Ни одна не убежит от него; *разве* погаснет на небе [Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831–1832)].

Однако если в (14) мы действительно имеем отношение исключения (в главной части универсальный квантификатор, задающий множество, в которое не входит вводимый *разве* элемент), то в (13) речь идет об отношении, которое в (Инькова, Манзотти 2019: 262сл.) предлагается называть «исключение из рассмотрения»: в левом от *разве только* контексте нет указания на множество, но есть оценочное утверждение («походка была та же»), которое говорящий предлагает считать истинным, если не принимать во внимание ситуацию, вводимую *разве только*, а именно что в осанке прибавилось надменности.

Отличие *разве* и его производных от прототипических показателей исключения состоит в том, что первые придают исключаемому элементу статус гипотезы, «неуверенного предположения» (Морковкин 1997), тогда как при употреблении *кроме* они по умолчанию имеют статус факта. По-

этому *разве что/только* могут сочетаться с показателями исключения, не создавая семантической избыточности.

(17) Но пищи тут не было, *разве кроме* клюквы [Василь Быков. Болото (2001)].

(18) Впрочем, подобным образом она вторгалась в любой кабинет, *разве что за исключением* председательского [Евгений Лукин. Грехи наши тяжкие (2013)].

Отличие собственно исключения от исключения из рассмотрения заключается еще и в том, что при последнем информация, вводимая показателем, не входит в сферу действия главной предикации, она добавляется в виде комментария *post factum*, корректируя категоричность сделанного утверждения (Инькова, Манзотти 2019: 267). Интересно, что оба вида исключения могут соседствовать в одном высказывании; ср. (19):

(19) *Кроме* соли, в заливку не требуется ничего, *разве что* мускатный орех [Гелия Делеринс. Мягкая сила // «Огонек», 2015].

Что касается условного значения, то Е. А. Стародумова (2002: 225) справедливо отмечает, что оно «проявляется в таких случаях очень своеобразно: *разве что (разве)* вводит ситуацию, которая является условием не той ситуации, которая выражена в первом высказывании, а ситуации, которая мыслится как желаемая». На самом деле речь идет не о желательности или нежелательности ситуации, а о ситуации, противоположной описанной в первом высказывании. Иными словами, ситуация, описанная в Р, будет иметь место при осуществлении ситуации, противоположной той, что описана в Q. И наоборот, если будет иметь место Q, то реализация Р становится невозможной. В (15) «нам не удастся подойти к полюсу» (Р) возможно только при условии, что ветер **не** усилится и **не** сместится к югу (не-Q), а реализация не-Р («нам удастся подойти к полюсу») возможна при усилении ветра и его смещении к югу (Q).

Такая семантическая конфигурация соответствует логико-семантическому отношению, которое в (Инькова, Манзотти 2019) предлагается называть отношением оговорки¹. Оговорка вводит «то обстоятельство, которое может поставить под вопрос осуществление *p*, а значит его истинность, и одновременно квантифицирует все другие возможные обстоятельства, которые могли бы повлиять на реализацию *p*, исключая их: повлиять на осуществление *p* и подставить под вопрос его истинность может только *q*»² (Там же: 286).

Данная конфигурация накладывает ограничения на соединяемые отношением оговорки фрагменты текста:

- положение вещей *q* на момент речи имеет не статус факта, как при исключении, а возможного положения вещей;
- положение вещей *p* также имеет статус возможного положения вещей;
- реализация *q* ставит под вопрос реализацию *p*.

Чтобы показать отличие оговорки от двух других логико-семантических отношений, выражаемых *разве* и его производными, рассмотрим серию примеров с *разве только*.

---

¹ В русской грамматической традиции термин «оговорка», насколько нам известно, не употребляется в терминологическом смысле. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев (1997: 311) используют этот термин, ссылаясь на работу (Шведова 1960), в которой он употребляется при анализе «повторов с удвоением», в частности сочетаний повторяемой глагольной формы с предшествующим ей инфинитивом, употребленным в качестве ответной реплики: «они входят первым компонентом в состав сложной конструкции с уступительным значением и выражают неполное, с оговоркой, подтверждение, согласие» (Шведова 1960: 353). Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают, что «[и]менно постольку, поскольку “уступительно-противительные” конструкции предполагают последующее возражение, ограничивающее или сводящее на нет непосредственно выраженное в них “согласие”, они дают возможность высказать возражение в неявном виде» (Булыгина, Шмелев 1997: 311). Однако важно, что слово «оговорка» используется именно для «уступительно-противительных» конструкций, к показателям которых часто относят *разве* и его производные, и то, что выраженное в первой части таких конструкций «согласие» может быть аннулировано во второй части. Это как раз то, что происходит в результате использования показателей оговорки.

² Именно в этом смысле, по-видимому, применительно к *разве* и его производным употребляется термин «ограничительные отношения».

(20) Не надо понимать слова Королева буквально, хотя никто не может поспорить в улыбке с Гагариным. *Разве только* Джоконда [Ю. М. Нагибин. Из «Рассказов о Гагарине» (1979)] [омонимия не снята].

(21) Я черномазый молодой молдавский цыган, он – исконно русский пожилой медведь, *разве только* без кольца в носу и железной цепи [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)].

(22) О реках же и говорить нечего – где исток реки, какой у нее коэффициент извилистости, какой среднегодовой, максимальный и минимальный стоки – если Голубев ничего этого не знал, ему на берегу реки и показываться было стыдно, *разве только* если это была не река, а речушка, ручеек [Сергей Залыгин. Экологический роман // «Новый мир», 1993].

В (20) семантические условия соответствуют отношению исключения: в левом контексте универсальный квантификатор *никто* задает множество объектов, отвечающих признаку «поспорить в улыбке с Гагариным». *Разве только* вводит элемент «Джоконда», который не отвечает этому признаку и, следовательно, не входит в заданное *никто* множество. В (21) главная часть содержит оценочное высказывание, которое может считаться истинным, если не принимать во внимание детали, описанные во фрагменте текста, вводимом *разве только*. Это отношение исключения из рассмотрения. Наконец, в (22) в левом контексте описывается повторяющееся положение вещей; его реализация не фиксирована во времени и возможна при определенных условиях. *Разве только* вводит то – единственное и возможное – условие, которое может помешать его осуществлению. Иными словами, если осуществляется *q*, то *p* не имеет места. В (22) Голубеву не стыдно своего незнания данных о реке только в том случае, если это не река, а речка. Это отношение оговорки.

Заключение

Употребление *разве* и его производных в функции показателя отношений собственно исключения, исключения из рассмотрения и оговорки логически вытекает, таким образом, из их семантики, которая описывается в других – довольно разнородных – терминах, но в которой, как мы видели, выделяются следующие компоненты:

- «гипотетическая возможность», «неохотное допущение» (его т.н. условное значение, а также значение *разве* в функции частицы);
- наличие ситуаций Р и не-Р (квалификация показателей с *разве* как уступительных или как выражающих противопоставление);
- наличие «когнитивного диссонанса», состоящего в том, что Q может иметь место только при условии истинности не-Р, а говорящий до этого момента считал (или продолжает считать), что Р;
- употребление как реакция на предыдущее высказывание.

При этом не всегда легко провести границу между употреблением *разве* как частицы и как показателя логико-семантического отношения. Интересен в этом отношении следующий пример.

(23) Подошёл к сундуку, очень его интересовавшему, – замок был такой, что не откроешь, *разве только* ключ поискать... [В. Ю. Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел (2007)].

Здесь, с одной стороны, можно увидеть конструкцию с инфинитивом, в которой *разве (только)*, как было показано в разделе 2, вводит одно из возможных решений для создавшейся ситуации. А с другой стороны, имеются все условия для интерпретации последовательности «замок был такой, что не откроешь, *разве только* ключ поискать» как выражающей отношение оговорки. В левом контексте описана гипотетическая ситуация «замок не откроешь» (*p*). Ее реализация ставится под вопрос другой гипотетической ситуацией «ключ поискать» (*q*). Реализация *q* делает невозможной реализацию *p*.

Таким образом, в интерпретации высказываний с *разве* и его производными большая роль отводится контексту, тем семантическим условиям, в которых это слово употребляется, поскольку набор семантических свойств у *разве* остается во всех употреблениях одинаковым. А вопрос о последовательности или параллелизме этапов семантической эволюции *разве* (предлог → частица → коннектор?) должен найти ответ в диахронических исследованиях.

Литература

1. Апресян В. Ю. Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки русской культуры, 2015.
2. Апресян Ю. Д. Типы поверхностно-семантической информации для описания языка в рамках модели “Смысл-Текст”. Wien, 1980.
3. Баранов А. Н. ‘Предположение’ vs. ‘факт’: “неужели” vs. “разве” // Zeitschrift für Slawistik. 1986. № 1. С. 119–131.
4. Баранов А. Н., Пайар Д. *РАЗВЕ*, или готов спорить, что не так // Киселева К., Пайар Д. (ред.) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998.
5. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. В. И. Чернышева. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
6. Булаховский Л. О. Союзы и союзные слова. Киев: Рад. Школа, 1947.
7. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
8. Бурцева В. В. (сост.) Словарь наречий и служебных слов русского языка. М.: Русский язык – Медия; Дрофа, 2010.
9. Галкина-Федорук К. М., Горшкова Е. В., Шанский Н. М. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Либроком, 2009.
10. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2. Синтаксис. М.: Либроком, 2009.
11. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.
12. Диброва Е. И. ред. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Часть II. Морфология. Синтаксис. М.: Академия, 2011.
13. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Астрель-АСТ, 2004.
14. Зализняк А. А. Русское *разве*: от предлога к вопросительной частице // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2020. № 4. С. 5–11.
15. Инькова О., Манзотти Э. Исключение из множества // Связность текста: меререологические логико-семантические отношения. М.: Языки славянской культуры, 2019. С. 215–304.
16. Лавров В. В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
17. МАС – Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1981.
18. Морковкин В. В. (ред.) Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь, 1997.
19. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
20. РГ-80 – Русская грамматика: В 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
21. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. Учеб. пособ. Москва: Флинта – Наука, 2006.
22. Стародумова Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток: ДВГУ, 2002.
23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1971.
24. Формановская Н. И. Стилистика сложного предложения. М.: КомКнига, 2007.
25. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

СКРЕПЫ С БАЗОВЫМ КОМПОНЕНТОМ «МЕЖ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. И. Конюшкевич
Независимый исследователь
Республика Беларусь, Гродно

Аннотация. Рассматривается лексикографическая манифестация скреп с базовым компонентом МЕЖ, которая расходится с их реальным употреблением в речевой практике. Демонстрируются парадигмы скреп с указанным базовым компонентом, обусловленные его левой и правой валентностями.

Ключевые слова: союз, скрепа, парадигма, валентность.

STAPLES WITH BASIC COMPONENT MEZH IN RUSSIAN

M. I. Konyushkevich
Independent researcher
Republic of Belarus, Grodno

Abstract. The lexicographic manifestation of staples with basic components MEZH, which diverges from their actual use in speech practice, is considered. The paper demonstrates the paradigms of the staples with the specified base component, due to its left and right valences.

Key words: conjunction, staple, paradigm, valency.

*Если мы говорим, «это – то же самое»,
получается, что есть какая-то разница
между «этим» и «тем же самым»,
иначе фраза не имела бы смысла.*

А. Н. Мурашов. Двойной человек // «Волга». 2015

В течение конца XX века и начала XXI грамматика служебных слов обогатилась рядом новых концепций с повышенным вниманием к единицам, особенно к неоднословным, которые не вписываются в традиционную классификацию частей речи, но тем не менее выполняют свои релятивные функции в высказывании. Несмотря на различия в конкретных подходах, будь то грамматика конструкций (Рахилина 2010), классификация релятивных фразеологизмов в исследованиях челябинских ученых (Шиганова 2003), полипараметрическое лингвистическое портретирование каждой служебной конструкции в отдельности в методологии дальневосточных лингвистов (Словарь служебных слов... 2001; Шереметьева 2008), отчетливо просматривается единство ученых в понимании семантико-функциональной целостности единиц, эквивалентных слову, в стремлении преодолеть «прокрустово ложе» морфологизма (Бабайцева 1967: 7) и выйти в морфосинтаксис.

Морфосинтаксическая концепция была успешно реализована при исследовании грамматики славянского предлога в межнациональном проекте, инициированном М. В. Всеволодовой, результатами которого явились опубликованные (полные или частями) реестры украинских, белорусских, русских, польских предлогов [Загнітко и др. 2007; Конюшкевич 2008–2010; Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2018; Lachur 2019–2021].

Наш опыт инвентаризации белорусской служебной лексики показывает, что морфосинтаксическая концепция обладает диагностической и объяснительной силой и при экстраполяции на исследование категории союза (Конюшкевич 2019), тем более что союз, как никакая другая релятивная ка-

тегория, самым теснейшим образом обусловлен дискурсивными условиями коммуникации, коммуникативными задачами говорящего и жанрово-стилевыми особенностями высказывания, которое союз организует и конструирует, связывая его части.

Учет названных факторов особенно необходим на этапе инвентаризации средств синтаксической связи в их предварительных реестровых списках. При этом видятся следующие принципы лексикографической манифестации названных единиц, как-то:

1) охват всех соединителей в их объективном употреблении как национальной речевой стихии и опора на «силу авторитета самого естественного языка» (Ляпон 1986: 196);

2) учет периферийных реляционных единиц, особенно аналитических, отсутствующих в имеющихся грамматических и лексикографических источниках (либо фиксируемых в словарях под знаком ромба);

3) внимание к посылу М. И. Черемисиной – признание сочетаний «*T*-местоимение + *K*-местоимение» как целостных, хотя и “особых” скреп (Черемисина, Колосова 1986: 148); добавим – во всех компоновках словоформ их указательного и вопросительно-относительного местоименных компонентов;

4) учет того, что в силу своей предикатной природы союзные средства с их левой и правой валентностями по отношению к конъюнктам-актантам обуславливают образование новых скреп, тем самым способствуют формированию их парадигм на основе единого базового компонента; аналогичные механизмы формирования парадигм предлогов были рассмотрены и продемонстрированы в (Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2014; Всеволодова, Виноградова, Чаплыгина 2018).

Перечисленные принципы предусматривают и соответствующую методику инвентаризации союзов:

а) опору на корреляцию предлога и союза и использование возможных трансформаций предложно-именной синтаксемы в предложно-союзно-предикативную синтаксему;

б) моделирование союзного средства на основе компоновок сочетаний «(предлог) + *T*-словоформа + (предлог) *K*-словоформа» (типа *того, что; к тому, что; ради того, кого; перед тем, ради чего* и под.).

Естественно, мы получим огромные списки таких союзных средств (для удобства назовем их, вслед за М. И. Черемисиной, скрепами, хотя данный термин используется и в более узком смысле [Прияткина 2002]). Тем не менее списки скреп конечны, следовательно, их инвентарь, как бы ни был огромен, исчислим. Более того, верификация контекстами в корпусах текстов свидетельствует, что далеко не все моделированные скрепы востребованы речевой практикой, поскольку на них накладываются определенные ограничения самой языковой системой, например, **о том, кроме кому; *с то, перед кем* и др. (подробнее в [Конюшкевич 2021]).

Исчислимость аналитических скреп свидетельствует о их категориальном союзном статусе, ибо каждая новая скрепа, независимо от степени ее грамматикализации, – это сигнал о категоризации смыслов и значений в системе. Причем элементы скреп, имеющие на уровне лексики и/или морфологии одни грамматические свойства, войдя в состав скрепы, приобретают в ней другие.

Покажем это на открытой парадигме скреп с базовым компонентом *меж*: *межи...и; меж... и; меж тем; а меж тем; но меж тем; меж тем как; меж тем, кто..., и что; меж тем, что...и тем, чего; меж тем, кого... и кто* и др.

Все скрепы в парадигме имеют один и тот же базовый компонент *меж*, за исключением *межи*, который требует небольшого исторического экскурса. Уже у М. Фасмера слова *меж* и *межи* подаются с различиями в этимологии, функциях и системных отношениях (в цитате различия выделены нами полужирным): в статье МЕЖ – «*поэт.*, из *др.-рус. межи* – форма местн. п. ед. числа. От *межа*» [Фасмер 1986: 591], а в статье МЕЖИ – «*нареч., предл.* «между», *диал.*» [Фасмер 1986: 592]. В. И. Даль в статье МЕЖДУ добавил к *межи* другие диалектные синонимы *межь, междо, меже*, без указания их лингвистического статуса и примеров [Даль 1955: 313].

Оставляя за пределами статьи вопрос о векторах корреляции предлога и союза (что от чего и когда образован), в старорусском модуле Национального корпуса русского языка (НКРЯ) находим употребление предлогов *межи*, *меже*, *между*, причем с разными падежами (примеры и ссылки в статье подаются в необходимой редукции): ...и бысть сеча **межи ими** велика (Пискаревский летописец). ... по той обьяри полосы клѣтками, **межи клетокъ** травки золотные (Опись). ... не скитал бы ся сице **меже мирскими людьми** (С. Азарьин). ... а бояром и слугам **межи нас** вольным воля (В. О. Ключевский). И въ тѣ вышепомянутые перемирные лѣта **между обохъ** великихъ государей до вѣчного миру прийти не возмогло (Царская грамота). **Между ими** же бысть вождь Мечислав Ополский (А. Лызлов).

Уже в старорусских текстах встречаем единицы переходного типа между предлогом и скрепой – с включением союзов *а*, *и*, нестойким порядком элементов, а также с предлогом при союзном слове: В Константинограде множае дву тысяц божниц турецких, **между киими** пять, иже пожалованы и посвящены от самага султана (А. Лызлов). ... множае седми лѣтъ **меже сихъ царствъ и нашего государства меже** бранная лютость не преста! (Иван Грозный). **Што жь нѣкоторыя** розмовен(ь)я стали **межи полоцан а межи рижан** (Верительная грамота). Въздвигше дьяволь вражду и крамолу **меже братама княземъ Дмитреемъ и Костянтиномъ Борисовичи** (Моск. летописный свод).

Вместе с тем в старорусских текстах обнаруживаются высказывания с уже сформированными скрепами *межи... и*; *между... и*; *меж... и*, которые соединяют однородные члены в пределах простого предложения: Потом Владимир збудовал замок и место великое и назвал его Володимером, **межи Волгою и Окою** реками (Ф. И. Буслаев). А ель стоит на **меже межъ чудовские деревни Шатерины и Ипатцого монастыря пустоши Корниловки** (Межевая...). ...однакожде **между человек и дьяволь** великая обретається разност (Жалобная комедия об Адаме и Еве).

В основном корпусе НКРЯ скрепы старорусского языка с *межи* и его синонимами не встречаются; не нашли мы их и в диалектном корпусе. В современном русском языке функционируют скрепы только с базовым компонентом *меж*.

Толкование лексемы *меж* в словарях дается с отсылкой к более употребительной лексеме *между*: «предлог с родительным и творительным падежами. То же, что *между*» (Словарь русского языка 1982: 244). Под знаком ромба представлены три сочетания, из которых определяем два как скрепы – *меж тем* и *меж тем как*, значения которых квалифицируются как тождественные значениям сочетаний *между тем* и *между тем как* соответственно, представленным в статье МЕЖДУ: *между тем* – «в то время, тем временем», без грамматической пометы; *между тем как* – «в то время как», с пометой «сопоставительный союз», который «употребляется при сопоставлении двух явлений, происходящих одновременно» (Словарь русского языка: 245).

Сочетание *меж тем*, будучи фразеологизмом по представлению в Словаре, по грамматической структуре является предложно-именной синтаксемой, состоящей из форманта «предлог *меж* + флексия тв. падежа субстантива *-ем*» и лексического компонента, представленного корневой морфемой *-т-* указательного местоимения *то*. Синтаксема *меж тем* не занимает ни одну из синтаксемных позиций, но в силу указательного значения ее лексического компонента должна выполнять анафорическую функцию – отсылать к антецеденту, т. е. быть анафорой (ретроспективная отсылка) или катафорой (проспективная отсылка). В таком случае функционирование синтаксеммы *меж тем* априори возможно только в конструкции, пропозитивно и предикативно более сложной, чем простое предложение, – сложное предложение или сверхфразовое единство, иначе – диктема (Блох 2000).

Обратимся к словарной трактовке предлога *между*, к значению которого отсылается в словаре толкование слова *меж*: «Употребляется при указании на положение предмета **среди других предметов** или на то, что действие совершается **в промежутке, посреди каких-либо предметов**» (с. 245; выделено нами). Казалось бы, следуя буквально такому определению, местоимение *то* при предлоге *меж* должно получить форму либо *тех* (род п. *меж крутых берегов*), либо *теми* (тв. п. *меж друзьями*) мн. числа, что и видим в высказываниях с конкретными номинациями выражения дискретного

разграничения предметов с помощью союза *и* (*меж братом и сестрой*) либо недискретного множества с помощью формы мн. числа (*меж сестрами / меж братьями*).

Конкретными номинациями для *тем* могут быть только существительные среднего рода с обобщенным значением. В НКРЯ зафиксированы малочисленные высказывания с сочетаниями *меж делом* и *меж прочим*, которые являются синтаксемами со свободной сирконстантной позицией, с совмещением значений времени и образа действия: *Меж делом хозяйка нет-нет да и заглядывала в дом: живой ли там цыпленок?* (Б. Екимов).

Сочетание *меж тем* стало функционировать по грамматической аналогии с *между делом*, *между прочим* (последнее даже получило фразеологизированный вариант в роли вводного слова), выражая одновременность двух пропозиций (положений дел, явлений, ситуаций, тезисов) в диктеме. При этом сами сопоставляемые пропозиции других специализированных показателей связи между собой не имеют. Результаты сопоставления между ними в диктеме определяет лексическое наполнение самих частей диктемы.

На инвариантное значение одновременности (отметим значительную протяженность временного промежутка совпадения ситуаций) накладываются смысловые значения с разной степенью совмещения:

– сопоставления: *Языки пламени скачут по кронам. Стоит треск сгораемых веток, гудит огонь. Ветер, вечный попутчик этой безжалостной стихии, помогает ей быстро распространиться в округе. Машины меж тем (= а) уже развернулись на границе огня* (Труд-7, 19.07.2000). *Правительство занимается анализом функций лишь на федеральном уровне – меж тем (= в то время как) бизнес общается главным образом с местными и региональными властями* (РБК Daily, 26.02.2004);

– противопоставления: *Для отвода глаз что-то купили (причем грошовое и отвратительного качества). Остальное – попилили. Семейный бизнес. По документам ветераны меж тем (= же) все одарены. Причем подарки они получали на протяжении нескольких лет* (Новая газета, 09.11.2018).

– уступительности: *Одно живое существо держат в неволе и выпускают на арену на потеху другим. И все – на госдотации. Меж тем (= хотя) у цирков без зверья не только лучшие репутация, они куда и рентабельней* (Новая газета, 19.12.2018).

– аргументации: *Подавляющее большинство несчастливых женщин несчастливы только потому, что плохо знают такие науки, как психология и социология. Меж тем (= а ведь) именно в этих науках прописан рецепт счастья всем нам и каждому в отдельности* (Труд-7, 30.04.2001);

– следствия: *Однажды кто-то угостил его булочкой, лебедь хочет еще. Но люди, идя на пляж, все думают про погоду, про кризис и вулкан. А о лебедях не помнят. Меж тем (= поэтому / в результате) изнуренные голодом птицы нападают на прохожих. Им сильно не хватает булочек* (Слава Сэ).

– градации: *Стаявший лед поднимет уровень Мирового океана на миллиметр с небольшим. И этого будет достаточно, чтобы вращение Земли замедлилось на долю секунды. А такое замедление уже скажется на форме Земли, оно вызовет судороги новых горообразований, раскроет жерла новых вулканов, отдастся миллионами подземных толчков. Меж тем (= более того) солнечные вспышки, как уже доказано, влияют на атмосферные явления.* (Д. Биленкин, А. А. Малахов).

Естественно, подобный семантический сплав обуславливает и прагматический синкретизм диктем с сочетанием *меж тем*. Диктема с *меж тем*, которая состоит из двух частей, является сложным речевым актом, в котором первая часть, независимо от количества пропозиций и предикативных единиц, представляет собой акт констатации определенной ситуации со знаком плюс или минус. Вторая часть, которая начинается скрепой *меж тем*, представляет собой пучок речевых актов с противоположной констатации оценкой – возражения, опровержения, сожаления, разъяснения, аргументации, убеждения, комментариев и т. д. Например: *Сегодня дорога к образованию открыта только состоятельным. Еще в творческую среду и в духовенство будет какой-то приток природно талантливых людей. Меж тем (= а ведь) русская интеллигенция – это золото, выплавленное не из некоего состоятельного сословия, которому было доступно образование. Поповские, купеческие и кре-*

стьянские дети, раскрывшие свои таланты в учении и влившиеся душой не в благополучное мещанское существование, а в идею служению своему народу – вот что такое русская интеллигенция (Дружба народов, 15.09.1999).

Значение противопоставления, передаваемого скрепой *меж тем*, обуславливает ее левую валентность – способность в сочетании с союзом *а* образовать новую скрепу с усилением семантики противопоставления и прагматического эффекта аргументации: *Большинство полных людей, страдающих от избыточной массы тела, не осознают, какая в этом кроется опасность для здоровья. А меж тем уже доказано: десять килограммов лишнего веса сокращают жизнь лет на пять* (Труд-7, 23.07.2002).

Скрепа *а меж тем* называется противительным союзом в (Словарь русского языка 1982: 245). Правда, другой словарь в словарной статье сопоставительного союза *А* (II знач.) квалифицирует эту скрепу как употребление двух единиц в отдельности – союза *а* и фразеологизма *между тем* (Словарь современного русского... 1991: 41).

Возможны контексты и со скрепой *но меж тем*: *Игроки устали и много фолят. Но меж тем все-таки опасно бьют по воротам* (Сов. спорт, 03.06.2009).

В рамках простого предложения *меж тем* употребляется как вводное сочетание, но свою анафорическую связь в диктете сохраняет: *А простые люди, меж тем, не перестают тянуться к Шутову камню по болотистой тропке сквозь лесные заросли* (lenta.ru, 13.11.2015).

Если сочетания *а меж тем* и *но меж тем* можно рассматривать как результат левой валентности *меж тем*, которая «работает» на усиление семантического и прагматического эффекта в содержательном противопоставлении между частями диктеты, то правая валентность скрепы *меж тем* обнаруживается в ее сцеплении с союзом *как*. Тем самым образуется новая целостная скрепа *меж тем как*, употребление которой относится больше к 19 веку, о чем свидетельствуют контекстные и цифровые данные НКРЯ: в основном корпусе с данной скрепой выявлено 179 контекстов, в газетном 7 (со снятой вручную омонимией). Например: *Роман Уайльда называется «Портрет Дориана Грея», Паркер же решил обойтись без первого слова, придав тем самым изображению второстепенное значение. Меж тем как портрет у него получился просто замечательным и поведение нарисованного Грея и вправду близко к жанру хоррора* (Труд-7, 09.02.2010).

Отношения между частями в высказывании с *меж тем как* такие же, как и со скрепой *меж тем* – сопоставительные, противительные, уступительные, временные и др.: *В янтаре есть свое постоянное электричество, меж тем как (= но) бриллиант, чтобы блеснуть, нуждается в свете* (Н. С. Лесков). *Меж тем как (= в то время как) голова мурлыкала песенку жизни, маленькие руки работали прилежно и ловко* (А. С. Грин).

Скрепы *меж тем* и *меж тем как* функционально и семантически, на первый взгляд, сходны. Сходство между ними еще и в том, что элемент *тем* в них, будучи частью грамматического фразеологизма, не выделяется как автономная языковая единица. Его невозможно квалифицировать даже как пустое *то₂*, выделенное в свое время В. А. Белошапковой в качестве носителя падежной формы придаточной части, вмещающего содержание этой части. От *то₂* в этих скрепах осталась только форма тв. падежа, из-за которого она не квалифицируется как частица, наравне с *то* в союзах типа *если..., то*.

И тем не менее различия между данными скрепами имеются. Во-первых, союз *как* эксплицирует более прочную связь в диктете. Во-вторых, данный союз, как и многие слова этого грамматического класса, обеспечивает скрепе *меж тем как* фиксированную позицию между единицами строения в единице построения, в то время как *меж тем* относительно свободно может отходить от синтаксического «шва»; ср.: *Эlegantное кремовое платье Светланы и черный костюм Федора Бондарчука прекрасно смотрелись на красной дорожке, меж тем как большинство звезд сливались с ковром, поскольку отдали предпочтение нарядам красных тонов* (РИА Новости, 06.08.2008). – *Примерно треть зала, видимо, в этот момент четко осознала свою перспективу и потихоньку уползла слу-*

шать «Розу с первого канала»... *Министр меж тем перешел к вопросам из зала* (Комс. правда, 22.07.2013).

Но заметно еще одно различие между этими скрепами. Оно касается текста – его пространственно-временных смыслов, коммуникативных регистров и жанрово-стилевых характеристик. Сравним два примера:

(1) *Зависть опасна для семьи, потому что может нарушить душевное равновесие юной девицы, меж тем как внутренний покой свят. Это залог самосохранения семьи* (Е. Пищикова).

(2) *Я полагал, что в моем отшельничестве – смирение и преданность долгу, а были в нем гордыня и страсть. Теперь и держу я за них ответ. Меж тем за тридцать лет и три года редел и пустел вокруг меня мир. Редел, точно лес, назначенный к вырубке. Едва ли не все мои прежние спутники переселились в иные леса, куда предстоит перебраться и мне* (Л. Зорин).

Первый пример представляет собой сентенцию вне хронотопа, выдержанную в коммуникативном генеритивном регистре. *Меж тем как* – сопоставительная оценка ситуаций, находящихся либо вне хронотопа, либо в одном хронотопе, как в примере о сравнении нарядов Светланы и Бондарчука с одеждами звезд, причем с резким противопоставлением ситуаций.

Второй пример – эпический текст, коммуникативный регистр приближен к репродуктивному благодаря образности, сравнению, сопоставляются ситуации, находящиеся в разных хронотопах. *Меж тем* – сказовая скрепа, сигнал о переходе в описании сопоставляемых ситуаций из одного хронотопа в другой.

Не случайно замена во многих высказываниях скреп *меж тем* или *а меж тем* на *меж тем как* невозможна без смысловых и структурных сдвигов: *Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие* (И. Бунин). – **Эти дни были так недавно, меж тем, как мне кажется, что прошло чуть не целое столетие.*

Согласно данным НКРЯ, контексты со скрепой *меж тем* намного употребительнее, нежели контексты со скрепой *меж тем как*: в основном корпусе их превышение в 7 раз, а в газетном – в 211 раз.

Еще одна разновидность скреп с сочетанием *меж тем* образуется в высказываниях, в которых элемент *тем* является словоформой местоимения *то₁* в тв. падеже, обусловленной предлогом *меж* и связанной с вопросительно-относительными местоимениями (союзными словами). Образование этих скреп происходит по линии правой валентности *то₁*, за счет его соединения со словоформами в парадигмах союзных слов – субстантивов *кто, что* и адъективов *какой, чей, который*, а также с местоименными наречиями: *меж тем, как... и тем, как; меж тем, что... и тем, что; меж тем, кто... и тем, кто; меж тем, где... и тем, где* и т. д. Иначе говоря, элемент *тем* в скрепе является катафорой к содержанию придаточной части и вмещает в себя это содержание.

Теоретически количество таких скреп, если учесть парадигмы союзных вопросительно-относительных местоимений слов, достаточно велико, но исчислимо. Например, компоновки в пределах парадигмы *кто* могут дать 6 x 6=36 скреп: *меж тем, кто... и тем, кто; меж тем, кто... и тем, кого; меж тем, кто... и тем, кому*; и т. д. Аналогичных 36 скреп получим и с союзным словом *что*. Компоновки словоформ *что* + *кто* дадут в итоге 36 x 36 = 1296 скреп, ибо двухчастная структура скрепы, предполагающая семантическое и формальное согласование форм типа *меж тем, кто и тем, кто*, не всегда поддерживается. Более того, во второй части скрепы может элиминироваться и указательный элемент: *между тем, что такое... и как*.

Вопреки теоретически исчисляемому количеству моделей скреп речевая практика не реализует и сотой доли их релятивного потенциала. В нашем случае верификация контекстами в НКРЯ дала мизерные результаты: обнаружены только единичные контексты 8 моделей – с полной реализацией структурно-семантической формулы скрепы или с редукцией второй указательной формы *тем*. Приведем их полностью: *меж тем, как... и тем, как; меж тем, что... и тем, чего; меж тем, как и как; меж тем, кого... и кто; меж тем, кто..., кем... и что; меж тем, что..., иль; меж тем, что такое..., и как; меж тем, чем... и.*

В контекстах: *Случилось то, что Уайльд определял, как судьбу каждой истины: ее существование короче жизни бабочки, оно целиком в промежутке **меж тем, как** ее считают парадоксом, **и тем, как** ее начинают считать тривиальностью* (А. Ветлугин). *Ни берега нет, ни поселка, ни гор. Керосиновый радужный дождь моросит **меж тем, что́** есть, **и тем, чего** нет* (С. В. Соловьев). *Я не таращусь на человека, который не знает разницы **меж тем, кого** столкнули с подножки вагона **и кто** сам прыгнул с подножки!* (В. Липатов). ***Меж тем, что такое** православные святыни **и как** они могут сплотить народ, мы наглядно убедились на примере Пояса Пресвятой Богородицы* (Комс. правда, 15.12.2011). *Федор знает: «Когда **меж тем, что** бело иль черно, избрать я должен – я не обманусь», потому что: «...тут по совести приходится лишь **делать**»* (В. Давыдов). Контекст с усложненной скрепой: *А что она (или он) из себя представляет? Расхожий такой вопрос. Без мысли о разнице **меж тем, кто** он/она есть, кем являются **и что** представляют?* (С. В. Соловьев).

Выводы.

1. Традиционная лексикографическая манифестация ряда фразем с лексемой *меж* нуждается в уточнении их релятивных функций.

2. Сочетания *меж тем, а меж тем, но меж тем, меж тем* как образуют парадигму целостных межфразовых внутридиктемных скреп, образованных в результате сцепления скрепы *меж тем* слева с союзами *а, но*, справа – с союзом *как*. Данные скрепы занимают, как правило, инициальную позицию во второй части диктемы и выражают сопоставительные, с широким спектром смысловых оттенков, отношения между ее частями, выполняя в диктеме синтаксические и прагматические функции.

3. В структуре сложноподчиненного предложения сочетание *меж тем* является предложно-падежной местоименной синтаксемой, которая в силу субстантивного значения *то₁* занимает синтаксическую позицию в главной части, выполняет катафорическую функцию по отношению к содержанию придаточной части, служит ее «флекссией», а в сочетании с союзными словами образует аналитическую местоименную скрепу «*меж тем₁* + союзное слово», связывающую главную и придаточную части. Парадигма образуемых по данной модели этой разновидности скреп зависит от парадигм союзных слов, исчислима и может быть верифицирована речевой практикой.

4. Верификация контекстами по Национальному корпусу русского языка свидетельствует о достаточно широкой употребительности высказываний со скрепами обеих разновидностей, что вызывает необходимость более пристального исследования аналитических реляционных единиц, которое видится особенно плодотворным, если их рассматривать с позиций морфосинтаксиса.

Литература

1. Бабайцева В. В. Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1967. 392 с.

2. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67.

3. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления (Кн. 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц). М.: ЛИБРОКОМ, 2014.

4. Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Чаплыгина Т. Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 2: Реестр русских предложных единиц: А–В (объективная грамматика) М.: УРСС. 2018. 800 с.

5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. 779 с.

6. Загнітко А. П. Словник українських применників. Сучасна українська мова / А. П. Загнітко, І. Г. Данилюк, Г. В. Ситар, І. А. Щукіна. Донецьк: «БАО», 2007. 415 с.

7. Канюшкевіч М. І. Беларускія прыназоўнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка. У 3 ч. Гродна: ГрДУ, 2008 – 2010; Ч. 1. Дыяпазон А–Л. 2008. 492 с.; Ч. 2. Дыяпазон М–П. 2010. 619 с.; Ч. 3. Дыяпазон Р–Я. 2010. 535 с.
8. Канюшкевіч М. І. Беларускія злучнікі і іх аналагі. Граматыка рэальнага ўжывання. Матэрыялы да слоўніка (Ч. 1. Дыяпазон А–З). Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 2019. 302 с.
9. Конюшкевич М. И. Исчислимость показателей синтаксической связи как фактор их категориальности в системе языка // Лінгвістычныя студыі : зб. наук. праць. Вінніца: ДонНУ, 2021. Вип. 41. С. 92–105.
10. Ляпон М. В. Смысловая структура предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 198 с.
11. Словарь современного русского литературного языка. В 20 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., Т. 1. М.: Рус. яз., 1991.
12. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М., 1982. 736 с.
13. Словарь служебных слов русского языка / авт.: А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова и др. Владивосток, 2001. 363 с.
14. Прияткина А. Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2002. С. 90–100.
15. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. 584 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. 671 с.
17. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.
18. Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды: моногр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 236 с.
19. Шиганова Г. А. Релятивные фразеологизмы русского языка. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. 306 с.
20. Lachur Cz. Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym. Materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim). Tom 1 : *a conto – oprocz*. Кęпа, 2019. 425 s.; Tom 2: *pamięci – w kleszczach*. Кęпа, 2021. 410 s.; Tom 3: *w klimacie – zwyczajem*. Кęпа, 2021.

ДЖ 811.161.1

ТЕКСТОВАЯ СКРЕПА «А ТАК»: ОПЫТ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ

Н. В. Кузнецова, О. В. Почтарёва
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

Аннотация. В статье предпринята попытка словарного описания текстовой скрепы «а так». На основе контекстов, извлечённых из Национального корпуса русского языка, выделяются типы употребления данной единицы, её функционально-семантические варианты, сфера действия, пунктуационное оформление, стилистические характеристики.

Ключевые слова: текстовая скрепа, словарное описание, связующая единица, диктум, модус.

TEXT CLIP «А ТАК»: THE EXPERIENCE OF DICTIONARY DESCRIPTION

N.V. Kuznetsova, O.V. Pochtareva
Tyumen State University
Tyumen, Russia

Abstract. *The article attempts a dictionary description of the text clip «a tak». Based on the contexts taken from the National Corpus of the Russian language, the types of use of this unit, its functional and semantic variants, punctuation marks, stylistic characteristics are distinguished.*

Key words: *text clip, dictionary description, connecting unit, dictum, modus.*

Набор связующих единиц русского текста выявлен и описан не в полной мере. Удивительно, в частности, что связующая единица «а так» не представлена ни в толковых словарях русского языка¹ (См., напр., Словарь 1948-1965; Словарь 1981–1984; Ожегов, Шведова 2006 и др.), ни в специальных словарях (напр., Морковкин 2003; Рогожникова, 2003), ни в Русской грамматике 1980 года (Рус. грамматика 1980). Среди исследований, посвященных связующим средствам в сложном предложении и тексте, сочетание *a tak* упоминается лишь в монографии М. В. Ляпон, где ему посвящено несколько строк в главе о средствах выражения противительности, в разделе о релятиве *только*. Указывается, что «релятивом *a tak*» оформляется противопоставление частного и общего, исключения и нормы. В качестве единственного примера приводится фрагмент из воспоминаний Н. Павлович – слова матери А. А. Блока о сыне: *Он только одного беспокойства мне не доставил – на аэропланах не летал. А так – я вечно за него боялась* (Ляпон 1986: 161).

Между тем сочетание «а так» в связующей функции весьма частотно в русской речи. В основном корпусе Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) нами обнаружено (отобрано вручную, без омонимов) 1,6 тыс. примеров его использования (в основном в художественных, а также документальных, типа мемуаров, текстах), в устном корпусе – 660 примеров. Полагаем, что это сочетание достойно подробного описания, в том числе в рамках словаря служебных слов. Словарная статья может выглядеть следующим образом:²

А ТАК

А так [Лтак]

Типы употребления

Омонимия: различаются омонимичные употребления с сочетанием союза *a* и указательного местоименного наречия *tak*. Ср.: *Влюбилась я в Пя да же не с первого взгляда, а так, как будто я его любила ещё до своего рождения и только вспомнила заново старую любовь* (Л. Улицкая). *Они ведь даже не существование, а так, нежить* (Ю. О. Домбровский).

Морфологическая структура: двухэлементная (состоит из союза «а» и местоименного наречия «так») с контактными расположением элементов.

Значение (толкование): базируется на трансформировавшемся исходном значении составляющих компонентов:

1. союз «а» несет в себе значение противопоставления;
2. местоименное наречие «так» имеет значение «как-нибудь иначе», не зафиксированное в толковых словарях русского языка; ср: («Так – именно таким образом, не как-нибудь иначе») (Большой толковый словарь... 2004: 1303). В результате слияния этих компонентов сформирова-

¹ При том, что вообще в статьях, толкующих слово *tak*, приводится много устойчивых сочетаний. Например, в словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой их более 30: *и так, за так, не так чтобы, так-сяк, как бы не так* и мн. др. (Словарь 1981–1984 Т. 4: 332–333).

² При создании словарной статьи мы опирались на алгоритм описания текстовых скреп, предложенный в коллективной монографии «Служебные слова в лексикографическом аспекте» (Служебные слова ... 2017: 234-239).

лось инвариантное значение противопоставления. Представляется, что местоименное наречие *так* обозначает отдельную ситуацию, наряду с двумя другими – находящимися в правом и левом контексте. Обозначим «левую» ситуацию буквой X, правую – буквой Z, а для «так» зарезервируем символ Y. Таким образом, итоговая формула выглядит так: X, а так Z.

Функционально-семантические варианты:

1. Диктумное употребление. Местоименное наречие *так* служит для отрицания темы или ремы предложения, к которому оно анафорически отсылает (предложения X). Это предложение связано условными или причинными отношениями с предложением Z. Формула этой конструкции: «X, а так – Z» = «X_T X_R, а если/так как не X_{T/R} – то Z». Ср.: – *Она же совсем не похожа... – медленно произнесла мама. – Хоть бы в меня уродилась! А так – и глаза, и волосы, и взгляд его...* (А. Берсенева) – ср.: *...*А так как уродилась не в меня – то глаза, волосы и взгляд его; *Глаза, волосы и взгляд его потому, что уродилась не в меня.* Ещё один пример: *Получается, больше не увидимся, и поэтому могу спросить, а так – стыдно* (А. Терехов) – ср.: *...*А если бы мы увиделись в будущем, то стыдно; *Мне не стыдно спросить, потому что мы больше не увидимся.*

Матей Казийски буквально вбивает мяч в площадку / там после такого / наверно / вмятина должна остаться. И тут же мощно подаёт / правда / его подача чуть-чуть просто / а так ещё б больше проблем было у итальянцев / с приёмом... (Т. Тимошенко, спортивный репортаж) – *...*А если бы его подача была не чуть-чуть, то ещё б больше проблем было у итальянцев; *У итальянцев немного проблем, потому что удар был несильный.*

2. Модусное употребление. «X, а так – Z» элемент Z выражает общую оценку говорящим некоторой ситуации, а элемент X – отдельный факт, не влияющий на эту общую оценку. Значение конструкции можно определить с помощью оборота «если не принимать это во внимание». Формула этой конструкции: «X, а так – Z» = «X, а если не принимать во внимание X, то – Z». Приведём пример: *Может быть, в городе есть немного электроники, а так никакой промышленности, чуть ли не сплошное средневековье* (С. Есин). Наша трансформация выглядит так: **Если не принимать во внимание наличие в городе электроники, можно сказать, что здесь никакой промышленности. А так является в этом случае сигналом слушающему (читателю): ‘то, что я только что сказал, можешь не учитывать, это деталь; а в целом вот что...’.* примеры подобных контекстов: *Вдруг показалось, что лагерь ссыльных – тот же вагончик. Ну побольше размером, а так – никакой разницы. И порядки, и охрана. Все одинаково* (А. Приставкин). *Он решил не извещать Маришку о том, что вылетают они на день раньше. Ей придется менять планы. А так весь следующий день после его прилета она будет свободна, и это будет только их день!* («Лиза», 2005)

Сфера действия: два контактных высказывания, обозначающие две противопоставленные друг другу ситуации. В некоторых случаях правый контекст представлен невербально, заменяясь компонентом типа *махнул рукой, пожал плечами, вздохнул* и т.п. Например: *Солитов, возможно, и разгрыз бы сей твердый орешек, а так... – Березовский безнадежно махнул рукой* (Е. Парнов). – *Хорошо, – сказал, наконец, адвокат. – Единственное, что я могу сделать в подобной обстановке, – найти повод для отсрочки дела. Это даст вам время прийти в себя и понять, что в ваших интересах рассказать мне все, а так... – адвокат развёл руками* (Н. Н. Шпанов). – *Если бы вы были прокурором или начальником тюрьмы, то могли бы видеться с ним ежедневно, – ответила старуха. – А так... – она печально покачала головой* (А. Р. Беляев).

Функционирование в качестве скрепы-фразы: в редких случаях – при отсутствии вербального правого контекста – выделяется в самостоятельное высказывание. Ср.: *Лучше бы были звери, может быть? – уныло подумала я. – Из зоопарка. Во всяком случае, была бы интрига. Кто-то разевал бы пасть, кто-то кусался, кто-то рычал, ползал бы и извивался. Гадил... А так... Я посмотрела на Степу загнанно и подумала, что лучше поехала бы на дачу* (Кира Сурикова). *И даже если подтвердят подделку, что с того? Раз все остальные передрейфили и по указке Гелаева голосуют, то мы все равно в меньшинстве, как ни крути. Нет, только если бы акции эти вместе с нами проголосовали. А так... Коломнин замотал головой, как человек, потерявший надежду* (С. Данилюк).

Функционирование в рамках одного высказывания: возможно. Приведём примеры контекстов: *Он признается, что при чтении беллетристики засыпает на второй странице. Без сна Вася читает только по специальности, а так все компьютер, компьютер...* (О. Зайончковский). – *Чего ты смеешься? – спросил он [мальчик]... – Это подтяжка сломатая, а так я уже умею застегивать* (А. Берсенева). *А зачем ей все это, я не знаю... Ну, был бы, правда, хоть знакомый какой, а так абсолютно посторонний...* (В. Дурненков).

В отдельных случаях правый контекст может отсутствовать, например: *Посты надо выставлять в туннелях, на подходах к станции, чем дальше, тем лучше, а так... Если и выползет оттуда какая тварь или нападут бандиты – они даже и сделать ничего не успеют, вот как на Китай-Городе случилось* (Д. Глуховский). Дальнейшее высказывание едва ли можно считать правым контекстом для «а так»; скорее, имеет место самоперебив.

Интонация: интонация незаконченности, характеризующаяся подъемом тона перед паузой, что обуславливает особое пунктуационное оформление.

Пунктуация: отделяется слева запятой, справа часто отделяется с помощью тире; при функционировании в качестве скрепы-фразы всегда сопровождается многоточием и выделяется в самостоятельное высказывание.

Местоположение: внутри правого контекста (в абсолютном начале его первого предложения); между частями текста (позиция скрепы-фразы); очень редко внутри одного высказывания. В абсолютном начале текста не используется.

Взаимодействие с другими скрепами: нет

Взаимодействие с другими служебными словами:

Скрепа «а так» взаимодействует с частицей «ну», образуя сочетание «**Ну а так**», ср.: *Но отдыхать рано, погода вроде устанавливается замечательная, и идти недалеко – по прямой километров шестнадцать, ну а так двадцать выйдет, плюс-минус...* (В. Голованов). *Бороды нет, усов нет. Росту – наверное, повыше среднего. В вас сколько росту, господин следователь? – Метр восемьдесят пять. – Ну вот, наверное, с вами в один рост выйдет. Может, чуток повыше. Ну а так – красивый мальчик* (П. Галицкий). *С творчеством более или менее ясно. Не иссяк, как утверждаешь, Ну а так, вообще прижился?* (В. Некрасов).

Активное взаимодействие с частицей «-то», подчеркивающее тематичность скрепы «а так», образует скрепу «**А так-то**», ср.: *Да, да, – не смущаясь, подтвердил Влас. – Всегда таким манером людей на испытку берет. А так-то он у меня служака. Награды получал* (Г. М. Марков). *Другое дело, когда за ним сила была бы. Тогда бы я тоже... У меня вон фабрика. А так-то, что впустию* (А. Гайдар) *Тем и отличаются [чиновничьи дочери] от деревенских девок, что шляпки носят да рядятся, а так-то дуры дурами* (Д. Н. Мамин-Сибиряк).

Другие функции, кроме текстовой связи: нет.

Единицы, близкие по функции и семантике:

Представляется возможным соотнести скрепу «а так» с парной скрепой «**так-то... а/но/только**», также не отмеченной в грамматиках и специальной литературе, но встречающейся в русской письменной и особенно устной речи. Часть **так-то** вводит общую оценку ситуации, часть **а/но/только** – факт, противоречащий этой оценке, ограничивающий ее, например: *Я уж и не знаю, как теперь... Вроде так-то охота, а у самой душа в пятки уходит – боюсь* (В. Шукшин). *Так-то он был неплохой парень, но совершенный псих* (В. Матлин). – *Так-то ничего бы, – сказал Толя, – плохо только, писем нет. Когда на корабль письма приходят, как будто веревка от земли протягивается* (В. Токарева).

В этой скрепе **так** является катафорическим элементом, который отсылает к последующему контексту, отрицая часть этого контекста. Отрицание, содержащееся в **так**, сближает скрепу **так-то... а/но/только** со скрепой **а так** и делает возможным трансформации типа: **У самой душа в пятки уходит – боюсь. А так вроде охота; *Он был совершенный псих, а так неплохой парень; *Плохо, что писем нет, а так бы ничего.*

Эти трансформации свидетельствуют, что *а так(-то)* и *так-то... а/но/только* выражают симметричные риторические отношения в дискурсе. Говорящий (пишущий) может выбрать, какой аспект ситуации считать более важным, – тот, который отрицается словом *так*, или тот, который ему противоречит. В первом случае он использует дискурсивный маркер *так-то... а/но/только*, во втором – *а так*. Говорящий (пишущий) рассматривает ситуацию с разных сторон, сопоставляет их друг с другом, оценивает, какая из них важнее. Местоименное наречие *так* служит «осью», вокруг которой эта ситуация разворачивается двумя разными сторонами.

Стилистическая маркированность: наиболее частотна в разговорном стиле – в устной разговорной речи и в стилизованных под нее фрагментах.

Предложенное описание не претендует на абсолютную завершённость, но, как нам кажется, является весомым заделом для словарной фиксации текстовой скрепы «а так», прочно обосновавшейся в современном русском языке.

Литература

1. Морковкин В. В. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Около 1200 единиц. М.: АСТ, 2003. 432 с.
2. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Около 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 416 с.
3. Русская грамматика / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980. В 2 т. Т. 1. 792 с. Т. 2. 711 с.
4. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
5. Большой толковый словарь русского языка: [БТС: А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 1534 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
8. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т / Под ред. В. И Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
9. Служебные слова в лексикографическом аспекте [Электронный ресурс]: монография / Стародумова Е. А., Завьялов В. Н., Шереметьева Е. С., Токарчук И. Н., Крылова Г. М., Сергеева Г. Н., Шнырик Е. А., Прияткина А. Ф., Окатова Н. Т., Зайцева Г. Д., Тюрин П. М., Откидыч Е. В., Конченко Т. В., Гавриленко В. В.; отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, П. М. Тюрин. Электрон. дан. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 1 CD-ROM. Систем. требов.: процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память от 256 МБ, Windows (XP; Vista; 7 и т.п.). Загл. с экр.

ТИПОЛОГИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ НА ОСНОВЕ ДИСКУРСИВНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ

Г. Н. Манаенко, С. А. Манаенко
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия

Аннотация. Дискурсивное употребление различных классов лексических единиц позволяет в рамках когнитивно-дискурсивного подхода иначе проводить их категоризацию и представлять типологию. В основу такой типологии может лечь деятельность говорящего по организации содержания высказывания.

Ключевые слова: дискурсивные слова, частицы, вводно-модальные слова.

TIPOLOGY OF FUNCTIONAL WORDS BASED ON DISCOURSE USE

G. N. Manaenko, S. A. Manaenko
North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia

Abstract. Discursive use of different classes of lexical units allows to carry out their categorization and represent typology differently within the framework of cognitive-discursive approach. The basis of such typology can be the activity of the speaker on the organization of the content of the statement.

Key words: discursive words, particles, introductory modal words.

В фундаментальном труде Н. Н. Болдырева «Концептуальная основа языка» (Болдырев 2009: 25–77) на основе когнитивно-дискурсивного подхода к языку рассматривается категоризация как феномен и проводится разграничение когнитивных и языковых категорий. Поскольку категория как интегративный формат знания объединяет знания об общем концептуальном основании для сведения объектов, знания о самих объединяемых объектах и знания о принципах и механизмах объединения данных объектов, специфика категорий языка, позволяющих осмыслить мир в его пространстве, заключается в том, что они также включают три типа знаний: во-первых, лексически категоризованное знание об объектах внешнего по отношению к человеку мира; во-вторых, грамматически категоризованное знание о языковых формах и, в-третьих, модусно ориентированное знание о языковых категориях и формах, «имеющих внутриязыковую природу и служащих целям интерпретации и реинтерпретации любого концептуального содержания» (Там же: 29–30).

При этом онтология окружающего мира, а также результаты познавательных процедур, осуществленных человеком, отражаются в лексических категориях. В грамматических категориях, как морфологических, так и синтаксических, отражаются свойства языка как объекта, находящегося вне человека, и, следовательно, относящихся к категориям естественных объектов. В модусных категориях отражается онтология не внешнего мира, а человеческого сознания, вследствие чего их можно определить в качестве онтологических в отношении к человеку и в качестве гносеологических в отношении объектов внешнего мира, в том числе и языка (Там же: 31–34). Концепция Н. Н. Болдырева предоставляет возможность для категоризации на иных основаниях языкового материала, не получившего в рамках традиционной лингвистики однозначного осмысления, что и проявилось в различных номинациях данного класса лингвистических объектов – служебных и вводно-модальных слов, называемых также неполнозначными или в современной лингвистике дискурсивными словами.

Поскольку при классификации данных лингвистических объектов в рамках традиционной парадигмы в качестве критериев использовались параметры, связанные с процессом коммуникации, а

также отмечалась роль этих единиц в организации текстового пространства, считаем целесообразным проводить анализ специфики различных разрядов неполнозначных слов на основе их дискурсивного употребления. При выявлении особенностей дискурсивного употребления различных языковых средств мы исходим из трактовки дискурса Г. Н. Манаенко (Манаенко 2004, 2005, 2008).

Необходимо заметить, что именно особенности употребления данных слов, обусловили появление в качестве названия для одной из их разновидностей термина «вводно-модальные слова», то есть при категоризации данных единиц не использовались единые грамматические показатели. Определяемые в рамках традиционных грамматик как разные части речи – наречия и вводно-модальные слова, частицы и их различные комбинации с союзами, дискурсивно употребленные лексические единицы не могут быть объединены в один морфологический класс, поскольку их «морфологические» характеристики совершенно отличаются друг от друга. Единственное, в чем они схожи, так это «неполнозначность» их лексических значений и возможность лексической омонимии, обусловленная различием выполняемых функций в том или ином тексте какого-либо дискурса по сути одной и той же языковой формы.

Полифункциональность, свойственная дискурсивному употреблению данных лексических единиц, существенно затрудняет по сравнению с полнозначными словами определение как общей семантики контекста, так и собственно той грамматической семантики, которую они в него вносят: «Многие дискурсивные слова, особенно частицы, могут полностью «сливаться» с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов. «Амальгамированию» семантики дискурсивных слов и семантики контекста способствует также их формальное строение: значительная часть этих единиц представляет собой одно-двухсложные выражения, прозрачные для интонации» (Дискурсивные слова... : 9–10). Таким образом, классификация дискурсивных слов не может быть осуществлена только на основе грамматических категорий, относящихся к онтологии языка как внешнего по отношению к человеку объекта, поскольку при своем функционировании они взаимодействуют не с отдельными лексическими полнозначными единицами в составе высказывания, а более «протяженными» его фрагментами, также в некоторых случаях и с высказыванием в целом. Функционирование дискурсивных слов зависит от коммуникативных интенций говорящего, следовательно, их языковая квалификация должна осуществляться и с применением модальных категорий, отражающих когнитивную деятельность человека.

На основе специфики дискурсивного употребления лексических единиц, определяемых в традиционных грамматиках в качестве различных разрядов наречий, союзов, частиц и вводно-модальных слов, ученые выделили четыре класса дискурсивной лексики, а точнее, типа ее использования. В первый класс вошли лексические единицы, употребление которых позволяет сопоставлять элемент и множество, в которое этот элемент входит. Второй класс составляют лексические единицы, необходимые для введения в состав высказывания другого представления уже представленного «положения дел». В третьем классе находятся лексические единицы, функционирование которых обеспечивает дальнейшее формирование «установочной базы» при развертывании содержания высказывания. Четвертый класс образуют лексические единицы, указывающие на «гаранта» речи, то есть на лицо, несущее эпистемическую ответственность за содержание высказывания (Там же: 31).

Все лексические единицы используются в текстах различных дискурсов либо для комментирования выбора говорящим той или иной альтернативы (первые два класса), либо для комментирования совершаемых когнитивных и коммуникативных операций в определенной ситуации общения (третий и четвертый классы). Специфика дискурсивного употребления данных лексических единиц задается инвариантными семами лексических значений каждой из них, а также спецификой развития общего смысла высказывания и его конкретизации за счет реализации контекстных дискурсивных смыслов, обусловленных условиями реализации высказывания. Как следствие в тот или иной класс дискурсивных слов могут входить лексические единицы, которые на основе грамматических категорий определяются не только как разновидности одной и той же части речи, но и как разные традиционно выделяемые части речи. Такая категоризация дискурсивных слов типологизирует по два класса

дискурсивно употребленных лексических единиц на разных основаниях – семантическом, связанном с грамматическими категориями, и дискурсивном, обусловленном модусными категориями.

Подчеркнем еще раз, что, с нашей точки зрения, выделенные в этой типологии классы дискурсивных слов есть не что иное, как *способы применения* говорящим рассматриваемых лексических единиц. Поэтому первым основанием для классификации дискурсивно употребленных лексических единиц может выступить модусная категория отношения говорящего к содержанию высказываемого – **что** именно комментирует говорящий при построении высказывания и всего дискурса: 1) уже представленную в высказывании часть содержания или 2) новую часть содержания. На этом основании первый и второй классы представляют использование лексических единиц в целях актуализации уже представленной области содержания, третий и четвертый классы применяются для актуализации новой области содержания.

Вторым основанием классификации в таком случае становится грамматическая категория способа организации содержания. В первом типе дискурсивно употребленных слов выделяются лексические единицы, актуализирующие содержание а) на основе соотношения *элемента и множества*, в которое он входит; и б) на основе соотношения разных представлений одного и того же «положения дел». Во втором типе дискурсивного употребления данных единиц разграничиваются а) организация нового содержания на основе ее соотношения как установочной базы с заданной областью; и б) на основе соотношения новой области содержания с гарантом данного содержания.

Предлагаемая классификация дискурсивно употребленных лексических единиц основана на последовательном применении модусных и языковых категорий, что и показывает при таком употреблении возможность выполнения множества функций наречиями, модальными частицами, вводно-модальными словами и различными их сочетаниями.

Литература

1. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77.
2. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 447 с.
3. Манаенко Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Баженовой; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. Вып. 12. С. 48–61.
4. Манаенко Г. Н. О теоретической модели дискурса // Стилистика и теория языковой коммуникации: Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора МГЛУ И. Р. Гальперина. 2005. С. 43–44.
5. Манаенко Г. Н. Функционирование осложненного предложения в публицистическом тексте: информационно-дискурсивный подход: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 42 с.

**ТЕКСТОВЫЕ СКРЕПЫ:
ВОЗМОЖНЫ ЛИ ЧЕТКИЕ КРИТЕРИИ
ДЛЯ ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СЛОВАРЕ?**

Н. Ю. Пилюгина

Владивостокский государственный университет

Владивосток, Россия

Аннотация. Доклад посвящен проблеме лексикографического описания текстовых скреп в рамках концепции Дальневосточной синтаксической школы. Уделяется внимание дискуссионным параметрам уже существующих словарных статей. Описаны основные теоретические и прикладные проблемы в исследовании функционирования текстовых показателей связности, предложены некоторые пути их решения.

Ключевые слова: текстовая скрепа, лексикография, параметр, текстовая функция, семантика.

**TEXT CONNECTORS: ARE THERE PRECISE PARAMETERS
FOR THEIR REPRESENTATION IN THE DICTIONARY?**

N. Yu. Pilyugina

Vladivostok State University

Vladivostok, Russia

Abstract: The report is devoted to the problem of lexicographic description of text connectors within the framework of the Far Eastern Syntactic School concept. The article focuses on the discussion parameters of the existing dictionary entries. The main theoretical and applied problems in the study of the functioning of textual connectors are described, some ways of solving them are proposed.

Key words: text connector, lexicography, text function, semantics.

В центре внимания статьи – вопросы четкости или, другими словами, строгости критериев для лексикографического описания текстовых скреп, а также возможности единой системы критериев для этого класса единиц.

Актуальность этого вопроса, на наш взгляд, во-первых, связана с необходимостью систематизации того накопленного опыта описания текстовых скреп, который уже имеется. В рамках работы кафедры русского языка и литературы ДВФУ защищено несколько диссертаций, посвященных текстовым скрепам, лексикографическое описание текстовых скреп представлено в монографии «Служебные слова в лексикографическом аспекте» (Служебные слова... 2017), добавлено несколько лексикографических портретов текстовых скреп в монографии 2022 года «Лексикографические портреты служебных слов» (Лексикографические портреты... 2022). Нужно отметить, что отдельные словарные статьи для текстовых скреп появились относительно недавно, например, в «Словаре служебных слов русского языка» 2001г. отдельно как класс эти единицы не выделяются, текстовые функции служебных слов описаны в разделе слова-гибриды (Словарь служебных слов... 2001: 287). Во-вторых, актуальность заявленной проблемы обусловлена теоретической задачей: необходимостью уточнения самого понятия и объема понятия «текстовая скрепа». И эта проблема, конечно, не решится прямо сейчас, она будет разворачиваться и дополняться с появлением новых результатов исследования функционирования скреп на основе анализа фактического материала.

Цель статьи – попытка критически осмыслить существующий опыт словарного описания текстовых скреп, а также обсуждение возможных путей развития исследований.

Сопоставительные данные по словарным статьям текстовых скреп

ИТАК	КСТАТИ	ВПРОЧЕМ
Типы употребления	Типы употребления	Типы употребления
Омонимия	Омонимия	Омонимия
Морфологическая структура	Морфологическая структура – (5) Формальные варианты	Морфологическая структура – Формальные варианты
(1) Значение (толкование: <i>инвариантное значение «то, на что нужно обратить внимание»</i>)	Значение (<i>факультативный комментарий</i>)	Значение (<i>уточнительно-ограничительный комментарий</i>)
(2) Функционально-семантические варианты (функция)	Контекстуально обусловленные варианты	Контекстуально обусловленные варианты
Сфера действия	Сфера действия	Сфера действия
Функционирование в качестве скрепы-фразы	Функционирование в качестве скрепы-фразы	
(3) Функционирование в рамках одного высказывания; типы Конструкций	Функционирование в рамках одного высказывания	Функционирование в рамках одного высказывания
(6) Интонация	Интонация	Интонация
Пунктуация	Пунктуация	Пунктуация
Местоположение	Местоположение	Местоположение
Взаимодействие с другими скрепами	Взаимодействие с другими скрепами	Взаимодействие с другими скрепами
	Взаимодействие с другими служебными словами	Взаимодействие с другими служебными словами
(4) Другие функции, кроме текстовой связи	Другие функции, кроме текстовой связи	Другие функции, кроме текстовой связи
Единицы, близкие по функции и семантике	Единицы, близкие по функции и семантике	Единицы, близкие по функции и семантике
Стилистическая маркированность	Стилистическая маркированность	Стилистическая маркированность
Иллюстрации	Иллюстрации	Иллюстрации

В таблице 1 показаны все основные параметры их описаний текстовых скреп, предложенные П. М. Тюриным и Е. В. Откидыч (скрепы ИТАК и КСТАТИ), которые в свою очередь согласуются с известной статьей А. Ф. Прияткиной и Е. А. Стародумовой (Прияткина, Стародумова 2015). Здесь же показана для сравнения словарная статья Е. Н. Гускиной (скрепа ВПРОЧЕМ), которая построена по модели указанных авторов. Дискуссионные параметры выделены жирным шрифтом, цифрами показаны основные проблемные моменты, на которых остановимся по порядку. В Таблице 2 показаны сравнительная характеристика лексикографического описания скреп ИНАЧЕ ГОВОРЯ и ПРЕЖДЕ ВСЕГО (Лексикографические портреты... 2022: 241–259).

Анализ данных таблицы показывает, что словарные статьи отличаются большим набором параметров, а также можно заметить, что содержание параметров неоднородно.

**Сравнительная характеристика параметров словарных статей скрепы
ИНАЧЕ ГОВОРЯ и ПРЕЖДЕ ВСЕГО**

ИНАЧЕ ГОВОРЯ	ПРЕЖДЕ ВСЕГО
Категориальный статус (скрепа, модальное слово)	
Общее значение (введение <i>иначе говоря</i> свидетельствует о потребности говорящего заменить или дополнить ранее использованную номинацию или суждение:	Значение Толкование: «раньше остального», «до остального», «то, что идет первым из множества».
Синтаксис. 1. Функции в конструкции 2. Функции в тексте	Функционально-семантические варианты
	Сфера действия
Функционирование в качестве скрепы-фразы	Функционирование в качестве скрепы-фразы
	Функционирование в рамках одного высказывания
Интонация	Интонация
Пунктуация	Пунктуация
Местоположение	Местоположение
Взаимодействие с другими скрепами	Взаимодействие с другими скрепами
Взаимодействие с другими служебными словами	Взаимодействие с другими служебными словами
Другие функции, кроме текстовой связи	Другие функции, кроме текстовой связи

Первый проблемный момент, который вызывает вопрос – это параметр «**Значение**» текстовой скрепы. Как видно из таблицы, если для скрепы ИТАК предлагается толкование, основанное на лексическом значении единицы, то для скреп КСТАТИ и ВПРОЧЕМ перед нами непосредственно функция скрепы в тексте. И разногласия в определении значения неслучайны, они в целом соотносятся с проблемой соединения лексического, грамматического и прагматического внутри служебных слов. В ряде словарей лексическое значение единиц, функционирующих как текстовая скрепа, зафиксировано: к примеру, сочетание В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ, для которого характерна текстовая функция, дается со значением «при любых обстоятельствах» (Ожегов, Шведова 2006: 732). Однако это толкование слишком общее для полифункциональной единицы, мы не можем опираться при формулировке толкования только на лексическое значение, так как в процессе функционирования текстовая скрепа может реализовать разные компоненты лексического значения составляющих скрепу единиц, на это значение еще накладываются различные прагматические смыслы.

Если вернуться к определению термина «текстовая скрепа», то следует вспомнить, что этот термин изначально функциональный, соответственно, мы можем вывести: 1) или инвариантное значение структуры, которую скрепа образует, 2) или инвариантную функцию служебной единицы в тексте, 3) или коммуникативную функцию, описать формируемое отношение с точки зрения Говорящего. Это было сделано, к примеру, при составлении портрета скрепы ИНАЧЕ ГОВОРЯ: «введение иначе говоря свидетельствует о потребности говорящего заменить или дополнить ранее использованную номинацию или суждение» (Лексикографические портреты... 2022:242).

Проблема выбора одного из трех способов представления инвариантного значения соотносится с решением вопроса: как мы ограничиваем понятие «текстовая скрепа». Мы считаем правомерной точку зрения О. Ю. Иньковой о том, что необходимо выделить разные типы текстовой связности (Инькова 2021: 20). Первый уровень – это логико-смысловые отношения, устанавливаемые между

единицами на основе разных типов грамматических отношений (противопоставления, уступки, пояснения, условия, альтернативы и др.). И у этих отношений есть свои показатели – коннекторы в широком смысле. Второй уровень – это отношения, обеспечивающие смысловую организацию текста и ее тематическую структуру. Именно на этом типе отношений специализируются текстовые скрепы, эта спецификация позволяет относить те или иные единицы в группу. Таким образом, если мы определяем какую-то единицу как текстовую скрепу, то ее словарная статья должна быть сосредоточена именно на втором типе текстовой связности. Соответственно, в инвариантном значении или толковании текстовой скрепы необходимо отразить значение той текстовой смысловой структуры, которая образуется и маркируется скрепой. Например, для текстовой скрепы ТАК ИЛИ ИНАЧЕ мы предлагаем значение «несущественность различий и вариантов при внесении общего утверждения», для скрепы В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ: «альтернативные обстоятельства и сценарии предтекста не влияют на обязательность ситуации, обозначенной скрепой, но эта обязательность согласуется с выбором одного из сценария» (Пилюгина 2022: 89).

В связи с этим второй проблемный параметр – это **«Функционально-семантические варианты или Контекстуально-обусловленные варианты»**, который должен отражать контекстные варианты представления инвариантного значения текстовой структуры. Эти варианты могут выявляться в зависимости от специфики лексического и грамматического наполнения компонентов текстовой конструкции. Здесь, возможно, удачным было бы применение понятий «текстовая конструкция», «тематическая структура, блок», которые маркируются определенной скрепой. А также перспективно описание различных сценариев, моделей представления текстовой информации с позиций Говорящего при участии скрепы, особенно если анализ языкового материала выявляет такие структуры. Очень ценными здесь могут быть принципы описания таких структур, предложенные Е. А. Шнырик (Шнырик 2010).

Важным для определения границ таких структур является параметр **«Сфера действия»**, и, по замечанию большинства исследователей, самый специфичный параметр этой группы служебной лексики.

Третий дискуссионный параметр – **«Функционирование в рамках одного высказывания»**. Более того, в словарной статье скрепы ИНАЧЕ ГОВОРЯ текстовые функции и функции внутри конструкции разделены (Лексикографические портреты ... 2022: 244–245). Здесь возникает необходимость установления четких границ: если мы применяем термин «текстовая скрепа» по отношению к какой-то единице, то внутри предложения без опоры на предтекст такой функции у единицы быть не может. Возможно, внутри предложения лучше оставить эту единицу в роли вводно-модального слова – показателя модуса. Эти факты и их классификация вполне вписываются в предложенный термин «лексикографический портрет», но тогда это портрет полифункциональной единицы, слова-гибрида, но не текстовой скрепы. Именно здесь возникают проблематичные размывания формулировок и понятий.

Четвертый проблемный параметр **«Другие функции, кроме текстовой связи»** относится к этой же области исследовательских решений. Для скрепы ИТАК эта функция сформулирована следующим образом: «Относится к числу наиболее ярких показателей метатекста (группа метапоказателей логического вывода). Скрепа задействуется в осознании автором и/или адресатом содержания сказанного. 2). Текстовый оператор: даёт сигнал о вводе в текст новой информации, функция заострения внимания на ней (правый контекст содержательно соотносится не с формально выраженным левым, а с определённой ситуацией, которая в тексте не выражена)» (Служебные слова... 2017: 248). Вероятно, очень важным остается разведение терминов метатекстовый оператор и текстовая скрепа, однако, когда в значении (толковании) скрепы мы говорим о том, что Говорящий с помощью этой единицы достигает каких-то целей, не является ли это проявлением метатекстовой функции. В этой же плоскости находится функция «текстовый оператор». Во избежание дублирования возможно уточнение или выделение контекстов, в которых метатекстовая функция осуществляется без опоры на логико-семантические отношения, когда реализуется прагматическая функция.

Может вызывать дискуссии параметр **«Формальные варианты»**, так как текстовые скрепы проявляют специфичность в способности образовывать составные сочетания, этот параметр не уни-

версален для всех скреп. Например, скрепа КСТАТИ продуктивно образует единства с глаголами речи: *кстати сказать* и т.д. Скрепы ТАК ИЛИ ИНАЧЕ и КАК БЫ ТО НИ БЫЛО образуют синтаксические фраземы с союзами НО и А. Эти варианты можно было бы отнести в сферу продуктивных явлений среди скреп.

Некоторые сомнения может вызывать такой параметр, как «**Единицы, близкие по функции и семантике**», так как на сегодняшний день он не прошел опытную апробацию. Чтобы установить степень семантической близости текстовых скреп, необходимо провести экспериментальную проверку на возможность функционирования в одних типах контекстов, а также проверку на восприятие таких контекстов Говорящими. Это, на наш взгляд, интересная и открытая область исследования.

И последний дискуссионный параметр, на который не раз обращали внимание при обсуждении диссертационных исследований на тему текстовых функций – это «**Интонация**». Этот параметр требует специального изучения устной речи, которое, к сожалению, должным образом еще не проводили. А при характеристике типа интонации (особенно количественной) исследователи опираются только на субъективное восприятие. Да, с одной стороны пунктуация является отражением этого параметра, но все же для объективности данных эту характеристику необходимо доработать.

Подводя итог, сформулируем главные выводы рассмотрения проблемных областей описания текстовых скреп:

1. Для словарного представления текстовых скреп возможны строгие параметры, но при соблюдении двух условий: формулирование ясного критерия для выявления функции «текстовая скрепа» и разделение понятий «функция скрепы» и особенности самого языкового показателя.

2. Существующие лексикографические описания внесли, несомненно, важный вклад в развитие теории скреп, все разночтения в параметрах обусловлены сложностью и неоднородностью объекта, но тем не менее эти словарные статьи стали основой всех дальнейших исследований.

3. Перспективным в создании лексикографического портрета текстовой скрепы является выявление текстовых тематических структур, которые скрепы маркируют, а также внимание к способам развертывания текстов на основе таких структур. Кроме того, новые данные может дать применение экспериментальных методов анализа.

Литература

1. Инькова О. Ю. О понятии «Текстовая скрепа» // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию. Владивосток: ДВФУ, 2021. С. 13–20.
2. Лексикографические портреты служебных слов: Монография / Е. А. Стародумова и др.; отв. ред.: Е. А. Стародумова, Е. С. Шереметьева, В. Н. Завьялов. Владивосток: ДВФУ, 2022. 322 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 4-е изд. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
4. Пилюгина Н. Ю. Сочетание в любом случае: функционирование в тексте и прагматический потенциал // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 84–100.
5. Словарь служебных слов русского языка / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова (отв. ред.), Г. Н. Сергеева, Г. Д. Зайцева, Е. С. Шереметьева, Н. Т. Окатова, И. Н. Токарчук, Г. М. Крылова, Т. А. Жукова, Т. В. Петроченко, В. Н. Завьялов. Владивосток, 2001. 363 с.
6. Служебные слова в лексикографическом аспекте [Электронный ресурс]: монография / Стародумова Е. А., Завьялов В. Н., Шереметьева Е. С., Токарчук И. Н., Крылова Г. М., Сергеева Г. Н., Шнырик Е. А., Прияткина А. Ф., Окатова Н. Т., Зайцева Г. Д., Тюрин П. М., Откидыч Е. В., Конченко Т. В., Гавриленко В. В.; отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, П. М. Тюрин. Электрон. дан. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 1 CD-ROM. Систем. требов.: процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память от 256 МБ, Windows (XP; Vista; 7 и т.п.). Загл. с экр.
7. Шнырик Е. А. Семантико-синтаксические особенности текстовой скрепы в результате в сравнении с производным предлогом в результате + N2 // Вестник АТАПРЯЛ. Владивосток. 2010. № 1. С. 99–102.

НАРЕЧИЕ «ОДНОВРЕМЕННО»: ЗНАЧЕНИЕ И СФЕРА ДЕЙСТВИЯ

Е. А. Стародумова

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

***Аннотация.** В статье исследуется лексема «одновременно», которая традиционно квалифицируется как наречие. Рассматриваются два значения «одновременно»: прямое значение «синхронно» и переносное значение совмещения. Устанавливается, что в прямом значении «одновременно» является наречием с расширенной сферой действия. Второе значение является не признаковым, а акцентуирующим. Отмечается развитие служебности у данной лексемы.*

***Ключевые слова:** лексема, наречие, сфера действия, служебность.*

ADVERB «ОДНОВРЕМЕННО»: MEANING AND FIELD OF ACTIVITY

E. A. Starodumova

*Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia*

***Abstract:** The article examines the word «одновременно», which traditionally was qualified as adverb. That word has two senses: «synchronously» and combination. The article establishes, that in first sense that word is adverb with extended field of activity. In the second sense is not adverb but That word function as syntactic word.*

***Key words** adverb, word, field of activity, syntactic word.*

В современных исследованиях наречия как части речи обсуждается ряд проблем, одна из которых (впрочем, традиционная) – вопрос о границах класса, который в свою очередь непосредственно связан с характеристикой категориального значения наречий (непроцессуальный признак, признак признака – по А. А. Потебне), а также с их количественным составом (См., например: Голицына, 2020; Евтюхин, 2012).

Вопрос о границах класса наречий возникает в связи с тем, что среди слов, причисляемых к наречию, есть отдельные единицы и небольшие группы слов, которые с большим сомнением можно назвать наречиями, т.е. словами с признаковым значением.

Такова, например, группа единиц, имеющих и дескриптивное, и недескриптивное употребления: обязательно, желательно, непременно и нек. др. Их употребление тесно связано с типом речевого акта. Например, слово «желательно» имеет 3 основных употребления: мало характерное для современной речи прямое значение желательности, широко распространенное значение, проявляющееся в директивных РА в разновидности рекомендации. И, кроме того, «желательно» отмечено в служебном употреблении – в конструкциях простого предложения (Стародумова 2021). Другой пример – группа синонимичных единиц: «недаром», «не случайно», «не зря». Сохраняя дескриптивность, эти единицы функционируют как показатели синтаксических отношений в тексте.

Предметом рассмотрения в настоящей статье является слово «одновременно», которое квалифицируется в словарях как наречие и является таковым в основных употреблениях (Словарь русского языка. Т. 2: 594; Комплексный словарь русского языка: 533). В указанных словарях отмечается два значения.

1. Прямое значение «в одно и то же время», «синхронно». Например:

*Трактирщик то помогал некоторым, то отбегал в сторону и командовал. Или делал все **одновременно** (В. Быков. Камень); А бывает наоборот: удары судьбы подкрадываются, как волки с разных сторон и нападают **одновременно** (В. Токарева. Своя правда).*

Признаковое (наречное) значение одновременности может подчеркиваться частицами «не», «чуть ли не», «почти», «практически»:

Установлено, что они вышли из строя не одновременно (Н. Каманин. Дневник). *Мандибула чуть ли не одновременно говорил по двум телефонам* (В. Валеева. Скорая помощь). *Мы заказали несколько такси и доехали почти одновременно* (С. Довлатов. Заповедник).

Второе значение, производное от первого, – значение совмещения признаков, предметов («вместе с тем»). Примеры:

Решетчатая стенка послужит одновременно и обрамлением, и опорой для вьющихся растений. (В. Иршенкова. Свой уголок я убрала цветами). *Она властная и беззащитная одновременно*. (Сати Спивакова. Не всё). *Она куталась в платок как девочка и как старуха одновременно* (В. Токарева. Своя правда).

Обращает на себя внимание сфера действия этого слова, которая предопределена его лексическим значением: в предложении должно быть обязательно выражено значение множественности, неединичности.

Сфера действия наречия «одновременно» соответствует сфере действия прилагательного «одновременный». Поэтому обратимся сначала к исходному слову – прилагательному «одновременный».

Приведем несколько типичных примеров употребления прилагательного «одновременный»: **Одновременная перевозка пассажиров и груза не допускается** (Правила эксплуатации фуникулеров). **Это одновременное применение кнута и пряника, в принципе разумное, лишь сеяло сомнение в устойчивости власти** (А. Алексеев. Судьба реформатора в эпоху катаклизмов). **Одновременный уход значительного числа профессоров нанесет огромный урон преподаванию** (А. Савин. Дневник). **Вдруг раздался страшный грохот и за ним взрыв, похожий на одновременный выстрел из тысячи больших пушек** (И. Резанов. Великие катастрофы в истории Земли).

В семантическом плане во всех случаях «одновременный» входит в состав сложного словосочетания, представляющего номинализованную ситуацию. Определяемое существительное (обязательная валентность прилагательного) – всегда предикатное слово (*перевозка, уход, выстрел, удар, вспышка* и под.). Обязательный компонент выказывания – сочетание со значением **неединичности, множественности** (*пассажиров и груза; кнута и пряника; значительное число профессоров, тысяча больших пушек*).

В сферу действия прилагательного **в синтаксическом плане** входят разные синтаксические компоненты: сочетание однородных членов с союзом И; словосочетания со значением множественности (объектное, субъектное, обстоятельственное, определительно-обстоятельственное значения).

И в синтаксическом, и в семантическом аспектах это распространители, валентности предикатного существительного: *перевозка пассажиров и груза, применение кнута и пряника, уход значительного числа профессоров, выстрел из тысячи больших пушек*. Возможно и другое синтаксическое воплощение СД. Значение неединичности может быть представлено в разных словосочетаниях. **Это способ развешивания формы через ее одновременную отмену** (Е. Петровская. Безымянные сообщества).

Но в любом случае значения распространителей составляют СД значения прилагательного «одновременный», значение которого предполагает неединичность, множественность (субъектов, объектов, обстоятельств). Полагаем, что эти компоненты можно рассматривать как косвенную или опосредованную валентность прилагательного.

Обратимся к наречию «одновременно».

1. Рассмотрим СД наречия в прямом значении (в одно и то же время). Приведенные выше ситуации с прилагательным «одновременный» можно выразить предикативной конструкцией. Ср. предикативное выражение тех же ситуаций: **Нельзя перевозить пассажиров и грузы одновременно. Если одновременно уйдет значительное число профессоров... Тысячи больших пушек выстрелили одновременно**. В предложениях значение одновременности выражено наречием.

Приведем основные конкретные проявления СД «одновременно» в прямом значении:

•СД – объект или субъект со значением неединичности. **У меня в работе одновременно несколько проектов** (Ю. Пешкова. Пиковый козырь). **Мне казалось, что все полмиллиона пребывают на улице одновременно** (А. Зябликов. Провинциальная столица).

• СД – объект, синтаксически представленный предложно-падежной формой С + тв. п. **одновременно с:** и субъект, и объект входят в СД наречия «одновременно»: *Судовая ядерная энергетика начала свое развитие практически одновременно с появлением атомных электростанций* (Ф. Митенков. Судовая ядерная энергетика); *Как утверждают создатели, работа над программой велась одновременно с внедрением почти год* (В. Кулаков. Уральский САПФИР); *Масляные фильтры следует менять одновременно со смазкой в двигателе* (М. Сачков. Бумажный занавес).

• СД – несколько объектов, обстоятельств, действий: *Конгресс проходил одновременно в Лондоне, Париже, Риме и Мадриде* (В. Сиротюк. Объекты стандартизации); *Заказав столик, вы можете принимать пищу и одновременно наблюдать, как все готовится* (Я. Зубцова. Прекрасный маршрут); *Отмечать день рождения и Новый год одновременно – существенная экономия* (М. Горелик. Наши консервы это пища для мозга). СД синтаксическая – сочинительный ряд, который может быть представлен разными компонентами предложения. СД семантическая – объекты, обстоятельства, действия.

• СД – две ситуации, синтаксически выражаемые по-разному. Первая – в основной части высказывания, вторая – в деепричастном обороте. *Живая изгородь создает желаемую целостность ландшафтной композиции, одновременно закрывая участок от чужих взоров* (Д. Князева. На привале).

Обе ситуации в компонентах сложного предложения: *Услышав его добродушный хохот, Заур облегченно вздохнул, но одновременно ему показалось, что тот облапил его руки с каким-то врачебным оттенком* (Ф. Искандер. Человек и его окрестности).

Ситуации представлены отдельными высказываниями: *В море при штиле плывут навстречу друг другу мальчик и лодка. Одновременно между ними плавают любознательный дельфин* (В. Лукашик, Е. Иванова. Сборник задач по физике). *Тут купальщик наконец понял что-то и помахал рукой с деньгами у самых глаз немца. Одновременно к нему склонилась переводчица и что-то сказала* (Ф. Искандер. Человек и его окрестности). В такой позиции «одновременно» становится показателем отношения между двумя ситуациями и таким образом проявляет текстовую функцию, связывая два высказывания.

Одновременно в значении 2. Значение совмещения признаков, действий или предметов.

Основные проявления этого значения:

• Подчеркивает совмещение разных признаков, **равных по их значимости:** *В «Городе на заре» Герд был на сцене одновременно автором и артистом* (З. Е. Гердт. Рыцарь совести); *Президент – глава и государства, и исполнительной власти одновременно* (Б. Немцов: Кремль и есть правительство); *Согласно известной точке зрения, в России так и не образовалось прослойки регулярно мыслящих и одновременно деятельных людей* (Как весна, так все коты).

• «Оправдывает» совмещение **несовместимых признаков:** Герой драмы – **избранник судьбы и одновременно изгой** (Л. Волошинова. Ростовский след Серебряного века); **Это был взлет и падение жанра одновременно!** (Г. Горин. Иронические мемуары); **Меня посетило такое ощущение счастья и одновременно отчаяния**, что я прибежал в артистическую, заперся и плакал (Сати Спивакова. Не всё).

Как видно из примеров, «одновременно» может занимать разные позиции по отношению к компонентам, выражающим неединичность: препозиция (*одновременно автором и артистом*), постпозиция (*взлет и падение жанра одновременно*), интерпозиция (*избранник судьбы и одновременно изгой*). В последнем случае (в интерпозиции) одновременно может быть квалифицировано как конкретизатор при союзе И.

Полагаем, что наши наблюдения позволяют сделать некоторые предварительные выводы:

• В первом, прямом значении «одновременно», несомненно, является наречием. Это признаковое значение. Специфика его заключается в расширенной и синтаксически разнообразной сфере действия.

• Второе значение «одновременно» едва ли можно признать наречным, т.е. признаковым. Это средство акцентирования равной значимости признаков или совмещения несовместимых признаков.

• В некоторых конкретных употреблениях «одновременно» проявляет служебность. *Одновременно 1* в начале высказывания имеет признаки текстовой скрепы. *Одновременно 2* при союзе И выполняет функцию конкретизатора.

Литература

1. Голицына Т. Н., Меркулова И. А. Проблема квалификации наречия в современном русском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2020. № 1. С. 10–14.
2. Евтюхин В. Б. О наречии как части речи // От значения к форме, от формы к значению: Сб. ст. к 80-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 167–178.
3. Комплексный словарь русского языка / Под ред. А. Н. Тихонова: М.: Русский язык, 2001. 1229 с.
4. Словарь русского языка Т. 2 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Русский язык, 1981. 736 с.
5. Стародумова Е. А. Дескриптивное и недескриптивное употребление слова «желательно» в синтаксическом отображении // Мир русского слова. 2021. № 1. С. 13–17.

Источник материала

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 22.08.2022).

УДК 81'42

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОГО СОЧЕТАНИЯ «КРОМЕ ТОГО»

П. М. Тюрин

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Аннотация. Статья посвящена особенностям употребления полифункционального фразеологизированного сочетания «кроме того» на уровне высказывания и текста. Описана семантика данного сочетания, взаимодействие с другими служебными словами и пунктуационное оформление, рассмотрены типы контекстов, в которых он может употребляться.

Ключевые слова: служебные слова; полифункциональные фразеологизированные сочетания; текст; текстовая скрепа.

FEATURES OF THE FUNCTIONING AND SEMANTICS OF THE PHRASE "IN ADDITION"

P. M. Tyurin

*Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia*

Abstract. the article is devoted to the peculiarities of using the multifunctional phrase of "besides" at the level of utterance and text. The semantics of this phrase, interaction with other function words and punctuation are described, the types of contexts in which it can be used are considered.

Key words: function words; multifunctional phrase; text; text clip.

Описание служебных единиц, способных сочетать функцию экспликации внутритестовых связей с участием в построении определённых синтаксических конструкций на уровне высказывания, – одно из актуальных направлений современной русистики. Многие из них являются полифункциональными, способны подвергаться контекстным семантическим трансформациям и имеют определённый прагматический потенциал.

В русистике уже существует ряд работ, в которых описаны ключевые принципы «портретного» описания служебных слов русского языка. Основы такого описания были представлены А. Ф. Прияткиной и Е. А. Стародумовой в статье «Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов»» (Прияткина, Стародумова 2015: 134–140) и в дальнейшем реализованы при описании уже достаточно большого количества полифункциональных служебных слов в монографиях «Служебные слова в лексикографическом аспекте» (Служебные слова в лексикографическом аспекте 2017) и «Лексикографические портреты служебных слов» (Лексикографические портреты служебных слов 2022), а также, в ряде работ, посвящённых портретному описанию служебных слов (см., например, работы Е. Н. Гускиной (Гускина 2021) и др.).

При этом к настоящему времени только небольшое количество полифункциональных служебных единиц получило полное всестороннее описание. Так, описание фразеологизированного сочетания «кроме того» пока представлено лишь в некоторых словарях. При этом несмотря на то, что в справочниках по пунктуации (например: (Грамота.ру)) «кроме того» оценивается как вводная конструкция, в Национальном корпусе русского языка зафиксированы примеры употребления данной единицы без обособления, однако источником таких примеров являются форумы и другие интернет-площадки, которые не предполагают никакого редактирования размещаемых на них текстов. Это позволяет расценивать подобные случаи как пунктуационные ошибки.

Наиболее подробное описание «кроме того» представлено в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка». Здесь рассмотрены синонимы «кроме того», синтаксические свойства, типы контекстов, представлена попытка определения значения и его контекстных трансформаций (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 2004, с. 496–500). Однако некоторые важные аспекты описания затронуты не были. К числу таковых относится, например, разграничение употреблений на уровне текста и на уровне высказывания.

Анализ употреблений фразеологизированного сочетания «кроме того» показал, что оно не характеризуется чёткой стилистической маркированностью. Данные НКРЯ показывают, что эта единица достаточно часто встречается в текстах СМИ (наиболее распространено в новостных материалах), научных и художественных текстах, включая поэтические:

*Зовут его Костя,
А лет ему пять,
Он может
Печатные буквы
Писать!
А **кроме того**,
Безо всякой подсказки
Он сам сочиняет
Волшебные сказки!* (НКРЯ).

Важнейшим этапом описания служебного слова является анализ его семантики, т.к. именно она во многом определяет типы контекстов и грамматических конструкций, в которые это служебное слово может встраиваться. Значение фразеологизированного сочетания «кроме того» базируется на трансформировавшемся исходном значении составляющих компонентов – предлога «кроме» и местоимённого прилагательного «тот» в форме родительного падежа.

В словаре С. И. Ожегова даётся 2 значения предлога «кроме». В семантику фразеологизированного сочетания, на наш взгляд, включается второе значение – «в добавление к кому-чему-нибудь», – данный оборот во всех обнаруженных нами контекстах имеет общее значение добавления какой-либо инфор-

мации (Толковый словарь русского языка 2006: 308). Местоимение (местоимённое прилагательное) «тот» в словаре С. И. Ожегова оно имеет 9 значений, при этом в семантику служебной единицы, очевидно, включается первое значение – «указывает на что-нибудь удалённое в пространстве или во времени, а также на уже упоминавшееся в речи и уже известное (Толковый словарь русского языка 2006: 805). Значение этого компонента в составе фразеологизированного сочетания «кроме того» можно уточнить следующим образом: «указывает на уже упоминавшееся в речи и уже известное». К этому значению присоединяется значение первого компонента. С учётом этого значение служебной единицы «кроме того» можно определить как «в дополнение к тому, о чём говорилось раньше», но в разных контекстах оно может подвергаться определённым трансформациям.

Полифункциональность оборота «кроме того» проявляется в том, что он способен функционировать не только на уровне текста, но и на уровне высказывания. В последнем случае он может присоединять последний член однородного ряда: *У славян Божье дерево было почитаемым растением, и в деревнях этой травой окуривали жилище, перекладывали одежду, лечили ею домашний скот, кроме того, полынные венчики вешали для изгнания домашних насекомых* (НКРЯ).

Очень часто в таких случаях «кроме того» употребляется вместе с сочинительными союзами, оформляющими соединительные (с союзом «и») или противительные (с союзами «а» и «но») отношения: *Анонимность расчетов и возможность осуществлять крупные покупки за наличные обеспечивают популярность данного способа при совершении преступлений и, кроме того, усложняют процесс расследования* (СМИ). Крайне редко при употреблении в рамках одного высказывания «кроме того» вступает во взаимодействие с разделительным союзом «или»: *Количественная ли здесь разница или, кроме того, и качественная?* (НКРЯ).

Такое взаимодействие с сочинительными союзами, на наш взгляд, показывает, что в высказывании при участии в формировании ряда «кроме того» реализует свою семантику «в дополнение к тому, о чём говорилось раньше» в максимально обобщённом виде и не подвергается серьёзным контекстными трансформациям (основным средством выражения смысловых отношений является союз и/или интонация). Роль «кроме того» в таких примерах заключается в акцентировании внимания на последнем члене ряда как имеющем высокую степень важности, что при этом не исключает высокую степень важности и других членов ряда. Таким образом, в высказывании «кроме того» в определённой степени реализует свой прагматический потенциал.

На уровне текста «кроме того» берёт на себя функцию экспликации внутритекстовых связей и становится текстовой скрепой, причём формируемые им текстовые структуры в некоторых случаях можно соотносить с теми, которые формируются на уровне высказывания. Эти структуры напоминают ряд однородных членов в простом предложении, но речь здесь идёт, конечно, не о ряде в традиционном понимании. Это смысловой ряд, последний член которого присоединяется с помощью текстовой скрепы, при этом скрепа подчёркивает его особую значимость, не снижая важность остальных членов ряда:

Обычно после проверки компьютер уходит на перезагрузку, после которой вирус удаляется, и Одноклассники начинают открываться нормально. Если вдруг это не поможет и при попытке зайти в соцсеть всё равно появится табличка с валидацией, то придется убрать ее вручную. Для этого воспользуйтесь инструкцией, которую я привел чуть выше в части «Сайт вообще не открывается». В том случае, если вы уже успели отправить туда свой номер, рекомендую позвонить в службу поддержки мобильного оператора и объяснить ситуацию. Пускай они посмотрят, значатся ли на вашем номере платные подписки и, если да, то отменят их. Кроме того, скачайте и установите на компьютер хорошую антивирусную программу (интернет-блог).

В данном примере перечисляются варианты действий, которые пользователь может выполнить для восстановления доступа к социальной сети «Одноклассники». Это проверка компьютера на вирусы, удаление таблицы валидации вручную, обращение в службу поддержки оператора и установка хорошей антивирусной программы на компьютер. Последнее действие, очевидно, не решает текущую проблему, но способно предотвратить её в дальнейшем, поэтому является важным, но ни в

кчем случае не отменяет действий, перечисленных в левом контексте скрепы, т.к. именно они помогают решить проблему в данный момент. Важность последнего действия подчёркивает скрепа «кроме того». Таким образом, здесь, как и в случаях с функционированием «кроме того» на уровне высказывания, семантика данной единицы («в дополнение к тому, о чём говорилось раньше») реализуется в достаточно обобщённом виде без существенных контекстных трансформаций.

В то же время сфера действия текстовой скрепы «кроме того» может быть шире, т.е. данная скрепа может соединять разные по объёму части текста.

1) Сфера действия ограничена одним абзацем.

а) Два предложения.

*В нашем онлайн соннике Вы можете узнать не только, что означает «делают предложение во сне», но и посмотреть толкования других снов. **Кроме того**, мы предлагаем посмотреть сонники Ванги и Нострадамуса, скачать сонник Миллера – возможно именно в нем Вы найдете значение сна «делают предложение»* (Информационно-развлекательный интернет-портал).

В данном примере текстовая скрепа «кроме того» соединяет 2 высказывания, показывая важность содержащейся в каждом из них информации. На первое место вынесена информация о том, что можно узнать, используя данный интернет-сонник. Информация о том, что достичь цели обращения к соннику читателю, возможно, поможет наличие на данном ресурсе сонников Ванги и Нострадамуса. Эта информация дополняет ту, которая содержится в левом контексте и обозначается скрепой как не менее важная.

б) Несколько предложений в левом контексте и одно предложение в правом (см. пример из интернет-блога выше).

в) Несколько предложений в левом контексте и несколько предложений в правом.

*Когда всё в смартфоне, то хозяину дома уже не нужно нагибаться «в три погибели», чтобы посмотреть показания счетчиков и ломать голову, как направить данные в управляющую компанию. Очень удобно, когда застройщик уже на стадии строительства предусмотрел диспетчеризацию показателей счетчиков электричества, водоснабжения, газа. **Кроме того**, в нашем доме на улице Клары Цеткин жильцы могут удаленно перекрыть краны с водой, если умная система определит протечку. Соответствующие датчики можно установить как опцию. Также предусмотрена возможность устанавливать системы дистанционного управления микроклиматом – сейчас это не потребует от жильца больших затрат, ведь интеллектуальная платформа передается ему вместе с ключами от дома (реклама).*

В данном примере перечисляются преимущества нового жилого комплекса, причём преимущества эти описаны очень детально. Весь абзац в целом представляет собой единый смысловой блок, однако в нём можно выделить 2 подтемы, которые разграничиваются с «кроме того». Так, в левом контексте описываются преимущества диспетчеризации показаний счётчиков, а в правом – возможность удалённого управления кранами в доме и установки датчиков. Важность информации, содержащейся в левом и правом контексте, при этом можно оценить как одинаковую, и скрепа здесь, скорее, выполняет функцию активизации внимания адресата, т.е. и здесь можно говорить о реализации прагматического потенциала «кроме того».

г) Одно предложение в левом контексте и несколько предложений в правом.

*Бытие – книга начал: творение вселенной и человека, установление завета и появление израильского народа. **Кроме того**, почти все важные христианские учения берут своё начало в книге Бытие. Учения о творении, грехопадении, искуплении, Троице, Мессии, завете, воскресении из мёртвых находятся в Бытии как семя, которое постепенно растёт в последующих книгах Библии и наконец расцветает в Новом Завете, когда приходит Господь Иисус Христос* (Джон Каррид. Бытие).

В подобных структурах обычно реализуется та же схема, что и в случае с одним предложением в левом контексте и одним предложением в правом, однако здесь первое предложение правого контекста либо оказывается информативно недостаточным, либо содержит обобщённую информацию, которая требует дальнейшего уточнения. В приведённом выше примере реализовался второй

вариант: в первом предложении правого контекста говорится о неких важных христианских учениях, а в последующих предложениях эти учения перечисляются.

2) Сфера действия скрепы распространяется на несколько абзацев.

Текстовая скрепа «кроме того» довольно часто может начинать новый абзац, причём и левый, и правый контекст может включать в себя несколько абзацев.

а) Один абзац в левом контексте и один абзац в правом.

Спикер колымского заксобрания Сергей Абрамов и депутат Государственной Думы Оксана Бондарь обсудили федеральные законопроекты, затрагивающие интересы колымчан. Также представительница Магаданской области в нижней палате российского парламента рассказала о законодательных нововведениях, только вступивших в силу. В конце прошлого года начали действовать поправки в Трудовой кодекс РФ. Изменения расширяют права многодетных семей: теперь работники, воспитывающие троих и более детей младше 12 лет, могут выбирать даты отпуска по своему усмотрению независимо от очередности по графику. Как считает Оксана Бондарь, это особенно актуально жителей Севера, где отпуск важен не только для отдыха, но и оздоровления.

Кроме того, уже подписан закон «О любительском рыболовстве и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». За исключением ряда положений, он вступит в силу 1 января 2020 года. Закон устанавливает, что рыбопромысловые участки, приспособленные под любительское рыболовство, должны быть закрыты до 31 декабря 2020 года. Исключения сделаны только для некоторых из них на территории бассейнов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Это участки, фактически выполняющие природоохранные функции, где культивируются особо ценные породы рыб. Установленное для Дальнего Востока исключение означает, что действующая на Колыме система будет сохранена (СМИ).

В подобных примерах скрепа непосредственно связывает с левым контекстом первое предложение правого контекста, однако в последующих предложениях второго абзаца детализируется информация, представленная в первом, т.е. эти предложения включаются в контекст скрепы (в данном случае в них подробно описывается закон «О любительском рыболовстве и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», о котором говорится в первом предложении правого контекста).

Контекст скрепы «кроме того», состоящий из двух абзацев, может быть выстроен и иначе в плане формы содержания.

«Сегодня утром на электронную почту больниц и нескольких поликлиник Хабаровска пришло сообщение о том, что в здании заложено взрывное устройство. <...> Были немедленно оповещены правоохранительные органы, правительство края. На данный момент помещения обследованы, взрывные устройства не обнаружены, – сообщил Витько.

*По информации местного агентства «Хабаровский край сегодня», эвакуация из-за сообщений о минировании также была организована в нескольких школах города. **Кроме того**, начальник управления образования мэрии Хабаровска Светлана Лалетина рассказала «Комсомольской правде», что после сообщения о минировании эвакуировали мэрию города (СМИ).*

Здесь контекст состоит из двух абзацев, но скрепа располагается во втором предложении второго абзаца и информация, которая следует за ней, дополняет представленную во всём левом контексте. В данном случае это список «заминированных» зданий. При этом абзацное членение здесь обусловлено необходимостью разграничить разные источники информации о минировании. Скрепа, в свою очередь, вводит информацию, дополняющую ту, о которой было сказано выше, но не менее важную, т.е. действует так же, как и в случаях, когда сфера действия ограничивается одним абзацем.

б) Несколько абзацев в левом контексте и один абзац в правом.

«Кроме того» может связывать один абзац, состоящий из нескольких предложений, с несколькими абзацами, составляющими левый контекст скрепы.

Для борьбы с фейковыми новостями WhatsApp ограничил до пяти раз пересылку одного и того же сообщения одним пользователем. О новых правилах компания объявила в Джакарте. Это сни-

зит циркуляцию ложных новостей в мессенджере. Такие меры первоначально применили в Индии после случаев массовых убийств. Теперь мессенджер распространил «практику пяти раз» на остальные страны.

Однако эксперты в сфере информационной безопасности не считают такие шаги по борьбе с фейками достаточно эффективными. Они не искоренят, а лишь замедлят распространение данных.

«Пользователь может отправить фейк в групповой чат, индивидуальный чат, в котором общаются два пользователя, или в список. При этом, если вы пошлете сообщение в пять групповых чатов, оно все равно станет доступным для тысяч пользователей» – заявил «360» специалист по информационной безопасности Прадик Синха.

«Если юзер отправит одно и то же сообщение всего пять раз, но в групповые чаты, то его все равно получат 1280 человек, так как в одном чате WhatsApp допускается до 256 пользователей» Прадик Синха IT-специалист, журналист.

Кроме того, подобные меры помешают и распространению полезной информации. Речь может идти о фотографиях пропавших детей, которые необходимо как можно скорее распространить, снимках потерявшихся животных, сообщениях о бедствиях (СМИ).

Здесь в левом контексте перечисляются последствия нововведения в пересылке сообщения с помощью мессенджера *WhatsApp*, в правом контексте этот перечень завершается последним таким последствием, о котором говорится в первом предложении, однако во втором предложении даётся уточнение, т.е. правый контекст выстроен точно так же, как и в предыдущем случае. В то же время, в этом примере информация в правом контексте в определённой степени противопоставляется той, которая представлена в левом (в левом контексте говорится о том, что нововведения не решают некоторые проблемы, а в правом – о том, что они будут иметь и негативные последствия). В этом случае противопоставление поддерживается на содержательном уровне, с помощью повтора слова «распространение», союзом «и», а оформляется скрепой «кроме того».

в) Несколько абзацев в левом контексте и несколько абзацев в правом.

– По каким налогам получают льготы граждане?

– Для граждан мы откорректировали порядок предоставления льгот по земельному налогу.

Пенсионерам и лицам предпенсионного возраста налоговые службы будут сами начислять льготную сумму имущественных налогов – пожилым людям не придется бегать с заявлениями в налоговые инспекции.

Остальные граждане смогут не до 1 ноября как раньше, а до 31 декабря подавать в налоговый орган уведомления о выборе объектов налогообложения, по которым они желают получить льготу по налогу на имущество физлиц и налоговый вычет по земельному налогу на «шесть соток».

Семьи с тремя и более несовершеннолетними детьми смогут получить дополнительный вычет по налогу на имущество физлиц – по 5 квадратных метров в квартире и по 7 квадратных метров в доме на каждого ребенка. Сейчас налогом не облагаются 20 метров площади квартиры, а после внесения изменений налоговая льгота распространится еще на 15 «квадратов». Так что для семьи с тремя детьми вычет составит уже 35 квадратных метров.

Кроме того, вводится коэффициент 1,1, который ограничит рост земельного налога, исчисленного по кадастровой стоимости. Проще говоря, земельный налог для граждан не сможет увеличиваться более чем на 10 процентов по сравнению с прошлым годом, даже если кадастровая стоимость земли выросла в цене намного больше.

Новые нормы закона распространятся на налоги, которые людям необходимо заплатить за 2018 год. Таким образом, граждане уже в конце этого года в период уплаты земельных и имущественных налогов почувствуют уменьшение налоговой нагрузки (СМИ).

В данном примере и в левом, и в правом контексте речь идёт о налоговых льготах, при этом последний абзац содержит обобщение того, о чём говорилось ранее, т.е. включается в тот же смысловой блок текста и входит в контекст скрепы «кроме того».

Приведённые выше примеры показывают, что скрепа «кроме того» может оформлять смысловые блоки текста, при этом сфера её действия может быть достаточно широкой и не ограничиваться

одним абзацем. Однако сферой действия «кроме того» не может быть весь текст. Это может быть связано с тем, что в сферу действия скрепы обычно попадает перечисление определённых фактов, событий или явлений, а оно, как правило, ограничивается одним абзацем или смысловым блоком текста.

Подводя итог, отметим, что фразеологизированное сочетание «кроме того» является полифункциональным и способно функционировать на уровне высказывания и текста. Контекст текстовой скрепы «кроме того» при этом может быть достаточно объёмным. Семантика «кроме того» базируется на трансформировавшемся значении исходных компонентов и реализуется в достаточно обобщённом виде без существенных контекстных трансформаций. На уровне текста «кроме того» способно выстраивать структуры, напоминающие ряд однородных членов в простом предложении, но речь здесь идёт о смысловом ряде, последний член которого присоединяется с помощью текстовой скрепы, при этом скрепа подчёркивает его особую значимость, не снижая важность остальных членов ряда.

Ряд вопросов, связанных с описанием фразеологизированного сочетания «кроме того», остался за рамками данной статьи. Так, дальнейшего изучения требуют контекстные трансформации значения «кроме того», особенности взаимодействия с другими служебными словами, включая текстовые скрепы, типы грамматических конструкций, которые с помощью данной единицы могут формироваться на уровне высказывания.

Литература

1. Гускина Е. Н. Служебное слово «впрочем»: контекстные модификации и синтаксические свойства: дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2021. 159 с.
2. Кроме того [Электронный ресурс] // Грамота.ру. URL: http://new.gramota.ru/spravka/punctum?id=58_372&layout=item (дата обращения 10.08.2022).
3. Лексикографические портреты служебных слов: монография / Е. А. Стародумова, Е. С. Шереметьева, В. Н. Завьялов, Е. Н. Гускина, К. А. Журавлева, Г. М. Крылова, Т. В. Конченко, Н. Т. Окатова, Т. В. Петроченко, А. Ф. Прияткина, И. В. Семенова, Г. Н. Сергеева, И. Н. Токарчук, П. М. Тюрин, З. В. Шереметьева, Е. А. Шнырик, Вэй Хуэйминь, Лан Шо, Ли Ляньмэй, Сон Ен Иль; отв. ред.: Е. А. Стародумова, Е. С. Шереметьева, В. Н. Завьялов. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2022. 322 с. URL: <https://www.dvfu.ru/science/publishing-activities/catalogue-of-books-fefu/>. Дата публикации: 19.08.2022. Текст: электронный (дата обращения: 30.08.2022).
4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Авторы словарных статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
6. Прияткина А. Ф., Стародумова Е. А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134–141.
7. Служебные слова в лексикографическом аспекте [Электронный ресурс]: монография / Стародумова Е. А., Завьялов В. Н., Шереметьева Е. С., Токарчук И. Н., Крылова Г. М., Сергеева Г. Н., Шнырик Е. А., Прияткина А. Ф., Окатова Н. Т., Зайцева Г. Д., Тюрин П. М., Откидыч Е. В., Конченко Т. В., Гавриленко В. В.; отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, П. М. Тюрин. Электрон. дан. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 1 CD-ROM. Систем. требов.: процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD); оперативная память от 256 МБ, Windows (XP; Vista; 7 и т.п.). Загл. с экр.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЧАСТИЦ В АВТОКОРРЕКЦИИ

А. Е. Цесарская

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Аннотация. *Статья посвящена анализу особенностей функционирования частиц как мета-языковых показателей автокоррекции в семантическом, прагматическом, функциональном аспектах. Употребление частиц в автокоррекции регулирует процесс взаимодействия говорящего и слушающего, тем самым обеспечивая должный уровень коммуникации.*

Ключевые слова: *автокоррекция, метакорректор, частицы.*

FEATURES OF THE USE OF PARTICLES IN SELF-CORRECTION

A. Tcesarskaia

*Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia*

Annotation. *The present research focuses on the peculiarities of particles functioning in colloquial self-correction. The author analyzes discourse elements within semantic and pragmatic aspects and explores their functions in a limited context – self-correction construction.*

Key words: *self-correction, discourse elements, particles.*

Автокоррекция как языковой феномен представляет собой двойную вербализацию, относимую говорящим к одной референтной ситуации. Первая и вторая вербализации, с точки зрения говорящего, соотносятся как некорректная и корректная соответственно.

Отметим, что явление автокоррекции мы трактуем широко, относя к нему случаи и полной, и частичной корректировки уже произнесенного фрагмента.

– правильная неправильной: – *Пятьсот рублей возьми// – Я снял вчера с книжки/ вернее с карточки//; (о маленьком ребенке) Пока со всеми гостями не переводим (хоровод)/ гостями вернее//;*

– более точно и детально представляющая предмет сообщения: *Каждая женщина в России сталкивается с проблемой веса// Лишнего веса//; В это время уже появляются/ из почек появляются побеги//;*

– более актуальная для данных условий коммуникации номинация предмета сообщения: *(на детской площадке обсуждают особенности поведения детей на примере одного ребенка – мальчика) У многих мальчиков... э-э-э... деток такое//; Если человек никогда не видел кондиционера и зашел в комнату с кондиционером с тридцати градусов/ то его сосуды не успевают приспособиться и реб... (*ребенок)/ человек заболевает//;*

– более ясно, понятно (для слушающего) представляющая фрагмент отображаемой действительности: *Ну что/ почапали/ пойдем домой потихоньку?//.*

В структурном отношении автокоррекция представляет собой особое построение – корректировочную конструкцию, состоящую из двух обязательных компонентов: корректируемого (левый) и корректирующего (правый), разделенных интонационно и / или с помощью особого конституирующего элемента, в качестве которого употребляются союзы и аналоги союзов, вводно-модальные слова, частицы, междометия. Такой структурный элемент автокоррекции мы называем метакорректором.

Даже её не хотели и принимать потому она мало пропу (*пропускала)... много пропускала мало ходила на занятия на эти//;

*Мы поели/ он батонится/ **вернее он поел**// Я-то голодный//;
Шесть грамм здесь// (взвешивает) **Нет/ пятьсот/ пятьсот грамм**//;
Циндол// мазь или крем не знаю//;
У него и пилы были/... в смысле были/ есть//;
Заходи// **То есть выходи**//.
У нас в этом доме/ на Фокина/... ой тьфу блин в Лесозаводске//.*

Все метакорректоры распределены нами на две группы: семантические, основной функцией которых является экспликация типа отношений между компонентами конструкции (отношения взаимоисключения, дополнительности и отношений семантического тождества), и коммуникативные, извещающие адресата о коммуникативных затруднениях адресанта.

В рамках данного доклада мы рассмотрим особенности употребления частиц в качестве конституирующих автокоррекцию компонентов.

Частицы в лингвистической литературе получили название десемантизированных элементов. Их употребление особенно характерно для спонтанной устной речи (Земская 2006, Дараган 2002).

Наш материал показал, что в разговорной автокоррекции наиболее часто используются частицы *ну; вот; даже*.

Частицы *ну, вот* относят к специфически разговорным частицам (Земская, 2006). При этом чем меньше степень обдуманности, подготовленности речевого произведения, тем выше частотность этих лексем в высказывании (Дараган, 2002а, 2002б). В исследованиях, посвященных описанию *ну, вот*, отмечается дискурсивный характер употребления этих слов: они сигнализируют о сбоях и задержках в механизме кодирования, отражают активное отношение говорящего к процессу порождения текста, обеспечивая тем самым взаимодействие говорящего и слушающего (Земская 2006, Дараган 2002, Феденко 2002, Разлогова 1996).

В структуре корректировочной конструкции частицы *ну / вот* в качестве основной функции выполняют коммуникативную – оповещение адресата о коммуникативных затруднениях. Это связано с такой их особенностью, как использование в речи в качестве сигналов говорящего, помогающих собеседнику понять ход разговора (Земская 2006).

В корректировочной конструкции частицы *ну / вот* выполняют следующие коммуникативные функции: 1) сигнализирование о затруднениях говорящего, связанных с поиском подходящей языковой единицы; 2) сигнализирование о произошедшем сбое в механизмах вербализации (то есть когда левый компонент уже «вышел в эфир», и говорящего он не устраивает); 3) сигнализирование о введении в высказывание дополнительных незапланированных сегментов.

В первом случае (1) употребление частиц свидетельствует о затруднениях говорящего в выборе словесного выражения и отражает процесс поиска им наиболее адекватной замыслу номинативной единицы. В лингвистической литературе этот процесс охарактеризован как «блуждание вокруг денотата» (Ляпон 1989: 25), «явление на кончике языка» (R. Brown, D. McNeill 1966): *ну* эксплицирует прагматическую установку говорящего «я не могу найти соответствующую замыслу языковую единицу»: – *Он показывал там/ определенные/... – Ну что птицы умеют// – Да/ навыки / даже не навыки я бы сказал/ а ... ну например/ то что совы близко не видят//. Дело в том что подтвердить полиомелит/ остеомелит/... ой не остеомелит ... а как его ... ну хрупкость костей/... исследование нужно проводить//.*

Дополнительными маркерами поиска являются паузы хезитации, обороты *как его, как ее, как он, как это там, это самое*, *ну* и тот факт, что, как в последнем примере, номинация так и не найдена, объяснение дается через описание ситуации.

Во втором случае (2) частица эксплицирует реакцию говорящего на произошедший сбой вербализации, когда сказанное говорящим не соответствует его замыслу и требует корректировки: (*о покупке квартиры в ипотеку*) *А соседи/ они у нас взяли квартиру/ тридцать две тысячи/... ну они не у нас взяли//; У нас все тётки оставили машины//... Ну большинство скажем так//; – Он же смылся// – Я знаю// Слышала//... Ну читала//. Автокоррекции подобного рода характеризуются*

дистантным расположением левого и правого компонентов, при котором корректирующее отделено от корректируемого другими лексическими единицами в отличие от предыдущих случаев, где корректировка осуществляется сразу после первой вербализации.

В третьем случае (3) частицы является сигналом вставки в структуру высказывания незапланированного сегмента, содержащего добавочную информацию: *Я вчера пришла к той/ которая занимается аспирантами/ ну по стипендии//; Я в Японии так же на нашем/ ну на пароходу был/ не помню какого года//; На конференции говорили что поколение/ ну наше поколение 70-х называют потерянное поколение//. Сидели мы там на ... на какой-то кровати.../ – Ну кровати дали// – Толпой/ и посреди ... э-э ну посреди комнаты стоит фляга/ с молоком/ фляга с мёдом/ корзина/ такие корзины большие виноградные//. Ну вербализует прагматическую установку говорящего: «сказанное требует дополнения».*

В корректировочной конструкции *ну* может выполнять роль семантического метакорректора, эксплицируя тип отношений между корректируемым и корректирующим компонентами: взаимоисключение, дополнительность и отношения семантического тождества между корректируемым и корректирующим. Покажем это на примерах.

Экспликация частицей *ну* отношений взаимоисключения представлена в автокоррекциях: *Если он полностью правильно решает другой вариант/ ну относительно правильно//; (рассказывает о том, как перед тем, как идти на работу ходил на рыбалку) Мне ж к девяти надо на работу/ я постоянно ну полтора часа может быть ну от силы два часа/ я десятку полтора два карасей приношу в ванну бросил/ и пошел на работу/ потому что рядом райком от дома рядом вот это здание двухэтажное/ иду на работу//; (о деканатах, которые после реструктуризации стали называться студенческими офисами) Ходила в деканат/ ну в офис/ к Ленке//.*

Экспликация отношений дополнительности: *(продавец в спортивном магазине показывает куртку с «умной» тканью) Вот// Сохраняет двадцать процентов тепла//... Ну тепла тела//; Ладно/ короче/ там называется это всё дело/ курорт Цзиньшитань/ за сзз/ свободная экономическая зона/ где-то в минут в сорока езды на электричке ... ну... скоростная электричка/ там от вокзала на автобусе долго ехать от центра//; Что меня просто повергло в шок/ ну лично меня/ ... как мужчину/... я не знаю как обычного парня// Если в метро стоят парень и девушка/ и освобождается одно место/ то зачастую садится именно парень//.*

Функция экспликации отношений семантического тождества для частицы *ну* является типичной для частицы *ну*. Количество таких примеров в нашем материале минимально: *Поехали на Хасан/ ну это район Хабаровска//; – Это синтетический (медицинский препарат) или что? – Артишок // Ну травка такая/ насколько я помню//; Сидим с ней/ ну со второй руководительницей (нрзбр.)//.*

Частица *вот*, как и *ну*, своим появлением в речевой цепи отражает сбой в процессах порождения высказывания, связанные с коммуникативными затруднениями говорящего. Коммуникативной функцией *вот* также является сигнализирование о затруднениях говорящего, связанных с поиском подходящей языковой единицы. Но, в отличие от *ну*, *вот* в корректировочной конструкции маркирует удачное завершение поиска словесного оформления, что подчеркивается постпозитивным употреблением *вот*. Таким образом, *вот* вербализует прагматическую установку говорящего «эта номинация является наиболее удачной, поэтому я останавливаюсь на ней»: *Когда что-то случается/ ты сразу начинаешь искать поводы/... нет... даже не поводы/... доводы/... доказательства моей вины/ вот//; Моя мама родилась/ вот там Китай-Городе Дальне... как это/ Междуречье/ вот//.*

В качестве метакорректора может использоваться акцентирующая частица *даже*. Этому способствует градиционно-уточнительная семантика частицы (Словарь служебных слов русского языка... 2001: 14–19). Даже в автокоррекции употребляется в качестве семантического метакорректора – она эксплицирует отношения взаимоисключения между левым и правым компонентом.

Обычно *даже* употребляется в качестве конкретизатора совместно со словами *вернее / точнее, нет / не ... (а), или / либо*, эксплицирующими отношения взаимоисключения между корректируемым

и корректирующим. Покажем это на примерах: *Ну дня три-четыре/ не больше// Тут вопрос не в том/ сколько я выдержу без ребенка/ а в том/ сколько ребенок выдержит без меня// ... Вернее даже сколько папа выдержит//; У меня есть три фрагмента// Четыре вернее даже//; Раздел написан/ но он требует доработки// А точнее даже переработки//; (вместе с ребенком смотрят книжку) Смотри какая киска// Это даже не киска// Это тигр//; Ну во-первых ехать далеко// Это даже не во-первых/ а во-вторых//; Я во-первых еще являюсь не только председателем сельсовета/ я еще являюсь и... секретарем первичной организации// Или не первичной даже/ а местного отделения//.*

В других случаях частица *даже* используется в качестве самостоятельного метакорректора, она маркирует корректирующее как более удачную вербализацию. Дополнительно *даже* вербализует прагматическую установку говорящего «я зачеркиваю сказанное мной ранее и исправляю неправильный речевой фрагмент на правильный».

Функциональной особенностью *даже* является сочетание функции исправления с выражением большой степени уверенности говорящего в правильности второй номинации, то есть прагматическая установка говорящего, вербализуемая *даже*, осложнена дополнительным значением «эта номинация является наиболее удачной, поэтому я останавливаюсь на ней». Таким образом, в употреблении метакорректора *даже* наиболее отчетливо проявляется механизм выбора говорящим языковой единицы: *Для всех людей характерна бинарная оппозиция// Даже несколько бинарных оппозиций//; (о коммуникативных компетенциях студента) Он не будет спорить// У него не хватает речевых стратегий// Речевых тактик даже//.*

Отметим, что в структуре автокоррекции частицы выполняют одновременно и семантическую, и коммуникативную функцию, что подтверждает выводы некоторых исследователей о полифункциональности языковых единиц в разговорной речи. Таким образом, мы можем сделать вывод об особом функционировании частиц в разговорной речи: они организуют линейное разворачивание высказывания в условиях спонтанного продуцирования речи, позволяя обеспечить должный уровень коммуникации.

Литература

1. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: Учеб. пособ. Изд. 4-е, испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 240 с.
2. Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 24–34.
3. Разлогова Е. Э. Модальные слова и оценка степени достоверности высказывания // Русистика сегодня. Отделение литературы и языка Российской академии наук. 1996. № 3. С. 21–47.
4. Словарь служебных слов русского языка / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, Г. Н. Сергеева, Г. Д. Зайцева, Е. С. Шереметьева, Н. Т. Окатова, И. Н. Токарчук, Г. М. Крылова, Т. А. Жукова, Т. В. Петроченко, В. Н. Завьялов. Владивосток: ДВГУ, 2001. 363 с.
5. Brown R., McNeill D. The “tip of Tongue” Phenomenon // Journal of verbal learning and verbal behavior. № 5. 1966. P. 325–337.
6. Дараган Ю. В. Риторическая структура текста и маркеры порождения речи [Электронный ресурс] // Труды международного семинара Диалог. Т. 1. 2002. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/daragan/>
7. Феденко П. В. Опыт контекстно-семантического описания дискурсивного маркера ну [Электронный ресурс] // Труды международного семинара Диалог. Т. 1. 2002. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/fedenko/>

СОЧЕТАЕМОСТЬ МОДАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЫ «ВЕДЬ»: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Чжу Тинтин
Синьцзянский университет
Урумчи, Китай

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию частицы «ведь». Проведенный анализ контекстов употреблений модальной частицы «ведь» показал, что семантика и функция этой частицы в высказывании определяется синтаксической позицией и сочетаемостью модальной частицы с определёнными частями речи.

Ключевые слова: модальность; частица; прагмалингвистический аспект.

COMPATIBILITY OF THE MODAL PARTICLE "VED": PRAGMALINGUISTIC ASPECT

Zhu Tingting
Xinjiang University
Urumqi, China

Abstract. This article is devoted to the description of the particle. The analysis of the contexts of the use of modal particles has shown that the semantics and function of these particles in an utterance is determined by the syntactic position and compatibility of modal particles with certain parts of speech.

Keywords: modality; particle; pragmalinguistic aspect.

Частицы – служебная часть речи, которая до настоящего времени в лингвистике изучена недостаточно полно.

В современных учебниках существуют следующие определения частиц. «Частица – это служебная часть речи, которая придаёт различные смысловые и модально-экспрессивные оттенки предложению в целом и отдельным его частям или служит для образования форм слова» (Современный русский литературный язык 2010: 508); «Частица – служебная часть речи, которая вносит различные смысловые оттенки в предложение или служит для образования форм слов» (Лекант 2007: 137); «Частицы – служебные слова, выражающие главным образом дополнительные смысловые оттенки предложений, словосочетаний и отдельных слов» (Розенталь 2002: 155).

С синтаксической точки зрения частица может рассматриваться как слово, внесённое в предложение «для придания всему предложению или отдельному слову того или иного оттенка»: она всегда – элемент формы целой конструкции или отдельного её члена.

Категория модальности является языковой универсалией, представленной во всех языках мира. Тем не менее, понятие модальности не имеет четкого однозначного определения. Наиболее распространённым является мнение В. В. Виноградова. Он относит к категории модальности все то, что связано с отношением говорящего к действительности (Виноградов 1975).

Известно, что высказывание представляет собой речевую единицу, обладающую собственными структурно-семантическими свойствами: высказывание может быть равным предложению, быть больше или меньше предложения и обладать собственными модальными характеристиками. Высказывание «...создаётся для обозначения данного отрезка ситуации, в данных условиях речи и в данный момент» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 90).

Высказывание, как и предложение, обладает собственной синтаксической структурой, которая рассматривается нами как завершённое целое, в отношении которого модальные частицы и их сочетания могут находиться в трёх позициях: в начале, в середине и в конце высказывания.

Мы считаем, что наибольший интерес в практике преподавания РКИ представляют модальные частицы как средство выражения отношения говорящего к излагаемой информации и как средство выражения эмоционального состояния человека. Наиболее ярким выразителем субъективной модальности в речи говорящего является, на наш взгляд, модальная частица *ведь*.

Рассмотрим синтаксические ситуации, когда частица *ведь* и её сочетания находятся в высказывании в разных позициях.

В Словаре русского языка отмечено, что частица *ведь* способна присоединять предложения, служащие обоснованием или подкреплением мысли, высказанной в предшествующем предложении (Словарь русского языка. Т. 1 1985: 145).

Наш материал показывает, что такое явление имеет место в случаях, когда сочетания с частицей *ведь* функционируют в сложном синтаксическом целом и соединяют два предложения. Как правило, частица *ведь* имеет значение: "знаете", "известно, что...", "так как" и выполняет функцию союза.

Анализ нашего материала свидетельствует о том, что частица *ведь* в современной разговорной речи наиболее широко представлена в союзной функции. Отметим, что она не только входит в высказывание как средство выражения субъективной модальности говорящего, но и выполняет логическую функцию – показывает связь между близлежащими предложениями.

Ещё В. В. Виноградов подчёркивал тот факт, что «семантический объём частиц очень широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны и находятся под влиянием синтаксического употребления», так что одно и то же слово может выступать в качестве частицы и при определённых синтаксических условиях иметь значение союза (Виноградов 1975: 321).

Сочетания с модальной частицей *ведь* в начале высказывания

Частица *ведь* сочетается со знаменательными и незнаменательными частями речи, образуя регулярные структурные модели: союз + *ведь*, местоимение + *ведь*, существительное + *ведь*, глагол + *ведь*, наречие + *ведь*, идиома "так ведь".

Для частицы *ведь* имеет значение синтаксическая позиция, в которой она не может реализовать свою основную функцию – функцию усиления предшествующего элемента. Это – абсолютное начало высказывания, когда у неё нет левого контекста. Такую синтаксическую позицию мы обозначим как «ноль» контекста. Опишем выявленные случаи реализации данной синтаксической модели.

Мы проанализировали сто пятьдесят примеров. В анализируемом материале сочетания "0 + *ведь*" встречаются шестьдесят два раза, союз + *ведь* – двадцать пять раз, местоимение + *ведь* – двадцать раз, имя существительное + *ведь* – пятнадцать раз, глагол + *ведь* – десять раз, наречие + *ведь* – семь раз, идиома – пять раз. Рассмотрим данные сочетания, обозначив отсутствие левого контекста через «0»:

1) 0 + *ведь*

Шестьдесят два примера, в которых частица *ведь* находится в самом начале высказывания, свидетельствует, что в этих случаях частица *ведь* подобна союзу "так как", который используется при выражении причинно-следственных отношений между двумя высказываниями. Приведём пример:

*«Кстати, для семьи Воробьёвых «Отлично, Тула!» в этом году – событие особенное. **Ведь** среди участников была сестра финалиста «Евровидения» – Галина Воробьева» (Комсомольская правда, 2011.05.13).*

Пример показывает, что частица *ведь*, употребляясь в функции союза "так как", при этом не утрачивает субъективной модальности, что подтверждается и ее синонимичностью вводным конструкциям "я думаю", "согласитесь".

В ряде ситуаций частица *ведь* имеет значение "известно, что...". Как правило, частица *ведь* предшествует имени существительному, а всё высказывание констатирует факт или утверждает информацию. Приведём пример:

*«На вопрос «Где в России жить дороже всего?» почти любой, не задумываясь, ответит: «В Москве». И промахнётся. **Ведь** жизнь дороже не там, где цены выше, а там, где зарплаты им не соответствуют.» (Комсомольская правда, 2011.05.04).*

Пример показывает, что частица в качестве союза не только присоединяет предложения, но и достаточно чётко выражает усилительную функцию высказывания, придавая ему эмоциональную окраску.

Далее рассмотрим пример, в котором частица *ведь* также выполняет союзную функцию, но эта функция только сопутствующая, а на первое место выступает усилительная функция. Например:

*«Наследство – вещь противоречивая. **Ведь** сколько ломается судеб, когда после смерти человека внезапно появляются его внебрачные дети, вторая жена, и все они претендуют на наследство.»* (Комсомольская правда, 2011.05.04).

Очевидно, что в позиции абсолютного начала высказывания значение частицы *ведь* близко к широко используемым в устной разговорной речи глагольным лексемам "знаете", "понимаете".

2) Союз + ведь

Данные количественного анализа показывают, что в публицистической речи наиболее частотным является сочетание "союз + *ведь*", употребляемое в начале высказывания. Например:

*«Меня сделали крайним! – кричит он в телефонную трубку. – Заставили написать прошение об отставке. **А ведь** меня и на пожарах не было – лежал в больнице!»* (Комсомольская правда, 2011.05.13).

Используемое сочетание "*а ведь*" представляет собой семантико-синтаксический комплекс, синтаксическая функция которого подобна уступительному союзу "хотя" в сложноподчинённом предложении.

Рассмотрим примеры сочетаний анализируемой частицы с союзами "но" и "да".

*«Что сделали японцы? Извлекли уроки и сейчас строят дома совсем по-другому. В Сэндае 11 марта было 9 баллов. **Но ведь** дома не разрушились, хотя были трещины.»* (Комсомольская правда, 2011.04.01)

*«Родненькая! **Да ведь** нельзя валенки тесные брать! **Ведь** еле дохромала!»* (Комсомольская правда, 2010.01.12)

Сочетание "*но ведь*" подобно противительному союзу "однако" и указывает на противопоставление двух информативных блоков. В то время как сочетание "*да ведь*" имеет значение "известно, что". При этом частица *ведь*, использованная говорящим в дополнение к предшествующему высказыванию с сочетанием "*да ведь*", реализует функцию союза причины "так как".

3) Местоимение + ведь

Материал показывает, что в сочетаниях с частицей *ведь* преимущественно употребляются личные указательные местоимения. Например:

*«Мой метод я бы не стал рекомендовать девушкам. **Я ведь** отказываю себе не только в еде, но и в воде. За месяц теряю в весе 8 килограммов. Это вредно для организма.»* (Комсомольская правда, 2011.04.08).

В сочетаниях с личными местоимениями частица *ведь* употребляется в усилительной функции.

4) Имя существительное + ведь

Анализ материала показал, что частица *ведь* после имени существительного не только усиливает предшествующее знаменательное слово, но и сближается с союзом «так как». Например:

*«Паники не было. Но народ не понимал, почему их эвакуируют. Многие ругали военных. **Люди ведь** ничего не ощущали»* (Комсомольская правда, 2011.04.26).

5) Глагол + ведь

Употребление частицы *ведь* после глагола выполняет усилительную функцию. Например:

*«...Ребёнок не всегда слепо следует модели поведения родителей. **Бывает ведь**, что и в семье алкоголиков вырастают хорошие дети.»* (Комсомольская правда, 2011.04.16).

6) Наречие + ведь

Сочетания предикативных наречий с частицей *ведь* придают высказыванию большую эмоциональность, выделяя и усиливая значения слов *понятно*, *плохо*, *хорошо* и т.п. Например:

*«Приятно, что народ нам доверяет. **Понятно ведь**, что к опросу люди готовятся специально, а отвечают импульсивно, что в голову первый придёт.»* (Комсомольская правда, 2011.03.22).

7) Идиома так ведь

Данное сочетание функционирует в речи и как самостоятельное высказывание, и как компонент высказывания. Приведём примеры:

«После того как все пообщались с игроками, вы сможете задать им вопросы эксклюзивно. – **Так ведь** на пресс-конференции все уже пообщаются с этими игроками? Какой же тогда получается эксклюзив?» (Комсомольская правда, 2010.06.22)

"Так ведь" в вопросительном высказывании имеет значение "не так ли?", "да или нет?". Этот вопрос предполагает выбор ответа ("да" или "нет").

Таким образом, материал свидетельствует, что синтаксическая позиция частицы *ведь* и сочетаний с частицей *ведь*, расположенные в начале высказывания, неоднородны по своей семантике и прагматике.

Сочетания с модальной частицей *ведь* в середине высказывания

Нами проанализировано сто двадцать пять примеров употребления частицы *ведь* и её сочетаний в середине высказывания.

Материал показывает, что в середине структуры высказывания наиболее частотными являются такие сочетания с частицей *ведь*: *ведь* + 0, союз + *ведь*, местоимение + *ведь*, существительное + *ведь*, наречие + *ведь*.

1) *Ведь* + 0

Частица *ведь*, находясь в середине высказывания, выполняет союзную функцию. Она соединяет два предложения, и выступает в качестве союза, присоединяющего придаточное предложение. Как правило, в такой речевой ситуации частица *ведь* не только имеет значение "потому что", "так как" и выражает причинно-следственные отношения, но и предполагает ассоциацию с сочетанием "известно, что". Приведём пример:

«Меры по привлечению зрителей, прямо скажем, не лишние, **ведь** в последние годы бывший фрагмент краевого футбола не блистает – команда никак не может выбраться из трясины второй лиги» (Комсомольская правда, 2011.05.04)

2) Союз + *ведь*

Частица *ведь* сочетается с союзами в середине высказывания так же, как и в начале высказывания: с союзами *-а, -но, -и*. Он также выполняет союзную функцию, присущую используемому союзу.

«После празднования с подружками пришла домой, и, как обычно, встала на весы. Плюс полтора кило, **а ведь** могло бы быть и три!» (Комсомольская правда, 2011.05.12)

«...Лилия не может спокойно говорить о братишке, голос срывается: «Постоянно ходил в синяках. Часто даже на лице, **и ведь** офицеры все это видели и просто закрывали глаза!» (Комсомольская правда, 2008.04.04)

В контексте сопоставления двух разных информативных блоков в пределах одного высказывания союз "и" в сочетании с частицей "ведь" утрачивает свою исходную функцию присоединения однородной информации. В высказываниях, соединяющих два блока противоречивой информации, сочетание «и ведь», по нашему мнению, подобно значению вводного слова «впрочем», которое указывает на резкий переход к другой мысли.

3) Местоимение + *ведь*

Частица *ведь* в сочетании с местоимениями используется в усилительной функции. Например: «*Душа и сердце* говорят, что **ты ведь** счастье моё!» (Комсомольская правда, 2011.05.12).

Сочетания частицы *ведь* с местоимениями подчёркивают значимость для говорящего именуемого субъекта речи.

4) Имя существительное + *ведь*

Материал показывает, что в сочетании с существительными частица *ведь* подобна значению союза "потому что". Например: «...*Работникам некогда с собаками гулять. Убери, приготовь, собак ведь* больше 60!» (Комсомольская правда, 2011.02.12).

Отметим, что использование говорящим сочетания существительного с частицей *ведь* придаёт высказыванию эмоциональную окрашенность и указывает на неудовлетворённость говорящего существующим положением дел.

5) Наречие + *ведь*

Материал выборки даёт примеры использования в середине высказывания сочетаний частицы *ведь* с наречием. Приведём пример:

«...Только Росстат имеет право их публиковать. Дождитесь уже 2012 года, **недолго ведь** осталось» (Комсомольская правда, 2010.05.04)

Сочетания частицы *ведь* с наречиями и местоименным наречием "*так*" близки по значению сочетанию "*известно, что...*", используемых для передачи изъяснительных отношений.

Сочетания с модальной частицей *ведь* в конце высказывания

Следует отметить, что в нашем материале сочетания частицы *ведь* в конце высказывания встречаются только со знаменательными частями речи: глаголом, существительным и прилагательным в значении существительного. Сочетания с частицей *ведь* в конце высказывания сохраняют усиительную функцию и образуют короткие самостоятельные высказывания. Приведём примеры:

1) Имя существительное + *ведь*

«Нельзя им прощать такие вещи – хлебом разбрасываются! **Грех ведь**» (Комсомольская правда, 2012. 06.02).

Частица *ведь* в конце высказывания, с одной стороны, усиливает предшествующее слово, с другой стороны, соединяет два предложения, выполняя функцию союза причины "*потому что*" и указывает на причинно-следственные отношения.

2) Глагол + *ведь*

«...А чему радоваться-то? **Опоздали ведь**» (Комсомольская правда, 2010.10.07).

Частица *ведь*, усиливая в высказывании глагольную лексему, имеет значение "*известно, что*" и выражает сожаление говорящего о произошедшем действии.

Таким образом, модальная частица *ведь* используется говорящим как оценочный компонент высказывания, который варьируется в зависимости от того, с какой частью речи сочетается частица и в какой части высказывания располагается образуемое сочетание. Можно сказать, что в основе использования частицы *ведь* лежат ассоциативные связи, присущие языку в целом.

Анализ частицы *ведь* с прагмалингвистических позиций позволяет представить присущие данной частице варианты как единый комплекс, который может быть использован при обучении иностранцев.

Литература

1. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды – исследования по русской грамматике. М., 1975.
2. Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 456 с.
3. Розенталь Д. Э. Современный русский язык. М.: Рольф, 2002. 155 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов.энц.,1990. 683с.
5. Словарь русского языка Т. 1 / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Русский язык, 1985. 696 с.
6. Современный русский литературный язык: учебник / Под ред. акад. РАО В. Г. Костомарова, проф. В. И. Максимова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2010. 915 с.

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОГА «ТИПА»
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ)**

М. Ю. Шипилов

Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

Аннотация. *Статья посвящена выявлению и описанию функционально-семантических особенностей предлога **типа** в составе синтаксической конструкции двух видов. Один из них используется для выражения идентификации нового предмета через его соотнесение с известным, другой – для отражения группировки названного предмета с другими подобными сущностями.*

Ключевые слова: *предлог «типа», соотнесение, группировка, интернет-коммуникация.*

**FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES OF PROPOSITION *ТИПА*
(ON THE MATERIAL OF ONLINE COMMUNICATION)**

M.Yu. Shipilov

Irkutsk State University

Irkutsk, Russia

Annotation: *The article is devoted to identification and description of functional-semantic features of preposition **muna** (*tipa*) in a syntactic structure of two types. One of them is used to express the process of identifying something new by correlating it to a well-known object. The other is used to reflect the action of grouping several similar objects.*

Keywords: *preposition **muna**, correlation, grouping, online communication.*

1. Выявление специфики выражаемых предлогами отношений, безусловно, является актуальным вопросом лингвистики. Однако предлог *muna*, до сих пор остаётся малоописанным как в лексикографических источниках, так и в научных исследованиях. В данной работе мы рассмотрим несколько разновидностей синтаксической конструкции с данным предлогом, для каждой из них определяя функционально-семантические особенности анализируемой единицы. Кроме того, учитывая необходимость устранения многочисленных лексикографических лакун в описании служебных слов, считаем важным предложить дефиниции предлога *muna*, которые могут лечь в основу соответствующей словарной статьи.

Пожалуй, наиболее полное на сегодняшний день описание данной единицы представлено в работах Е. С. Шереметьевой, где *muna* включён в категорию отымённых релятивов – особых языковых средств, которые «возникают на базе имени существительного, сохраняют с ним функционально-семантическую и грамматическую связь» (Шереметьева: 2011). Кроме того, отымённые релятивы «обладают ярко выраженной лексичностью, обусловленной сохранением связи с базовым именем» (Там же). Полностью соглашаясь с такой квалификацией, в рамках данной работы всё же считаем наиболее последовательным ограничиться универсальным (хотя и в определённой степени размытым) термином *предлог*, подчёркивающим функцию показателя связи между существительными в предложных конструкциях, через которые мы и будем анализировать единицу *muna*.

По отношению к обширной словарной статье, предложенной Е. С. Шереметьевой (Служебные слова в лексикографическом аспекте: 91–99), представленное в настоящей работе описание имеет комплементарный характер, что проявляется в ряде положений. Во-первых, Е. С. Шереметьева определяет инвариант значения релятива *muna*, в то время как мы анализируем разные типы его реализа-

ции, которые специфическим и не самым очевидным образом уточняют данный инвариант и, следовательно, также заслуживают индивидуального описания. Во-вторых, мы обнаруживаем особый случай фразеологизации рассматриваемой предложной конструкции *что-то типа того*, не представленной в словарной статье Е. С. Шереметьевой. В-третьих, если Е. С. Шереметьева составляет полноценный лексикографический портрет, незаменимый в узкоспециальных лексикографических источниках, рассчитанных на профессионалов, то в данной работе с помощью метода компонентного анализа мы предлагаем простое и компактное толкование описываемых синтаксических моделей, доступное любому носителю языка и потому вполне подходящее для толковых словарей для широкой аудитории.

Контекстной базой настоящего исследования послужил архив личных сообщений одной учётной записи социальной сети «ВКонтакте», состоящий из более чем 320 тысяч сообщений. Примеры приводятся в исходном виде или с незначительными изменениями, помеченными графическими символами: знак «←» маркирует переход коммуникативного хода в диалоге, знак «|» – границу сообщений одного пишущего, двойной астериск (*...*) указывает на авторскую эвфемизацию табуированной лексики, в квадратных скобках ([...]) содержатся восстановленные фрагменты предложения, необходимые для его адекватной интерпретации, а в фигурных ({...}) – пояснения энциклопедического характера.

Также отметим, что в некоторых сообщениях, использованных в качестве примеров, встречается ненормативное написание *типо*. В рамках данной статьи мы не будем комментировать особенности графического оформления и их взаимосвязь с функционально-семантической спецификой обозначенных слов, так как эта обширная тема требует отдельного, объёмного исследования.

2. Как известно, предлог *типа* образуется от имени существительного *тип* в форме единственного числа, родительного падежа (*типа*) с помощью конверсии. Для того чтобы описать производную служебную единицу, сначала уточним содержание производящего существительного. Приведем толкования первого, исходного значения слова *тип* из «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (Словарь русского языка; далее – МАС) и «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (Толковый словарь русского языка; далее – СОШ).

- «‘Образец, модель или разновидность, форма, которым соответствует известная группа предметов, явлений’. *Типы пассажирских самолетов. Типы почв. Типы производственных отношений. Партия нового типа*» (МАС: 365).

- «‘Форма, вид чего-н., обладающие определёнными признаками, а также образец, к-рому соответствует известная группа предметов, явлений’. *Типы рельефов. Славянский т. лица. Т. автомобиля*» (СОШ: 798).

Как видим, оба словаря отмечают наличие в структуре сигнификата семы ‘модель, форма, разряд’.

Еще одно значение, зафиксированное в данных словарях, отличается от первого только тем, что при его актуализации в обобщенном виде представляется не «известная группа явлений» а известная группа лиц.

- «‘Разряд, категория людей, объединённых общностью каких-н. внешних или внутренних черт’. *Он очень замкнут я не люблю людей этого-а*» (Там же).

- «‘Разряд, категория людей, объединённых какими-л. характерными чертами (социальными, профессиональными, нравственными), а также яркий представитель какой-л. такой группы’. *Блинов презирал Жарковского, он не выносил людей этого типа, ловкачество и карьеризм были ему органически противны. Н. Никитин. Это было в Коканде*» (МАС: 365).

Учитывая выявленные сходства данных значений, объединим их в одно и обозначим соответствующую лексему как *тип*₁. Также отметим, что в качестве единого термина, обозначающего предметы, лица и иные категории фрагментов действительности, мы будем использовать слово *предмет*, так как оно отражает общее грамматическое значение имён существительных, входящих в состав анализируемой конструкции.

Таким образом, предполагается, что, используя лексему *тип₁*, говорящий заявляет известную группу предметов, представляя ее в виде обобщенной модели, сформировавшейся на основе общих для представителей данной группы признаков. Подтвердим этот тезис на примере одного из множества употреблений лексемы *тип₁*, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка.

1. *Кроме того, предлагается ввод дополнительных параметров для каждого **типа** листов и деталей.*

Листы и детали обладают определенными признаками, и разные характеристики данных объектов требуют ввода разных параметров в обрабатывающие их устройства. Слово *тип₁* в данном предложении используется для обозначения подкласса, или типа (под данными словами понимаем одно и то же), листов и деталей, имеющих одинаковые свойства, а значит, требующих ввода одинаковых параметров. Итак, с помощью употребления имени существительного *тип₁* некоторая совокупность имеющих общие признаки предметов выражается в виде абстрактного единства, представителями которого и являются данные предметы.

3.1 Служебная единица *типа*, как мы уже отмечали выше, образуется с помощью конверсии от имени существительного *тип₁* в форме единственного числа, родительного падежа. В лексикографических источниках можно обнаружить несколько описаний данной единицы. Проверим актуальность и достаточность этих описаний на примере сообщений из контекстной базы.

СОШ фиксирует предлог *типа* в словарной статье с вокабулой «тип», предлагая следующую дефиницию:

• «*~а кого (чего)*, в знач. предлог с род. п. ‘Вроде, наподобие кого-чего-н’. *Устройство ~а центрифуги. Гостиница ~а пансионата. Люди ~а Самгина*» (СОШ: 798).

В контекстной базе действительно находим немало сообщений с единицей *типа* в функции предлога.

2. – *Че за [кибер]понедельник?*

– *Это такая акция **типа** черной пятницы*

3. – *Не хотите в цивку {компьютерная игра Sid Meier's Civilization V}?*

– *А в дисайпль {компьютерная игра Disciples 2}???*

– *Эт шо*

– *[Это] пошаговая стратегия **типа** героев 3 {компьютерная игра Heroes of Might and Magic III}*

4. *просто меня вводит в ступор че за едука {образовательный портал educa.isu} гособская? | [Это] что-то **типо** сервисного хранилища или какая-то подобная *фигня**

В конструкциях с данным предлогом (S_x *типа* S_y) сохраняется регулярное для имени существительного *тип₁* обозначение класса предметов, сформированного на основе общих свойств: этот класс в таких конструкциях обозначен знаменательной лексической единицей, выступающей в качестве главного слова (S_x) в синтаксической связи с предлогом *типа*. Также в данной конструкции указывается представитель класса (S_y), по которому можно судить о признаках, формирующих актуальный для коммуникативной ситуации подкласс (*акции типа чёрной пятницы, пошаговые стратегии типа героев 3* и т. п.). Как представляется, препозиционализация имени существительного *тип₁* происходит с целью диверсификации синтаксических моделей, выражающих идею группировки однородных предметов в классы и подклассы.

Однако такое описание не подходит для интерпретации 4 примера, так как местоимение *что-то* не называет никакой класс; подобные случаи нуждаются в отдельном анализе. В 4 контексте с помощью конструкции S_x *типа* S_y пишущий, как кажется, выражает ход своих мыслей: неизвестный ему предмет (образовательный портал educa.isu, обозначенный местоимением *что-то*) определяется через сходство с известным (сервисное хранилище) посредством их объединения в один тип. Таким образом, S_x *типа* S_y в данном случае отражает процесс познания нового фрагмента действительности, выраженного единицей S_x .

Важно отметить, что возможность замещения валентности S_x местоимением появляется только в обороте с предлогом (ср. **тип чего-то*). Данный факт, как нам кажется, свидетельствует о том, что в такой форме конструкция S_x *типа* S_y позволяет вербально зафиксировать актуальные результаты когнитивной операции соотнесения, на основании которой и осуществляется группировка. В этом

смысле S_x *типа* S_y противопоставляется конструкциям с именем существительным *тип1*, отражающим гораздо более прочно закреплённые в языке и мышлении итоги соотнесения однородных предметов.

Принимая во внимание данные соображения, сформулируем общее описание анализируемой синтаксической модели, обозначив её как $S_x(\text{что-то})$ *типа* S_y . Сконцентрируемся при этом на самом механизме соотнесения с целью выявления подобия, а не на результате осуществляемой с помощью этого соотнесения группировки. Данная конструкция используется для выражения двухэтапной **идентификации** некоторого предмета. На первом – факультативном – этапе осуществляется отнесение идентифицируемого предмета к определённом классу (S_x). Если это невозможно или неактуально, то валентность S_x замещается неопределённым местоимением *кто-то* или *что-то*. На втором – обязательном – этапе утверждается сходство идентифицируемого предмета с другим предметом (S_y), которое при условии знаменательности S_x также относится к соответствующему классу и, по мнению пишущего, больше похоже на идентифицируемое, чем иные представители этого класса. В связи со спецификой языкового отражения процедуры идентификации именные группы, соответствующие данной конструкции, в предложении стандартно выполняют функцию сказуемого (*киберпонедельник – это акция типа черной пятницы; дисайплс – это пошаговая стратегия типа героев 3; едуча – это что-то типа сервисного хранилища* и т. д.).

Таким образом, значение данной конструкции вполне соответствует описанию, предложенному Е. С. Шереметьевой: «Употребляя *типа*, говорящий характеризует предмет или явление, приписывая ему, путем установления соответствия, обобщенные отличительные черты другого, известного адресату предмета или явления» (Шереметьева: 355).

Завершая описание модели $S_x(\text{что-то})$ *типа* S_y , рассмотрим особый случай её фразеологизации. Сочетание *что-то типа того*, где местоимение *что-то* отсылает к ранее заданному вопросу, выступает в качестве фразеологической утвердительной частицы, выражающей неуверенность пишущего в собственном ответе и/или приблизительность этого ответа. Отметим, что данное сочетание может быть сокращено до *типа того* и даже до *типа*.

5. – ну вы встречаетесь?

– **что-то типа того**

6. – Убрал снег?

– **типа того**

7. – Ну и чё все молчат?? | Всё в силе {о планировавшейся встрече}?

– **Типо**

Также считаем необходимым прокомментировать различие между значениями неуверенности и приблизительности при выражении утверждения с помощью описываемого сочетания. В 6 контексте пользователь, отвечающий на вопрос о совершённой им же уборке снега, не может быть неуверен в своём ответе, в связи с чем делаем вывод, что снег был убран не полностью или не слишком качественно; следовательно, рассматриваемая фразеологическая частица выражает значение приблизительности. В 7 же примере, учитывая молчание других участвующих в чате пользователей, заключаем, что отвечающий вероятнее всего просто не уверен в том, что встреча действительно состоится, и эту неуверенность он выражает с помощью фразеологической частицы, сокращённой в данном случае до одного слова *типа*. Наконец, иногда содержащейся в контексте информации недостаточно, для того чтобы определить точное значение описываемого сочетания. Так, при интерпретации 5 примера нельзя с уверенностью сказать, сомневается ли отвечающий в своём утверждении или сообщает о его приблизительности.

3.2. Однако и на этом семантическое описание конструкции с предлогом *типа* не заканчивается. Обратимся к ещё одной группе контекстов.

8. как мафиози {игрок в «Мафию»} со стажем | хочу *организовать* в универе кружок психологических игр **типа** мафии

9. – У меня уже полкурса замужем, да

– Правда?

– Юля Самсонова, Диана Ведерникова, Аня Винокурова | Ну это кого я видела, может и еще кто. Девчонки **типа** Полины, Иры, Насти Субботиной и той что на психолога собиралась вообще потеряны

10. Ты не покупал чонить **типа** сосисок? | Или колбасы?

Как видим, в этих трёх примерах обнаруживается существенное расхождение реальной функции анализируемого предлога с дефиницией из СОШ. Если предлог *наподобие*, приведённый в СОШ в качестве синонима *типа*, употребляется для указания на сходство актуального участника ситуации с кем- или чем-либо, то конструкция с предлогом *типа* в данных контекстах позволяет представить участника ситуации в виде представителя подкласса, к которому помимо него всегда относится кто-то или что-то ещё. Так, *девчонки наподобие Полины, Иры Насти* значит примерно то же, что *девчонки, похожие на Полину, Иру, Настю*, в то время как в 9 контексте конструкция *девчонки типа Полины, Иры, Насти* означает ‘Полина, Ира, Настя и другие девчонки, по определённому критерию объединённые в один подкласс’. Следовательно, констатируем наличие у анализируемого предлога ещё одного типа употребления.

Опишем эту разновидность конструкции S_x *типа* S_y на примере 8 контекста: зависимое слово S_y (*мафия*) обозначает – в данном случае в составе словосочетания – участника соответствующей ситуации (*хочу организовать кружок мафии*), выступающего в качестве наиболее актуального и/или показательного представителя подкласса класса S_x (*психологические игры*) и тем самым косвенно общающего о признаках (известные адресату отличительные свойства игры «Мафия»), на основании общности которых предметы, названные и неназванные («Мафия» и другие психологические игры), объединяются в этот подкласс (*психологические игры типа мафии*).

Но и в этой группе контекстов находим выделяющийся из общего ряда пример, содержащий местоимение в качестве главного слова в конструкции S_x *типа* S_y . Как представляется, пишущий в 10 контексте включает названные предметы (*сосиски и колбаса*) в некий неопределённый, сиюминутно сформированный класс, подразумевая его расширение другими, подобными им предметами. При этом признаки, определяющие подобие, могут быть в данном случае любыми, важно лишь быть уверенным в адекватности их восприятия адресатом. Так, потенциально синонимичное сочетание *мясные изделия типа сосисок* однозначно задаёт общий для всех представителей класса признак, в то время как исходный оборот *что-нибудь типа сосисок* может означать *моя любимая еда типа сосисок, питательная еда типа сосисок, что-нибудь к обеду типа сосисок* и т. д. и в этом смысле отличается особой гибкостью, недоступной конструкциям S_x *типа* S_y со знаменательным словом в качестве главного.

Особенно важно то, что в данном контексте, в отличие от рассмотренного ранее 4 примера, употреблено местоимение *что-нибудь*, а не *что-то*. Как кажется, различие между этими единицами лежит в основе дифференциации разновидностей анализируемой конструкции (именно поэтому для их формального разграничения мы используем данные неопределённые местоимения). Так, *что-то* указывает на конкретный неопознанный предмет, и его использование в качестве S_x сообщает о семантическом акценте на единичности этого предмета, в то время как *что-нибудь* указывает на «безразлично какой предмет из ряда подобных» (МАС), что в контексте описываемой синтаксической модели отсылает именно к группе этих предметов, а не к какому-то одному из них.

В связи с этим мы предлагаем обозначать второй тип употребления анализируемой конструкции как S_x (*что-нибудь*) *типа* S_y . При её использовании наиболее актуальным для пишущего является уже не первичный процесс идентификации с помощью выявления подобия, а **результат сиюминутной группировки**, который также выражается в два этапа. На первом этапе вводится некоторый класс предметов (S_x). Отметим, что знаменательный S_x обычно стоит во множественном числе, выражает значение множественности или подразумевает множественность (*психологические игры, девчонки, какое-нибудь захолустье* и т. п.). Если же данный класс не имеет конвенционального имени, валентность S_x замещается неопределённым местоимением *кто-* или *что-нибудь*, указывающим на любого члена сиюминутно сформированного безымянного класса. На втором этапе обозначаются представители этого класса (S_y), непосредственно участвующие в ситуации и объединённые общими признаками, знание которых предполагает мысленное продолжение ряда подобными предметами. У именных групп, соответствующих данной модели, нет стандартной синтаксической функции.

Отметим, что в словарной статье Е. С. Шереметьевой примеры с рассмотренной разновидностью конструкции S_x типа S_y , хотя и встречаются в иллюстративном материале, не выделяются в отдельную, самостоятельную группу, а неопределённые местоимения *что-то* и *что-нибудь*, как и *кто-то* и *кто-нибудь*, заявляются как потенциальные представители одной функционально-семантической структуры (Служебные слова в лексикографическом аспекте: 96).

4. Теперь, когда мы выявили и охарактеризовали синтаксические модели с предлогом *типа*, стало очевидно, почему традиционные способы толкования значений в данном случае неэффективны. Не говоря уже о том, что значение служебных слов едва ли поддаётся определению вне сентенционных формул, следует признать, что отмеченные выше семантические нюансы, с одной стороны, безнадежно теряются в слишком кратких и зачастую неинформативных статьях толковых словарей и, с другой стороны, ускользают от внимания в тяжеловесных, пространных описаниях научных исследований. Именно поэтому, учитывая острую потребность прикладной лингвистики в обновлении лексикографического фонда, мы решили воспользоваться компонентным анализом для определения значения заявленных моделей в более сжатой и эффективной форме. Данный метод имеет несколько вариантов; из них наиболее подходящим для описания слов служебных частей речи и синтагм с ними является вариант, предложенный Московской семантической школой и подробно описанный в трудах И. М. Кобозевой (Кобозева: 115–122); именно на него мы и будем ориентироваться при работе с языковым материалом.

Учитывая лексикографическую специфику данного метода, заключающуюся в использовании строго выверенного метаязыка, считаем необходимым пояснить, что осуществлённый нами анализ представляет собой единичное описание отдельно взятого слова. В связи с этим при составлении толкований, помимо уже заявленных переменных, обозначающих синтаксические валентности, мы будем пользоваться только средствами естественного языка. Разумеется, при работе с большими объёмами взаимосвязанной лексики предложенные ниже толкования, вероятнее всего, должны быть скорректированы для достижения единообразия в обозначении сем.

Начнём с разновидности $S_x(\text{что-то})$ типа S_y . Так как анализируемый предлог всегда связывает несколько существительных, образуя относительно автономную именную группу, считаем целесообразным описывать именно эту группу, а не целые предложения с ней. Подберём перифразы к соответствующим фрагментам предложений в контекстах 2–4.

- *акция типа чёрной пятницы* = *акция, среди всех акций больше других подобная чёрной пятнице*
- *пошаговая стратегия типа героев 3* = *пошаговая стратегия, среди всех пошаговых стратегий больше других подобная героям 3*
- *что-то типа сервисного хранилища* = *что-то, среди всех предметов больше других подобное сервисному хранилищу*

Обратим внимание на то, что, если в качестве S_x используется неопределённое местоимение *что-то* или *кто-то*, выбор S_y осуществляется не из некоторого класса, а из всех известных говорящему предметов. Также важно отметить, что сам процесс выбора наиболее похожего предмета из некоторого класса ограничен знаниями коммуникантов. Так, рассуждая о 3 контексте, мы не можем сказать наверняка, какая пошаговая стратегия больше всего похожа на «Disciples 2», однако из всех известных пишущему пошаговых стратегий, которые, по его мнению, также известны его собеседнику, автор сообщения считает «Heroes of Might and Magic III» (*герои 3*) наиболее похожим на «Disciples 2» представителем данного класса.

Теперь выявим общую часть данных перифраз, обозначив различающиеся фрагменты уже знакомыми переменными S_x и S_y .

- $S_x(\text{что-то})$ типа $S_y = S_x$, среди всех S_x больше других подобный S_y .

Поясним, что если $S_x = \text{что-то/кто-то}$, то все S_x следует понимать как все предметы ввиду отсутствия классовой отнесённости S_x .

Теперь проведём ту же процедуру для разновидности $S_x(\text{что-нибудь})$ типа S_y . Сформулируем перифразы для соответствующих фрагментов предложений из контекстов 8–10.

- *психологические игры типа мафии* = *мафия и другие психологические игры, подобные ей*
- *девочки типа Полины, Иры, Настя* = *Полина, Ира, Настя и другие девочки, подобные им*

• *что-нибудь типа сосисок или колбасы = сосиски, колбаса или какой-либо другой предмет, подобный им*

Заметим, что при местоименном S_x критерий подобия, в соответствии с которым предполагается продолжение ряда S_y , не привязан к определённому классу, в связи с чем его адекватное восприятие зависит от взаимопонимания между коммуникантами.

Выявим общую часть перифраз, заменив вариативные компоненты переменными S_x и S_y .

• $S_x(\text{что-нибудь}) \text{ типа } S_y = S_y \text{ и/или другие } S_x, \text{ подобные } S_y$.

Выбор между соединительным и разделительным союзами в каждом конкретном контексте продиктован отношениями, возникающими между однородными S_y в рамках определённой ситуации. Как и в случае с предыдущей разновидностью, если S_x выражен местоимениями *что-нибудь* или *кто-нибудь*, то *другие S_x* означает *другие предметы* соответственно.

5. Итак, мы описали функционально-семантические особенности предлога *типа* в составе двух вариаций синтаксической конструкции $S_x \text{ типа } S_y$. Было выявлено, что анализируемая единица перенимает от исходного имени существительного идею соотношения нескольких сущностей и их последующей группировки, однако, в отличие от производящего слова, делает это совершенно иным способом. Так, предлог *типа* используется в составе рассмотренной синтаксической модели, имеющей две разновидности: $S_x(\text{что-то}) \text{ типа } S_y$ и $S_x(\text{что-нибудь}) \text{ типа } S_y$. Первая употребляется для первоначальной идентификации нового предмета с помощью его соотношения с уже известным и, как показал компонентный анализ, имеет следующее значение: ' S_x , среди всех S_x больше других подобный S_y '. Кроме того, соответствующее данной разновидности сочетание *что-то типа того* используется в качестве фразеологической утвердительной частицы, выражающей значения приблизительности и неуверенности. Вторая же используется для отражения результатов сиюминутной группировки некоторого предмета с подобными ему представителями какого-либо класса и, согласно проведённому нами анализу, выражает следующее значение: ' S_y и/или другие S_x , подобные S_y '.

Результаты данного исследования могут быть использованы для адекватной интерпретации рассмотренной конструкции в неофициальной коммуникации, а также для дальнейшего, более подробного изучения предлога *типа* и составления посвящённых ему словарных статей.

Литература

1. Атаева Е. В. Лингвофилософская проблема тождеств и различий: опыт функционально-семантического анализа служебных слов современного русского языка // Записки Горного института. 2011. Т. 193. С. 48–51.
2. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебю. пособ. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 109–122.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. С. 798.
4. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 783 с.
5. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. С–Я / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988. С. 365.
6. Служебные слова в лексикографическом аспекте [Электронный ресурс]: монография / Е. А. Стародумова, В. Н. Завьялов, Е. С. Шереметьева и др. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2017. С. 74–99.
7. Федотов А. Н. К вопросу о значении служебных слов // Наука и Образование. 2019. Т. 2. № 4. С. 120.
8. Шереметьева Е. С. Отыменные релятивы современного русского языка: дисс. ... док. фил. наук. Владивосток, 2011. 407 с.

УДК 811.161.1

ОСВОЕНИЕ РУССКИХ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ДЕТЬМИ-ХЕРИТАЖНИКАМИ И ДЕТЬМИ-БИЛИНГВАМИ

Е. В. Галкина

*Институт физиологии им. И. П. Павлова РАН
Санкт-Петербург, Россия*

С. В. Краснощекова

*Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. *Статья посвящена освоению русских предложно-падежных конструкций двуязычными детьми, проживающими за пределами России. Информантами были русско-шведские, русско-нидерландские и русско-греческие билингвы. Были проанализированы основные ошибки и выявлены стратегии освоения, характерные для детей.*

Ключевые слова: *билингвизм, освоение языка, падеж, предложно-падежная конструкция, речевые ошибки.*

ACQUISITION OF RUSSIAN CASE AND PREPOSITION CONSTRUCTIONS BY BILINGUAL AND HERITAGE LANGUAGE CHILDREN

E. V. Galkina

*Pavlov Institute of Physiology RAS
St. Petersburg, Russia*

S. V. Krasnoshchekova

*Institute for Linguistic Studies RAS
St. Petersburg, Russia*

Abstract. *The paper discusses the acquisition of Russian case and preposition constructions by bilingual children living outside of Russia. The informants were Russian-Swedish, Russian-Netherlandish and Russian-Greek bilinguals. We have analysed the most common speech errors and described the strategies of acquisition used by children.*

Keywords: *bilingualism, language acquisition, case, case and preposition construction, speech errors.*

1. Введение

Исследование механизмов, которые задействуются в освоении русского языка двуязычными детьми в условиях постоянного контакта с другим (чаще всего доминантным языком страны), является по-прежнему актуальным. Для того чтобы постараться ответить на этот вопрос, необходимо сравнить несколько групп детей-билингвов друг с другом и рассмотреть их речевую продукцию с помощью одного и того же инструмента.

Для этой цели нами были выбраны предложно-падежные конструкции (далее ППК), которые обычно не составляют трудностей для русскоязычных детей-монолингвов (Цейтлин 2009), однако двуязычные дети, для которых русский является одним из родных, но не доминантным, могут испытывать большие проблемы при их усвоении ППК (Менг, Протасова 2011; Ringblom 2012).

В данной статье будут рассмотрены особенности, которыми обладают ППК в русском языке двуязычных детей в Голландии, Швеции и на Кипре. В нашем предыдущем исследовании (Рингблом и др. 2018) было обнаружено, что ошибки в ППК в речи билингвов обладали большой вариативностью и включали как обычные ошибки детского сверхгенерализованного типа, так и ошибки, свойственные взрослым, изучающим русский язык как иностранный. Симплификация (то есть упрощение языковых явлений) была, на наш взгляд, основной причиной ошибок.

Однако мы рассмотрели ППК лишь у групп билингвов с близкородственными доминантными языками – шведским и голландским. В греческом же языке – в отличие от шведского и голландского – есть четыре падежа: именительный, родительно-дательный, винительный и звательный (Holton et al 2012). Включив в данное исследование греческий язык, мы постараемся выяснить, являются ли ошибки билингвов в Швеции, Голландии и на Кипре схожими, то есть независимым от доминантного языка страны проживания. Ранее нами уже были документированы основные виды ошибок, совершаемые детьми (Рингблом и др. 2018), однако, помимо фиксирования ошибок в ППК, не менее важным является постараться объяснить причину возникновения наблюдаемых явлений, что, на наш взгляд, будет сделано более наглядно при помощи сравнения с греческим языком.

2. Особенности освоения ППК в русском языке

Для русскоязычных детей-монолингвов предложно-падежные конструкции обычно не представляют трудностей. Формирование словоизменительных парадигм идет от освоения отдельных разрозненных словоформ, которые благодаря наличию контекста воспринимаются в большинстве случаев в нормативных значениях, к формированию системы словоформ, представляющих парадигму отдельного слова, а дальше, путем абстрагирования от лексических репрезентаций к построению системы морфологических форм, определяющей правила конструирования словоформы в каждом конкретном случае, в том числе применительно к квазисловам и малочастотным словам (Воейкова 2011: 195–196, Цейтлин 2009: 40).

Лексические единицы одной части речи в каждый определенный момент могут вести себя по-разному: так, ребенок 2–2,5 лет, при необходимости обозначить прямой объект, может использовать одни существительные в требуемой в данном случае форме винительного падежа, а другие оставлять в форме именительного падежа, например: «дай книжку», но «дай конфета» (Цейтлин 2009: 19). Словоизменительные парадигмы родного языка, в отвлечении от конкретной лексической репрезентации, начинают формироваться в сознании русскоязычного ребенка уже на рубеже второго и третьего года жизни (Кошелев 2009: 60), а к трехлетнему возрасту ребенок может достаточно свободно конструировать словоформы на основе извлеченных из инпута и переработанных правил.

В этом возрасте в речи русскоязычных детей практически не встречаются случаи замены одной падежной формы другой. Причина этого, согласно С. Н. Цейтлин (Цейтлин 2011), заключается в том, что для ребенка, осваивающего русский язык в качестве родного, наименьшей оперативной единицей является субстантивная синтаксема (Золотова 2006). Субстантивные синтаксеммы в русском языке представлены конструкциями, состоящими из существительного в определенном падеже в сочетании с предлогом или без него. Синтаксема выступает в качестве носителя определенной семантической роли и прочно ассоциируется с конкретным падежом. Это справедливо лишь по отношению к одноязычным детям, для которых русский язык является единственным усваиваемым языком.

В случае двуязычия накладывается много других факторов, еще более усложняющих задачу. В речи детей-билингвов, осваивающих русский в качестве второго родного, такие замены довольно частотны и освоение русской именной парадигмы обычно сопряжено со многими трудностями. Во-первых, каждый из шести падежей обладает большим семантическим потенциалом. Во-вторых, при сочетании с предлогами, падежные формы начинают выражать еще большее количество дополнительных значений (подробнее см. (Цейтлин 2013)). Как в любом флективном языке, русские окончания имен кумулятивно выражают грамматические значения падежа, числа, рода. Парадигмы включают значительное количество омонимичных форм: ср. *матери* – родительный или дательный падеж единственного числа, именительный падеж множественного числа; и т.д. Одна и та же флексия ис-

пользуется для маркирования разных падежей в разных склонениях: -у в *другу* – дательный падеж, -у в *книгу* – винительный падеж (Шведова 1980: 473). В формах винительного падежа мужского рода и множественного числа дополнительно выражается значение одушевленности / неодушевленности (*вижу дом / вижу друга*). Кроме того, каждый падеж обладает разнородным набором функций и может быть использован в различных синтаксических структурах: именительный падеж – функция субъекта предикативного признака, номинативная, вокативная и др.; родительный падеж – количества, при отрицании и т.д. (Золотова 2006).

3. Материал и информанты

В данном исследовании приняли участие 25 русско-нидерландских, 25 русско-греческих (кипрских) и 25 русско-шведских симультанных билингов в возрасте от 3 до 12 лет. На момент тестирования дети посещали детские сады или начальную школу. Социоэкономический статус семей варьировался от низкого до среднего класса. Все дети родились и выросли в смешанных семьях, где чаще всего отец – швед, киприот или нидерландец, а мать – русская иммигрантка, приехавшая с новую страну проживания либо до рождения ребенка, либо в течение первых лет жизни ребенка. Доминантным языком для всех детей был язык страны проживания, и все дети посещали учебные заведения на Кипре, в Швеции и в Нидерландах. Большинство родственников и друзей у них тоже говорили на языке страны. Русский язык дети слышали в основном от матери и иногда также от русскоговорящих родственников или друзей, которые либо тоже жили с ними в одном городе, либо с которыми дети встречались во время каникул в России. Некоторые дети посещали уроки русского языка по выходным или ходили в воскресную русскую школу. Большинство родителей были заинтересованы в развитии русского языка у детей. Однако язык страны был явно доминантным для большинства из них.

Материал для данного исследования был собран при помощи разработанного Н. В. Гагариной и коллегами инструмента для сбора нарративов – **Litmus MAIN** / МИАН «Мультиязычный инструмент анализа нарративов» / ТОН («Тест на определение нарративных навыков») (Gagarina et al 2015), созданного в рамках проекта COST Action IS 0804. Инструмент включает в себя четыре набора картинок, по которым испытуемым предлагается рассказать историю; инструкции для проведения эксперимента и оценочные таблицы. Два набора картинок предназначены для пересказа и два – для создания собственной истории. Стандартные тексты для пересказов включены в инструкцию. Каждый ребёнок тестировался индивидуально. После небольшой разминки ребёнку было предложено рассказать историю по картинкам. Ребёнок выбирал конверт с историей и рассказывал, что в ней происходит. После рассказа ребёнку были заданы вопросы на понимание. Материал был записан и транскрибирован в соответствии с CHILDES translation conventions.

4. Результаты

Неправильные падежные окончания были частым типом ошибок у двуязычных детей. В основном, дети выбирали именительный падеж вместо винительного в единственном числе:

- (1) *А кошка хотела брать **маленький птичка*** [маленькую птичку (ж.р)] (Кипр, 5,0);
- (2) *А потом мама захотела принести потом **еда*** [еду (ж.р.)] (Кипр. 4,8),
- (3) *Мама принесла им **червь*** (Швеция, 5;9);
- (4) *И она хотела чтобы взять **козленок*** [козленка (мужской род)] (Кипр. 11,4);
- (5) *И потом лиса хотел **маленький козленок беленький*** [маленького беленького козленка (мужской род)] (Кипр. 11,4);
- (6) *И он хотел **птички*** [птичек] *достать* (Нидерланды, 6,5);
- (7) *Она увидел **козленок*** [козленка (м.р.)] (Швеция, 6,2);
- (8) *Она хочет **возьмимть птенчики*** [птенчиков] (Швеция 5,6).

Эти инновации можно назвать «замороженными падежными формами». Интересно отметить, что были встречены не только случаи употребления «замороженного» именительного падежа, но также и употребление «замороженного» дательного, когда ребенок употреблял верный предлог в дательном падеже, но неверную падежную форму:

(9) *Кушать для этих маленьких птички* [птичек] (Нидерланды 7,3).

Многие из этих ошибок являются ничем иным, как примером смешения падежных флексий внутри одного и того же падежа, то есть дети употребляют верный падеж (винительный), однако вместо формы, которая требуется для одушевленных существительных, используется форма, маркирующая неодушевленные существительные:

(10) *И мальчик был очень хороший потому что взял воздушного шарика* [воздушный шарик (м.р.)] (Кипр, 6,0).

Подобные ошибки характерны и для русских детей-монолингвов, однако в существенно более раннем возрасте.

(11) *Кошка увидела эта бабочка* [эту бабочку (ж.р.)] (Швеция, 6;4);

(12) *Собака потянула кошка за хвост* (Швеция, 5;6).

По причине того, что многие дети не могли сконструировать / извлечь из памяти подходящую синтаксему (предложно-падежную форму), они употребляли как неправильный предлог, так и неправильную падежную форму:

(13) *помогите, я на* [в] *воде* (Кипр, 6,4);

(14) *А кошка выбрала с кустах* [из кустов] (Кипр, 6,0);

(15) *А в дереве* [на дереве] *была рыбка* (Кипр, 7,11);

(16) *Мама пошла на вода* [в воду] (Швеция, 6,4);

(17) *И кусил на хвост* [за хвост] (Швеция 6,8);

(18) *Собака кусила в хвост* [за хвост] (Швеция, 5;6);

(19) *Она залезла в дерева* [на дерево] (Кипр, 6,0);

(20) *«А потом взял от дерева* (Швеция 5,4).

Часто встречались неправильные окончания в винительном падеже единственного числа:

(21) *Она дала птенчикам еда* (Швеция, 5;8).

(22) *И кот лазил на дереву* [на дерево (с.р.)] (Кипр, 11,4) – на наш взгляд, здесь ребенок употребляет неправильную форму, так как воспринимает существительное среднего рода с безударным окончанием как существительное женского рода. Такие ошибки также встречаются и у русских детей-монолингвов, однако в более младшем возрасте (примерно в 3 года).

Частотны также случаи ошибок в статике-динамике (употребление винительного падежа вместо предложного и наоборот):

(23) *Птенчики сидят на дерево* (Швеция, 5;6).

(24) *Кот налез на дереве* [дерево] (Нидерланды 5,5);

(25) *Это птица в дереве* [на дереве] *сидит* (Нидерланды 5,4).

Были отмечены ошибки и в употреблении других косвенных падежей:

(26) *Потом она беспокоилась за малышами* [о малышах] (Швеция, 5;0.);

(27) *Сначала был голубь с детей* [с детьми]. *Потом он оставил детей и улетел* (Нидерланды 7);

(28) *Она хотела кушать давать на маленьких птичках* [маленьким птичкам] (Нидерланды 7,3);

(29) *«Одна птица сидела с тремя цыпленки* [цыплятами] *свои (на) дереве.*» (Нидерланды 7,2).

Были также ошибки, полностью невозможные у русских детей-монолингвов, например:

(30) *А козленок упал в вадой* [в воду (ж.р.)] (Кипр 6,0).

Возможно, подобные формы могут возникнуть по причине того, что у ребенка может «застыть» определенное слово или конструкция, как, например, слово «вода» в вышеописанном примере это может быть не что иное как, например, часть фразы «умыться водой». То же самое может быть характерно и для уже приведенного выше примера (27). Возможно, здесь тоже ребенок усвоил слово *детей* только в одной форме (форме родительного падежа множественного числа). Вероятнее всего, ребенок чаще всего слышал в инпуте именно эту форму.

Некоторые дети чувствовали, что говорят неправильно (или же знали, что может быть и другая форма). Иногда ребенок исправлял себя, что является показателем того, что он слышал «ошибку»:

(31) *Птичка принесла еда... еду...* (Швеция, 5;3).

Другие же дети, напротив, протестовали против исправления:

(32) *Неправильно сказать «кошку», это кошка!* (Нидерланды 6;0).

5. Дискуссия и выводы

Как уже известно из предыдущих исследований, в ходе речевого онтогенеза синтаксемы, имеющие одинаковое падежное оформление, могут осваиваться ребенком в разное время и независимо друг от друга. Эта связь формируется под влиянием языкового инпута и закрепляется в сознании ребенка, когда освоение речи происходит еще на неосознанном уровне (Гвоздев 1961, Цейтлин 2009; Воейкова 2011; Цейтлин, Абабкова 2012). Случаи замены одного падежа другим не характерны для русскоязычного ребенка (Цейтлин 2009). Для наших же информантов были характерны такие ошибки.

С другой стороны, многие ошибки детей-билингвов встречаются и у монолингвов, но на более раннем этапе, что подтверждает в свою очередь тезис о том, что процесс освоения русского языка у детей-билингвов похож на освоение языка детьми-монолингвами. Однако, в отличие от монолингвов, у билингвов эти ошибки сохраняются в более старшем возрасте, как, например, употребление неправильных окончаний в винительном падеже единственного числа, характерное и для русских детей-монолингвов возраста около трех лет. Также было показано, что ошибки, которые делает ребенок, живущий в родной стране, в 3–4 года, сохраняются у двуязычного, живущего в другой стране, и в 5–7 лет (Peeters-Podgaevskaja 2008), а порой и дольше.

В примере (22) *...кот лазил на дереву* ребенок, скорее всего, употребляет неправильную форму, так как воспринимает существительное среднего рода с безударным окончанием как существительное женского рода. Однако возможно и альтернативное объяснение подобных инноваций, связанное с фактором билингвизма как такового. Часто у двуязычных детей нет необходимости более внимательного вычленения необходимой конструкции из инпута, так как взрослые и так понимают ребенка и/или не исправляют его. Длительное «отставание» и употребление «замороженных» форм может при недостатке инпута привести к замедленному развитию слабого языка двуязычного ребенка.

Так как основной целью ребенка является сам акт коммуникации, а не правильность речи как таковая (о чем, например, свидетельствует нежелание многих детей-билингвов употреблять другие формы и вообще протест против исправлений), для ребенка могут быть характерны те формы, которые либо наилучшим способом выражают его намерения (пусть даже с помощью двух языков, о чем подробно уже было написано в других работах), либо вообще *хоть каким-то образом* выражают его намерения. Часто коммуникативные потребности ребенка превосходят уровень его лингвистических возможностей. В таких ситуациях ребенок прибегает к стратегии симплификации и использует все доступные ему на данный момент средства. Индивидуальная интерпретация ребенком языковой действительности играет большую роль.

Данное исследование, таким образом, подтверждает тезис, выдвинутый нами ранее (Рингблом и др. 2018) о стремлении двуязычного ребенка к *упрощению* языковых явлений. Это упрощение является просто необходимым ребенку, чтобы справиться с более тяжелой когнитивной задачей усвоения двух языков. Несмотря на то, что усвоение двух языков – естественный процесс, оно все же протекает в условиях постоянного контакта двух (а порой и трех) языков друг с другом. Чтобы разобраться во всем многообразии языковых явлений, ребенок старается обобщить и систематизировать их, на что в свою очередь будет влиять множество разных факторов, все из которых просто нет возможности рассмотреть.

Что касается ППК, то нередко происходит произвольный выбор одной из граммем безотносительно к выполняемой данной граммемой функции. Иногда на выбор граммемы может влиять второй (а порой и третий) язык ребенка, иногда же тут могут быть задействованы совершенно иные механизмы, что можно назвать влиянием фактора билингвизма как такового. Именно поэтому мы и наблюдаем, с одной стороны, огромную вариативность в ошибках ребенка, а с другой – большую схожесть, даже несмотря на то, что доминантные языки у них совершенно разные.

Нашей следующей задачей будет более внимательное рассмотрение закономерностей, существующих у детей, а также тех особенностей, которые характерны для каждой языковой группы. То,

что усложняет более подробный анализ, – это разные потребности детей в русском языке, отмеченные родителями. Для одних детей русский язык является средством ежедневного общения, тогда как для других – просто вторым языком, которым ребенок пользуется лишь с русскоговорящими родственниками матери или в воскресной школе. Поэтому наблюдается много индивидуальных различий между детьми. Развитие (или же сужение) языковых потребностей каждого конкретного ребенка в определенном возрасте тоже необходимо принимать во внимание.

Чтобы понять механизм лингвистических инноваций, необходимо также рассматривать их не как отклонение от нормы, а сами по себе. Эти общие ошибки присущи всем трем группам билингвов, и поэтому основной причиной их возникновения можно считать не языковую интерференцию, а симплификацию и сам факт влияния билингвизма как такового. Однако есть ошибки, которые находятся как бы на периферии, и, скорее всего, именно эти ошибки и будут отличительной особенностью детей определенной языковой группы (Швеция, Кипр или Нидерланды). Именно эти ошибки и создают колорит определенной языковой группы билингвов. У детей были отмечены ошибки окказионального и креативного характера, а также ошибки, присущие лишь детям определенной страны.

Известно, что словоизменительные парадигмы родного языка начинают формироваться в сознании русскоязычного ребенка уже на рубеже второго и третьего года жизни (Кошелев 2009: 60). Возможно, в ситуации недостатка инпута, не усвоив полностью морфологических категорий, ребенок вынужден самостоятельно достраивать их или заимствовать из доминантного языка, что в свою очередь приводит либо к употреблению замороженных и ошибочных форм в течение более длительного времени, чем у одноязычного ребенка, либо к употреблению падежей по «принципу любой граммы». Иногда ребенку требуется больше времени для того, чтобы вообще открыть для себя морфологию. Если в доминантном языке она отсутствует, ребенок, возможно, даже не замечает категорий, отсутствующих в доминантном языке (например, русско-шведский симультанный билингв с доминантным шведским языком может долгое время не замечать, что в русском языке есть падежи и вид глагола (Ringblom 2012)). Часто русского инпута просто недостаточно для того, чтобы усвоить грамматику. Однако употребление падежа по принципу любой граммы становится характерным для ребенка лишь тогда, когда семантические различия между падежами для него начинают размываться (по причине недостатка инпута и недостатка ситуаций, в которых ребенок смог бы по-настоящему понять это различие).

Литература

1. Воейкова М. Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011. 330 с.
2. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 471 с.
3. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
4. Кошелев А. Д. О когнитивных факторах развития детской речи // Проблемы онтолингвистики. 2009. Мат. межд. конф. 17–19 июня 2009 г. СПб.: Златоуст, 2009. С. 54–60.
5. Менг К., Протасова Е. Интеракционная грамматика раннего билингвизма // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 221–234.
6. Рингблом Н., Краснощекова С. В., Галкина Е. В. Предложно-падежные конструкции в речи русско-голландских и русско-шведских двуязычных детей в сравнении со студентами, изучающими русский язык как иностранный // Проблемы онтолингвистики – 2018: Материалы международной научной конференции 20–23 марта 2018 г. Иваново: ЛИСТОС, 2018. С. 149–154.
7. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
8. Цейтлин С. Н. Языковые правила как руководство к речевой деятельности. Онтолингвистика – наука XXI века. Мат. межд. конф. 4–6 мая 2011 г. СПб.: Златоуст, 2011. С. 31–36.

9. Цейтлин С. Н. Лингвистические этюды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. 408 с.
10. Цейтлин С. Н., Абабкова М. И. Освоение субстантивных синтаксем русскоязычным ребенком и инофоном // Путь в язык: Одноязычие и двуязычие. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 164–190.
11. Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
12. Gagarina N., Klop D., Kunnari S., Tantele K., Välimaa T., Balčiūnienė I., Bohnacker U., Walters J. Assessment of narrative abilities in bilingual children // Assessing multilingual children. disentangling bilingualism from language impairment. Bristol: Multilingual Matters, 2015. P. 243–276.
13. Holton D., Mackridge P., Philippaki-Warbuton I. Greek: a comprehensive grammar of the modern language. 2nd ed. London: Routledge, 2012. 688 p.
14. Peeters-Podgaevskaja A. V. Problems of the acquisition of Russian as L2 in children aged 5 to 7, and compilation of an appropriate language course // Literature and beyond: Festschrift for Willem G. Weststeijn on the occasion of his 65th birthday. Amsterdam: Pegasus, 2008. P. 609–627.
15. Ringblom N. The acquisition of Russian in a language contact situation: A case study of a bilingual child in Sweden: Doctoral dissertation. Stockholm: Acta Universitatis Stockholmiensis, 2012. 276 p.

УДК 811.161.1

МЕСТОИМЕНИЕ «САМ» И ВОЗВРАТНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ: НАСКОЛЬКО «ВОЗВРАТНЫМ» ЯВЛЯЕТСЯ «САМ»?

С. В. Краснощекова

*Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия*

***Аннотация.** В статье рассматривается освоение русскоязычными детьми местоимений сам, себя и свой. Анализ материала показывает, что сам и возвратные на раннем этапе развития речи обладают сходными онтогенетическими и референциальными чертами, однако не настолько сближаются, чтобы причислять сам к возвратным.*

***Ключевые слова:** детская речь, освоение языка, местоимение, возвратные местоимения, определительные местоимения.*

PRONOUN SAM ‘SELF’ AND REFLEXIVE PRONOUN IN CHILDREN’S SPEECH: TO WHAT EXTENT SAM IS “REFLEXIVE”?

S. V. Krasnoshchekova

*Institute for Linguistic Studies RAS
St. Petersburg, Russia*

***Abstract.** The article discusses the acquisition of pronouns sam ‘self’, sebja ‘(one)self’ and svoj ‘one’s own’ in Russian children. The data analysis shows that sam and reflexive pronouns have common acquisitional and referential features, but are not close enough to consider sam a real reflexive pronoun.*

***Keywords:** first language acquisition, children’s speech, pronouns, reflexive pronouns, determinative pronouns.*

1. Введение

Местоимение *сам* в русском языке относится к разряду определительных местоимений, наряду с местоимениями «всеобщности» типа *весь*, местоимением *иной* и пр. *Сам* и *самый* объединяются в подразряд «местоимений самостоятельности». Базовые значения определительных местоимений обычно принято описывать как недейктические, кванторные: основным значением *сам* при таком подходе считается выделительное / интенсифицирующее (*поговорил с самим директором*) (Шувалова 2007). Тем не менее, отмечают, что *сам* по значению и функциям стоит близко к возвратным местоимениям, в первую очередь *себя*: когда *сам* используется в значении «самостоятельности» (*он это сделал сам*), оно становится дейктическим и переходит из определительного разряда в возвратный; иногда *сам* называют в числе возвратных местоимений (Городец и др. 2018). Функциональную связь между *сам* и *себя* доказывают в том числе сочетания типа *самому себе*, а также тот факт, что в языках мира значения *сам* и *себя* зачастую выражаются одной и той же лексемой (ср. местоимения на *self* в английском) (Adames 1994). *Сам* сближается с возвратными не только по значению, но и по синтаксическим свойствам: будучи употреблено в возвратном значении, оно подчиняется принципам анафорического связывания и, как и *себя*, «привязывается» к субъекту предложения, т.е. относится к тому же референту, что и он.

В онтогенезе возвратные характеристики *сам* выходят на первый план. В работах, посвященных освоению ребенком категории лица и персонального дейксиса, неоднократно указывалось на близость *сам* к личным местоимениям: так, некоторые дети используют *сам* вместо личного имени или *я* для референции к себе самим, на том этапе, когда личное местоимение еще не освоено (Доброва 2003: 309–310); такой же рисунок освоения характерен в речи некоторых детей для *свой*, которое употребляется вместо *мой* (Чиглова 2022). По нашим наблюдениям, выделительное значение *сам* маргинально в речи маленьких детей и осваивается не раньше 3–4 лет, т.е. до этого возраста *сам* ведет себя или как возвратное (в высказываниях, где присутствует антецедент, с которым оно анафорически связывается), или как личное (в контекстах, где оно используется изолированно, без кореферентного выражения).

Тем не менее, мы не можем полностью отрицать наличие у *сам* черт, характерных для кванторных местоимений, и считать его абсолютным аналогом возвратного *себя*, даже в речи маленького ребенка. Цель данной статьи – ответить на вопрос, насколько «возвратным» является *сам* в речи детей, до какой степени оно сближается с *себя* и *свой*. Для этого мы предполагаем проследить пути развития *сам*, с одной стороны, и *себя* и *свой*, с другой, в речи нескольких русскоязычных детей, и выявить различия и сходства между ними.

2. Материал и количественные результаты

Материалом исследования послужили данные лонгитюдных наблюдений за речью пяти детей, предоставленные Фондом данных детской речи ИЛИ РАН и РГПУ им. А.И. Герцена: корпуса Вани, Вити, Лизы, Кирилла и Филиппа. Использовались расшифровки аудио- и видеозаписей в формате CHILDES с морфологической разметкой. Контексты с анализируемыми местоимениями – *сам*, *самый*, *себя* и *свой* – были извлечены из корпусов методом сплошной выборки, общее число контекстов составило 433. *Самый* привлекается для сравнения только потому, что наряду с *сам* относится к подразряду «местоимений самостоятельности», хотя не имеет анафорических черт и обычно не сопоставляется с возвратными. Данные по числу местоимений в корпусе каждого из детей приводятся в таблице 1, там же указан возраст (в формате «год, месяц»), в котором каждое из местоимений фиксируется впервые.

Уже первичное представление данных позволяет заметить различия между *сам* и строго возвратными местоимениями как в возрасте освоения, так и в частотности использования. Хотя стратегии всех детей различны, у большинства *сам* появляется значительно раньше, чем *себя* и *свой*: между возникновением *сам* и *себя* либо *свой* проходит около полугода. Исключение составляют Лиза, у которой рано появляются возвратные местоимения, и Кирилл, у которого, наоборот, поздно осваивается *сам*: у этих детей разрыв между *сам* и *себя* / *свой* составляет 2–3 месяца. Что касается частотности, то

сам употребляется значительно чаще, чем любое из возвратных: если принять за 100% общее количество контекстов с анализируемыми местоимениями в корпусе каждого ребенка, то *сам* занимает от 38% (Кирилл) до 80% (Филипп), в то время как число словоупотреблений *себя* или *свой* не превышает 20%. Таким образом, *сам* по двум параметрам (частотности и времени освоения) оказывается более значимым в детской речи, чем *себя/свой*.

Таблица 1

Абсолютное количество контекстов с местоимениями
сам, самый, себя, свой

	возраст наблюдений	сам	самый	свой	себя	Всего
Ваня	1;5–3;6, 4;0	73 (2,0)	12 (3,2)	18 (2,8)	18 (2,8)	121
Витя	2;0–3;0, 3;6, 4;0	84 (2,0)	4 (2,7)	11 (2,11)	14 (2,7)	113
Кирилл	1;7–3;0, 4;2, 4;3, 4;6, 5;7, 5;8, 5;10, 6;0, 6;2, 6;4–6;6	44 (2,4)	33 (2,9)	25 (2,6)	14 (2,11)	116
Лиза	1;6–3;0, 3;5–3;7, 3;10, 4;1	26 (1,9)	2 (3,7)	13 (2,0)	11 (2,0)	52
Филипп	1;5–2;8	25 (1,6)	0	2 (2,5)	4 (2,1)	31

Нужно заметить, что, по сравнению с местоимениями других разрядов – личными, указательными, вопросительными, – и *сам*, и *себя/свой* находятся на периферии по частотности: их число в речи детей относительно невелико. В связи с этим представляется разумным оперировать не процентными, а абсолютными цифрами, несмотря на разный объем корпусов.

Сопоставим далее освоение *сам* и *себя/свой* в корпусах разных детей по отдельности, наложив друг на друга графики развития каждого местоимения, а затем рассмотрим подробнее особенности анафорического связывания данных местоимений в речи детей.

3. Развитие местоимений *сам, себя, свой* в речи детей

3.1. Ваня

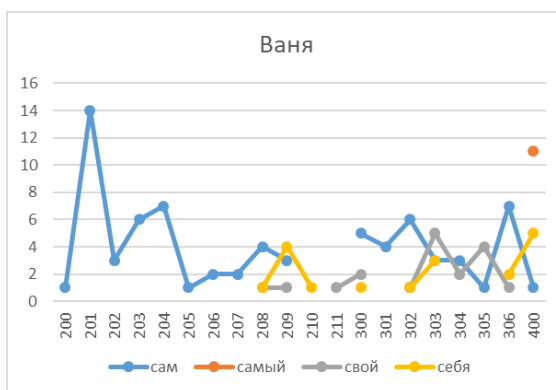

Рис. 1. Местоимения в речи Вани

Местоимение *сам* возникает у Вани в возрасте 2;0; оба возвратных местоимения – через 8 месяцев, в 2;8. На первом этапе *сам* используется очень активно: Ваня заявляет о желании или способности выполнить какое-либо действие самостоятельно, используя одиночное *сам* изолированно или в роли субъекта при глагольной конструкции (1).

(1) *Карандашиком рисую сам* (Ваня, 2,1).

Через несколько месяцев бурного использования частотность *сам* резко падает: у Вани это происходит в 2,5 и не коррелирует с увеличением или уменьшением роли других местоимений, имеющих отношение к 1-му лицу, в его речи: «взрыв» личных местоимений у него начинается в 2,8, когда резко возрастает число контекстов с *я* (Voeikova, Krasnoshchekova 2020: 186); в этом же месяце возникают возвратные местоимения. Возможно, здесь наблюдается эффект «зоны ближайшего развития»: личные и возвратные местоимения еще не начали использоваться активно, но активность ис-

пользования *сам* уже снижается заранее – языковая система ребенка готовится к появлению новых элементов, способных заменить его. Схожие наблюдения были сделаны Г. Р. Добровой: автор отмечает, что «у всех наблюдавшихся нами детей этот этап, когда ребенок вдруг начинает активно использовать слово “сам”, начинается постепенно “сходить на нет”, и на смену “сам” приходит первая относительно устойчивая форма самореференции – личное имя или личное местоимение» (Доброва 2003: 310).

Между 2,9 и 3,0 *сам* вообще не фиксируется в материале Вани; после этого «разрыва» частотность немного возрастает, а затем опять снижается. Параллельно развиваются возвратные местоимения: их частотность в целом крайне низка, но освоение идет стабильно: за исключением возраста 3,1, в другие месяцы в речи Вани устойчиво фиксируется хотя бы одно возвратное местоимение. Только после 3,2 обобщенные рисунки освоения возвратных местоимений и *сам* начинают совпадать; вероятно, это косвенно доказывает, что до этого возраста *сам* в языковой системе Вани не связано с возвратными и осваивается отдельно.

3.2. Витя

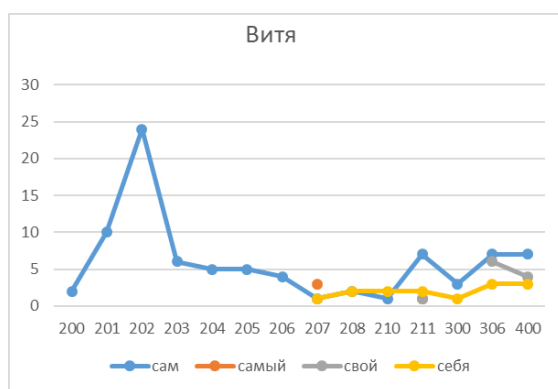

Рис. 2. Местоимения в речи Вити

В речи Вити *сам* возникает тогда же, когда и у Вани, – в 2,0, но путь его освоения отличен: после всплеска частотности в 2,1–2,2 уже в 2,3 (на 2 месяца раньше, чем у Вани) наступает резкий спад, после которого частотность *сам* остается на одном и том же низком уровне. Не фиксируется также «разрыв» в использовании *сам*, однако между 2,7–2,10 его частотность падает до самых низких значений (что совпадает с началом использования возвратных местоимений), а затем снова немного возрастает. Личные местоимения, в первую очередь *я* и *ты*, начинают активно употребляться в 2,5 (Voeikova, Krasnoshchekova 2020: 194–195): как и у Вани, падение частотности *сам* происходит за несколько месяцев до этого. На раннем этапе *сам* употребляется не изолированно, как у Вани, в сочетании с личным именем: *Витя сам*, позже *Витюшик сам*; конструкция распадается только после 2,5. Интересно, что *сам* после этого не начинает сразу использоваться при личном местоимении, как можно было бы ожидать, учитывая, что именно в этом возрасте личные местоимения становятся регулярными, а 2–3 месяца употребляется как самостоятельное подлежащее (2); *я сам* впервые фиксируется только в 2,7.

(2) *Рисовать сам будет* [= буду, референция к 1-му лицу] (Витя, 2,5).

Возвратные местоимения в основном представлены местоимением *себя*, которое отмечается в речи Вити регулярно; местоимение *свой* до 3,6 почти не используется. Хотя частотность возвратных местоимений у Вити в целом ниже, чем частотность местоимения *сам*, в его речевом онтогенезе есть этапы, когда рисунки освоения местоимений хорошо совпадают: это этап низкой частотности (2,7–2,8) и этап, когда местоимения выходят примерно на один уровень, что происходит после 3,6. Вероятно, в языковой системе Вити местоимение *сам* в большей степени сближается с возвратными, чем в языковой системе Вани.

3.3. Лиза

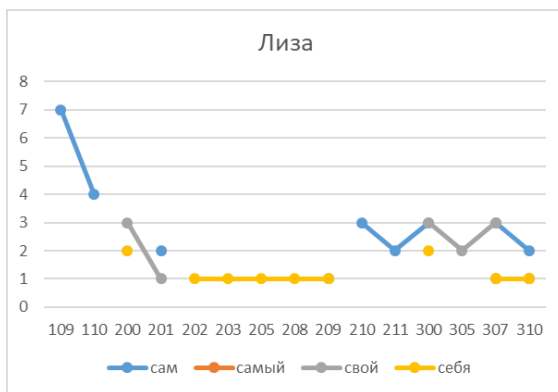

Рис. 3. Местоимения в речи Лизы

Корпус Лизы почти не дает материала: Лиза, ребенок, предпочитающий референциальную стратегию (Доброва 2018: 38), использует и возвратные местоимения, и *сам* крайне редко. Тем не менее, даже на основании имеющихся скудных данных можно заметить, что освоение местоимений у Лизы «сдвинуто» на несколько месяцев назад: *сам* возникает в 1,9 (на 3 месяца раньше, чем у Вани и Вити), а возвратные – уже в 2,0. Появление возвратных местоимений совпадает с исчезновением *сам*: создается впечатление, что возвратные и *сам* у Лизы в определенном возрасте находятся в отношениях дополнительной дистрибуции: с 2,2 до 2,9 *сам* вообще не употребляется, но регулярно фиксируется *себя*; в 2,10–2,11, наоборот, возвращается *сам*, но исчезает *себя*. Это может свидетельствовать о том, что для Лизы *сам* является возвратным, т.е. она выбирает на каждом этапе только одно из возвратных (либо *сам*, либо *себя* и *свой*), отбрасывая второй вариант как избыточный. Одновременно *сам* и возвратные фиксируются только в 2,0–2,1 и затем более регулярно начиная с 3,0.

Сходны у Лизы и первые употребления *сам* и *себя*: местоимения используются без привязки к антецеденту, *сам* – изолированно (*Сама!* выражает желание совершить действие самостоятельно (3)), *себя* – изолированно или при глаголе без подлежащего, с референцией к 1-му (4) или 3-му лицу.

(3) Мама: *А зачем ты снимаешь?* – Лиза: **Сама.** – Мама: *Сама, сама* (Лиза, 1,9);

(4) *И себя* [комментарий в родительском дневнике: «рисовала на листе фломастером, но раскрасила “и себя”»] (Лиза, 2,0).

При этом не наблюдается никаких совпадений с ходом освоения личных местоимений, которые становятся регулярными с 2,5 и затем демонстрируют «взрыв» частотности с 2,8 (Voeikova, Krasnoshchekova 2020: 191). Вероятно, стоит предположить, что в языковой системе Лизы *сам* тяготеет к возвратным больше, чем у других детей, но отделяется от личных.

3.4. Филипп

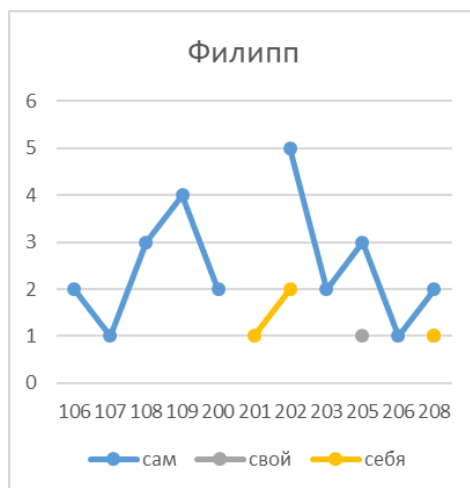

Рис. 4. Местоимения в речи Филиппа

Наблюдение за речью Филиппа заканчивается в 2,8, поэтому в корпусе отсутствуют данные о более позднем возрасте, что ограничивает возможности делать выводы о развитии у него возвратных местоимений, которые, очевидно, становятся регулярными в его речи ближе к 3 годам. *Сам* возникает значительно раньше, чем у других детей, – уже в 1,6; рано фиксируется и первое *себя*, однако, с поправкой на возраст, по рисунку освоения местоимений Филипп сближается скорее с Ваней и Витей, чем с Лизой: как у первых двух детей, у Филиппа проходит около полугода между возникновением *сам* и *себя*, тогда как у Лизы оба местоимения появляются почти одновременно. Тем не менее, стратегия Филиппа имеет одно существенное отличие от стратегий других детей: у него отсутствует этап, когда *сам* используется очень активно; соответственно, нет и значимого спада частотности (таким не может считаться спад с 5 до 2 употреблений в месяц). Не фиксируется и снижение частотности *сам* с началом активного использования личных местоимений: *я* становится активным в 2,2 – в том же возрасте, когда отмечается наибольшее число контекстов с *сам*. Сразу же возникает конструкция *я сам* (5); до этого возраста *сам* употребляется изолированно, в значении 1-го лица.

(5) *Я сам* включу (Филипп, 2,2).

Себя также указывает на 1-е лицо и связывается с *я* в позиции подлежащего. Данные речи Филиппа не позволяют сделать однозначных выводов о взаимодействии *сам* и возвратных в его языковой системе, однако можно заключить, что и *сам*, и возвратные тесно связаны с областью 1-го лица и, уже, местоимением *я*.

3.5. Кирилл

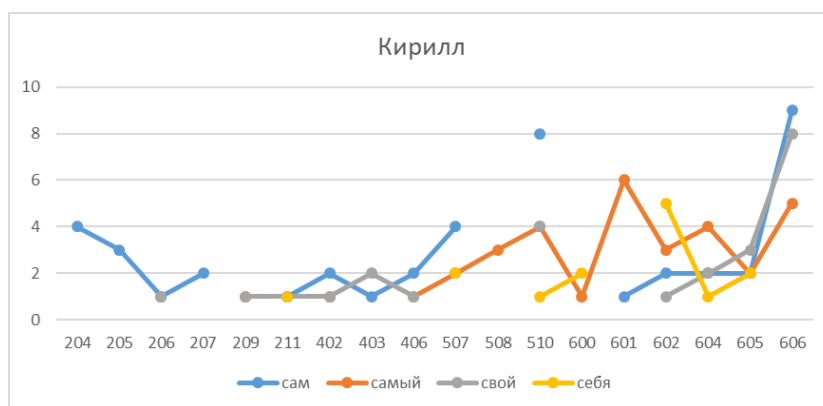

Рис. 5. Местоимения в речи Кирилла

Корпус Кирилла, наоборот, единственный в нашем материале предоставляет данные о развитии речи ребенка после 4 лет. *Сам* возникает у Кирилла позже, чем у других детей, – в 2,4, а *свой* и *себя* примерно в том же возрасте, что у Вани и Вити – в 2,6 и 2,11 соответственно. Не наблюдается однозначного спада частотности местоимения *сам*, хотя существует «разрыв» в несколько месяцев – 2,8–2,11, что сближает стратегии Кирилла и Вани. Несмотря на то, что *сам* появляется тогда, когда грамматическая система Кирилла уже достаточно развита, первые употребления представляют собой одиночные местоимения, отсылающие к 1-му или 2-му лицу, но не связанные с вербализованным антецедентом. Сочетания типа *я сам*, однако, появляются уже через месяц после первой фиксации местоимения. С 4 лет наступает новый этап в развитии местоимения *сам* – оно приобретает, кроме дейктической, выделительную функцию (6). Именно развитием этой функции обусловлен подъем частотности *сам* в конце шестого года жизни.

(6) Кирилл: *Ну, у них есть ребенок, мама.* – Мама: *Угу, а еще кто?* – Кирилл: *Еще? Сам солдат-подросток* (Кирилл, 4,3) – *сам* не в значении «самостоятельности», а в выделительном значении.

Возвратные местоимения практически отсутствуют у Кирилла до 5 лет – *себя* зафиксировано всего один раз за этот период; с 5 до 6 лет они используются sporadически; становятся регулярными и начинают использоваться активно только после 6 лет. Рисунок освоения местоимений Кириллом

позволяет сделать вывод о том, что *сам* в его языковой системе, возможно, сближается с возвратными только в возрасте до 4 лет, но затем четко отграничивается от них.

Обобщая данные речи пяти детей, отметим следующие особенности. Существуют две основные тенденции освоения местоимения *сам*: у некоторых детей оно крайне активно употребляется на самом раннем этапе, а затем следует спад частотности, иногда даже до нуля; это, вероятно, связано с тем, что *сам* отчасти заменяет личные местоимения, в первую очередь – местоимение *я*, и необходимость в нем становится ниже при освоении соответствующей лексики. У других детей *сам* изначально является редким и не демонстрирует значительных скачков частотности. Ни одна из тенденций как таковая не коррелирует с тем, наблюдаются ли в речи ребенка эффекты взаимодействия *сам* и возвратных местоимений. Это взаимодействие, в свою очередь, в разной степени проявляется у разных детей: у некоторых освоение местоимений начинает идти в связке (т.е. начинают совпадать рисунки освоения) в возрасте около 3 лет; у некоторых детей (Лизы в нашем материале) *сам* и возвратные распределены так, что в каждой возрастной точке ребенок тяготеет или к *сам*, или к возвратным, что косвенно доказывает их схожесть для ребенка. Наконец, существуют дети, у которых не наблюдается очевидных признаков взаимодействия. Вероятно, имеет смысл говорить о том, что в языковой системе ребенка *сам* является «еще одним возвратным» лишь постольку, поскольку и оно, и *себя* сближаются с личными местоимениями; прочие совпадения же носят случайный характер. Тем не менее, однозначна дейктическая природа *сам* – дейктические употребления первичны в речи детей по крайней мере до 4 лет. Чтобы выяснить, насколько *сам* и возвратные местоимения близки в детской речи по дейктико-анафорическим свойствам, рассмотрим подробнее конструкции с антецедентами разного дейктического статуса.

4. Референциальные свойства местоимений *сам, себя, свой*

У большинства детей, кроме Вити, *сам* первое время используется в конструкциях с нулевым антецедентом, как самостоятельное местоимение, не связанное анафорически с другим элементом высказывания. Тем не менее, даже изолированное *сам* имеет определенное референциальное значение, т.е. отсылает к одному из лиц. Сопоставим развитие референциальных свойств *сам* и возвратных местоимений в речи разных детей, не учитывая, имеется ли в высказывании вербализованный антецедент.

У Вани референция *сам* начинается с 1-го лица, через месяц добавляется 3-е, а референция ко 2-му лицу возникает уже после освоения возвратных местоимений, в 3 года. Возвратные местоимения, напротив, начинают связываться с 3-м и почти сразу же со 2-м лицом, а 1-е лицо появляется через два месяца, но активно использоваться сочетания с антецедентами 1-го лица начинают только через полгода, в 3,3. Таким образом, у Вани развитие референции *сам* идет по принципу «от центра дейктического поля к периферии», от 1-го лица к 3-му, а развитие референции возвратных местоимений – в обратном направлении; при этом 2-е лицо занимает подчиненное положение по отношению как к 1-му, так и к 3-му.

У Вити референция *сам* начинается формально с 3-го, но фактически с 1-го лица: ребенок говорит о себе в 3-м лице, называя себя личным именем; через месяц осваивается конструкция *я сам*, которая используется нерегулярно, проигрывая частотному варианту *Витя сам*, и вытесняет последнюю только в 2,11, через 9 месяцев после первой фиксации. Референция возвратных местоимений также начинается с 1-го лица и долгое время не развивается: связывание с 3-м лицом отмечается только в 3,6, со вторым – в 4 года. Только в этом возрасте появляются и высказывания с *сам* в значении 2-го лица. Таким образом, развитие референции всех анализируемых местоимений у Вити идет строго от 1-го лица к 3-му, но расширение класса референтов, переход от 1-го лица к другим, требует значительного времени: очевиден примат 1-го лица.

У Лизы референция *сам* начинается с 1-го лица (включая формальное 3-е в сочетании с личным именем: *Лизочка сама*), через несколько месяцев возникает 2-е лицо, и только больше, чем через год, – фактическое 3-е (7).

(7) Мама: *Или они [куклы] приехали в рюкзачке?* – Лиза: *Нет, они, они сами пришли ножками* (Лиза, 2,11).

Возвратные местоимения у Лизы одновременно начинают связываться с 1-м и 3-м лицом, причем 3-е все время превалирует; 2-е лицо вообще не зафиксировано. Таким образом, Лиза идет примерно тем же путем, что и Ваня: референция местоимения *сам* у нее развивается от 1-го лица к 3-му, референция возвратных местоимений – наоборот. Это опровергает нашу выдвинутую в прошлом разделе гипотезу о том, что *сам* в языковой системе Лизы относится к возвратным, т.к. они заменяют друг друга: Лиза использует на каждом этапе развития речи или только *сам*, или только возвратные. Разные пути освоения местоимений доказывают, что *сам* у Лизы отграничено от возвратных, как и у других детей.

У Филиппа референция *сам* развивается по тому же пути, что у Лизы: последовательно, с шагом в несколько месяцев, возникают 1-е, 2-е и 3-е лицо; число контекстов с 3-м лицом крайне невелико, но можно предположить, что это обусловлено тем, что корпус Филиппа ограничен по возрасту – вероятно, в дальнейшем Филипп успешно осваивает референцию к 3-му лицу. Развитие референции возвратных местоимений также начинается с 1-го лица; небольшое число контекстов в корпусе не позволяет сделать однозначных выводов о том, как именно идет дальнейшее их освоение. Таким образом, стратегия Филиппа напоминает стратегию Вити, но отличается от нее тем, что Филипп активно связывает местоимения не только с 1-м, но и со 2-м лицом.

У Кирилла одновременно появляется референция *сам* к 1-му и 2-му лицу, но 3-е фиксируется только после 4 лет – уже после появления возвратных местоимений. С возрастом уменьшается число высказываний с *сам* в 1-м лице и растет число контекстов с *сам* в 3-м лице. У возвратных местоимений последовательно возникает референция к 1-му, 2-му и 3-му лицу, причем используется в основном местоимение *свой* (8), *себя* в речи Кирилла маргинально. С возрастом растет число контекстов с возвратными местоимениями, связанными со 2-м лицом.

(8) [играет с мамой в кошку] Мама: *Мяу, мяу, да, очень хорошо, только вы еще не докрасили.* – Кирилл: *А покажи своими лапами, где?* – Мама: *Ну как будто бы она показала* (Кирилл, 5,10).

Таким образом, Кирилл демонстрирует ту же стратегию, что и Витя: референция *сам* и возвратных местоимений развивается единообразно, от 1-го лица к 3-му. Отличие состоит в том, что у Кирилла меньше выражен примат 1-го лица за счет того, что его корпус охватывает и более старший возраст: после 4-х лет он начинает активно использовать *сам* в значении 3-го лица и возвратные местоимения в значении 2-го лица.

Освоение референциальных свойств местоимения *сам* и возвратных местоимений имеет как универсальные, так и индивидуальные черты. Универсальным является то, что освоение *сам* всегда начинается с 1-го лица, и у всех детей значение 1-го лица *сам* находится на первом месте по частотности. Другие характеристики позволяют выделить несколько стратегий. Существуют дети (Витя, Кирилл), которые до определенного возраста, в нашем материале – до 4 лет, предпочитают 1-е лицо для всех местоимений – как *сам*, так и возвратных; после 4 лет растет частотность 2-го и 3-го лица. Существуют дети (Филипп), у которых все местоимения также проходят путь от 1-го лица к 3-му, но 2-е лицо используется активно с момента возникновения. Наконец, существуют дети (Лиза, Ваня), у которых референция местоимения *сам* развивается от 1-го лица к 3-му, а референция возвратных местоимений – наоборот, от 3-го к 1-му; 2-е лицо при этом обычно почти не используется.

5. Выводы

Анализ материала показал, что, хотя освоение местоимения *сам*, с одной стороны, и возвратных местоимений, с другой, имеет общие черты, нельзя утверждать, что *сам* в языковой системе ребенка является «еще одним возвратным». Сходство заключается в том, что и *сам*, и возвратные на раннем этапе развития речи используются только в дейктической функции и обычно обозначают одного из участников речевой ситуации; либо относятся к 3-му лицу, если референт также включен в речевую ситуацию. С возрастом спектр потенциальных антецедентов расширяется, добавляются неодушевленные референты, возникает референция к участникам, выключенным из непосредственно

наблюдаемой ситуации. Кроме того, у некоторых детей местоимение *себя*, подобно *сам*, на самом раннем этапе может употребляться в конструкциях без антецедента, формируя анафорическую связь с нулевым субъектом предложения.

Тем не менее, рисунки освоения *сам* и возвратных местоимений различны. *Сам* возникает раньше (у разных детей между возникновением *сам* и возвратных проходит от 1 до 8 месяцев) и относится к группе наиболее ранних местоимений наряду с *это* и *всё*, тогда как возвратные принадлежат к относительно поздним низкочастотным дейктическим местоимениям, таким как *тот* и *который*. Развитие референции местоимения *сам* всегда происходит по принципу «от центра к периферии», то есть от 1-го лица к 3-му; развитие референции возвратных местоимений идет разными путями: либо от 1-го лица к 3-му, либо наоборот, от 3-го к 1-му. Нужно заметить также, что существуют дети, до 4-х лет предпочитающие референцию исключительно к 1-му лицу для всех анализируемых местоимений.

У многих детей *сам* обладает характерной особенностью: сразу после возникновения местоимение используется очень активно, затем его частотность резко падает, иногда до нуля, и затем, через несколько месяцев, снова растет, но остается низкой. Это связывают с тем, что *сам* на раннем этапе заменяет для ребенка местоимение *я*, и необходимость в нем отпадает после того, как начинают регулярно употребляться личные местоимения: наш материал в целом подтверждает выводы, сделанные в (Доброва 2003). Возвратные местоимения не имеют такой особенности, что доказывает, что *сам* в определенной степени сближается скорее с личными, чем с возвратными местоимениями. Наконец, по мере освоения *сам* постепенно приобретает недейктические черты и начинает использоваться не только в дейктической, но и в выделительной функции, при этом его частотность снова растет; это происходит после 4 лет.

Таким образом, *сам* в онтогенезе сближается с возвратными местоимениями лишь постольку, поскольку обладает дейктико-анафорическими чертами, но невозможно относить его к возвратным как к разряду.

Литература

1. Горобец В. И., Кульшарипова Р. Э., Горобец Е. А. Статус возвратных местоимений в современных морфологических классификациях и их отражение в тезаурусном описании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 2. С. 332–336.
2. Доброва Г. Р. Вариативность речевого развития детей. М.: Языки славянской культуры, 2018. 264 с.
3. Доброва Г. Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 492 с.
4. Чиглова Е. И. Местоимения «свой» и «себя» в русскоязычном онтогенезе и их роль при освоении категории лица // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2(41). С. 237–240.
5. Шувалова И. Е. О взаимосвязи значений лексемы *сам* // Преподаватель XXI век. 2007. № 3. С. 102–106.
6. Adamec P. Рефлексивность и местоимение *сам* // Revue Des Études Slaves. 1994. Vol. 66. No. 3. P. 437–440.
7. Voeikova M., Krasnoshchekova S. The use of pronouns as a developmental factor in early Russian language acquisition // Referential and Relational Discourse Coherence in Adults and Children. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2020. P. 171–206.

ОСВОЕНИЕ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РЕЧИ РУССКОЯЗЫЧНОГО РЕБЕНКА

Т. А. Круглякова

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются способы выражения падежных значений русскоязычным ребенком по данным лонгитюдных наблюдений и лингвистического эксперимента. Прослеживается эволюция способов выражения инструментатива в речи на родном языке и их отличия от стратегий взрослых иностранцев, изучающих русский язык.

Ключевые слова: Детские инновации, инструментатив, онтолингвистика, семантическая сверхгенерализация

ACQUISITION THE WAYS OF EXPRESSING INSTRUMENTAL MEANING IN THE SPEECH OF A RUSSIAN-SPEAKING CHILD

T. A. Kruglyakova

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The article is about the ways of expressing case meanings by a Russian-speaking child on the data of longitudinal observations and linguistic experiment. The evolution of the ways of expressing instrumentals in the speech in native language and their differences from the strategies of adult foreigners studying Russian is under consideration in the article.

Key words: Children innovations, instrumental, ontolinguistics, semantic supergeneralization.

Постановка проблемы

Осваивая грамматические категории родного и чужого языков, в том числе категорию падежа, человек овладевает системой грамматических значений, представленных в данном языке, и совокупностью способов их выражения. Можно предположить два основных пути уточнения собственных грамматических представлений. В первом случае ребенок, испытывая потребность выразить значение, заимствует падежную форму из языка взрослых сразу вместе с присущим ей значением: тогда флексии творительного падежа появятся именно в тот момент, когда у ребенка возникнет потребность выразить значение совместности или орудия, и количество ошибок выбора будет незначительным. Во втором случае ребенок, испытывая потребность выразить определенное грамматическое значение, будет искать соответствующие формы не в речи окружающих, а в собственном арсенале грамматических средств, расширяя сферу референции уже освоенных падежных форм, – такая стратегия должна приводить к обилию ошибок по типу сверхгенерализации на начальном этапе.

В данной статье мы поставили перед собой задачу исследовать, какими путями идут русские дети, осваивая значение инструментатива. Для определения возможностей, предоставляемых литературным языком для выражения этого значения, мы пользовались работами (Белошাপкова, Муравенко 1986; Всеволодова, Владимирский 2008; Золотова 2006).

Данные об освоении инструментатива русскоязычным ребенком в онтолингвистической литературе

В онтолингвистической литературе чаще всего описывается первая стратегия. Исследователи детской речи отмечают, что дети редко ошибаются в выборе нужной формы (см., например, Воейкова

2015: 144, Ионова 2007: 77, Цейтлин 2009: 168–173, 273–274). Первое подобное наблюдение принадлежит А. Н. Гвоздеву, который писал: «<...> для передачи значения известного падежа используются окончания только этого падежа, например, окончания *-ой, -ом, -ами* выражают только значения творительного падежа. В то же время <...> в пределах одного падежа очень широко распространено смешение отдельных окончаний и замена одного окончания другим» (Гвоздев 2007: 394).

Согласно данным А. Н. Гвоздева, первые изменяемые формы существительных появляются в речи его сына Жени в 1 г 10 м., когда постепенно объектные отношения начинают выражаться при помощи специального окончания *-у*, при глаголах перемещения и передачи, при которых «распространение действия на объект особенно легко может быть схвачено ребенком» (Гвоздев 2007: 173). Формы с окончанием *-ом* появляются в речи мальчика в 2 г. Вероятно, ребенок испытывает потребность выразить значение ‘некто или нечто, необходимое для совершения действия’, а взрослый наблюдатель разводит эти значения, отмечая появление творительного в значении орудия (*кусить* (кушать) *буду ложечком, тряпочком*), цели (*найду маком* (за молоком)) и совместности (*играю мамочком, дай мачком* (с молочком)) (Гвоздев 2007: 187, 104). Многие формы, отмеченные в дневнике, неузуальны, что говорит об их самостоятельном конструировании.

Опираясь на дневниковые записи речи Жени Г. и других детей, С. Н. Цейтлин также утверждает, что для русскоговорящего ребенка не характерны межпадежные замены флексии, и дети в возрасте 1 г. 10 м. справляются с выбором творительного без предлога как в центральном, так и в периферийных значениях. С. Н. Цейтлин предполагает, что основное отличие ошибок, которые совершают дети в родном языке и иностранцы при освоении чужого, заключается именно в малом количестве детских ошибок выбора (Цейтлин 2009: 274). Данный факт объясняется не только интерференцией родного языка, но и тем, что ребенок осваивает значения и формы постепенно и одновременно, а у взрослого иностранца когнитивные потребности существенно опережают языковые возможности.

По данным Н. В. Ионовой, дети в 1 г. 8 м. – 1 г. 10 м. для выражения инструментатива чаще всего используют формы творительного на *-ом, -ой* без предлога (Ионова 2007: 104). Об освоении данного способа маркирования инструментальных отношений свидетельствует сверхгенерализованное использование формы: *телефоном звонит* (по телефону звонит) (2 г. 2 м.) Приблизительно в том же возрасте (нижняя граница 1 г. 10 м.) появляются конструкции «на + предложный падеж» в сочетании с *играть, работать* (Там же: 108), «из + родительный» в сочетании с *есть, пить* (однако приведенные в диссертации примеры либо не содержат предлога, либо содержат филлер, поэтому с трактовкой исследовательницы трудно согласиться: *Маленькие ляли бутильки пить* (2 г. 1 м.), *папить адику (водчику) а тьякана* (2 г. 4 м.)) (Там же: 72). После 2 л. осваиваются и другие конструкции: *об чашку ударился* (2 г. 7 м.), *в солдатика играет* (3 г. 8 м.), *рот на замочек* (5 л.). Практически одновременное освоение нескольких способов выражения инструментального значения должно приводить к их смешению: отсутствию четкого смыслового разграничения или снятия запретов на употребление в составе определенных конструкций. Однако Н. В. Ионова подчеркивает малое количество ошибок, хотя и приводит некоторые примеры: *Помой мне яблоко об эту воду* (3 г. 2 м.) (Там же: 142) – по аналогии с *вытру о полотенце* (в нормативном языке инструмент, обозначаемый в данной конструкции, обязательно неподвижен); *Раньше-то в лук стреляли* (6 л. 4 м.) – по аналогии *играть в куклы*.

Е. В. Абросова, исследовавшая речь детей с задержками речевого развития, также отмечала, что самым частотным способом выражения инструментальных значений служат формы творительного падежа. По данным проведенного ею эксперимента, наиболее трудными для детей оказываются периферийные способы выражения инструментальности, успех освоения этих форм связан с простотой актуализации локативной семантики. Так, 92,6 % участников эксперимента Е. В. Абросовой правильно описывали картинку *Мальчик едет на велосипеде* (мальчик сидит в седле велосипеда, и локативная семантика очевидна), при этом только 85 % справились с семантически слабо мотивированной конструкцией *Мальчик играет на дудочке*, прибегая к центральному способу

маркировки инструмента (*дудочкой*) или объекта («вин. без предлога»: *дудочку*) или реализуя наиболее освоенные и частотные семантические роли при конкретной лексеме (*в дудочку; с дудочкой*) (Абросова 2004: 18).

Исследователи подчеркивают незначительное количество ошибок выбора формы, позволяющее не брать их в расчет при построении общей теории. Такое положение дел, однако, представляется удивительным: в русском языке развита грамматическая синонимия, различные формы могут выражать иногда довольно тонкие смысловые различия или использоваться в составе ограниченного количества конструкций, что должно вызывать затруднения при освоении такой системы. Можно предположить, что некоторые утверждения об отсутствии или незначительном количестве ошибок в детской речи связаны с особенностями сбора материала: инерцией восприятия взрослого наблюдателя (ср. выше процитированное утверждение Н. В. Ионовой о конструкции с предлогом *из*) или несовершенством фиксации реального звучания детских реплик.

Другую точку зрения представляет Н. И. Лепская, подробно описавшая, в каких функциях используются именные формы в речи ребенка раннего возраста в тот период, когда грамматических средств для их выражения еще не существует: обозначение прямого объекта, с которым взаимодействует ребенок, адресата, орудия. По мнению Н. И. Лепской дети прибегают к собственным способам маркирования грамматического значения, например, с помощью порядка слов. Так, формы со значением орудия обычно следуют после обозначения прямого объекта: *утри нос платок, кушать кашка ложка* (Лепская 2013: 64). К началу третьего года основным способом становится использование предлогов: *кушать без нож, ехать на лифт*, существительное при этом выступает в форме псевдоименительного или псевдовинительного падежа на *-у* (Там же: 66–67). Таким образом, мы можем наблюдать, что, по крайней мере, у части детей появление падежных форм запаздывает по сравнению с возникновением необходимости выразить грамматические значения.

Для уточнения имеющихся представлений о становлении инструментальных значений мы решили воспользоваться различными методиками сбора данных.

Освоение инструментатива девочкой Тоней (по дневниковым данным)

Одним из надежных источников сведений о становлении грамматической системы являются дневниковые записи. Речевые дневники моей дочери Тони (1 г. 7 м. – 2 г.) построены на фиксации впервые появившихся в ее речи падежных форм в различных значениях и подробной записи падежных замен. Первые слова, по форме соответствующие существительным в именительном падеже, появились в 10 месяцев. В возрасте 1 г. 4 м. Тоня впервые употребила существительное в форме винительного падежа в цитате из «Репки», а в 1 г. 7 м. были зафиксированы первые ряды противопоставленных форм: в номинативной функции использовались формы, совпадающие с именительным падежом, для других значений конструировались формы с окончанием *-у*, вероятно, заимствованного из винительного падежа женского варианта склонения. Вскоре Тоня начала дифференцировано выражать падежные значения, используя конструкции «*у + родительный*» в значении субъекта, затем – локатива, дательный в значении адресата, творительный в инструментальном значении и значении совместного действия. В возрасте 1 г. 9 м. Тоня использовала предлоги с соответствующими падежными формами, филлеры не употреблялись. В 1 г. 8 м. появились первые формообразовательные инновации, свидетельствующие о самостоятельном конструировании форм; частотными такие инновации стали после 1 г. 10 м. Значительно раньше, в 1 г. 7 м., появились и стали частотными случаи выбора «чужого» окончания – показатель того, что девочка не только заимствовала из речи окружающих готовые блоки и схемы, но опиралась на самостоятельно выработанные правила выбора формы.

Изначально орудийное значение выражалось с помощью форм именительного падежа (*мячик играть*). С 1 г. 7 м. в речи начало складываться противопоставление субъектных и объектных значений, которые выражались с помощью *-у*, при этом в 1 г. 8 м. – 1 г. 9 м. *-у* использовалось для самостоятельного конструирования форм существительных разных типов склонений. Формы с *-у* широко использовались Тоней для выражения значения инструмента с 1 г. 8 м. до 1 г. 10 м.: *Тоня*

краску рисует, Мама копает ложку, Расческу расчесать. При этом слова мужского варианта склонения могли приобретать новое окончание -у или продолжать использоваться без окончания: Тоня мячику играет; Суп корми.

На следующем этапе ребенок находит особую форму для выражения инструментатива – ею становятся образования с флексией *-ами*. В возрасте 1 г. 9 м. 10 дн.–1 г. 9 м. 20 дн. наблюдался короткий период расширительного использования этой флексии: *Играю лисичками* (одной лисой), *Играю кошками* (одним котом), *Кушаю конфетками* (одной конфеткой). В некоторых случаях девочка пользовалась обеими формами, которые были в ее распоряжении, как бы уточняя: *Тоня играет мячик. Мячиками*.

В 1 г. 10 м. появились формы творительного на *-ом(ем)*, чуть позже на *-ой (ей)*. Надо иметь в виду, что с точки зрения звучания безударные флексии *-ом / -ами* мало различаются: возможно, Тоня воспринимала эти флексии как варианты, отражающие одно и то же значение, или же их запись в качестве разных флексий отражает речевые ожидания ведущего дневник наблюдателя.

Тем не менее мы можем особо отметить диалог, который состоялся у Тони с мамой в 1 г. 10 м. 7 дн. Девочка обратила внимание на исправление взрослого и начала пробовать изменять разные существительные по новой схеме: *Мама будет кормить суп.* – Супом? – *Кормить супом. Кормить морковком, картошкой.* С этого момента инструментальное значение чаще всего выражалось с помощью флексий творительного падежа. В период 1 г. 10 м. 17 дн. – 1 г. 10 м. 20 дн. наблюдалось расширительное использование нового способа: *Кушай конфетками; Чего ты ногой поставила?* (сестре, поставившей ногу на поребрик, чтобы завязать шнурок). В большинстве случаев таким употреблением можно найти точное объяснение: унификация управления глаголов *кушать* и *кормить* в первом случае; *качать, ступать, топать* и *поставить* во втором. Смещение управляемых форм у *топать* и *поставить* позволяет наблюдать, какие сложности испытывает ребенок, выбирая форму в случае совмещения падежных значений (в каком-то смысле, изменение положения ноги выступает вспомогательным средством для завязывания шнурка).

Случаи совмещения различных обстоятельственных значений осваиваются постепенно, что соответствует приведенным наблюдениям Е. Абросовой (Абросова 2004:18). Например, с 1 г. 10 м. Тоня использовала конструкцию «на + предложный падеж» с совмещенной локативной и орудийной семантикой для обозначения игры на музыкальных инструментах, но в 1 г. 11 м., самостоятельно описывая картинку, на которой изображен непривычный музыкальный инструмент, предпочла воспользоваться привычной формой творительного: *Ёжик играет дудочкой.* В 1 г. 9 м. – 1 г. 11 м. девочка активно пользовалась формами творительного падежа при совмещении транзитива и инструментатива: *Мама топает ступеньками* (ступеньки как средство для движения вверх), *Тоня идет колечками* (на детской площадке перехватывает руками гимнастические кольца, используя их в качестве инструмента для передвижения), *Тоня идет лужами* (перебегает от лужи к луже, используя их как инструмент в игре).

Таким образом, на начальном этапе Тоня осваивает самые общие способы выражения объектных отношений, пользуясь для их выражения формами с *-у*. Затем орудийное и совместное значение выделяется в самостоятельное, имеющее собственную форму выражения (*-ами, -ом, -ой*). После короткого периода расширительного использования форм происходит постепенная дифференциация сопостранственных значений, в ходе которой Тоня совершает ошибки, вызванные сверхгенерализацией и аналогией. В это же время уточняются способы выражения орудийности для существительных разного типа склонения (третье склонение на этом этапе полностью игнорируется девочкой).

Освоение инструментатива мальчиком Алей (по данным лонгитюдного видеонаблюдения)

В 1994–2004 г. автор данной статьи принимал участие в создании корпуса данных речи русского ребенка Института антропологических и психолингвистических исследований имени Макса Планка (Нидерланды – Германия; руководитель проекта Сабина Штоль). В корпус вошли видеозапи-

си речи 4 русскоязычных мальчиков и 1 девочки от 1 г. 4 м. до 6 л. Записи проводились раз в неделю, в течение часа ребенок общался с членами своей семьи, перед которыми стояла задача разговаривать, играть, читать книги так, как это происходит обычно. Видеозаписи расшифровывались и проверялись тремя лаборантами. В тех случаях, когда о грамматической форме сказать однозначно было сложно, записи снабжались фонетической строкой. Впоследствии программа автоматического кодирования создавала морфологическую строку, размечая все грамматические формы, использованные участниками диалога. При морфологическом кодировании возникали до конца не решенные проблемы, связанные с невозможностью однозначно решить вопрос о наличии грамматической формы в речи ребенка (так называемые «замороженные» формы, в которых грамматическая информация игнорируется ребенком), и с особенностями детского произношения.

Стратегии, которые выбирали дети, существенно отличались друг от друга. Так, девочка Аня долгое время употребляла замороженный именительный и практически не допускала ошибок, используя формы косвенных падежей.

Иным путем идет мальчик Аля. Первые падежные противопоставления появляются в его речи в 1 г. 8 м., и в возрасте до 2 л. 3 м. можно отметить частотные случаи неузвального использования грамматических форм. Во время самых ранних записей речи Али (1,8–1,9) фонетическое развитие мальчика не позволяло сделать выводы о развитии его грамматической системы. Часто ребенок редуцировал конечные гласные, и кодирующий его речь лаборант записывал существительные без флексий. Одно и то же слово могло выступать в разных фонетических вариантах в одной записи. Так, в 1 г. 8 Аля просит кусочек яблока во время кормления, используя формы [jar], [jabuk], [jabu], [jaby], [jark'i], [jabg'i] (во всех случаях речь идет об одном яблоке).

Относительно четко артикулированные флексии *-a* (в номинативной функции) и *-y* (в объектной и определительной) появляются одновременно, причем формы с редуцированными флексиями сохраняются. В некоторых случаях складывается впечатление, что *-a* или *-y* выбирается мальчиком произвольно: он повторяет за взрослым последнюю прозвучавшую форму или использует частотную форму из инпута. В других случаях Аля не просто повторяет за взрослым грамматические формы, но и самостоятельно их конструирует: окончание *-y* появляется у фонетически искаженных слов, воспринимаемых мальчиком и его окружением как существительные, оканчивающиеся на *-a* в начальной форме. Формы на *-y* передают практически весь арсенал значений косвенных падежей – отрицание, адресат, атрибутивные отношения и др.

Первая самостоятельная форма творительного падежа в инструментальном значении появляется в 2 г. 1 м. 12 дн., как реакция на реплику взрослого. До этого момента значение инструмента передается формами с *-y*: Ну, бери барабан и стучи по нему.– Паку (палку) – Палкой стучи (1 г. 11 м.); А ты сегодня на чем катался? – Бибику (2 г.); Олешка машинку (показывает на фотографии, как катался на карусели, 2 г. 1 м.). Формы с *-y* указывают и на совместное действие: С кем ты в садике-то играл? – Катьку. – С Катькой? С Ксюшей? – Сюку (1 г. 9 м.).

Формы с *-и*, возможно, восходящие к предложному падежу, для обозначения средства и инструмента появляются с 2 л. 1 м. 20 дн.: *nana sinepedi* (на велосипеде). В течение 14 дней после появления этих форм безударное *-и* вытесняет привычное *-y* для обозначения орудия действия: *Papa palcki* (показывает на фотографии отца, гребущего в лодке). – С веслом. – Йотку (лодку). – От лодки (2 г. 2 м.).

Позже формы с *-y* появляются у Али в новых грамматических ситуациях, например, при необходимости согласования прилагательного с существительным: На синей машине катался? – Каську. Каську сини (на красной машине) (2 г. 2 м.).

С 2 г. 2 м. инструментальное значение выражается с помощью *-ом*: кашком (т. е. кормить кашкой, 2 г. 2 м.) и *-ой* (дядя палкой – описывает мужчину на костылях, 2 г. 2 м.).

В возрасте двух лет Аля не использует предлоги, что иногда делает невозможным точную интерпретацию произнесенных им форм.

Таким образом, изначально Аля не разграничивает падежные формы, избегая четкой артикуляции флексий. Затем в его речи появляются формы псевдоименительного падежа и практически одновременно – псевдовинительного с окончанием -у для выражения различных объектных и определительных значений, в том числе инструментатива. С небольшим разрывом для обозначения средства для выполнения действия появляются формы с безударным -и, изначально при указании на средства передвижения, потом и в расширительном значении. После появления форм на -ом, -ой ошибки постепенно исчезают – «обратного хода» мальчик не дает, и формы творительного падежа не вытесняют ранее освоенные формы винительного без предлога. Мальчик постепенно расширяет свою индивидуальную падежную систему: при необходимости выразить в речи новое падежное значение он на первых порах использует уже имеющиеся в его арсенале грамматические средства, а затем переходит к узуальным способам.

Дальнейшее освоение инструментатива русскоязычными дошкольниками по данным эксперимента

Следующим этапом освоения инструментатива становится постепенное разведение семантических вариантов внутри общего значения: в русском языке существует немало конструкций, позволяющих передать тонкие оттенки значения: так конструкция «о + винительный» указывает на неподвижный инструмент (*разбить яйцо о стол*), «через + винительный» на инструмент как на трассу совершения действия (*смотреть через телескоп*), «с + творительный» на предмет-соучастник действия (*ходить с палкой*) и т. д.

Для уточнения представлений о способах выражения инструментатива и медиатива в речи детей 4–6 лет нами совместно с магистранткой Санкт-Петербургского университета Ван Линой была проведена серия экспериментов, направленных на сравнение освоения падежных значений русскими детьми и иностранными студентами с родным китайским языком (один из экспериментов описан в (Ван 2022)). В данной статье мы расскажем только о детской части пилотного исследования, в которой приняли участие 16 русскоязычных дошкольников и 16 взрослых.

Испытуемым предлагалось описать картинки, используя заданные слова. В качестве экспериментального материала отбирались как конструкции, в которых возможна только одна правильная форма (*писать карандашом, забивать молотком, ходить с палкой, кормить с ложки*), так и те, которые предполагают вариативные формы (*ловить бабочку сачком, в сачок; рассматривать в телескоп, через телескоп, изучать в микроскоп, под микроскопом; поливать лейкой, из лейки; вытирать полотенцем, о полотенце; прыгать с парашютом, на парашюте; петь в микрофон, через микрофон*). Мы ставили задачу посмотреть, какая из вариативных конструкций осваивается быстрее и чаще используется детьми. Предполагалось также проанализировать, как выбор предлога будет зависеть от лексического наполнения конструкции, для чего были рассмотрены конструкции *играть/работать в компьютере, на компьютере, с компьютером, за компьютером*.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что прототипическим способом выражения инструментатива остается форма творительного падежа без предлога. Формы творительного падежа оказывались предпочтительными в ситуации синонимического выбора (*поливает лейкой* (14 – здесь и далее в скобках дано количество ответов), *из лейки* (2)), *кормит ложкой* (8), *с ложки* (2), *из ложки* (6)). Они ошибочно использовались вместо других узуальных форм: *рассматривать микроскопом* (1), *рассматривать телескопом* (1), *петь микрофоном* (1), *спускаться парашютом* (2).

При общем стремлении точно передать оттенки грамматического значения русские взрослые и дети не использовали всего арсенала имеющихся средств. Так, никто из испытуемых не применил конструкцию *вытирать о полотенце* (указание на неподвижное пассивное состояние инструмента). Дети существенно реже взрослых использовали конструкции, позволяющие указать на исходную точку действия: *кормить с ложки* (2 ребенка и 16 взрослых), *поливать из лейки* (2 ребенка и 16 взрослых).

На выбор формы влияние оказывали лексические значения входящих в конструкцию слов и привычные способы управления при глаголах. Так, описывая игру на компьютере, дети выбирали

играть в компьютер, с компьютером по аналогии с *играть в мяч, с мячом*, а описывая работу за компьютером, больше обращали внимание на положение субъекта: *за компьютером* (место расположения позади инструмента), *на компьютере* (вероятно, мотивировано расположением пальцев рук на инструменте (*играть на скрипке, печатать на машинке*)). Вероятно, конструкция *работать на компьютере* влияла на выбор формы в словосочетаниях *изучает на микроскопе* (1), *рассматривает на телескопе* (2), *поет на микрофоне* (2).

Таким образом, общее направление освоение грамматического значения остается неизменным. Для выражения инструментатива дошкольник пользуется освоенной формой творительного падежа без предлога, постепенно сужая сферу ее применения тогда, когда начинает осознавать необходимость обозначить более тонкие смысловые нюансы. Новые формы, в которых совмещаются инструментальные и локативные значения, редко используются в несвойственных им значениях, тогда как обратные замены являются относительно частотными.

Выводы

Данные, полученные с помощью различных методов, позволяют предположить, что существует несколько стратегий освоения падежных значений. Дети, не допускающие ошибок в падежном выборе, осваивают форму в одном из ее узуальных значений в тот момент, когда испытывают потребность выразить новые смыслы. Однако такой путь не является единственно возможным.

Дети, допускающие ошибки падежного выбора, испытывают потребность выразить то или иное грамматическое значение раньше, чем осваивают узуальные способы выражения этих значений. Самостоятельный поиск способов выразить орудийное значение может приводить к выработке собственных правил, характеризующих индивидуальную языковую систему ребенка. Таким способом может стать соблюдение определенного порядка зависимых существительных или использование предлогов, однако наиболее часто можно наблюдать период сверхгенерализованного использования известных грамматических форм.

Инструментатив может изначально не иметь специальных способов выражения. Затем в речи ребенка появляется форма для обозначения общего значения объекта – чаще всего для этого служит форма с окончанием -у. По мере уточнения объектного значения возникает единый способ выражения различных инструментальных значений (например, расширительное использование безударного -и, которое в инпуге употреблялось только для обозначения средств передвижения, или -ами, которое в детской речи указывает на любое средство или орудие и используется независимо от числа обозначаемых предметов). Постепенно значения продолжают уточняться, а следовательно, появляются и новые конструкции. Процесс уточнения значений продолжается и во взрослом возрасте и приводит к существованию синонимических вариантов в общепотребительном языке.

Литература

1. Абросова Е. К. Становление семантических функций падежных форм существительного в речи детей 4–6 лет (в норме и при патологии): автореф. дисс.... к. фил. н. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 24 с.
2. Белошапкина В. А., Муравенко Е. В. Способы выражения инструментального значения в русском языке // Навстречу VI Конгрессу МАПРЯЛ. Будапешт: Венгерская ассоциация преподавателей русского языка и литературы., 1986. С. 78–83.
3. Ван Л. Русские предложно-падежные конструкции с медиативным значением в детской речи и в речи китайских студентов // Проблемы онтолингвистики–2022: речевой мир ребенка: универсальные механизмы и индивидуальные процессы. Материалы ежегодной Международной научной конференции. СПб.: Изд-во «ВВМ». С. 111–117.
4. Воейкова М. Д. Становление имени. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Фонд развития фундаментальной лингвистических исследований, 2015. 352 с.
5. Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных значений в русском языке. М.: Русский язык, 1982. 262 с.

6. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-пресс, М.: Сфера, 2007. 472 с.
7. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: ЕДиториаЛ УРСС, 2006. 440 с.
8. Ионова Н. В. Семантические функции падежных форм и предложно-падежных конструкций имени существительного в речи детей дошкольного возраста: дисс. на соиск. ... к. фил. н. Череповец, 2007. 142 с.
9. Лепская Н. И. Язык ребенка: Онтогенез речевой коммуникации. М.: РГГУ, 2013. 311 с.
10. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. СПб.: Знак, 2009. 592 с.

УДК 811.161.1

К ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ И УНИВЕРСАЛЬНОМ В ГРАММАТИКЕ РАННЕГО ОНТОГЕНЕЗА

Т. И. Петрова, В. И. Петрова
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В статье анализируются факты, отражающие особенности грамматики на раннем этапе онтогенеза. Материалом для наблюдения послужила речь одного ребенка в возрастном интервале от 1,11 до 2,3. Обращается внимание как на общие закономерности, так и на проявления индивидуального в становлении грамматического строя речи.

Ключевые слова: речевой онтогенез, ранний этап онтогенеза, детская практическая грамматика

ON THE QUESTION OF INDIVIDUAL AND UNIVERSAL IN THE GRAMMAR OF EARLY ONTOGENY

T. I. Petrova, V. I. Petrova
Far Eastern Federal University (FEFU),
Vladivostok, Russia

Abstract. The article analyzes the facts that reflect the peculiarities of grammar at an early stage of ontogeny. The material for observation is the speech of one child in the age range from 1.11 to 2.3. Attention is drawn to both general patterns and manifestations of the individual in the formation of the grammatical structure of speech.

Key words: speech ontogeny, early stage of ontogeny, children's practical grammar.

Введение

Современные онтолингвистические исследования основаны на понимании детской языковой системы как «до известной степени автономной сущности», которая рассматривается на каждой стадии ее развития. При таком подходе, отмечает С. Н. Цейтлин, языковая система, «отражающая достигнутый к определенному моменту уровень когнитивного развития ребенка и способная удовлетворить его насущные коммуникативные потребности», анализируется в ее динамике, что позволяет выявить наиболее общие принципы построения ребенком собственной языковой системы (Цейтлин

2013: 80). Особую значимость в данном случае приобретают лонгитюдные наблюдения, дающие возможность фиксировать процесс языкового развития конкретного ребенка на определенном возрастном этапе.

Целью нашего исследования стало выявление особенностей детской грамматики на раннем этапе ее становления – как наиболее общих, универсальных для освоения системы русского языка, так и индивидуальных, свойственных языковой способности конкретного ребенка. Материалом для нашего исследования послужила речь девочки Веры в возрастном интервале от 1,11 до 2,3 – периоде, которому свойственен активный рост словаря, создающий необходимые условия для начала усвоения грамматики.

Проявления универсального в ранней грамматике

Следует отметить, что этапом раннего синтаксиса считают более ранний период – время первых детских слов, период голофраз (однословных высказываний). Об этом С. Н. Цейтлин пишет так: «Конечно, в начале было слово... Но не слово – лексема, а слово – синтаксема. Потому что это слово уже выполняло синтаксическую функцию – именовало какую-то ситуацию» (Цейтлин 2013: 316). В речи Веры такие факты обнаруживались до конца второго года жизни, причем нами зафиксированы голофразы обоих типов, выделяемых онтолингвистами (Елисеева 2014: 163): констатирующие и побудительные. Чаще всего, одно и то же слово может быть элементом различных голофраз, всегда ситуативных, используемых в сочетании с интонацией и невербальными знаками. Например, одно из первых в лексиконе Веры слово *бам* («мяч»):

1) в функции констатирующей голофразы: а) не может найти свой мячик, произнося это слово, показывает жестом «нет»; б) во время прогулки говорит так о мальчиках, играющих в футбол; в) радостно восклицает, трогая шары на новогодней елке;

2) в функции побудительной голофразы: с помощью слова *бам*, произнесенного с побудительной интонацией в сопровождении соответствующего жеста, просит, чтобы помогли достать закатившийся мячик.

Началом нового этапа, закономерного для раннего онтогенеза, становится появление первых двусловных высказываний, постепенный переход к комбинации языковых единиц. Когнитивной основой этого процесса, по мнению исследователей, является «дифференциация события и связанного с ним объекта», вследствие чего «разделяется объект, событие-процесс и фоновый момент – наглядно-чувственная ситуация» (Цейтлин 2013: 334). Такие детские высказывания часто называют «телеграфным стилем» (Елисеева 2022: 87) из-за их грамматической неоформленности и произнесения с паузами; С. Н. Цейтлин считает, что «голофраза как бы остается в свернутом виде», она продуцируется ребенком, а затем «добавляется второй элемент – конкретизатор» (Цейтлин 2013: 334). В речи Веры двусловные высказывания появились к 1,10 и после 2,0 исчезли (в целом, это типично для русскоязычных детей): *Папа ву-у; Ляля бай-бай; Мама ам-ам* и т.п.; к 2,0 появляются и трехсловные высказывания: *Зизи ляля ам-ам* («Девочка ест ежевику/малину»); *Иги-биги мизизин та-та-та* («Дедушка Игорь пошел в магазин»); *Ве ба Таня та-та-та* («Вера и бабушка Таня ходили гулять»).

Важным событием в речевом развитии ребенка является лексический взрыв (максимальное сокращение дистанции между активным и пассивным словарем), которым обусловлен переход к грамматической оформленности речи, когда «пассивная и активная лексика ребенка становится чаще разнообразной, появляются грамматические оппозиции и формообразовательные инновации» (Елисеева 2014: 164). В речевом развитии Веры лексико-грамматическое качественное преобразование произошло в 2,0 (для сравнения: у Лизы, речь которой стала объектом монографического исследования М. Б. Елисеевой (Елисеева 2014), такой качественный скачок произошел в 1,9). Предвестником начала морфологии можно считать появление в активном лексиконе ребенка застывших грамматических форм. В речи Веры такими формами в 1,10 оказались номинации *дась* («карандаш») и *дасИ* («карандаши»), а также *насИ* («носки»), которые использовались независимо от значения единичности-множественности. Однако в это же время в ее продуцируемой речи появляется первая грамматическая оппозиция – формы единственного и множественного числа (данная особенность

является типичной для русскоязычных детей): *бисим* («буксир» – сверхгенерализованное обозначение любых кораблей) для обозначения одного корабля – *бисими* для обозначения множества кораблей. В начале третьего года жизни в речи Веры происходит своеобразный грамматический взрыв: используются слова разных частей речи с изменением аффиксов, растёт длина предложений, появляются предлоги и союзы. Появляются и сложные предложения разного типа¹: *Вера надела башмаки/ чтобы гулять в них; Бабушка смотрит/ на красивую девочку/ которая/ катается на качеле* (говорит о себе); *Смотри куколка/ какое красивое море; Рассказать/ как мы на Татарку ездили; Рассказать/ как Веру крестили в купели/ и Вере было/ немножко страшенько; Камушки поплыли/ а рядом камешка поплыл* и т.п.

В наблюдаемом нами материале обнаружилось и типичные для раннего онтогенеза особенности усвоения союзных средств: прежде всего, это практически одновременное появление сочинительных и подчинительных союзов. Вместе с сочинительными союзами *тоже, и, а* в числе первых появляется подчинительный союз *потому что* (у Веры, как и у Лизы, он появился в 2,2); однако мы заметили такую особенность: наряду с фактами верного употребления этого союза (*Не надо мисочку раздавить/ потому что/ она будет плакать*) встречаются такие, когда Вера использует данную союзную конструкцию как таковую без учета выражаемого союзом значения (во всяком случае, логически такие высказывания оказываются не совсем понятными), например: *Бабушка. Смотри Вера/ птички! – Вера. Потому что/ на дереве; Вера. (разглядывает нарисованных на полотенце кошек: у одной из них рога рождественского оленя) Киса олень// – Бабушка. А почему олень? – Вера. Потому что/ киса нарисована; Вера. У Веры сейчас тревога// – Мать. А почему у Веры тревога? – Вера. Потому что/ Вера как разбойник* (под впечатлением «Бременских музыкантов»). Иногда у Веры встречаются и союзы более позднего онтогенеза: в частности, в 2,3 зафиксированы факты использования повторяющегося разделительного союза *то...то*: (констатирует принимаемые для себя роли) *Вера то птичка, то Дюймовочка*; (замечает на прогулке смену погоды) *То ветер, то дождь, то солнце*. Возможно, в данном случае сказывается влияние книг: Вере нравится слушать чтение, часто она цитирует понравившиеся фрагменты, но приведенные выше факты – это результат самостоятельного продуцирования высказываний.

К числу ранних и наиболее частотных в речи Веры относится сравнительный союз *как*. По мнению М. Б. Елисеевой, «операция сравнения предметов, реальных и изображенных, по видимому, сразу после двух лет становится значимой для ребенка»; причем «основания, по которым совершается сопоставление, различны и нередко своеобразны» (Елисеева 2014: 242). Созданные Верой сравнения основаны:

- 1) на сходстве знакомых ей людей: *Мама как Мариша* (глядя на мать в шортах, вспоминает знакомую девочку-подростка); (во время умывания) Мать. *Папа забрызгал Веру// – Вера. Как отец Александр* (вспомнила священника во время крещения);
- 2) на сходстве предметов: *Футболка/ мама/ с акулой/ как у папы*;
- 3) на ассоциациях: (разглядывает картинку, на которой два человека загружают белье в стиральную машину) *Как два автопогрузчика*; (наблюдает, как отец закручивает крышку бензобака в машине) *Папа шебуришится/ как мышка*; (увидев стрекозу, вспоминает бабушкино платье с изображением стрекоз) *Как у бабушки Тани*; (увидев ягодное мороженое розового цвета, вспомнила розового паука с книжной иллюстрации) *Розовое/ как паучок*.

Отмечая такую же частотность и раннее появление сравнительного союза *как* в речи Лизы, М. Б. Елисеева обращает внимание на факт его позднего появления и редкость использования в речи Жени Гвоздева (в широко известном дневнике А. Н. Гвоздева), что также свидетельствует об индивидуальном характере усвоения единой языковой системы.

Ярким показателем процесса усвоения грамматики становятся формообразовательные и словообразовательные инновации, в которых «проявляется выраженная системность: однотипные в лингвистическом отношении лексемы сходным образом модифицируются, становясь элементами ин-

¹ Для лучшего понимания приведенные примеры даются без сохранения фонетических особенностей речи Веры.

дивидуальной языковой системы» (Елисеева 2014: 204). С 2,0 привычными для повседневного языкового существования Веры становятся факты словотворчества, природа которых, безусловно, непосредственно связана с инпутом. Например, во время прогулки бабушка говорит о собаке, за которой они с Верой наблюдали: «Побежала по своим собачьим делам» – чуть позже на той же прогулке Вера сообщает об улетевшем голубе: *Улетел/ по своим гулячьим делам*. Ребенок легко создает необходимые ему слова, чувствуя словообразовательный потенциал усваиваемого родного языка. При этом нетрудно заметить частотность «действенных» слов, производных от глаголов и так или иначе связанных с движением, с динамикой. Приведем примеры из речи Веры: (играет с юлой) *Это крутильник*; (отец дует на Верину ножку) *Папа дудец*; (о себе) *Несётся Вера/ настоящая Вера бегущая/ бежит и бежит*; (о машине отца, которую в семье называют Беззубичем) *Беззубич стоит на паркованиии* и т.п. О такой особенности писал К. И. Чуковский, отмечая, что «в существительном ребенок ощущает скрытую энергию глагола», в своих словах на первое место он выдвигает «действенную функцию предмета» (Чуковский 1990: 94).

В этом же возрасте в речи Веры появляются и типичные для русскоязычного ребенка субстантивные и глагольные инновации, хотя к 2,3 их пока совсем немного. В сфере существительных это прежде всего окказиональные формы числа и рода: *Другая дeтjа* (о девочке); *Вон людь пошел* (о мужчине); *Ухи смешные у собачки*; (просит подуть на ушибленную ножку) *Папа/ но'га/ дуть*; *Гла'зы у цветочка нарисованы*; *Такие у куколки волоса* и т.п. Осмысление ребенком родового значения обнаруживается в диалогах со взрослыми, например: Вера. *Вера Снегурочка//* (любит принимать какую-нибудь роль) – Мать. *А я кто?* – Вера. *Ты большая Снегурочка//* – Мать. *А папа кто?* – Вера задумывается, затрудняется ответить. В приведенном примере наблюдается осмысление мотивированности значения женского рода, вызывающее затруднение в поиске соответствующего родового коррелята. В сфере глаголов мы обратили внимание на факт, который требует особого комментария: *Мама будет обрадоваться/ что/ к ней приехал беговел*. Приведенный пример связан с освоением содержания глагольного вида и относится к случаям, которые, по мнению исследователей, отражают ошибку именно в плане выражения: для обозначения будущего времени глагола совершенного вида используется аналитическая форма, свойственная глаголам несовершенного вида. Такие глагольные формы «используются детьми (некоторыми детьми) для акцентирования внимания на двух обстоятельствах – на факте будущего времени, что более “выпукло” передается с помощью аналитической формы, содержащей глагольную форму *будет*, и на факте принципиальной предельности обозначаемого действия (то есть “обязательно совершится”))» (Елисеева 2014: 210). Заслуживает рассмотрения и специфика выражения побудительности в речи Веры, которую, как нам кажется, можно считать проявлением индивидуального.

Проявления индивидуального в ранней грамматике

Наиболее частотными в наших записях оказались факты речевого поведения в императивных ситуациях – то есть таких, в которых определяющим является прескриптивный компонент. Данное обстоятельство вполне естественно, поскольку побуждение к совершению того или иного действия правомерно считать одним из наиболее значимых коммуникативных мотивов в общении ребенка со взрослыми. Неслучайно формы императива относятся к числу первых в грамматическом арсенале ребенка. В речи же Веры с 1,11 функцию побуждения к действию выполняет форма инфинитива, используемая в высказываниях трех структурных типов:

1) «инфинитив + название прямого объекта» (чаще всего, инфинитив отделяется паузой от названия объекта: *Сорвать/ цветочки*; *Рассказать/ историю*; *Включить/ песенку*; *Показать/ рыбу*; *Варить/ печенье*; *Убрать/ телефон*; *Показать/ солнышко*; *Нести Веру* и т.п.; позицию прямого объекта может занимать придаточная часть: *Послушать/ как поёт щеголист* (любит слушать голоса птиц, просит найти голос щегла), причем в данном примере побуждение к действию представлено имплицитно; позиция прямого объекта при инфинитиве может быть и незамещенной, конситуативно обусловленной: (просит достать упавшую за диван игрушку) *Доставать*;

2) «инфинитив + название субъекта, для которого должно совершиться действие»: *Показать Вере; Рассказать Вере;* (обращается к матери, в руках которой цветы для бабушки) *Подарить бабушке* и т.п.;

3) «инфинитив + название субъекта, который должен совершить действие»: *Уходить/ бабушке; Маме/ сидеть* (показывает, где должна сесть мать); *Папа/ чинить* (просит отца починить игрушку) и т.п.; возможно и соединение названных типов, например: *Папа/ подуть Вере* (при инфинитиве два компонента: название субъекта, который должен совершить действие, и название субъекта, для которого должно совершиться действие).

После 2,3 в речи Веры зафиксирована и форма императива: в ситуациях, когда она отказывается принимать какие-то действия взрослых, произносит *Отпустите меня!* (других фактов такого рода пока не наблюдалось). Приведенный же пример свидетельствует также о появлении личного местоимения 1-го лица единственного числа (зафиксирован еще один факт: *Я не хочу это делать*).

Представляют интерес еще два случая, которые, на наш взгляд, правомерно отнести к так называемой «универсальной грамматике», когда для выражения требуемого смысла ребенок «может использовать вместо еще недоступных для него морфологических маркеров, используемых его родным языком, некоторые изобретенные им средства...» (Цейтлин 2013: 113).

Один из таких случаев мы заметили в промежутке между 2,1 и 2,2 в ситуациях, когда необходимо было как-то назвать некоторую совокупность незнакомых лиц, – для обозначения этой неопределенной совокупности Вера использовала слово *люди*. Например: (говорит о грузчиках, которые доставили из магазина новый диван) *Люди привезли диван/ а дедушка/ его собрал;* (рассказывает о том, как незнакомые мальчики на детской площадке подарили ей цветы) *Люди/ подарили Вере цветочки;* (комментирует иллюстрацию к детской песне «Голубой вагон»: изображены в вагончиках Чебурашка, Крокодил Гена и Шапокляк) *Люди на паровозе ехали*. Интересно, что такой же способ Вера использовала и для обозначения одного лица (неизвестного ей): (в гости приехал друг семьи, которого девочка не знала) *Люди какие-то приехали*. Можно предположить, что используемое слово *люди* в данном случае выполняет функцию дейктического слова, указывающего на предмет речи, являющийся субъектом действия, о котором сообщается в высказывании – причем, субъектом, неизвестным говорящему (заметим, что в приведенных примерах такой маркер неопределенного лица, являющегося предметом речи, всегда занимает позицию начала высказывания).

Другой случай связан с выражением значения прошедшего времени, грамматической формой, которая одной из первых усваивается ребенком. В интервале между 2,2 и 2,3 в речи Веры замечены случаи употребления слова *вчера* в функции дополнительного маркера прошедшего времени, причем маркера универсального, используемого в более широком значении, чем значение «день, предшествующий текущему». Например: *Вчера ходили/ смотреть на ёлочку* (во время одной из летних прогулок вспоминает, как на эту же площадку ходили к новогодней елке); *Мы вчера/ видели оленя на ферме* (на ферму-зоопарк ходили полмесяца назад); *Вчера/ про Ежинку-Хвоинку мама читала* (вспоминает днем, как утром этого же дня мать читала ей книгу) и т.п. Безусловно, приведенные факты демонстрируют и процесс усвоения лексического значения слова *вчера*, которое в активном лексиконе Веры появилось после 2,2: усвоение прежде всего семы «предшествующий моменту речи», но неусвоение пока дифференциальной семы «предшествующий именно сегодняшнему дню». Но значимым является то, что ребенок чувствует связь с глагольной категорией времени, причем лексический показатель этого грамматического значения оказывается для него настолько весомым, что может выступать единственным для выражения прошедшего времени, например: *Вчера/ дети в садике нет* (замечает во время прогулки, когда проходили мимо детского сада, где накануне, в воскресенье, было пусто). Показательна и начальная позиция слова *вчера*, что свидетельствует о семантической актуальности маркера прошедшего времени в детском высказывании.

Приведенные факты индивидуальных особенностей ранней грамматики занимают короткое время онтогенеза, но их значимость в том, что такие проявления речи отражают живой процесс усвоения потенциала родного языка, демонстрируя лингвокреативные возможности ребенка.

Заключение

Таким образом, грамматика раннего онтогенеза подчинена прежде всего наиболее общим закономерностям, которыми обусловлен постепенный переход от периода первых слов к грамматически оформленной речи. Процесс бессознательного усвоения родного языка основан на способности ребенка самостоятельно создавать собственную языковую систему, обеспечивающую его коммуникативные потребности. Проблема же соотношения универсального и индивидуального в детском языке – и в грамматике, в частности – остается актуальной и недостаточно изученной, что определяет значимость лонгитюдных наблюдений за речью конкретных детей с целью выявления особенностей реализации в детской речи потенциала языковой системы и необходимость последующего сопоставления результатов, полученных в подобных исследованиях.

Литература

1. Елисеева М.Б. Становление индивидуальной языковой системы ребенка: ранние этапы. М.: Языки славянской культуры, 2014. 344 с.
2. Елисеева М.Б. Двухкомпонентные и многокомпонентные высказывания в ранней детской речи: типичное и индивидуальное // Проблемы онтолингвистики – 2022: речевой мир ребенка (универсальные механизмы и индивидуальные процессы). Материалы ежегодной Международной научной конференции. СПб.: Из-во «ВВМ», 2022. С. 86–91.
3. Цейтлин С.Н. Лингвистические этюды. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. 408 с.
4. Чуковский К. И. От двух до пяти // Корней Чуковский. Сочинения в двух томах. Том 1. М.: Издательство «Правда», 1990. С. 73–404.

КОНТРАСТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

УДК 81'36

ОЦЕНОЧНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО СЛОВОМ «ХОРОШИЙ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Ван Илин

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
Шэньчжэнь, Китай

М. Д. Воейкова

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия

Работа поддержана грантом Министерства науки и высшего образования № 075-15-2020-793
"Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения
для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования".

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию конструкций с оценочным словом «хороший» в русском и китайском языках. Согласно данным из параллельного русско-китайского корпуса НКРЯ выявляются семантическая структура и семантическая функция конструкций такого типа, рассматриваются соответствия и различия двух языков на синтаксическом уровне.*

***Ключевые слова:** оценочная конструкция, сопоставительный анализ, полемический поиск, китайский язык*

EVALUATIVE CONSTRUCTIONS WITH THE WORD "HOROSHIJ" IN RUSSIAN AND CHINESE: THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

Wang Yi.

Shenzhen MSU-BIT University
Shenzhen, China

Voeikova M. D.

Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

***Abstract.** The article is devoted to the study of constructions with the evaluative word "хорошо" (good) in Russian and Chinese. According to the data from the parallel Russian-Chinese corpus of the RNC, the authors present the semantic structure and semantic function of constructions of this type, and describe the correspondences and differences between two languages at the syntactic level.*

***Key words:** evaluative construction, comparative analysis, polemical search, Chinese.*

Настоящая работа посвящена оценочным высказываниям со словом *хороший*, который соответствует китайскому иероглифу 好 хао, ср. (1–2):

(1) 'Он хороший человек.'
他 是 个 好 人.

Он COP CLF хороший человек.

[И. С. Тургенев. Рудин (1855) | 伊万·屠格涅夫/罗亭/ (徐振亚/沈念驹, 2000)]

(2) 天气 是 好.

Погода СОР хорошая.

‘Погода действительно была хорошая.’

[鲁迅/狂人日记(1918) | Лу Синь. Записки сумасшедшего (С. Тихвинский) (1971)]

Как представлено в примерах (1–2), *он/погода* является объектом оценки, субъект оценки – говорящий, всеведущий автор, а предикат *хороший человек/хорошая* включает в себе саму оценку. Основание оценки здесь явно не выражено. В первом примере в русском оценочном высказывании произошёл эллипсис связки (СОР), что не характерно для китайского языка. В китайском тексте употребляется и 个 *гэ* ‘счётное слово’ (CLF), указывающее на единичность и неопределённость следующего существительного – 好人 *хаожен* ‘хороший человек’. В примере (2) в русском языке темпоральность выявлена благодаря связке прошедшего времени *была*, а в китайском высказывании она определяется с учётом контекста: 月色也很亮了 ‘ярко светила луна’.

Исследование выполнено в русле контрастивной лингвистики. Её цель, по мнению И.А. Стернина, это «сопоставительное изучение межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий» (Стернин 2006:16). Система средств выражения оценки в русском и китайском языке рассматривалась в диссертационной работе (Ван Илин 2020), Однако сравнительный анализ оценочных конструкций со словом «хороший» в обоих языках представлен ещё недостаточно.

На наше изучение высказываний значительное влияние оказала теория функциональной грамматики. В рамках функционально-семантического поля квалитативности предложения типа *Он хороший человек* определяются как «конструкции включения в класс» (Воейкова, Пупынин 1996: 53), способные передать субъективное суждение с помощью оценочных имён существительных или прилагательных.

Как русисты в Китае, так и китаисты в России вносят заметный вклад в изучение обоих языков в сопоставительном аспекте. Русист Чжан Хуэйсэнь предполагал два принципа при контрастивном анализе языков: синхронизм и стилевую однородность (Чжан Хуэйсэнь 2001: 4–5), что обеспечено в нашем материале примерами из параллельного корпуса. Мы учитываем также и достижения Школы кафедры преподавания китайского языка Московского института востоковедения (В. М. Солнцев, В. И. Горелов). Интерпретация особенностей китайской синтаксической системы, представленная в работе В. И. Горелова (Горелов 1989) до сих пор остается актуальной.

Оценочные конструкции со словом «хороший» в русском и китайском языках определяются как синтаксические конструкции с доминирующей оценочной функцией, т.е. оценка попадает в них в фокус сообщения, относится к реме высказывания, составляет элемент «нового» в информационной структуре. Их сопоставительный анализ важен в обучении русскому или китайскому языку как родному и иностранному, а также имеет значение для теории и практики перевода.

Целью данной работы является сопоставительный анализ конструкций такого типа в русском и китайском языках, выявление их семантической структуры и семантической функции, рассмотрение соответствий и различий двух языков на синтаксическом уровне.

Исследование конструкций с оценочным словом «хороший» в русском и китайском языках опирается на выборку примеров из параллельного русско-китайского корпуса НКРЯ, в котором параллельные тексты синхронны и однородны, т.е. все они относятся к современному литературному языку.

Для сбора фактического материала в параллельном русско-китайском корпусе мы применяли полексемный поиск, причем в русском языке прилагательное *хороший* наиболее специализировано для выражения оценки. Контрастивный метод позволяет изучать высказывания в сопоставительном аспекте, совершать поиск по разметке русского текста и по разметке китайского текста.

В русском предложении роль предиката играет прилагательное в имен. или твор. падеже, такие как *хороший/-ая* в примерах (1–2). С учётом этого мы составили три варианта команды. Таблица 1. дает представление о доле оценочных высказываний при разных вариантах поиска.

Доля оценочных высказываний при разных вариантах поиска

Форма поиска	Кол-во вхождений	Кол-во оценочных	% оценочных
хороший, A & nom & plen	159	73	46
хороший, (nom ins) & plen	202	77	38
хороший, (nom ins) & plen, bmark	59	46	78

При поиске наблюдается то, что *хороший* легко вступает в сочинительный ряд. В высказываниях с положительной оценкой часто встречаются разъяснения, в каком именно смысле объект оценивается положительно, как слова *хороший, мягкий* в (3):

(3) Только весной товарищ Красильников стул для сцены купил, стул *хороший, мягкий* [И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев (1961)].

Анализ данных таблицы 1. позволяет прийти к следующим заключениям:

1. Добавление творительного падежа в параметры поиска понижает процент оценочных высказываний в выборке. Это понятно, так как творительный падеж в позиции предикатного имени в целом относится к старшей норме, поэтому количество добавленных к выдаче высказываний при этом невелико, а процент ошибок выше.

2. Поиск прилагательного в полной форме перед знаком препинания значительно повышает процент оценочных высказываний, так как этот признак коррелирует с синтаксической позицией предикатного имени для прилагательного.

Далее мы применяли полексемный поиск с китайским иероглифом 好 хао. Интересно, что в параллельном корпусе встречаются 12 синтаксических функций 好 хао (подробнее в (БКРС 2010: 825–826), (ССКЯ 2005: 543)), а в оценочных высказываниях используются только две – прилагательное и морфема 好 хао перед глаголом. На базе корпусных данных иллюстрируются 6 синтаксических структур, включающих в себя прилагательное 好 хао и способных выражать оценку в китайском языке.

1. Простое оценочное предложение: N/Pron/V + 好 хао

Китайское оценочное предложение в позиции подлежащего содержит существительные, местоимения, глаголы и т.д. Прилагательное 好 хао в функции предиката ставится перед знаком препинания (кроме вопросительного знака), как 好 хао в примере (4):

(4) 天气 非常好.

Погода очень хорошая.

‘Погода стояла чудесная’.

[Л. Е. Улицкая. Медя и ее дети (1996) | 柳德米拉·乌利茨卡娅/美狄娅和她的孩子们/(李英男, 尹城, 1999)]

2. Основное оценочное предложение: N/ Pron + 是 ши COP/COP_{neg}+(CLF)+好 N

В состав предложения такого типа включается связка 是 ши, которая позволяет отнести объект оценки к положительно оцениваемому подклассу предметов. С помощью прилагательного 好 хао в утвердительном предложении выражается положительное отношение говорящего к объекту оценки, как 好人 *хао жэнь* ‘хорошие люди’ в примере (5):

(5) 你们 是 好 人.

Вы COP хорошие люди.

‘Вы люди хорошие’.

[Ф. М. Достоевский. Идиот (1868) | 费奥多尔·陀思妥耶夫斯基/白痴/(石国雄, 2004)]

3. Предложение с оценкой действия: V+得 дэ AUX +好 хао

В китайском языке 好 hao в конструкции V+AUX(得)+好 hao определяется как прилагательное, что трудно переводится на русский язык. Поэтому в переводе обычно используется наречие *хорошо*, которое указывает на оценку говорящим действия, как 说得真好 ‘хорошо говорит’ в примере (6):

(6) 他 说-得 真 好.

Он говорит-AUX действительно хорошо.

‘Он хорошо говорит.’

[Ф. М. Достоевский. Идиот (1868) | 费奥多尔·陀思妥耶夫斯基/白痴/(石国雄, 2004)]

4. Оценочная конструкция: 好 hao + 一 и ‘один’ + CLF + NP !

Конструкция «好 hao ‘хорош’ + 一 и ‘один’ + 副 *фу* CLF + NP» (Ван Ган, Чэнь Чанлай 2018) применяется для передачи положительной или отрицательной оценки говорящего, ср. (7):

(7) 好 一 副 莫斯科 派头!

Хороша одна CLF московская косточка!

‘Московская косточка!’

[И. С. Тургенев. Рудин (1855) | 伊万·屠格涅夫/罗亭/(徐振亚/沈念驹, 2000)]

Согласно контексту в данном примере выражается негативное отношение говорящего.

5. Сравнительно-оценочное предложение: NP+越 юе AUX+adj.+越 юе AUX+好 hao

В предложениях такого типа оценочный предикат состоит из двух частей – редуцированных служебных слов 越 юе AUX и прилагательных. Его эквивалентом в русском языке является выражение со сравнительным союзом – *чем..., тем лучше*, ср. (8):

(8) 人生 经历-的 那个 圈子 应该 越 简单

Жизнь пробегает-AUX₁ тот круг долженAUX₂ простой

越好, 越 狭窄 越好.

AUX₂ хороший, AUX₂ тесный AUX₂ хороший.

‘Чем проще, чем теснее круг, по которому пробегает жизнь, тем лучше.’

[И. С. Тургенев. Рудин (1855)|伊万·屠格涅夫/罗亭/(徐振亚/沈念驹, 2000)]

6. Оценочное предложение со сложным союзом: Conj.₁+ NP+ Conj.₂+好 hao

好 hao как прилагательное часто употребляется вместе со сложным союзом (Conj.). Среди союзов первого типа (Conj.₁) встречаются 要是 яоши ‘если (бы)’ / 只要 *чжяю* ‘только бы’. Союз второго типа (Conj.₂) – 就 *цзю* ‘то, тогда ставится перед сказуемым главного предложения после придаточного условного, ср. (9):

(9) 只要 回来 就 好.

Только бы вернулся тогда хорошо.

‘Только бы вернулся.’

[М. Харитонов. Линии судьбы, или Сундучок Милашевича (1992) | 哈里托诺夫/命运线 / (严永兴, 2003)]

На основе вышеуказанных конструкций мы составили 6 вариантов команды. Таблица 2. дает представление о доле оценочных высказываний при разных вариантах поиска.

Таблица 2

Доля оценочных высказываний при разных вариантах поиска

Форма поиска	Кол-во вхождений	Кол-во оценочных	% оценочных
Слово 1: S V SPRO Слово 2: 好, bmark на расстоянии от 1 до 6 от Слова 1 ¹	2161	653	30.2

¹ Мы проверили частотность оценочных высказываний в первых ста случаях, полученных при процедуре поллексемного поиска на расстоянии от 1 до 4 от Слова 1, потом заменяли расстояниями «от 1 до 5 от Слова 1», «от 1 до 6 от Слова 1». Результаты доказывают, что расстояние от 1 до 6 осталось наиболее оптимальным (от 1 до 6: от 1 до 5: от 1 до 4 = 54%:53%:53%).

Слово 1: 是 (связка) Слово 2: 好 на расстоянии от 1 до 3 от Слова 1 ¹	261	181	69.3
Слово 1: V Слово 2: 得 на расстоянии 1 от Слова 1 Слово 3: 好 на расстоянии от 1 до 4 от Слова 2 ²	231	195	84.4
Слово 1: 好 Слово 2: 一 на расстоянии 1 от Слова 1 Слово 3: S на расстоянии от 1 до 2 от Слова 2 ³	21	14	66.7
Слово 1: 越 Слово 2: 越 на расстоянии от 1 до 4 от Слова 1 ⁴ Слово 3: 好 на расстоянии 1 от Слова 2	15	14	93.3
Слово 1: CONJ Слово 2: 就 на расстоянии от 1 до 12 от Слова 1 ⁵ Слово 3: 好 на расстоянии 1 от Слова 2	43	43	100

Анализ данных таблицы 2. позволяет прийти к следующим заключениям:

1. Среди 6 вариантов команды последние две команды по оценочному предложению с союзом оказываются более эффективными, но таких вхождений немного, так как союз как маркер синтаксической связи подчеркивает предикатную позицию прилагательного 好 hao, соответственно, процент ошибок ниже.

¹ Мы проверили частотность оценочных высказываний в первых ста случаях, полученных при процедуре поллексемного поиска на расстоянии от 1 до 3 от Слова 1, потом заменяли расстояниями «от 1 до 4 от Слова 1», «от 1 до 5 от Слова 1». Результаты доказывают, что расстояние от 1 до 3 осталось наиболее оптимальным (от 1 до 3: от 1 до 4: от 1 до 5 = 64%:62%:62%).

² Мы проверили частотность оценочных высказываний в первых ста случаях, полученных при процедуре поллексемного поиска на расстоянии от 1 до 4 от Слова 1, потом заменяли расстояниями «от 1 до 3 от Слова 1», «от 1 до 2 от Слова 1». Результаты одинаковы (от 1 до 4: от 1 до 3: от 1 до 2 = 77%:77%:77%). С учётом общего количества вхождений (от 1 до 4: от 1 до 3: от 1 до 2 = 231:220:200) расстояние от 1 до 4 осталось наиболее оптимальным.

³ Мы проверили частотность оценочных высказываний при процедуре поллексемного поиска на расстоянии от 1 до 2 от Слова 1, потом заменяли расстояниями «от 1 до 3 от Слова 1». Результаты доказывают, что расстояние от 1 до 2 осталось наиболее оптимальным (от 1 до 2: от 1 до 3 = 66.7%:64%).

⁴ Мы проверили частотность оценочных высказываний при процедуре поллексемного поиска на расстоянии от 1 до 2 от Слова 1, потом заменяли расстояниями «от 1 до 3 от Слова 1», «от 1 до 4 от Слова 1», «от 1 до 5 от Слова 1», «от 1 до 6 от Слова 1». Результаты одинаковы (11 документов, 15 вхождений). Мы выбрали «от 1 до 4 от Слова 1» с учётом частотности по количеству иероглифов при прилагательных в китайском языке, т.е. большинство прилагательных состоит из не больше четырёх иероглифов.

⁵ Мы проверили частотность оценочных высказываний при процедуре поллексемного поиска на расстоянии от 1 до 10 от Слова 1, потом заменяли расстояниями «от 1 до 11 от Слова 1», «от 1 до 12 от Слова 1», «от 1 до 13 от Слова 1». Результаты одинаковы (100%). С учётом общего количества вхождений (от 1 до 10: от 1 до 11: от 1 до 12: от 1 до 13 = 40:42:43:43) расстояние от 1 до 12 осталось наиболее оптимальным.

2. Процент оценочных высказываний, полученный при первом варианте поиска оказывается весьма мал. Можно предполагать, что на это оказывает влияние многозначность иероглифа 好 хао. Например, слово 好 хао в выражении 身体不好 ‘тело нездоровое’ нейтрально характеризует состояние здоровья.

Далее демонстрируются особенности употребления оценочных конструкции со словом «хороший» в русском языке в сопоставлении с китайским.

Мы начали анализ со случаев, в которых русская оценочная конструкция соответствует китайскому высказыванию в семантическом и синтаксическом аспектах, таких как примеры типа (1), (2), (5). По нашему мнению, для выражения оценки высказывания типа *Антон хороший* и *Антон хороший человек* представляют собой простое оценочное предложение с предикатным словом *хороший*. Благодаря связке 是 ши подобные русские предложения буквально переводятся на китайский язык, между тем все оценочные семантические компоненты сохраняются.

Встречаются и предложения с сентенциальными актантами в качестве объекта оценки:

(10) ‘Как хорошо, что вы объявились.’

太 好 了, 您 能 来.

Очень хорошо AUX, (что)вы могли прийти.

[М. Харитонов. Линии судьбы, или Сундучок Милашевича (1992) | 哈里托诺夫. 命运线 (严永兴, 2003)]

Для данного примера характерно полное соответствие оригинала и перевода. В нашей выборке пример (10) оказался случаем с сентенциальным актантом *что вы объявились* (подробнее см. (Летучий 2014: 62–84)). Слово *хорошо* в русском языке определяется как оценочное наречие (или слово категории состояния), а её китайское соответствие является прилагательным.

Аналогично сравнительно-оценочное предложение с прилагательным 好 хао переводится на русский язык как выражение со сравнительным союзом – *чем..., тем лучше*, см. 越简单越好 юэ цзянь дань юэ хао, 越狭窄越好 юэ ся чжай юэ хао ‘чем проще, чем теснее, тем лучше’ в примере (8). Среди 14 сравнительно-оценочных предложений перевод такого типа пользуется преимуществом (71.4%). Оба они являются анализируемыми предложениями, причем удвоение наречия степени 越 юэ указывает на «постоянную препозицию подчиненной части по отношению к подчиняющей» (Горелов 1989: 287).

Далее, обращаемся к примеру (11), в котором простое оценочное предложение русского языка переведено как китайское основное оценочное предложение:

(11) ‘А что книга хорошая, в этом я был убежден.’

我 从 心 里 相 信, 这 是 一 本 好 书.

Я от души убежден, (что)этоСОР одна CLF хорошая книга.

[Максим Горький. В людях (1914) | 马克西姆·高尔基. 在人间 (楼适夷, 1956)]

В примере (11) русское простое оценочное предложение считается модифицированной конструкцией включения в класс, ср.: *(эта) книга хорошая (книга)*. В связи с этим перевод вполне соответствует оригиналу. Однако, в китайском языке конструкция включения в класс (или основное оценочное предложение) имеет две разновидности – простое оценочное предложение типа *这本书好 эта книга хорошая* и предложение с оценкой действия типа *这本书写得好 эта книга написана хорошо*. Во второй разновидности оценка книги выражается только косвенным образом, т.е. под оценкой действия подразумевается оценка предмета.

Встречается и случай (12), в котором русская конструкция включения в класс переводится как предложение с оценкой действия:

(12) ‘Это хорошее рукоделье.’

这 手 工 做 一 得 很 好。

Это рукоделие изготавливается – AUXочень хорошо.

[Максим Горький. В людях (1914) | 马克西姆·高尔基. 在人间 (楼适夷, 1956)]

Так как в данном случае китайское прилагательное 好 hao трудно переводится на русский язык, мы используем при буквальном переводе наречие *хорошо*. В результате явно заметно различие в синтаксических структурах русского и китайского языков. По сравнению с русским высказыванием, китайское выражение оказывается более обоснованным, потому что в последнем происходит конкретизация признака предмета, ср. *хороший* и *изготавливаться хорошо*. Объектом оценки в китайском высказывании является действие, а не предмет. Впрочем, в нём употребляется наречие степени 很 хэнь ‘очень’, благодаря чему более эксплицитно выражается высокая оценка говорящего.

С учётом привычной формы словосочетания в предложении с оценкой действия используются синонимы к слову *хорошо*, такие как *славно, здорово, сладко*. Ср. *что надо* в (13):

(13) 演一得 太 好一了.

Сыграли — AUX очень хорошо — AUX.

‘Сыграно что надо.’

[刘震云. 我叫刘跃进(2007) | Лю Чжэньюнь. Меня зовут Лю Юэцзинь (О. Родионова, 2016)]

В примере (13), наоборот, китайское словосочетание 太好 тайхао ‘очень хорошо’ переводится на русский язык с помощью фразеологического выражения *что надо*, что совпадает с оригинальным текстом не только по оценочной коннотации, но и по стилю текста. В подобных случаях отражается попытка вставить исходный текст в культурно-языковой контекст языка-реципиента.

В нашей выборке подавляющим большинством эквивалентов китайских оценочных предложений со сложным союзом (85%) являются русские придаточные предложения с союзами условия, такими как *если бы, кабы, только бы*. Однако, они выражают не чистое условие, а пожелание, поэтому не присоединяются к другому предложению, а существуют самостоятельно, см. *Только бы вернулся* в примере (9). Нам встретилось только 5 экспрессивно выражающих оценочную коннотацию высказываний в русском языке, ср. случай с прилагательным *хорошо* в главном предложении:

(14) ‘И хорошо, если это было лишь совпадение.’

倘若 这 仅仅是 巧合 就好了.

Если бы это только СОР совпадение то хорошо бы.

[М. Харитонов. Линии судьбы, или Сундучок Милашевича (1992) | 哈里托诺夫. 命运线 (严永兴, 2003)]

Предложения такого типа определяются В.З. Санниковым как «оценочно условные» (Санников 2015: 43), в которых есть одна ситуация (*это было лишь совпадение*) и её оценка (*хорошо*). В этом примере иллюстрируется полное соответствие русской и китайской синтаксических структур.

Уже упомянутая в параграфе 2.1.2 китайская оценочная конструкция «好 hao + 一 и ‘один’ + CLF + NP!» разнообразно переводится на русский язык. Так как в русском языке нет счётных слов, эта фразеологическая структура соответствует или простому предложению, ср. *Хорош маскарад! 好一个假面具呀!* ‘Хороша одна CLF маска AUX!’, или номинативному предложению в русском языке, ср. *Московская косточка!* в примере (7). Безусловно, это указывает на различие в грамматической системе двух языков.

Рассмотрев синтаксические конструкции с доминирующей оценочной функцией в русском языке в сопоставлении с китайским, мы пришли к следующим выводам:

1. Русские оценочные конструкции со словом «хороший» часто переводятся с помощью китайского прилагательного 好 hao, а китайские оценочные конструкции со словом «好 hao» выражаются в русском языке более разнообразно. Поэтому русская лексема *хороший* и китайское слово 好 hao образуют «частично эквивалентное соотношение» (Ли Сяндун 2003).

2. Полексемный поиск с прилагательным *хороший* оказывается эффективнее (78% > 30.2%), чем поиск с китайским иероглифом 好 hao. На это оказывают влияние формально-структурные характеристики двух сопоставляемых языков. В русском языке синтаксическая функция предиката мо-

жет быть задана морфологически, а прилагательное 好 hao функционирует как предикат в китайских предложениях со специальными служебными словами, союзами и особым порядком слов.

3. Китайские оценочные предложения со сложным союзом переводятся на русский язык часто без главной части с прилагательным *хороший*, в чём проявляется эксплицитное выражение оценки в китайском языке. Аналогичный эффект вызывает использование специфических для китайского языка предложений с оценкой действия для передачи положительного отношения.

Литература

1. Большой русско-китайский словарь / Под ред. Чжоу Болин. Шанхай: Шанхайская пресса по обучению иностранным языкам. 2009. 2877 с. (汉俄大辞典. 周柏林主编. 上海: 上海外语教育出版社. 2009. 2877 页.)
2. Ван Ган, Чэнь Чанлай. Развитие, семантическая ориентация компонента и наследование конструкции «хао и-гэ Х» // Изучение китайского языка. 2018. № 4. С. 21–28. (王刚, 陈昌来. “好(一)个 Х”的历时发展、构件语义及承继关系. 汉语学习. 2018 (4). 21–28 页.)
3. Ван Илин. Конструкции в системе способов выражения оценки в современном русском литературном языке (на фоне китайского языка): дис... канд. филол. наук. СПб: СПбГУ. 2020. 175 с.
4. Воейкова М. Д., Пупынин Ю. А. Предикативная качественность // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 53–65.
5. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка // М.: Просвещение, 1989. 317 с.
6. Летучий А. Б. Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2014. № 1. С. 62–84.
7. Ли Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков // Вопросы филологии. 2003 № 2 (14). С. 30–34.
8. Санников В. З. Об оценочных сложноподчиненных предложениях в русском языке // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2015. Том 74. № 6. С. 42–60.
9. Словарь современного китайского языка. Пекин: Изд-во Коммершал пресс. 5-е издание. 2005. 1866 с. (现代汉语词典. 北京: 商务印书馆(第5版). 2005. 1866 页.)
10. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2006. 206 с.
11. Чжан Хуэйсэнь. Особенности китайского языка с точки зрения сравнительного анализа русского и китайского языков // Журнал иностранных языков. 2001. № 1 (104). С. 3–12. (张会森 从俄汉对比中看汉语有什么特点. 外语学刊. 2001. №1 (104). 3–12 页.)

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ ПРИЧИННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Н. М. Заика

*Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Работа посвящена сопоставительному анализу параметров типологического варьирования полипредикативных причинных конструкций в русском и других славянских языках и демонстрирует значительное сходство этих конструкций, как в синтаксическом, так и в семантическом аспектах.

Ключевые слова: Русский язык, славянские языки, полипредикативные конструкции, причина, морфосинтаксис.

POLYPREDICATIVE CAUSAL CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN COMPARED TO OTHER SLAVIC LANGUAGES

N. M. Zaika

*Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia*

Summary: The paper compares the typological parameters of polypredicative causal constructions in Russian and other Slavic languages. It shows significant similarity of these constructions both syntactically and semantically.

Key words: Russian, Slavic languages, polypredicative constructions, cause, morphosyntax.

1. Введение

Под полипредикативными причинными конструкциями (ППК) мы понимаем бипредикативные (шире, полипредикативные) конструкции, в которых причинное отношение выражается в зависимой (причинной) клаузе:

(1) *Вася упал, потому что пол был скользким.*

Причинные конструкции в русском языке, как монопредикативные, так и полипредикативные, стали темой многочисленных исследований, ср. (Рахилина 1989, Богуславская, Левонтина 2004, Пекелис 2017) и многие другие. Для отдельных славянских языков также существуют разнообразные описания ППК более или менее полные, многие из которых появились в последнее десятилетие, ср. (Христианінова 2011) для украинского, (Klangová 2017) для русского и чешского, (Górska 2003) для польского (в сопоставлении с латинским), (Kesselová 2013) для словацкого, (Мосинец 2018) для болгарского, (Војводић 2015) для сербского. Однако сопоставительных работ по славянским причинным союзам, насколько нам известно, имеется немного. Среди них можно упомянуть корпусное исследование М. А. Холодиловой, посвященное расчлененным и нерасчлененным союзам в ряде славянских языков (Kholodilova 2020).

В настоящей работе мы рассмотрим, какие значения параметров типологического варьирования ППК характерны для славянских языков в сопоставлении с русским. Поскольку ППК могут маркироваться разными показателями, мы рассмотрим функционирование полипредикативных причинных показателей (ППП), которые маркируют ППК.

Исследование основано на грамматических описаниях, корпусных данных и, для некоторых языков, анкетировании носителей языка. Мы рассмотрим следующие, наиболее употребительные,

ППП в десяти славянских языках (трех восточнославянских, трех западнославянских и четыре южнославянских):

Русский язык: *потому что, оттого что, поскольку, из-за того что, ибо.*

Украинский язык: *бо, через те що, тому що, оскільки, від того що.*

Белорусский язык: *бо, таму што, ад таго што, з-за таго што.*

Польский язык: *bo, dlatego że, ponieważ, bowiem, jako że.*

Чешский язык: *protože; poněvadž; jelikož; že; neboť.*

Словацкий язык: *pretože, nakoľko, lebo, keďže, že, keď.*

Болгарский язык: *защото, понеже, тъй като, поради това, че.*

Македонский язык: *зашто, оти, затоа што, бидејќи.*

Сербский язык: *јер, зато што, пошто.*

Словенский язык: *da, ker, kaiti, ko.*

Отметим, что реальное количество ППП, более или менее грамматикализованных, в каждом из приведенных славянских языков гораздо выше. Это подтверждает тот факт, что способы выражения причинных отношений, в особенности в языках с богатой письменной традицией, отличаются значительным разнообразием. В связи с этим в тексте работы будут упоминаться и показатели, не входящие в вышеприведенный список.

2. Морфосинтаксические особенности ППК

Все ППК в славянских языках являются союзами; аффиксальные показатели для исследуемой группы не характерны. Подавляющее большинство союзов занимает позицию в начале причинной клаузы:

(2) Рус. *Я имею право требовать послушания, **потому что** веления мои разумны.*

Укр. *Я маю право вимагати покори, **бо** мої накази розумні.*

Бел. *Я маю права патрабаваць паслушэнства, **бо** мае загады заўсёды разумныя.*

Пол. *Ja mam prawo żądać posłuszeństwa, **ponieważ** moje rozkazy są rozsądne.*

Чеш. *Mám právo vyžadovat poslušnost, **protože** mé rozkazy jsou rozumné.*

Слвц. *Ja mám právo vyžadovať poslušnosť, **pretože** moje rozkazy sú rozumné.*

Болг. *Аз имам право да изисквам подчинение, **защото** моите заповеди са разумни.*

Мкд. *Јас имам право да барам послушност, **оти** моите наредби се умни.*

Серб. *Ја имам право да захтевам послушност **јер** су моја наређења разумна.*

Слвн. *Jaz pa imam pravico zahtevati poslušnost, **ker** so moji ukazi razsodni.* (НКРЯ)

Некоторым исключением являются расчленённые причинные союзы, одна часть которых находится в главной клаузе, а вторая – в зависимой. Показатели с такими свойствами, кроме славянских (3)–(6), имеются и в балтийских языках, ср. примеры из литовского (7) и латышского (8), а также в персидском языке (Зайка 2019: 12–13) (в приведенных нами примерах границы клауз указаны квадратными скобками). Для романских и германских языков наличие ППК с такими морфосинтаксическими свойствами не характерно.

(3) Рус. [*Я **потому** упал*], [***что** пол был скользким*].

(4) Укр. [*Бачив, що можна, і **тому** сердився*], [***що** Потоцький не хоче думати, а воює самою лише жовцю з набагато сильнішим противником. ‘Знало, что можно договориться, и поэтому сердился, видя, что Потоцкий и думать об этом не хочет, ослепленный жаждой мести казакам.’* (НКРЯ).

(5) Пол. [*Moim skromnym zdaniem tylko **dlatego** nie masz już na karku Inkwizycji*], [***że** jeszcze nie skończyli inwentaryzować diabelstw, które u ciebie znaleźli*]. ‘По моему скромному разумению, инквизиторы еще не сидят у тебя на шее только потому, что не закончили инвентаризовать дьявольства, которые у тебя нашли.’ (НКРЯ).

(6) Болг. [*А необикновените имат право да вършат всякакви престъпления и всякак да нарушават закона **поради това** именно*], [***че** са необикновени*]. ‘А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные.’ (НКРЯ).

(7) [*Todël atěj-au*], [*kad išgird-au apie jūsu nelaim-ę*]. ‘Я потому пришел, что услышал о вашем несчастье’. (Э. Генюшене, л. с.).

(8) *Un dēstus es negrasījos pirkt – [tūdeļ jau tos nepārdeva], [ka tas notika rudenī]*. ‘И рассаду я покупать не собирался – потому ее и не продавали, что дело было осенью’ (НКРЯ).

Крайне редко в славянских языках встречаются ППП, способные занимать другие позиции, типологически менее вероятные (установлено, что причинные маркеры тяготеют к границам клауз (Diessel 2001: 433)). Такого рода показатели имеются в польском и украинском языках, в которых некоторые причинные маркеры способны занимать ваккернагелевскую (вторую в клаузе) позицию.

(9) Пол. [*Nie dał rozkazu do ataku*], [*był bowiem zajęty*]. ‘Не приказал атаковать, [**ибо** был занят] (НКРЯ).

(10) Укр. [*І знають же, мабуть, що дельфін, коли заплутається під водою в сітці, то йому кінець, довго без повітря не виживе*], [*він-бо ж – як напівлюдина*]. ‘И знают же, наверное, что дельфин, если запутается под водой в сетке, то ему конец, долго без воздуха не выживет, он ведь – как получеловек’ (НКРЯ).

Показатель *бо* с теми же свойствами имелся и в древнерусском языке, причем его ваккернагелевская позиция начала меняться на позицию в начале причинной клаузы в XVI веке (Гусева 2009: 187). В современном русском литературном языке союз исчез. Ваккернагелевская позиция рассматриваемых ППП связана с их происхождением из дискурсивных маркеров, которые были фонологическими клитиками, ср. (Зализняк 2008: 28) и для которых такая позиция является обычной.

3. Порядок причинных клауз

Во всех рассмотренных языках имеются, с одной стороны, показатели, вводящие причинные клаузы исключительно или практически исключительно в постпозиции, и с другой стороны, допускающие как препозицию, так и постпозицию. Так, в рус. *потому что*, укр. *бо*, бел. *бо*, пол. *bo*, *dlatego*, чеш. *neboť*, слов. *pretože* и *lebo*, болг. *защото*, серб. *jer*, слвн. *da* в норме допускают только постпозицию причинной клаузы, а рус. *поскольку*, укр. *через те що*, пол. *ponieważ*, чеш. *protože*, слвц. *keďže*, болг. *понеже*, *тъй като*, мак. *бидејќи*, серб. *пошто*, слвн. *ker* способны вводить клаузы как в препозиции, так и в постпозиции (данные приведены по результатам анкетирования для русского, украинского, белорусского, польского, чешского, словацкого, сербского, македонского, (Мосинец 2018) для болгарского, (Herrity 2016) для словенского). Первая группа союзов, как правило, вводит причинную клаузу с ассертивным статусом.

Приведем несколько примеров для одного языка из каждой подгруппы.

Бел.

(11) *Ён гэтак думаў, бачыў прызначэньне таленту ў служэньні мастацтву, бо іншага проста ня дадзена*. ‘Так он думал, видел назначение таланта в служении искусству, поскольку иного ему просто не дано’ (НКРЯ).

(12) *Ад таго, што мы перадавыя, у нас галовы закружыліся*. ‘Оттого что мы передовые, у нас головы закружились’ (НКРЯ).

(13) *Думаеш, увечары я быў вясёлы ад таго, што пераніў?* ‘Думаешь, вечером я был веселый оттого, что перепил?’ (НКРЯ).

Слвц.

(14) *Peter meškal, lebo ho nezobudila mama*. ‘Вася опоздал, потому что его не разбудила мама.’ (анкета)

(15) *Keďže máš dnes narodeniny, kúpil som ti darček*. ‘Поскольку сегодня твой день рождения, я купил тебе подарок.’ (анкета)

(16) *Je to jeho dedko, keďže je to otec jeho matky*. ‘Это его дедушка, потому что это отец его матери.’ (анкета)

Серб.

(17) *Ja imam право da zahtevam poslušnost jer su moja наређења разумна*. ‘Я имею право требовать послушания, потому что веления мои разумны.’ (НКРЯ)

(18) *Пошто је по својој природи уопште био сумњичав човек, он закључи да је грађанин, који се распричао пред њим управо незванично, па чак можда и сувишно лице. 'Будучи по природе вообщеподозрителним човеком, он закључио, да разглагољствуюћи пред ним грађанин – лице именовано неофициално, а пожалуј, и праздно'* (НКРЈ).

(19) *Алиса помисли да би могла и да причека, пошто иначе није имала шта да ради. 'Алиса подумала, да може да подождат, тако како јој више нечега било да се ради'* (НКРЈ).

Типологически дато расподелено вполне естетвенно, узимајући тенденцију у језицима света причинних клауза стојати у постпозицији (Diessel 2001: 445). Иако, несматрајући на ову тенденцију, у неким језицима могу сусретати се и показатељи, уводиоци причинну клаузу само у препозицији. Таког рода ППК имају се, на пример, у романским језицима, ср. исп. *soto*, фр. *comme*. У славјанским језицима ППК, уводиоци клаузу искључиво у препозицији, нама зафиксирано не било.

4. Семантически варијанте ППК

Семантическим типам ППК уделяју се значајно внимание у типологическој литератури, ср. (Colson 1993, Meier 2001, Charnavel 2019). Их деление може бити више или мање дробним. У датом одељку ми разгледамо три основних типа ППК:

– собственно причинне, непосредственно изражавајуће одношење каузации међу двома ситуацијама, израженима у одговарајућим клаузама, ср. (20);

– инферентивне (епистемическе), у којима реч иде о «свази међу пропозицијом придаточном и епистемическом модальности главној клаузи» (Пекелис 2017), ср. (21);

– иллокутивне, у којима изражава се «сваза међу пропозиционалним садржањем одне клаузе у саставу сложеног предложења и иллокутивном модальности друге» (Пекелис 2017), ср. (22).

Приведемо примере из украјинског језика:

(20) *Я впав, тому що підлога була слизька. Я упав, потому что пол был скользким.* (анкета)

(21) *Напевно пройшов дощ, тому що вологі вулиці. Наверно, дождь прошел, раз /потому что улицы мокрые.* (анкета)

(22) *Пішов звідси, тому що тут небезпечно. Уйди отсюда, потому что здесь опасно.* (анкета)

Если в (20) причинно-следственная сваза представляется очевидной, то в (21) факт того, что улицы мокрые, является не причиной того, что прошел дождь, а причиной предположения говорящего о том, что прошел дождь. В (22) причина, израженная в зависимој клаузи, объясняет то, почему говорящий задает вопрос.

Подавляющее большинство ППП в славјанским језицима способно выступать в собственно причинном значении, хотя и не являются абсолютно синонимичными друг другу. ППП, изражавајуће искључиво иллокутивну причину, гораздо више редки и, судя по доступным даним, имају се не во всех језицима выборки. В качестве примера можно привести русский союз *а то*:

(23) *Когда приедет автобус, а то мне надо мне нужно быть дома к семи?*

Типичной для славјанским језиков является способность многих ППП выступать как в собственно причинных, так и в иллокутивных и инферентивных контекстах. Такими својствами обладают, на пример, рус. *потому что*, укр. *бо*, бел. *бо*, пол. *bo*, словц. *lebo*, болг. *защото*, серб. *јер*. Приведемо пример подобного синкретизма значений ППП из русского (24) – (26), словацкого (27) – (29) и сербского (30) – (32) језиков:

(24) *Я упал, потому что пол был скользким.*

(25) *Наверно, дождь прошел, потому что улицы мокрые.*

(26) *Поторопись, потому что опоздаешь на поезд.*

(27) *Spadol som, lebo podlaha bola mokrá.* 'Я упал, потому что пол был скользким'.

(28) *Peter je doma, lebo nie je v práci.* 'Петер дома, потому что на работе его нет'.

(29) *Prestaň sa už chystať, lebo nestihneš vlak.* 'Заканчивай собираться, а то не успеешь на поезд'.

(30) *Пао сам, јер је под био клизав.* 'Я упал, потому что пол был скользким'.

(31) *Престани да се спремаш јер ћеш закасни на воз.* ‘Заканчивай собираться, а то не успеешь на поезд’.

(32) *Васа је код куће јер га нема на послу.* ‘Вася дома, потому что на работе его нет’.

С другой стороны, в исследуемых нами славянских языках есть ППП, не способные выступать в иллокутивных и инференциальных контекстах, ср., например, рус. *из-за того что* (33)-(35), укр. *через те що*, бел. *з-за таго што*, пол. *dlatego że*. В южнославянских языках ППП с такими свойствами нам обнаружить не удалось, но, вероятно, они могут быть обнаружены при исследовании менее грамматикализованных показателей.

(33) ^{OK} *Я упал из-за того, что пол был скользким.*

(34)* *Наверно, дождь прошел, из-за того, что улицы мокрые.*

(35)* *Поторопись из-за того, что опоздаешь на поезд.*

5. Дополнительные оттенки причинных значений

Во всех славянских языках нашей выборки имеются ППП, обозначающие благоприятную причину, ср. рус. *благодаря тому, что*, укр., *завдяки тому що*, бел. *дзякуючы таму, што*, пол. *dzięki temu, że*, чеш. *díky tomu že*, словц. *vd'aka tomu, že*; болг. *благодарение на това, че*, мкд. *благодарение на тоа што*, серб. *захвалjuјући томе што*; словн. *zahvaljujoč temu, da*. Как правило, они образованы от глаголов со значением ‘благодарить’ или от других лексем с подобным значением.

ППП, выражающие нежелательную причину или нежелательное следствие, реже обращают на себя внимание исследователей, вероятно, в связи с тем, что этимологически они менее прозрачны. Так, для русского языка было отмечено, что русский ППП *из-за того, что* вводит причину, следствие которой является нежелательным:

(36) а. **Он поступил в институт из-за того, что много занимался.*

б. ^{OK} *Он провалился на экзаменах из-за того, что мало занимался* (Богуславская, Левонтина 2004: 74).

Анализ корпусных контекстов показывает, что не только в русском, но и в других славянских языках имеются ППП с таким значением, ср. бел. *з-за таго што*. Подавляющее большинство контекстов с укр. ППК *через те що* также обладают этим свойством. Можно предположить, что ППК с таким значением характерны для восточнославянского ареала.

6. Выводы

ППП в русском языке в целом ряде семантических и синтаксических отношений ведут себя так же, как и в других славянских языках, отличаясь при этом от других языков группы индоевропейской семьи. Так, например, выражение нежелательной причины является одной из характеристик, релевантных для славянского ареала – в других группах индоевропейской семьи (романских, германских языках) такого распределения не отмечается исследователями.

Учитывая подробные исследования других морфосинтаксических свойств ППК в русском языке, ср. (Пекелис 2017), перспективным для дальнейшего сопоставительного анализа ППК в славянских языках представляется изучение «сочинительных» и «подчинительных» свойств ППП и их возможной корреляции.

Сокращения

Бел – белорусский язык, болг. – болгарский язык, мкд. – македонский язык, пол. – польский язык, рус. – русский язык, серб. – сербский язык, словн. – словенский язык, словц. – словацкий язык, укр. – украинский язык, чеш. – чешский язык.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 18-18-00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология». Мы благодарим участников причинного семинара Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, а также информантов, участвовавших в анкетировании. Все ошибки остаются на совести автора.

Литература

1. Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б. Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 68–88.
2. Војводић Д. П. О каузално-импликативним односима у српској хипотакси (комплекс условљених зависносложених реченица) // Jznoslovenski Filolog. 2015. № 71 (3–4). С. 121–186.
3. Гусева Е. Р. Союзы с *b*-партикулой в севернорусских говорах // Севернорусские говоры / Отв. ред. А. С. Герд. Вып. 10. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. 224 с.
4. Заика Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей // Вопросы языкознания. 2019. № 4. С. 7–32.
5. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с.
6. Мосинец А. Г. Сложные предложения с придаточными цели и причины в болгарском языке (на фоне русского языка): дисс. ... канд.филол. наук. СПб, 2018.
7. Пекелис О. Е. Причинные придаточные // Плунгян В. А., Стойнова Н. М. (отв. ред.), Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 55–131.
8. Рахилина Е. В. Отношения причины и цели в русском тексте // Вопросы языкознания, 1989. № 6. С. 46–54
9. Христианінова Р. О. Складнопідрядні речення з приреченнєвими підрядними частинами причини // Актуальні проблеми слов'янської філології 2011. Випуск XXIV. Частина 1. С. 510–518.
10. Charnavel I. Perspectives in causal clauses // Natural language and linguistic theory. 2019. № 37(2). P. 389–424.
11. Colson J. Bonnes raisons et causes douteuses : les propositions de cause en anglais et en français // Palimpsestes. 1993. № 7. P. 55–71.
12. Meier E. "Since you mention it". A contrastive study of causal subordination in English and Norwegian. Ph.D. diss. Oslo: University of Oslo, 2001.
13. Diessel H. The Ordering Distribution of Main and Subordinate Clauses: a Typological Study // Language. 2001. № 77. P. 433–455.
14. Górska M. Polskie i łaćńskie spójniki przyczynowe // Roczniki Humanistyczne. 2003. Tom LI, zeszyt 6. P. 27–30.
15. Herrity P. Slovene. A Comprehensive Grammar. Second edition. London; New York: Routledge, 2016. 508 p.
16. Kesselová J. Korpusová sonda do operátorov príčinného vzťahu v slovenčine // Сучасні тенденції славістики. Ужгород : Вид-во Олександри Гаркуші, 2013. P. 41–53.
17. Klangová, L. Выражение причинных отношений в русском и чешском языках. PhDr. Mgr. Brno, 2017.
18. Kholodilova M. Grammaticalization of multi-word causal subordinators in Slavic languages // Причинные конструкции в языках мира (синхрония, диахрония, типология). Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 28–30 января 2021 г.). СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 40–43.

ИМПЕРАТИВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ни Цзюнься, В. Е. Иосифова

Калужский государственный университет

им. К. Э. Циолковского

Калуга, Россия

***Аннотация.** Китайский и русский языки принадлежат к разным языковым семьям. Языковые характеристики между ними сильно различаются с самого начала. Существуют различные формы и средства выражения императива в русском языке, такие как использование императивной формы, использование императивного междометия, использование глаголов и существительных для выражения поведения и т.д. В китайском языке также есть свои способы выражения императива, такие как использование императивных глаголов, наклонение, частицы и интонация и т.д. Русский и китайский языки имеют очевидные различия по форме, структуре и признакам в связи с их принадлежностью языковой семье (китайский – аналитическая языковая семья, русский – синтетическая языковая семья), что определяет существенные лексические различия между ними, а также является основной причиной отсутствия полной эквивалентности в лексических системах языковых систем двух языков.*

***Ключевые слова:** императив, русский язык, китайский язык, языковая семья.*

IMPACT IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Ni Junxia, V. E. Iosifova

Kaluga State University named K. E. Tsiolkovski

Kaluga, Russia

***Abstract:** Chinese and Russian languages belong to different language families. The linguistic characteristics between them differ greatly from the beginning. There are various forms and means of expressing the imperative in Russian, such as the use of the imperative form, the use of the imperative interjection, the use of verbs and nouns to express behavior, etc. The Chinese language also has its own ways of expressing the imperative, such as the use of imperative verbs, particle mood and intonation, and so on. Russian and Chinese languages have obvious differences in form, structure and features due to their connection to the language family (Chinese – analytical language family, Russian – synthetic language family), which determines significant lexical differences between them, and is also the main reason for the lack of full equivalence in the lexical systems of the language systems of two languages.*

***Key words:** imperative, Russian, Chinese, language family.*

Каждое современное общество уделяет большое внимание правилам, которые необходимо соблюдать в процессе речевого общения. Побудительные предложения составляют значительную часть речевой продукции человека, с их помощью регулируется общественно-производственная деятельность в обществе. В каждом языке категория побудительности обладает очень богатым арсеналом выразительных средств, посредством которых можно выразить все оттенки эмоционально-побудительных значений – от самых мягких, просительных, некатегоричных, вежливых до самых резких, грубых, настойчивых. Побуждение может быть высказано в виде приказания, распоряжения, требования, предложения, просьбы, совета, мольбы, приглашения, пожелания, призыва, запрещения, предостережения и т.д.

Каждый вид побуждения обладает определёнными признаками. Эти признаки самые различные: некоторые из них существенны в одной ситуации и несущественны в другой. Из всех этих различных признаков самым существенным, превалирующим будет признак «отношение Говорящего к действию».

Языки классифицируются по множеству различных критериев.

Китайский и русский языки относятся к разным семьям языков: русский – к индоевропейской, китайский – к китайско-тибетской. Они принадлежат к принципиально различным типам языков: русский язык – к флективному (это языки, словоизменение в которых оформляется путём добавления к основе слова различных флексий с многообразными значениями), китайский – к изолирующему (грамматические значения выражаются или с помощью примыкания одних слов к другим, или с помощью служебных слов).

Лингвистические характеристики изначально обуславливают большую разницу между ними, особенно в разговорной речи и в конкретных выражениях.

Средства выражения побуждения в русском языке многочисленны и разнообразны. Одни из них являются специализированными (например, формы повелительного наклонения; формы повелительного наклонения, выражающие побуждение к совместному действию; побудительные междометия; перформативные высказывания глагольных и именных классов). Они всегда и при всех условиях являются побудительными. Другие же – неспециализированными (это такие конструкции, которые могут быть побудительными или непобудительными в зависимости от ситуации).

Основным способом выражения побуждения в современном русском языке являются императивные конструкции, представленные формами синтаксического побудительного наклонения. Это естественно, так как повелительное наклонение глагола выражает волю говорящего, «побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия» (Виноградов 1947: 590).

Грамматическое ядро (Бондарко, Буланин 1967: 5) сферы императива составляет система повелительного наклонения: парадигма глагольных форм, служащих для побуждения (*делай(те)*, *пусть делает(ют)*, *сделаем(те)*, *давай(те) делать*, *давай(те) сделаем(те)*, *будем(те) делать*, *давай будем делать* и др.

– *Остановитесь, я приказываю.* (М. Булгаков. Дон Кихот);

– *Не ходи сегодня,* – робко попросила Мирра. – *Пожалуйста, не ходи* (Б. Васильев. В списках не значился);

– *Говорите же, умоляю вас!* – продолжает она, задыхаясь и дрожа всем телом (А. Чехов. Скучная история);

Говори громче, плохо слышно; – *Ночами работай, друг, ночами!* – посоветовал один из курсантов (К. Воробьев. Убиты под Москвой);

– *Не читай, пожалуйста, так быстро; Спои эту песню!* (из разговорной речи);

– *Я прошу, выйдите и не мешайте работать,* – повторил военврач (В. Кондратьев. Сашка).

Периферия императива – все другие способы выражения повелений: инфинитив, наречие, существительное, междометие. Например:

– *Айда!* – потянул меня Вава (В. Бахревский. Футбол);

– *Прочь из моей гимназии!* (К. Паустовский. Повесть о жизни) (междометие);

– *Воздух!* – крикнул круглоголовый боец (Б. Васильев. В списках не значился) (существительное).

– *Стой! Рота, стой! Назад! В траншею, назад!* (В. Быков. Атака с ходу);

– *Вперед! За Родину!* (Б. Васильев. В списках не значился) (наречие).

– *Греться! Греться! Смелее!* – настаивал лейтенант... (В. Быков. Дожить до рассвета);

– *Каски!* – вспомнил Плужников. – *Каски надеть всем!* (Б. Васильев. В списках не значился);

– *А вы – стоять на крыльце, и ни с места* (Н. Гоголь. Ревизор) (инфинитив).

Для многих частных значений, выражаемых побудительными предложениями, характерны грамматические признаки (морфологические: употребление спрягаемых и неспрягаемых глагольных форм; синтаксические: способ выражения действующего лица, односоставность и двусоставность, порядок слов, интонация) и лексико-грамматические признаки (употребление экспрессивно-побудительных частиц, обращения).

В китайском языке формы наклонения глаголов не выражаются морфологически, поэтому не существует и императивной формы глагола. В связи с этим побуждение в китайском языке чаще всего передаётся побудительными предложениями с разными лексическими средствами, но по значению они равны императивной форме русских глаголов (Чжан Мэйлань 2003: 88; Чжао Вэй 2005: 108; Юань Юйлин 1993: 7). При этом в китайском языке, как и в русском, побудительные высказывания

могут передавать просьбу, совет, предложение, приглашение и т.д. при помощи перформативного глагола, например:

- *Приглашаем вас попробовать этот экзотический фрукт – дуриан!*
- *Просим вас экономно расходовать энергетические ресурсы!*
- *Приглашаем вас попробовать эти необычные рулетики из жареной пекинской капусты!*

Повелительное наклонение, в отличие от других наклонений, имеет особую побудительную интонацию, которая в системе повелительного наклонения является неотделимой и важной частью глагольных форм. Важность интонации в процессе побуждения подтверждается тем, что в разговорной речи императивная интонация может придать побудительное значение самым различным словам (– *Огонь!*; – *Воды!*; – *Вон!* и т.д.). Например:

- *Полный ход, – командовал Остап* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок);
- *Вперед! За Родину!* (Б. Васильев. В списках не значился);
- *По местам! Бегом!* – *отчужденно и властно крикнул он* (К. Воробьев. Убиты под Москвой);
- *Мать – сыну: Домой! Живо!*

В этих случаях интонация является основным средством, выражающим побуждение.

В художественных произведениях характер интонации и связанные с ней оттенки значений побудительных предложений могут быть выяснены из описания отношения между людьми и конкретной ситуацией, вызвавшей данное побудительное предложение. Большое значение имеют авторские замечания. Например:

- *Идите, вымойте его, – попросила она, закрыв лицо руками* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина);
- *Приходите скорей, – сказала она странным тоном, как бы приказывая* (М. Горький. Жизнь

Клима Самгина);

- *Идите за мной, – сурово сказал он и повёл их в хату* (А. Толстой. Хождение по мукам);
- *Заходи, заходи!* – *жуя закуску, по-хозяйски пригласил Гуж* (В. Быков. Знак беды);

Она ещё не поняла, зачем он так сделал, и испугалась, увидев его по колени в воде, откуда он требовательно протянул к ней руки. – Прыгай, ну! (В. Быков. Пойти и не вернуться);

– *Давай!* – *с последней решимостью вполголоса потребовал Стёпка, но, тут же поняв, что напрасно подался к Маслакову* (В. Быков. Круглянский мост);

– *Но тут уже за раненого ухватился Данила, и Бритвин, громко дыша, закомандовал: – Так! Потом... Понесли!..* (В. Быков. Круглянский мост).

Как видно из авторских замечаний, произношение этих фраз очень разнообразно. В нём отражается разный характер побуждения: приказы разной степени строгости, советы, просьбы и т.д.

Как показывают исследования интонации различных языков, многие показатели, трактуемые как национально-специфичные, оказываются, в конечном счете, общезыковыми, присущими и другим языкам, расширяя тем самым сферу универсального в интонации. Тем не менее, нельзя отрицать наличие специфического в интонации любого языка. О существовании специфического слоя интонации говорит влияние интонации одного языка на интонацию другого, а также и тот факт, что интонация является одним из наиболее сложных моментов в усвоении иностранного языка (Апресян 1969: 11–13).

Для китайского языка характерна сильная эмоциональная окраска речи, поэтому использование правильной интонации способно изменить способ высказывания. Интонация при выражении различных видов побуждения характеризуется усилением или уменьшением интенсивности звучания, повышением или понижением голоса, изменением длительности звучания и так далее:

- *Вы, Царь, велите вернуть ей гнездо!*
- *Скажите ему, чтоб немедленно шёл ко мне!*

А в текстах художественной литературы также большое значение имеют авторские замечания.

В китайском языке для выражения побуждения употребляются побудительные предложения, добавление к основной структуре предложения особых частиц, которые кардинально меняют смысл высказывания. Употребление частицы в побудительном предложении имеет оттенок вежливости, а её отсутствие – приказ или требование. Также присутствуют в таких предложениях повторы сказуемого, что означает вежливое приглашение или просьбу.

В русском языке частицы могут включаться в высказывания с формами повелительного наклонения, выражающие любой вид побуждения: категорический, нейтральный и смягчённый. При этом они вносят различные дополнительные значения: смягчают или усиливают побуждение, придают речи оттенок вежливости, фамильярности и т.д. Но изменять вид побуждения на другой они не могут. Независимо от того, присутствует ли частица в данном высказывании – приказе или просьбе, приказ останется приказом, просьба-просьбой.

В китайском языке побудительных предложениях часто употребляется фразовая частица 吧.吧. Например:

- *Пойдемте-ка вместе!* (我们一起去吧!)
- *Давай посмотрим фильм!* (我们去看电影吧!)
- *Давай пойдём быстрее!* (快点走吧!)
- *Кушай курицу!* (吃点鸡肉吧!)
- *Помогите мне помыть одежду!* (帮我洗洗衣服吧!)
- *Иди домой!* (回家去吧!)

Для выражения побуждения в китайском языке используются и другие частицы. Например, 啊 a – выражает рвение или нетерпение:

- *Спасите!* (救命啊!)
- *Уходи быстрее!* (快点出去啊!)

Существуют фонетические эквиваленты 啊 a: 呀 ya, 啦 la, 嘞 lei, 喽 lou и др. Например:

- *Приходи быстрее!* (快来呀!)
- *Встань с кровати!* (起床啦!)
- *Сходи в магазин!* (去商店喽!)

着 zhe в китайском языке выражает побуждение адресата сделать что-то, либо занять какую-либо позицию. Например:

- *Помни!* (记着!)
- *Сиди, не вставай!* (坐着, 别站起来!)
- *Держи!* (拿着!)
- *Держи ребёнка за руку!* (握着孩子的手!)
- *Слушай меня внимательно!* (认真听着!)
- *Посмотри на доску!* (看着黑板!)

Часто в китайском языке в значении побуждения в конце предложения употребляется частица 了 le. В таких высказываниях 了 обычно имеет оттенок завершения действия:

- *Не кушай это!* (不要吃这个了!)
- *Не делай эту работу!* (别干这个工作了!)
- *Вы уже устали, не пишите больше!* (你太累了, 不要再写了!)
- *Не играй!* (别玩了!)
- *Не болтай на уроке!* (别在课堂上说话了!)

Если условие было уже установлено, в китайском языке используется конечная частица 呗 bei. Например:

- *Если ты не согласен, уезжай!* (你不同意, 那你就走呗!)
- *Если у вас есть ошибки, исправьте!* (如果你犯了错, 就改呗!)
- *Если хочешь, пойдём.* (你要是想, 就一起去呗)
- *Если не понимаешь, то лучше выучи.* (不懂, 就好好学呗!)

Для выражения запрещения в китайском языке употребляются отрицательные частицы: 不要, 别, 不用, 甬, 莫, 休, 勿:

- *Не уходи, спектакль ещё не закончился!* (不要走, 戏还没演完呢!)

- Не смотри близко телевизор! (别这么近看电视!)
- Тебе не нужно знать это, ты ещё маленький! (你不用知道这个, 你还小!)
- Не надо заботиться обо мне! (甭惦记我!)
- Не плачь! (莫哭!)
- Не говори так! (休得胡言!)
- Не беспокойте! (请勿打扰!)

Открытое требование могут выражать слова 别 *bié*, 请 *qǐng*. Часто они используются в случаях, когда говорящий непосредственно знаком с собеседником. Например:

- Пожалуйста, объясни причину. (请你说说原因.)
- Пожалуйста, позови его, когда выйдешь. (请你出去以后叫他进来.)
- Пожалуйста, ответьте на этот вопрос! (请您回答这个问题!)
- Не шуми! (别吵!)

В таких предложениях требование выражается не только словами 别, 请, но и интонационно. 请 обычно употребляется в устной речи и в текстах художественной литературы.

Обычно в предложениях со словом 请 отрицание ставится после побудительного глагола, а подлежащее, выраженное личным местоимением 1-го или 2-го лица, обычно опускается:

- Пожалуйста, не надо церемониться! (请别客气!)
- Пожалуйста, не забудьте! (请不要忘记!)

В китайском языке побуждение, не выраженное никакими частицами, имеет оттенок грубого приказа или команды. Например:

- Встань! (起来!)
- Спи! (快睡!)
- Не двигайтесь! (别动!)

Однако, если в таких высказываниях употребляется повторение или удвоение императива, то даже при отсутствии каких-либо частиц такое предложение имеет оттенок вежливого приглашения или просьбы:

- Прошу тебя, иди быстрее! (求求你快点走吧!)
- Говори! (说说吧!)

Китайский язык как язык аналитического строя и русский язык как язык синтетического строя отличаются друг от друга формально-структурными характеристиками, которые предопределяют типологически значимые различия в лексике, представляющие собой одну из главных причин отсутствия полной эквивалентности в лексической системе двух языков.

В русском языке средства выражения побуждения многочисленны и разнообразны. В китайском языке существуют свои способы выражения побуждения: использование побудительных глаголов, частиц, интонации.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 28. 1969. № 1. С. 11–23.
2. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 190 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособ. для высших учебных заведений. М.; Л.: Учпедгиз. 1947. 784 с.
4. 张美兰. 祈使句及其指令行为的语力级差. 清华大学学报 (哲社版). 2003(2), 第 88–95 页).
5. 赵微. 指令行为与汉语祈使句研究. 上海, 2005.
6. 袁毓林. 现代汉语祈使句研究. 北京. 1993.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ СОВРЕМЕННЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811.161.1'36; 161.201

СТРУКТУРА МЫСЛИ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

О. И. Глазунова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. *Статья посвящена исследованию процесса преобразования мыслительных категорий в синтаксические языковые структуры. В ходе мышления отправитель речи приходит к выводам, которые затем оформляются в структурные модели словосочетаний и предложений со значением обладания, взаимодействия, вхождения в состав обобщенной группы объектов.*

Ключевые слова: *механизм мышления, грамматические структуры, субъект, предикат, типы структурной организации мысли.*

THE STRUCTURE OF THOUGHT AND THE GRAMMATICAL STRUCTURE OF THE SENTENCE

O. I. Glazunova

*St. Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia*

Abstract. *The article is devoted to the study of the process of transformation of mental categories into syntactic language structures. In the course of thinking, the sender of speech comes to conclusions, which are then formed into structural models of phrases and sentences with the meaning of possession, interaction, entry into a generalized group of objects.*

Keywords: *mechanism of thinking, grammatical structures, subject, predicate, types of structural organization of thought.*

Хранение в памяти отдельных объектов, групп объектов и ситуаций действительности с последующим к ним обращением невозможно без их структурирования, т. е. создания некой формы, конфигурация которой подчиняется логическим закономерностям. Как объекты материального мира существует в рамках формы, так и объекты мышления (образные структуры) выстраиваются в некую логическую, иерархическую, причинно-следственную последовательность, определяющую их статус и предназначение в природе и практической деятельности человека.

С появлением и развитием языка присущая сознанию системность восприятия объектов действительности переходит на новый уровень – преобразуется в *словесно-логическое мышление*. С одной стороны, данный тип мышления осуществляется на основе языковых средств, с другой – характеризуется использованием понятий и логических схем, которые служат для передачи информации в пространстве и времени.

При этом создание понятий не может происходить вне отрыва от реальной действительности, оно опирается на представления. Процесс формирования представлений – вторичных, воспроизведённых в сознании образов или состояний – начинается на элементарном уровне и развивается под воздействием окружающей действительности, в которой всё взаимосвязано и пребывает в постоянном взаимодействии. В результате, наряду с образным аналогом предмета, сложившимся под воздей-

ствием зрительных, слуховых, обонятельных, тактильных, температурных и др. ощущений, у человека возникает понятийное о нём представление.

Понятийные представления складываются в сознании, которое отражает действительность на качественно ином, чем ощущения и восприятие, уровне. «Это качественное отличие единицы в основном и главном есть обобщённое отражение действительности» (Выготский 1934: 10). Познавая окружающий мир, человек раздвигает границы своих возможностей, постигая законы мироздания и выявляя результаты взаимодействия объектов реальности: «Мышление отражает бытие в его связях и отношениях, в его многообразных опосредованиях» (Рубинштейн 2009: 309).

Практический характер мышления, использование его в процессе решения проблем привело к тому, что в сознании человека сформировались принципы описания действительности, нацеленные на выявление заложенных в ней закономерностей. Качественный аспект мышления состоит в обобщённом отражении представлений о действительности, в раскрытии той связи между объектами, «которая ведёт от отдельного к общему и от общего к отдельному» (Там же: 310).

Любое обобщение происходит на основе выделения и фиксирования наиболее общих, существенных свойств объекта или явления. Наблюдая за тем, что одни объекты похожи между собой, а другие от них отличаются, человек приходит к выводу о существовании обобщённых множеств, или классов, в которых объекты объединяются в зависимости от присущих им интегральных и дифференциальных признаков. Системный характер восприятия множеств однотипных объектов основан на том, что все они обладают *интегральными признаками*: любое яблоко, например, отличается от моркови или брюквы по целому ряду параметров; в то же самое время сами по себе яблоки не однородны – существуют разные их сорта и многочисленные разновидности.

Интегральные признаки, объединяющие группу предметов в единое целое, образуют обобщённое, понятийное, о них представление, которое выступает в качестве базовой единицы мышления; а *дифференциальные признаки*, позволяющие вычленив конкретный объект из класса, к которому он относится, обращены к внешнему миру – они составляют основу индивидуального, субъективного, описания того, что происходит в действительности.

И понятийное представление о предмете, объединяющее характерные для всего класса особенности, и индивидуальные его характеристики описываются через признаки. Следовательно, наряду с субстантивными понятиями в мышлении должны существовать единицы, которые соотносятся с этими признаками. Отвлечённость понятийного представления позволяет фиксировать эти признаки и хранить их в памяти наряду с субстантивными образами. В силу того, что мышление человека обусловлено вещественной природой восприятия, т. е. ориентировано на предметы, параллельно с отвлечёнными признаковыми значениями в сознании существуют коннотативные образы¹, которые им соответствуют.

В языке коннотаты выстраиваются в разветвлённую сеть метафорических структур, закреплённых в сознании носителей языка: заяц – трусливый, лиса – хитрая, молоко – белое и т. д. Практически для каждого признака можно найти общепринятый, зафиксированный в языке и основанный на традиционном мировосприятии субстантивный метафорический аналог, который воплощает данный признак в наибольшей степени. Заложённая на уровне сознания образная аналогия по отношению к признаковым значениям, которые не имеет соответствующих материальных форм воплощения, облегчает процесс коммуникации, давая возможность на визуальном уровне верифицировать абстрактные признаки. Помимо основного метафорического значения, соотносящийся с признаком образ обладает рядом других, взаимодействующих с ним характеристик, которые способствуют более глубокому и детальному воплощению мысли автора.

Любая мысль представляет собой системное образование, потому что в её основе лежит некое функциональное значение. Точно так же как системное образование материального уровня служит

---

¹ Коннотат является соотносящимся с лексическим значением слова понятийно-образным аналогом некоего предикативного смысла, преобразователем абстрактных сущностей в доступные носителям языка образные денотативные структуры.

для производства и получения неких материальных благ, так и мысль на уровне мышления используется для производства, получения и обмена информацией. Но системы без структуры не бывает, следовательно, кроме содержания – т. е. смыслового контента, мысль обладает и структурным уровнем его организации.

Как было сказано, мышление по сути своей субстантивно, так как ориентируется прежде всего на наглядно-образное восприятие объектов действительности. Однако для того чтобы мысль работала, одной субстанции мало, необходимо наличие противоречия или противоположной по знаку сущности, которая в силу иной природы вступила бы во взаимодействие с этой субстанцией, рождая мысль как качественно новое пространственно-временное образование.

Структурную основу мысли составляет взаимодействие двух противоположных начал: пространственно-субстантивного – субъекта, и предикативно-временного – предиката. Субъект (от лат. *subjectum* – букв. ‘лежащее внизу’) являет собой субстантивный предмет мысли, т. е. её основу; предикат соотносится с порождающими мысль атрибутивными её составляющими. Предикативный акт – взаимодействие субъекта и предиката в составе высказывания – ориентирован на процесс актуализации признака, и эта актуализация происходит не столько в действительности, сколько в сознании человека. По воле субъекта восприятия объекту могут приписываться даже те признаки, которыми он на самом деле не обладает.

Преобразующий характер предикативной (субъектно-предикатной) связи, т. е. совмещение разноплановых в качественном отношении компонентов, рождает мысль, с помощью которой человек обретает способность познавать и описывать окружающую его действительность.

Не только при построении высказывания, но и на более низких уровнях развития языка наблюдается использование принципа бинарной структурно-семантической организации. Противопоставленность слогаобразующего гласного и согласного (согласных) звуков в слоге, корня и остальных морфем в слове, главного и зависимого членов в словосочетании венчается относительным равновесием двух главных, полярных по природе, членов предложения – субъекта и предиката.

На синтаксическом уровне структурной организации предложения семантическая связь между субъектом (объектом мысли) и выражающим признак предикатом трансформируется в формальное соответствие подлежащего и сказуемого, выступающих в качестве главных членов. В то же самое время в силу того, что содержание определяет форму, а не наоборот, именно содержание занимает лидирующее положение при выборе синтаксической структуры предложения и главных его членов. В качестве подлежащего (грамматического субъекта) выступает существительное в именительном падеже (а также замещающие его лексемы) или глагол в форме инфинитива; в то время как семантический субъект может быть выражен различными предложно-падежными конструкциями.

Логическая форма мысли, согласно определению, «это способ связи отдельных ее частей» (Яшин 2019: 20), и основу этой связи составляет взаимодействие двух противоположных начал: пространственно-субстантивного – субъекта, и предикативно-временного – предиката.

В лингвистике под грамматической структурой предложения понимают «описание процесса создания предложения в той или иной грамматике» (Падучева 2009: 566). На синтаксическом уровне организации предложения семантическая связь между субъектом (объектом мысли) и выражающим признак предикатом трансформируется в формальное соответствие подлежащего и сказуемого, выступающих в качестве главных членов.

Несовпадение грамматической и семантической структур предложения свидетельствует о разнице между функциями, которые выполняют форма и содержание. Структура предложения более консервативна, её задача – сохранять базовую синтаксическую основу (модель) для воплощения содержания. Так как содержание намного превосходит форму по своему значению и объёму, вполне естественно, что грамматическая структура предложения выступает в качестве ограничителя, который изначально сокращает этот объём с тем, чтобы упростить его для последующего восприятия.

В структуре предложения представление о производителе действия или носителе состояния отходит на второй план; главным остаётся формальный принцип как основа для воплощения содер-

жания. И это вполне естественно, так как во многих случаях информация о субъекте не имеет для отправителя речи практического значения, основу его сообщения составляет описание самого действия или состояния.

Так как подлежащее в предложении соотносится с лексемой в начальной форме, то в этом качестве могут использоваться не только существительные или местоимения, но и другие части речи, которые не обладают субстантивным значением, например инфинитив: *Читать* полезно. Кроме подлежащего, в предложении обязательно присутствует сказуемое (в эксплицитном или имплицитном виде), функция которого заключается в том, чтобы передавать действие или состояние того, что было выражено подлежащим.

При этом соотношение между подлежащим и сказуемым, составляющее грамматическую основу предложения, не учитывает активный или пассивный характер действия: например, высказывания *Рабочие построили школу* и *Школа построена рабочими* в равной степени могут описывать одну и ту же ситуацию действительности. В первом предложении в качестве семантического и грамматического субъекта выступает форма именительного падежа существительного *рабочие*; во втором семантическим субъектом является форма творительного падежа *рабочими*, а грамматическим – форма именительного падежа *школа*.

Субъектный (действительный) или объектный (страдательный) грамматический статус производителя действия в предложении зависит от контекста и ракурса восприятия. Кроме пассивных синтаксических структур, при построении речи говорящий может использовать неопределённо-личные конструкции, которые дают возможность акцентировать внимание на действии и объекте, без упоминания того, кто это действие производит: *Школу построили*.

С точки зрения отправителя речи, отсутствие семантического субъекта в неопределённо-личных конструкциях вполне естественно: основу суждения составляет объект мысли, который является структурной (грамматической) и смысловой (семантической) его составляющей. В процессе умозаключения ему ставится в соответствие некое свойство, признак, действие или отношение, которое может соответствовать ему, исходить от него или быть на него направленным.

Без формы нет содержания, а потому грамматическая структура предложения является той необходимой составляющей языка, которая даёт возможность воплощать мысли в языковую, материальную, форму и передавать информацию в пространстве и времени. Таким образом, в предложении содержание, с одной стороны, определяет форму своего синтаксического воплощения, а с другой – вынуждено под неё подстраиваться. Так, наряду с нормативными конструкциями отправитель речи может использовать варианты, предусматривающие сознательное нарушение заданных норм.

Системный характер предложения позволяет в зависимости от функций, которые в его составе выполняет семантический субъект, придавать ему соответствующую падежную форму. Например, в предложении *Мне холодно* существительное, выражающее субъект, стоит в форме дательного падежа, который в падежной системе языка имеет значение адресата. Совмещение в форме дательного падежа функции адресата и содержательной функции носителя состояния привело к тому, что это предложение, в отличие от более традиционного по структуре предложения *Я испытываю холод*, стало доминировать в системе языка и речи, а категория состояния, выраженная предикативными наречиями, обрела свою собственную грамматическую форму воплощения. Отсутствие подлежащего в исходной синтаксической модели даёт возможность привлечь внимание к признаку, именно он выходит на первый план, определяя содержание высказывания *Мне холодно*.

Предложение как предикативная единица обладает значением времени, т. е. описывает развитие событий на основе тех изменений, которые происходят, происходили или будут происходить в реальности. Именно глагол отвечает за выражение этих изменений, объединяя в единое целое все задействованные в ситуации объекты в соответствии с существующими в синтаксической структуре языка правилами. Да и субъект как производитель действия соотносится с объектами через глагол. Исключения составляют непроецессуальные формы взаимодействия, которые выражаются существительными в родительном и дательном падежах.

В страдательных оборотах речи (*Школа построена рабочими*) разница между формальной и содержательной структурами предложения тоже выполняет свою особую функцию, при которой форма именительного падежа существительного *школа* привлекает внимание к объекту действия, делая его центром содержания высказывания.

Взаимодействие формальной и содержательной структур предложения, в соответствии с которым форма оказывает воздействие на содержание и содержание – на форму, даёт возможность субъекту речи в каждом конкретном случае использовать преимущества формального или содержательного принципов построения фразы. Особое место этот процесс занимает в языке художественной литературы, направленной на поиск оптимальных вариантов совмещения содержательных и синтаксических структур, которые позволили бы автору отображать свои мысли в полном объёме, с мельчайшими смысловыми и эмоциональными оттенками и подробностями.

Обратимся к структуре мысли, предметом которой всегда является объект этой мысли. С точки зрения логики функция суждения, в котором воплощается мысль, состоит в установлении соответствия/несоответствия объекта признаку или определённому классу объектов, обладающих общими признаками, с целью извлечения новой информации. В процессе сопоставления отправитель речи приходит к выводам, которые затем оформляются в базовые структурные модели словосочетаний и предложений:

- 1) Объект обладает вневременным признаком, который в языке выражен прилагательным или предложно-падежной формой существительного;
- 2) Объект обладает временным признаком – совершает действие;
- 3) Объект взаимодействует с другим объектом или объектами;
- 4) Объект входит в состав обобщённой группы объектов, обладающих определёнными признаками;
- 5) Объект сопоставляется с метафорическим субъектом, напрямую с ним не связанным, на основе сложившихся в обществе представлений о равенстве присущих им признаков.

Перечисленные типы структурной организации мысли¹ описывают отношения *обладания* (пассивного – (модель 1: *Он высокий*) или активного – (модель 2: *Он без тормозов*)), отношения *взаимодействия* (модель 3: *Он в коллективе*), отношения *вхождения в состав обобщённой группы* объектов по иерархическому (модель 4: *Он преподаватель*) или ассоциативному (модель 5: *Он свинья*) принципу.

Статичный характер постоянного признака в структуре предложения, как правило, выражается с помощью прилагательных; временного признака – с помощью предложно-падежных форм существительного (*кровать у окна*). «Грамматический атрибут, – писал Потебня, – за исключением наречий, но со включением ошибочно так называемых определительных предложений, есть название признака, представляемого данным в субстанции, обозначенной другим словом. Разница между определительным прилагательным и определительным существительным состоит в том, что в последнем признак не прямо приписывается известной субстанции, а через посредство другой субстанции» (Потебня 2009: 105).

Взаимодействие с другими объектами (модель 3) оформляется с помощью падежных форм существительных, с предлогами или без предлогов: *Он с друзьями*. На уровне синтаксиса вхождение объекта сообщения в состав обобщённой группы объектов (модель 4) соотносится с конструкциями, в которых субъект и предикат выражены именами существительными или личным местоимением и существительным: *Он студент*. Ассоциативный характер соответствия (5) базируется на той же синтаксической модели, но на другом принципе – переносе на предмет сообщения метафорических признаков значений: *Она куколка*.

---

¹ Типы структурной организации мысли следует отличать от атрибутивных, релятивных и экзистенциальных видов суждения. Типы структурной организации базируются на базовых синтаксических моделях, раскрывающих варианты соотношения друг с другом объектов и явлений действительности путем сопоставления присущих им признаков,

Ассоциативный вид связи чаще всего используется при образовании метафорических структур, основанных на единстве заложенных в объектах предикативных признаков. С формальной точки зрения метафорический перенос заключается в употреблении слова (словосочетания, предложения), предназначенного для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, для наименования или характеристики других объектов (ситуаций) на основе условного тождества приписываемых им предикативных признаков.

При ассоциативной связи отправитель речи конкретному субъекту ставит в соответствие субъект обобщённый, исходя из свойственного ему предикативного метафорического значения. Как правило, обобщённую метафорическую конструкцию в составе сложного предложения можно заменить одним словом: *Он сидел, как сидит Бальзаковская кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала* (М. Лермонтов) – *Он сидел расслабленно*. С другой стороны, совмещение в сложном предложении двух ситуаций: конкретной, происходящей в пространственно-временном континууме, и метафорической, основанной на ассоциации, происходит в результате применения *логического принципа равнозначности (эквивалентности)* по отношению к актуализированным в них предикативным признакам.

Стоит отметить, что все причисленные выше структурные модели предложения, соотносящиеся с типами структурной организации мысли, строятся на основе аналогии (соответствия, сходства), которая возникает при сопоставлении объектов и их признаков. В моделях (1) и (2) речь идёт о соответствии друг другу объекта и признака; в модели (4) – о соответствии объекта сообщения обобщённой группе объектов; в (5) – о соответствии предикативных признаков конкретного и метафорического объектов. В модели (3), в которой устанавливается факт взаимодействия между объектами, речь может идти о соответствии их друг другу по самым разным параметрам: по местоположению (*Дом у дороги*), времени (*Встреча после обеда*), статусу (*Памятник под охраной государства*) и т. д. Очевидно, что характер этого соответствия в предложении определяется на формальном уровне: предельно-падежными формами зависимых слов.

Таким образом, без осознания разницы – присутствия «антитезиса» в структуре суждения – невозможно развитие мысли, а эта разница предполагает сравнение, которое и определяет процесс мышления в целом. Сопоставлению могут подвергаться самые разные объекты и их признаки. «Актуальный процесс мышления, – по мнению С.Д.Кацнельсона, – предполагает, прежде всего, процесс производства знаний, или познание, образование или накопление новых знаний. Распределение этих знаний в разных головах оказывается различным в зависимости от индивидуальных и социальных обстоятельств» (Кацнельсон 2001: 471). Соответственно, при использовании того или иного варианта синтаксической модели предложения роль отправителя речи не ограничивается общепринятыми суждениями.

На основе существующих моделей, основанных на принципах обладания, вхождения и взаимодействия, выстраиваются другие структурные типы простого предложения, обусловленные составом знаменательных слов, выступающих в качестве их основы, а также дополнительными элементами, уточняющими или расширяющими информационное сообщение.

Таким образом, отправитель выстраивает свою речь на основе комплексного восприятия ситуаций окружающего мира, с учётом состава участников (включая объекты и их статические признаки), их действий (взаимодействий) и обстоятельств, которые их сопровождают. И в этом процессе принимают участие и органы чувств, и сознание человека.

Литература

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования / Под ред. В. Колбановского. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. 1934. 325 с.
2. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.

3. Падучева Е. В. Рецензия на книгу: Chomsky N. Syntactic Structures. 's-Gravenhage 1957(1959) // Падучева Е. В. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 561–570.
4. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II / Общ. ред., предисл. и вступ. статья проф., д-ра филол. наук В. И. Борковского; Академия наук СССР, Отделение литературы и языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР (Учпедгиз), 1958. 536 с.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер. 2009. 713 с.
6. Яшин Б. Л. Логика. Изд. 2-е, стер. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 417 с.

УДК 811.161.1

ГРАММАТИКА «ПУСТОЗЕРСКИХ УЗНИКОВ» В СВЕТЕ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

А. В. Загуменнов

*Религиозная организация – духовная образовательная
организация высшего образования Вологодская
духовная семинария Вологодской епархии
Русской Православной Церкви
Вологда, Россия*

Аннотация. статья представляет собой анализ, с одной стороны, отношения идеологов старообрядчества – Аввакума, Федора Иванова, Лазаря и Епифания – к официально принятой грамматике Мелетия Смотрицкого, а с другой – грамматических предпочтений самих пустозерских узников.

Ключевые слова: грамматика, языковая личность, старообрядчество, XVII в.

GRAMMAR OF THE «PRISONERS OF PUSTOZERSK» IN THE LIGHT OF LINGUISTIC PERSONOLOGY

A. V. Zagumennov

*The religious organization – the theological educational
organization of higher education "The Vologda theological
seminary" of the Vologda diocese of the Russian Orthodox Church,
Vologda, Russia*

Abstract. The article is an analysis of the attitude of the ideologists of the Old Believers (Avvakum, Fedor Ivanov, Lazarus and Epiphanius) to the officially accepted grammar of Meletius Smotritsky. The grammatical preferences of the empty prisoners themselves are also revealed.

Keywords: grammar, linguistic personality, Old Believers, XVII century.

I. По справедливому замечанию А. Н. Робинсона, «понятие грамматики обычно осознаётся в двух значениях: как свод правил практического (учебного) познания языка или как теоретическое (научное) познание языка» (Робинсон 1984: 112). Тем не менее, будь это «свод правил» или изложенные в виде системы теоретические положения, отечественная лингвистика никогда не забывала о наличии производителя речи. В середине XIX века И. И. Давыдов утверждал, что «изслѣдование раз-

витія вродженной челоуѣку способности выражаться посредствомъ слова составляетъ предметъ общей Грамматики; изслѣдованіе особенностей этой способности въ отечественномъ языкѣ есть предметъ частной Грамматики, и именно отечественной» (Давыдов 1853: V). Как полемика с этим утверждением воспринимаются слова Ф. И. Буслаева о том, что «логика языка точнѣе, строже и совершеннѣе логики отдѣльныхъ лицъ» (Буслаев 1875: 14). При этом считать это утверждение общепризнанной истиной не дают позиции других отечественных лингвистов. То, что мы можем говорить об особом языке отдельного лица, обосновывал в своих работах Ф. Ф. Фортунатов (Фортунатов 1956), А. А. Потебня (Потебня 1874), А. А. Шахматов (Шахматов 1916). К. С. Аксаков, например, разделял «этимологию» как объективную, и синтаксис – как субъективную грамматики (Аксаков 1880). По утверждению Г. Я. Солганика, даже в грамматике 1980 года говорящий как производитель речи просматривается за всеми структурными схемами предложения (Солганик 2010). В этой связи всё дальнейшее изложение принципиально не противоречит отечественной научной традиции.

II. Если можно говорить об особом языке отдельного лица, то мы неминуемо должны коснуться языковой личности. В рамках научного анализа она будет рассматриваться либо как человек, способный «производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» (Богин 2009: 5), либо как сознательная часть человека, «реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» (Караулов 2010: 38). Лингводидактический, и шире – герменевтический подход Г.И. Богина в том варианте, в каком он был изложен в докторской диссертации 1984 года (Богин 1984), для целей исторического исследования не может быть принят по методологическим соображениям. Концепция Ю. Н. Караулова, напротив, является для диахронической лингвоперсонологии (Нерознак 1996; Иванцова 2010) ключевой, хотя и она требует уточнения. Особенно, когда мы сталкиваемся с пустозрескими узниками – протопопом Аввакумом, диаконом Федором Ивановым, попом Лазарем и иноком Епифанием.

III. По отношению к ним оборот «грамматика «пустозерских узников»» не лишен смысла, и в этом ключе можно выделить два базовых уровня рассмотрения. Первый из них – грамматика как «значащее переживание» (Г. Г. Шпет, Г. И. Богин) языковой личности. Этот уровень, пусть и не в такой формулировке, намечен работой (Робинсон 1984). В «Книге Толкований и нравочений» Аввакум обращается к царю: «Любить насъ Богъ не меньше грековъ; предалъ намъ *и грамоту нашимъ языкомъ Кириломъ святымъ и братомъ его*. Чево же намъ еще хочется лутче тово? Развѣ языка ангельска?» (РИБ 1927: 475). Равноапостольные Кирилл и Мефодий со своей миссией по распространению учения Христа среди славян оказались в аспекте теологии уникальным прецедентом: их деятельности была благословлена и патриархом константинопольским, и папой римским. Иными словами, братья из Солуни стали самым воплощением единства христианской церкви. Вопрос Аввакума о пренебрежении к узаконенным традицией грамматическим формам стоял как никогда остро.

Федор Иванов, в передаче разговора с ним греческого митрополита Афанасия, отвечает своему высокопоставленному собеседнику: «Разумѣю отчасти (т.е. грамматику – прим. З. А.); *грамматика не вѣрѣ учитъ, но какъ которое слово добръ глаголати и правѣ писати*» (МДИР, Т. 6 1881: 199). «Духовный сын» Аввакума хорошо знал грамматику, а его талант как проповедника признавался современниками (МДИР, Т. 6 1881).

Поп Лазарь в свойственной ему манере русского мистицизма укоряет сторонников реформы Никона в том, что они поют многие стихи ни по-гречески, ни по-славянски. «О томъ преподобный Памво, пророчествуя, рече: *Не пишете доброю грамотою*: хочеть бо послѣдній родъ гладити преданія отеческая и писати пѣсни и тропари еллинскія, по своей воли, и протчая» (МДИР, Т. 4 1878: 199). Это полемический момент, где «добрая грамота» – та, что официально одобрена справщиками Никона, т.е. грамматика Мелетия Смотрицкого. Этот автор, с точки зрения идеологов старообрядчества, не является православным, более того, он – униат, подчиняющийся католическому ордену иезуитов. Нетрудно догадаться, с какой опаской защитники «древлего благочестия» смотрели на грамматику Мелетия.

Наконец, инок Епифаний, в традициях древнерусского самоуничтожения, дважды писал в своём «Житии»: «понеж азъ *грамотики и философии от юности моя не учился и не искалъ сего*; и и

н(ы)нѣ не ишу того, но сего ишу, како бы ми Хр(ис)та И(су)са м(и)л(о)стива сотворити себѣ и людемъ» (Пустозерский сборник... 1975: 114). Проверить это утверждение невозможно, но в рамках очерченной системы высказываний оно значимо как тема, осмысливаемая всеми пустозерскими узниками.

IV. Второй уровень рассмотрения «грамматики пустозерских узников» основывается на анализе вербально-семантического уровня языковой личности. Причем применительно к Аввакуму, Федору, Лазарю и Епифанию возможны два пути исследования.

Первый – через комментарий о внесенных изменениях в богослужебные тексты. Например, Лазарь эксплицирует своё понимание функциональной семантики глагола: «Да въ новыхъ же книгахъ напечатано: Господи, прибѣжище *быль еси* намъ. Еще же и въ тропарѣ напечатано: на престолѣ *быль еси*, Христе. И тѣ рѣчи Христу похуленіе и отмѣтны; сею рѣчию сказуютъ намъ Господне прибѣжище и на престолѣ бытіе мимошедшее» (МДИР, Т. 4 1878: 192). Иными словами, «мимошедшее» не есть вечное, и такое использование перфекта непозволительно с позиций контекста.

Второй путь исследования предполагает анализ произведений с последующим восстановлением вербально-семантического уровня языковой личности. Перспективным нам видится изучение сочинений идеологов старообрядчества по критерию модальности предложения в рамках оппозиции, предложенной Г. Я. Солгаником: «Он-предложения» / «Я-предложения». К первому типу, например, можно отнести стремление Лазаря выстроить текст с позиции внешнего наблюдателя: «Въ царствующемъ градѣ Москвѣ выломаль престолъ въ соборной церкви, что былъ освященъ отъ прежнихъ патріархъ» (МДИР, Т. 4 1878: 179). В свою очередь Аввакум – ярчайший пример «Я-предложений»: «Но гадъ *есмь* или свинія; якоже и она питается рожцы, тако и я грѣхми» (РИБ 1927: 241). И форма глагола «быть» в первом лице единственного числа настоящего времени (*есмь*), и личное местоимение (я, но не «аз» при «есмь»), и двойной соединительный союз (якоже – тако) – всё это усиливает присутствие говорящего в образной составляющей полипропозитивной структуры.

V. Ни Аввакум, ни Федор, ни Лазарь, ни Епифаний не были специально выученными людьми для систематизации грамматических наблюдений. Тем не менее вопросы языковедческого характера, которые обсуждали между собой «пустозерские узники», требуют переосмысления с позиций лингвоперсонологического подхода. Мы бы хотели привлечь внимание научного сообщества к одному фрагменту из «Книги обличений» протопопа Аввакума. Во время спора с диаконом Федором последний приводит следующее рассуждение: «слово же сугубо ... имать рождение: *первое бо, рождается отъ ума безстрастна*, и никто жъ вѣсть, не слышитъ его; токмо человекъ самъ въ себѣ единъ вѣсть; егда же *второе родится – плотными устнами – и внѣ духомъ изыдетъ, тогда всякъ увѣсть и услышитъ слово и уразумѣетъ его*, еже глаголетъ отъ ума волю и хотѣніе его» (РИБ 1927: 579). Неизвестно доподлинно, действительно ли принадлежит это рассуждение духовному сыну Аввакума, или же Аввакум приписывает это своему духовному сыну – вопрос сейчас не в этом, а в другом: осознаём ли мы, что в этом диалоге в последней трети XVII века была затронута имманентная сознанию жизнь языка? Переведите это утверждение из «Книги обличений» на язык отечественных работ по русской грамматике, начиная с XIX века. Не видится ли нам во фрагменте выше предвосхищение идей А. А. Потемни, что слово, как акт, рождается каждый раз заново? Корреспондирует ли спор Аввакума и Федора с тезисом К. С. Аксакова о «замолкающей природе» на рубеже сознания? Усматриваем ли во фразе «отъ ума безстрастна, и никто жъ вѣсть, не слышитъ его; токмо человекъ самъ въ себѣ единъ вѣсть» будущую разработку модели «Смысл–Текст» И. А. Мельчуком? Мы привыкли мерить грамматику XVII века меркой между Мелетием и «Житием...». Возможно, пора обратиться и к такому специфическому источнику, как письменное наследие всех «пустозерских узников», взятых и персонально, и совокупно, и институционально, и дискурсивно.

Литература

1. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 3. М.: Тип. П. Бахметева; Унив. тип. (Катков и К°), 1880. 709 с. разд. паг.

2. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук. 10.02.19. Ленинград, 1984. 31 с.
3. Богин Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 1. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. 156 с.
4. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. Ч. 1. Москва: бр. Салаевы, 1875. [2], 382 с.
5. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук / Акад. Иван Давыдов. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1853. [2]. XLIV. 497 с.
6. Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности: для студентов высших учебных заведений в качестве учебного пособия по направлению 031000 и специальности 031001 – "Филология" / Е. В. Иванцова; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Томский гос. ун-т». Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. 158 с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
8. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита [Текст]: [т. 1-9] / под ред. Н. Субботина. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1875–1895.
9. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. науч. тр. М., 1996. С. 112–116.
10. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: 1. Введение : перепечатано из «Филологических записок» / Сост. А. Потебня. Воронеж: Типография Н. Д. Гольдштейн, 1874. 157 с.
11. Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; Вступ. статья И. Н. Заволоко; АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 263 с.; 193 л.
12. Робинсон А. Н. Воинствующая грамматика и текст // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. 112–134.
13. Русская историческая библиотека Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII века, Кн. 1, вып. 1. СПб.: б. и., 1927. ХСVII. 480 с.
14. Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. М.: Флинта; Наука, 2010. 136 с.
15. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1 / М. Н. Петерсон. М.: Учпедгиз, 1956. 450 с.
16. Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка: Ч. 1 / Акад. А. А. Шахматов. Петроград: изд. ком. студентов И.-ф. ф. Ун-та, 1916. [2], 146, II [1] с.

УДК 81-116

О РАЗЛИЧИЯХ МЕЖДУ ГИПЕРБАТОМ И ИНВЕРСИЕЙ

А. В. Новожилов

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В стилистике всё чаще пишут о гипербате и инверсии, как о взаимозаменяемых понятиях. Однако это структурно и психолингвистически разные явления. Инверсия связана с передвижениями, гипербат – с передвижениями и эллипсисом. Это разные операции, что создаёт структурное различие. Психолингвистические различия определяются сложностью для восприятия.

Ключевые слова: гипербат, инверсия, скрэмблинг, разорванный скрэмблинг, формальный синтаксис

ON DIFFERENCES BETWEEN HYPERBATON AND INVERSION

A. V. Novozhilov

St. Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia

Abstract. *In stylistics, it is being written about hyperbaton and inversion as interchangeable concepts. However, these are structurally and psycholinguistically different phenomena.*

Inversion is associated with movement, hyperbaton with movement and ellipsis. It creates a structural difference. Psycholinguistic differences are due to the complexity for perception.

Key words: *hyperbaton, inversion, scrambling, split-scrambling.*

Введение. Термин *гипербат* (*гипербатон*), используемый современной стилистикой, восходит к древним риторикам и практике комментирования языка античной литературы и богословских текстов. Он привлек наше внимание в связи с тем, что его описания в современных словарях и справочниках создают ощущение простоты понимания явления, которое принято обозначать этим термином. Большинство определений оставляют за собой слишком большое «нечто», остающееся неопи- санным. Остаётся неясным различие между гипербатом и инверсией, более того, остаётся неясным и вопрос, в чем различия их функций в тексте, если это, как принято считать, родственные явления. История этого явления, как и история термина (Маркасова 2022), показывает, что необходимо вклю- чить анализ гипербата в широкий контекст современных синтаксических исследований.

Для того чтобы решить эту задачу, необходимо выделить глубинные синтаксические причины гипербата и инверсии. Цель статьи – найти и показать разницу между двумя риторическими явления- ми (инверсией и гипербатом) на синтаксическом уровне.

Синтаксические подходы к гипербату и инверсии. Явление, называемое в риториках ги- пербатом, в синтаксических работах чаще всего именуется термином Split Scrambling (Sekerina 1999) или Split Focus Construction (Androutsopoulou 1998).

Скрэмблингом в формальном синтаксисе чаще всего и называют изменения канонического порядка слов. Такие языки (*discontinuous*) не редкость: немецкий (Struckmeier 2017), венгерский (Surany 2006), греческий (Ntelitheos 2004), русский (Baylin 2003), валпири (Carnie 2013). То есть фак- тически скрэмблинг – это и есть инверсия. Причины такого явления – предмет постоянных споров в среде синтаксистов.

Разорванный (*split*) скрэмблинг – это фактически тоже передвижение, однако оно затрагивает только группы DP (чаще всего это группа существительного) или PP (группа предлога), но последняя – это отдельный случай, мы рассмотрим его чуть ниже. Пример такого явления:

(2) *Кашу Маша съела овсяную.*

И скрэмблинг, и разорванный скрэмблинг чаще всего анализируются в терминах передвиже- ний. Передвижение (Chomsky 1999) – это буквально перемещение вершины или комплемента по син- таксическому дереву вверх. В этой парадигме все перемещения мотивированы и ограничены, иначе порождающая сила такого инструмента была бы слишком велика (Carnie 2013: 330). Действительно, мы видим, что предложения типа (3) оказываются для носителей русского языка неграмматичными.

(3)¹ *Открытую дверь² в он влетел³ эту.*

Причём для носителей, например, албанского, такой разрыв бы абсолютно приемлем (Giusti 1996: 3).

(4) *gruaja tjetër e bukur*

жестина-Det другая Det. милая

“эта другая милая женщина”

Итак, передвижения должны быть мотивированы и ограничены, и в каждом языке параметр ограничений настраивается по-разному.

Под мотивированностью передвижения мы понимаем причину, которая заставляет элемент перемещаться. Хомски (1998; 1999) выделяет два типа признаков, которые создают передвижения: интерпретируемые и неинтерпретируемые. «Элемент с неинтерпретируемым признаком (зонд) должен найти элемент с таким же интерпретируемым признаком в своей сфере поиска. Сфера поиска ограничена с-командованием. Когда цель найдена, зонд притягивает ее к себе, то есть запускает передвижения групп и вершин, в результате которых неинтерпретируемый признак удаляется» (Митрёнина и др. 2019: 146).

Можно выделить следующие ограничения: принцип крайнего случая, принцип лени (передвижения происходят после построения глубинной синтаксической структуры), принцип жадности (никто не может «работать» за сам зонд) и принцип кратчайшего пути.

Самая известное такое передвижение – это специальные вопросы в английском. Так, местоимения типа *what*, *where* и т.д., обладая интерпретируемым признаком вопросительности, по сути своей являются объектами и должны были бы находиться в конце предложения. Но вершина *S* обладает таким же неинтерпретируемым признаком и притягивает к себе группу вопросительного объекта.

В связи с этим возникает вопрос: какие признаки мотивируют скрэмблинг и разорванный скрэмблинг?

Первый подход опирается на предложенные Рицци (Rizzi 1997) вершины Топика (TopicP) и Фокуса (FocusP). В русскоязычной научной среде их чаще всего обозначают аналогами темы и ремы, отвечающими (соответственно) за старую информацию и дискурсную привязку и новую информацию. Таким подходом к объяснению пользуются, например, Д. Исак и А. Кирк (Isac&Kirk 2008) на примере древнегреческого. Эту же теорию применяет (Johnson 2001) для того, чтобы объяснить эллипсис.

И в том, и в другом случае, передвижение происходит, чтобы удовлетворить неинтерпретируемый признак топика или фокуса на соответствующих вершинах. Те же подходы часто используются и для объяснения разорванного скрэмблинга (Caruso 2016 – для хорватского; Darzi & Asadimofarah 2020 – для персидского; Giusti & Iovino 2011 – для латыни и итальянского).

В общем виде синтаксическое дерево с таким передвижением можно увидеть на рисунке 1 (некоторые части дерева опущены). Точно так же, как на Рис. 1, происходит передвижения и при разорванном скрэмблинге. NP «Маша» передвигается в спецификатор вершины *T*, чтобы удовлетворить EPP-T, а NP «Каша», обладая интерпретируемым признаком топика, передвигается в спецификатор вершины TopicP.

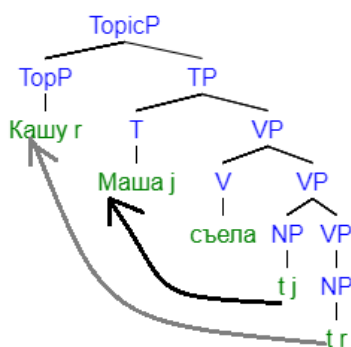

Рис. 1. Передвижения в вершину TopicP

Однако такой подход создаёт две проблемы: техническую и теоретическую. Первая проблема возникает, когда движущаяся группа попадает там, где по логике Рицци вершины топика нет. Например, в предложении (5), разрывной скрэмблинг возникает в позиции *Obj Adj V N*, где *Adj* и *N* – синтаксическая группа.

(5) *Утром жнецами и жнищами мирный наполнится сад* (М. Лохвицкая).

Эту проблему решают разными средствами, но в общем ключе Нтелиитеос (Ntelitheos 2004) для греческого и Джусти (Giusti 1996; 2011) для албанского и итальянского соответственно. Они

предлагают ввести в DP дополнительные вершины топика и фокуса. Таким образом, разделение на главный топик и фокус и внутренний топик и фокус именной группы в общем виде будет выглядеть, как показано на рис. 2.

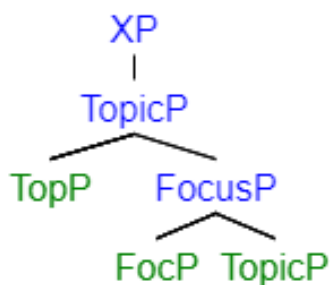

Рис. 2. Вершины топика и фокуса внутри XP

Такое разделение действительно работает на материале греческого и албанского, так как там могут меняться вершины Det и NP местами, тем не менее оно не решает проблему для русского DP, который может разрываться глаголом. Странно было бы предполагать, что ещё и над VP или vP есть такие вершины. Нам видится, что такой подход излишне усложняет внутренне стройную картину синтаксиса, добавляя в неё дискурсивные элементы.

Кроме того, передвигающиеся части синтаксического дерева в таком случае должны были бы приходиться из лексикона с уже имеющимся значением топика или фокуса, что кажется совершенно неправдоподобным. И это вторая проблема: включение не комплементарных, а континуальных признаков в структуру грамматики. Топик и фокус отвечают за главное ударение в просодии, а топик и фокус внутри DP отвечают за синтагматическое ударение, между ударным и безударным словом лежит ещё плоскость относительно информационно выделенных составляющих.

Джустини для итальянского и латыни (2011) предлагает разделить DP на собственно DP, а также CaseP, отвечающую за падеж, и NumP, отвечающую за число. Но этот подход сталкивается с теми же проблемами.

Другой подход предлагает К. Хэйл (Hale 1983). Он предлагает разделить грамматику на фразовую структуру (ФС) и лексическую структуру (ЛС). Фразовая структура отвечает в его теории за порядок слов, а лексическая – за тематические и грамматические отношения. Далее он добавляет, что языки, как русский, албанский и т.п., имеют включённый (в противовес выключенному в языках с жёстким порядком слов) параметр: TP -> X T Z+, что означает: вы можете поставить любой элемент X первым перед вспомогательным глаголом в спецификаторе T. За вершиной TP и её спецификатором следует любое количество элементов в любом порядке. Смысл предложения считывается в ЛС, а какие-то части могут быть опущены, если они понятны из контекста.

Этот подход также встречает возражение. Существует множество языков с жёстким порядком слов, которые тем не менее позволяют некоторую свободу для определённых составляющих, например, английский для наречий или испанский для топикализации.

Наконец, третий подход (уже для русского языка) разрабатывала Н. А. Слюсарь (2007; 2018) на основе теории фаз Хомского (Chomsky 2008), добавляя к уже имеющимся фазам C и v вершины T, V, D (под сомнением) и на конфигурационные модели грамматики (Reinhart & Neelman 1998; Szendroi 2001).

Здесь стоит пояснить, что фазы в теории Хомского – это границы порождения в том смысле, что мы не порождаем всё предложение сразу, а делаем это по частям. Таким образом фазы непроницаемы друг для друга за исключением их границ.

Конфигурационные модели в противовес признаковым (как Ричии и вершины топика) опираются на соотношение элементов: глубину залегания в синтаксическом дереве, с-командованием и так далее.

Слюсарь разделяет все передвижения на согласовательные и информационно-структурные. Согласовательные передвижения запускаются признаками, унаследованными из лексикона вместе со

словом, как приводившийся в пример вопросительный признак [+Wh]. Информационно-структурные же передвижения оказываются связаны выделенностью и доступностью определённой составляющей в нашей памяти. Таким образом, они действительно являются темой и ремой, однако топик и фокус как паралингвистические явления не вводятся в структуру грамматики. Тем не менее, картина выглядит не так просто.

Информационно-структурные передвижения зависят от синтаксиса, точнее, продиктованы его правилами. Они опираются на краевые признаки, то есть на начало и конец синтаксической группы или предложения, то есть на глубину синтаксической составляющей в дереве. Таким образом, они являются конфигурационными, потому что глубина определяется относительно других составляющих.

Далее языки разделяются на те, которые позволяют свободный сдвиг главного ударения, но не позволяют свободные перемещения (английский), те, которые позволяют свободные перемещения, но не позволяют сдвиг ударения (итальянский, где главное ударение всегда на последнем слове), и те, которые позволяют и то и другое (русский язык). В русском языке при базовом порядке слов работает правило: последний член или члены предложения по глубине залегания получают главное ударение, а самая глубокая составляющая в группе получает синтагматическое ударение.

Эти два типа передвижений таким образом обрабатываются на фонетическом интерфейсе по-разному: согласовательные передвижения – согласно общему правилу, а информационно-структурные нет. То есть в большинстве случаев при согласовательных передвижениях составляющие не теряют своего ударения, а при информационно-структурных ударения пересчитываются.

Таким образом DP-Split становится информационно-структурным передвижением, обусловленным доступностью и выделенностью. Элемент может передвинуться в начало предложения, если он обладает высокой доступностью и низкой выделенностью. Такие передвижения обусловлены обновлённым принципом «двигай А» (Chomsky 2008), однако ограничены правилами синтаксиса и ограничениями на передвижения (к этому пункту мы ещё вернёмся). Считается, что фазовые вершины (C, v, T, V, D) обладают признаком EPP, который является триггером передвижений.

Так, синтаксическая структура предложения (взято из (Слюсарь 2018: 256)) будет выглядеть следующим образом (см. Рис. 3) (капслок для главного ударения):

(6) Конфеты съели ДЕТИ.

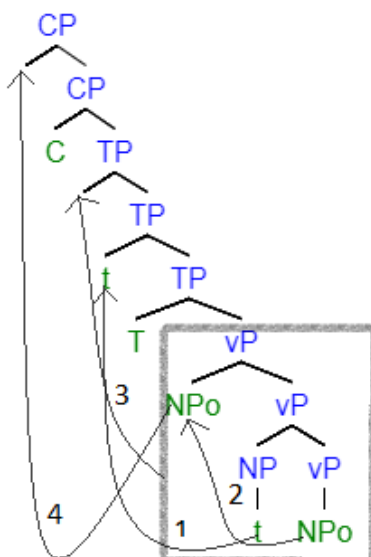

Рис. 3. Деривация предложения по модели Н. А. Слюсарь

Сначала NP субъекта передвигается в спецификатор вершины T, чтобы удовлетворить правило EPP-T (у каждого предложения должно быть подлежащее). Эта группа передвигается, потому что именно она находится на краю фазы. Под краем обычно понимается только верхний край, потому что передвижений вниз не существует.

Затем группа объекта передвигается в спецификатор первой vP, чтобы оказаться на краю фазы. Вся группа vP передвигается вместе с NPo в спецификатор верхней TP. И, наконец, объект, находящийся на краю фазы поднимается в CP.

При таком подходе к анализу передвижений возникает вопрос. Что происходит со структурой предложения, если нужно выделить конкретную часть синтаксической группы, то есть применить гипербат? Предположим, что есть девочка Маша, и мы из контекста уже знаем, что она съела кашу, но ещё хотим узнать, какую именно кашу она съела. Возможные и естественно звучащие варианты были бы такими:

(7) *Маша съела овсяную кашу*

Но в этом предложении в фокус нашего внимания попадает уже известное – каша, к тому же предложение вновь получается инверсивным. Тогда попробуем убрать «кашу» назад по предложению:

(8) *Кашу Маша съела овсяную.*

(9) *Маша кашу съела овсяную.*

Маша кашу ОВСЯНУЮ съела.

Здесь в рамках уже выделенного подхода существует две позиции. Первая позиция выражена в (Sekerina 1999). И. А. Секерина считает, что переносится не конкретное прилагательное, а целая именная группа. Затем происходит эллипсис. И при попадании на Ф-интерфейс озвучивается неэллипсированная часть верхней копии и неэллипсированная часть нижней копии.

По какому же принципу эллипсируется часть группы? Вероятно, эллипсис происходит по принципу выделенности и доступности, если передвинулась и та часть составляющей, которая не удовлетворяет этим критериям, удаляется. Это вписывается в логику последней версии минимализма (Chomsky 2008), где составляющие не передвигаются, а копируются, и чаще всего произносятся верхние копии.

Другой подход предлагает (Boshkovitch 2005). Он разделяет языки на артиклевые и безартиклевые и полагает, что в безартиклевых языках прилагательные являются адьюнктом и поэтому могут свободно передвигаться, являются функциональными вершинами, что позволяет им передвигаться из DP. Однако такой подход встречает возражения (Pereltsvaig 2007). А. Перельцвайг пишет, что прилагательные всё же являются функциональной вершиной в русском языке, как и во многих других языках, именно поэтому предложения по типу (10) являются неграмматичными (пример взят из (Митрёнина и др. 2018: 180)).

(10) *Французский мы посмотрели этот фильм**

В таком случае непонятно, каким именно образом прилагательное в предложениях типа (11) преодолевает ограничения на передвижения через вершины в DP.

(11) *Овсяную ела Маша кашу.*

Итак, мы склоняемся к подходу И.А. Секериной. Предложение (11) выглядело бы так: [Овсяную (кашу е) ела Маша (овсяную е) кашу], где е значит эллипсис.

Получается, что наше предложение (5) – мы повторим его здесь – как (12) – можно объяснить следующим образом (Рис. 4):

(12) *Утром жнецами и жнищами мирный наполнится сад.*

Мирный сад наполнится утром жнецами и жнищами (М.Лохвицкая).

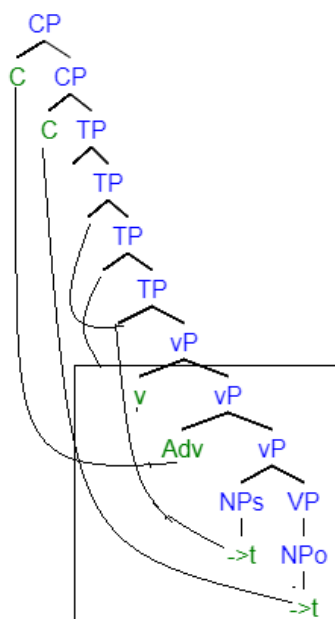

Рис. 4. Деривация примера (12)

DP субъекта выдвигается в спецификатор T, чтобы удовлетворить EPP-T. «Утром» переносится в верхний CP, так как является адьюнктом и может свободно перемещаться. Группа «жнецами и жницами» передвигается сначала в верхний vP на край фазы (не изображено на рисунке из-за громоздкости), а затем вся группа vP переносится в спецификатор T. Оттуда NPo переносится в спецификатор нижнего C. А NPs копируется, перелетая через vP, и эллипсируется.

Такое количество операций требует повышенной когнитивной нагрузки. Действительно, И. А. Секерина находит небольшие, но значимые различия между обычным и разорванным скрэмблингом, то есть инверсией и гипербатом в терминах стилистики. В статье она проводит эксперимент на основе 4 протоколов по 64 предложения со скрэмблингом и разорванным скрэмблингом, используя методику чтения с саморегулировкой скорости. В эксперименте приняли участие 76 человек. Время чтения каждого слова в предложениях с простым скрэмблингом было на 20–40 мс меньше, чем в предложениях с разрывным скрэмблингом.

Однако кажется, что нужно продолжить экспериментальные исследования, чтобы подтвердить разницу между явлениями. Во-первых, в эксперименте Секериной после предъявления предложения шло слово, которое могло быть в самом предложении. Участникам эксперимента предлагалось решить, было ли это слово в предложении. Такой вопрос заставляет участников вчитываться, но не регистрирует понимание прочитанного, – только запоминание. Во-вторых, контрольная группа была включена в набор предложений, однако сравнений с ней не проводилось. Наконец, не приводятся и данные регрессии о попарном сравнении контрольного и экспериментальных условий.

Тем не менее, среднее время чтения слова в предложениях с разорванным скрэмблингом было 525–550 мс. Среднее же время чтения предложений с инверсией, то есть скрэмблингом – 505–512 мс. Других экспериментов нам найти не удалось.

Выводы. Таким образом, гипербат – это не просто инверсия, это топикализация или фокализация конкретной части группы DP или PP, которая сопровождается передвижением и эллипсисом.

Тем не менее, тема гипербата и инверсии, их структурных, психолингвистических различий, а также использования в устной канонической речи и в речи поэтической требует дальнейших исследований

Остаются теоретические вопросы: считать ли разрыв глагола и наречия гипербатом? Рассмотрение подобных конструкций ввергнет нас в дебаты о существовании функциональной вершины наречия. Другой вопрос возникает в связи с предложными группами и группами Det и Q.

Благодаря синтаксическому подходу и применению методов трансформационной грамматики возникает возможность расширить и детализировать сведения о гипербате и инверсии, которые активно изучает стилистика, и сократить разрыв между типологическим подходом к языку и собственно стилистическими исследованиями.

Литература

1. Маркасова Е. В. Дизъюнкция синтагм в русском языке: термин и явление в интерпретации М. В. Ломоносова // Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации: межд. конф. (Петрозаводск, 8–10 сент. 2022, препринт.)
2. Митрёнина О. В., Романова Е. Е., Слюсарь Н. А. Введение в генеративную грамматику. М.: URSS, 2018. 368 с.
3. Слюсарь Н. А. На стыке теорий: грамматика и информационная структура в русском и других языках. М.: URSS, 2018. 416 с.
4. Androutsopoulou, Antonia. “Split DP’s, Focus, and Scrambling In modern Greek.” the West Coast Conference on Formal Linguistics. the 16th West Coast Conference on Formal Linguistics, 1998, Seattle, University of Washington.
5. Asadimofarah Tayebah, and Ali Darzi. “Split DP in Persian – A Minimalist Approach.” *J. Humanities*, vol. 2, 9 Mar. 2020, pp. 1–22., URL: <https://doi.org/10.22059/jolr.2020.281064.666505>.
6. Bailyn John Frederick. “Does Russian Scrambling Exist?” *Word Order and Scrambling*, 2003, pp. 156–176. URL: <https://doi.org/10.1002/9780470758403.ch7>.
7. Boskovic Zeljko. “On the Locality of Left Branch Extraction and the Structure of NP*.” *Studia Linguistica*, vol. 59, no. 1, 2005, pp. 1–45. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9582.2005.00118.x>.
8. Carnie Andrew. *Syntax a Generative Introduction*. Wiley-Blackwell, 2013.
9. Caruso Željka. “A Split DP-Analysis of Croatian Noun Phrases.” *Jezikoslovlje*, vol. 17, 2016, pp. 23–45.
10. Chomsky, Noam. *Derivation by Phase*. Massachusetts Institute of Technology, Department of Linguistics, 1999.
11. Chomsky Noam. *Minimalist Inquiries: the Framework*. MITWPL, 1998.
12. Chomsky Noam. “On Phases.” *Foundational Issues in Linguistic Theory: Essays in Honor of Jean-Roger Vergnaud*, edited by Robert Freidin et al., MIT Press, Cambridge, MA, USA, 2008, pp. 133–166.
13. Giusti Giuliana, and Rossella Iovino. “Latin as a Split-DP Language.” *Studia Linguistica*, vol. 70, no. 3, 2016, pp. 221–249. URL: <https://doi.org/10.1111/stul.12045>.
14. Giusti Giuliana. “Is There a FocusP and a TopicP in Noun Phrase Structure?” *University of Venice Working Papers in Linguistics*, vol. 6, ser. 2, 1996, pp. 105–128. 2.
15. Hale Ken. “Warlpiri and the Grammar of Non-Configurational Languages.” *Natural Language and Linguistic Theory*, vol. 1, no. 1, 1983. URL: <https://doi.org/10.1007/bf00210374>.
16. Isac Daniela and Kirk C. Allison. “The split DP hypothesis evidence from Ancient Greek.” (2008).
17. Johnson Kyle. “What VP Ellipsis Can Do, What It Can't, but Not Why.” *Handbook of Contemporary Syntactic Theory*, edited by Mark Reuben Baltin and Chris Collins, Blackwell Publishing Ltd, Oxford, UK, 2001, pp. 439–479. Blackwell Publishers.
18. Neelman, Ad, and Tanya Reinhart. “Scrambling and the PF Interface.” *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*, edited by Miriam Butt and Wilhelm Geuder, CSLI Publications, Stanford, CA, USA, 1998, pp. 309–353.
19. Ntelitheos Dimitrios. “Syntax of Elliptical and Discontinuous Nominals.” University of California, Los Angeles, UCLA, University of California, Los Angeles, 2004, pp. 1–78.
20. Pereltsvaig Asya. “The Universality of DP: A View from Russian.” *Studia Linguistica*, vol. 61, no. 1, 2007, pp. 59–94. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9582.2007.00129.x>.

21. Rizzi Luigi. "The Fine Structure of the Left Periphery." Kluwer International Handbooks of Linguistics, 1997, pp. 281–337. URL: https://doi.org/10.1007/978-94-011-5420-8_7.
22. Sekerina Irina A. "Scrambling and Processing: Dependencies, Complexity, and Constraints." Word Order and Scrambling, 1999, pp. 301–324. URL: <https://doi.org/10.1002/9780470758403.ch13>.
23. Slioussar Natalia. Grammar and Information Structure: A Study with Reference to Russian. 2007
24. Struckmeier Volker. "Against Information Structure Heads: A Relational Analysis of German Scrambling." Volume 2, vol. 2, no. 1, 2017. URL: <https://doi.org/10.5334/gjgl.56>.
25. Szendroei Kriszta. "Focus and the Syntax-Phonology Interface." Thesis (Ph. D.), University of London, 2001.
26. Surányi, Balázs. "Scrambling in Hungarian." Acta Linguistica Hungarica, vol. 53, no. 4, 2006, pp. 393–432. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/26190106>. Accessed 23 Aug. 2022.

УДК 811.161.1

ВОПЛОЩЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИМИ ЯВЛЕНИЯМИ

Г. В. Токарев

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия*

Исследование «Симболорий региональной идентичности» выполнено
за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28-20342
и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

***Аннотация.** В статье рассматриваются возможности приложения лингвокультурологического знания к грамматическим явлениям. Интерпретация грамматических явлений позволяет получить выводы о глубинных представлениях лингвокультурной общности о мироустройстве. Эксплицированные представления отражают процессы идентификации лингвокультурной общности.*

***Ключевые слова:** язык, грамматика, культура, семантика, идентичность.*

THE EMBODIMENT OF LINGUISTIC AND CULTURAL IDENTIFICATION BY GRAMMATICAL PHENOMENA

G. V. Tokarev

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia*

***Abstract.** The article discusses the possibilities of applying linguistic and cultural knowledge to grammatical phenomena. The interpretation of grammatical phenomena allows us to draw conclusions about the deep ideas of the linguistic and cultural community about the world order. The explicated representations reflect the processes of identification of the linguistic and cultural community.*

***Keywords:** language, grammar, culture, semantics, identity.*

Реализация лингвокультурологического подхода осуществляется преимущественно в сфере лексической и фразеологической семантики. Образность, оценочность, эмотивность рассматриваются в качестве форм, включающих в себя культурно маркированные элементы значения. Однако грамматическая семантика, специфика формообразования, несомненно, воплощают на глубинном, а поэтому менее очевидном уровне модели миропонимания. Будучи наукой герменевтического толка, лингвокультурология интерпретирует факты языка и речи в категориях культуры: архетипах, концептах, представлениях, наивных понятиях, культурных установках, стереотипах. Безусловно, что на грамматическом уровне больше универсального, тем не менее здесь также можно усмотреть культурно специфические черты, касающиеся в том числе культурной идентификации. В основе процесса идентификации лежит категоризации в соответствии с культурным таксоном «свой vs. чужой». В пределах использования родного языка носитель не осознаёт своеобразие восприятия действительности, объективированного грамматическими значениями и конструкциями. Однако при передаче смыслов средствами неродного языка иные средства репрезентации квалифицируются как чужие. Особенно ярко это проявляется в несоответствии категории рода существительных, времени глагола, предлогах, союзах, модальных средствах, построении предложения. При объяснении грамматических явлений в категориях культуры интерпретатор прибегает к операторам «так мы представляем мир», «так они понимают действительность», реконструирует отдельные фрагменты наивной картины мира, а также выявляет черты национального характера.

Приведём примеры культурно маркированных грамматических явлений в аспекте культурной идентификации.

Специфика идентификации человека в славянских лингвокультурах отражена в категории одушевлённости имени существительного. Как известно, на этапе формирования этой категории одушевлёнными были только существительные, обозначающие лиц мужского пола. По всей видимости, на это влияли культурные установки, отводившие женщине второстепенную роль. До сих пор в русском языке различаются по одушевлённости слова *покойник/труп*, что опять же связано с наивными представлениями русских о том, что душа не сразу покидает тело человека.

Культурно значима категория рода. Это подтверждает тот факт, что в разных языках слова могут не совпадать по этому признаку. Данный морфологический признак является категоризирующим для любого языка, в котором он имеется. Так, в чешском языке слово *жизнь* мужского рода, в немецком *смерть* – мужского, в арабском *собака, смерть, любовь* – мужского.

Интересен факт родовой асимметрии. Так, в русском языке в большинстве случаев нет семантической корреляции между названиями лиц мужского и женского рода по профессии. Ср: *повар / повариха, врач/ врачиха* и др. Существительные женского рода в этих парах характеризуются стилевой маркированностью. Этот факт может быть объяснён культурными установками, связанными с ограниченным участием женщины в общественной жизни, господствовавшими долгое время.

С. А. Кошарная указывает на лингвокультурные причины грамматического выделения группы существительных на *-мя* (Кошарная 2002: 204). Эти существительные формируют своеобразный текст, кодирующий человеческие ценности.

Зарождение человека – *бремя*.

Рождение человека, его узнавание – *знамя*.

Обретение души – *пламя*.

Именованье его как обретение человеческой сущности – *имя*.

Вскармливание человека – *вымя*.

Обретение разума – *темя*.

Продолжение рода – *семя*.

Формирование рода – *племя*.

Жизнь человека – *время*.

Жизнь рода, его движение во времени – *стремя*.

По мнению В. В. Колесова, структурные особенности языка определяют специфику мышления: «Все европейские языки суть языки флективного строя: к корню слова у них прибавляются различные суффиксы, флексии ..., что определяет особенность нашего мышления. Мы мыслим как бы квантами, клочковато кусочками присоединяя всё новые оттенки мысли, постепенно расширяя их всё новыми словами – в дискурсе, в последовательности развития мысли. Мы «лепим» понятия из обрывков образов и символов, которые у нас под руками» (Колесов 2006: 46).

Лингвокультурная специфика русского местоимения состоит в регулярном использовании неопределённых местоимений: *кто-то, что-то, кое у кого, один* и других, что отражает склонность русского сознания к неопределённости. В русской речи часто опускается местоимение, обозначающее принадлежность. *Он продал машину, а не Он продал свою машину.* Эта черта подчёркивает индифферентность русского сознания к собственности, склонность к коллективизму.

Для русской лингвокультуры большую значимость имеют местоимения *мы, наши*, которые репрезентируют представления об общности лиц, объединяемых по какому-либо признаку. Данные местоимения соотносятся с ментальной оппозицией «свой/чужой» и выражают положительные коннотации. Эти представления имеют архетипическую основу.

Русской лингвокультуре присуща категория безличности. Это объясняется свойственной русскому менталитету иррациональностью и неагентивностью, неконтролируемостью, отсутствием ответственности за происходящее действие (Вежбицкая 1997: 34). Русские не признают логического объяснения жизни, на явления природы смотрят как на непостижимые и непредсказуемые, считают, что человеку не подвластна его собственная жизнь, что способность контролировать жизненные события ограничена. Эта ментальная категория находит своё выражение безличными глаголами и словами состояния: *ему было холодно, живу дурно, мне живётся очень плохо, его переехало трамваем, его убило молнией* (примеры А. Вежбицкой). Данные словоформы подчёркивают фатальность, стихийность действия, смиренность.

Грамматическая категория времени отражает представления о цикличности или линейности данного феномена. Д.С. Лихачёв отмечал: «Обычные представления о будущем связывают его с тем, что находится впереди (ср.: *у него еще целая жизнь впереди* или: *наше будущее впереди*). Обычные же представления о прошлом связываются с представлениями о том, что находится сзади (ср.: *все страхи у него позади* или: *у него за плечами годы упорного труда*). Настоящее, с точки зрения обычных представлений нового времени, находится между прошлым и будущим.

Иными были временные представления в Древней Руси. Прошлое в X–XIII вв. (а частично и позднее, точные хронологические пределы установить вряд ли возможно) ассоциировалось прежде всего с тем, что впереди. «“Передний” означало “прежний, прошлый”» (Лихачёв 1985: 255).

Культурная специфика отражена в синтаксическом строе языка. Например, в сравнении с немецким языком, имеющим фиксированный порядок слов, передающий пунктуальность национального характера, русский язык отражает некую свободу грамматического выражения мысли. Русские фразы очень плеонастичны, поскольку главная установка не доказать, а убедить. В. В. Колесов замечал, что: «Категоричность самоутверждения и бытового нигилизм отражены в том, что в русском предложении отрицается каждое слово: *Никто никогда ничего не видел*» (Колесов 2006: 50).

Культурная значимость может отражаться в продуктивности синтаксических явлений. Так, продуктивность односоставных предложений в русском языке отражает концентрированность русского сознания на действии, а не на субъекте: *Стучу в дверь. Стучишь в дверь. В дверь стучат.*

А. М. Пешковский так объяснял продуктивность обобщённо-личных предложений: «... В форму общения облакаются нередко чисто личные факты, носящие глубоко интимный характер... И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить напоказ его перед всеми, тем охотнее он облакает его в форму обобщения, переносящую это переживание на всех» (Пешковский 2001: 375).

Фатализм, иррациональность, алогичность, страх перед непознанным отражает продуктивность безличных предложений. Так, А. Вежбицкая, рассматривая русский язык сквозь призму английского, видит в безличности неконтролируемость и иррациональность русского менталитета, па-

циентивную ориентацию русского синтаксиса, которая является следствием взгляда на мир как на совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению (Вежбицкая 1997: 55–76). По мнению С. Г. Тер-Минасовой, одним из объяснений этого синтаксического явления русского языка может быть коллективизм менталитета его носителей, стремление не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума, желание снять с себя ответственность за происходящее. В тех случаях, когда в русском языке употребляются безличные синтаксические модели, в английском языке имеют место личные формы: *думается, что – I think; есть охота – I am hungry; холодает – It's getting cold; мне холодно – I am cold; мне не спится – I don't feel like sleeping*. Отсюда следует, что в русском языке и действия, и ответственность мыслятся безлично, индивидуум растворен в коллективе, в природе, в стихии, в неизвестных, необозначенных силах (Тер-Минасова 2003: 528–529). По мнению современных учёных, развитие конструкций типа иметь (я имею) связано с развитием представлений о частной собственности. «В связках быть ослаблена идея обладания, собственности» (Радбиль 2010: 145).

А. Вежбицкая отмечает склонность русских писателей к использованию полипредикативных предложений отражает тенденции русского сознания к аналитизму, морализации, дидактизму.

Таким образом, грамматика, хотя и в меньшей степени, чем лексический и фразеологический уровни, отражает особенности восприятия и понимания действительности и человека. Однако черты результаты культурной идентификации, запечатлённые в грамматических значениях, представлены менее чётко, чем на лексическом, соответствуют более крупным социокультурным общностям, таким как европейское, славянское, восточно-славянское сообщества. Грамматические явления в лингвокультурологическом аспекте изучены фрагментарно, поэтому данное направление является перспективным и актуальным.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1997. 416 с.
2. Кошарная С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2002. 288 с.
3. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб: Перербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
4. Кошарная С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2002. 288 с.
5. Лихачёв Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени: Монография. Л.: Худож. лит., 1985. 352 с.
6. Пешковский А. М. Синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
7. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта: Наука, 2010. 328 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Языки и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2003. 624 с.

ДИНАМИКА ДИСТРИБУЦИИ ЧАСТЕРЕЧНЫХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В РУССКОМ РАССКАЗЕ 1900-1930 ГГ.

Т. Ю. Шерстинова, И. С. Завьялова
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Публикация подготовлена в результате проведения исследования по проекту № 21-04-053
«Методы искусственного интеллекта для филологических исследований»
в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)».

Аннотация. В статье с помощью методов корпусной и компьютерной лингвистики рассматривается изменение дистрибуции частеречных и грамматических категорий в текстах русской малой прозы в течение трех социально-значимых исторических периодов первой трети XX века. Исследование выполнено на материале аннотированного подкорпуса Корпуса русского рассказа 1900–1930, включающего произведения 300 русских писателей общим объемом 1 млн. словоупотреблений. Показано, какие тенденции в употреблении частеречных и грамматических категории можно проследить в языке и стиле художественной прозы рассматриваемой эпохи, коренным образом изменившей социальный и общественный уклад в стране.

Ключевые слова: русский рассказ, части речи, грамматические категории, диахрония, квантитативный анализ

DYNAMICS OF THE DISTRIBUTION OF POS AND GRAMMATICAL CATEGORIES IN THE RUSSIAN SHORT STORIES OF 1900-1930S

T. Yu. Sherstinova, I. S. Zavyalova
National Research University Higher School of Economics
Saint-Petersburg, Russia

Abstract. Using the methods of corpus and computational linguistics, the article examines the change in the distribution of part-of-speech and grammatical categories in the texts of Russian short stories during three socially significant historical periods of the first third of the 20th century. The study is based on the annotated subcorpus of the Corpus of Russian Short Stories of 1900-1930s, which includes the works of 300 Russian writers with a total volume of 1 million words. It is shown what trends in the use of POS and grammatical categories can be traced in the language and style of fiction of the epoch under consideration, which radically changed the social and social structure in the country.

Key words: Russian story, parts of speech, grammatical categories, diachrony, statistical analysis

В данном исследовании изучается дистрибуция частеречных и грамматических категорий в текстах малой русской прозы, написанных в период 1900–1930 гг. Рассматриваемый период оказался судьбоносным для истории нашей страны и условно распадается на три последовательных хронологических периода: 1) начало XX века (1900–1913), 2) период социальных катастроф – войн и революций (1914–1922) и 3) становление нового советского государства (1923–1930). Художественная литература исследуемой эпохи и, в первую очередь, такой популярный ее жанр как рассказ, исключительно разнообразны по тематике (Skrebtsova 2020) и стилистике (Мартыненко 1988). Лексикостилисти-

ческая вариативность малой прозы рассматриваемого периода (Гребенников, Скребцова 2019), а также наблюдения лингвистов, как современников тех революционных событий (Баранников 1919; Карцевский 1923; Jakobson 1921), так и более поздних исследователей (Поливанов 1927; Селищев 1925; Селищев 1928), позволяет выдвинуть гипотезу о том, что можно ожидать определенных различий в относительной частоте употребления тех или иных частей речи, а также грамматических форм в литературных текстах, написанных в довоенном, военно-революционном и раннесоветском периодах (Sherstinova, Martynenko 2020).

Пилотное исследование дистрибуции частеречных форм на материале русского рассказа было описано в (Sherstinova, Martynenko 2020), изучение распределения грамматических форм впервые было выполнено на ограниченной выборке в 15 рассказов и представлено в (Завьялова, Шерстинова 2022). В данной работе мы продолжаем изучение этого вопроса и проводим квантитативный анализ на представительном объеме литературного материала – текстах 300 русских писателей общим объемом в 1000000 словоупотреблений.

Базой для проведения исследования стала аннотированная часть (Подкорпус-300) Корпуса русского рассказа 1900–1930 (Корпус русского рассказа; Мартыненко и др. 2018; Мартыненко и др. 2018б). Этот электронный ресурс был разработан специально для проведения лингвостатистического анализа языка и стиля русской малой прозы, в том числе для моделирования процессов, происходящих в языке беллетристики на фоне социально-экономических изменений в государстве (Sherstinova, Martynenko 2020).

Работа представляет собой квантитативное исследование, выполненное по результатам автоматической морфологической разметки. В качестве морфологического парсера был привлечен широко используемый в настоящее время программный инструмент UDPipe (UDPipe) на базе на базе СинТагРус (СинТагРус), который показывает достаточно высокое качество автоматической разметки. Ввиду большого объема данных, не предполагалось ручная коррекция результатов работы парсера, в том числе проверка результатов автоматического разрешения омонимии. Тем не менее, такой подход кажется обоснованным в связи с тем, что предыдущее исследование, базирующееся на 100% выверке результатов автоматической разметки, показало достаточно низкий процент ошибок программы при морфологическом разборе текстов (не более 1,5–4% в зависимости от грамматической категории).

Как и при использовании любых других компьютерных программ, тегирование осуществляется с помощью тех категорий, которые поддерживает парсер. В частности, что касается частей речи, UDPipe выделяет следующие: предлог *ADP*, частица *PART*, сочинительный союз *CCONJ*, подчинительный союз *SCONJ*, междометие *INTJ*, существительное *NOUN*, имя собственное *PROPN*, числительное *NUM*, местоимение *PRON*, глагол *VERB*, вспомогательный глагол *AUX*, прилагательное *ADJ*, наречие *ADV* и детерминатор *DET*. Отдельно помечаются знаки пунктуации *PUNCT*, символы *SYM* и иностранные слова *X*. Для большей точности и удобства подсчетов было введено две дополнительные категории: вводные слова *INTRO* и предикативы *STAT*. Изначально вводные слова были размечены в UDPipe морфологически соответствующими частями речи или наречиями.

Рассмотрим дистрибуцию частей речи. В табл. 1 показаны сравнительные данные об употреблении в текстах русского рассказа выделяемых частей речи.

Таблица 1

Дистрибуция частей речи в русском рассказе трех последовательных исторических периодов

№	Части речи	Период 1 (1900–1913), %	Период 2 (1914–1922), %	Период 3 (1923–1930), %
1	Прилагательное (ADJ)	9,19	8,60	9,00
2	Предлог (ADP)	9,73	10,24	10,77
3	Наречие (ADV)	8,39	7,89	7,47
4	Вспомогат. глагол (AUX)	1,14	1,02	0,88

5	Сочинит. союз (CCONJ)	6,32	6,16	5,21
6	Детерминатор (DET)	3,54	3,10	2,76
7	Междометие (INTJ)	0,20	0,19	0,21
8	Вводное слово (INTRO)	0,00	0,01	0,00
9	Существительное (NOUN)	21,54	22,93	25,00
10	Числительное (NUM)	0,86	0,96	0,97
11	Частица (PART)	5,03	5,08	4,62
12	Местоимение (PRON)	9,85	8,88	7,74
13	Имя собственное (PROPN)	2,81	3,43	3,62
14	Подчинит. Союз (SCONJ)	2,18	2,02	1,84
15	Предикатив (STAT)	0,01	0,01	0,01
17	Глагол (VERB)	19,23	19,48	19,91

Полученные результаты показывают, что в целом распределение частей речи по разным периодам дают весьма схожие показатели, что говорит о том, что их дистрибуция в рамках одного жанра тяготеет к некому инварианту. Тем не менее, можно выделить незначительную динамику в частоте употребления существительных, которые в раннесоветском периоде встречаются примерно на 3,5% чаще, чем в прозе начала века. Повышение количества существительных неизбежно ведет за собой незначительное увеличение доли предлогов (на 1,04%). В то же время употребление личных местоимений, напротив, несколько падает (на 2,11%). Полученные результаты в целом совпадают с теми, которые были получены в более ранних исследованиях (Sherstinova и др. 2020; Лаврентьев и др. 2021). Использование статистического критерия χ^2 , тем не менее не дает оснований считать отмеченные различия значимыми.

Список грамматических признаков, выделяемых UDPipe для знаменательных частей речи был подробно в (Корпус русского рассказа). В частности, для существительных парсер определяет род, число, падеж, одушевленность. При этом UDPipe использует для русского языка несколько расширенный, по сравнению со традиционным списком из 6 падежей, перечень падежей, включающий также партитив, локатив и вокатив. Для прилагательных к этим признакам добавляются степени сравнения. Признаки глагола, выделяемые программой: род Gender, число Number, лицо Person, вид Aspect, наклонение Mood, время Tense, форма VerbForm, залог Voice. Особое внимание нужно уделить тому, что UDPipe не распознает в предложениях сослагательное наклонение, поэтому данную признак следует определять экспертно.

В табл. 2 представлено распределение падежных форм существительных, прилагательных, личных местоимений.

Таблица 2

Распределение падежных форм в русском рассказе 1900–1930 гг.

№	Падеж	Период 1 (1900–1913), %	Период 2 (1914–1922), %	Период 3 (1923–1930), %
1	Именительный Nom	38,51	38,50	37,47
2	Винительный Acc	20,86	21,26	21,71
3	Родительный Gen	16,09	16,16	16,54
4	Творительный Ins	10,94	10,29	10,97
5	Предложный/локатив Loc	7,02	7,07	7,21
6	Дательный Dat	6,49	6,61	5,96
7	Партитив Par	0,10	0,11	0,13

Таблица 2 показывает, что распределение падежей внутри текстов одного периода также тяготеет к некоторому инварианту.

Распределение временных форм глагола также показывает весьма схожие числовые данные (см. табл. 3). Тем самым мы вынуждены опровергнуть гипотезу о преобладании форм прошедшего времени в раннесоветской прозе, выдвинутую в (Завьялова и др. 2022).

Таблица 3

Распределение временных форм глаголов в русском рассказе 1900–1930 гг.

№	Временная форма	Период 1 (1900–1913), %	Период 2 (1914–1922), %	Период 3 (1923–1930), %
1	Будущее <i>Fut</i>	5,09	5,72	5,98
2	Прошедшее <i>Past</i>	68,29	67,98	67,22
3	Настоящее <i>Pres</i>	26,63	26,29	26,80

Также можно говорить об инвариантности употребления изъявительного и повелительного наклонения. Не наблюдается существенных отличий также использовании залога. Можно лишь отметить незначительное (на 1%) увеличение форм активного залога за счет сокращения форм медиального залога. В частоте использования пассивного залога наблюдается относительная стабильность.

Тем не менее, некоторые более значимые отличия в распределении грамматических форм были выявлены (см. табл. 4). Так, в прозе раннесоветского периода наблюдается повышение доли личных глагольных форм на 3% и незначительное увеличение доли причастий, что происходит за счет сокращения числа употреблений неопределенной формы глагола и деепричастий.

Таблица 4

Распределение основных форм глагола в русском рассказе 1900–1930 гг.

№	Глагольная форма	Период 1 (1900–1913), %	Период 2 (1914–1922), %	Период 3 (1923–1930), %
1	Личная <i>Fin</i>	72,94	75,89	76,00
2	Инфинитив <i>Inf</i>	13,22	10,86	10,51
3	Причастье <i>Part</i>	6,99	7,69	8,12
4	Деепричастье <i>Conv</i>	6,85	5,56	5,36

Что касается видовых форм глагола, наблюдается тенденция в постепенном увеличении на 3% форм глагола совершенного вида и зеркального сокращения форм глагола несовершенного вида. Можно предположить, что тем самым косвенно проявляется декларируемый интерес нового советского общества к результативности и «свершениям».

В отношении частоты употребления форм глагола 1–3 лица можно проследить незначительную динамику. Так, безусловно преобладающие в художественной литературе формы 3-го лица благодаря частотности повествования именно от 3-го лица за анализируемый промежуток времени несколько снизили свое присутствие: на 3,37% понизилась средняя частота этих форм. Одновременно незначительно повышается доля глаголов в форме 1-го лица (на 0,77%) и более значительно – доля глаголов в форме 2-го лица. По-видимому, эти стилистические особенности могут характеризовать как увеличение числа рассказов, написанных от 1-го лица, так и повышение доли диалогической речи персонажей в текстах рассказов.

Кроме того, можно отметить, что в раннесоветский период примерно на 1,5% (1,41%) увеличивается доля всех слов, обладающих грамматическим показателем множественного числа (существительных, местоимений, прилагательных, глаголов), за счет снижения доли слов в форме един-

ственного числа. Это возможно считать отражением в литературе возрастающего «коллективного» духа Советской России по сравнению с дореволюционными временами.

Что касается категории рода, если рассматривать ее в среднем для всех слов, обладающих ею, неожиданным является тот факт, что начало века отличается от военно-революционного и раннесоветского периодов, которые по этому признаку фактически идентичны. А именно, в довоенной прозе начала XX века наблюдается преобладание форм мужского (56,68%) и среднего рода (23,00%), и только 20,30% приходится на формы женского рода. В то же время в более поздние периоды наблюдается больший (и сопоставимый между собой) процент форм женского рода (33,74% и 33,91% соответственно), на фоне падения общего количества форм мужского рода до 50,06% и 50,84%, а форм среднего – до 15,19% и 16,23% соответственно. Можно предположить, что в данном случае речь может идти не только об увеличении доли персонажей женского рода, но также и повышении частоты слов, характеризующих происходящие в обществе катаклизмы, многие из которых относятся к женскому роду («революция», «война», «трагедия», «болезнь», «смерть» и др.).

По использованию форм степеней сравнения наблюдается относительно постоянная дистрибуция долей, в которой около 2,75% приходится на формы сравнительной степени и только 0,13% на превосходную степень.

Таким образом, исследование показало, что очень по многим грамматическим категориям в диахронии наблюдается тенденция к инвариантности распределения и стабильность в ранговых порядках отдельных грамматических категорий, что представляет собой весьма интересный результат, если принимать во внимание лексическое и тематическое разнообразие малой прозы. Более того, это позволяет говорить не только о целостности литературы исследуемых временных периодов, но и косвенным образом подтверждает истинность предположения, высказанного уже почти 100 лет назад выдающимся представителем русской формальной школы Ю. Н. Тыняновым о существовании некой единой «литературно-художественной системы эпохи» (Тынянов 1929).

Полученные данные могут быть использованы как реферативные данные для проведения стилистических исследований русской художественной прозы (Мартыненко 2019). В качестве продолжения исследований кажется целесообразным изучить пределы вариативности частоты использования отдельных грамматических категорий как в отдельных литературных произведениях, так и в творчестве отдельных авторов. Тем самым станет возможным оценить амплитуду допустимых колебаний этих долей на фоне относительной стабильности употребления тех или иных грамматических категорий в пределах данного исследуемого жанра.

Литература

1. Баранников А. П. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Учёные записки Самарского университета. 1919. № 2. С. 64–80.
2. Гребенников А. О., Скребцова Т. Г. Языковая картина мира в русском рассказе начала XX века // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. № 3 (25). С. 82–92.
3. Завьялова И. С., Шерстинова Т. Ю. О морфологических различиях в текстах малой русской прозы 1900–1930 гг. // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. №2 (50). С. 176–204.
4. Карцевский С. И. Язык, война и революция. Берлин: Русское универсальное изд-во, 1923. 72 с.
5. Корпус русского рассказа 1900–1930 гг. [Электронный ресурс.] URL: <https://russian-short-stories.ru>
6. Лаврентьев А. М., Шерстинова Т. Ю., Чеповский А. М., Пенсмен Б. Использование платформы ТХМ для исследования изменений языка во времени: динамика словарного состава и пунктуации в русских литературных текстах // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 70, 2021, С. 69–79.
7. Мартыненко Г. Я. Методы математической лингвистики в стилистических исследованиях. СПб.: Нестор-История, 2019. 296 с.

8. Мартыненко Г. Я. Основы стилистики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1988. 176 с.
9. Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Мельник А. Г., Попова Т. И. Методологические проблемы создания Компьютерной антологии русского рассказа как языкового ресурса для исследования языка и стиля русской художественной прозы в эпоху революционных перемен (первой трети XX века) // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. (Труды XXI Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2018, Санкт-Петербург, 30 мая – 2 июня 2018 г. Сборник научных статей). СПб.: Университет ИТМО, 2018. Вып. 2. С. 97–102.
10. Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю., Попова Т. И., Мельник А. Г., Замирайлова Е. В. О принципах создания корпуса русского рассказа первой трети XX века // Труды XV Международной конференции по компьютерной и когнитивной лингвистике «TEL 2018». Казань, 2018. С. 180–197.
11. Поливанов Е. Д. Русский язык сегодняшнего дня // Литература и марксизм. 1927. № 4. С. 167–180.
12. Селищев А. М. Революция и язык // Селищев А. М. На путях к педагогическому самообразованию. М.: Мир. 1925. С. 141–146.
13. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М.: Работник просвещения, 1928. 248 с.
14. СинТагРус = Синтаксически размеченный корпус русского языка: информация для пользователей // Ruscorpora. URL: <https://ruscorpora.ru/new/instruction-syntax.html>
15. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. М.: Прибой. 1929. 596 с.
16. Sherstinova T., Grebennikov A., Skrebtsova T., Guseva A., Gukasian M., Egoshina I., Turygina M. Frequency Word Lists and Their Variability (the Case of Russian Fiction in 1900–1930) // 27th Conference of Open Innovations Association FRUCT. Trento: University of Trento, 2020. P. 366–373.
17. Jakobson R. Vliv revoluce na ruský jazyk [Влияние революции на русский язык]. Praha, 1921. P. 28–60.
18. Sherstinova T., Martynenko G. Linguistic and Stylistic Parameters for the Study of Literary Language in the Corpus of Russian Short Stories of the First Third of the 20th Century // R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics (Proc. of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019), Saint Petersburg, Russia, November 27, 2019), CEUR Workshop Proceedings. 2020. Vol. 2552. P. 105–120.
19. Skrebtsova, T. Thematic Tagging of Literary Fiction: The Case of Early 20th Century Russian Short Stories. Proceedings of the International Conference "Internet and Modern Society", 2020. Vol. 2813. P. 265–276.
20. UDPipe = морфологический парсер [Электронный ресурс.] URL: <http://lindat.mff.cuni.cz/services/udpipe/run.php>

ГРАММАТИКА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

УДК 372.881.111.1

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УСПЕШНОЕ ОБУЧЕНИЕ ГРАММАТИКЕ РКИ

О. М. Батраева

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

***Аннотация.** В статье представлена система тренировочных упражнений по грамматике на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному. Описание системы тренировочных упражнений способствует формированию грамматических навыков, необходимых для употребления в письменной и устной речи иностранных учащихся.*

***Ключевые слова:** русский язык как иностранный, система упражнений, грамматические навыки, современные образовательные технологии.*

MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AND THEIR IMPACT ON SUCCESSFUL TEACHING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE GRAMMAR

O. M. Batraeva

*Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia.*

***Annotation.** The article presents a system of training exercises in grammar at the initial stage of teaching Russian as a foreign language. The description of the system of training exercises contributes to the formation of grammatical skills necessary for use in written and oral speech of foreign students.*

***Key words:** Russian as a foreign language, system of exercises, grammatical skills, modern educational technologies.*

На современном этапе развития общества среди приоритетных целей и задач образования отмечается необходимость формирования у иностранных учащихся навыков самообразования и самореализации личности. Сегодня перед преподавателем русского языка как иностранного стоят важные задачи в сфере решения проблем в области соотношения коммуникации и системности, вопросы межкультурной коммуникации и внедрение новых технологий в практику освоения языка.

Организация академической деятельности иностранных учащихся в российском вузе требует максимального использования ресурсов инновационной образовательной среды для интенсификации и оптимизации процесса обучения иностранных студентов, их адаптации к новым социокультурным условиям. Прежде всего, в преподавании грамматики.

Современные образовательные технологии обучения иностранных студентов в вузах Российской Федерации требуют решения следующих проблем в организации самостоятельной работы:

- использование в образовательном процессе новейших информационных технологий,
- использование информационно-образовательной среды вуза;
- методическое обеспечение самостоятельной работы иностранных студентов с учетом уровня владения русским языком.

В процессе обучения русскому языку как иностранному применяются следующие виды ИКТ:

- электронные учебники;
- интерактивные обучающие пособия (тренажеры);
- виртуальные среды (виртуальный музей;
- виртуальный класс, виртуальное путешествие);
- компьютерные презентации (демонстрации),
- универсальные обучающие среды и инструменты для создания учебных материалов;
- электронные базы данных, справочно-информационные источники (онлайн-переводчики, словари);
- электронные библиотеки, электронные периодические издания, электронные коллекции (коллекции аудио-, фото-, видеофайлов).

Как известно, грамматические навыки иностранных учащихся делятся на языковые и речевые (коммуникативные). Под языковыми грамматическими навыками мы понимаем навыки по образованию отдельных грамматических форм и структур в соответствии с лингвистическими правилами.

Под речевыми грамматическими навыками понимается автоматизированное употребление грамматических явлений в речи. И языковые и коммуникативные навыки взаимосвязаны. Искажение смысла высказывания свидетельствует, что у студента-иностранца отсутствуют языковые навыки.

Как показывает практика, на начальном этапе обучения русскому языку, интерференция ярко проявляется в грамматике. Иностранные студенты механически переносят навыки родного языка (или языка-посредника) на изучаемый язык (русский). Постоянно пытаются сравнивать те или иные грамматические явления в русском языке с родным языком (или языком-посредником).

В процессе изучения грамматических конструкций, возникают ложные аналогии, как показывает анализ ошибок студентов.

Важнейшие принципы, положенные в основу обучения русской грамматике. Выделим их:

1. Принцип учёта родного языка учащихся (или языка-посредника).
2. Сравнение не самих систем языков, а их функциональных значений в учебных целях, т.е. реализуется принцип сознательного осмысления грамматических явлений русского языка.
3. Учёт этапа обучения (начальный этап). На начальном этапе сопоставляются неполные системы или определённые микросистемы и их функциональные значения.
4. Предъявление грамматического материала осуществляется по схеме: сходства двух языков (полные или частичные совпадения), различия (или отсутствие грамматических явлений).
5. Весь грамматический материал предъявляется на функциональной основе.
6. Дидактический принцип – от более легкого к более трудному (от сходства к различиям).
7. Минимальность и достаточность материала для активного усвоения.
8. Сопоставление осуществляется от формы к содержанию (если есть аналогии) и от содержания к форме (при отсутствии аналогий, при различиях).
9. Доступность материала. В мультимедийных презентациях, используемых для демонстрации учебного материала, наглядно представлены схемы, картинки, таблицы сопоставлений с комментарием.

При обучении иностранных студентов русской грамматике обязательно должны учитываться когнитивно-психологические особенности учащихся, поскольку эти особенности влияют не только на восприятие и усвоение знаний, но и на прочность овладения грамматическими навыками.

Главная задача преподавателя русского языка как иностранного состоит в том, чтобы организовать систему тренировочных упражнений, разных по целям, степени сложности, расположить задания в определенной последовательности.

Отметим, что в тренировочных упражнениях должно быть движение от простой имитации до создания самостоятельного высказывания.

Считаем, что главным фактором, обуславливающим успех обучения речевой деятельности, являются тренировочные упражнения.

Остановимся наиболее подробно на **имитативных упражнениях**. Действие в таких упражнениях осуществляется по аналогии, т.к. готовый материал вводится на уроке и не требует большой самостоятельной работы студентов.

Имитативные упражнения отрабатывают автоматизацию навыков использования грамматической формы. Их выполнение предусматривает многократное повторение готовых образцов.

Наиболее распространенным видом имитативных упражнений являются вопросоответные задания, которые обеспечивают подражание без изменения грамматической формы:

– *Дайте утвердительный ответ на вопрос, используя слова для справок.*

– *Обратите внимание, что от рода зависит окончание существительных в винительном падеже – женский род -у/-ю и др.*

– *Уточните информацию:*

– *Сегодня во Владивостоке прохладно? – Как сегодня? Прохладно?*

Подстановочные упражнения формируют способность к репродукции на основе аналогии.

Например:

– *Город Владивосток очень... Во Владивостоке очень... (красивый – красиво).*

– *Лето во Владивостоке... Летом во Владивостоке (дождливое – дождливо).*

Как показывает практика, приставочные упражнения не вызывают затруднений у студентов, позволяют им уверенно общаться.

Когда коммуникативное задание меняется, то мы, как правило, используем **трансформационные упражнения**. Общение осуществляется на речевые образцы. Для этого можно использовать мультимедийную презентацию с картинками, позволяющими увидеть» изменившуюся» ситуацию. Тренировки с такими упражнениями позволяют правильно выбирать необходимые конструкции.

Например:

– *Погода сегодня во Владивостоке солнечная. – Да, сегодня во Владивостоке солнечно.*

Студентам предлагается изменить предложения так, чтобы они могли выразить:

1. *нежелание совершить действие;*

2. *ненужность действия;*

3. *отсутствие необходимости его совершить.*

Например:

– *Ольга хочет пойти в океанариум. – Ольга не хочет идти в океанариум.*

Репродуктивные тренировочные упражнения по своей сути близки к речевым. Они направлены на продуцирование высказывания с использованием тренируемой формы. Студент-иностранец самостоятельно употребляет в речи усвоенную модель. Вопросы и ответы, используемые в этом типе упражнений – это элементарный вид таких упражнений. Например,

– *Попросите у своего товарища ручку(свою вы забыли дома). Ваша лексика: ручка, словарь, тетрадь, телефон. В презентации можно использовать картинки, поясняющие предметы.*

– *Виктор, можно взять твою ручку? Свою ручку забыл дома.*

– *Подарим Ольге альбом. Она любит рисовать.*

Иностранные студенты способны самостоятельно создавать новый текст, конструируя его по моделям. Исходным материалом может служить монолог или диалог. Такие упражнения относятся к разряду **комбинированных**.

Например,

– *Миша, ты подготовил рассказ о своем городе?*

– *Подготовил, я расскажу о Владивостоке.*

– *Сун Бо, ты подготовил рассказ о своем родном городе?*

– *Нет, не подготовил. Я забыл подготовить рассказ о Харбине.*

Отметим, что при выполнении репродуктивных упражнений учащиеся сами продуцируют высказывание с использованием тренируемой формы.

– *Запишите данные существительные, заменяя их местоимениями.*

– *Обратите внимание на то, что существительные мужского рода заменяются местоимением он, женского – она, среднего – оно.*

Таким образом, предречевые упражнения обеспечивают поэтапное формирование грамматических навыков с одновременным развитием устной речи. При этом каждое отдельное упражнение содержит материал, который входит в последующее упражнение как автоматизированная структура

Коммуникативные упражнения с грамматической направленностью имеют своей целью формирование умения в речевой деятельности. Тренировочные коммуникативные упражнения вырабатывают у иностранных студентов способность принимать участие в речевом общении на русском языке.

Необходимо отметить, что коммуникативные упражнения – это главное звено в работе над грамматическим материалом. Кроме того, на последней стадии формирования грамматического навыка наиболее часто используются **ситуативные упражнения**.

Задания могут быть представлены следующим образом:

– *Опишите комнату в кампусе, в которой сейчас живете.*

– *Вы отдыхаете на набережной ДВФУ. Решили написать о своих впечатлениях другу (подруге).*

– *На остановке спросите, как доехать из центра Владивостока до кампуса ДВФУ.*

Безусловно, такие тренировочные упражнения необходимо использовать на А2-В1. На продвинутом уровне обучения для формирования грамматических навыков используются современные методики обучения РКИ. Исследованию методов и приемов обучения иностранцев русской грамматике посвящены труды ученых-лингвистов (Л. А. Бурмагина, А. В. Величко, З. Н. Иевлева, Л. В. Московкин, В. И. Остапенко, Е. Н. Соловова).

К эффективным приемам обучения китайских студентов русской грамматике следует отнести такие группы приемов, как: мнемоника, приемы с использованием зрительных опор, инфографика, пиктограммы, кластеры и др., что соответствует когнитивно-психологическим особенностям китайцев.

Речевая практика, организованная на основе грамматических игр с целью проверки усвоения правил русской грамматики и степени автоматизированности грамматических навыков, позволяет добиться стабилизации грамматического навыка, поскольку повторение и вариативность речевых действий с закрепляемыми структурами обеспечивает их воспроизводимость в разных условиях.

По мнению О. И. Громовой, «для успешного усвоения грамматических явлений, формирования устойчивых продуктивных и рецептивных навыков необходимо использование тщательно продуманной системы упражнений, которая должна включать в себя задания, направленные на разграничение близких по форме грамматических явлений и формирование навыков употребления их в речевой деятельности» (Громова 2017: 108).

При презентации новой грамматической темы следует учитывать такие особенности китайцев, как предпочтение дедуктивного способа введения нового материала, склонность к простым логическим конструкциям, способность воспринимать большой объем визуальной информации. При этом грамматическое правило необходимо предъявлять квантами с использованием графической и предметной наглядности в соответствии с конкретно-символическим мышлением студентов-иностранцев.

Для ознакомления с новым грамматическим материалом, а также для закрепления и активизации усвоенных грамматических структур необходимо привлекать аутентичные аудио-видеоматериалы и аутентичные печатные тексты (реклама, объявления, вывески и т.п.), что обусловлено пространственно-образным мышлением, превалированием зрительного и зрительно-двигательного типа памяти. Привычка к действию по образцу / по аналогии требует организации учебной деятельности с четкими указаниями и инструкциями по применению («Дорожная карта»).

Как показала практика, интерактивный метод – (ролевая игра), «направленный на формирование умений и навыков адекватного коммуникативного поведения» (Лазарева 2011: 114) активно используется в работе преподавателей. По мнению О. А. Лазаревой, ролевая игра способна развивать тактику речевого поведения в конкретной ситуации.

Например, ролевая игра в субтесте говорения на II уровне общего владения позволяет иностранному студенту (по Программе поведения) начинать и заканчивать разговор в ситуациях различной степени. Для эффективного обучения используется мультимедийная презентация с речевыми фразами, которые студенты используют для построения разговора.

Для автоматизации грамматического навыка, проверки усвоения правил и поддержания мотивации китайских учащихся целесообразно использование грамматических игр, которые выступают в качестве условно-речевых упражнений.

Обучающая игровая деятельность предполагает опору на такие когнитивно-психологические особенности китайцев, как зрительный тип памяти, предприимчивость, готовность к конкуренции и азартность.

Например, на уроках РКИ (А1–А2) используются грамматические игры:

– «**Снежный ком**». Иностранные студенты называют **слова по изучаемой теме**, каждый следующий участник должен повторить все слова, сказанные до него.

– «**Диктант-марафон**». Студенты делятся на две команды, обе получают по одинаковому отрывку текста. В каждой команде выбирается студент, который будет писать диктант. Задача остальных участников – подбегать к тексту, запоминать отрывок из него, подбегать к пишущему и диктовать ему отрывок. Выигрывает та команда, которая закончит писать быстрее и сделает меньше ошибок.

В последние годы на уроках русского языка как иностранного используется проектный метод обучения.

Проектное обучение, или метод проектов, – это особая технология, с помощью которой можно организовать учебный процесс при максимальном учете интересов и способностей обучающегося, так как студент, выполняющий проект, получает полную самостоятельность в планировании собственной деятельности: постановке целей и задач, распределении времени, организации труда, выборе способов получения информации и приемов контроля. По мнению А. Н. Щукина «метод проектов (проектная методика) – это одна из технологий обучения, основанная на моделировании социального взаимодействия в малой группе» (Щукин 2008: 114).

Способам и приемам использования данной технологии в практике обучения иностранным языкам посвящены многие специальные исследования как отечественных, так и зарубежных методистов (Е. С. Полат, А. Н. Щукин, Е. Д. Пахмутова, Л. И. Палаева).

Наблюдательность, любознательность и практическое мышление иностранных студентов можно использовать для организации поисковой деятельности (поиск информации в Интернете), предполагающей творческие действия с грамматическим материалом для решения речевой задачи. Так, например, Е. И. Пассов считает, что «продуктивным условием запоминания грамматических конструкций является взаимодействие субъекта с объектом (ученика и материала)» (Пассов 1978: 121.).

Домашнее задание в форме речевой задачи закрепляет грамматические навыки и способствует необходимому для иностранного студента осмыслению пройденного материала. С позиции методики выделяют такие виды инновационных приемов как

- изобразительно-наглядные;
- схемно-графические;
- инновационные технологии;
- интерактивные;
- игровые;
- личностно-ориентированные;
- коллективные;
- познавательные;
- творческие.

Анализ теоретических основ метода проектов и результатов его применения на практике показывает, что проекты предоставляют новые, весьма широкие возможности решения методических задач, поскольку ставят учащихся в условия реальной речи как подготовленной, так и неподготовленной. Для успешного использования данного метода необходимо учитывать, прежде всего, уровень языковой подготовки учащихся, их возраст, сферы их интересов, цель обучения, а в некоторых случаях и особенности национального характера.

Таким образом, система тренировочных упражнений по грамматике позволяет формировать автоматическое запоминание грамматических конструкций, необходимых для общения на русском языке.

Литература

1. Громова О. И. О проблемах формирования грамматических навыков у иностранных учащихся // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития: материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 21–22 нояб. 2017 г. Минск, 2017. С. 106–109.
2. Лазарева О. А. Школа тестора. Лингводидактическое тестирование ТРКИ-TOREL. 2011. 163 с.
3. Пассов Е. И. Условно-речевые упражнения для формирования грамматических навыков. Пособие для учителей нем. яз. сред. школы. М.: Просвещение, 1978. 128 с.
4. Щукин А. Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам. Учебное пособие. М.: Филоматис, 2008. 188 с.

УДК 37.091.3:811.161.1'271.1:811.161.3'271.1

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Е. А. Белякова

Учреждение образования «ГППЛ строителей»

Гомель, Беларусь

Аннотация. В статье рассмотрены причины грамматических ошибок учащихся, затрагивается проблема билингвизма, интерференции в Республике Беларусь. Представлены основные задачи обучения морфологии, синтаксису в учреждениях общего среднего образования, современные эффективные методы обучения.

Ключевые слова: культура речи, двуязычие, интерференция, грамматические ошибки, методы обучения.

FORMATION OF THE GRAMMATICAL CULTURE OF ORAL AND WRITTEN SPEECH OF STUDENTS IN THE CONDITIONS OF BILINGUALISM

E. A. Belyakova

Educational Institution "GGPL Builders"

Gomel, Belarus

Abstract. the article discusses the causes of grammatical errors of students, touches upon the problem of bilingualism, interference in the Republic of Belarus. The main tasks of teaching morphology, syntax in institutions of general secondary education, modern effective teaching methods are presented.

Keywords: culture of speech, bilingualism, interference, grammatical errors, teaching methods.

Одним из важнейших показателей уровня культуры человека является его речь. Чтобы иметь высокую речевую культуру, нужно владеть нормами устного и письменного литературного языка, а

также уметь использовать его выразительные средства в соответствии с требованиями конкретной ситуации. Основным свойством культуры речи является её правильность. Правильность речи предполагает соблюдение действующих норм русского литературного языка. Для того чтобы говорить правильно, необходимо знать и соблюдать грамматические нормы (Руденко 2015: 13).

Изучение любого языка начинается с грамматики. Именно в грамматике учащиеся делают больше всего ошибок, что можно объяснить различными причинами. Одной из таких причин является влияние на написание и произношение русских слов особенностей грамматики в белорусском языке. В Республике Беларусь изучение грамматических особенностей русского языка проводится в условиях билингвизма. При обучении предмету учитываются особенности белорусско-русского двуязычия, влияющего на характер курса русского языка в белорусской школе, ставящего проблему отбора содержания обучения, разработки грамматического и лексического минимумов.

Исследованиями грамматических систем русского и белорусского языков, проблемами билингвизма и взаимодействия языков, лингвистического и социолингвистического аспектов русской речи в Беларуси осуществлялись белорусскими учёными: Н. И. Гурским, Т. П. Ломтевым, М. Г. Булаховым, Н. В. Абабурко, Н. В. Бирилло, А. Е. Супруном, П. П. Шубой, М. И. Конюшкевич, Л. Г. Мощенской и др. (Литвинко 2015: 21).

При рассмотрении проблем билингвизма всегда затрагивается вопрос об интерференции в устной и письменной речи билингвов.

Наиболее частотные грамматические ошибки можно подразделить на следующие: неверный выбор окончания существительного (нет носок (вместо носков); дом в семь этагов); изменение по падежам несклоняемых существительных (без пальта (вместо пальто) пошёл домой); на уровне словосочетания учащиеся допускают нарушения норм согласования (злой собака, мужская шампунь), управления (скучать по вам) и др.

Чтобы избежать грамматических ошибок, у учащихся необходимо формировать грамматические навыки, используя современные эффективные методы обучения.

Основными задачами обучения морфологии, синтаксису в учреждениях общего среднего образования можно считать следующие:

1. Обеспечить усвоение учащимися морфологической системы русского языка: системы частей речи, объединяющих лексико-грамматические классы изменяемых и неизменяемых слов; их морфологических признаков, употребления со словами других частей речи, способности занимать ту или иную синтаксическую позицию в предложении, текстообразующей роли. Обеспечить усвоение учащимися знаний о синтаксической системе русского языка, единицах синтаксиса, их отличительных признаках и функциях.

2. Создать предпосылки для осмысления учащимися понятия о грамматических категориях и формирующих их грамматических значениях. Создать условия для соблюдения учащимися синтаксических норм, действующих на уровне словосочетаний, простого предложения, различных видов сложного предложения.

3. Вести систематическую работу над морфологическими нормами современного русского литературного языка; научить учащихся находить в толковом словаре грамматические пометы, регулирующие действие морфологической нормы.

4. С целью предупреждения морфологических ошибок тренировать учащихся в обнаружении нарушений при образовании грамматических форм; в совершенствовании негативного текста для оценки нормативности использования в нем морфологических средств.

5. Обогащать синтаксический строй речи учащихся разнообразными конструкциями, особенно с высоким коэффициентом информативной плотности (Г. А. Золотова и др.) (Литвинко 2015: 199).

Морфологический, синтаксический разбор активизирует учебно-познавательную деятельность учащихся, формирует учебно-языковые навыки и умения. Знание пословиц, поговорок страны изучаемого языка обогащает словарный запас учащихся, служат в качестве материала для изучения грамматики.

Формирование морфологических понятий осуществляется с привлечением интерактивного, эвристического методов обучения.

Развитие информационных технологий не может не сказываться на развитии и функционировании русского языка. С одной стороны, он переживает очередной этап закономерного развития, а с другой – претерпевает снижение уровня культуры речи, грамотности учащихся и взрослых.

В процессе совершенствования речевых грамматических навыков учащиеся осуществляют коммуникативно-когнитивную обработку референтной ситуации, опираясь на индивидуальный опыт, приобретённый в коллективном взаимодействии при решении речемыслительных задач грамматической направленности (Соловьёва 2011: 160).

Таким образом, избежать нарушений грамматических норм русского языка можно различными путями: в обучении необходимо использовать современные эффективные методы, различные упражнения, правильно подобранные преподавателем, помогают избежать грамматических ошибок.

Литература

1. Литвинко Ф. М. Методика преподавания русского языка в школе: учебн. пособ. Минск: Высшая школа, 2015. 448 с.
2. Руденко А. М. Культура речи и деловое общение в схемах и таблицах: учебн. пособ. Ростов н/Д: Феникс, 2015. 334 с.
3. Соловьёва О. А. Особенности совершенствования речевых грамматических навыков у учащихся старших классов // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 2. Педагогика. Психология. Методика преподавания иностранных языков. 2011. № 2 (20). С. 153–160.

УДК 372.881.111.1

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ИГРЫ «100 К ОДНОМУ» ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРОДУКТИВНЫХ НАВЫКОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Н. С. Березина

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению методологического подхода использования видео-материалов телевизионной игры «100 к одному» в процессе изучения русского языка как иностранного студентами-медиками, в частности для формирования и развития их продуктивных навыков. Данный формат демонстрации небольшого видеофрагмента позволяет активизировать лексику по определенной теме, давая, в том числе, сведения о частотности употребления данных лексических единиц, их узуальном употреблении реальными носителями языка, и расширяет представление о русской языковой картине мира.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, учебный процесс, игра 100 к одному, навыки говорения, визуальная опора.

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE TV-SHOW "100/1" FOR PRODUCTIVE SPEECH SKILLS DEVELOPMENT OF MEDICAL STUDENTS

N. S. Berezina

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

Annotation. *The article is devoted to the consideration of the methodological approach to the use of video materials of the television game "100 /1" in the process of studying Russian as a foreign language by medical students, in particular for the formation and development of their productive skills. This format for demonstrating a small video fragment allows you to activate vocabulary on a specific topic, giving, among other things, information about the frequency of use of these lexical units, their usual use by real native speakers, and expands the understanding of the Russian language picture of the world.*

Key words: *Russian as a foreign language, learning process, 100 to one game, speaking skills, visual support.*

Тема данной работы носит практико-методический характер. Цель автора статьи – исследовать методический потенциал телевизионной игры «Сто к одному» на уроках русского языка как иностранного. Учитывая необходимость модернизации образования педагогу необходимо искать новые и новейшие дополнительные средства педагогики. Необходимость этого лежит в пространстве как психологии, так и социологии. Как пишет об этом М. А. Быстрицкая, «Конфликт между текстологически ориентированным учителем и клипово ориентированным учеником как «продуктом» экранной культуры рождает противостояние двух способов мышления – логико-структурного и икононического» (Быстрицкая 2015: 14). Для педагога-русиста освоение новых приемов педагогики становится еще более важным, так как язык не является застывшей данностью; постоянно происходящее обновление языка есть его сущностная характеристика. Многими учеными (В. Г. Костомаровым, М. Н. Крыловой, А. В. Волкогиной и др.) констатируется нарастающая «карнавализация языка» (термин был взят у М. М. Бахтина) (Быстрицкая 2015: 14; Волкогина, Калугина 2013: 62). Под «карнализацией» понимается внесение в речь множества внелитературных элементов, окказионализмов, иноязычных вкраплений, намеренная языковая игра и нарушение норм (Крылова 2016: эл. ресурс; Костомаров, Бурунова 2002: 35–36). Возможность обращения студентов к обширным видеоматериалам сети Интернет дает им необходимое взаимодействие с «реальным» существованием языка и обширное представление о реализации лексики в формате живого общения носителей языка.

«100 к одному» – известная телевизионная игра, созданная на основе американского шоу Family Feud. Транслировалась на телеканалах «НТВ» (8 января 1995 – 30 декабря 1996), «МТК» (11 января – 7 июня 1997), «ТВ Центр» (14 июня 1997 – 20 сентября 1998). С 10 октября 1998 года выходит на телеканале «РТР» / «Россия» / «Россия-1». Хронометраж телеигры (без рекламных блоков) равен 40 минутам. С 2003 года телепрограмма уходила в летний отпуск (исключением стал 2010 год). Ведущий – Александр Гуревич. Производством телепроекта занимается «Студия 2В» (ранее проект принадлежал компании «Видео Интернешнл») [Электронный ресурс.] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%BE_%D0%BA_%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D1%83 дата обращения 14.09.2022

В данном формате предварительно опрашивается 100 человек, которые дают произвольные ответы на один и тот же вопрос. В результате формируется список из различного количества самых частотных ответов. Участники игры пытаются отгадать эти варианты. Данный формат кажется нам удивительно полезным для обучения языку, в частности русскому языку. Он позволяет как систематизировать, так и активизировать лексику определенной лексико-семантической группы, а игровой формат позволяет снизить уровень стресса и увеличить объем запоминаемого на уроке материала. Не секрет, что запоминание длинных списков слов при изучении языка вызывает определенные трудно-

сти у студентов и снижает мотивацию к изучению языка в целом. Формат данной игры можно использовать как способ запоминания новых слов по теме изучаемого блока, а также в качестве блока «разогрева» в начале занятия. Интересные нетривиальные вопросы пробуждают любопытство учеников узнать на них ответы и они непроизвольно запоминают большое количество вербальных единиц по теме урока. В качестве тренировки речевых навыков всегда следует предлагать студентам самим ответить на инициирующий вопрос.

Особенно актуальным мы считаем использование данного формата при обучении студентов-медиков как первого, так и последующих курсов опросу пациента, что является их непосредственным формируемым навыком.

По мнению методистов, занимающихся вопросами формирования и развития продуктивных навыков, особую трудность у иностранных учащихся вызывает именно процесс говорения на русском языке (1–5). Исходя из практики преподавания русского языка как иностранного, одним из эффективных средств развития навыков говорения у иностранных учащихся является ведение опроса и фиксирование ответов. Потому логичным продолжением данного формата является самостоятельная работа студентов по созданию подобных игр, предполагающих сбор ответов на медицинские вопросы среди студентов своей группы и, возможно, выхода на опрос всего потока, всех студентов вуза. Учитывая возможности современных информационных технологий, создание и проведение опросов можно перенести на письменный уровень. В таком случае студенты также формируют навыки сбора информации, например, для своих научных статей, статистической обработки, составления списков и графиков. Хотя первостепенным нам представляется данный формат для развития навыков устной коммуникации и, следовательно, аудирования – восприятия на слух ответов.

Особенности внедрения видеофрагментов в учебный процесс изучения иностранного языка рассматриваются в работах многих авторов (9–10). В них говорится, прежде всего, о педагогической эффективности использования современных информационных технологий в учебном процессе по иностранному языку, к которым и относится видеофрагменты, визуализация языкового материала в виде мемов (интернет-мемов). Преимущества использования различного рода карнавализации и визуализации ситуаций непосредственного общения носителей языка для студентов, изучающий русский язык как иностранный, отражены в работах Н. Ю. Крысановой, А. В. Кузьминой и других авторов. Трудности и проблемы внедрения мультимедийного контента в процесс изучения иностранного языка, а также дидактические условия внедрения мультимедийного контента в иноязычное образование освещены в работах отечественных и иностранных исследователей.

Необходимо рассмотреть возможности использования видеофрагментов игры «сто к одному» для активизации лексики и формировании навыков введения расспроса. А также языкового прогнозирования ответов. Повышение мотивационной активности реализуется за счет введения игрового компонента.

Активизация интереса студентов к изучаемому языку – непростая задача, особенно когда речь идет о языке специальности (медицинской речи). Поэтому иностранным учащимся, изучающим русский язык, необходимо предоставить возможность получения релевантной и в большой мере развлекательной информации, которая могла бы заинтересовать их и вызвать желание запомнить как можно больше новых слов. А возможность воспроизведения данного формата телеигры в аудитории дало бы возможность совершенствовать свои навыки публичного выступления на неродном языке. Формат реализации активного варианта игры особенно эффективно использовать на ранней стадии изучения РКИ, когда иностранцы в виду небольшого лексического запаса не могут говорить много и долго.

Практически любая изучаемая тема по РКИ может послужить отправной точкой для создания видеофрагмента игры 100 к одному. На первом курсе Школы медицины Дальневосточного федерального университета иностранные учащиеся изучают различные темы: «Я студент медицинского университета», «Моя семья», «Мой день», «Части тела», «Расположение внутренних органов» и др. По каждой из этих тем, после ее изучения, предполагается запоминание студентами определенной ЛСГ слов. Сопровождение изучения каждой темы близким по тематике видеофрагментом и активной иг-

рой в 100 к одному позволит увеличить мотивацию и создать условия для запоминания и отработки нужной лексики.

В качестве реализации данного формата на уроках (и внеаудиторной работы) мы предлагаем два варианта: пассивный (презентационный) и активный (игровой). Как известно, игровые задания – украшение любого урока. Даже не так. В идеале они – один из ключевых этапов урока, так как именно в игровой форме получается наиболее эффективно закреплять имеющиеся знания. Разумеется, чем выше уровень у студентов, тем больше интересных игр можно использовать: аутентичные настольные игры, ролевые игры, дебаты, головоломки, ассоциации... вариантов множество. Однако на начальном уровне, когда лексический запас у учащихся очень ограничен, придумать игру (в особенности коммуникативную) достаточно трудно.

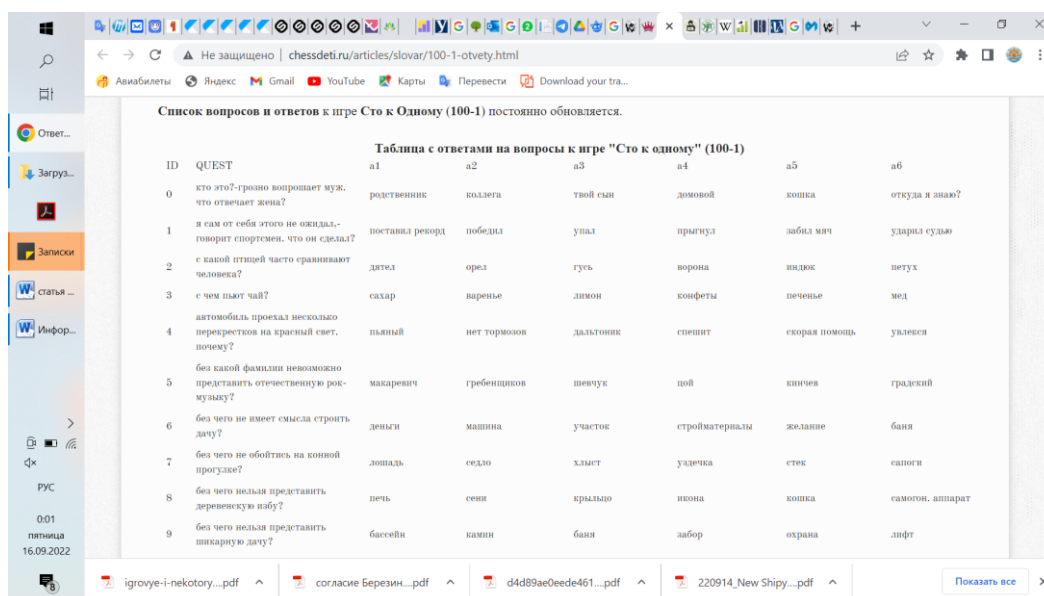
Пассивный вариант применения видеофрагментов. Предполагается, что студенты смотрят фрагмент реального телешоу «100 к одному» на русском языке. Далее им предлагается языковой материал в форме лексем и комментариев к ним (перевод на английский язык), что позволит как визуализировать звучащий в видео контент, создаст визуальную опору для запоминания и поможет «отсроченно» воспринять информацию.

Активная форма применения данной методики. Каждый студент в процессе занятия задает один и тот же вопрос всем студентам группы и записывает их ответы. Вопрос может быть сформулирован студентом самостоятельно или взят и пула предложенных учителем вопросов. Также возможна совместная работа по продуцированию списка вопросов, с которыми будет далее работать студент. Как только все ответы получены, студенты работают над их систематизацией и составлением списка по частотности. Следующий этап игры предполагает, что каждый студент презентует свой вопрос сначала двум представителям команд, которые пытаются отгадать самый частотный вариант, далее деятельность студентов организуется по принципу оригинальной игры.

В качестве примера можем предложить рассмотреть возможную работу по теме «Я студент медицинского университета», предлагаемая для изучения иностранным учащимся, по сути, представляет рассказ о себе. Возможные вопросы, которые студенты будут использовать для опроса своих одноклассников: *Откуда ты приехал? В каком общежитии ты живешь? Что ты любишь делать каждый день? Где ты завтракаешь/обедаешь/ужинаешь? Когда ты завтракаешь/обедаешь/ужинаешь? Кто твой лучший друг? Где ты любишь гулять и др.* Также возможно дать данное задание студентам для предварительной подготовки, в виде домашнего задания. После реализации каждого вопроса (сеанса игры), возможно обсуждение, высказывание своей эмоциональной реакции студентами, на русском языке, что позволит расширить возможности спонтанной коммуникации и выработке продуктивных речевых навыков. Вопросы обычно возникают неожиданные, отвечая на них, иностранные студенты учатся аргументировать свою точку зрения, приводить примеры, спорить, выражать согласие и несогласие на русском языке. В конце занятия можно попросить студентов поделиться интересными фактами, которые они узнали о своих одноклассниках.

Углублением будет использование данного формата для «Опроса пациента». Таким образом можно систематизировать лексику по профессиональной тематике: *типы болей, органы, части тела, симптомы различных заболеваний, методы лечения определенных заболеваний.* В данном случае возможные вопросы будут: *где вы чувствуете боль? Какого характера боли беспокоят пациента с признаками кардиологического/урологического/неврологического и под. заболеваний?* Студенты могут как разрабатывать свои собственные вопросы, так и опираться на материал, предложенный учителем.

Фрагмент возможных вопросов и ответов, взятый с сайта

[Электронный ресурс.] <http://chessdeti.ru/articles/slovar/100-1-otvety.html> (дата обращения: 14.09.2022)

Стоит отметить, что методико-дидактический потенциал данной игры был отмечен авторами ресурса Сетевое издание «РКИ для всех». ООО ЦЕНТР "ЗЛАТОУСТ", разместивших материалы для реализации этой игры в свободном доступе [Электронный ресурс.] <https://rki2.trki-zlat.ru/lingvostranovedcheskaya-olimpiada/100-1-sto-k-odnomu/> (дата обращения: 14.09.2022). Интерактивные игры созданы по материалам пособия К. А. Деменевой, Л. Е. Адясовой «Лингвострановедческая олимпиада по русскому языку для иностранцев: тесты, задания, игры». Создатель интерактивных викторин: Олесова Анастасия (PowerPoint).

Конечно, подбор таких видеофрагментов и ознакомление с ними студентов занимает много времени и является трудоемким процессом для учителя как организатора данного формата, но представляется очень продуктивным для реализации образовательных задач. Однако, как отмечают сами иностранные студенты-медики, возможность вести опрос на русском языке представляет для них прекрасное поле для тренировки своих речевых навыков. Мы полагаем, что это, несомненно, пригодится им в дальнейшей профессиональной научной и врачебной деятельности.

Использование видеофрагментов и активная реализация игры-телешоу «100 к одному» является одним из современных эффективных способов развития и совершенствования навыков говорения и аудирования у иностранных студентов-медиков. Будущие врачи должны быть готовы к опросу пациентов и систематизации полученной информации. Включение в процесс преподавания РКИ студенческих игр в формате «100 к одному» способствует формированию коммуникативной компетенции у иностранных учащихся, а также придает студентам уверенность, вырабатывает опыт ведения диалога и погружает в языковую среду, знакомит с реалиями и культурными особенностями России. Преподаватели иностранных языков, в том числе РКИ, должны принимать во внимание, что изменчивый мир информационных технологий создает не только трудности в их освоении, но и грандиозное поле возможностей проявления педагогического творчества.

Литература

1. Арбатова Е. В. Занятия по практике разговорной речи и аудированию с китайскими студентами-филологами вне языковой среды (из опыта работы) // Русский язык в современном Китае: Сб. науч.-метод. ст. V Международн. науч.-практич. конф. / Отв. ред. А. Е. Горковенко. 2017. С. 149–153.
2. Асонова Г. А. Игровые и некоторые другие учебные задания как приемы интенсификации обучения русскому языку как иностранному на начальном этапе в рамках программы подготовительного факультета РУДН // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Вып. 1 (20).

3. Быстрицкая М. А. Интернет-жанры как сетевой инструментарий учителя-словесника // Тексты новой природы в образовательном пространстве современной школы. Сб. матер. VIII международ. науч.-практич. конф. «Педагогика текста». СПб: Лема, 2016. С. 35–38.
4. Васильева Т. В. Игры и творческие задания как способ формирования профессиональных компетенций. С. 3–36.
5. Дмитриева Д. Д. Дмитриева Д. Д. Активизация самостоятельной работы иностранных студентов как фактор интенсификации процесса обучения русскому языку // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 105–107.
6. Девдариани Н. В. Междисциплинарные связи и новые технологии в практике преподавания русского языка как иностранного в медицинском вузе // Региональный вестник. 2019. № 7 (22). С. 23–24.
7. Ежова Н. Ф. Причины возникновения коммуникативных барьеров у студентов-магистрантов в поликультурной образовательной среде // Актуальные проблемы развития науки и образования: Сб. научн. тр. по материалам междунар. науч.-практич. конф. 5 мая 2014 г. В 7 ч. Ч. 8. М.: АР-Консалт, 2014. С. 53–57.
8. Зубарева Ю. М. Современные тенденции модернизации высшего образования в процессе обучения РКИ // Известия Тульского государственного университета. Сер. Педагогика. 2016. Вып. 4. С. 80–85.
9. Крысанова Н. Ю. Использование видеосопровождения при обучении аудированию на уроках немецкого языка // Вестник ТГУ. Вып. 8 (100). 2001.
10. Кузьмина А. В. Преподавание аудирования с использованием видеоряда как фактор повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка // Вопросы методики преподавания в вузе. 2017. Т. 6. № 23.
11. Рубцова Е. В. Разрешение трудностей языковой трансформации в процессе обучения студентов-медиков русскому языку как иностранному // Региональный вестник. 2018. № 6. С. 18–19
12. Петрова Н. Э. Обучение иностранных учащихся фонетико-интенциональному оформлению русской речи (из опыта преподавания) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. С. 527.
13. Самчик Н. Н. Способы формирования аудитивной компетенции будущих врачей при изучении русского языка как иностранного // Региональный вестник. 2019. № 12 (27). С. 47–48.
14. Писарь Н. В. Мультимедийные презентации в преподавании русского языка как иностранного. В сборнике: Инновации в науке, образовании и бизнесе – 2013: труды XI международн. науч. конф. 2013. С. 190–192.
15. Федорова М. А., Чурилова И. Н. Игровые методы как средства оптимизации образовательного процесса при обучении РКИ во взрослой аудитории // Учёные записки ЗабГУ. Чита, 2017. Т.12, № 6.
16. Шкаликова А. С. Учебно-речевые игры на занятиях по РКИ как средство активизации речевой деятельности студентов на начальном этапе обучения (китайская аудитория) // Полилингвистичность и транскультурные практики. М., 2011. № 4.

Электронные ресурсы

1. Сто к одному. [Электронный ресурс.] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%BE_%D0%BA_%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D1%83 (дата обращения 14.09.2022).
2. Фрагмент ответов на вопросы игры. [Электронный ресурс.] <http://chessdeti.ru/articles/slovar/100-1-otvety.html> (дата обращения 14.09.2022).
3. [Электронный ресурс.] <https://rki2.trki-zlat.ru/lingvostranovedcheskaya-olimpiada/100-1-sto-k-odnomu/> (дата обращения 14.09.2022)

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ГЛАГОЛЬНОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ

Л. И. Богданова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

*Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы
Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»*

Аннотация. Статья посвящена обоснованию роли деятельностного подхода к языку при обучении русской грамматике. Выявление закономерностей в глагольной сочетаемости и формулирование правил зависимости сочетаемости от значения глагола имеет практическое значение для эффективности обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; деятельностный подход; грамматика для речевых действий; семантика и синтагматика глагола

THE ACTIVITY APPROACH TO TEACHING VERBAL COMPATIBILITY

*This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School
of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage»*

L. I. Bogdanova

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to substantiating the role of the activity approach to the language in teaching Russian grammar. The identification of patterns in verbal compatibility and the formulation of rules for the dependence of compatibility on the meaning of the verb is of practical importance for the effectiveness of teaching Russian as a foreign language.

Key words: Russian as a foreign language; activity approach; grammar for speech actions; semantics and syntagmatics of the verb.

Результативность и эффективность обучения русской грамматике, выводящей обучаемых непосредственно в речевую деятельность, может обеспечить, на наш взгляд, деятельностный подход к языку. В сфере преподавания иностранных языков этот подход разрабатывается особенно интенсивно. Принципы обучения, базирующиеся на деятельности, получили глубокое и разностороннее психологическое обоснование в трудах, таких выдающихся учёных, как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия. В настоящий момент активность самих учащихся в процессе приобретения знаний, умений и навыков понимается как необходимая предпосылка успешного формирования коммуникативной и социокультурной компетенций в процессе обучения иностранным языком. Считаем, что выход в коммуникативное пространство языка становится возможным только при условии активной речевой деятельности самих учащихся. Идею ценностного подхода к обучению на данном этапе связывают с гуманистической парадигмой образования, для которой характерны принципы равенства, партнёрства, диалогизма в духе идей М. М. Бахтина (Бахтин 1979), свободы, соразвития, единства.

Понимание обучения как деятельности предполагает непосредственное включение учащихся в творческий процесс. Важно, чтобы обучающиеся самостоятельно могли осуществлять определённый

ный алгоритм действий, направленных на приобретение и закрепление умений и навыков для решения поставленных перед ними задач. В такой программе обучения основной принцип состоит в том, что новые знания не даются в виде готовых правил. Закономерности и правила самостоятельно формулируются учащимися в ходе осознанного отношения к предмету обучения. Осознанный подход к обучению речевой деятельности предполагает ориентацию не только на память учащихся, но и на понимание причинно-следственных связей между различными явлениями языка. При обучении языкам, как иностранным, так и родному языку, первостепенную роль играет именно осмысление и самого языка как особой деятельности, включающей в себя активное понимание и порождение речевых высказываний. Такое понимание берёт начало в трудах Вильгельма фон Гумбольдта, утверждавшего, что «язык есть не продукт деятельности, а деятельность» (Гумбольдт 1984: 70). В. Гумбольдт называет язык деятельностью, считая его «работой духа», которая сама по себе является деятельностью, поэтому в языке, являющемся постоянной «работой духа», не может быть остановки или застоя. А. А. Потенция, анализируя идеи В. Гумбольдта, уточняет, что язык есть столько же деятельность, сколько и произведение (продукт). Действительно, речь человека реализуется только тогда, когда читается или произносится определённые речевые произведения, а совокупность слов и грамматических правил только в живой речи становится языком. Тем не менее, как считал А. А. Потенция, грамматика и словарь находят своё подлинное существование в языковой реальности. Именно в ходе речевой деятельности образуется запас слов и правил, с помощью которых язык становится самостоятельной силой (Потенция, 1993: 25–27). Такой подход к языку как деятельности считаем очень важным и для преподавания иностранных языков, и для преподавания родного языка.

Потребность в создании грамматики нового типа, объяснительной и отчасти прогностической, отчётливо осознаётся научным сообществом. На наш взгляд, своего рода каркас такой грамматики в аспекте русского языка как иностранного могло бы составить представление глагольной сочетаемости, одного из трудных разделов русского языка, на основе принципа «от значения глагола – к форме выражения объектных позиций при нём». Учёт данного принципа соответствует процессу формирования мысли говорящего субъекта, поскольку «осознаваемое им содержание, которое ищет для себя воплощения в новых для него средствах изучаемого языка, является первичным» (Богданова 2017: 81).

Обучение грамматике не может происходить в отрыве от лексики. Рассмотреть проблему взаимодействия лексики и грамматики становится возможным на примере взаимообусловленности значения глагола и глагольной сочетаемости. Следует отметить также важность поиска культурно обусловленных компонентов в глагольной семантике, поскольку изучение культурных смыслов, получающих отражение в актантной рамке глаголов, «помогает частично эксплицировать запечатлённое в языке отношение человека к себе, к другим людям, к миру» (Богданова 2021: 107). Таким образом, обучение грамматике может способствовать и более глубокому проникновению в культуру изучаемого языка. Запросы практики побуждают искать новые способы представления глагола в русской грамматике. К настоящему моменту всё более очевидной становится потребность в создании грамматики для «активных» речевых действий (Милославский 2018).

Подход к представлению глагольной валентности, ориентированный на говорение, может осуществляться с помощью актантной теории Люсьена Теньера, который обосновал «глаголоцентрическое» понимание высказывания. Концентрируя в себе суть ситуации, глагол задаёт определённое количество участников ситуации, т.е. актантов. В теории Л. Теньера все участники «спектакля», режиссёром которого является глагол, подразделяются на актанты и факультативные сирконстанты (Теньер 1988: 41–142). Актантно-ролевою структуру глагола по праву можно считать важнейшим инструментом коммуникативной и когнитивной деятельности человека. Следует обратить внимание и на то, что актантная рамка глагола может явиться эффективным инструментом обучения глагольной сочетаемости с учётом привлечения корпусных данных, раскрывающих дополнительные закономерности её оформления.

Проблема соотношения глагольной валентности и семантики глагола детально изучена Ю. Д. Апресяном, который подчёркивал, что, «фиксируя сходства и различия в синтаксическом пове-

дении языковых элементов, <...> мы можем делать объективные заключения об их семантических сходствах и различиях» (Апресян 1967: 24–25). Представляется принципиально важным посмотреть на взаимосвязь семантики и синтагматики русского глагола именно со стороны семантической, чтобы, исходя из значения глагола, выяснить, какие семантические компоненты способны указывать на предпочтительный способ грамматического оформления объектных позиций при глаголе.

Грамматика для говорения и письма должна располагать правилами, своего рода инструкциями, которые могли бы в известном смысле руководить учащимися в их речевой деятельности. Рассмотрим некоторые из этих правил и их иллюстративное сопровождение из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

НКРЯ представляет собой богатейший ресурс, не в полной мере оценённый преподавателями русского языка как иностранного. НКРЯ может быть полезен преподавателю РКИ при подготовке учебных пособий по грамматике, при создании оригинальных упражнений на отработку грамматических конструкций. Студент, изучающий РКИ, может использовать корпусные данные при самостоятельной работе для контроля и самопроверки. Задания на подбор примеров, иллюстрирующих правила русского языка, помогают учащимся осознать действующие в языке закономерности, способствуют развитию умений самостоятельно формулировать правила. Рассмотрим возможности НКРЯ на примере обучения глагольной сочетаемости.

Для формулирования правил необходимо, на наш взгляд, «вписать» грамматику, насколько это возможно, в культурный контекст. К культурно значимым смыслам, влияющим на грамматическое оформление высказывания, можно отнести, в первую очередь, эмоциональность, отражающуюся в семантике русских глаголов. Русский язык, в отличие от английского, богат «активными» эмоциональными глаголами (*грустить*, *тосковать*, *сокрушаться* и др.). Для английского языка, напротив, более характерна адъективная или причастная модель. По словам Анны Вежбицкой, особенность русской культуры проявляется в том, чтобы относить «вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи» (Вежбицкая 1996: 43). Многие эмоциональные глаголы, связанные с чувством через продолжительный и протекающий одновременно с эмоциональный мыслительный процесс – в отличие от прилагательных – способны, как и глаголы мысли, подчинять себе существительное с предлогом *о* (*об*, *обо*). При этом надо подчеркнуть, что ориентацию на обозначение позиции каузатора эмоции и одновременно её содержания с помощью предложно-падежной группы *о чём / о ком* имеют не все эмоциональные глаголы, а только те, которые обозначают негативные эмоции, связанные с событиями прошлого.

Итак, одно из правил глагольной сочетаемости гласит:

Если глагол эмоциональной сферы обозначает грустные размышления о прошлом, то способом обозначения актантной позиции объекта-содержания при нём будет предложно-падежная группа **о чём / о ком**.

Примечательно, что негативное эмоциональное состояние может быть вызвано как отрицательно оцениваемым событием прошлого, так и ситуацией с позитивной оценкой, обозначающей то, что безвозвратно утеряно и, следовательно, может приводить к печальным размышлениям. Анализ примеров из НКРЯ позволяет учащимся ответить на вопрос: *О чём можно грустить, тосковать, горевать?* В ходе обсуждения выясняется, что людям свойственно грустить о том, чего на данный момент нет с ними: *о прошлом, о молодости, о прошедшем лете*:

Она со страстной осязательностью сокрушается о прошлом (Б. Пастернак); *Я опять тоскую о своём прошлом* (Н. Н. Пунин); *Она и там была спокойна. Слегка грустила – о молодости* (А. Слаповский); [*Ольга*] *грустила о летних, велосипедных днях* (А. Ласкин).

Грустить можно и о человеке, которого сейчас нет с нами:

<...> *Петр Александрович вечно тоскует о ней, о её душевном спокойствии* (Ф. Достоевский); *Мать его грустила о сыне* (К. С. Аксаков); *В чём дело? Я тоскую о тебе, моя любовь* (А. И. Батюто).

Если языковой уровень учащихся позволяет, можно обсудить, что значит эта фраза: *Душа грустит о небесах* (С. Есенин).

На основе анализа примеров можно сделать вывод, что грустить можно обо всём: *В наш век расплодилось множество плакс, которые обо всём горюют и скорбят* (А. Герцен);

Анализ глаголов эмоциональной сферы показывает, что глаголы, обозначающие положительные эмоции по поводу прошлых событий, не могут присоединять к себе существительные со значением объекта-причины с помощью существительных с предлогом *о* (*об*, *обо*). Это объясняется, по-видимому, тем, что радость в русской лингвокультуре не является объектом для анализа и глубокого размышления (ср. невозможно **радоваться о чём-н.*; **ликовать о чём-н.*, **веселиться о чём-н.*).

По-видимому, радость столь мимолётна и скоротечна, что не может быть объектом для глубокого анализа и размышления:

Радость кратка, преходяща, обманчива, печаль вечна, благотворна, неизменна... Радость всегда в детском возрасте, в детском обличье, ибо всяким сердцем она рождается заново, и чем дальше в жизнь, тем меньше её (В. Астафьев. Царь-рыба).

Эмоциональное состояние человека может быть не только длительным, протяжённым во времени переживанием / размышлением (ср. *горевать*, *тосковать*), но и непродолжительным, импульсивным, кратковременным актом (ср. *удивляться*, *поражаться*, *огорчаться*, *радоваться*). Такое эмоциональное состояние субъекта вызвано, как правило, каким-либо неожиданным для него событием, имеющим характер приятного или неприятного «сюрприза».

Объект – каузатор при данных глаголах ‘удивления’ оформляется с помощью **дательного падежа без предлога**: *удивляться другу, письму, терпению; поражаться переменам в жизни; изумляться новостям; умиляться детской любознательности* и т.д.:

Я обрадовался встрече, потому что давно уже хотел познакомиться с настоящим филологом... (Анатолий Азольский);

Однако Щукин нисколько не удивился вопросу, он и сам давно думал о том же... (Сергей Носов);

По пути домой я вспоминала встречу, сценарий и изумилась фамилии режиссера – Аскольдов, забавно... «Аскольдова могила» (Нонна Мордюкова).

Оформление объектной позиции (дательный падеж без предлога) в данном случае не зависит от того, является ли эмоциональное состояние, вызванное тем или иным неожиданным событием, позитивным или негативным. Ср.: *огорчаться неудачам* и *радоваться успехам*. Однако различия в синтагматическом поведении «позитивных» и «негативных» глаголов всё же имеются. Так, в частности, если глагол обозначает негативное импульсивное состояние, то объектная позиция при нём не может заполняться словами, обозначающими лицо: нельзя **огорчиться другу, брату, девушке*, хотя можно *обрадоваться другу, брату, девушке*, т.е. их приходу.

К правилам, выявленным при анализе семантического пространства русских глаголов и сформулированным с учётом культурного компонента, можно отнести также закономерности отражения в грамматике «статусного» характера русской культуры.

Если глагол своей семантикой указывает на отношение одного лица к другому, и это отношение может быть обозначено как отношение «сверху – вниз», то позиция «лица зависимого» выражается с помощью предложно-падежной группы **над кем**, при этом субъект ставит себя значительно выше в какой-либо сфере, чем объект: *смеяться, насмехаться, иронизировать над кем / чем* (глаголы насмешки); *издеваться, глумиться над кем / чем* (глаголы издевательства).

Анализ материала показывает, что в объектной позиции и глаголов ‘насмешки’, и глаголов ‘издевательства’ могут быть представлены слова, обозначающие различные социальные или политические роли лиц, оказавшихся в слабой, зависимой позиции, о чём свидетельствуют примеры из НКРЯ:

Склонив голову над невидимой рукописью, он теперь часами писал воззвания к революционным солдатам, едко **издевался над эсерами и социал-демократами**, не сомневался больше ни в чем и являл собой образец полной гармонии и счастья (Андрей Геласимов);

Обыкновенно Вернер исподтишка **насмехался над своими больными**... (М.Ю. Лермонтов);

Он свободно вел себя во время поминальных служб, **насмехался над священниками**, смеялся и громко разговаривал (Игорь Андреев).

Если отношение одного лица к другому можно обозначить как отношение «снизу – вверх», то актантажная позиция, обозначающая человека с более высоким статусом (духовным, моральным или финансово-материальным), будет выражаться с помощью предложно-падежной формы **перед кем**: *благоговеть, неметь, преклоняться перед кем / чем* (глаголы преклонения); *лебезить, заискивать, бегать на задних лапках перед кем / чем-нибудь* (глаголы самоуничижения).

Глаголы со значением '**преклонения**' предполагают высокую степень уважения субъекта эмоции к лицу, являющемуся источником обозначенного отношения, источник эмоции воспринимается субъектом как стоящий выше его в общечеловеческом, нравственном или интеллектуальном отношении. Примеры из НКРЯ демонстрируют неравенство статусов субъекта и объекта при глаголах со значением 'преклонения':

<...> с тех пор он ещё более считал себя недостойным её, ещё **ниже нравственно склонялся перед нею** (Л. Толстой).

Смуров, **разумеется, благоговел перед Колей Красоткиным** и не смел и думать **равняться с ним** (Ф. Достоевский).

Преклоняясь перед блеском его черновиков, мы стремимся по ним распознать каждый этап взлета его вдохновения, которым создавался шедевр (В. Набоков, о Пушкине);

При глаголах со значением '**самоуничижения**' источником эмоции и соответствующего поведения также является, как правило, лицо, занимающее более высокое (материальное или социальное) положение в обществе по сравнению с субъектом:

Он **всячески лебезил перед губернатором**, снимал с него каждую пушинку... (В. Я. Шишков).

Такое поведение отрицательно оценивается русским социумом. Эту тему можно обсудить при комплексном анализе примера из корпуса:

*Товарищи над ним подсмеивались, иногда даже издевались, дразнили «паинькой», но все, однако, чувствовали, что он **не был плохим товарищем**: он **не лебезил перед начальством**, **не заискивал**, не был доносчиком, очень охотно посещал «секретные» квартиры и большей частью с живым интересом слушал до поздней ночи всякие диспуты...* (Н. Н. Златовратский).

Обращение к сфере самосознания личности позволяет выделить группу глаголов, выражающих общую идею недовольства собой, своими поступками. Негативная самооценка характеризует семантику глаголов, включающих компонент 'стыд' (*смуцаться, стесняться, конфузиться, стыдиться, совесть*). Умение оценивать себя критически, способность стыдиться, стесняться, положительно оценивается русским социумом. Негативная самооценка, отражённая в семантике данных глаголов, указывают на характер их синтагматического поведения (*стесняться кого-чего перед кем*), что косвенным образом связано с русской ментальностью в её проекции на способ концептуализации объектов. Самооценка, представленная в значении глаголов, требует для своей реализации «взгляда со стороны» – позиции адресата (*перед кем*), понимаемой как «позиция ответственности», которая в русской культуре осмысливается как позиция для лица или группы лиц, занимающих в разных видах иерархии (социальной, семейной, интеллектуальной или моральной) более высокое положение, чем субъект.

Итак, считаем целесообразным искать и находить в семантическом пространстве русских глаголов те смысловые зоны, в которых формулирование правил зависимости синтагматики от семантики возможно и необходимо.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 251 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

3. Богданова Л. И. Представление грамматики русского языка с позиций говорящего субъекта: трудности и перспективы // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность. Ч. 1. М.: РУДН, 2017. С. 81–84.
4. Богданова Л. И. Оценки и ценности в структуре глаголов ‘стыда’ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 106–116.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. / Отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
6. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
7. Милославский И. Г. О лингвистических источниках для обеспечения производства речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 21–36.
8. Потебня А. А. Мысль и язык. Киев: Синто, 1993. 192 с.
9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с фр. Вступ. статья и общая ред. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
10. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс.] URL: www.ruscorgora.ru (дата обращения 20.04.2022).

УДК 372.881.111.1

УСТНЫЙ УЧЕБНЫЙ КОРПУС РКИ: НОВЫЙ ИСТОЧНИК ДАННЫХ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. А. Власова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

Ю. В. Бец, Е. М. Северина

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

***Аннотация.** В статье анализируются нетривиальные фонетические и грамматические явления устной речи иностранцев, изучающих русский язык. Показано, что устный учебный корпус позволяет получить систематическое представление о компенсаторных механизмах речепорождения, проверять и формулировать гипотезы.*

***Ключевые слова:** русский как иностранный, устная речь, корпусная лингвистика, учебный корпус, устный корпус*

SPOKEN LEARNER CORPUS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: A NEW SOURCE OF DATA FOR LINGUISTICS AND LANGUAGE PEDAGOGY

E. A. Vlasova

HSE University

Moscow, Russia

Yu. V. Bets, E. M. Severina

Southern Federal University

Rostov-on-Don, Russia

***Abstract:** The paper analyses pronunciational and grammatical anomalies of the spontaneous spoken production of students learning Russian as a foreign language. We demonstrate how the spoken learner*

corpus provides a systematic view on compensatory mechanisms of speech production and serves as a testbed for new predictions.

Key words: *Russian as a foreign language, spoken production, corpus linguistics, learner corpus, spoken corpus.*

1. Введение

Развитие компьютерной лингвистики создает все инструменты для сбора, обработки и хранения в открытом доступе лингвистического материала, который бы позволил методистам и исследователям полно охватить разнообразие языковых дисфункций, характерных для иностранцев, изучающих русский язык, а также представить системное описание и научно-обоснованные данные о регулярности нестандартных языковых явлений, свойственных разным уровням компетенции. Анализ традиционных подборок примеров, описываемых практикующими преподавателями, имеет безусловно важное значение для документации наблюдений, однако малое число данных, их неverified и фрагментарность не дают ответов на ключевые для исследователей вопросы.

Новым шагом в сторону создания открытых репрезентативных данных являются учебные корпуса – электронные коллекции текстов, написанных изучающими иностранный язык, с возможностями поиска на основе морфологической аннотации и ручной разметки аномалий. Наиболее крупным ресурсом, содержащим данные о зарубежных вариантах русского языка, является «Русский учебный корпус» (Рахилина 2016: 22), который в данный момент превышает объем 2,2 млн слов (RLC). Указанная цифровая коллекция содержит обширный материал по интерференции и разнообразию аномалий, наблюдаемых при освоении письма. Между тем выводы и наблюдения, полученные на письменных текстах, не могут быть обобщены на устную речь, поскольку она основана на иных механизмах речепорождения (Земская 2011). Русскоязычное научное сообщество до сих пор располагает крайне скудным количеством данных о фонетических особенностях, грамматических аномалиях и их взаимодействии в устной речи иностранцев, хотя известно, что сбор таких данных ведется в рамках более крупных исследований русской речи (Завадская 2021). Трудоемкие в обработке коллекции обычно не всегда доступны специалистам, среди которых на фоне развития систем тестирования и психолингвистики растет запрос на описание и систематизацию явлений устной иностранной речи, спонтанной и не ограниченной экспериментальными условиями.

Цель нашего исследования – собрать аудиоархив и разработать концепцию устного русского учебного корпуса, который содержит помимо аудиозаписей транскрипты устных высказываний с разметкой морфологии, фонетических особенностей и грамматических аномалий.

Концепция устного учебного корпуса соединяет методы нескольких крупных направлений – корпусной лингвистики, исследований устной речи, теории усвоения иностранного языка и методики преподавания русского как иностранного. Междисциплинарный подход приводит к формированию новой системы понятий, требующей отдельного пояснения. Далее в докладе под термином инофон подразумевается иностранец, изучающий русский язык. Языковые неточности, которые в обиходе обычно рассматриваются как ошибки, именуются аномалиями, или отклонениями от языковых норм. Термин доминантный язык указывает на родной язык учащегося, а в двуязычной ситуации – на основной язык социального окружения.

2. Требования к устройству устного учебного корпуса

Цель – оценка коммуникативной компетенции, речевых способностей нестандартного носителя к созданию связного текста и адекватному взаимодействию, а также исследования грамматической и смысловой точности устной речи для обнаружения универсальных нестандартных явлений, групповых особенностей и индивидуальных свойств. Поскольку источником материала являются нестандартные носители с ограниченным языковым репертуаром и лексическими средствами, требуется уточнение требований к разнообразию и сбалансированности собранного материала.

3. Разнообразие языковой выборки

Если рассматривать устный учебный корпус как источник данных для обобщений в области методики и усвоения иностранного языка, то существенное значение имеет разнообразие учащихся

по двум параметрам – доминантный язык и социолингвистическая ситуация. Регулярные занятия русским языком и практика общения, как правило, создают ситуацию двуязычия, для которой типична интерференция – перенос структур и лексико-семантических элементов из доминантного языка в изучаемый. Для определения явлений, свойственных инофонам вообще, групповых особенностей, связанных с интерференцией, и случайных сбоев, требуется коллекция текстов от носителей с разными доминантными языками.

Существенное значение также имеет социолингвистическая ситуация, в которой происходило изучение русского языка. Среди студентов, изучающих русский язык сегодня, выделяется несколько категорий: помимо инофонов, для которых основной источник освоения русского языка – это учебный процесс в образовательных учреждениях, есть эритажные носители – представители русскоязычных диаспор, которые имели опыт раннего двуязычия и ограниченной естественной коммуникации на русском языке в иноязычном окружении. Отдельную группу образуют нестандартные носители, изучавшие русский язык в национальных школах постсоветского пространства и, как правило, имеющие регулярный доступ к коммуникации, СМИ и культурному контенту на русском языке. Перечисленные категории нестандартных носителей демонстрируют несбалансированность в разных аспектах лингвистической компетенции и формируют разные методические направления преподавания русского языка – как иностранный, как второй родной (русский для билингвов), русский как неродной, и или русский язык для национальных школ.

4. Разнообразие тем и речевых жанров устных текстов

Поскольку нестандартные носители русского языка ограничены в лексических и грамматических средствах, тематическое содержание и речевые жанры устных материалов оказываются крайне однообразными и узкими в рамках стандартного круга тем. И это тот аспект, в котором задачи методистов и теоретиков расходятся. Для методистов важна объективная и оценка коммуникативной компетенции в рамках системы государственного тестирования, которая предусматривает два варианта – национальная система ТРКИ и общеевропейская модель тестирования, ориентированная на экзамен CERF с уровнями A1–C2. Оба вида тестирования предусматривают проверку устной коммуникации и стандартизированные задания для получения образцов устной речи иностранца с элементами пересказа чужого мнения, выражения собственной позиции и оценки фактов (Учебно-тренировочные тесты... 2019: 23).

Между тем теоретические исследования изучают становление речевых способностей, развитие структуры нарратива и дискурсивных стратегий, формирующихся у нестандартных носителей на разных этапах изучения. Для получения спонтанной и естественной речевой продукции нестандартным носителям предлагается рассказать в свободной форме о событиях из жизни (Резанова 2017) или даются задания, ориентированные на описание изображения, рассказ-историю на основе картинки или видео и т.п. (Богданова-Бегларян 2013, Завадская 2021).

Таким образом, несмотря на ограниченность языкового репертуара нестандартных носителей, и в первую очередь инофонов, тематическое и жанровое разнообразие возможно обеспечить за счет подборки стимульного материала для разных уровней компетенции. Предполагается, что коллекция стимулов включает как стандартизированные задания из части «говорение» системы тестирования, так и задания, используемые исследователями для проверки речевых способностей на основе нестандартных заданий – рассказа на основе картинки, мультфильма, сюжетного видео и пр. Заранее подготовленный набор стимулов с поуровневой градацией, с одной стороны, позволит с самого начала собирать разнообразный материал, с другой – легко интегрировать в корпус новые коллекции.

5. Принципы разметки

Фиксирование на письме устной речи иностранца с сохранением нестандартных особенностей – задача, требующая методологического компромисса: затранскрибированное высказывание должно быть доступно для компьютерной обработки и поиска, информативно для широкого круга преподавателей и исследователей, а также последовательно передавать специфические черты и произносительные аномалии русской речи иностранца. В процессе транскрибирования выработано несколько

принципов. Сегменты речи, соответствующие произносительной норме, записывались в соответствии со стандартной литературной орфографией, как принято, например, в Устном корпусе НКРЯ. Устное высказывание делится на элементарные дискурсивные единицы (далее – ЕДЭ) на основе принципов, сформулированных в исследовании устного дискурса (Кибрик, Подлеская 2009: 56–57): одна ЭДЕ соответствует описанию одной ситуации и характеризуется смысловым и интонационным единством. Оказиональные слова и грамматические формы отмечены знаком *. Для маркирования фонетических аномалий используется система дополнительных знаков, при разработке которой мы ориентировались на ресурс TLC – крупнейший устный учебный корпус английского языка (Gablasova et. al 2019). Предложена следующая система помет:

[ ] – квадратные скобки для выделения единицы с аномальным для русского языка аллофоном, ср. [правать] = плавать;

НРЗБ – обозначение неразборчивой последовательности звуков;

латинские буквы – обозначение звуков, которые расшифровщик распознал как иноязычные, например, звуки w и th;

HES – заполненная пауза хезитации (например, “эээ”);

PHYS – выраженная физиологическая пауза (сглатывание, вздох);

/ – логическая пауза;

{слово SLIP слово} – обозначение границы единицы, содержащей самоисправление, ср. {[гу-рять] на [урицу] /на [урица]} = гулять на улицу / улица.

Образец текста, затранскрибированного в соответствии с предложенной схемой аннотации, представлен ниже при анализе лингвистического материала.

6. Грамматические и фонетические аномалии как проявления компенсаторных механизмов речепорождения

Описанные выше принципы транскрибирования и разметки разработаны на основе пилотного аудиоархива, собранного сотрудниками Южного федерального университета в рамках курсов по русскому языку как иностранному. Первичная коллекция текстов включает около 3 часов аудиозаписей устных высказываний студентов с разными доминантными языками – китайским, испанским, арабским туркменским и др.

Предварительный анализ пробной коллекции устных текстов показал, что современные корпусные инструменты позволяют углубить лингвистический анализ нестандартных данных за счет одновременного использования трех слоев разметки. Относительно каждой языковой единицы возможно получить три типа информации: о ее фонетических особенностях, грамматической корректности / аномальности, а также длительности фраз. Далее систематизированы наблюдения над тем, каким образом проявляются компенсаторные механизмы при речепорождении устных высказываний у инофонов и как грамматические аномалии соотносятся с фонетическими.

В рамках доклада мы подробно остановимся на одном наиболее показательном устном высказывании китайской студентки: оно насыщено нестандартными явлениями, единично представленными в других текстах. В качестве стимульного материала ей был предложен рассказ, в котором молодой человек по имени Игорь объяснял, почему лето – это его любимое время года. Коммуникативная задача состояла в изложении чужого мнения и передаче чужой точки зрения. Полученное устное высказывание содержит ряд нетривиальных явлений, специфических для устной речи и иллюстрирующих компенсаторные механизмы инофона при речепорождении. Приведём полностью расшифрованную устную запись с использованием транскрипции и фонетической аннотации.

(1) У Игоря есть любимое время года / лето //

(2) HES ему HES / ему нравится этот время года больше всего /

(3) и летом HES HES всё *цветётся, все [зелёной], яркие краски, очень [тебро], даже жарко //

(4) {и о SLIP и о НРЗБ} *[моется] купаться, {зара SLIP загорать}, [правать], ловить рыбу и так далее //

(5) летом HES есть много овощей и фруктов, [цветав] //

- (6) и *{мой / моется} [НРЗБ] о HES {[гурять] на [улицу] SLIP на [улицы]} HES //
- (7) и за [градом] в общем [отрично] //
- (8) он очень *любится природу / и он *любится [рес] / *[рюбится] поле / *любится гулять и в [ресу] и *с [боре] //
- (9) он *думается, что у [боре] *такое HES {пра SLIP простор} и свобода HES //
- (10) а ещё он очень любит [правать] //
- (11) недалеко {от HES SLIP от HES них города} / есть [борьшая] река //
- (12) он всё лето *[праваётся] в ней и в ней можно ловить рыбу //
- (13) он *любится рано {ут SLIP утра} ходить на {риба SLIP [рибалку]}
- (14) HES и летом он *[моется] поехать на море //
- (15) HES обычно он с друзьями *{ездим SLIP ездится} на Чёрное море / и он думается там очень прекрасно //
- (16) [морской] воздух хороший {пряSLIP [пряж]}, *высокий горы, красивая природа //
- (17) он *любится загорать на [пряже], [НРЗБ] ходить в горы //
- (18) лето это HES он *думается лето это очень хорошее время года //
- (19) всё, спасибо

Одной из лингвистических загадок этого текста стало появление семантически неуместной по смыслу словоформы *моется*, которая существует в русском языке как 3 л. ед.ч. от глагола *мыть*, однако в данном случае затемняет смысл высказывания, ср. ЭДЕ 4, 6, 14. По контексту восстанавливается модальный предикат – *может / можно*, ср. [*моется*] *купаться* – может купаться, и *мой SLIP моется [гурять]* = и может / можно гулять, *он [моется] поехать на море* = он может поехать на море. Наблюдается нетривиальное с точки зрения лексического доступа явление: студентка последовательно заменяет слова *может / можно* словом *моется*, которое слишком далеко по смыслу, структуре и лексико-грамматическому оформлению. Парадокс еще и в том, что студентка не только знает, но и умеет употреблять лексему *можно* с корректным грамматическим оформлением, но успешный лексический доступ наблюдается только ближе к концу высказывания, ср. ЭДЕ 12: *и в ней можно ловить рыбу*. Основанием для указанной путаницы слов можно считать начальное созвучие – первый слог *мо-*, однако анализ всего текста показывает, что указанный сбой имеет более глубокие причины.

Во-первых, словоформа *моется* скорее всего хорошо знакома студентке из темы «Мой день» и имеет прозрачную фонетическую структуру без консонантных кластеров и сложных в артикуляции шипящих. Между тем словоформа *может*, тоже частотная, содержит неудобопроизносимую для иностранцев фонему *ж* в интервокальной позиции. О том, что эта позиция представляет существенную трудность при речепорождении, свидетельствуют заполненные гезитации и самоисправления, ср. ЭДЕ (4) {[НРЗБ] [*моется*]} *купаться*, ЭДЕ (6) {*мой SLIP моется*}. Только к концу высказывания студентка произносит семантически некорректное слово *моется* свободно: *и летом он [моется] поехать на море*. Таким образом, самоисправления указывают на то, что одна из причин путаницы – это отсутствие твердых навыков произношения и фонематического различения слов, в результате *может* и *моется* совпадают на уровне формального выражения.

Во-вторых, важно, что *может* имеет близкий по семантике и внутренней форме безличный предикат *можно*, то есть помимо корректного произношения перед студенткой стоит дополнительная задача – контролировать выбор двух похожих предикатов с разным лексико-грамматическим оформлением.

Наконец, самым важным фактором обсуждаемой аномалии является то, что неуместный по смыслу, но усвоенный глагол *моется* соответствует общей тенденции, наблюдаемой в этом высказывании: унифицированному способу маркирования 3 л. ед.ч. путем добавления постфикса *-ся* к предикатам основной линии повествования, ср.: *всё цветёт-ся, он моет-ся (=может-ся), он любит-ся, он думает-ся, он плавает-ся* и пр. Студентка демонстрирует интересную стратегию гипермаркирования. Используется существующий формант *-ся*, однако его грамматическая семантика переосмыслена как показатель 3 л. наряду с окончанием *-ит/ет*. Важно отметить, что показатель *-ся* фонетически более

заметен, чем *-it/et*: *-ся* содержит согласную в сильной позиции перед гласной, тогда как в окончании *-it/et* глухой согласный выступает в слабой позиции на конце слова. Иностранная студентка присоединяет постфикс *-ся* не хаотично ко всем глагольным формам, она действует последовательно, маркируя только финитные формы – сказуемые основной линии повествования. Интересно, что она таким образом противопоставляет спрягаемые формы, маркированные при помощи *-ся*, и подчиненные инфинитивы, используемые ею корректно.

Проанализированное высказывание показывает, как в процессе устного спонтанного речепорождения студентка конструирует собственное грамматическое правило оформления сказуемых 3 лица при помощи *-ся*, несмотря на то что она умеет порождать и корректные формы. Ср. правильную ЭДЕ (10) *а ещё он любит [нравать]*, которая неожиданно появляется среди аномальных ЭДЕ (8), (13), (17), содержащих словоформу *любится*. Более того, на уровне языковой компетенции студентка различает глаголы *нравится* и *любить* и умеет производить грамматически корректные конструкции с этими предикатами – см. ЕДЭ (2) и ЕДЭ (10).

Можно предположить, что злоупотребления показателем *-ся* спровоцированы двумя обстоятельствами. Первое – это появление в самом начале текста в ЭДЕ (2) конструкции с возвратным глаголом *ему / ему нравится*. Второе – фонетическое совпадение глагола *может* с существующим и знакомым студентке глаголом *моется*. Далее может срабатывать эффект морфологического прайминга – частое в устной речи явление, при котором морфологический показатель предшествующего элемента аномально повторяется в последующих словоформах, например, у стандартных носителей этот эффект часто проявляется в сочетаниях прилагательного с существительным, см. *от тех точных родительских ответах* (Русакова 2013: 128). Рассмотренное устное высказывание китайской студентки дает основания предположить, что в речи иностранца эффект прайминга может действовать на уровне дискурсивной организации текста: постфикс *-ся*, встретившийся у сказуемых в начальных фразах, переосмысливается как дефолтный показатель 3 л. и распространяется на все остальные предикаты основной линии повествования.

Феномен использования дефолтных форм как компенсаторного механизма в устной речи иностранцев, говорящих на русском языке, подробно описан в научной литературе (Воейкова 2011: 23). Высказывание китайской студентки интересно тем, что в нем используется довольно сложная стратегия конструирования дефолтной формы 3 лица: реанализ показателя *-ся*, гипермаркирование, оппозиция спрягаемой формы глагола и инфинитива. Важно, что данный механизм конструирования собственной грамматики демонстрирует носитель китайского языка, в котором слабо развита система морфологического маркирования.

Впрочем, от описанной выше закономерности наблюдается несколько отклонений. Первое – это неожиданное появление корректной формы *любит* без постфикса *-ся* в ЭДДЕ (10): *а ещё он очень любит [нравать]*. Обращает внимание идиоматичность этой фразы: она вводится при помощи устойчивой дискурсивной формулы *а ещё*, в отличие от других ЭДЕ, которые присоединяются либо бессоюзно, либо как нанизывание предикативных единиц с помощью союза *и*. Появление дискурсивных формул, свойственных носителям языка, в речи инофона свидетельствует о том, что при речепорождении нестандартный носитель использует попеременно несколько компенсаторных стратегий: с одной стороны, наблюдается конструирование высказываний и упрощенных грамматических правил с аномальными дефолтными формами, с другой – корректно воспроизводятся по памяти готовые дискурсивные единицы, ср. также [*в общем отрично*]. Важно, что в рассматриваемом устном высказывании стратегия конструирования упрощенных правил является преобладающей.

Еще одно интересное отклонение от тенденции маркирования сказуемых 3 л. при помощи постфикса *-ся* наблюдается как самоисправление, свидетельствующее о колебании в выборе формы, ср. ЭДДЕ (15) *обычно он с друзьями {ездим SLIP ездится} на Чёрное море*. Сложносоставное подлежащее *он с друзьями* содержит идею множественности и делает возможными две стратегии координации между подлежащим и сказуемым. В русском языке есть большое число количественно-именных сочетаний, при которых допускается вариативность в выборе формы сказуемого ед. или

мн.ч., ср. *пять человек пришло / пришли*. При выборе формы ед.ч. соблюдается грамматический принцип согласования, но есть и семантические основания для выбора формы мн.ч. С такой же дилеммой сталкивается инофон в ЭДДЕ (15), где подлежащее также указывает на группу людей: *он с друзьями {ездим SLIP ездится}*. Любопытно, что в данном случае инофон использует сначала форму 1 л. мн. ч. без показателя -ся, однако очень быстро сам распознает аномалию в согласовании по лицу и исправляется, используя форму **ездится*, не существующую в русском языке, но зато соответствующую упрощенному правилу, действующему в его высказывании.

7. Заключение

Представительная коллекция устного корпуса, зафиксированная в письменной форме при помощи транскрипции с несколькими слоями аннотации, дает исследовательскому и методическому сообществу не только открытую и верифицируемую коллекцию аудиофайлов, но и возможность взглянуть на устный материал с нового ракурса и получить более системное представление о наблюдаемых отклонениях и их причинах, по сравнению с более традиционным методом – прослушиванием устных записей и аудиоархивов и документированием отдельных фактов.

Для лингвистов-теоретиков важно, что анализ затранскрибированного текста позволяет более глубоко понять механизмы наблюдаемых отклонений, которые на первый взгляд могут казаться случайными и затемнять смысл устных высказываний. Наш опыт показал, что необъяснимая и нетипичная для носителя языка путаница глаголов *может* и *моется* оказывается не случайным сбоем, а результатом системного обобщения вследствие нескольких компенсаторных механизмов речепорождения – тенденции к выработке дефолтных форм и компенсации фонетической неточности.

Для методистов и практикующих преподавателей данные устного корпуса и проведенная на его основе аналитическая работа позволяют глубже объяснять и прогнозировать нетривиальные и слабо предсказуемые в рамках действующей теории РКИ трудности, с которыми инофоны сталкиваются при речепорождении.

Литература

1. Богданова-Бегларян Н. В. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
2. Воейкова М. Д. Усвоение первого и второго языка: сходства и различия // Путь в язык: Одноязычие и двуязычие / Под ред. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеевой. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 11–32.
3. Завадская Ю. О. Случайность или закономерность? Частотность словоформы и другие возможные причины грамматических речевых сбоев в русской спонтанной речи. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2021. № 17(1). С. 123–142. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.30842/alp23065737171123142> (дата обращения 15.09.2022).
4. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта Наука, 2011. 239 с.
5. Кибрик А. А., Подлеская В. И. Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
6. Резанова З. И. Подкорпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 105–118. [Электронный ресурс.] URL: <https://doi.org/10.17223/22274200/11/7> (дата обращения 15.09.2022).
7. Рахилина Е. В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Русский язык за рубежом. 2016. № 3. С. 20–25.
8. Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. 568 с.

9. Учебно-тренировочные тесты по русскому языку как иностранному: В2–С1. Вып. 4: Аудирование. Говорение / Захарова А. И., Лукьянов Е. Н., Парецкая М. Э., Шакирова Г. Р. 5-е изд. СПб. Златоуст, 2019. 168 .

10. Gablasova D., Brezina V., McEnery T. The Trinity Lancaster Corpus: Development, Description and Application. International Journal of Learner Corpus Research. 2019. № 5 (2). P. 126–158.

Электронные ресурсы

1. RLC – Русский учебный корпус. [Электронный ресурс.] URL: <http://web-corpora.net/RLC/> (дата обращения 15.09.2022)

2. TLC – Trinity Lancaster Corpus. [Электронный ресурс.] URL: <http://cass.lancs.ac.uk/trinity-lancaster-corpus/> (дата обращения 15.09.2022)

УДК 372.881.111.1

О ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ПОМОЩИ ПЕСЕННОГО МАТЕРИАЛА НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

К. В. Головатова, В. В. Иванова
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается дидактический и лингвокультурологический потенциал песенного материала для занятий по русскому как иностранному. Из-за тенденции к развитию межкультурной коммуникации на занятиях по иностранному языку важно уделять внимание развитию лингвокультурологической компетенции.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, песенный материал, РКИ.

ON THE FORMATION OF LINGUOCULTURAL COMPETENCE WITH THE HELP OF SONG MATERIAL FOR RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

K. V. Golovatova, V. V. Ivanova
RUDN University
Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the didactic and linguocultural potential of the song material. In the modern era of globalization, there is a tendency to develop intercultural communication, so it is important to pay attention to the development of cultural competence in foreign language classes.

Key words: linguocultural competence, song material, RUDN University.

В связи с активным расширением странами сфер влияния в межнациональном пространстве и развитием межкультурной коммуникации возникли новые тенденции в преподавании иностранного языка. Существующее языковое многообразие является одной из главных ценностей культурного мирового наследия (Гальскова, Гез 2009: 10). Иноязычная коммуникация предполагает частое обращение к культуре носителя языка и в процессе коммуникации происходит диалог культур, под которым подразумевается знание не только собственной культуры, но и страны изучаемого языка. Таким образом, для эффективной коммуникации необходимо преодолеть «культурный барьер» (Гер-Минасова 2007: 46).

Важно отметить, что термин «диалог культур» является дипломатичным вариантом понятия «конфликт культур». В рамках нового подхода к организации учебного процесса особую роль приобрело развитие у обучающихся вторичной языковой личности и, как следствие, появление взаимопонимания между носителями различных культур в процессе коммуникации. Для ознакомления учащихся с культурой страны изучаемого языка стало важным формирование лингвокультурологической компетенции.

Данный термин «включает в себя множество аспектов: комплекс знаний о национальных и культурных особенностях иноязычного общества, умение выстраивать речевое поведение с учётом этих знаний, а также способность к коммуникации в современном поликультурном мире, понимание и уважительное отношение к чужой культуре и ценностям» (Макковеева 2009: 20).

Таким образом, Ю. А. Макковеева приходит к выводу, что результатом лингвокультурологической компетенции является способность вести адекватную коммуникацию, умение правильно понимать смысл и окраску, знание культурно-социального контекста и узнавание различных исторических и культурных событий при чтении книг газет, просмотре сериалов и фильмов (Там же: 31).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в основе формирования лингвокультурологической компетенции лежит работа с аутентичными материалами, которые являются прямым источником информации о культуре и мотивируют учащихся. В частности, речь идёт о знакомстве с песенной культурой страны. С помощью авторской песни у обучающихся моделируется образ иноязычной социокультурной среды: межличностные отношения и отношения между властью и обществом, условия жизни, ценности, региональная культура, традиции и история, особенности быта (Литвинов 2004: 54).

Песня является культурным феноменом и передаёт специфику национальной картины страны изучаемого языка. Имея быстрый характер распространения, песня наиболее полно отражает современный взгляд на все сферы общественной жизни. При этом стоит выделить следующие свойства, доказывающие эффективность их использования: небольшой объём, актуальная тематика в силу большого количества материала различной жанровой принадлежности, обобщённость содержания, лёгкость и стереотипность лингвостилистических средств, наличие большого количества лингвострановедческой информации, а также примеры естественного использования языковых единиц в реальном общении и отражение традиционных норм поведения (Болотова 2017: 107).

Доказательством лингвокультурологического потенциала песенного материала является также то, что в энциклопедическом справочнике «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» присутствуют ссылки и фрагменты на песни (Борисенко, Вьюнов, Прохоров 2007).

Лексический материал в песнях запоминается благодаря рифме, ритму, протяжённости воспроизведения, приятному музыкальному сопровождению и частой повторяемости ключевых фраз. Обучение воспринимается большинством студентов эмоционально. Нестандартная подача материала повышают мотивацию и познавательную активность, ускоряет психологическую и культурную адаптацию к иноязычной среде, содействует глубокому и практическому применению иностранного языка.

Упражнения, направленные на формирование социокультурной компетенции. Структура социокультурного содержания определяет следующие объекты усвоения, которым соответствуют перечисленные ниже типы упражнений.

Л. А. Борходоевой были предложены упражнения на расширение социокультурных знаний, упражнения на формирование навыков и развитие умений вербального и невербального поведения, упражнения на формирование отношений (Борходоева 202: 151). Учитывая предложенные Л. А. Борходоевой типы упражнений на развитие лингвокультурологической компетенции, можно предложить следующие задания на развитие следующих коммуникативных навыков:

1. Углубление лингвокультурологических знаний:

- извлечение социальной, культурной и исторической информации;
- объяснение информации с помощью комментария: небольшой текст об исполнителе, история написания песни и т.д.;

– понимание контекста: анализ событий, о которых говорится в песне.

2. Развитие навыков вербального и невербального поведения:

– проведение интервью с лирическим героем или исполнителем;

– составление диалога по тематике песни.

3. Формирование отношения к иноязычной культуре:

– сравнение родной и иноязычной культуры на примере песни;

– дискуссия о значимости песни для иноязычной культуры.

В современных российских учебниках по РКИ песни используются в разной степени. В разных пособиях и учебниках лингвокультурологический потенциал песен раскрыт по-разному, но пока не используется в полной мере в учебных комплексах по обучению РКИ.

П. Вицаи был разработан спецкурс РКИ, в основе которого лежит систематическое повторение песен В. С. Высоцкого. Для лучшего запоминания и усвоения материал используется на двух занятиях. Исследователь указывает, что в песнях содержится множество конструкций, которые можно использовать для иллюстрации грамматических моделей. Автор приводит пример из стихотворения «Корабли» В. С. Высоцкого: «не пройдет и полгода (полдня...)», «мне хочется верить (есть, играть, знать...)» и т.д. Таким образом, песня может быть осмыслена как коммуникативная ситуация, а фразы возможно использовать для иллюстрации грамматических моделей. Однако лингвострановедческий потенциал спецкурса ограничен фразами исключительно из творчества В. С. Высоцкого (Вицаи 1996).

В практическом пособии О.В. Максимовой содержится адаптированный материал о русских романах, авторских песнях и роке. Каждая песня представлена отдельно и представлена общая информация о культурных традициях и музыкальных инструментах. Каждая песня рассматривается отдельно. Предлагаются грамматические послетекстовые задания и вопросы для дискуссии по тематике песни (Максимова 2007).

Особое внимание стоит уделить пособию «Русский рок и русская грамматика» (Куралёва, Горбенко, Доценко 2013). Авторы указывают, что использование рока наиболее объективно, потому что из всех жанров он больше всего соответствует критерию проблемности учебного текста. Пособие существует для закрепления грамматического материала и формирования грамматических навыков, а также развитие навыков аудирования, говорения и понимания художественного текста. В пособии представлен целый ряд различных заданий коммуникативной направленности:

– Какого человека можно назвать бессердечным? Как вы думаете, о чём будет песня?

– Вы верите, что через Интернет можно найти свою любовь?

– Легко ли жить в эпоху перемен? Опишите, что чувствует молодой человек, который живёт в эпоху перемен.

Следует отметить пособие «Синтаксис современного русского языка в диалогах, таблицах, упражнениях и песнях» (Коломенская, Григорьева, Воронина 2011). В конце изучения темы размещена одна песня, которая представлена как структурирующий элемент: упражнения направлены на формирование лексического запаса и закрепление пройденного изученного синтаксического материала. При этом отдельно под заголовком «Коммуникативные задания» представлены дискуссионные вопросы на тематику песни.

В культурологической направленности существует также пособие С. М. Ревуцкой и А. Л. Ружинского. В тексте песни основное внимание уделяется прецедентному феномену и концептам. Упражнения направлены на создание у студентов ассоциативных связей слов-концептов (удача, добро, любовь и т.д.) (Ревуцкая, Ружинский 2002).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что песни имеют дидактический и лингвокультурологический потенциал для занятий по русскому как иностранному. Однако все функции песен остаются не раскрытыми: не разработаны критерии отбора песенного материала и не существует эффективного комплекса упражнений, остаются не выявленными практические возможности парал-

лельного изучения системы иностранного языка и развития коммуникативной компетенции. Стоит отметить скромное представление данного материала на большинстве занятиях по РКИ.

Стоит обратить внимание на поиск и систематизацию песен, а также необходимость совершенствовать комплексы упражнений на базе песенного материала. При отборе песенного материала должны учитываться возраст, языковой уровень и общая эрудиция обучающихся.

Литература

1. Болотова Ю. В. Методика использования песен в преподавании русского языка как иностранного: уровни А2-В1. Дис. ... канд. пед. наук. М., 2017. 237 с.
2. Борисенко В. И., Вьюнов Ю. А., Прохоров Ю. Е. Россия. Большой лингвострановедческий словарь. М.: Изд-во АСТ-Пресс, 2007. 736 с.
3. Борходоева Л. А. Прагматический текст как средство формирования социокультурной компетенции студентов языкового вуза. Дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2002. 211 с.
4. Вицаи П. Авторская песня на занятиях по русскому языку со студентами-филологами Венгрии (на материале творчества Владимира Высоцкого). Дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. 198 с.
5. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учеб. пособ. для студентов, обучающихся по специальности «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур». 6-е изд., стер. М.: Изд-во Академия, 2009. 336 с.
6. Горбенко В. Д., Доценко М. Ю., Куралева И. Р. Рок-песни на уроках РКИ // Русский язык за рубежом. СПб.: Изд-во Златоуст, 2011. С. 4–20.
7. Коломенская В. В., Григорьева И. Л. Синтаксис современного русского языка в диалогах, таблицах, упражнениях и песнях: учеб. пособ в 3-х ч. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. Ч. III. 101 с.
8. Литвинов А. В. О структуре межкультурной компетенции // Язык, сознание, коммуникация. М., 2004. Вып. 28. С. 51–57.
9. Макковеева Ю. А. Развитие иноязычной социокультурной компетенции у студентов языковых вузов на основе аутентичной аудитивной и аудиовизуальной музыкальной наглядности (английский язык как второй иностранный). Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2007. 233 с.
10. Максимова О. В. Русская песня: от романса до русского рока. Учеб. матер. по курсу «Лингвокультурология» для иностранных студентов, изучающих русский язык. СПб., 2007. 68 с.
11. Ревуцкая С. М., Ружинский А. Л. Культурные концепты в пособии по развитию речи на материале русских песен // Русский язык за рубежом. 2002. № 3. С. 56–60.
12. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Изд-во АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.

**ЧИТАЕМ ПО-РУССКИ:
ПРИЁМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ (КУРСАНТОВ)**

Е. В. Грудева

Череповецкий государственный университет

Череповец, Россия

Н. В. Штыкова

Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники

Череповец, Россия

Аннотация. К числу важнейших компетенций, которые должны быть сформированы у инофонов, изучающих русский язык и приехавших жить (временно или постоянно) в Россию, относится межкультурная коммуникативная компетенция, понимаемая в данном случае как умение успешно общаться с представителями русской культуры. В методике преподавания русского языка как иностранного накоплен богатый арсенал эффективных методов формирования коммуникативных умений инофонов, а также способов приобщения их к самобытной русской культуре. В докладе представлен опыт работы над формированием межкультурной коммуникативной компетенции как в гражданском, так и военном вузе.

Ключевые слова: инофоны, межкультурная коммуникативная компетенция, русский язык как иностранный.

**WE READ IN RUSSIAN: METHODS OF FORMATION
OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE
OF FOREIGN STUDENTS (CADETS)**

E. V. Grudeva

Cherepovets State University

Cherepovets, Russia

N. V. Shtykova

Military University of Electronics

Cherepovets, Russia

Abstract. *The cross-cultural communicative competence belongs to the number of major competences which have to be created by foreign speakers of Russian who come to live in Russia (temporarily or permanently) and is in this case understood as the ability to successfully communicate with representatives of the Russian culture. The report represents teaching experience of the formation of cross-cultural communicative competence in civil as well as in military higher educational institutions.*

Key words: *foreign speakers of Russian, cross-cultural communicative competence, Russian as foreign language.*

Изучение русского языка для иностранных студентов (курсантов) имеет сугубо прагматическую цель – овладеть языком специальности, получить достойное образование, стать востребованным специалистом в своей стране. Однако это цель конечная, и достижение её невозможно без социокультурной и социально-психологической адаптации, без формирования у обучаемых межкультурной коммуникативной компетенции как умения успешного общения с представителями русской культуры.

Изучение языка не может проходить вне культуры, потому каждое занятие по русскому языку как иностранному – это практика межкультурного общения, перекресток культур. Культурные сведения о стране изучаемого языка представлены, в частности, в текстах для чтения, которые, являясь богатым источником и страноведческой, и культурологической информации, сами представляют собой явления культуры России. Посредством работы с текстом студенты знакомятся с системой ценностей русского человека.

Уже в текстах элементарного уровня присутствует, порой имплицитное, знакомство с русским бытом, отношениями русских друг к другу. Так, в начале элементарного курса изучение форм винительного падежа всегда предполагает построение предложений с глаголом *готовить*, который используется и в тексте-рассказе о своей семье. В первичном тексте встречаются предложения типа *Моя мама любит готовить. Обычно она готовит на обед суп, курицу, рис и салат; Мама моет посуду*. Мозамбикские курсанты и мадагаскарские студенты сразу обратили внимание на указанный пример и удивились, что *мама готовит, мама моет посуду*. Оказывается, в Мозамбике и на Мадагаскаре даже очень небогатые семьи нанимают прислугу, ещё более бедную: такие услуги стоят очень дёшево; а мама, да и любой другой член семьи, готовит в удовольствие и редко, например, по выходным дням. Курсанты из Мозамбика вообще очень были удивлены, что ни в семьях офицеров, ни в семьях гражданских преподавателей в России нет прислуги. Таким образом, уже учебные тексты позволяют иностранцам сопоставить свою культуру и культуру России.

Размышления о различиях часто приводят к разговору на тему воспитания и культуры молодых людей. Так, курсанты из Ближнего (Казахстан, Узбекистан, Киргизстан, Туркменистан, Армения) и Дальнего Зарубежья (Монголия, Мозамбик) искренне выказывают неуважение к курящим девушкам и детям, к пассажирам, не уступающим место в транспорте. Курсанты удивлены равнодушием русских к такого рода вещам: в любой из названных стран подобные поступки получили бы всеобщее осуждение; в Мозамбике незнакомый человек может "дать подзатыльник" юному любителю покутить, отвести его к отцу и получить от последнего благодарность за воспитание отпрыска.

Проблемы взаимоотношения русских людей, представляющие интерес для представителей иной культуры, часто поднимаются в текстах базового и первого сертификационного уровней. Тема работы, отдыха, взаимоотношения в коллективе представлена, например, в тексте, предложенном для самостоятельного чтения в учебнике базового уровня Н. Ю. Царёвой и др. (Царёва 2010: 30–31). Этот текст по произведению советского писателя Б. Ласкина рассказывает о молодом человеке, работающем на строительном предприятии и поехавшем в командировку на берег моря. Командированный, быстро выполнив важную работу, решает схитрить: сообщает своему руководству, что задание ещё не выполнено, и остаётся в Одессе понежиться на морском песочке, отдохнуть, однако директору предприятия всё становится известно...

Иностранные курсанты с интересом читают текст и строят собственные рассуждения об этической стороне вопроса. На базе текста на занятии строится разговор об ответственности, серьёзном отношении к делу, с одной стороны, и хитрости, непорядочности – с другой. Первое во всех культурах оценивается положительно, второе – отрицательно. Но хочется отметить, что проявленная непорядочность представителями своей культуры воспринимается как что-то обычное, как то, к чему все привыкли. А вот если непорядочность проявляет по отношению к иностранцу, представителю другой культуры, то воспринимается это крайне негативно, как явное неуважение. Мозамбикские курсанты, оценивая поступок героя рассказа, сказали: «Это нормально. Это его работа, и он знал, что так поступить можно». Они уверены, что героя не следует наказывать за это и тем более увольнять, потому что свою работу он сделал, а после этого имел право отдохнуть.

Тем не менее, непорядочность русских курсантов, нечестного поведения по отношению к иностранным курсантам, особенно в первое время их пребывания в России, курсанты из Мозамбика оценили отрицательно. Так, иностранцы просили русских курсантов в первые дни пребывания в Череповце менять доллары на русские рубли, так как сами сделать этого не могли: не знали город, не знали языка и не имели свободного выхода в город. Впоследствии выяснилось, что некоторые рус-

ские курсанты «обменяли» доллары по завышенному, явно не существующему, курсу. Иностранцы курсанты на конфликт «не пошли», выбрав тактику игнорирования потерявших доверие. Здесь скажется такая национальная черта мозамбикцев, как сильная вера в потусторонние силы, в неотвратимость наказания свыше за совершённое зло. Они вполне серьёзно утверждают, что русские могут совершать плохие поступки, обманывать, даже воровать друг у друга, потому что не боятся колдовства. На возражение преподавателя, что у нас воровство тоже осуждается, что это безнравственно, они парируют: «У вас нельзя – и всё! А у нас – обязательно – болезнь, кара!»

Вот к таким интересным открытиям особенностей национального менталитета иностранных курсантов привело знакомство с текстом Б. Ласкина, позволившее коснуться глубинных аксиологических аспектов разных культур.

Очень важны в этом плане тексты, направленные на сознательный анализ национальной идентификации: почти всегда иностранцы, приезжая в Россию, думают, размышляют над тем, какие мы, русские люди, чем мы на них похожи и чем от них отличаемся. В этом плане очень интересным представляется учебный текст из уже названного учебника базового уровня (Царёва 2010: 50–51) о том, что внешне русские и иностранцы могут быть очень разные, но характер, нравственные ценности похожи.

Герой текста японец Таро, студент подготовительного факультета Российского университета дружбы народов, рассказывает о том, как первый раз увидел Москву, русскую золотую осень, о том, что его соседями по комнате являются белорус и таджик, которые прекрасно говорят по-русски. Таро разговаривает с русскими студентками и задаёт им вопрос, почему русскими можно назвать узбеков, грузин, таджиков, ведь они совсем не похожи внешне. Девушки в тексте объясняют: «*Это разные народы, с разной культурой и традициями, но у них много общего: история XX века, а главное – русский язык! Все они говорят по-русски так же свободно, как и на родном языке. Вот почему их часто называют русскими!*»

Этот текст, особенно приведённый фрагмент, после разъяснения и комментария преподавателя, конечно, сделал ясными непонятные для курсантов республики Мозамбик вещи. Заметим, что курсанты Монголии, знакомые с русской историей, самостоятельно отвечают на вопрос о едином языковом пространстве и единой истории бывшего Советского Союза. При этом монгольские курсанты всегда говорят о том, что до приезда в Россию они считали всех русских одинаковыми внешне, но априори уважали русских, их нацию. В Монголии очень сильны традиции, сформированные в советское время, традиции отношения к этой стране, как к «шестнадцатой республике», для которой СССР – брат, помогающий в экономике, в сохранении национальной безопасности; они благодарны русским, они любят русских, даже говорят, что «считают русских великой нацией», и только приехав сюда, понимают, что русские – обычные люди, с положительными и отрицательными сторонами характера.

Послетекстовая работа по предложенной в тексте теме позволяет построить беседу, в ходе которой курсанты рассказывают о своих впечатлениях о России, первых и последующих, о своих новых друзьях. Они с удовольствием отвечают и на вопросы типа *Важно ли вам знать, откуда приехали курсанты, с которыми вы сейчас дружите, и почему? Что помогает и что мешает людям понимать друг друга? Когда, в каких ситуациях вы чувствуете себя неудобно, некомфортно среди людей? Что вы знали о русских до приезда в Россию и что узнали теперь?*

Вопросы для беседы позволяют курсантам выразить своё мнение, свои впечатления о новом месте пребывания, о новых друзьях, получить разъяснения преподавателя и лучше понять какие-либо, первые для них, важные моменты русской истории, русской действительности. Как видно, и текст, и послетекстовые задания способствуют формированию социокультурной, а следовательно, и межкультурной компетенции.

Изучение лексической темы «Верю, люблю, живу», рекомендованной авторами учебника «Русский язык как иностранный: Сертификационный уровень» (Царёва 2010: 185–200), предполагает чтение текстов «Злой мальчик» – по мотивам рассказа А.П. Чехова, «Один кубик надежды» – по про-

изведению В. Токаревой, «Музыка Верди» – по К. Паустовскому и даже отрывок из произведения «Мастер и Маргарита» М. Булгакова.

Все тексты являются благодатной почвой для того, чтобы заставить иностранных юношей говорить по-русски о самых прекрасных чувствах – любви, дружбе – и качествах души – доброте, отзывчивости, великодушии, благожелательности, красоте. Тексты о чувствах полны метафор, а использование метафоры позволяет понять «смысловые сопряжения мира» (Тарасова 2003: 28), развить у обучаемых образную логику, соотнести её с опытом и знанием, выраженным на другом языке. Так, при обсуждении текстов иностранные курсанты узнают русские выражения *любовь с первого взгляда*, *любовь до гроба*; объясняют смысл фраз *неустроенность в личной жизни*, *считать в глубине души*, *уйдёт боль*, *смотреть сквозь слёзы* и др., через художественные образы, описанные ситуации и поступки учатся понимать русских. При этом у них постепенно формируется эмпатия – важная составляющая признания и уважения другой культуры.

Очень трогает иностранных курсантов обсуждение текста по произведению «Мастер и Маргарита»: в учебнике представлен отрывок – рассказ Мастера о первой встрече с Маргаритой (со слов *Она несла в руках тревожные жёлтые цветы*), о вспыхнувшей любви, о том, что эта женщина стала его «тайной женой»... Иностранцев всегда несколько шокирует, что автор текста сравнивает любовь с убийцей в переулке. Этот момент требует комментария преподавателя по поводу того, что любовь может быть до безумия сильной, может погубить и т. п. Монгольские курсанты соглашаются, что такое бывает, а курсантам из Мозамбика чуждо подобное сравнение, они, будучи представителями полигамной культуры, считают, что в любви должны быть удовольствие и разум.

В заключение темы «Верю, люблю, живу» всегда проходит итоговая беседа и курсанты высказываются по вопросам типа *Какие качества нужны человеку, чтобы быть любимым и чтобы любить? Что нужно человеку, чтобы быть счастливым? Существует ли мужская и женская дружба?* и др. Беседа окончательно позволяет выявить, во-первых, какая русская эмоциональная и рациональная оценочная лексика активизирована в речи курсантов, и, во-вторых, насколько совпадают / различаются эмоциональные и мировоззренческие доминанты у представителей разных культур.

В данной статье мы говорим об этапе предвузовской подготовки, так что, конечно, обязаны остановиться и на текстах по специальности, которые могут быть а) текстами по профилю подготовки (например, текстами по техническим специальностям: по физике – «Механическое движение»), б) текстами по узкой специальности (например, «Ракетные войска стратегического назначения», «Ручные осколочные гранаты»); в) художественными текстами (адаптированными и неадаптированными), учитывающими будущую профессиональную сферу. В нашем случае последние две группы текстов – это тексты, отражающие специфику общения военнослужащих.

Тексты военно-исторического характера (тексты группы б)), включённые в курс русского языка, не только обогащают лексический запас иностранных курсантов словами и словосочетаниями морально-ценностного характера, но и знакомят с русской культурой, военной этикой, позволяют осознать, что значат для русского такие понятия, как «офицерская честь», «офицерское достоинство», «русская отвага» и др. Тексты, рассказывающие о знаменитых русских полководцах, исторических битвах и сражениях – эксплицитное знакомство с русской культурой, русской душой, русским характером. Вот пример текста о А. В. Суворове, который курсанты читают во втором семестре подготовительного курса:

Суворов с детства мечтал стать военным. Однако он был слабым и болезненным мальчиком. «Ну где же тебе быть военным! – смеялся над ним отец. – Ты и ружья не поднимешь!»

Слова отца огорчали Суворова. Он решил закаляться. Наступят, бывало, зимние холода, все оденутся в теплые шубы или вовсе не выходят из дому, а маленький Суворов накинёт легкую куртку и целый день проводит на улице. Наступит весна. Только вскроются реки, еще никто и не думает купаться, а Суворов – лезет в студеную воду. Его не страшили теперь ни жара, ни холод. Мальчик много ходил, хорошо научился ездить верхом.

Суворов добился своего. Он окреп и вскоре поступил на военную службу. Семьдесят лет прожил Суворов. Более пятидесяти из них он провел в армии. Начал службу простым солдатом.

Кончил её фельдмаршалом и генералиссимусом. Тридцать пять больших боев и сражений провел Суворов. В каждом из них он был победителем (Алексеев 1987: 67).

Данный текст позволяет вести разговор с курсантами не только о великом полководце (а на занятии, конечно, преподаватель расскажет о Суворове, его заслугах перед Отечеством, покажет портрет), но и о силе русского характера, о достижении поставленной цели, о роли физической культуры и спорта в формировании личности офицера. Иностранцев военнослужащих восхищает судьба Суворова, их покоряет упорство Суворова на пути к своей цели. Как правило, курсанты говорят о том, что такими качествами в идеале должны обладать офицеры любой национальности. При выполнении задания *Назовите черты характера, необходимые, по вашему мнению, для представителя военной профессии* курсанты называют ум, храбрость, силу, ответственность, упорство, хорошее здоровье.

В рамках обучения на этапе довузовской подготовки иностранные курсанты знакомятся с разными именами, датами и событиями военной истории, а следовательно, и с русской культурой. Вот заголовки текстов, по которым вполне можно спрогнозировать тематику текстов: «Михаил Илларионович Кутузов», «Подвиг истребителя», «Алексей Маресьев», «“Катюша”. История создания песни» и др. Все тексты обеспечивают возможность общения на морально-ценностные темы о судьбе России, о судьбе русских людей в годы войны, о подвиге русского народа, о мужестве, стойкости, героизме. Надо сказать, что темы находят живой отклик у иностранных военнослужащих: они, разделяя положительную оценку перечисленных моментов истории и качеств русских людей, проводят параллели с историей своей страны. Всё это формирует общий позитивный настрой по отношению к русским, иностранные курсанты говорят, что такие тексты и беседы помогают лучше понимать Россию, они словно начинают ощущать общее культурно-социальное прошлое. Об этом эффекте писал ещё академик Л. В. Щерба: понимание «может начинаться лишь с того, что два человека с одинаковым социальным прошлым, естественно или искусственно созданным, ... возымеют одну и ту же мысль» (Щерба 1976: 76).

Интересный момент был связан с учебным текстом «“Катюша”. История создания песни». Конечно, иностранные военнослужащие знают русское оружие «Катюша», а на занятии курсанты слушают песню, анализируют, понимают её содержание, даже охотно поют и учат наизусть. Монгольским курсантам песня вообще хорошо знакома, естественно, на монгольском языке, однако только здесь, в военном университете, они с удивлением узнали, что песня появилась раньше легендарной артиллерийской боевой машины, что Катюша в песне – это девушка, что она ждёт с фронта своего любимого. В Монголии, по утверждению монгольских курсантов, все люди думают, что это песня о боевой машине, а не о девушке Катюше.

Для курсантов других государств тексты о видах и родах Вооружённых Сил России, о подвигах русских солдат и офицеров, о русских полководцах являются эксплицитным знакомством с русской культурой, со сложившимся в русском сознании образом офицера, с такими понятиями, как честь, достоинство, отвага, долг, помогают иностранцам понять отношение русских к своему Отечеству, т.е. также являются средством формирования межкультурной коммуникативной компетенции.

Итак, приезжая в Россию для получения образования, иностранные учащиеся меняют своё социокультурное окружение, начинается процесс приспособления к совершенно новым условиям языковой, культурной, социальной среды. В таких условиях самым благоприятным сценарием для «включения» иностранного учащегося в учебный процесс является интеграция, при которой происходит активное освоение русской национальной культуры при сохранении собственной национальной идентичности. Главная задача преподавателя русского языка как иностранного состоит в том, чтобы приобщить иностранцев к русским национально-культурным традициям и использовать для этого разнообразные приёмы и методы, помочь усвоить элементы русской культуры, без которых невозможна полноценная жизнь в условиях российской действительности.

Литература

1. Алексеев С. П. Рассказы о Суворове и русских солдатах. Киев: Веселка, 1987. 254 с.
2. Грудева Е. В., Штыкова Н. В. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции на занятиях по русскому языку: лингводидактический аспект // В начале было Слово...»: Язык,

Культура, Религия и вопросы национальной безопасности: Монография. Новосибирск: СибАК, 2014. С. 73–92.

3. Тарасова О. И. Метафора как дидактическая модель // Alma mater. Вестн. высш. шк. 2003. № 11. С. 25–29.

4. Царёва Н. Ю., Будильцева М. Б., Кацевич М. А. и др. Русский язык как иностранный: Сертификационный уровень. М.: Астрель: Олимп, 2010. 253 с.

5. Царёва Н. Ю., Будильцева М. Б., Пугачёв И. А. Русский язык как иностранный: базовый уровень. М.: Астрель: Олимп, 2010. 188 с.

6. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1976. 427 с.

УДК 372. 881.161.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ О ПРИРОДЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

С. А. Дерябина, А. П. Шапошникова
Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию потенциала документальных фильмов о природе как материала для формирования речевой компетенции у иностранных студентов при изучении русского языка. В качестве примера рассматривается работа с документальным фильмом "Медведи Камчатки. Начало жизни".

Ключевые слова: русский язык как иностранный, речевая компетенция, документальное кино.

THE USE OF NATURE DOCUMENTARIES FOR THE FORMATION OF SPEECH COMPETENCE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

S. A. Deryabina, A. P. Shaposhnikova
RUDN University
Moscow, Russia

Abstract. the article is devoted to the description of the potential of nature documentaries as a material for the formation of speech competence among foreign students who learns Russian language. As an example, there is a work with the documentary "Bears of Kamchatka. The beginning of life".

Key words: russian as a foreign language, speech competence, documentaries.

Использование дополнительных средств обучения – важная часть формирования речевой компетенции студента, без которой современный учащийся не сможет освоить всех тонкостей изучаемого языка. Такие материалы подготавливают учащегося к естественным языковым условиям, учат анализировать коммуникативную ситуацию и развивают умение размышлять и вести диалог на изучаемом языке. Одним из таких дополнительных средств являются документальные фильмы, играющие роль как языкового, так и общеобразовательного материала.

Формирование речевой компетенции является промежуточным звеном в обучении иностранных студентов, ведущим к развитию коммуникативной компетенцией, то есть к овладению языком. Принято считать, что речевая компетенция означает «владение способами формирования и формулирования мыслей посредством языка и умение пользоваться такими способами в процессе восприятия и порождения речи» (Новый словарь методических терминов и понятий 2009: 240). Здесь важно сделать акцент на том, что речевая компетенция – это не только продуктивные, но и рецептивные навыки. Обратимся к цитате О.Ш. Надибаидзе, в которой говорится о том, что речевая компетенция – это «знание основных языковых норм и законов коммуникативного поведения, выбор языковых средств в соответствии с речевой ситуацией» (Надибаидзе 2009: 5). Обучающийся должен научиться не только говорить, но и слышать, понимать принципы коммуникации в зависимости от ситуации общения.

При формировании речевой компетенции важное значение имеет мотивация к изучению языка. Здесь идёт речь о самостоятельности и осознанности студента, его «автономной» работе без преподавателя. Учащийся должен понимать, для чего он учит язык, где сможет его применять и с какой целью. Задача преподавателя донести до студентов идею о том, что язык – это «инструмент приобретения новой актуальной для них информации» (Ни 2013: 117). Понимание этого способствует эффективному формированию речевой компетенции, поскольку в данном случае студент будет заинтересован в использовании языка для достижения своих собственных целей. Если обучаемый использует язык только во время занятий, формирование речевой компетенции будет затруднено. Он будет знать об орфоэпических, словообразовательных, морфологических, грамматических и синтаксических нормах, но навыки их практического использования не будут развиты.

Видеоматериалы в процессе изучения иностранного языка играют положительную роль, поскольку сочетают в себе с одной стороны «отдых от обучения», а с другой – «обучение в процессе отдыха». В своей работе И. Э. Абдрахманова пишет о лингводидактическом потенциале телевидеоматериалов, который присущ видеоматериалам в целом, а именно: «обогащение словарного запаса студентов, расширение собственного лексического запаса и фонетическая, грамматическая, синтаксическая коррекция языка» (Абдрахманова 2006: 5). Во время просмотра вырабатывается «способность слушать и понимать содержание аутентичных аудио- и видеотекстов» (Абакумова 2018: 3). Научившийся «слышать» студент не будет испытывать проблем в коммуникации, поскольку будет готов к разному темпу речи, произношению, тематике разговора и т.д.

Более подробно разберём потенциал использования документальных фильмов о природе в процессе формирования речевой компетенции у студентов, изучающих русский язык как иностранный. Отличительной чертой документальных фильмов как таковых от художественных является возможность «создания значения в интерактивном процессе с фильмом» (Марал 2018: 240), то есть не только изучение русского языка, но и научное образование присутствует во время просмотра таких фильмов. С одной стороны они «задают норму использования речевых единиц в конкретной ситуации, обозначают грамматические нормы, с другой – стимулируют к порождению устного высказывания на основе текста» (Попова, Ульянов 2021: 42).

На начальном уровне изучения русского языка как иностранного говорить о просмотре документальных фильмов на какие-либо технические, биологические, физические темы (темы, требующие отнюдь не базовые знания и владение определённым лексическим запасом) можно только в том случае, если в аудитории находятся студенты со схожей специальностью. В случае, когда перед преподавателем сидит группа, не относящаяся к какому-либо общему профилю, выбор узконаправленных фильмов будет ошибочным, но полностью отказываться от показа документального кино не нужно. Правильным выбором в такой ситуации будет документальный фильм о природе, так как он обладает следующими чертами:

– большой выбор материала (при выборе документального фильма преподаватель не ограничен только фильмами российского производства, поскольку множество иностранных фильмов переведено на русский, а их озвучивание выполнено на профессиональном уровне. Преподаватель может выбрать фильм в соответствии с изучаемой темой или предварительно поинтересоваться у своих сту-

дентов, что им было бы интересно посмотреть (о природе России, о природе родной страны, о планете в целом и т.д.);

– доступная всем тема (тема природы не является узконаправленной, она будет понятна всем студентам, а также не связана с «гендерными» интересами. Что важно, данная тема не является конфликтной, не вызывает негативных эмоций и возможных споров как, например, политическая или социальная тема);

– грамотная речь диктора (в правильно подобранном фильме звучащая речь будет полностью соответствовать нормам русского языка, к тому же она будет размеренной и понятной, без акцента. Речь не будет изобиловать научными терминами, поскольку среднестатистический документальный фильм рассчитан на обывателя, для которого тема фильма будет новой);

– продолжительность фильма (документальные фильмы различаются своей продолжительностью: преподаватель может найти как фильм длительностью двадцать минут, так и двухчасовой, а значит, подобрать материал под свою аудиторию проще);

– вневозрастной материал (документальные фильмы о природе будут интересны как детям, так и взрослым. При подборе материала к уроку преподаватель сможет выбрать либо более простой, либо более познавательный фильм).

Вместе с этим, у документальных фильмов есть и отличительная слабая сторона, которой нет у художественного кино. Она связана с невозможностью постоянно показа документальных фильмов, поскольку с их помощью нельзя познакомить студентов со всеми культурологическими и страноведческими особенностями страны, чертами разговорной речи, поведением народа и т.д. Образовательно-научный жанр требует себе на замену и развлекательный материал, иначе аудитория быстро устанет и не будет испытывать тяги к постоянному получению новой информации. Это говорит о том, что если преподаватель часто использует видеоматериалы в своей методике преподавания, он должен чередовать как образовательный, так и развлекательный материал.

Обратимся к фильму «Медведи Камчатки. Начало жизни» (реж. В. Гришин, И. Журавлёва) для показа его студентам, изучающим русский язык как иностранный. Это документальное кино о природе, продолжительностью 55 минут. В нём повествуется о том, как начинается жизнь бурых медведей на Камчатке в их первый выход из берлоги: как они взаимодействуют с мамой, какие опасности их ждут, чему им нужно научиться и т.д. В центре внимания две мамы-медведицы и их медвежата. Данный документальный фильм имеет возрастное ограничение (0+). Диктор говорит неторопливо, с паузами между смысловыми абзацами. Это позволяет студентам, изучающим русский язык на уровне (B1–B2), в неторопливом темпе внимательно слушать и анализировать услышанное вместе с визуальной опорой.

Предпросмотровая работа подразумевает собой семантизацию слов, которые могут вызвать трудности. Рекомендуется поделить их на те, которые относятся к активному словарному запасу, и те, которые относятся к пассивному. При такой работе важное значение имеет визуальная опора.

Для предпросмотровой работы с документальным фильмом были выделены следующие подгруппы слов из активного словаря: название животных (*норка, лосось*), описание животных (*истощённый, косоплечий*), описание местности (*берлога, гладь, эпицентр, колыбель, дебри*), поведение животных (*повадки, иерархия, спячка, обоняние*), единицы измерения (*унция, карат, баррель, гектар*), слова вне подгрупп (*рацион, предание, сородич, популяция*).

Кроме того, в фильме присутствует лексика, работа с которой будет иметь ознакомительный характер. Здесь преподаватель может составить небольшой словарь с пояснениями, так как некоторые слова будут незнакомы даже носителю языка: *извержение, впадина, нерестилище* (место размножения рыбы), *нерка, белоплечий орлан, росомаха, дрёма, матуха* (самка животного с детёнышами), *сеголетка* (детёныши текущего года), *кедровый, ольховый, стланик* (низкорослый кустарник или низкорослые деревья), *следование, зори, нерест* (размножение рыбы), *стычка, отнереститься* (размножиться), *пировать, нажировочный, каннибал, сущее, тотемный, увалень, объедки, зимовка*. Во время просмотра данные слова встречаются один–два раза.

При просмотре фильма учащийся сталкивается с большим набором синтаксических конструкций. Здесь присутствуют как простые, так и сложные предложения в прошедшем, настоящем и будущем времени. Почти в каждом предложении присутствуют прилагательные и наречия – речь насыщенная и красивая, но не нагромождённая трудными для восприятия оборотами. Во время просмотра студент не будет анализировать каждую встречающуюся конструкцию, поскольку всё происходит на неосознанном уровне восприятия, однако после просмотра преподаватель может сделать акцент на встретившемся. Например:

1. обстоятельства места: *в Азии; на берегах озера; в берлоге; из берлоги; на земле; на самом краю Евразии; в делях; с безопасного склона; к реке; в воздухе; на Камчатке; над водной гладью; на материке; в горы; к Ледовитому океану; в том же месте; из Охотского моря; по реке; в Охотское море; в Тихий океан; в Курильское озеро; на местах; в Южно-Камчатском заказнике; рядом с лесом; в нетронутой природе; в пространстве; на озере; на этот берег;*

2. обстоятельства времени: *восемь с половиной тысяч лет назад; сегодня; в середине зимы; в конце апреля; в этом году; весной; до зимы; за лето; к исходу лета; на седьмом месяце жизни; с июня по февраль; осенью; в октябре; в конце ноября; через год; к концу ноября; через полгода;*

3. причастия: *омываемый Тихим океаном; родившихся в этом году; зародившихся рядом с лесом; нагулявшие достаточное количество жира;*

4. деепричастия: *пролетая над водной гладью; увидев; оставив медведя хозяином этих мест; вытесняя других матух с кормовых мест; безошибочно ориентируясь в пространстве; безошибочно угадывая друг друга по запаху; давая спирали жизни новый виток.*

В послепросмотровой работе стоит уделить большее внимание рассуждениям и диалогу со студентами с целью развития речевой компетенции. В зависимости от навыков аудитории можно задавать как простые вопросы по содержанию фильма, так и вопросы, требующие размышлений и дискуссий. «Чем питаются медведи? Как медведицы заботятся о своих малышах? Что представляет главную опасность для медвежат? Как медведи зимуют? Что вы знаете про зимовку?» – такие вопросы нацелены на проверку понимания студентами просмотренного фильма и их умения пользоваться лексическими единицами и синтаксическими конструкциями, которые встречались при просмотре. «Почему на нашей планете всё меньше и меньше мест, которые можно назвать раем для животных?», «Всегда ли виноват человек в тяжёлых для жизни условиях животных?», «Можно ли сделать так, чтобы на планете вновь были идеальные условия для жизни животных?» – такие вопросы потребуют от студентов больших знаний и умения рассуждать на иностранном языке, приводить аргументы, отстаивать свою позицию.

Интерактивное задание на дом даётся с целью закрепления материала и его расширения. Документальный фильм не будет его основой, а лишь примером того, как может быть организована работа или какие грамматические и лексические единицы могут быть использованы. Одним из вариантов такого задания может быть выступление с докладом или презентацией о каком-либо животном на выбор. От студента требуется выбрать главную проблематику и попытаться раскрыть её, как это сделано в документальном фильме. Ещё один вид задания – разработка ленты времени о циклах жизни какого-либо животного, в которой весь акцент делается именно на временных категориях. Чем более чётко студент сможет выделить и назвать тот или иной цикл и рассказать о нём, тем выше будет оценено задание. Заключительным примерным вариантом работы может быть подготовка доклада с опорой на географическую карту, где студент подробно рассказывает о том или ином регионе, о животных, проживающих в нём и отличительных особенностях этого места от других.

Просмотр фильма «Медведи Камчатки. Начало жизни» на уроке русского языка как иностранного позволяет:

– развить навыки аудирования и языковую догадку (студенты тренируются и слушать, и смотреть, делать выводы не только на основании услышанного, но и на основании увиденного, то есть умение совмещать одно с другим);

– развить навыки говорения и рассуждения по заданной теме (документальные фильмы поднимают такие темы, о которых человек не может не задуматься, а потому обсуждение документального фильма после просмотра будет плодотворным и потребует от студента включения всех своих полученных ранее навыков);

– развить языковые умения (в процессе просмотра студент слышит нормативную речь, а значит, актуализирует свои знания о языке, запоминает грамматические нормы, правила произношения, учится делать смысловые паузы и т.д.);

– получить новые знания, в том числе культурологические и страноведческие (студент знакомится с культурой страны, её географическими особенностями. Ни один учебный текст не смог бы передать всех тех кадров, которые были в фильме, значит, фильм проектирует визуальное представление студента о природе России);

– развить языковую личность (студент получает новые знания на иностранном языке, он может рассуждать о них, так как имеет сложившуюся точку зрения по теме, свой взгляд на мир).

Данный фильм может послужить материалом для первого документального фильма, который иностранные студенты посмотрят на русском языке. Можно говорить о том, что документальный фильм формирует как речевую, так и языковую компетенцию, что вместе даёт языковую личность со сформированной коммуникативной компетенцией. Кроме того, он даст стимул студентам и покажет, что бояться смотреть документальное кино на иностранном языке не надо, что лексика в таких фильмах понятна. Это даст силу «автономному» студенту, поможет изучать новые, интересующие его темы и покажет, для чего учиться иностранный язык – для всестороннего развития.

Современную методику изучения иностранного языка сложно представить без дополнительных средств обучения (аудио- и видеоматериалов, интернет-технологий, дополнительной литературы). Развитие речевой компетенции в таких условиях более продуктивно, ведь учащийся уже на стадии обучения взаимодействует с тем, с чем взаимодействует носитель языка ежедневно и с чем он сам будет взаимодействовать, как только уровень владения языком позволит ему это. Именно в начале обучения преподаватель должен задать установку студентам о том, что изучаемый ими язык – это не выполнение упражнений в аудитории, это инструмент, с помощью которого учащийся может выполнять различные действия, любые, какие ему необходимо. Документальный фильм на уроках русского языка как иностранного поможет студентам развить речевую компетенцию, даст базу, на основе которой студенты смогут двигаться дальше.

Литература

1. Абакумова Я. А., Орлова Е. Н. Формирование речевых компетенций при изучении иностранного языка: учеб. пособ. Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Тула: Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. 162 с.
2. Абдрахманова И. Э. Теоретические основы обучения иностранных студентов восприятию русской телевизионной речи. Казань: ЗАО «Новое знание», 2006. 124 с.
3. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
4. Марал О. М. Медийно-дидактические особенности документального фильма // Уровневое образование студентов в высших учебных заведениях: опыт, проблемы и перспективы: сб. науч. ст. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2018. С. 237–241.
5. Надибаидзе О. Ш. Речевая компетенция говорящего: учеб. пособ. М.: Флинта: Наука, 2009. 192 с.
6. Ни А. А. Автономность студентов при изучении иностранного языка // Традиции и перспективы обучения иностранному языку: Материалы IX Международной методической зимней школы, 5 февраля 2013 г. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. С. 117–120.

7. Попова С. В., Ульянов С. С. Документальный фильм как основное средство обучения старшеклассников иноязычному говорению // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2021. Т. 20, № 2 (48). С. 41–44.

УДК 378.016:811.161.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА РЕЧЕВОЙ МАСКИ В МЕССЕНДЖЕРАХ КАК СРЕДСТВО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ НА УРОКАХ РКИ

Е. М. Дубровская

Новосибирский государственный технический университет

Новосибирск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке
в рамках реализации программы развития НГТУ, научный проект №С22-29

Аннотация. В данной статье обосновывается актуальность использования мессенджеров в качестве средства обучения в условиях цифровизации лингводидактики и предпринимается описание возможностей использования приема «речевая маска» с целью закрепления грамматических навыков студентов, изучающий русский язык как иностранный.

Ключевые слова: лингводидактика, цифровизация, «речевая маска», грамматические навыки, русский как иностранный

THE USE OF SPEECH MASKING IN MESSENGERS AS A MEANS OF REINFORCING GRAMMAR SKILLS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE LESSONS

E. M. Dubrovskaya

Novosibirsk State Technical University,

Novosibirsk, Russia

Abstract: This article substantiates the relevance of using messengers as a learning tool in the context of the digitalization of linguodidactics and describes the possibilities of using the "speech mask" technique to reinforce the grammar skills of students learning Russian as a foreign language.

Key words: linguodidactics, digitalisation, speech mask, grammar skills, Russian as a foreign language.

С распространением и развитием дистанционных форм обучения в современном обществе актуализируется потребность обращения к различным средствам коммуникации, не только как к способу оперативного взаимодействия между собеседниками, но и в качестве средства для формирования грамматических навыков студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Лидирующий канал коммуникации в сети Интернет на сегодняшний день – мессенджеры, которые в ходе пандемии Covid-19 обошли по популярности даже социальные сети, став источником получения информации и, конечно же, общения, среди представителей разных социальных и воз-

растных категорий. Именно широта распространения мессенджеров и простота их использования обуславливает целесообразность обращения к ним и в образовательной сфере.

В преподавании РКИ обращение к мессенджерам предполагает возможность сделать процесс обучения более интенсивным и результативным, а в зависимости от вовлеченности участников коммуникации, еще и потенциально непрерывным. А. С. Щербак пишет об успешном применении возможностей WeChat в период пандемии и отмечает, что «в образовательном процессе происходит смещение акцента на самостоятельную работу студентов и активизация формирования мотивационного критерия, включающего познавательные потребности для развития и совершенствования всех видов речевой деятельности студентов на занятиях русского языка» (Щербак 2021: 215).

Благодаря возможностям мессенджеров студенты также могут практиковать устную и письменную диалогическую речь. Благодаря тому, что в общих чатах взаимодействие может быть как вида преподаватель-студент, так и студент-студент, появляется возможность инициировать и моделировать искусственные речевые ситуации, приближенные к естественным. К примеру, студент кратко пишет о событии, которое с ним произошло, а остальные учащиеся задают дополнительные вопросы, чтобы выяснить больше информации. Кроме того, в мессенджерах нажатием всего пары кнопок можно создавать групповые аудио- и видеозвонки, что будет отличным методом разговорной практики вне стен учебного заведения (Кетебаева 2020: 1857).

Внеаудиторно преподаватель может отправлять в чат со студентами различные дополнительные материалы и необходимый языковой материал для отработки фонетики, лексики или грамматики: короткие голосовые сообщения с правильным произношением сложных слов и фраз, небольшие блоки предложений с новой лексикой или грамматическими правилами, пройденными на недавних занятиях. Студенты же, в свою очередь, сразу выполняют задания и отвечают в общий чат или лично преподавателю (Павлов 2020: 408). Для учащихся такой подход становится возможностью регулярно оставаться в процессе обучения, а преподаватель видит предельно четкую зафиксированную картину успеваемости и вовлеченности студентов.

Описанный лингводидактический потенциал мессенджеров имеет право на существование благодаря ряду преимуществ. В первую очередь, это психологическая составляющая – то, как студенты воспринимают обучение с помощью мессенджеров. В сознании учащихся происходит стирание границ между развлекательной и образовательной средой, а преподаватель становится не столько экспертом, сколько равноправным участником общения (Тимошина 2021: 258). Так у студентов повышается мотивация, что способствует более результативному обучению. Во-вторых, в чатах можно оперативно решать организационные вопросы. В-третьих, мессенджер выступает в роли облачного хранилища учебной информации, поскольку все сообщения сохраняются, а студент может в любой момент вернуться к необходимому правилу, упражнению или материалу. В-четвертых, данный канал связи позволяет быстро обмениваться медиафайлами (видео, фотографии), что на начальном уровне обучения упрощает, к примеру, семантизацию слов и выражений без использования языка-посредника, может стать отличным способом введения нового лингвокультурного материала, а также оживляет процесс взаимодействия.

В условиях дистанционного обучения формат обращения к ролевым играм стал насыщеннее, как раз благодаря обращению к возможностям мессенджеров. Как и в традиционном обучении, использование игровой методики на уроке РКИ преследует ряд целей:

1) обеспечить психологический комфорт для учащихся благодаря использованию ролевых игр и «речевых масок» для решения конкретных коммуникативных ситуаций, что позволяет студентам высказываться от «третьего лица»;

2) формировать речевые умения и стратегии ведения диалога, прибегая к нестандартным речевым ситуациям;

3) мотивировать учащихся к успешному выполнению задач на основе стремления к лидерству;

4) раскрыть и реализовать творческий потенциал и способности студентов (Дубровская 2019: 1026).

В лингводидактике принято понимать ролевую игру, как «комплексный методический прием обучения, в котором маленькая группа в форме игрового представления критически рассматривает важную для неё тему, чаще всего социальный конфликт, (диагноз и решение), и при этом участники в защищенной воображаемой ситуации, как в модели реальной ситуации, исполняют роли различных предполагаемых людей или вариации к одной и той же роли» (Одилова 2011: 122). Говоря о ролях, которыми мы наделяем участников заданной ролевой игры, целесообразно обратиться к такому приему, как «речевая маска». Речевая маска – это чужой языковой образ, выбор которого обусловлен целями говорящего, ситуацией, формой общения, фактором адресата; это временная и ситуативная эксплуатация чужого речевого поведения, основанная на зафиксированном в сознании носителей языка обобщенном представлении о том или ином типе коммуникантов (Шпильман 2006: 154). Иначе говоря, это сознательно созданный, ситуативный чужой речевой образ, который является узнаваемым для адресата и соотносится им с определенным прототипом. Речевая маска создается при помощи конструктивных единиц различных уровней: к ним относятся как формальные языковые средства (фонетические, грамматические, лексико-синтаксические, стилистические), так и используемые понятия, речевые тактики, коммуникативные ходы и т. д., характеризующиеся узнаваемостью для адресата, устанавливающие взаимосвязь с прототипом (Кукс 2010: 8). Использование «речевой маски» при изучении русского языка как иностранного предполагает копирование и/или имитацию чужого речевого поведения с учетом лексических и речевых особенностей заявленного образа.

Рассмотрим, как можно использовать прием «речевая маска» для закрепления грамматических навыков при обучении с использованием возможностей мессенджеров.

Занятие на базе ролевой игры через мессенджеры проводится с предварительной подготовкой со стороны, как преподавателя, так и студентов:

На первом этапе в ходе подготовительной работы преподаватель выдает студентам карточки, на которых дана краткая информация о персонаже, роль которого студенту предстоит сыграть. В зависимости от уровня владения языком и творческого потенциала студентов информация может быть как краткой («*Джеймс, 39, живет на Брайтоне, есть двое детей*»), так и более развернутой («*Раиса, 23, живет в Омске, работает фотографом, есть две кошки, интересуется экологией, веган*»). На подготовительном занятии студенты получают карточки, преподаватель удостоверяется, что все вводные понятны, в группе обсуждается, какие роли есть в группе и придумывается легенда о том, какие обстоятельства могут объединить этих людей, кем они приходится друг другу. Рисуется ментальная карта, в которой указываются родственные/дружественные и другие связи, чтобы сформировать сеттинг взаимоотношений в группе. В качестве домашнего задания студентам предлагается составить краткий рассказ о своем персонаже и до утра следующего дня записать видео (видеоролик, если общение осуществляется в *Whatsapp* или «*круги*», если в *Telegram*). Далее распределяются дедлайны, в которые каждый из участников игры должен прислать свой ролик, а остальные в этом временном промежутке должны задать ему несколько вопросов по биографии персонажей. Преподаватель создает чат в мессенджере, где и будет происходить всё дальнейшее общение (плюс будут храниться все медиаматериалы, которые будут использованы в процессе проведения игры). Интереснее будет, если и преподаватель будет принимать участие в игре наравне с обучающимися, то есть, будет выступать не в качестве эксперта, а в качестве равноправного участника полилога, что позволит студентам тоже иметь возможность исправлять грамматические ошибки при их возникновении, так как это перейдет в зону ответственности каждого участника игры.

На основном этапе работа начинается с презентации персонажей, озвучивания их биографии в видеоформате, и обсуждения интересующих вопросов, что позволяет отработать основные лексико-грамматические конструкции и применить их в потенциальной ситуации общения. При этом возможности мессенджера позволяют как корректировать грамматические ошибки, используя кнопку «ответить» (позволяя внести исправления и пояснения, соотнесенные с исходным сообщением и предоставляя студенту возможность перезаписать сообщение, исправив недочеты), или же создать отдель-

ный, привязанный к каналу чат, где будут разбираться исключительно грамматические трудности (чтобы не вторгаться в сеттинг игры и не нарушать вырабатываемую сюжетную линию).

Для последующего развития ролевой игры предлагается прибегнуть к методу case-study. Под кейс-методом мы, вслед за С. В. Шермазановой, будем понимать «смоделированную проблемную ситуацию, вызывающую дискуссию, требующую анализа и предложений по эффективному решению проблемы. По сути, кейс – описание отдельно взятой конкретной ситуации, содержащей в себе определенную проблему, вопрос, не всегда имеющий единственно правильный ответ» (Шермазанова 2015: 455). Цель кейсов при обучении РКИ – способствовать формированию коммуникативной и социокультурной компетенций слушателей, изучающих русский язык как иностранный, в процессе создания ситуаций общения, максимально приближенных к реальным.

Например, после того, как все герои рассказали о себе, преподаватель может, в соответствии с пройденным или повторяемым материалом, давать игрокам индивидуальные задания в формате кейсов. Например, *«Джеймс, у вашего сына завтра День рождения. Обсудите в группе, чем увлекаются дети его возраста и что ему можно подарить и почему»*. Игрок задает тему монологов, участники, используя технологию «кругов» записывают видеосообщения на тему *«Я бы подарил ему ..., потому что ...»*, внутри чата обсуждаются плюсы и минусы каждой идеи и в конце дня игрок озвучивает, какое решение он принял. В зависимости от уровня владения языком и активности студентов могут возникать и ситуативные задачи, придумываемые самими студентами – обсудить, куда сходить вечером, обсуждение достопримечательностей города, заведений, магазинов и цен. Главное в подобной игре – следить за тем, чтобы грамматические ошибки исправлялись в процессе погружения в игру и в процесс были вовлечены все члены группы (по возможности направлять и модерировать деятельность участников игры).

Преподавателю крайне важно учитывать особенности ментальности языковой личности-маски. В связи с тем, что маска, назначенная студенту, должна быть узнаваема и не выбиваться из образа, студент вынужден использовать не только собственные представления о том, как позиционирует себя тот или иной персонаж, но и пытаться представить её таким образом, чтобы другие поняли, какая это языковая личность. Иными словами, студент оказывается в ситуации, когда ему необходимо уравновесить собственные представления о каком-либо явлении действительности с общепринятыми представлениями. Использование «речевой маски» в качестве одного из лингводидактических средств на уроке – эффективный прием, помогающий в решении несколько методических задач, к числу которых можно отнести следующие:

1. Раскрепощение студента. Если студент не хочет (опасаясь за сохранение приватности) или не может (испытывает стеснение, смущение и неудобство) говорить конкретно о себе, у него появляется возможность говорить от лица другого человека, не боясь быть неправильно понятым или излишне откровенным;

2. Преодоление языкового барьера. Речевые клише предварительно прорабатываются вместе с преподавателем, поэтому перед выполнением задания каждый студент имеет в запасе нужные фразы и конструкции, которыми может пользоваться. Остаётся только сделать речь персонажа яркой и живой, что обычно не вызывает особых затруднений;

3. Приобретение опыта общения в различных коммуникативных ситуациях;

4. Использование русского языка в условиях, приближенных к реальным условиям коммуникации, что позволяет актуализировать полученные знания, а также применить их на практике.

Таким образом, можно сказать, что предлагаемая система проведения занятий посредством мессенджеров и использование приёма «речевой маски» предоставляет возможность организовать активную работу при формировании речевых навыков и умений учащихся и делают учебный процесс овладения иностранным языком привлекательным для студентов на всех этапах обучения. Также важна эмоциональная составляющая обучающего приема – информация воспринимается и запоминается лучше, когда одновременно с освоением этой информации студент получает положительные эмоции, что позволяет ему успешно выполнять достаточно сложные и творческие задания.

Литература

1. Дубровская Е. М. Использование игровой методики при обучении говорению иностранных студентов (на примере модели «Застройка города») // Русское слово в многоязычном мире: Матер. XIV Конгресса МАПРЯЛ, Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 г. Нур-Султан, Казахстан: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», 2019. С. 1026–1030.
2. Кетебаева А. С. Формирование коммуникативной компетенции с использованием мессенджеров при обучении разным видам речевой деятельности // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. 2020. С. 1856–1859.
3. Кукс А. В. Конструирование речевой маски в игровом дискурсе: на материале видеотекстов юмористических выступлений: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2010. 23 с.
4. Одилова Н. Ф. Эффективность использования ролевых игр в процессе обучения // Молодой ученый. 2011. № 12 (35). Т. 2. С. 121–124.
5. Павлов А. И. Мессенджеры на занятиях РКИ // Вызовы и тренды мировой лингвистики. 2020. Т. 16. С. 407–409.
6. Тимошина Д. В. О возможностях использования мессенджеров в образовательном процессе (из опыта преподавания русского языка как иностранного) // Междунар. науч. конгресс «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве»: сб. матер. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2021. Ч. 1. С. 257–259.
7. Шермазанова С. В. Использование кейс-технологии при обучении иностранным языкам // Научный альманах. 2015. № 11/2 (13). С. 455–462.
8. Шпильман М. В. Коммуникативная стратегия «речевая маска»: на материале произведений А. и Б. Стругацких: дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирск, 2006. 229 с.
9. Щербак А. С. Электронная лингводидактика // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс: Материалы II Международной науч.-практич. конф. Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «ВГУ», Борисоглебск, 15–16 октября 2021 г. М.: Изд-во «Перо», 2021. С. 215–219.

УДК 81.36

ВВОДНО-МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Т. А. Жукова

*Университет китайской культуры
Тайбэй, Тайвань*

Аннотация. Вводно-модальные слова рассматриваются как средства выражения субъективной модальности. Дается характеристика средствам выражения персуазивности в русском языке. Анализируются оптимальные способы методической интерпретации вводно-модальных слов при изучении русского языка как иностранного на продвинутом уровне.

Ключевые слова: вводно-модальные слова, русский язык как иностранный.

INTRODUCTORY-MODAL WORDS IN THE ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

T.A. Zhukova

*Chinese Culture University
Taipei, Taiwan*

Abstract: *Introductory-modal words are considered as means of expressing subjective modality. A characteristic is given to the means of expressing persuasiveness in the Russian language. The optimal methods of methodical interpretation of introductory-modal words in the study of Russian as a foreign language at an advanced level are analyzed.*

Key words: *introductory-modal words, Russian as a foreign language.*

При обучении иностранному языку (в том числе русскому языку как иностранному) методическая интерпретация любой языковой категории нуждается в коммуникативно-прагматическом подходе. Бесспорна очевидность такого подхода при освоении иностранными учащимися вводно-модальных слов.

Модальные слова (вводно-модальные) являются средством выражения субъективной модальности. Практика преподавания русского языка как иностранного в разных национальных группах показывает, что категория субъективной модальности является достаточно сложной как для интерпретации, так и для реализации её в речи иностранных учащихся. Иностранные учащиеся не обладают рефлексорной способностью полноценно выражать средствами русского языка эмоциональное отношение к высказыванию и окружающей их внеязыковой действительности, а также уверенность или неуверенность в достоверности сообщаемого. Безусловно, минимальным набором таких средств можно легко овладеть на начальном уровне изучения русского языка. Так, вводно-модальные слова «конечно», «может быть», «жаль» входят в лексический минимум по русскому языку как иностранному уже на элементарном уровне владения русским языком.

Вводно-модальные слова используются в русском языке для выражения большого спектра субъективно-модальных значений. Говорящий может выражать своё отношение к сообщаемому с точки зрения достоверности, логической структуры текста, последовательности излагаемых мыслей и их связей между собой, а также с точки зрения языкового способа выражения мысли, эмоциональной оценки высказывания и др. Для тех, кто изучает язык как неродной, возникают трудности идентификации разнообразных контекстов употребления тех или иных средств выражения субъективной модальности. Усложняет процесс понимания принципов функционирования средств выражения субъективной модальности их разнообразие (по способу возникновения, по частеречной принадлежности и прочее) и многообразие их частных значений.

Средства выражения субъективной модальности неоднородны. К тому же, субъективно-модальные значения могут быть выражены имплицитно и эксплицитно. Кроме вводно-модальных слов к эксплицитным средствам выражения субъективной модальности относятся синтаксические конструкции, повторы, словопорядок, интонация, междометия, частицы, а также различные комбинации этих средств.

Вводно-модальные слова как средства выражения субъективной модальности В. В. Виноградов понимал широко, относя к ним различные языковые единицы (слова и выражения), с помощью которых говорящий по-разному может оценить высказывание. По мнению учёного, «в вводную синтагму», в «вводное слово» может превратиться не только обстоятельственное слово или словосочетание, но и целое «редуцированное» по смыслу предложение» (Виноградов 1975: 70). В.В. Виноградов писал о вводно-модальных словах как об особом классе слов: «при таком многообразии значений и проявлений категории модальности, для выражения модальных отношений в своеобразных синтаксических условиях вводности формируется особый класс слов и «редуцированных» слов-частиц» (Там

же: 73). В этот класс, по его мнению, включается также ряд устойчивых фразеологических оборотов, фразовых единств и сращений.

Е. Н. Орехова обосновывает статус субъективной модальности как самостоятельной функционально-семантической категории, «имеющей собственное лингвистическое содержание и специализированные средства выражения в современном русском языке» (Орехова 2011: 4). Исследователь отмечает, что «субъективная модальность – сложное иерархическое образование, включающее ряд типовых субъективно-модальных значений – квалификативных смыслов, которые имеют смежные зоны, а также пересекаются с полями эмотивности, оценочности, градуальности, темпоральности, персональности, союзности» (Там же: 4).

Специфика некоторых вводно-модальных слов состоит в том, что данные языковые единицы в ряде случаев имеют омонимичные формы, которые не относятся к средствам выражения субъективной модальности (*виноват, видно* и др.). Для обозначения таких вводно-модальных слов В. В. Шигуров в своих работах использует термин «межчастеречный семантико-синтаксический разряд вводно-модальных единиц» (Шигуров 2021). Исследователь называет данные языковые единицы промежуточными, инфинитивно-модальными образованиями, занимающими зону гибридности на шкале переходности и обеспечивающими возможность экономно и емко передавать сложный комплекс мыслей и чувств человека. По мнению В. В. Шигурова, «благодаря развитию языка, изменениям в его грамматическом строе, в системе частей речи и межчастеречных разрядов вводно-модальных единиц и предикативов расширяются возможности для комплексного выражения позиции говорящего в речи, оценивающего содержание и форму сообщаемого» (Там же: 154).

Таким образом, обучение употреблению вводно-модальных слов на продвинутом уровне может сопровождаться не только знакомством с функционально-семантической категорией субъективной модальности, но и сопоставлением средств выражения субъективной модальности и омонимичных им словоформ. Так, вводно-модальные слова и сочетания, представляющие собой конструкции с ментальными глаголами (*знать, понимать, верить, представлять* и под.) могут быть введены в учебный процесс на этапе знакомства с соответствующими глаголами при репрезентации всех возможных функциональных особенностей данных языковых единиц.

Анализируя коммуникативный статус вводных конструкций с ментальными предикатами, Г. И. Кустова предлагает распределить рассмотренные вводные конструкции на модальные и аппеллятивные. «Модальные ВК направлены на текст – они обозначают модальный статус пропозиции. Аппеллятивные ВК имеют иллюкутивную функцию – функцию воздействия на адресата» (Кустова 2020: 71). В учебном процессе на это различие в функционировании вводных конструкций необходимо обратить внимание учащихся, поскольку это напрямую связано с речевой практикой. Г. И. Кустова указывает на важную особенность аппеллятивных вводных конструкций, для которых «основным режимом является вопросительный, что невозможно для модальных» (Там же: 67).

Кроме подробной характеристики функциональных особенностей, вводно-модальные слова требуют комплексного подхода в описании их в системе других средств выражения субъективной модальности: лексических (оценочная лексика); грамматических (вводные конструкции, парцелированные и присоединительные конструкции, риторический вопрос (блок), специальные синтаксические конструкции); лексико-грамматических (построения с частицами, построения с междометиями, суффиксы субъективной оценки (деминутивные суффиксы), некоторые специальные синтаксические конструкции); пунктуационных (многоточие); графических (закавыченные слова).

А. Мустайоки подчёркивает общие черты функционализма как особого лингвистического направления и коммуникативного метода обучения иностранным языкам. Общее состоит в принципе – «от семантических структур (функций) к языковым средствам» (в функциональной лингвистике) и «от коммуникативных интенций / ситуаций / потребностей к языковым средствам» (в области преподавания русского языка) (Мустайоки: 406). Так, коммуникативный подход в преподавании русского языка как иностранного предполагает обучение речевым интенциям и действиям, в числе которых

есть следующие: выражение интеллектуальных отношений (сомнение, выяснение степени вероятности, неопределённость и т.п.) и эмоциональных отношений.

Соответственно, обратив внимание учащихся на связь средств выражения субъективной модальности с адресантом и адресатом, речевой ситуацией, контекстом употребления, преподаватель русского языка как иностранного должен предложить учащимся по-разному на начальном, среднем и продвинутом этапах обучения русскому языку осмыслить функционально-семантический принцип реализации вводно-модальных слов в речевой практике.

Изучение вводно-модальных слов как средств выражения субъективной модальности должно предваряться описанием коммуникативной ситуации использования тех или иных средств. Коммуникативные ситуации могут быть представлены иллюстративным материалом, включающим все возможные средства выражения субъективной модальности: вводные (модальные) слова, модальные частицы, междометия, дискурсивные слова (по ситуации), специальные конструкции, а также описание смысловозначительного потенциала порядка слов и речевые возможности интонации. Системный обзор средств выражения субъективной модальности целесообразно давать при подготовке частично к I сертификационному уровню и полностью ко II сертификационному уровню.

В методической литературе по преподаванию русского языка как иностранного встречаются разработки системы обучения иностранных учащихся вводным словам. Так, Н. А. Тюпенко предлагает введение в учебный процесс «семантических карт» (Тюпенко 2011), которые представляют собой, на наш взгляд, подобие функционально-семантических групп средств выражения субъективной модальности.

Таким образом, этапу разработки комплекса упражнений для обучения иностранных учащихся употреблению вводно-модальных слов и конструкций в русской речи должен предшествовать процесс отбора и методической организации учебного грамматического материала.

В качестве примера рассмотрим один из видов субъективно-модального значения, а именно персуазивность (значение категорической и проблематической достоверности) как выражение отношения говорящего к сообщаемому.

Вводно-модальные слова, выражающие достоверность и недостоверность высказывания целесообразно вводить в системе других средств выражения персуазивности, выделив две группы значений: 1) категорическая достоверность (высокая степень вероятности) и 2) проблематическая достоверность (средняя степень вероятности или отсутствие уверенности). Описание значения можно дать следующим образом (описание рассчитано на третий (профессионально достаточный) уровень подготовки по русскому языку).

1) Категорическая достоверность (высокая степень вероятности)

I. Общее значение. Значение категорической достоверности является частным случаем общего субъективно-модального значения (отношение говорящего к сообщаемому). Говорящий даёт оценку сообщаемому факту с точки зрения достоверности, то есть соответствия действительности.

Говорящий полностью уверен в истинности информации, он подчёркивает точность информации, убеждён в том, что сообщает.

Контекстные значения:

1. Выражение уверенности в оценке качеств как одушевлённого, так и неодушевлённого предмета (друга, фильма и др.).

2. Выражение уверенности в правильной / неправильной характеристике события / явления (подтверждение / отрицание мнения собеседника).

3. Выражение уверенности в правильной оценке действий субъекта.

4. Подтверждение согласия с мнением собеседника.

5. Ответная реакция на сообщение собеседника.

II. Средства выражения категорической достоверности:

1. Вводные (модальные, вводно-модальные, в соответствующих контекстах – дискурсивные) слова: *безусловно, без сомнения, в самом деле / на самом деле, естественно, конечно, наверняка, несомненно, правда (по правде сказать), разумеется.*

2. Модальные частицы: *а как же, ведь, вряд ли, действительно, ещё бы, же, именно, точно.*

3. Фразеологические обороты (идиоматические сочетания): *без вопросов, ничего подобного, полностью – за, само собой, само собой разумеется, сто процентов, что и говорить!*

4. Другие показатели «модусной рамки»: *бесспорный факт; как мы знаем ...; можно не сомневаться, что ...; очень даже верно, что ...; точно знаю, что ...; уверен, что ...; это моё глубокое убеждение; ясно, что ...; ясно как день, что ... .*

2) Проблематическая достоверность (средняя степень вероятности или отсутствие уверенности)

I. Общее значение. Значение проблематической достоверности реализуется в тех случаях, когда говорящий подвергает сомнению истинность информации. Субъект речи сомневается в достоверности информации или оценивает её как недостоверную, не соответствующую действительности с точки зрения его знаний о ней.

Говорящий не уверен в точности (реальности / правдивости / возможности) сообщаемого факта.

Контекстные значения:

1. Выражение сомнения в возможности выполнить действие.

2. Выражение сомнения в наличии какого-либо признака предмета.

3. Выражение неуверенности в подлинности информации.

4. Предположение относительно какой-либо ситуации в ответ на вопрос собеседника.

5. Ответная реакция на мнение собеседника (чаще – отрицательная).

II. Средства выражения проблематической достоверности:

1. Вводные (модальные, вводно-модальные, в соответствующих контекстах – дискурсивные) слова: *вероятно (вероятнее всего), видимо (по-видимому), видно, возможно, должно быть, кажется (казалось бы), может быть (может), наверное, пожалуй, скорее всего.*

2. Модальные частицы: *будто, вроде (бы), действительно (действительно так? – в вопросительном высказывании), едва ли, как бы, неужели, прям (прямо), разве, что ли.*

3. Фразеологические обороты (идиоматические сочетания): *вот ещё!; да ладно!; как бы не так!; кто его знает; скажешь тоже; скорее, нет, чем да; что ты.*

4. Другие показатели «модусной рамки»: *боюсь ошибиться, но ...; если не ошибаюсь, ...; маловероятно, что ...; могу ошибаться, но ...; не правда, что ...; не уверен, что ...; сомневаюсь, что ... .*

Кроме того, представить средства выражения категорической и проблематической достоверности можно также через описание коммуникативной ситуации «сомнение» (тип выраженной субъективной модальности): человек испытывает отсутствие уверенности в чём-либо, веры во что-либо; неуверенность в истинности чего-либо. Субъект речи даёт оценку событиям, предметам, признакам предмета, суждениям с точки зрения их истинности.

По степени сомнения (уверенности / неуверенности) может быть представлено несколько ситуаций:

1) 'сомневаюсь' (делаю предположение): *может быть, должно быть, кажется, возможно, вероятно, по идее, в принципе* и др.:

Александр Гельман, разумеется, знает и технологии пиара: настолько, насколько с ними знакомы внимательные читатели газет, и, может быть, немного больше (Алексей Филиппов. Продавцы воздуха);

Да, Сольнес во многом сам создал такую ситуацию, когда все близкие отвернулись от него. Но при этом он сам отвечает за свои грехи, бросаясь вниз. Возможно, этим поступком он хочет людей заставить задуматься, чтобы не повторить его ошибок (Анастасия Гулина. Слух к чужой боли).

2) 'не сомневаюсь' (уверен в чём-либо): *безусловно, бесспорно, без сомнения, вне сомнения, несомненно, конечно* и др.:

В иностранных языках и в словарях слово «интеллигенция» переводится, как правило, не само по себе, а вкупе с прилагательным «русская». Безусловно, прав А. И. Солженицын: интеллигент – это не только образованный человек, тем более не тот, которому он дал такое обозначение, как

«образованец» (что-то вроде «самозванец» или «оборванец») (Дмитрий Лихачев. О русской интеллигенции).

От учащихся требовали, **конечно**, не озвучивания письменного текста, а умения самостоятельно работать с ним (Михаил Арапов. Когда текст обретает смысл).

В высказывании может содержаться противопоставление: есть показатели как сомнения (*вероятно*), так и его отсутствия (*безусловно*):

Это, вероятно, не совсем так, но доля истины в этом заявлении, безусловно, есть (В. Фейгина. Все болезни от нервов // «100 % здоровья»).

После предоставления языкового материала, оформленного в виде диалогов – моделей коммуникативных ситуаций (диалоги представлены подробно в пособии «Субъективная модальность в русской речи: учебное пособие по развитию речи для изучающих русский язык как иностранный» (Жукова: 2013), учащимся можно предлагать упражнения на наблюдение, анализ и осмысление средств выражения категорической и проблематической достоверности. Цель подобных упражнений – осмысление учащимися изучаемого материала. Далее необходимо вводить различные языковые задания, которые формируют первоначальное запоминание языковых единиц (выбор необходимого вводно-модального слова или конструкции, грамотное использование данных единиц). Затем предлагаются коммуникативные упражнения разного типа: условно-коммуникативные и собственно коммуникативные. В заключительном блоке упражнений целесообразно предъявить учащимся тексты, в которых в достаточном количестве будут присутствовать изучаемые единицы. Такие упражнения позволят обобщить и проверить степень усвоения учащимися материала.

Предложенная структура изучения вводно-модальных слов определяет систему упражнений, которая состоит из трёх разделов.

В первом разделе предъявляются упражнения, которые активизируют наблюдение, анализ и освоение средств выражения категорической и проблематической достоверности в речевых фрагментах. Задания сформулированы следующим образом: прочитайте предложения, найдите средства выражения уверенности / неуверенности (сомнения); распределите данные предложения между двумя колонками: 1) с вводными конструкциями; 2) без вводных конструкций и др.

В результате работы над упражнениями первого раздела учащиеся должны научиться: а) распознавать вводно-модальные слова и конструкции в предложении / микро-тексте; б) разграничивать вводно-модальные слова и конструкции и слова / словосочетания, выполняющие другие функции; в) объяснять семантику изучаемых вводно-модальных слов, определять то субъективное значение, которое они вносят в предложение; г) объяснять выбор того или иного вводно-модального слова и конструкции; д) находить синонимичные вводно-модальные слова и конструкции.

Второй раздел включает преимущественно языковые упражнения, обеспечивающие первичное закрепление материала: предлагается осуществить выбор необходимого вводно-модального слова и конструкции. Представлены следующие формулировки заданий: раскройте скобки; поставьте слова в скобках в правильную форму; ответьте на реплику собеседника, употребив какое-либо средство выражения проблематической достоверности; ответьте на реплику собеседника отказом, но с помощью средства выражения проблематической достоверности смягчите свой отказ и др.

На наш взгляд, в процессе работы над упражнениями второго раздела будут сформированы и отработаны навыки языкового грамматического анализа, что позволит учащимся грамотно употреблять в речи вводно-модальные слова и конструкции.

В третьем разделе преобладают коммуникативные упражнения. Традиционно к коммуникативным упражнениям относятся ответы на вопросы и завершение диалогов, а также составление диалогов по образцу.

Завершающей стадией работы будет выполнение упражнений и тестов, проверочных работ для обобщения и повторения, проверки усвоения изученного материала. Предлагаются следующие задания: определите, какое средство выражения категорической достоверности в правом столбике

подходит к репликам из левого столбика (найдите соответствие); придумайте небольшие истории, используя средства выражения субъективной модальности и др.

Таким образом, упражнения для освоения вводно-модальных слов как средств выражения субъективной модальности должны быть подобраны с учетом общедидактических и частнометодических принципов обучения. Особое внимание уделяется ведущему принципу современной методики обучения иностранным языкам – принципу коммуникативности (преобладают упражнения коммуникативной направленности). Упражнения расположены по принципу постепенного возрастания трудности, что позволяет разделить работу на три части: упражнения на наблюдение, анализ и осмысление вводно-модальных слов как средств выражения субъективной модальности; языковые упражнения; коммуникативные упражнения. Завершают работу тексты и упражнения, тестовый материал для обобщения и повторения, проверки усвоения изученного материала.

Предложенный нами подход обучения вводно-модальным словам как средствам выражения субъективной модальности является традиционным. Он имеет недостатки – отсутствие демонстрации контекстного значения и прочие. Для более эффективного обучения мы предлагаем ввести в образовательный процесс тренажер (<https://russian-training.herokuapp.com/>), который будет выполнять как функцию демонстрации контекстных значений данных языковых единиц, так и функцию проверки понимания особенностей употребления средств выражения субъективной модальности в речи.

Таким образом, отбор учебного грамматического материала необходимо проводить с опорой на принципы коммуникативной значимости, частотности, методической мотивации. В целях соблюдения принципа коммуникативной значимости языковой материал должен быть отобран таким образом, чтобы иностранные учащиеся могли при его помощи реализовать как можно большее количество различных речевых интенций: выразить уверенность / неуверенность, предположение, сомнение, допущение, согласие / несогласие с мнением собеседника; сообщить о вероятности, возможности / невозможности осуществления действия; предложить что-либо и т.д.

В учебный материал целесообразно включить вводно-модальные слова и конструкции, относящиеся к различным функциональным стилям русского языка. В связи с тем, что ведущая сфера употребления вводных конструкций – разговорная речь, не нужно исключать вводные единицы, относящиеся к разговорно-обиходному стилю речи. При этом имеет смысл исключить сниженную лексику, просторечные и устаревшие конструкции. При отборе наиболее частотных вводных конструкций можно использовать словари частотности, а также словари-системы лексических минимумов.

Отбор и методическая интерпретация языкового материала для обучения иностранных учащихся употреблению вводно-модальных слов и конструкций в русской речи должны быть проведены с учетом:

- коммуникативно-прагматического подхода к исследованию вводно-модальных конструкций;
- ведущих методических принципов: коммуникативной значимости, частотности, методической целесообразности и мотивации;
- условий обучения;
- семантических, морфологических, синтаксических и стилистических особенностей как целых групп вводно-модальных единиц, так и отдельных конструкций.

Литература

1. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике: избранные труды. М., 1975. С. 53–87.
2. Жукова Т. А. Субъективная модальность в русской речи: учебное пособие по развитию речи для изучающих русский язык как иностранный. Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2013. 228 с.
3. Кустова Г. И. О коммуникативном статусе вводных конструкций с ментальными предикатами // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 3 (25). С. 62–76.

4. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
5. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 44 с.
6. Тюпенко Н. А. Методика обучения иностранных студентов лексическим средствам выражения субъективной модальности (на основе использования семантических карт): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 17 с.
7. Шигуров В. В. Количественное измерение гибрида «виноват» // Филологический класс. 2021. № 1. С. 153–160.

УДК 8:11:161

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ СТУДЕНТАМ ИЗ СТРАН АТР

Л. А. Золотарева

*Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями изучения синтаксической фразеологии иностранными учащимся. Целью работы является выявление трудностей, с которыми сталкиваются иностранные студенты-лингвисты из стран АТР. Автор уделяет внимание коммуникативному и сопоставительному методам изучения синтаксической фразеологии.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, синтаксическая фразеология.

SPECIFICITY OF TEACHING SYNTACTIC PHRASEOLOGY TO STUDENTS FROM APR COUNTRIES

L. A. Zolotareva

*Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia*

Abstract. The article deals with issues related to the peculiarities of the study of syntactic phraseology by foreign students. The aim of the work is to identify the difficulties faced by foreign students-linguists from the Asia-Pacific countries. The author pays attention to communicative and comparative methods of studying syntactic phraseology.

Keywords: Russian as a foreign language, syntactic phraseology.

Изучение фразеологии русского языка является обязательной составляющей русского языка как иностранного (РКИ), данному аспекту посвящены специальные рубрики во многих учебниках для иностранных учащихся. Чаще всего этот материал встречается в разделах по лингвострановедению, где приводится анализ русского языка с целью выявления в нем национально-культурной семантики. Освоение фразеологии позволяет учащимся глубже проникнуть в русский язык, постичь новый способ выражения мыслей, способы их кодирования и декодирования, а также лучше узнать культуру русского народа, что предполагает знакомство с кодами культуры, выявление стереотипов, символов и эталонов русской лингвокультуры. Фразеологический уровень языка представляет собой наиболее

доступный и яркий источник национально-культурной информации. Практически каждый иностранец, изучавший русский язык в течение года, сможет привести пословицы, поговорки или фразеологизмы. Это говорит о том, что лексическому уровню фразеологии уделяется большое внимание в практике преподавания РКИ, однако многие иностранные учащиеся и даже иностранные преподаватели русского языка не догадываются, что существует также синтаксическая фразеология.

Синтаксические фразеологические единицы (СФЕ) обладают «воспроизводимостью, структурносемантической целостностью и устойчивостью, идиоматичностью, специфическим характером отношений между компонентами» (Меликян 2014: 65). Данные построения включают довольно обширный класс единиц; по мнению В. Ю. Меликяна, их «следует делить на коммуникемы, фразеосхемы, устойчивые модели и устойчивые обороты» (Там же: 73). В современной русистике пока не существует однозначного мнения о том, что все перечисленные единицы должны иметь статус фразеологических, тем не менее, классификация СФЕ, представленная В. Ю. Меликяном может служить основой для их выделения и описания в том числе и для нужд преподавания РКИ.

Ядром синтаксической фразеологии являются фразеосхемы, которые представляют собой устойчивые предикативные конструкции с постоянными и переменными лексическими компонентами, выражающие различные модальные значения, которые не вытекают из значения составляющих их членов, т.е. являются фразеологизованными. Именно фразеосхемы («синтаксические фразеологизмы» или «фразеологизованные предложения» в терминах РГ-80) уже давно привлекают внимание преподавателей РКИ. Связано это, на наш взгляд, с тем, что обучение построению предложения предполагает знакомство иностранных учащихся с типовыми моделями русского предложения, а многие экспрессивные разговорные предложения выходят за их рамки, так как слова в них могут быть связаны не по традиционным правилам русского языка либо значение предложения является не прямым, например: «*Где/куда мне все это съест*». В данном примере не идет речь о месте (*где это съест*) или направлении (*куда это съест* – лексическая несочетаемость), общее значение трактуется как «невозможность действия». Кроме того, нейтрализация пространственного значения вопросительных наречий, возможность их взаимозамены также является признаком фразеологизации данной конструкции. Таким образом, при обучении иностранцев русскому языку, мы не можем ограничиваться объяснением того, что данное предложение построено по типу инфинитивных и имеет схему «Inf.», в структурную схему обязательно должны входить следующие компоненты: *где/куда* + (*сущ. дат.п.*) + инф, так как именно они создают общее значение невозможности. А усечение конструкции приводит к образованию коммуникемы *Да где там!* с тем же значением.

В преподавании РКИ фразеологизованные предложения всегда включались в материал для развития разговорной речи учащихся, так как они обладают экспрессивностью, выражают различные модальные значения, активно используются русскими в неофициальной межличностной коммуникации, а также являются национально-специфическими синтаксическими единицами, которые с трудом переводятся на иностранный язык. Наличие указанных построений в речи иностранцев говорит о том, что их речь приближается к речи носителей русского языка. В качестве специальных экспрессивных конструкций фразеосхемы включены во многие пособия и учебники по разговорной речи для иностранных учащихся, анализ некоторых из них представлен в нашей статье «Потенциал синтаксической фразеологии для развития речевой деятельности иностранных учащихся» (Золотарева 2020). Тем не менее первым специальным учебным изданием по изучению синтаксической фразеологии следует, безусловно, считать пособие А. В. Величко «Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев» (1996), в котором впервые были определены принципы работы с описываемыми построениями в иностранной аудитории, а также была представлена семантическая классификация синтаксических фразеологизмов (СФ), точнее предложений фразеологизованной структуры. Предложенная автором пособия классификация имеет принципиальное отличие от традиционной классификации СФЕ по степени фразеологизации, последователями которой являются Н. Ю. Шведова, Л. А. Пиотровская, В. Ю. Меликян и их ученики. В одной из первых классификаций Н. Ю. Шведова выделяла построения, «в которых сочетание компонентов не определяется действующими в языке

синтаксическими нормами» (Шведова 1960: 269), либо могут быть мотивированы устаревшими нормами, либо постоянный компонент в них претерпевает «отход от своего прямого лексического значения» (Там же: 270). Л. А. Пиотровская рассматривала синтаксические фразеологические сращения, единства и сочетания (Пиотровская 1998), классификация В. Ю. Меликяна также находится в рамках терминосистемы В. В. Виноградова, исследователь выделяет фразеосхемы-сращения, фразеосхемы-единства и фразеосхемы-сочетания (Меликян 2014).

А. В. Величко предлагает семантическую классификацию, за основу которой «берутся конкретные значения и оттенки значения субъективной модальности, которые следует рассматривать как семантические универсалии» (Величко 2016: 125). Как отмечается в пособии, «для определения доминирующего семантического компонента служит функциональный критерий: учитывается, зачем говорящий использует данный СФ (для характеристики и оценки, для отрицания, для выражения необходимости и т.д.)» (Величко 1996: 9). Всего выделяется шесть групп: 1) СФ со значением положительной, отрицательной, недифференцированной оценки; 2) СФ со значениями согласия / возражения, утверждения / отрицания и др.; 3) СФ с модальными значениями необходимости, ненужности, целесообразности и т.д.; 4) СФ со значениями единственности/множественности; 5) СФ со значением акцентирования; 6) СФ, выражающий значение логической обусловленности (Там же). Предложенная А. В. Величко классификация основывается на принципах функционально-коммуникативной грамматики, учитывает речевую ситуацию, в которой важнейшей является коммуникативная цель говорящего. Данный подход нашел отражение в «Книге о грамматике» (2009), а также в монографии «Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование» (Величко 2016).

Специфика преподавания РКИ иностранным студентам, обучающимся русскому языку по направлению «Лингвистика» в ДВФУ, позволяет учитывать также этноориентированный подход, так как группы состоят преимущественно из представителей Китая, Вьетнама, Кореи и Японии. Некоторые традиционные черты лингводидактических систем данных стран, правила межличностного общения, а также сходные черты национального характера помогают выявить общие для данного контингента учащихся трудности в освоении синтаксической фразеологии.

Несмотря на то, что китайский, корейский, японский и вьетнамский языки относятся к разным языковым семьям, общим для них является более строгий порядок слов, чем в русском языке. Именно по этой причине, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на порядок слов в русском языке, его отличие от родного языка учащегося, а также на то, что в некоторых случаях в русском языке могут использоваться бессубъектные конструкции или предложения, которые могут не содержать предиката, либо он представлен не глаголом, а именной формой. В целом, необходимо сразу оговориться, что в качестве аспектного обучения спецкурс по синтаксической фразеологии рекомендуется давать на уровне В-2 (ТРКИ-2), хотя отдельные группы фразеологизмов могут встречаться и раньше, например, СФ со значением оценки, включающие вопросительное слово *какой*: *Да какой он музыкант, аккорды выучил, а слуха нет. Какой музыкант, играет просто великолепно!* Изучение СФ начинается с изучения группы со значением оценки и это методически оправдано, так как данные СФ являются наиболее употребительными в русском языке, оценочные значения также не представляют особой трудности для понимания, так как располагаются на шкале *хорошо – плохо*. Кроме того, в языках может наблюдаться схожее языковое явление, например, употребление вопросительных по форме предложений в невопросительной функции, как это представлено выше в примерах, сравните: *Какой он музыкант?*

СФ со значением оценки вызывают ряд трудностей, связанных с тем, что в русском языке оценочное и модальное значения передаются при помощи интонации, от этого может зависеть вид оценки: положительная или отрицательная. При чтении литературы иностранные студенты могут не понимать фразеологическую конструкцию, даже если они знают все слова в предложении, особенно это касается фразеосхем, в состав которых входит немаркированное существительное: *Какой лес! Вот это мужчина! Что за вопрос!* и др. Если сравнивать данные предложения с фразами *Какой*

ужас! Какая прелесть!, то можно заметить, что их понимание вне контекста будет затруднено. Именно поэтому необходимо научить студентов на слух распознавать интонационные конструкции и их модальные реализации. Семантизация СФ с немаркированным именем должна включать оценочные прилагательные: *Какой прекрасный лес! Какой страшный лес!*, это позволит не только научить способам трансформации предложений, но и будет помогать учащимся при переводе данной конструкции на родной язык. Так, например: *Все лицо было у него изрублено крест-накрест саблями турок, с которыми он незадолго перед тем воевал за греков. Вот человек! Что ему греки, если он поляк?*" (М. Горький. *Старуха Изергиль*) перевод предложения *Вот человек!* на вьетнамский язык "Đáy mới thật là con người!" (это реальный (настоящий) человек!) содержит слово "thật" со значением "настоящий" и "очень". Схожее явление мы наблюдаем и при переводе некоторых фразеологических конструкций на китайский язык: *Где вы встретите эту райскую пустыню посреди города? Какая весна!* 在城市之间你上哪找这么迷人的僻静之地啊? 多么美好的春天! Дословно: *Какая чудесная весна!* Подобное сопоставление СФ в русском языке с его эквивалентом или схожим переводом на родном языке учащихся позволяет студентам более осмысленно изучать русский язык как иностранный, избегать слепого заучивания фраз, быть внимательным к интонации и развивать навыки правильного перевода и интерпретации значения СФ.

Важную роль в понимании значения и употребления СФ играет контекст. Предложения, которые раскрывают скрытый смысл фразеологизма могут находиться как в предтексте, так и после него, тем самым эксплицируя его значение и дополнительно аргументируя ответ: *«Но граф в ту же минуту оправился от волнения. – Ну, ну, – сказал он. – Вот воин еще! Глупости-то оставь, учиться надо»* (Л. Толстой. *Война и мир*). В предтексте часто бывает важна иницирующая диалог реплика собеседника, на которую реагирует говорящий: *Ты знаешь, папа получил Александра Невского? – Как не знать! Уж приезжали поздравлять* (Л. Толстой. *Анна Каренина*). В зависимости от ситуации в ответной реплике может содержаться не утверждение, а отрицание или значение невозможности: *Кабанов. Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достается от маменьки! Вот жизнь-то моя какая! Катерина. Чем же я-то виновата? Кабанов. Кто ж виноват, я уж не знаю. Варвара. Где тебе знать!* (А. Островский. *Гроза*).

Наличие различных синонимичных фразеосхем для выражения одного модального значения также затрудняет употребление предложений фразеологизированной структуры в речи, ведь в зависимости от ситуации может акцентироваться то или другое модальное значение, что влечет за собой предпочтительное использование какого-то одного СФ или его варианта. Так, например, при выборе реакции на стимул: *Лёша всегда помогает друзьям только за конфеты* был получен ответ: *Тоже мне помог!* Предложенный ответ не учитывает неоднократность действий Лёши, более адекватным здесь было бы предложение *Тоже мне помощник!* или *Вот это помощник!*

В заключении хотелось бы остановиться еще на одном моменте, связанном с употреблением СФ в речи. Несмотря на то, что изучаемые модальные отношения относятся к универсальным семантическим категориям, их функционирование в различных языках может зависеть не только от чисто лингвистических факторов, но и от экстралингвистических. Необходимо учитывать этнотип учащихся, модели социального поведения коммуникантов из разных стран, речевой этикет и определенные коммуникативные табу. Так, особо значимым в речевом поведении студентов из стран АТР является учет возрастной характеристики собеседника, который выражается в подчеркнуто вежливом обращении к тем, кто старше по возрасту, в невозможности эмоционального высказывания собственной оценки, которая может обидеть говорящего или не позволит ему «сохранить лицо». Данная проблема может быть решена несколькими способами: во-первых, объяснением стилистической характеристики текстов, в которых употребляются СФ, а также описанием коммуникативных ситуаций неофициального общения и принятых в России правил поведения. При разыгрывании диалогов в рамках учебных ситуаций можно обратиться к ролевой игре, которая заранее определяет коммуникативную цель говорящего и варианты его речевого поведения. Ролевая игра позволяет учащимся отвлечься от своей социальной роли в родной лингвокультуре и примерить роль собеседника в русской лингвокультуре.

Таким образом, можно резюмировать, что синтаксическая фразеология является важным аспектом в преподавании РКИ, так как позволяет иностранным учащимся познакомиться с коммуникативным поведением русских и научиться живому русскому языку. Наибольшие трудности для студентов из стран АТР при изучении СФЕ связаны со структурными особенностями построения синтаксических фразеологизмов, слитностью их значения, невыводимостью его из суммы значений компонентов фразеоконструкции, а также с тем, что интонация играет большую роль для понимания данных специфических единиц русского языка. При изучении фразеосхем в иностранной аудитории важным является обращение внимания на этнотип учащегося, что предполагает учет не только влияния его родного языка на изучаемый, но также учет менталитета, стереотипов поведения, социальных ролей и других экстралингвистических факторов.

Литература

1. Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное: Монография. М., МАКС Пресс, 2016. 416 с.
2. Величко А. В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1996. 96 с.
3. Золотарева Л. А. Потенциал синтаксической фразеологии для развития речевой деятельности иностранных учащихся // Человек в языковом пространстве: сборник статей / Отв. ред. Т. И. Петрова, Ю. А. Гунько; Дальневосточный федеральный университет, ВИ – ШРМИ. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. С. 146–155.
4. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А. В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ, 2009. 648 с.
5. Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология: учеб. пособ. М.: Флинта, 2014. 232 с.
6. Пиотровская Л. А. К вопросу о синтаксической фразеологии // Славистический сборник. СПб., 1998. С. 111–118.
7. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. 378 с.

УДК 811.161.1.36

«ТРУДНОЕ СДЕЛАТЬ ПРИВЫЧНЫМ»: ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА ПО ГРАММАТИКЕ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РКИ

Ю. А. Мареева

*Институт русского языка и культуры МГУ им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация. В статье описан опыт создания и структура методического руководства-путеводителя по русской грамматике для начинающих преподавателей РКИ. Опыт работы с учителями, не имеющими профильного филологического образования, родителями детей-билингвов, зарубежными русистами продемонстрировал необходимость создания пособия, сочетающего в себе системное описание грамматики, простоту изложения и практикоориентированность.

Ключевые слова: РКИ, функционально-коммуникативная грамматика, пособие, методика преподавания.

“MAKE THE DIFFICULT HABITUAL”: THE EXPERIENCE OF ELABORATING THE PRACTICAL GRAMMAR MANUAL FOR YOUNG RFL TEACHERS

Yu. A. Mareeva

*Lomonosov MSU Institute of Russian Language and Culture
Moscow, Russia*

Abstract. *The article describes the experience of creating and the structure of methodological manual guide on Russian grammar for young RFL teachers. The vast work experience with non-philologists, the parents of bilingual children, foreign specialists in Russian language demonstrated the necessity of a manual which would combine systematic grammar description, the ease of presentation and applied character.*

Key words: *RFL, functional-communicative grammar, manual, teaching methods.*

Идея создания пособия-справочника возникла в результате многолетней работы со слушателями курсов профессиональной переподготовки по методике преподавания русского языка как иностранного. На такие курсы поступают не только выпускники филологических факультетов и педагогических вузов, но и люди, получившие образование и работавшие до этого совершенно в других областях: экономика, юриспруденция, история, медицина, архитектура, менеджмент и др. Слушатели записываются на курсы, чтобы получить дополнительную востребованную специальность или полностью поменять сферу деятельности. Очень часто причиной этого становятся личные обстоятельства:

- переезд за границу (в связи с работой, учёбой, замужеством);
- желание сохранить русский язык у своих детей, находясь вдали от родины в иноязычном окружении;
- появление знакомых иностранцев, которые то в шутку, то всерьёз говорят «А научи меня русскому языку!» и т.д.

Всё чаще проводниками русского языка и культуры в мире становятся не профессионалы-филологи, а люди, не имеющие профильного языкового образования. Но даже обладатели дипломов преподавателя иностранного языка (английского, французского, китайского и др.) сталкиваются с серьёзными трудностями, когда начинают обучать своему родному языку – русскому. Ю. М. Лотман отмечал: «Мы можем понимать то, что мы снаружи наблюдаем. Как легко описывать иностранный язык и как трудно описывать свой родной» (Книга о грамматике...: 9).

Знание и понимание структуры языка, его грамматического строя, – одно из основополагающих условий успешной работы преподавателя иностранного языка, одна из ведущих составляющих его профессиональной компетенции. В настоящее время многие из наших соотечественников, проживающие в других странах и изначально далёкие от филологии, занимаются преподаванием русского языка иностранцам, что безусловно само по себе является положительным фактом. В ведущих российских вузах работают очные и дистанционные программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации, создаются новые учебники и методические руководства, организуются конференции и выездные семинары. Перед филологами, профессиональными преподавателями РКИ встаёт непростая задача эффективно и в максимально сжатые сроки обучить таких людей основам методики, поделиться секретами мастерства, познакомить с теорией, но отталкиваться прежде всего от практики. Существующие пособия по методике преподавания русского языка как иностранного не вполне удовлетворяют стоящим перед нами целям.

На наш взгляд, большинство известных книг, созданных с тем, чтобы оказать методическую поддержку начинающим и практикующим преподавателям РКИ, отличаются следующими характеристиками:

- фокус на общем описании методов и подходов к обучению, видов речевой деятельности;

– недостаточно полное описание грамматики, ограничивающееся упоминанием только самых ярких явлений и типов языковых упражнений;

– глубокие подробные функционально-коммуникативные описания русской грамматики слишком академичны и не ориентированы на потребности слушателя-нефилолога, стремящегося в кратчайшие сроки охватить всё и сразу. Например, многие статьи «Книги о грамматике», обобщающей многолетний опыт работы кафедр РКИ МГУ имени М. В. Ломоносова (Книга о грамматике... 2004), требуют определённого рода адаптации, прежде чем быть представленными в аудитории недостаточно подготовленных слушателей, которым нужна «выжимка» основной информации.

Мы постарались, с одной стороны, восполнить существующие «пробелы», с другой, собрать под одной обложкой лучшие практики объяснения русской грамматики в иностранной аудитории. Пособие изобилует ссылками на признанных мэтров педагогики и лингвистики. В конце дан обширный список литературы.

Разделы этого пособия в разное время прошли апробацию в группах слушателей, обучавшихся на ускоренных трёхмесячных курсах методики преподавания РКИ. За восемь лет под руководством автора этот курс прошли около 1000 человек. Большое желание помочь людям, с таким энтузиазмом взявшимся за новое для себя и важное дело, заставляло вновь и вновь систематизировать грамматику и искать доступные, несложные, но в то же время максимально полные и профессиональные пути описания материала. На основе материалов пособия проводились спецкурсы для преподавателей РКИ из Греции и Северной Македонии.

И впоследствии слушатели курсов превратились в героев этой книги. Большая часть пособия «выросла» из популярного образовательного блога «Методика преподавания РКИ для всех», который представляет собой ответы на наиболее частые и насущные вопросы преподавателей РКИ. Чтобы пособие не стало очередным справочником по грамматике с сухим изложением теории, списками и таблицами, книга местами приобрела черты «романа в письмах»: в неё были включены фрагменты реальных диалогов, переписка, в некоторых случаях даже полемик со слушателями, коротких дискуссий в тематических группах соцсетей.

Функционально-коммуникативная грамматика (ФКГ) – это стержневая дисциплина всего курса подготовки преподавателя РКИ. ФКГ представляет языковую систему сквозь призму восприятия иностранца. Это практически ориентированная грамматика, совсем не похожая на то, что большинство изучали в школьном курсе современного русского языка. Грамматика РКИ – это грамматика, которая учит говорить, выражать различные смыслы на русском языке.

В нашем изложении мы придерживаемся классического подхода и описываем последовательно все части речи. Во вводном разделе сделан обзор некоторых общих вопросов: что представляет собой грамматика РКИ, можно ли учить язык «без грамматики», виды грамматических ошибок и как их исправлять, какова роль языка-посредника в процессе обучения. В первой главе «Морфология» описываются основные категориальные классы слов и их грамматические характеристики. Изложение сопровождается примерами и практическими советами по организации отработки и закрепления каждой темы в иностранной аудитории. Основное внимание уделяется наиболее проблемным местам: порядок изучения падежной системы, выбор соответствующего предлога, классификация прилагательных по типу окончания и основы, употребление счётных конструкций, в подразделе «Глагол» – словоизменяемые классы, видовое противопоставление, глаголы движения и мн. др.

В следующей большой главе «Синтаксис» мы переходим на уровень целого высказывания, предложения. Здесь рассматривается, с помощью каких средств, какими способами в русском языке передаются значения времени, причины, уступки, цели и др. Кроме того, охарактеризованы специфические синтаксические построения русского языка, порядок слов, конструкция обладания, различные способы выражения субъекта.

В заключительном разделе приводится обзор учебников и пособий по русскому языку как иностранному и комментируются основные критерии выбора обучающего материала. Также даются

дополнительные рекомендации по использованию дидактического потенциала языковой среды, перевода и метода устного опережения в обучающем процессе.

«Лирические» отступления, экскурсии в историю языка и необходимые вставки с пояснениями некоторых важных понятий не мешают системности изложения. Цитаты из высказываний авторов учебников и известных преподавателей могут выступить в качестве стимула и мотивирующего фактора для собственной плодотворной деятельности на nive РКИ.

Каждый подраздел пособия завершается рубрикой «Проверьте себя». Вопросы рубрики, а также тестовые задания помогают обобщить и наилучшим образом систематизировать материал.

В приложении читатели найдут примеры упражнений на разные грамматические темы и ответы на тестовые задания рубрики «Проверьте себя». Список литературы разделён на три части: основная литература по специальности, учебники и пособия для иностранцев и дополнительная литература для преподавателей.

На наш взгляд, работать с этим пособием легко и интересно. С ним проще освоить теорию, здесь можно найти много практических рекомендаций. Высказывания известных преподавателей РКИ, вдохновляющие цитаты, отрывки из произведений классиков языкознания, краткие экскурсии в историю частей речи делают чтение ещё более увлекательным. Таблицы и схемы визуализируют теоретические сведения. Ссылки на полезные источники и список дополнительной литературы могут послужить стимулом не только для продолжения изучения методики преподавания РКИ, но и для большего погружения в наш язык, его историю и современное состояние. И в конечном итоге, наша цель – «научиться трудное сделать привычным, привычное лёгким и лёгкое прекрасным» (Станиславский 1935: 261) применительно к русской грамматике – успешно реализуется.

Литература

1. Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учеб. пособ. / Под ред. А. В. Величко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 816 с.
2. Станиславский К. С. Работа актёра над собой / Собр. соч. в 8 т. Т. 3. М.: Искусство, 1935. 434 с.

УДК 372.881.111.1

ГРАММАТИКА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Г. Наумович

Университет Сингидунум

Белград, Сербия

Аннотация. В данной статье приведены некоторые практические наработки из опыта преподавания русского языка как неродного и иностранного в Сербии. Центральное место в изучении русского языка (родственного сербскому) занимает сопоставительно-контрастивный метод, играющий огромную роль в преодолении интерференции, которая является причиной типичных ошибок.

Ключевые слова: ложные друзья переводчика, русский язык, сербский язык, интерференция.

TEACHING OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE IN SERBIA

G. Naumovich
University Singidunum
Belgrad, Serbian

Abstract. Mistakes of Serbian non-philology students in Russian language: types and causes; why Russian language in Serbia increasingly loses its significance, and why pupils and students year after year show less and less interest in its study.

Key words: Russian and Serbian languages; comparative and contrastive methods (examples).

1. Состояние обучения и преподавания русского языка в Сербии.

Сегодня одной из важных задач в Сербии является задача сохранения пространства русской культуры. Но обратной стороной медали оказывается сокращение преподавания русского языка в школах, его вытесняют английский, немецкий, французский, итальянский, испанский, греческий. Сейчас в гимназиях вводят и китайский язык. В результате потерянного интереса к изучению русского языка мы, в Сербии, получили – излишек преподавателей, профессоров и переводчиков русского языка. Безусловно, знание английского и других западноевропейских языков – насущная потребность времени. Это и условие добиться успеха в профессиональной области. При этом, изучение русского языка, русской литературы и культуры даст молодёжи Сербии не только профессиональные знания, которые будут востребованы на рынке труда, но и позволит сохраниться славянскую цивилизационную общность. Не хочется думать, что в Сербии русский язык станет бедняком, что для наших детей пустым звуком окажутся имена Пушкина, Достоевского, Толстого, Ахматовой и всей блестящей плеяды русских писателей.

2. Из опыта преподавания русского языка как неродного и иностранного в Сербии.

В предлагаемом сообщении попытаюсь рассказать о некоторых практических наработках из опыта преподавания русского языка как неродного и иностранного в Сербии. В частности, хотелось бы поделиться своим опытом создания учебника русского языка для учеников и студентов Школ и Университетов туристическо-ресторанного бизнеса в Сербии.

Сербы очень любят русских, но языки родственны и похожи настолько, что сербы не считают русский язык иностранным. Общеизвестно, что языки одной языковой группы, называемые близкородственными (например, сербский и русский) усваиваются легче и быстрее, чем языки с меньшей степенью родства (русский и английский, например). Особенно быстро приходит понимание на слух или при чтении, так как многие слова, уже «понятны». Такая особенность близкородственных языков создаёт у носителей каждого из них ложную уверенность, иллюзию их быстрого и лёгкого усвоения и использования при общении.

Похожее слово нередко может оказаться, так называемым «ложным другом переводчика»: слова могут звучать очень похоже, а означать совершенно разные вещи. В сербском и русском языках, как языках близкородственных, таких «ложных друзей переводчика» весьма много. Так, например, реч сербски – это не «речь», а «слово». Слово в сербском языке – это «буква», а буква – это «бук». Жалосно искусство – это «печальный опыт». «Ложные друзья переводчика» в речи часто не замечаются, пусть даже смысл предложения и получился странным. Происходит так потому, что при восприятии речи мы всегда немного прогнозируем речь собеседника, достраивая за него фразу; более того, своей достроенной фразой мы безотчётно можем заменить фразу, которая была произнесена в действительности. Но даже если мы всё услышали правильно, это не значит, что мы заметим странность или нелогичность: ведь наш мозг настроен на то, чтобы находить смысл в любом высказывании.

3. Типы ложных друзей переводчика.

Центральное место в изучении русского языка (родственного сербскому) занимает сопоставительно-контрастивный метод, играющий огромную роль в преодолении интерференции,

которая является причиной типичных ошибок, где последствия могут быть гораздо серьёзнее, чем там, где речь идёт не о родственных языках. В распределении тем автор в первую очередь имел в виду программные цели, ориентирующиеся на учебный процесс в Университетах туристическо-ресторанного бизнеса в Сербии.

В учебнике с рабочей тетрадью (Наумович 2015) были включены все ситуации, связанные с работой будущих администраторов, официантов, поваров и кондитеров. Нет ничего, что можно исключить, чему нельзя придавать значения. Поэтому данный материал от студента требует осторожности в использовании «похожих слов», значение которых он должен обязательно проверить.

I В Комментариях особое внимание обращается на трудности, которые встречаются в процессе усвоения данной темы.

 Нпр. **Не смешивать** в русском языке значения «женщина» (человеческое существо женского пола) и «жена» (супруга). Фраза: «Это его женщина» – не говорит о том, что это его супруга (жена). Она может быть понята и двусмысленно. **Сравните:**

по-русски

Вас ждёт (какая-то) женщина.

Жена (супруга) ждала его у входа.

по-сербски

Чека вас (некаква) **жена**.

Жена (супруга) га је чекала код улаза.

После **Комментаря** в учебнике обязательно есть рубрика **Ошибочно**, которая является неотъемлемой частью комментариев, а заключительной рубрикой является колонка **Не смешивайте**, в которой представлены русские слова, близкие по корню или формальному сходству к сербским, но имеют разные значения.

Не смешивать: Ошибочно!

р.

фамилия

Как ваша (твоя) фамилия?

странный человек

На пороге дома стоял какой-то странный человек.

поздравить

Я поздравляю вас с успехом в учёбе.

бокал

Этот бокал шампанского выпьем за нашу Нину. С днём рождения!

секрет

У нас секрет.

с.

семья

Как твоя семья? (Живы, здоровы)?

иностранец

На пороге дома стоял какой-то иностранец, китаец.

приветствовать / здороваться

Я приветствую вас (пожимаю руку)

кувшин, графин

Этот графин шампанского выпьем за нашу Нину. С днём рождения!

секреция

У нас секреция.

II

Не смешивать:

р.

виноград

котлет(а)

печенье

варенье

банка

сохранить

частный (ресторан)

с.

плод винограда (р. виноградник)

кременадла (р. свиная отбивная)

печенье (р. жареное мясо)

варенье (р. пищеварение)

банка (р. банк)

сохранити (р. схоронить)

частан, поштен (р. честный)

ужин
рука левая и правая
ноша

ужина (р. полдник)
право; (р. прямой)
ноша (р. ночная посуда)

– Как дойти до гостиницы?

– Право, потом налево до магазина, а потом снова право. (р)

– Прямо, потом налево до магазина, а потом снова прямо. (с)

(Возникает вопрос, нашёл ли турист свою гостиницу)?

Внимание! Очень частые ошибки:

р.

вредно
вредный
коры́стный
Он вредный и корыстный человек.
скупой (человек)
жадный (человек)
бранить
затруднить
образ
берег
играть (на гитаре)
гроб
сто́ит (сколько стоит этот хлеб?)
устать

с.

вредно (р. трудолюбиво)
вредан (р. трудолюбивый)
користан (р. полезный)
Он трудолюбивый и полезный человек.
скуп (р. дорогой)
жедни (р. желающий пить)
бранити (р. защищать)
затруднети; (р. за берéменеть)
образ; (р. щекá, честь)
брег; (р. горá, холм)
играти (р. танцевать)
рака (р. могила)
стоји (р. сто́ит)
устати; (р. встать)

III Глаголы **стоять, лежать, висеть**, часто употребляются ошибочно.

В сербском языке чаще всего употребляется один глагол – стојати (р. **стоять**). Все предметы и вещи стоят.

На столе лежит книга и стоит лампа.

На полу лежит кавёр, а на стене висит портрет. (р)

На столе стоји књига и лампа.

На поду стоји тепих, а на зиду стоји портрет. (с)

IV О букве Ё

Серьёзные затруднения в обучении РКИ в Сербии возникли и из-за отсутствия буквы «ё». В одних и тех же словах иногда пишется буква «ё», а иногда буква «е». Как студентам-нефилологам это объяснить и облегчить обучение русскому языку в неязыковой среде в Сербии?

Нам, живущим и обучающимся в стране, где русский язык является иностранным и неродным, трудно понять предложение Минпросвещения РФ использовать букву «ё» по желанию пишущего: «... допускается использование вместо неё буквы е. Буква ё обычно используется в следующих случаях: в специальных текстах: букварях, школьных учебниках русского языка, учебниках орфоэпии и тому подобных, а также в словарях для указания места ударения и правильного произношения; в случаях, когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова, например: узнаём в отличие от узнаем, всё в отличие от все; совершённый (причастие) в отличие от совершенный (прилагательное) и так далее». Кроме того, она применяется для указания на верное произношение редких слов или географических названий и фамилий.

Однако во всех указанных случаях использование буквы ё не обязательно. Использование букв е и ё необходимо признать эквивалентным, пишет Минпросвещение РФ. Нельзя не заметить! 238 лет назад в русскую азбуку введена буква Ё. Русский алфавит состоит из тридцати трёх букв. Одна из них совершенно незаслуженно всё более и более выходит из употребления. Ёё история началась 29 ноября 1783 года, когда обсуждался проект полного толкового Славяно-русского словаря, знаменитого впоследствии «Словаря Академии Российской». Княгиня Екатерина Романовна Дашкова предложила заменить обозначение звука «ю» одной новой буквой – «ё», и вскоре предложение было утверждено общим собранием академии. Первое печатное издание, в котором встречается буква «ё», – книга Ивана Дмитриева «Мои безделки» (1795 год).

Известной буква «ё» стала благодаря Карамзину. В 1797 году Николай Михайлович решил заменить при подготовке в печать одного из своих стихотворений две буквы в слове «слёзы» на одну – «ё». Так с лёгкой руки Карамзина буква «ё» вошла в состав русского алфавита. В связи с тем, что Карамзин был первым, кто использовал букву «ё» в печатном издании, вышедшем довольно большим тиражом, именно его некоторые справочные издания, в частности, Большая Советская Энциклопедия, ошибочно указывают как автора буквы «ё». В советской России обязательное употребление буквы «ё» в школьной практике было введено в 1942 году приказом народного комиссара просвещения РСФСР. Между прочим, этого приказа никто никогда не отменял. Необязательность употребления «ё» ведёт к ошибочным прочтениям и невозможности восстановить смысл слова без подробного контекста. Например, заём-заем; совершённый-совершенный; слёз-слез; нёбо-небо; мёл-мел; осёл-осел; вёсел-весел. А ещё можно привести пример из «Петра Первого» Алексея Толстого: «При этаком-то государе передохнем!». Имелось в виду – «передохнём». Чувствуется разница? Или же «Все поем»? – Все поём? Всё поем? Всё поём? (Календарь.ру).

Примеры.

Ед. число: озеро, -а. **Мн. число:** озёра, озёр... или озера, озер... (Студенты определяются за другой вариант, особенно из-за влияния сербского языка).

Вопрос моих студентов. А почему эту букву не выбросят из русского алфавита?

Заканчиваю одной шуткой:

Молодой человек едет в поезде, читает книгу и каждую минуту говорит:

– Не может быть! Круто! Правда, что ли? Никогда бы не подумал!

– Извините, что вы читаете? – спрашивает сосед.

– Орфографический словарь.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 349.
2. Наумовић Г. Руски језик: стручни текстови за Факултет туризма и угоститељства. Београд: Академија, 2017. 183 с.
3. Наумовић Г. Руски језик: стручни текстови за III и IV разред угоститељско-туристичку школе. Београд: Государственный печатный завод, 2015.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.

**ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СРЕДСТВАМ ВЫРАЖЕНИЯ
ВИДОВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Е. Ю. Николенко

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

***Аннотация.** Категория глагольного вида считается одной из самых трудных для изучения и усвоения учащимися-китайцами. Решению актуальной методической задачи может способствовать сопоставление двух языков и создание на этой основе таблиц-«переходников» (или, в сложных случаях, алгоритмов) от русских видовременных значений к китайским и наоборот и соответствующей системы упражнений.*

***Ключевые слова:** категория глагольного вида, грамматическая (морфологическая) интерференция, несовершенный вид (НСВ), совершенный вид (СВ).*

**PROBLEMS OF TEACHING THE CHINESE STUDENTS THE MEANS
OF EXPRESSING THE ASPECTS-TEMPORAL MEANINGS
IN THE RUSSIAN LANGUAGE (METHODOLOGICAL ASPECT)**

E. Y. Nikolenko

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

***Abstract.** The category of the verb aspect is considered one of the most difficult for Chinese students to study and assimilate. A comparison of two languages and the creation of "adapter" tables (or, in complex cases, algorithms) on this basis can contribute to the solution of an actual methodological problem from Russian aspect-temporal meanings to Chinese and vice versa and the corresponding system of exercises.*

***Keywords:** verb aspect category, grammatical (morphological) interference, imperfect form (IF), perfect form (PF).*

Категория глагольного вида считается одной из самых трудных для изучения и усвоения учащимися-китайцами. Для создания эффективной методики преподавания русского языка в китайскоязычной аудитории необходимо проводить сопоставительный анализ русского и китайского языков с целью выявления сходств и различий, возможностей положительного переноса, предупреждения отрицательной интерференции и создания эффективной системы упражнений для предотвращения возможных ошибок. В данной статье нас будет интересовать преподавание видовременных значений русского глагола в прошедшем времени и усвоение их китайскими учащимися элементарного уровня обучения по системе ТРКИ.

В настоящей работе, вслед за А. В. Бондарко, мы понимаем аспектуальность как «функционально-семантическую категорию, содержанием которой является характер протекания действия, а выражением – морфологические, словообразовательные и лексические средства при участии некоторых синтаксических элементов предложения» (Бондарко 1967: 50). Эти средства принадлежат разным уровням языка и объединены по принципу сходства содержания.

В индоевропейских языках, в частности в русском, категории темпоральности и аспектуальности находят формальное выражение в видовременных формах глагола. В китайском языке отсутствует категория времени. Однако, очевидно, что китайский язык, несмотря на это, позволяет описы-

вать и прошлое, и настоящее, и будущее. К средствам выражения глагольного времени в китайском языке относятся лексические средства, служебные слова и модальные частицы (Чжао 2003: 102).

Некоторые китайские и российские учёные (Ван Ли, Гао Минкай, А. А. Драгунов, В. И. Горелов и др.) считают, что в китайском языке существует категория вида; в предложении она передаётся за счёт ряда служебных элементов как форм выражения аспектуальности или грамматических показателей аспекта. Глагол, по их мнению, обозначает действие или состояние предмета, а также выражает способ действия.

Вслед за В. И. Гореловым будем считать, что формы с суффиксами 了 *le* и 过 *guò* имеют видовременное значение, причём видовое значение является для них основным (Горелов 1989: 56).

Так, например, прошедшее время в китайском языке может быть выражено лексически или при помощи частиц. В китайском языке выделяют четыре аспектуальные частицы:

1. *le* (собственно совершенный вид), выражает завершённое действие;
2. *guo* (экспериментальный), выражает наличие у субъекта опыта совершения действия; действие, совершающееся в момент речи.
3. *zhe* (дуративный), выражающий продолжительное или фоновое действие;
4. *zai* (прогрессивный), выражающий действие, совершающееся в момент речи (Li and Thompson, 1981; McDonald, 1998; Halliday and McDonald, 2004; Li, 2003).

Нас будет интересовать второй тип видового употребления (по А. А. Караванову). Это значения, которые связаны с особенностями протекания действия: однократность, повторяемость, процессуальность, одновременность, последовательность (Караванов 2005: 4).

Решению актуальной методической задачи обучения китайских учащихся средствам выражения видовременных значений в русском языке может способствовать не только сопоставление двух языков, но и создание на этой основе таблиц-«переходников» (или, в сложных случаях, алгоритмов) от русских видовременных значений к китайским и наоборот и соответствующей системы упражнений.

Сопоставление языков, включающее в себя предварительную работу исследователей, выявление типичных трудностей, построение системы упражнений, разработку приёмов объяснения материала являются примером скрытого сопоставления, которое в дальнейшем может способствовать описанию проблем, которые могут возникнуть у учащихся.

Особенно трудные для учащихся явления, с нашей точки зрения, требуют их сознательного участия в сопоставлении. Подобное открытое сопоставление наиболее важную роль играет при обучении грамматике. Важность открытого сопоставления также зависит от этапа работы с материалом – оно важно исключительно на этапе концептуализации материала (при знакомстве с новым языковым явлением). Открытое сопоставление необходимо использовать уже на начальном этапе обучения, потому что на более продвинутых уровнях владения языком учащиеся меньше нуждаются в такого рода работе (Щепилова 2005: 139–141).

Нас прежде всего интересует грамматическая (а именно, морфологическая) интерференция, возникающая у китайских учащихся при изучении русского языка. Так, при обучении русскому языку китайских учащихся имеют место «отклонения от нормы, связанные с нарушением категориальных признаков частей речи, возникающие под влиянием соответствующих категорий интерферирующего языка. Возникающие при этом ошибки подразделяются на формальные и функциональные (связанные с неадекватным употреблением грамматических форм)». Важно отметить, что влияние родного языка проявляется, как правило, на этапе программирования высказывания. Для исправления ошибок в формировании высказывания требуется анализ ошибки и сознательный контроль (Там же: 161).

Анализ ошибки под контролем преподавателя позволяет учащемуся обратить внимание на отрицательную интерференцию, определить пути её ликвидации, а также развивает навык самоконтроля. Е. В. Беляева отмечает, что русский и китайский языки как языковые системы представляют различный набор смыслов, который «в русском языке закодирован в грамматических категориях, а в китайском выражается лексически». Различия в способах выражения сходного содержания могут стать причиной ошибок (Беляева 2004: 13).

Изучив теоретическую литературу, посвящённую сопоставлению русского и китайского языков, можем спрогнозировать трудности и ошибки, с которыми носители китайского языка сталкиваются при изучении русского, а также определить возможности их устранения.

Объективной трудностью при изучении видов русского глагола является большое количество смыслов, выражаемых видом глагола, а также разнообразие формальных показателей вида. Кроме объективных проблем, возникающих в процессе обучения, китайские учащиеся сталкиваются с субъективными трудностями. Рассмотрим их более подробно.

Общефактическое значение НСВ в русском языке соответствует немаркированному употреблению глагола в китайском:

Вчера я стирал вещи, смотрел фильмы...

我昨天洗衣服，看电视。。。

Wǒ zuótiān xǐ yīfú, kàn diànshì...

В данных предложениях глаголы 洗 xǐ и 看 kàn употреблены без частиц 了 le и 过 guò, а также без каких-либо результативных суффиксов.

Противопоставление имеющего место действия-процесса и его завершённости, т.е. действия-результата, которое в русском языке выражается глаголами НСВ и СВ, может быть выражено и в китайском языке, и это создаёт основание для положительного переноса или открытого сопоставления семантических значений в первом и во втором случаях:

Я читал книгу, но не прочитал.

这本书我读了，但没读完。

Zhè běn shū wǒ dúle, dàn méi dú wán.

В примере на китайском языке глагол 读 dú в первом случае употреблён с частицей 了 le, имеющей значение прошедшего времени, а во втором случае с результативным суффиксом 完 wán, выражающим завершённое действие.

Важно заметить, что китайские глаголы имеют разную сочетаемость с результативными суффиксами. Помимо этого, не все глаголы относятся к подклассу результативных и могут выражать завершённость с частицей 了 le со значением изменения ситуации. При этом частица может находиться в конце предложения, указывая на наступление описанной в нём ситуации:

Я забыл это слово – 我忘了这个词 Wǒ wàngle zhège cí

Я взял ключи – 我拿了钥匙 Wǒ nále yàoshi

Я захотел есть – 我想吃饭了 Wǒ xiǎng chīfànle

Я узнал, как его зовут – 我知道了他叫什么 Wǒ zhīdào le tā jiào shénme

Я отдохнул – 我休息了 Wǒ xiūxi le

Я спросил его – 我问他 Wǒ wèn le tā

Для дифференциации общефактического и результативного глагольных значений в составе предложения можно обратить внимание учащихся на отсутствие показателей результативности в их родном языке, а также на лексическое окружение глаголов с общефактическим значением. Всё это позволит преподавателю обосновать положительный перенос значения вида в китайском языке на русский.

Серия завершённых действий в китайском языке также будет маркирована результативной частицей 了 le:

Утром я позавтракал, сделал домашнее задание, постирал вещи.

我早上吃了早饭，看了电影，洗了衣服

Wǒ zǎoshang chīle zǎofàn, kànle diànyǐng, xǐle yīfú

При рассмотрении специфики построения вопроса в русском и китайском языках стоит обратить внимание на следующие трудности, с которыми могут столкнуться китайские учащиеся, а также на возможности положительного переноса. Вопрос о «наличии действия» (имело или не имело место определенное действие) в русском языке выражается НСВ: *Ты читал?* В китайском языке в данной позиции также будет употреблён глагол без результативного суффикса: 你读了吗? Nǐ dúle ma?

Кроме того, стоит обратить внимание на значение опыта совершения действия, выражаемого в русском языке формами НСВ и имеющего формальный показатель 过 guò в китайском. При выражении вопроса о завершённости действия в русском языке используется форма СВ *Ты прочитал?*, а в китайском – глагол с результативным суффиксом 你读完了吗 Nǐ dú wánle ma?

При изучении вопросительных и отрицательных предложений важно обратить внимание китайских учащихся на перфектное значение русского СВ. В китайском языке возможно только полное отрицание действия. Так, предложение 我没读 Wǒ méi dú (*Я не читал*) выражает действие, которое даже не было начато. В русском языке это значение передаётся с помощью форм НСВ. Однако в этой позиции в русском языке возможно и употребление СВ – «*Я не прочитал*», подчёркивающее отсутствие результата, актуального в момент речи.

Значения повторяемости и процессуальности, которые в русском языке традиционно выражаются формами НСВ, часто зависят от контекста. Именно поэтому во время обучения целесообразно обратить внимание учащихся на сходный контекст и сформулировать правило употребления форм НСВ при выражении этих значений.

В ходе работы стоит также обратить внимание на способы выражения процессуальности в китайском языке:

1. 我在北京住了三年 Wǒ zài běijīng zhùle sān nián
2. 我在北京住了三年了
Wǒ zài běijīng zhùle sān niánle

Средствами русского языка смысл первого предложения может быть передан следующим образом: *Я три года жил в Пекине*. Так на уроках русского языка учащиеся получают представление о том, что средства обоих языков позволяют выразить длительное действие в прошлом. При этом стоит обратить внимание учащихся на то, что в русском языке возможно употребление глагола длительно-ограничительного или пердуративного способа действия – *прожил* (Шелякин 2007: 143).

Смысл второго примера на русском языке может быть передан с помощью глагола в форме настоящего времени: *Я уже три года живу в Пекине*. Таким образом, в процессе обучения русскому языку китайских студентов следует проводить открытое сопоставление конструкций и напоминать учащимся, что длительное действие в прошлом, сопровождаемое в предложении обстоятельством времени (*три года*), требует употребления НСВ.

Говоря о способах действия, стоит также отметить, что русские глаголы недлительно-ограничительного или делимитативного способа действия (Шелякин 2007: 150) с приставкой *по-* имеют аналог в китайском языке. Так, существуют конструкция глагол-глагол. Например, 看一看 Kàn yī kàn – посмотреть (взглянуть). Тот же смысл может быть выражен редупликацией глагола – 给我看看 Gěi wǒ kàn kàn (*Дай мне посмотреть*).

Приведённые результаты сопоставительного анализа средств выражения аспектуальности в русском и китайском языках могут быть применены в преподавании РКИ. Учёт субъективных трудностей, открытое сопоставление и положительный перенос помогут оптимизировать учебный процесс. В заключение приведем сопоставительные таблицы, которые позволят оптимизировать процесс обучения китайских студентов в российских вузах.

Таблица 1

**Сопоставительная таблица средств выражения аспектуальных значений
в прошедшем времени средствами русского и китайского языков**

Русский язык (НСВ)	Китайский язык
Общефактическое значение <i>Вчера я читал книгу</i>	Немаркированное употребление глагола (частица 了 имеет темпоральное значение) 昨天我看了书 Zuótiān wǒ kànle shū

Опыт совершения действия <i>Я уже смотрел этот фильм</i>	Глагол с частицей 过 guò 我已经看过这部电影 Wǒ yǐjīng kànguò zhè bù diànyǐng
Повторяемость действия (НСВ + лексические средства ¹) <i>Раньше я каждый день сам готовил ужин</i>	Лексические средства: 以前我每天都自己做晚饭 Yǐqián wǒ měitiān dū zìjǐ zuò wǎnfàn
Длительное действие, процесс (НСВ + лексические средства ²) <i>Я очень долго жил в Китае</i>	Лексические средства + частица 了 我在中国住了很长时间了 Wǒ zài zhōngguó zhùle hěn cháng shíjiānle
Русский язык (СВ)	Китайский язык
В сочетании с НСВ выражает действие без результата: <i>Я читал эту книгу, но не прочитал</i>	Завершённость выражена результативным суффиксом ³ 这本书我读了, 但没读完
Законченное действие <i>Я приготовил обед</i> <i>Я узнал его имя</i>	Результативные глаголы употребляются с результативным суффиксом, нерезультативные – с результативной частицей 了 我做好了午饭 Wǒ zuò hǎole wǔfàn 我知道了他的名字 wǒ zhīdào le tā de míngzì
Последовательность завершённых действий <i>Утром я позавтракал, сделал домашнее задание, постирал вещи</i>	Лексические средства + частица 了 我早上吃了早饭, 看了电影, 洗了衣服 Wǒ zǎoshang chī le zǎofàn, kàn le diànyǐng, xǐ le yīfú

Примечания к таблице 1.

Для выражения вопроса в китайском языке достаточно, сохраняя все прочие средства выражения аспектуальности, употребить в конце предложения вопросительную частицу 吗 ma.

При обучении китайских учащихся употреблению видов глагола при отрицании, важно обратить их внимание на перфектное значение русского СВ. При ответе на вопрос «Ты прочитал книгу?» китайский студент может построить предложение по аналогии с родным языком, отрицая само наличие действие «Я не читал». Однако в русском языке отрицательный ответ выражает отсутствие результата, актуального в момент речи – «Я не прочитал».

Таблица 2

Сочетаемость китайских глаголов с результативными суффиксами

Русский язык: НСВ, СВ	Китайский язык: 完 Wán, 好 Hǎo
Делать/сделать	做 Zuò, 做+好, 做+完
Готовить/приготовить	В значении «готовить еду»: 做饭 Zuò fàn, 做好饭, 做完饭 В значении «делать готовым» 准备 Zhǔnbèi, 准备+好

¹ Каждый день, часто, редко, обычно, иногда, всегда – 每天, 经常, 很少, 一般, 有时, 总是.

² Два часа, долго и т.п. – 两个小时, 很长时间.

³ Глаголы в китайском языке употребляются с разными, иногда несколькими результативными суффиксами, см. «Таблицу соответствия».

Есть/съесть	吃饭 Chīfàn, 吃 + 完
Пить/выпить	喝 Hē, 喝 + 完
Мыть/вымыть	洗 Xǐ, 洗 + 好, 洗 + 完
Хотеть/захотеть	想 Xiǎng
Видеть/увидеть	看得见 Kàn dé jiàn, 看 + 到
Знать/узнать	知道 Zhīdào
Писать/написать	写 Xiě, 写好, 写完
Учить/выучить	学 Xué, 学好
Помнить/запомнить	记得 Jìde, 记住 jì zhù
Смотреть/посмотреть	看 Kàn, 看 + 完, 看一下
Читать/прочитать	读 Dú, 读 + 完
Говорить/сказать	说 Shuō, 说 + 完, 告诉
Брать/взять	拿 Ná
Покупать/купить	买 Mǎi, 买 + 好

Лексический материал таблицы 2 соответствует материалу учебника «А 1. Золотое кольцо. Русский язык для начинающих» (Лёвина, Николенко 2019: 72). В таблице представлены результативные суффиксы, не несущие дополнительного лексического значения и выполняющие, таким образом, исключительно грамматическую функцию. В случае возможной сочетаемости глагола с более, чем одним результативным суффиксом, существует небольшое семантическое различие. Так, 完 Wán выражает только завершение действия, а 好 Hǎo дополнительно выражает положительную оценку результата (吴颖 2011 《轻轻松松学语法》, 北京语言大学出版社).

Таким образом, использование таблиц-переходников (в сложных случаях – алгоритмов) может значительно повысить эффективность обучения китайских студентов таким сложным для них особенностям русского языка, как выражение аспектуальных и темпоральных значений глаголов. Это опирается, с одной стороны, на аналитический характер предоставления учебной информации, что, в отличие от обычной перечислительной подачи, дает возможность осознанно ее воспринимать, и, во-вторых, в значительной мере на развитую у китайских учащихся способность запоминать значительные объемы зрительной информации (работа с иероглифами).

Литература

1. Беляева Е. В. Когнитивные механизмы возникновения речевых ошибок при усвоении русского языка в иноязычной аудитории: На материале ошибок китайских студентов. Автореф. дисс. ... канд. педагог. наук. М., 2004. 188 с.
2. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967. 190 с.
3. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка: Учеб. пособ. для студ. пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». М.: Просвещение, 1989. 318 с.
4. Караванов А. А. Виды русского глагола: значение и употребление. М.: Русский язык. Курсы, 2005. 177 с.
5. Лёвина Г. М., Николенко Е. Ю. А 1. Золотое кольцо. Русский язык для начинающих (俄语初学者): Учеб. / Г. М. Лёвина, Е. Ю. Николенко. Саратов: Ай Пи Ар Медиа, 2019. 164 с.
6. Чжао Юньпин. Сопоставительная грамматика русского и китайского языков. М.: Издательская группа «Прогресс», 2003. 460 с.
7. Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 272 с.

8. Щепилова А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному. М.: Центр ВЛАДОС, 2005. 245 с.

9. 吴颖 2011 《轻轻松松学语法》，北京语言大学出版社.

УДК 372.881.111.1

ТРУДНОСТИ В УСВОЕНИИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ И КОНСТРУКЦИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ – ИНОСТРАНЦАМИ

В. В. Решетникова

*Российский университет транспорта
Москва, Россия*

Аннотация. Статья посвящена аналитическим формам и конструкциям русского языка. Проанализированы основные проявления аналитизма в грамматической системе современного русского языка. Предложен оптимальный подход к преодолению основных трудностей усвоения аналитических форм и конструкций иностранными студентами.

Ключевые слова: аналитическая форма, конструкция, грамматическая структура.

ANALYTICAL FORMS AND CONSTRUCTIONS AS DIFFICULTIES IN MASTERING THE RUSSIAN GRAMMAR BY FOREIGN STUDENTS

V. V. Reshetnikova

*Russian University of Transport
Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to analytical forms and constructions of the Russian language. The main manifestations of analyticism in the grammatical system of the modern Russian language are analyzed. An optimal approach to overcoming the main difficulties in the assimilation of analytical forms and structures by foreign students is proposed.

Key words: analytical form, construction, grammatical structure.

Постановка проблемы. Изучение любого языка содержит несколько аспектов, одним из которых является грамматика. Освоение грамматики и правильное оформление высказывания, а также распознавание грамматических форм в устной речи и письма осуществляется благодаря сформированности грамматических навыков.

Усвоение грамматики русского языка вызывает много трудностей в инофонон. В частности, определенные затруднения связаны с изучением аналитических форм и конструкций русского языка иностранными студентами.

Актуальность работы объясняется усилением аналитических тенденций в современном русском языке; связанными с этим процессом грамматическими трудностями в изучении языка иностранными студентами; осознанием важности правильного формирования грамматического механизма речи.

Цель статьи – проанализировать основные проявления аналитизма в грамматической системе современного русского языка; выявить основные трудности усвоения аналитических форм и конструкций иностранными учащимися; предложить наиболее оптимальный подход к их преодолению.

Обзор последних исследований. Усиление аналитических тенденций в русском языке – одна из актуальных в современном языкознании тем исследований. В 1950-е годы ученые изредка говорили о начале этой тенденции в русском языке, в 1980–2000-е годы появилась большое количество публикаций по этой проблематике. Тенденцию к аналитизму в развитии индоевропейских языков отмечали И. Бодуэн де Куртене, Н. Крушевский, А. Мейе, В. Виноградов и другие ученые. В 60-е годы XX века на большом фактическом материале была подтверждена гипотеза об усилении в русском морфологии признаков, характерных для языков аналитического состава на мнение большинства специалистов, увеличение в русском языке тех или других черт, свойственных аналитическим языкам, не следует воспринимать как угрозу синтетическому составу, а аналитические инновации все-таки происходят на грамматической периферии, хотя и привлекают бдительную внимание своей новизной. Склоняемые существительные, прилагательные, числительные, система изменения глагола составляют своего рода «сопротивление синтетизму» в морфологическом составе русского языка (Русский язык и советское общество... 1968). Вместе с тем в морфологии современного русского языка существуют большие «поля» аналитизма. Это, прежде всего, наречия, модальные слова, служебные слова, возгласы, звукоподражание. Тенденция к аналитизму активно распространяется и на те части речи, которые выражают свое грамматическое значение преимущественно флективно показателями грамматической формы слова, т.е. синтетически. Можно сказать, что сравнительно недавно, в XVIII веке в русском языке стали появляться несклоняемые существительные; в XX веке было установлен класс несклоняемых прилагательных (Там же).

Изложение основного материала. Типологическая классификация языков построена на учете особенностей их грамматического строения. Русский язык типологически относится к языкам флективно-аналитического типа (или, иначе, синтетически-аналитического состава). В аналитических языках грамматические значения передаются за пределами слов, т.е. словами, порядком слов. Трудно назвать язык, который был бы чисто флективным (синтетическим) или чисто аналитическим. Обычно в языке представлены смешанные черты аналитизма и синтетизма. Синтетические свойства отличают русский язык и вообще славянские языки от других индоевропейских языков. В русском языке синтетические элементы являются ведущими, однако и аналитизм занимает в ней важное место и, что особенно существенно, имеет тенденцию к распространению.

Аналитизм – это свойство, прежде всего, грамматической системы языка; выражение грамматического значения в грамматической форме, состоящей более чем из одной словоформы. «Аналитизм – это выражение грамматического значения слова вне его пределов» (Панов 1968: 134). В этом случае лексическое и грамматическое значение приобретают раздельное выражение. Лексическое значение выражается самостоятельным словом, а грамматическое преимущественно служебным, вспомогательными языковыми средствами: вспомогательными глагольными формами, предлогами, частицами, союзами. Большую роль в построении предложения в аналитическом языке играет также порядок слов, что верно регулируется особыми правилами.

Как известно, языки в своем развитии двигаются по шкале аналитизма – синтетизма. Все древние индоевропейские языки, например, греческий, латинский, санскрит, имели мощный синтетический характер. Синтетическим был и праславянский язык.

Отметим, что в современном русском языке увеличивается количество аналитических частей. Наиболее регулярными формами проявления аналитических тенденций в русском языке является аналитизм в отрасли грамматического и лексико-грамматического значений. Замечено, что использование в русском языке аналитических конструкций становится все более активным, что связано, очевидно, не столько с несовершенством грамматической системы, с недостаточностью словообразования и стремлением языковой системы заполнить образованные лакуны, сколько с общеязыковой тенденцией к самой большой мотивированности обозначения, стремлением к точности и выразительности. Об усилении и росте аналитизма в грамматической системе русского языка писал В. В. Виноградов: «Распространение аналитических форм в русском языке связано с усложнением

системы формообразования, с изменением системы грамматических границ слова и его объёма, с ростом фразеологических единств и сращений» (Виноградов 1977: 37).

Как отмечает в своей фундаментальной работе, посвященной анализу глагольных деривационных сочетаний, А. Никитевич, «впечатляет лексическое разнообразие собственно глагольных компонентов» (Никитевич 2004: 40). Можно привести многочисленные примеры: дать / предоставить аванс (*авансировать*), положить / поставить пломбу в зуб (*запломбировать*), терпеть / испытывать муку (*мучиться*) и т.д. По мнению А. Никитевича, аналитическая конструкция может быть формой соответствующего самостоятельного слова, входя в систему его словоизменения (или формообразование) – в парадигму слова (Никитевич 2004: 3).

Особую роль в системе русского глагола играют также явления деривационного аналитизма, расчлененное выражение словообразовательных значений, когда вспомогательное слово выполняет роль словообразовательного аффикса, ср. рус. позеленеть – сделаться зеленым.

Грамматические значения глагола в русском языке выражаются в основном флективно, хотя сохранились и некоторые аналитические формы. Так, формы повелительного наклонения могут образовываться синтетически и аналитически: формы совместного действия могут образовываться следующим способом – давай / давайте + инфинитив (например, *давай неть, давайте спать*); формы 3-го лица единственного и множественного числа образуются сочетанием частиц пусть, пускай, да с формами 3-го лица глаголов в единственном или множественном числе действительного залога (например, *пускай веселятся, пусть придёт, да здравствует солнце*).

Значение сослагательного наклонения выражается только аналитически: к глагольной форме прошедшего времени присоединяется частица бы или б (при этом частица *бы* только в сочетании с глагольной формой прошлого времени является показателем сослагательного наклонения). Формы будущего времени образуются синтетически и аналитически: синтетические – формы будущего простого, по значению они являются формами будущего времени, а по образованию – формами настоящего времени глаголов совершенного вида (например, *напишу, сделает, придет*); аналитические – формы будущего сложного, свойственные глаголам несовершенного вида, образуются с помощью вспомогательного глагола быть в личной форме будущего простого и инфинитивной формы основного глагола (например, *буду ждать, буду смотреть*) (Князев 2014: 55).

Развитие грамматической системы русского языка привело к сокращению аналитических форм глагола. В то же время современный русский язык богат аналитическими глагольными конструкциями. Возможность их создания обусловлена существованием в языке многозначных глаголов. Это так называемые «полусамостоятельные» слова – *стать, делаться, становиться, казаться, остаться, называться* и т.п. и вспомогательные глаголы – *быть, являться*. Аналитические конструкции с подобными глаголами являются сочетанием глагола и формы, обозначающей целостный признак – действие или состояние субъекта, при этом грамматическое значение выражается всеми компонентами конструкции (*Ты стал совсем взрослым. Твои вопросы становятся навязчивыми. Он считается крупным специалистом в этой области. Она была среднего роста. Это осталось самым ярким воспоминанием моего детства. Он казался молодым*).

К многозначным глаголам относятся фазовые глаголы – *начинать, начать, закончить, продолжать* (в конструкциях, которые они образуют, значение предикативного признака, выраженное инфинитивом основного глагола, объединяется со значением его начала, конца или продолжения). А также модальные глаголы – *хотеть, мочь, желать* и др. В конструкциях, которые они образуют, значение предикативного признака, выраженное инфинитивом основного глагола, сочетается со значением умысла, волеизъявления, решения, желания, повинности, возможности. В подобных конструкциях основное грамматическое значение выражает изменяющийся компонент (многозначный глагол).

В последнее время в текстах научного, а также публицистического и официально-делового стилей получили широкое распространение глагольноименные конструкции: *дать отчёт, обратить внимание, осуществить анализ, провести работу* и т.д. Они также являются аналитическими, по-

сколькx только неразрывно друг от друга выражают грамматические и лексические значения, характеризуются идиоматичностью.

Среди проявлений аналитизма можно выделить различные процессы современного языка:

- пополнение класса несклоняемых существительных (*большое / большие джакузи, разноцветное / разноцветное парео, полезное / полезные авокадо*) и прилагательных (*беж, бордо, макси*);
- образование и функционирование аббревиатур (*МИД выразил недоумение* – аналитизм проявляется в согласовании глагола не со словом министерство, а с формой мужского рода, действует принцип формального согласования),
- аналитическое выражение грамматических категорий в словах общего рода (*Пришла твоя любимая Женя. Пришел твой любимый Женя. Он такой неряха. Она такая неряха*);
- слов для обозначения людей по профессии (*Секретарь была очень занята. Врач пришла вовремя*).

Все эти явления демонстрируют тенденции аналитизма, которые могут свидетельствовать об активизации этого процесса и распространение его на разные группы слов. Сущность аналитизма раскрывается в ряде других соотносительных с ним понятий, например, в экспансии именительного падежа и несклоняемости.

Поскольку перечисленные нами понятия лежат в одной плоскости, то выявить взаимообусловленность между ними довольно сложно.

К синтаксическому аналитизму относятся следующие конструкции:

- расчлененные (*Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался шить ему костюм*. М. Булгаков. Мастер и Маргарита);
- сегментированные (*Дети! Это я за них своей совестью поступил*. Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей);
- парцелированные
(*Но горы близко.
И снег на них. Мы время проведем
У печки. В Имеретии. Зимой.*
Как в Переделкине, как под Москвою. В. Инбер) (<https://russkiiyazyk.ru/leksika/partsellatsiia.html>).

Как правило, это конструкции экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка.

Особенно распространены эти явления в языке газеты или художественной литературы, в частности последних десятилетий.

Преподаватели, прежде всего, должны обратить внимание на выработку у студентов умение найти структурную схему предложения, способную реализовать речевой замысел высказывания, отобрать нужный материал для наполнения этой схемы, образовать формы слов и соединить их по правилам русского языка.

В морфологии с явлением аналитизма связывают разные изменения, как правило, в области именных частей речи. Н. Валгина отмечает, что «аналитизм проявляется:

- 1) в сокращении числа падежей;
- 2) в росте класса несклоняемых имен (существительных, прилагательных, числительных);
- 3) в росте класса существительных общего рода, точнее, в применении форм мужского рода для обозначения женского пола;
- 4) в изменении способа обозначения собирательности в именах существительных (собирательное значение у форм, обозначающих единичность)» (Валгина 2001: 286).

Как видим, проблема аналитизма связана с различными грамматическими категориями именных частей речи, каждая из которых требует отдельного тщательного исследования.

Учить грамматике иностранного языка – значит формировать у студентов грамматические навыки речи. Формирование устойчивых грамматических навыков предполагает два основных этапа: этап презентации новой грамматической конструкции и этап автоматизации. Введение грамматического явления, в частности аналитических форм и конструкций, – исключительно важный этап, от

которого зависит успех формирования навыков, который способствует устранению типовых ошибок в речи студентов. На этом этапе можно предположить следующую последовательность действий:

1. Создание преподавателем ситуации или постановка обобщенной коммуникативной задачи, для решения которой нужна данная грамматическая конструкция.
2. Демонстрация преподавателем ряда ситуативно оговоренных высказываний с определенной структурой.
3. Составление студентами высказываний с определенной структурой в предложенных ситуациях.
4. Объяснение с помощью структурно-тематической таблицы функции и формы грамматического явления, которая изучается, а также ознакомление с интонацией предложения и его структурой.
5. Запись преподавателем на доске правила-инструкции, формулы предложения с новой грамматической конструкцией, двух-трех образцов с подчеркиванием нужных элементов.
6. Речевые действия студентов, которые первоначально выполняются за преподавателем, а затем самостоятельно с разнообразными опорами.

Конечно, не каждая структура нуждается во время ее введения выполнение всех этих действий. Какие выполнять, а какие нет – решает преподаватель, исходя из специфики грамматического явления и уровня подготовленности студентов.

Начинать же работу над формированием каждого нового грамматического навыка нужно не по правилу, а по восприятию студентами на слух речевых образцов, которыми иллюстрируется использование нужной аналитической формы или конструкции. С этим положением соглашается большинство современных методистов.

По нашему мнению, чтобы предотвратить появление ошибок в употреблении аналитических форм и конструкций, следует познакомить студентов с «проблемным» явлением задолго до детального его изучения.

Важен также подбор учебного материала. Например, чтобы преодолеть ошибки в употреблении аналитических форм глаголов будущего времени несовершенного вида, можно подготовить тексты с преобладанием именно этих форм, а затем предложить студентам составлять свои тексты с этими формами.

Будут полезны упражнения, связанные с трансформацией синтетических форм в аналитические и наоборот. Важно выполнять эти упражнения постоянно.

Приведем другой пример: студенты неправильно образуют форму сослагательного наклонения. И хотя этой формой они пользуются относительно редко, иногда возникает потребность в ее использовании. Эту ошибку можно предупредить так: например, при изучении тем «В магазине», «В кафе», «За столом» конструкцией «Я хотел бы / Я хотела бы...» и т.д.

В устной русской речи студентов случаются ошибки, связанные с употреблением аналитических форм сравнения прилагательных: «Река Янцзы – самая длинная из рек в Китае». Ошибки возникают в результате смешения простой и составной формы – «самый умнейший студент», «наиболее высочайшее здание» и т.д. Чтобы предотвратить появление подобных ошибок, следует предложить студентам выполнить систему упражнений на закрепление знаний степеней сравнения прилагательных. Это тренировка поможет сформировать необходимый навык, достичь уровня автоматизма

Выводы. Аналитические процессы, происходящие в современном русском языке, можно рассматривать как результат внутренних законов развития русской флективно-синтетической системы и как результат влияния аналитических языков в пределах общемировой глобализации. Активный рост объема аналитических конструкций в русском языке в последние десятилетия связывают, в первую очередь, с внешним влиянием, которое, по мнению некоторых специалистов, вызывает «сдвиг» в российской флективно-синтетической платформе.

Основными средствами преодоления трудностей, связанных с усвоением аналитических форм и конструкций русского языка, а также средствами формирования грамматических навыков, являются

ся: предварительное прослушивание материала, имитация в речи, однотипность фраз и регулярность их повторения, действие по аналогии, «относительная» безошибочность действий, различные методы выработки автоматизма и речевой характер упражнений. Введение нового грамматического явления должно базироваться на коммуникативном подходе к изучению языка. На этапе презентации аналитических форм и конструкций нужно уделять внимание формулированию правил и правил-обобщений, которые должны строиться соответственно следующим требованиям: функциональная направленность, адекватность, научность, обобщенность, доступность и инструктивность

Мы убеждены, что в учебных материалах для иностранных студентов каждый языковой факт должен получить подробную методическую интерпретацию в разных ракурсах: с точки зрения его места в системе речевых явлений, функционирования в речи, использования в рецептивных и продуктивных речевых действиях, «обслуживания» коммуникативных задач, обусловленности лингвистическими факторами, соотношения с фактами и системой родного для студента языка.

Перспективы дальнейших исследований заключаются, по-нашему мнению, в последовательном изучении и описании аналитических форм и конструкций на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб.пособ. М.: Логос, 2001. 304 с.
2. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избр. тр. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.
3. Князев Ю. П. Воздействие референции к будущему на противопоставление видов в русском языке. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, X (2): Русский язык: грамматика конструкций и лексикосемантические подходы. СПб.: Наука. 2014. С. 43–70.
4. Никитевич А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов. Гродно: ГрГУ, 2004. 347 с.
5. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование: В 4 кн. / Под ред. М. В. Панова; АН СССР Ин-т рус. яз. Кн. 3 Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. 1968. 367 с.
6. <https://russkiiyazyk.ru/leksika/partselliatsiia.html>

УДК 81.42

РАССМОТРЕНИЕ СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ ПРИ ПРЕДПОЛОЖЕНИИ ЗНАЧЕНИЙ МОТИВИРОВАННЫХ СЛОВ

Г. Саяма
Университет Дзёти
Токио, Япония

Аннотация. Цель данной работы – выявить причину того, почему носители японского языка с трудом предполагают значения мотивированных слов с модификационными словообразовательными значениями. Эксперимент показал, что предположение значения таких слов затруднено, так как при переводе на японский язык не чувствуется значение мотивирующих слов.

Ключевые слова: стратегия обучения русской лексике, словообразовательные значения, префиксы русского языка, японский язык

THE CONSIDERATION OF THE VOCABULARY LEARNING STRATEGY OF RUSSIAN IN THE ASSUMPTION OF THE MEANINGS OF DERIVATIONAL WORDS

G. Sayama
Sophia university
Tokyo, Japan

Abstract: *The purpose of this paper is to clarify why it is hard for Japanese speakers to assume the meanings of derivational words with modifying word-formational meanings. The experiment has shown that their assumption seems more difficult due to the linguistic structure of translation into Japanese, because the meanings of base forms are not felt in them.*

Keywords: *Russian vocabulary learning strategy, word-formation meanings, prefixes of Russian, Japanese language*

1. Введение

1.1. Обзор литературы: стратегия обучения русской лексике

Важность обучения лексике при изучении иностранных языков отмечена во многих исследованиях (e.g. Nation 2001, Folse 2004, Саяма 2016, Webb and Nation 2017). Однако в японских вузах обучение лексике редко проводится отдельно и систематически на самих занятиях. Такие особенности преподавания русского языка объясняются несколькими причинами: небольшое количество занятий, трудность грамматики русского языка для носителей японского языка и др. (cf. Хаясида 2016). В результате в большинстве случаев учащиеся занимаются обучением лексике самостоятельно, *вне занятий*. В связи с данной ситуацией важно, чтобы учащиеся, а также преподаватели разбирались в стратегиях обучения лексике (Vocabulary Learning Strategies, далее VLS) (Oxford 1990).

В литературе, посвященной обучению лексике иностранных языков, включая русский язык, часто упоминается *употребление аффиксов* (e.g. Bauer and Nation 1993, Schmitt 1997, Nation 2001, Саяма 2016, Webb and Nation 2017). Русский язык очень богат морфологическими способами при образовании деривационных слов, и, наверняка, такого рода подход к лексике помогает учащимся в обучении лексике. Действительно существует несколько учебных пособий и словарей по словообразованию и определенным аффиксам (Козлова 2014, Амиантова и др. 2016, Киселева 2016).

Однако на данный момент проведено не так уж много эмпирических исследований, подтверждающих эффективность VLS с использованием аффиксов, как для русского, так и для других иностранных языков (cf. Nakayama 2008: 63). Следовательно, для применения данной VLS требуется эмпирическое доказательство, что знания о словообразовании (аффиксах, словообразовательных значениях и др.) способствуют обучению русской лексике.

Для подтверждения изучения данного вопроса мы провели эмпирические исследования о предположении значения незнакомых мотивированных слов по каждому из типов словообразовательных значений (Саяма 2022). Результаты показали, что *знания по словообразованию облегчают предположение о значении мотивированных слов с транспозиционными и мутационными словообразовательными значениями, а не с модификационными*. Что же касается модификационных словообразовательных значений, мотивированные слова с ними содержат дополнительные значения помимо значений мотивирующего слова (к примеру, в слове *выйти* чувствуется значение префикса *вы-* кроме глагола *идти* (подробнее см. 2.1.)). *Носители японского языка с трудом разбирались в модификационных словообразовательных значениях*.

1.2. Цель данной работы

Мы считаем, что на трудности предположения значений слов с модификационными префиксами повлияла структура японского языка: среди слов с модификационными словообразовательными значениями по-японски бывают те, в которых не чувствуется значение мотивирующих слов.

2.2. VLS с использованием аффиксов для открытия нового слова

В работе Саямы (2022) было показано, что при использовании аффиксов в качестве VLS: [1] знания словообразования способствуют верному предположению значений незнакомых мотивированных слов, [2] разница между словообразовательными значениями влияет на предположение незнакомых мотивированных слов. В качестве доказательства автор провел эмпирическое исследование. Ниже дано короткое описание данного исследования.

В исследованиях о транспозиционных и модификационных словообразовательных значениях участвовал 51 студент университета Дзёти второго и четвертого курсов и 2 аспиранта. В исследованиях о мутационных словообразовательных значениях принимали участие 17 студентов. Все студенты учатся на кафедре русского языка и изучают его как первый иностранный (от них было получено информированное согласие).

Способ исследования: на основе обзора литературы (Aizawa 1998, Mochizuki and Aizawa 2000, Nakayama 2008) автором исследования была проведена лекция о словообразовании. До и после лекции студенты проходили тесты на предположение значений незнакомых им мотивированных слов. То есть эксперимент включал в себя: [пре-тест] → [лекцию о словообразовании] → [пост-тест]. На лекции автор объяснял учащимся словообразовательные значения и аффиксы (*-ние, вы- и -ка*), которые могут обозначать слова с транспозиционными, модификационными, мутационными словообразовательными значениями. Следовательно, учащиеся не обладали знаниями о словообразовании *во время пре-теста* и, напротив, обладали ими *при пост-тесте*.

Цель: цель эксперимента заключалась в следующем: *во время пост-теста участники знали три словообразовательных значения и аффиксы -ние, вы- и -ка:* они обладали знанием о том, что префикс *вы-* обозначает «движение изнутри» и может придать модификационное словообразовательное значение мотивирующему глаголу. Если верна гипотеза о том, что такие знания способствуют предположению значений незнакомых мотивированных глаголов, то *предполагается, что участники наберут больше баллов при пост-тесте, чем при пре-тесте.*

Пре-тест был проведен 8-го ноября 2021-го года и состоял из 30 вопросов. Для каждого значения (транспозиционного, модификационного, мутационного) в нем было включено по 10 вопросов. Далее мы описываем детали теста, относящиеся к модификационным словообразовательным значениям, что соответствует цели данной работы. Участникам были представлены вопросы с четырьмя альтернативами ответов, из которых они должны были выбрать один ответ:

(4) Они искали старую вазу в саду и наконец *вырыли* её из земли. * рыть 掘る

1. 掘り出した
2. 埋めた
3. 抽出した
4. 掘り続けた

Целью эксперимента было узнать, могут ли участники предположить значение *незнакомых* мотивированных слов с помощью знаний словообразования. В том случае, если ключевые слова, выделенные курсивом известны участникам, смысл эксперимента теряется. Поэтому на основе данных Национального корпуса русского языка (Ляшевская, Шаров 2009) были выбраны все ключевые слова с очень низкой частотностью употребления, занимающих ниже 10,000 мест по частотному рангу. В основном все слова в примерах, за исключением тех, о значении которых нужно было догадаться, были выбраны из лексики базового уровня и знакомы участникам эксперимента.

Кроме того, в каждом вопросе вписано значение мотивирующего слова (*), чтобы участники знали не только словообразовательные значения, но и перевод *мотивирующих слов*.

Результат: Результаты показали, что участники лучше предположили значения незнакомых мотивированных глаголов в пост-тестах для транспозиционных и мутационных словообразовательных значений. *А в пре- и пост-тестах для модификационных словообразовательных значений не было обнаружено значимое различие.*

Результаты тестов о словах с модификационными словообразовательными значениями (n = 53)

	M	SD	Range	
Пре-тест	7.47	1.46	3-10	
Пост-тест	7.55	1.51	5-10	$t(52) = 0,30 p = .05$

Как показано в таблице 1., между пре- и пост-тестами практически не замечено повышение баллов (7.47 → 7.55). Из данного результата следует, что лекция о словообразовании не помогла студентам лучше предполагать значения мотивированных слов с модификационными словообразовательными значениями.

3. Эксперимент

В этом разделе мы обсуждаем вопрос, почему носителям японского языка не удалось предположить значения незнакомых мотивированных слов именно с модификационными словообразовательными значениями, несмотря на знания словообразования.

3.1. Сложность модификационных словообразовательных значений для носителей японского языка

По нашей гипотезе, сложность модификационных словообразовательных значений для носителей японского языка связана со структурой родного языка. Как было указано выше, слова с данными значениями содержат в себе, помимо значения мотивирующего слова, дополнительный модифицирующий признак (Улукханов 1996: 149). Например, в значении мотивированного слова *закурить* «начать курить» включено модифицирующее префиксом значение «начать», кроме мотивирующего глагола *курить*.

Эксперимент, упомянутый в разделе 2.2., показал, что с такого рода мотивированными словами участники теста не видели трудности в предположении их значений (далее такие глаголы называются «Туре-1»), так как при переводе на японский язык в мотивированном глаголе хорошо сохраняются значения и префикса и мотивирующего глагола:

(5) Примеры глаголов Туре-1, использованные в эксперименте 2.2.

- a. Я захотел чай с лимоном и *выжал* из него сок.
- b. Ребенок *вылил* молоко из стакана.

Как в результате математического сложения ($1 + 1 = 2$), не требуется больших усилий для того, чтобы правильно перевести на японский язык глаголы *выжать* и *вылить*: если проанализировать глагол *выжать* (5a), то он делится на префикс *вы-*, здесь обозначающий «движение изнутри» и мотивирующий глагол *жать*. Значение *выжать* на японский переводится как «shibori-dasu». «shibori < shibori» обозначает «жать», а «dasu» – «выпускать». То есть в японском переводе *выжать* чувствуются оба значения префикса и мотивирующего глагола, что отражает значение данного глагола. Мотивированный глагол *вылить* (5b) может быть разделен на префикс *вы-* «движение изнутри» и мотивирующий глагол *лить*. Японский перевод слова *вылить* – «sosogi-dasu». Первая часть «sosogi < sosogi» обозначает «лить», а вторая «dasu» – «выпускать». Как в примере (5a), так и в (5b) перевод мотивированного глагола может быть совершен в значительной степени систематически, словно *вы-* плюс *лить* будет *вылить*.

Однако среди мотивированных слов с модификационными словообразовательными значениями есть слова, которые кажутся носителям японского языка не совсем связанными с мотивирующими, даже иногда антонимами (далее, эти глаголы мы называем «Туре-2»). Ниже приведены примеры данного рода глаголов, использованные при эксперименте в 2.2.

(6) Примеры глаголов Туре-2, использованные в эксперименте 2.2.

- a. У озера мы увидели, как маленькая рыба *вынырнула* из воды и ее поймали.
- b. Дочь ничего не хотела есть, поэтому я *высадил* ее из кресла.

Процент правильных ответов на вопросы (6a) и (6b) значительно ниже по сравнению с глаголами Туре-1. С точки зрения японского языка в значениях мотивированных глаголов *вынырнуть* и

высадить мало чувствуются значения мотивирующих глаголов (или в них включены значения, с виду не связанные с мотивирующими), и, возможно, они выглядят для носителей японского языка антонимами: глагол *вынырнуть* проанализирован как префикс *вы-* «движение изнутри» и мотивирующий глагол *нырнуть*. На японский язык переводится глагол *вынырнуть* как «*ukabi-agaru*»: «*ukabi* < *ukabu*» – по-русски «плавать», а «*agaru*» – «подниматься». В переводе на японский не чувствуется значение мотивирующего глагола *нырнуть* «погружаться в воду с головой, купаясь», напротив, включено значение «подниматься», которое носители японского языка не видят в составе мотивированного глагола. Иными словами, для них общее значение *вынырнуть* (плавать, подниматься) не только является суммой *вы-* плюс *нырнуть*, но даже представляет собой антоним с точки зрения направления движения (движение *нырнуть* вниз – *вынырнуть* вверх). То же самое можно сказать о глаголе *высадить* «помочь сойти на пол, на землю с чего-нибудь», переведенном на японский как «*ogosu*». В переводе «*ogosu*» также не сохраняется значения мотивирующего глагола *садить*.

Для правильного предположения значений глаголов Type-2 требуется способность хорошо понимать контекст. Таким образом, можно предположить, что носители японского языка не могли прийти к правильным переводам данных глаголов, и знания словообразования не сильно способствовали предположению значений незнакомых глаголов Type-2 из-за разницы, возникающей при переводе на японский.

3.2. Эксперимент для проверки гипотезы

Как было отмечено выше, при переводе глаголов Type-2 с русского носители японского языка с трудом чувствуют значения мотивирующих слов из-за структуры родного языка. Для подтверждения данной гипотезы автором был проведен дополнительный эксперимент. В данном эксперименте были опрошены 13 участников из числа тех, кто слушал лекцию о словообразовании до теста. Они ответили на тест с использованием *Google Forms* (от них было получено информированное согласие / дата его проведения – 8 августа 2022).

Способ исследования: С учетом возможности сравнения с результатами прошлого эксперимента тест для данного эксперимента проводился в том же формате (подробнее см. 2.2.). Тест состоит из 20 вопросов: 10 вопросов о мотивированных глаголах Type-1 с префиксом *вы-* и 10 вопросов для Type-2 (глаголы с префиксом *вы-*, обозначающим «движение изнутри» были выбраны преимущественно на основе сайта Janda et al. [http://emptyprefixes.uit.no/book_rus.htm]).

(7) Примеры вопросов Type-1 и Type-2

- a. (Type-1) Рыба *выплыла* из реки на берег и умерла.
- b. (Type-1) Сегодня мы *вытянули* овощи из земли. Они такие большие!
- c. (Type-2) Этот спортсмен больше не может бегать и *выбыл* из команды.
- d. (Type-2) Где ты *вычитал* эту новость? У меня совсем другая информация.

Участники выбирают один правильный из четырех вариантов ответа, написанных по-японски (Здесь из примеров убраны варианты ответов на японском языке).

Цель: На основе нашей гипотезы предполагается, что для носителей японского языка предположение значений глаголов Type-2 является более трудной задачей, в результате чего их баллы будут ниже, чем баллы для группы глаголов Type-1. Иными словами, процент правильных ответов на вопросы группы Type-1 должен быть выше, чем на вопросы группы Type-2.

Результат: Результат эксперимента показал, что *процент правильных ответов на вопросы Type-1 составляет 67.7%, а на вопросы Type-2 – 53.9%* (разница между группами Type-1 и Type-2 была также подтверждена статистически. / Т-тест: $t(12) = 2.84$ $p = .05$). То есть в данном эксперименте было подтверждено, что участники с трудом ответили на вопросы группы Type-2.

Например, наибольшие трудности у участников вызвало предположение значения глагола *вычитать* «читая, узнать» в (8d). Без понимания контекста сложно прийти к правильному ответу, поскольку в составе *вы-читать* для них не чувствуется значения «узнать».

4. Вывод

Данная работа посвящена влиянию модификационных значений при предположении значений незнакомых мотивированных слов. Как было показано в экспериментах 3.2., носители японского языка с трудом предполагали значения мотивированных слов с модификационными словообразовательными значениями (Type-2). Причина этого заключается в том, что *в них мало сохраняются значения мотивирующих слов с точки зрения японского языка, поэтому участники могут правильно предположить значения, только хорошо понимая контекст*. С другой стороны, предположение значений впервые встретившихся мотивированных слов Type-1 оказывается более простым, так как предположение их значения похоже на сложение значений аффикса и мотивирующего слова, что упрощает путь к правильному ответу.

Данное исследование проводилось на небольшой группе учащихся с ограниченным количеством аффиксов. В дальнейшем мы планируем провести идентичный эксперимент в большем масштабе. Кроме того, количество использованных в исследованиях аффиксов должно быть увеличено, чтобы убедиться в том, что то же предположение может быть распространено и на другие аффиксы.

Литература

1. Aizawa K. Developing a vocabulary size test for Japanese EFL learners // ARELE. 1998. № 9. P. 75–85.
2. Амиантова Э. И., Битехтина Г. А., Горбачик А. Л., Лобанова Н. А., Слесарева И. П. Лексика русского языка. Сб. упр., 8-е изд., стер. М.: Флинта, Наука, 2016. 376 с.
3. Bauer L. and Nation I.S.P. Word families // International journal of lexicography. 1993. № 6(4). P. 253–279.
4. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Рус. яз., 1996. 636 с.
5. Folse K. S. Vocabulary myths: Applying second language research to classroom teaching / Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004. 185 p.
6. Gu Y. and Johnson R.K. Vocabulary learning strategies and language learning outcome // Language Learning. 1996. № 5. P. 643–679.
7. Хаясида Р. В каком направлении должно двигаться сегодня преподавание русского языка в Японии // Русский язык за рубежом (Русистика Японии). 2016. С. 21–30.
8. Киселева М. С. Лексика и словообразование: Учеб. пособ., 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. 296 с.
9. Козлова Н. А. Учебный словообразовательный словарь русского языка. СПб.: Златоуст, 2014. 1203 с.
10. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Азбуковник, 2009. 1087 с.
11. Mochizuki M. and Aizawa K. An affix acquisition order for EFL learners: An exploratory study // System. 2000. № 28(2). P. 291–304.
12. Nakayama N. Effects of Vocabulary Learning Using Affix: Special Focus on Prefix // 共愛学園前橋国際大学論集. 2008. № 8. P. 63–74.
13. Nation I.S.P. Learning vocabulary in another language. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 492 p.
14. Oxford R.L. Language learner strategies: What every teacher should know. Boston, MA: Newbury House, 1990. 342 p.
15. Саяма Г. Количественное подтверждение важности обучения деривационным аффиксам (об эффективном увеличении словарного запаса в письменной речи) // Русский язык за рубежом (Русистика Японии). 2016. С. 49–53.
16. 佐山豪太 (Саяма Г). 接辞を用いたロシア語の語彙学習ストラテジー – 実証研究における事前・事後テストの効果確認を通じて – (Стратегия обучения русской лексике через аффиксы – К

подтверждению её эффективности через пре- и пост-тесты в эмпирических исследованиях –), ロシア語教育研究. № 1. 2022 (accepted). 21 с.

17. Силантьева М. В., Сидорова М. Ю. Замечая лексику, изучая лексику, измеряя лексику: идеи Н. Шмитта в области освоения словаря неродного языка // Мир русского слова. 2016. № 4. С. 84–90.

18. Schmitt N. Vocabulary Learning Strategies // Vocabulary: Description, Acquisition and Pedagogy. Cambridge, 1997. P. 199–227.

19. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Астрасемь, 1996. 221 р.

20. Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 324 с.

21. Webb S. and Nation I.S.P. How Vocabulary is Learned. Oxford: Oxford University Press, 2017. 336 р.

Электронный ресурс

1. Janda L. A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nettet T., Sokolova S. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: Prefixes as verb classifiers. URL: <http://emptyprefixes.uit.no/book.htm> (дата обращения 01.09.2022).

УДК 372.881.111.1

ПРИМЕНЕНИЕ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ В ОБУЧЕНИИ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

Цзян Циuli
Синьцзянский университет
Урумчи, Китай

***Аннотация.** Курсы русской грамматики всегда были в центре внимания в преподавании русского языка. Из-за абстракции и сложности самой русской грамматики, нехватки учебных часов и характеристик нулевой отправной точки для учащихся, традиционное преподавание русской грамматики уже не отвечает потребностям учащихся. И в то же время затронутое эпидемией, офлайн-обучение постепенно перестало идти в ногу со временем. Применение смешанного обучения в русской грамматике может компенсировать недостатки традиционных методов обучения русской грамматике и стимулировать мышление студентов, а также способность к самообучению, улучшать качество преподавания русской грамматики.*

***Ключевые слова:** смешанное обучение русский язык грамматика.*

THE APPLICATION OF MIXED TEACHING IN RUSSIAN GRAMMAR TEACHING

Jiang Qiuli
Xinjiang University
Urumqi, China

***Abstract.** Russian grammar course has always been the key and difficult point in Russian teaching. Influenced by the abstractness and complexity of Russian grammar itself, insufficient class hours and learn-*

ers' zero starting point characteristics, traditional Russian grammar teaching is increasingly unable to meet learners' expectations and requirements. At the same time, affected by the epidemic situation, offline teaching has gradually failed to keep up with the development of the times, and hybrid teaching has been applied to Russian grammar teaching, It can make up for the weakness of the traditional Russian grammar teaching method, stimulate the students' thinking and autonomous learning ability, and improve the quality of classroom teaching.

Key words: Mixed teaching Russian grammar teaching.

В целях повышения качества преподавания русской грамматики, основываясь на преимуществах смешанных моделей обучения, изучалась стратегия реформы смешанных моделей обучения русской грамматике: разработка смешанного офлайн-обучения и проблемно-ориентированного обучения, совершенствование сетевого ресурсного строительства, оптимизация содержания обучения будет способствовать эффективному интерактивному обучению, повышению качества преподавания и высокой степени участия студентов.

Главная трудность в изучении грамматики русского языка состоит в том, что русский язык флективный, основные знаменательные части речи представлены большим количеством форм. У имени существительного – 12 форм, у имени прилагательного – около 30 форм, значительно больше форм у глагола (количество форм зависит от вида глагола и переходности). Преподавание русского языка отличается от преподавания английского языка, большинство студентов являются начинающими, и поэтому преподаватели вынуждены давать более подробные вводные задания. Обучение русской грамматике с помощью смешанных методов может повысить качество преподавания и эффективность обучения учащихся.

1. Смешанное обучение

По мере развития образовательной технологии методы обучения учащихся изменяются быстрыми темпами, а традиционное обучение постепенно заменяется смешанными формами обучения. Смешанная модель обучения является новой педагогической моделью, сочетающей обучение в режиме онлайн и традиционное обучение. В рамках этой модели преподаватели переходят от роли учителя к роли инструктора, учащиеся переходят от пассивной к активной форме, учебные мероприятия становятся более гибкими и повышают эффективность обучения.

Смешанное обучение представляет собой сочетание традиционных, смешанных и сменяющих друг друга форм обучения, направленных на развитие у учащихся навыков совместного и самостоятельного обучения с помощью учебных мероприятий. Учащиеся обучаются в обычных классах, где преподаватели проводят занятия в больших классах (Ян Лу 2020: 174). Учебные мероприятия проводятся в учебных аудиториях и в виртуальных учебных заведениях, с тем чтобы обеспечить самостоятельное обучение и совместное обучение учащихся.

2. Преимущества смешанного обучения

Смешанная учебная платформа, ориентированная на всех учащихся и преподавателей, сосредоточена на создании ресурсов и мобильном обучении, в основе которого лежит самостоятельное обучение учащихся, интегрированные онлайн-учебные программы, взаимодействие между преподавателями и студентами, ответы на вопросы в режиме онлайн и управление обучением (Юэн Синьцзе 2019: 17). Преимущество смешанного обучения заключается в следующем.

Оно помогает взаимодействию между студентами и преподавателями в онлайн режиме.

Платформа предлагает обучающимся расписание, учащиеся могут учиться в режиме онлайн или офлайн, а учителя могут загружать учебные ресурсы в соответствии с графиком обучения, в то же время предлагая аналогичные ресурсы форуму, кругу друзей и т.д., чтобы создать эффективную «связь, обмен, передачу» в зоне общения на каждом уроке.

Обучение проходит в реальном времени.

Учитель может установить, какой загруженный материал должен быть обязательно просмотрен полностью или выборочно. Через платформу быстрого обучения запоминается время обучения

учащихся и время пребывания на этой странице, как тест на обучение. Учителя могут лучше следить за успеваемостью учащихся.

Онлайновый тест

Учитель может в соответствии с графиком и требованиями обучения загрузить онлайн тест для проверки основных знаний учащихся. Онлайновая система тестирования может фиксировать ошибки студентов, что помогает им облегчить повторение и лучше овладеть материалом. Интернет-тестирование автоматически оценивает успеваемость учащихся, дает статистику правильных и ошибочных ответов по каждому вопросу, и это помогает преподавателям быть в курсе успеваемости студентов.

Совместное использование ресурсов.

Преподаватели могут загружать свои учебные ресурсы в учебную программу. Студенты могут найти различные ресурсы для курсов по названию, а также могут найти различные ресурсы, которые загрузил учитель. Учащиеся могут также размещать собранные данные и делиться ими в своем аккаунте.

3. Обучение грамматике

Обучение грамматике в преподавании русского языка имеет большую практическую значимость. Урок русского языка помогает студентам правильно выбрать слова и словоформы, контролировать правильность слов и словоформ. В процессе обучения русскому языку необходимо овладеть определенными грамматическими знаниями, чтобы обеспечить нормальное языковое общение в педагогической обстановке и в реальных условиях. При изучении русского языка студентами осуществляется две задачи: во-первых, понимание и усвоение грамматических форм и их значений; во-вторых, понимание функционирования конкретных грамматических форм в речи. Главная цель обучения грамматике русского языка заключается в том, чтобы сделать письменную и устную речь доступной для понимания, для активации и совершенствования своих грамматических навыков.

Преподавание грамматики на начальной стадии предполагает, в частности, ознакомление учащихся с целым рядом базовых знаний в области морфологии. Основной путь заключается в сведении к минимуму практики стенографического перевода на начальной стадии консолидации языковых материалов. Важно использование подготовки, основанной на дублировании структур; переводческие упражнения для повторения и проверки результатов обучения; использование ситуационных упражнений для обучения грамматическим формам и правилам. Если какая-то грамматическая разница между русским и китайским языками значительна, то необходимо добавлять соответствующие упражнения. Если разница между ними мала или её почти нет, то можно уменьшить количество упражнений.

Грамматические навыки – это совокупное поведение, предполагающее выбор модели, подходящей для задания в конкретных условиях, формирование правильной языковой единицы на всех уровнях.

Прежде всего необходимо ознакомление учащихся с грамматическими единицами, чтобы облегчить формирование навыков их использования. На этом этапе преподаватель должен знакомить учащихся с грамматическими материалами, затем в конкретных речевых условиях развивать способность правильно понимать грамматические единицы, в зависимости от изменения условий общения, совершенствовать способность создавать точные формы. И наконец, проверка новых навыков грамматики может проводиться в рамках речевой деятельности, с применением языковых упражнений, позволяющих учащимся понять специфические языковые явления с помощью языковых феноменов.

На следующем этапе необходимо повторение изучаемых грамматических явлений с целью овладения необходимой грамматической структурой для выражения мыслей, включая предложения и их составные части.

Наконец, с помощью упражнений по переводу необходимо научить студентов как можно лучше использовать новые грамматические материалы, повысить интерес и мотивацию студентов.

4. Применение смешанных методов обучения в преподавании русской грамматики

Русский язык для большинства китайских студентов является совершенно новым языком и поэтому его изучение представляет для студентов значительные трудности, в особенности русская грамматика. Огромное количество правил в русской грамматике усложняют обучение учащихся. Как помочь студентам овладеть знаниями грамматики русского языка, стимулировать способность учащихся к обучению – это главный вопрос, который учитель русского языка должен учитывать в процессе обучения. В процессе реформы преподавания русского языка грамматика сочетает преимущества информатизации преподавания и преимущества традиционного обучения с использованием смешанных методов обучения, что повышает качество преподавания русского языка. Основные этапы обучения с использованием смешанных методов:

(1) Предварительное ознакомление с материалом. Преподаватели заранее загружают на учебную платформу грамматические материалы и ход урока по русскому языку. Студенты предварительно знакомятся с материалом и оставляют комментарии. Изучать глаголы русского языка особенно трудно для китайских студентов. Например, преподаватель должен объяснять разное использование глаголов движения с разными приставками, приводя типичные примеры, а затем загрузить материал на платформу для самостоятельного обучения. Студенты могут обучаться самостоятельно и получать знания по конкретным вопросам грамматики, делать пометки, если они что-то не понимают, и задавать вопросы в зоне “сообщение”, а преподаватель отвечает на вопросы в тех случаях, когда студенты что-то не поняли, для углубленного закрепления знаний.

(2) Ход урока. Преподаватели через платформу могут узнать о том, хорошо ли студенты овладели знаниями, и подробно разъясняют моменты, которые кто-то из студентов не смог понять. В то же время студенты во время урока делятся своими успехами обучения и тем самым повышается эффективность преподавания. Обучение в онлайн-режиме дает студентам возможность освоить основные знания. В офлайн обучении преподаватели выявляют недостатки в знаниях учащихся, и после корректирования предлагаются тщательно спланированные учебные мероприятия, нужно организовать студентов, чтобы закрепить и применить усвоенные основные знания, полученные в онлайн обучении.

(3) Домашние задания. Преподаватели отправляют задания учащимся через учебную платформу. С одной стороны, платформа легко поддается учету, а с другой стороны, она может работать без ограничений по времени и месту. По итогам работы, представленной студентами, преподаватели выявляют недостатки в их знаниях и комментируют выполненные задания на учебных платформах, своевременно информируют их о причинах неудачи в учебе и корректирование. Использование смешанных методов обучения в послешкольном обучении дает эффект мультипликатора.

Например, изучение глаголов движения с префиксами, которые всегда составляли трудность для китайских студентов в изучении грамматики. Сначала на платформе приводится пример группы глаголов движения с префиксом, чтобы студенты сами нашли различные употребления и значения глаголов движения с различными префиксами, а затем студенты задают соответствующие вопросы о глаголах движения, которые преподаватель на занятиях объясняет. Затем преподаватель после уроков на платформе расставляет соответствующие пробные вопросы для проверки и получает представление о том, освоили ли студенты употребление глаголов движения с префиксом. После этого преподаватель проводит дополнительные комментарии и упражнения, чтобы студенты в полной мере освоили использование таких глаголов.

Примеры: (1) *Подруга пришла ко мне после обеда.* (2) *Подруга ушла от меня поздно.* (3) – *Когда вы вчера вернулись из театра? – Мы пришли домой около одиннадцати.* (4) – *Почему вы так поздно вернулись из театра? – Мы заходили после театра к друзьям.* (5) *Преподаватель вошёл в аудиторию.* (6) *Мать вышла из кухни.*

Материалы для проверки: (1) *Он работает далеко и каждый день из дома выходит рано.* (2) *Я вылетаю завтра утром.* (3) *Мы вошли в сад.* (4) *Мы вышли из сада.* (5) – *Где же Катя? – Она*

вышла. Скоро вернётся. (6) Ей надоело играть с ребятами. Она ушла домой. (7) Каждый день он приходит в институт вовремя. (8) В комнату кто-то вошёл.

Смешанные формы преподавания русской грамматики помогают повысить способность учащихся общаться друг с другом, достичь языковых навыков, перейти от памяти и понимания грамматики к применению и творчеству, завершить переход от низкого уровня к высоким целям. Преподаватели эффективно взаимодействуют со студентами, используя для этого цифровые учебные инструменты и учебные платформы, что повышает эффективность преподавания. С помощью платформы студенты могут получить доступ к богатым ресурсам и динамике информации. Смешанные формы преподавания способствуют интеграции знаний, удовлетворению индивидуальных потребностей учащихся, проведению в жизнь концепции «ученики в центре внимания».

Литература

1. Ци Синь, Чэнь Цян. Изучение новых моделей обучения и стратегий // Высшие учебные журналы. 2020. № 32. С. 101–104.
2. Джа Шаннонь, Гао Сяоян, Сунь Вэй, Ли Хунлин, Ян Мэй. Совместное обучение на курсах "цифровая электронная технология" в рамках курса // Наука, техника и инновации. 2020. № 20. С. 89–90.
3. Ян Лу. Изучение на высоком уровне английского языка смешанного типа «онлайн + офлайн линией» // Научно-педагогический журнал. 2020. № 10. С. 174–175.
4. Лао Алин. Смешанный учебный курс по классическому чтению в вузах // Литературное воспитание. 2020. № 10. С. 78–79.
5. Мен Шан. Анализ разработки и внедрения смешанных моделей обучения // Литературное воспитание. 2020. № 10. С. 66–67.
6. Чэнь Тин. Изучение мер по оптимизации результатов комбинированного обучения // Наука и техника. 2020. № 28. С. 37–38.
7. Хань Чилон, Чжао Хунхуа. Анализ особенностей учебных платформ // Наука и техника. 2020. № 28. С. 92–93.
8. Лю Чэнь, Хун Лян, Вань Лян. Изучение смешанных методов обучения на основе МООС // Хубэйский педагогический университет. 2020. № 4. С. 97–101.
9. Хэ Янмэ. Изучение смешанного учебного проекта на основе теории конструктивизма // Шаньдунское образование. 2020. № 9. С. 57–59.
10. Ван Лэй, Лу Сяофэн. Изучение и практика многоуровневых смешанных моделей обучения // Учебные исследования. 2017. № 5. С. 10–16.
11. Го Синь. Изучение гибридных моделей обучения в эпоху «Интернет +» // Профессионально-техническое образование в Китае. 2017. № 18. С. 18–22.
12. Фон Сяоин, Сунь Юйвэй, Цао Цзюнь. Смешанное обучение в эпоху «Интернет +»: изучение теории и основ шариата // Дистанционное обучение в Китае. 2019. № 2. С. 7–16.
13. Юэн Синьцзе. Шесть основ обучения смешанному способу // Обучение в китайских университетах. 2019. № 5. С. 14–18.
14. Чжан Цзинон. Исследование гибридного инструмента познания // Дистанционное обучение в Китае. 2017. № 6. С. 17–22.